ИСТОРІЯ ЕВАНГЕЛЬСКАЯ

И

ЦЕРКВИ АПОСТОЛЬСКОЙ.

Академическія лекціи

А. В. Горскаго.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°, Леонтьевскій пер., свой домъ.
1883.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи. Марта 8 дня 1883 года.

Академіи Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

051
37

Предлагаемыя вниманію читателей лекціи А. В. Горскаго по Евангельской исторіи и по исторіи Церкви Апостольской, читанныя студентамъ Московской Духовной Академіи съ девятаго до двадцать третьяго курса (1833—1862), напечатаны съ его записокъ, писанныхъ имъ собственноручно. При этомъ Редакція имѣла подъ руками два разновременные списка его лекцій, записанныхъ студентами Академіи, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ родственнику А. В. Горскаго, протоіерею Московской Троицкой, на Грязяхъ, церкви, А. К. Соколову, другой—архимандриту Соловецкаго монастыря Мелетію, пріобрѣтшему экземпляръ лекцій отъ студентовъ Академіи. Отзывъ о характерѣ и достоинствѣ лекцій А. В. Горскаго смотр. въ Исторіи Московской Духовной Академіи, С. Смирнова, стр. 36—42.

Евангельская исторія.

(Академическія лекціи А. В. Горскаго) *).

Начало величайшихъ событій, которыя въ послѣдствіи были столько важны для цѣлаго человѣчества, мы находимъ по большей части скрытымъ въ тѣни частной жизни, среди немногихъ лицъ, въ домашнемъ кругу. Провидѣніе приготовляетъ и устрояетъ свои важнѣйшія дѣла какъ будто нарочно втайнѣ, сокровенно. Іудейская исторія того времени, о которомъ мы говоримъ, оставленная намъ знаменитымъ писателемъ этого народа, едва содержитъ въ себѣ нѣсколько словъ о Мессіи; великую эпоху его рожденія, подробности его жизни и дѣяній—она проходитъ молчаніемъ: непоказываетъ намъ въ концѣ правленія Ирода великаго ничего, кромѣ насилій и возмущеній. При его дворѣ и въ его царствѣ происходятъ такіе безпорядки, какихъ только можно ожидать въ государствѣ съ одной стороны отъ корыстолюбія правителя, его подозрительности и рабскаго желанія какимъ бы то ни было образомъ удержаться въ благоволеніи сильной Имперіи, а съ другой—отъ недовольства подданныхъ его правленіемъ, и часто непредусмотрительной ревности сохранить остальныя права свои отъ притязаній той чуждой Имперіи. Однако сколько ни желалъ народъ освободиться отъ ненавистнаго государя, но никакъ нельзя было ожидать, чтобы чрезъ

*) По подлиннымъ, собственноручнымъ его запискамъ.

то сколько нибудь улучшилось внутреннее или внѣшнее его состояніе: внутреннее—потому что религія и нравы были въ упадкѣ; внѣшнее—потому что и сынъ Иродовъ мало подавалъ добрыхъ надеждъ, и Римляне уже такія присвоили себѣ права надъ дѣлами этого народа, что поздно было думать объ ограниченіи ихъ власти и пресѣченіи новыхъ покушеній и вмѣшательствъ.

Въ такомъ положеніи находилось царство іудейское въ то время, когда въ одномъ уголкѣ этой земли случились тѣ событія, коими начинаютъ свою исторію дѣписатели— событія, въ которыхъ легко усматривалось присутствіе и содѣйствіе Божіе, но которыя въ такія безпокойныя времена какъ бы затерялись между народными волненіями и сначала только тамъ и здѣсь возбудили молву, которая однакоже скоро должна была смолкнуть. Правда всѣ вообще обращали тогда вниманіе на то, когда и гдѣ должно явиться обѣщанное отцамъ лице; и смотря по тому, какъ тѣ древнія пророчества, которыя относились до сего лица, болѣе или менѣе были изслѣдываемы, и образный языкъ, которымъ онѣ выражены, болѣе или менѣе былъ понимаемъ, были и сіи ожиданія болѣе или менѣе справедливы. Но какъ часто бываетъ съ человѣческими ожиданіями, что люди, напередъ составивъ себѣ образъ желаемой вещи, украшаютъ его по своему вкусу дотолѣ, доколѣ онъ не будетъ сооотвѣтствовать вполнѣ ихъ желанію; а потомъ смотрятъ вокругъ себя, гдѣ бы найти что нибудь подобное своему образу,—и отъ того самую вещь, хотя бы она дѣйствительно явилась, не примѣчаютъ: такъ случилось и съ этимъ народомъ, даже съ лучшею его частію при ожиданіи Мессіи. Среди непрестанныхъ волненій и переворотовъ, въ спорѣ интересовъ враждующихъ партій, Іудеи составили себѣ понятіе о Ве-

ликомъ Царѣ, которое совмѣщало въ себѣ именно то,—и ничего другаго, кромѣ того,—чего требовали нужды государственныя, а эти нужды требовали освободителя отъ римскаго ига и отъ туземныхъ угнетателей. Это было одно изъ самыхъ сильныхъ желаній въ особенности у Іудеевъ, жившихъ въ Палестинѣ; и хотя встрѣчались по мѣстамъ люди, которые привязаны были сердечно къ религіи, потому и Мессію представляли себѣ не только какъ освободителя отъ угнетеній, но и какъ исправителя религіи; но кто былъ слишкомъ чувственъ для того, чтобы желать и ожидать исправленія нравовъ и религіи, тому царство Мессіи представлялось только какъ царство чувственнаго наслажденія—или въ смыслѣ саддукеевъ т. е. безъ отношенія къ будущей жизни, или въ смыслѣ фарисеевъ т. е. такъ что понятіе объ этомъ царствѣ хотя и обнимало собою будущее состояніе, но притомъ болѣе ласкало народной гордости, нежели было сообразно съ истинными его потребностями; это царство должно было быть только для Израиля. Кратко: для каждаго царство Мессіи значило то, что было всего согласнѣе съ его желаніями и потребностями.

Исторія младенчества Іисуса Христа, въ началѣ сколько можно сокровенная, но потомъ возвѣщенная св. евангелистами цѣлому міру, есть необходимое и достойное своей цѣли вступленіе въ исторію общественнаго служенія Іисуса Христа. Примѣръ евангелистовъ Марка и Іоанна показываетъ, что она могла не быть столько важною для частныхъ цѣлей благовѣствователей, какъ послѣдняя исторія. Могъ и самъ Господь нашъ по своимъ причинамъ молчать о ней тогда, когда невѣріе іудейское не хотѣло въ немъ признать ничего болѣе, кромѣ сына Іосифова: но въ полномъ составѣ исторіи откровенія всемірнаго цар-

ства Божія необходимо было, чтобы хотя нѣсколько было пролито свѣта и на первые дни божественнаго его Основателя. Безъ того, въ какомъ мракѣ представлялся бы намъ первый естественный вопросъ въ исторіи евангельской, какъ и откуда произошелъ божественный нашъ Спаситель? Далѣе исторія младенчества Іисуса Христа открываетъ намъ планъ первыхъ предначертаній Промысла, которыми должно было начаться великое дѣло Сына Божія; показываетъ первыхъ лицъ удостоенныхъ въ немъ участія;—средства, которыми они были къ тому приготовлены;—основанія, на коихъ опиралась ихъ увѣренность, когда они дѣйствовали въ пользу Іисуса. Соображеніе этихъ предначертаній необходимо сообщаетъ болѣе ясности исторіи служенія Іисуса Христа. Въ нихъ отразился духъ церкви ветхозавѣтной съ своимъ приготовительнымъ вліяніемъ на сердца людей въ чертахъ самыхъ возвышеннѣйшихъ. Цѣлая исторія жизни Іисуса Христа не показываетъ намъ такихъ высокихъ людей между учителями закона, какіе представляются на немногихъ страницахъ исторіи младенчества Іисуса Христа. И одними этими страницами успокоивается возбужденная невѣріемъ и маловѣріемъ Іудеевъ, встрѣчающихся въ послѣдующей исторіи Іисуса Христа, мысль сомнѣнія,—стоило ли труда такъ много заботиться о домѣ израилевомъ, когда онъ такъ худо понялъ свое назначеніе?

Исторія младенчества Іисуса Христа преимущественно сосредоточивается въ тѣсномъ кругу потомковъ древняго царскаго дома, съ которымъ соединены были всѣ надежды народа іудейскаго, въ семействѣ Іосифа, потомка Давидова. Намъ неизлишне будетъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе семейственнаго, политическаго и нравственнаго состоянія этихъ потомковъ Давидовыхъ.

Семейство потомковъ Давидовыхъ состояло во время Іисуса Христа изъ слѣдующихъ лицъ: Іосифа, Маріи, жены его (1) и сестры ея, также Маріи, вѣроятно по своему мужу прозывавшейся Клеоповою (2) съ дѣтьми (3). Кромѣ того оно состояло въ родствѣ съ домомъ одного благочестиваго священника Захаріи: Марія Іосифова и Елизавета, жена Захаріи, были между собою родственницы (4).

Домъ Давидовъ, котораго мы имѣемъ двѣ родовыя линіи, идущія до Іисуса Христа—одна—чрезъ Соломона, другая—чрезъ другаго сына Давидова, Наѳана, представляется въ сіе время по внѣшнему состоянію въ самомъ уничиженномъ видѣ, по внутреннему по большой части—въ такомъ, какого могъ желать отъ него Мессія. Въ заключеніи обѣихъ родословныхъ линій у евангелистовъ стоитъ Іосифъ, мужъ Маріинъ, мнимый отецъ Іисуса Христа (5). Онъ былъ столько бѣденъ, что снискивалъ себѣ пропитаніе плотничною работою: жилъ въ Назаретѣ, одномъ не важномъ галилейскомъ городкѣ. Преданіе увѣряетъ, что онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ въ то время, когда былъ призванъ послужить Мессіи. Сколько открываетъ намъ лице его священный Бытописатель — это былъ мужъ

---

(1) Мат. 1, 20.
(2) Іоан. 19, 25.
(3) Изъ четырехъ лицъ, которыя Мар. 6, 3 называются братьями Іисуса Христа, одно Мат. 10, 3 прозывается Алфеевымъ, а Алфей и Клеопа—одно наименованіе, конечно и одно лице т. е. мужъ Маріи, сестры Божіей Матери Іоан. 19, 25. Разнозвучіе словъ: Алфей и Клеопа зависитъ отъ разнаго греческаго произношенія одного и того же Еврейскаго слова חַלְפַי Мар. 15, 40. Таже Марія называется матерью Іакова и Іосіи.
(4) Лук. 1, 36.
(5) Разности родословной Іисуса Христа—какъ она приводится у св. Матѳея и Луки, съ большею вѣроятностію изъясняются изъ того предположенія, что Матѳей писалъ родословную по мнимому отцу его; Лука—по истинной его матери Это подтверждается и тѣмъ, что въ событіяхъ рожденія и младенчества І. Христа вообще у Матѳея болѣе выставляется Іосифъ, у Луки—Марія.

высокой добродѣтели. Св. Златоустый въ одномъ томъ его намѣреніи, что онъ хотѣлъ тайно пустить Марію, которую подозрѣвалъ въ преступленіи, подвергавшемъ ее законной смерти, видитъ дѣйствіе *выше закона*, предварявшее къ благодати *знаменіе высокаго житія*, *многое любомудріе* (на еван. Матѳ. бесѣд. 18). Онъ столько былъ добръ, что скорѣе могъ не довѣрить собственному сужденію и чувствамъ, нежели чистотѣ другаго; столько покоренъ волѣ Божіей, что не могъ отказываться ни отъ какихъ ея распоряженій; и понимая важность своего служенія, не смѣлъ самъ сдѣлать и шагу произвольно (Матѳ. 2, 22). Такъ какъ такое любомудріе пріобрѣтается только многолѣтними внутренними подвигами, то его характеръ въ эти годы уже могъ достигнуть полнаго своего образованія—быть всегда равнымъ; какъ низкая доля его не подавляла, такъ и высокій жребій его не долженъ былъ надмѣвать. Спокойное величіе потомка знаменитыхъ царей просіявало въ лицѣ его и въ то время, когда онъ не думалъ быть чѣмъ нибудь болѣе плотника; теперь этому величію соотвѣтствовало его особенное назначеніе—быть воспитателемъ и хранителемъ Отрочати, котораго давно желали видѣть древніе цари и патріархи. Іосифъ не измѣнитъ себѣ. Завидный жребій его! Для него отказались бы Давиды отъ престоловъ своихъ, Соломоны отъ всѣхъ богатствъ своихъ. Іосифъ, воспитанный въ училищѣ нищеты и уничиженія, не ошибется въ томъ, какъ обходиться ему съ Тѣмъ, Кто, такъ сказать, предъ глазами его сокрылъ лучи своего божественнаго величія въ такомъ уничиженномъ видѣ.

Другое лице въ исторіи евангельской изъ дома Давидова, которое притомъ еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе, нежели самъ Іосифъ, есть Дѣва Марія. То, что было въ старцѣ плодомъ многихъ лѣтъ

его жизни, раскрылось быстро въ сердцѣ юной дѣвы — и еще въ бо́льшомъ блескѣ — отъ особенныхъ дѣйствій въ ней благодати. Тоже смиреніе, таже покорность распоряженіямъ божественнымъ, таже благость сердечная:—только все глубже было основано въ сердцѣ, болѣе носило на себѣ характеръ божественнаго и все украшалось еще чистотою души дѣвственной. Такова была юная дѣва: годы обѣщали еще болѣе украсить эту избранницу Божію. Провидѣніе всегда имѣетъ людей, которымъ сообщаетъ нарочито бо́льшую мѣру силъ, нежели другимъ, и даетъ этимъ силамъ гораздо быстрѣйшее развитіе для своихъ особенныхъ цѣлей. Но еще никогда сила нравственнаго чувства не сообщаема была душѣ человѣческой въ такомъ обиліи и ни въ комъ она такъ быстро не представлялась раскрытою, какъ въ юной Маріи, истинно *благодатной* Маріи. Ея и обязанность, можетъ быть, была не та только, чтобы дать плоть Богочеловѣку, но чтобы отчасти и притомъ еще болѣе, — и долѣе—нежели Іосифъ, способствовать развитію и образованію силъ, которыя принадлежали человѣческому естеству Сына Божія и раскрывались не иначе какъ въ постепенности, не всегда путемъ вышеестественнымъ.

Какъ бы поэтому было желательно имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни пресвятой Дѣвы!... Но жизнеописатели Іисуса Христа, занятые однимъ его лицемъ, не оставили намъ ничего собственно касающагося до его матери. Собраны были нѣкоторыми лицами, впрочемъ уже довольно отдаленными отъ временъ пресв. Дѣвы, сохранившіяся преданія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ первоначальной жизни, но къ истинѣ примѣшивались вымыслы, иногда даже нелѣпые, вообще разнорѣчащіе. Мы не говоримъ уже о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ гностическихъ,

сюда относящихся: *о рожденіи Маріи, о Маріи и ея бабкѣ*; мы укажемъ только два болѣе чистые источника преданій о Маріи, которыми, какъ кажется, пользовался и Св. Григорій Нисскій въ своемъ сочиненіи о рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа. Это суть: *первоевангеліе Іакова*, и книга *о рожденіи Дѣвы*, выданная еретикомъ Селевкомъ (манихеемъ) отъ имени апостола Матѳея. Если св. Григорій не имѣлъ въ виду какихъ нибудь другихъ жизнеописаній Дѣвы Маріи кромѣ сихъ; то видно, что и онъ пользовался ими съ разборомъ. Черты его исторіи Дѣвы Маріи кратко можно представить въ такомъ видѣ: отецъ Божіей Матери былъ богатый человѣкъ; его супруга была безплодна. Долго Анна просила Бога, чтобы онъ благословилъ ея чрево; наконецъ молитва ея была услышана; она родила дочь и посвятила ея храму; жрецы воспитывали ее въ храмѣ. Когда исполнились годы ея воспитанія, они разсуждали между собою, что съ нею дѣлать,—и рѣшили отдать ее въ видѣ супруги какому нибудь престарѣлому мужу съ тѣмъ, чтобы онъ былъ хранителемъ ея дѣвства. Для сего былъ избранъ изъ той же фамиліи Іосифъ, которому она и была обручена. Эта исторія гораздо проще и вѣроятнѣе, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ другихъ жизнеописаніяхъ.

Всѣ однакоже соглашаются 1) въ томъ, что она была плодомъ молитвъ матери и отца, не имѣвшихъ у себя долго дѣтей: въ св. исторіи — много такихъ примѣровъ, и во всѣхъ случаяхъ такого рода распоряженія Промысла имѣли предметомъ своимъ что либо особенное; 2) въ томъ, что она получила воспитаніе при храмѣ: примѣръ также не необычайный въ древности и во времена Маріи (Лук. 2, 37). Но здѣсь особенно достойно вниманія замѣчаніе одного изъ тѣхъ сказаній, что Марія была питаема въ храмѣ ангела-

ми: можетъ быть, эти слова суть не что иное, какъ образное выраженіе той же мысли, какую заключаетъ въ себѣ другое сказаніе: „Марія имѣла ежедневныя видѣнія и обращалась каждый день съ ангелами“; 3) въ томъ, что она обрекла себя всегдашнему дѣвству, не смотря на общее предубѣжденіе своихъ соотечественниковъ противъ безбрачной жизни. Эти обстоятельства дополняютъ намъ начертаніе характера Приснодѣвы и способъ его раскрытія: представляютъ намъ въ ней существо особаго рода, болѣе небесное, нежели земное—черта, которая ставитъ ее въ истинномъ свѣтѣ, въ которой нѣтъ ничего преувеличеннаго.

У Маріи, матери Господней, была сестра именемъ также Марія, вѣроятно по своему мужу прозывавшаяся Клеоповою (Іоан 19, 25), которая была матерью четырехъ извѣстныхъ въ евангельской исторіи учениковъ І. Христа: Іакова меньшаго, Іосіи, Симона и Іуды, а можетъ быть еще нѣсколькихъ дочерей (Мар. 6, 3) [1]). Изъ сихъ дѣтей ея намъ извѣстнѣе другихъ по частнымъ обстоятельствамъ своей жизни до призванія І. Христомъ, Іаковъ, по свидѣтельствамъ христіанскихъ писателей, назорей отъ чрева матери своей, уважаемый самыми Іудеями за свои аскетическія добродѣтели, которыхъ начало, безъ сомнѣнія, было положено еще въ его іудействѣ. Онъ не вкушалъ отъ мясъ, не намащалъ тѣла своего елеемъ и въ баняхъ не мылся; колѣна его отъ частаго при-

---

[1]) Извѣстны четыре стиха, которые всю родословную дома Давидова во время І. Христа представляли въ такомъ видѣ:

Anna tribus nupsit, Ioakim, Cleopha Salomeque.
Et quibus ipsa viris peperit tres Anna Marias,
Quas duxere Ioseph, Alphaeus Zebedaeusque.
Prima Iesum; Iacobum, Ioseph, cum Simone Iudam
Altera dat. Iacobum dat tertia datque Iohannem.

Но эта родословная во многомъ ничѣмъ не подтверждается.

паданія къ Богу въ молитвахъ о себѣ и за другихъ покрыты были наростами,—такъ описываетъ его трудническую жизнь Евсевій; Іеронимъ присовокупляетъ къ сему, что онъ соблюдалъ и дѣвство. Всего болѣе свидѣтельствуетъ о духѣ его, впрочемъ уже просвѣтленномъ христіанствомъ, его посланіе. Мы не знаемъ, на сколько были подобны Іакову въ такомъ подвижничествѣ его братья: но все заставляетъ думать, что они не были далеки отъ него. Іуда былъ также въ числѣ апостоловъ, какъ и Іаковъ: Симонъ былъ преемникомъ Іакова въ епископствѣ іерусалимскомъ.

Семейство Іосифа находилось кромѣ того въ родственныхъ отношеніяхъ къ дому одного священника, именемъ Захаріи. Какъ близко было это родство и чрезъ кого эти два дома соединялись, неизвѣстно: только Елизавета, супруга Захаріи, была въ тѣсной связи съ Маріею.

Захарія былъ одинъ изъ тѣхъ мужей, которые при всеобщемъ упадкѣ религіи и нравовъ старались вести жизнь сколько можно безукоризненную и безпорочную; онъ исполнялъ обязанности израильтянина и въ особенности—своего званія не по одному только навыку, но со страхомъ Божіимъ. Такой мужъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ ощущать желаніе скорѣе видѣть Мессію, который бы все преобразилъ, который бы далъ людямъ—какъ самъ говорилъ онъ—служить Богу преподобіемъ и правдою вся дни живота. Елизавета, супруга его, происходившая также по прямой линіи отъ Аарона, была женщина извѣстнаго благочестія. Что оба супруга были происхожденія священническаго—это давало имъ нѣкоторый родъ благородства между Іудеями и, кажется, эта фамилія въ своемъ мѣстѣ пользовалась особеннымъ уваженіемъ [1]). Они

[1]) Лук. 1, 58.

жили въ одномъ городкѣ, лежавшемъ въ нагорной части колѣна Іудина [2]). Захаріи, для исправленія своихъ обязанностей, нужно было по временамъ отправляться въ Іерусалимъ, но нечасто—два раза въ годъ,—и не надолго — не болѣе какъ на одну недѣлю. Эта чета была уже въ преклонныхъ лѣтахъ—и не имѣла у себя дѣтей: у народа, который благоплодный бракъ считалъ за особенное благословеніе Божіе,—у котораго длинныя родословныя, идущія по прямой линіи отъ Авраама чрезъ множество поколѣній, были въ великомъ уваженіи,—бездѣтство въ двойнѣ казалось огорчительнымъ. Долго оба супруга молились Господу, чтобы онъ даровалъ имъ сына: обоимъ казалось прискорбнымъ, что съ ними долженъ угаснуть свѣтъ ихъ благороднаго поколѣнія: но чѣмъ они становились старѣе, тѣмъ менѣе оставалось надежды на потомство.

Обозрѣвъ такимъ образомъ состояніе двухъ семействъ, въ которыхъ положено было первое начало событій евангельской исторіи, съ которыми тѣсно соединяется исторія младенчества Іисуса Христа, приступаемъ къ самымъ событіямъ.

Въ одинъ разъ, во время чреды служенія во храмѣ, Захарія долженъ былъ возлагать ѳиміамъ на алтарь кадильный. Съ горстью ѳиміама онъ входитъ во святилище: народъ въ это время обыкновенно совершалъ тайныя молитвы предъ Господомъ. Все дѣйствіе священника было очень непродолжительно. Но на этотъ разъ Захарія слишкомъ замедлилъ. Что было тому причиною, послѣ онъ самъ объяснилъ въ такомъ ви-

---

(2) Лук. 1, 33, Εἰς πόλιν Ἰούδα—по однимъ здѣсь разумѣется Хевронъ—лежавшій точно въ нагорной части Іудеи и принадлежавшій священникамъ.—По другимъ Юта близъ Хеврона; но въ такомъ случаѣ надлежало бы писать Ἰούτα; городъ такъ же священническій въ колѣнѣ Іудиномъ (Іис. Нав. 15, 55; 21, 16).

дѣ: лишь только совершилъ онъ куреніе и хотѣлъ выдти изъ святилища, — какъ явился ему по правую сторону алтаря кадильнаго небесный вѣстникъ и сказалъ ему устрашенному—кроткимъ гласомъ: „ничего, не бойся, Захарія!—Я пришелъ возвѣстить тебѣ, что услышана молитва твоя: слушай! твоя Елизавета родитъ тебѣ сына; ты долженъ дать ему имя: Іоаннъ (милость Божія, благодать Божія). Имя радостное: оно и должно быть такимъ: потому что не только тебѣ въ твоей старости онъ будетъ отрадою, но его рожденіе будетъ спасительно и для весьма многихъ. Этотъ младенецъ будетъ великъ предъ Богомъ, близокъ къ Іеговѣ. Но по этому же самому ты долженъ воспитывать его особеннымъ образомъ: онъ долженъ носить на себѣ во всю жизнь обѣтъ назорейства, быть посвященъ Іеговѣ, отъ юности не пить ни вина, ни сикера. Господь еще во чревѣ матери исполнитъ его особенными дарами Духа Св. и ему-то, прибавилъ ангелъ, поручено будетъ обратить Израиля къ Богу его, котораго онъ забылъ; онъ-то, какъ вторый Илія, исполненный ревности назначенъ идти впередъ царя божественнаго,—Мессіи, возбудить благочестивыя расположенія отцовъ въ сердцахъ потомковъ и приготовить народъ къ принятію Господа, который идетъ за нимъ“.—Страхъ и радость въ Захаріи были слишкомъ сильны въ это время, чтобы онъ могъ совладѣть съ собою: при томъ онъ уже привыкъ считать невозможнымъ—не только что маловѣроятнымъ,—то, что возвѣщалъ ему теперь ангелъ, такъ что уже никакая надежда не имѣла мѣста въ сердцѣ его... И онъ отвѣчалъ: „Этому трудно повѣрить. Гдѣ уже мнѣ въ такихъ лѣтахъ и моей Елизаветѣ—имѣть дѣтей?“ Ангелъ возразилъ:“ Я Гавріилъ — служитель Іеговы. По Божественному повелѣнію я пришелъ тебѣ возвѣстить это: слѣдственно

мои слова имѣютъ непремѣнно исполниться. Ты все еще недоумѣваешь! — Отселѣ ты не будешь въ состояніи произнесть ни одного слова, доколѣ не придетъ тотъ день, когда возвѣщенное тебѣ мною отъ Бога исполнится. Это за то, что ты не хотѣлъ мнѣ повѣрить безъ знаменія.“ Съ этого же мгновенія у Захаріи отнялся языкъ.

Такъ разсказывалъ послѣ Захарія это событіе. И слѣдствія этого чудеснаго событія—нѣмота Захаріи и рожденіе ему сына—давали словамъ его совершенную достовѣрность.

Кажется не безъ особенныхъ цѣлей было положено на Захарію такого рода наказаніе—молчаніе. Лишившись языка, Захарія тѣмъ самымъ вразумленъ былъ, что событіе сіе до времени должно быть тайною. И между тѣмъ, какія бы вредныя слѣдствія могли произойти изъ того, еслибы хотя малѣйшая часть возвѣщеннаго небеснымъ посланникомъ стала извѣстною всенародно! Припомнимъ, какія слѣдствія повлекла за собою подобная молва, распространившаяся по случаю отыскиванія новорожденнаго Царя іудейскаго восточными мудрецами.

Итакъ, Захарія невольно долженъ былъ теперь хранить при себѣ тайну. И когда вышелъ потомъ изъ святилища къ народу,—изъ его встревоженнаго вида, нѣмотствованія и замедленія уже можно было заключить, что съ нимъ случилось что нибудь необычайное. Его спросили, не видѣніе ли ему было какое? онъ отвѣчалъ мановеніемъ утвердительно, и только. Что это было за видѣніе, это не было объяснено, и его онѣменіе, конечно, казалось случаемъ естественнымъ—особенно, когда видѣли его потомъ снова исправляющимъ свою должность до конца своей чреды, также какъ и прежде. Итакъ въ Іерусалимѣ объ этомъ происшествіи ничего болѣе не осталось

извѣстнаго, кромѣ того, что священникъ Захарія, какъ можно было гадать изъ его мановенія, имѣлъ въ храмѣ какое то видѣніе, по поводу котораго потерялъ и языкъ, но и это еще не у всѣхъ могло находить вѣру.

Между тѣмъ, когда окончилась его недѣля, онъ возвратился въ свой городъ. Супругѣ своей онъ могъ дать знать о чудесномъ событіи также какимъ нибудь знакомъ [1]). Но весьма вѣроятно, что и ей, не только кому нибудь другому, онъ не открывалъ всѣхъ обстоятельствъ сего видѣнія въ подробности. Елизавета дѣйствительно стала беременна,—и въ благодарность ли за благословеніе Божіе, или для того, чтобы не разгласить цѣль, на которой положена была печать молчанія въ лишеніи языка ея мужа,—только она пять мѣсяцевъ держала себя такъ тайно, что и близкіе къ ней не знали перемѣны, съ нею происшедшей.

Сколько ни были такимъ образомъ сокрыты подъ завѣсою молчанія первыя обстоятельства явленія великаго пророка, который долженъ былъ приготовить путь чаемому Мессіи: однако въ самой сокровенности своей онѣ болѣе имѣли торжественности, нежели благовѣствованіе о рожденіи самаго Мессіи и его непостижимое зачатіе. Величіе Спасителя тамъ болѣе и открывалось, гдѣ онъ низходилъ до глубочайшаго уничиженія. Іоанну, какъ посланнику нужна была слава, достойная Царя, котораго онъ возвѣщалъ; ему не дано будетъ силы чудотвореній: только эти чудесныя событія, ознаменовавшія первыя минуты его существованія, и будутъ свидѣтельствовать о его божественномъ посланничествѣ.

Въ шестый мѣсяцъ беременности Елизаветы посы-

---

[1]) Что Елизавета знала нѣчто изъ этой исторіи, видно изъ Лук. 1, 60.

лается ангелъ, но уже не въ Іерусалимъ, а въ отдаленный незнатный галилейскій городокъ—Назаретъ, не къ священнику, почтенному саномъ и добродѣтелями предъ Богомъ и людьми, но къ неизвѣстной людямъ дѣвѣ: является ей не въ храмѣ, или синагогѣ, или гдѣ нибудь въ святомъ мѣстѣ, но въ убогомъ домѣ,—является дѣвѣ, на которую скорѣе могла пасть молва безславія, нежели слава чрезвычайнаго избранничества. Весьма вѣроятно, это было въ часъ ея молитвы: когда взоръ ея былъ устремленъ къ горнему, когда душа ея вся парила къ престолу Отца небеснаго, земное отстранилось отъ чувствъ ея, земная оболочка разрѣдилась—предсталъ очамъ духа ея радостію блистающій ангелъ. „Радуйся, благодатная,“ привѣтствовалъ небесный посланникъ ангелоподобную Дѣву;—привѣтствіе было земное, но въ устахъ небожителя оно точно было полно радости.—Марія, погруженная въ предметъ своей молитвы, казалось, не слыхала этого привѣтствія. „Господь съ тобою“—прибавилъ ангелъ:—опять привѣтствіе—и опять такое привѣтствіе, которымъ давно уже срѣтали другъ друга (1), но никогда слово это не могло имѣть смысла полнѣе, какъ въ настоящемъ случаѣ.—Марія все еще недоумѣваетъ,—въ явленіи Ангела и въ словахъ его было что-то необычайное. Наконецъ Ангелъ приводитъ ее въ себя новымъ привѣтствіемъ: „благословенна ты въ женахъ“ (блаженнѣйшая изъ всѣхъ женъ). Марія смутилась отъ словъ сихъ: ей уже казалось такое привѣтствіе слишкомъ высокимъ: ея смиреніе заставляло ее опасаться, нѣтъ ли здѣсь чего коварнаго? Добрый ли это вѣстникъ?

„*Не бойся*“, отвѣчалъ свѣтоносный посланникъ Маріи, проникнувшій мыслію смущеніе души ея,—„не бойся.

(1) Руѳ. 2, 4.

Потому что зачнешь во чревѣ и родишь Сына—Спасителя міру, которому должна дать имя *Іисусъ*, и этотъ твой сынъ будетъ столько великъ предъ Господомъ, что будетъ носить имя Сына Вышняго! Это будетъ тотъ обѣтованный отцамъ, которому Богъ дастъ престолъ Давида отца его; Онъ воцарится надъ домомъ Іаковлевымъ и царство его будетъ стоять вѣки и никогда не окончится".

Въ такихъ чертахъ было изображено въ первый разъ благодатное царство Іисуса Христа, въ такихъ чертахъ представленъ онъ самъ. Ангелъ имѣлъ рѣчь съ дѣвою рода царскаго, іудейскаго; Іисусъ и его царство точно были изображены въ такихъ чертахъ въ ветхомъ затѣтѣ. Дѣва знала это, и въ настоящихъ обстоятельствахъ ей не иначе можно было возвѣстить о Мессіи, какъ въ чертахъ ей знакомыхъ. Она должна была узнать лице Мессіи короче, яснѣе; это и будетъ послѣ: а теперь довольно для согласія на то, что отъ нея требовалось, и этихъ словъ ангела. Для чего было ей знать подробности судьбы своего сына: объ этомъ намекнетъ ей послѣ Симеонъ: теперь она должна была видѣть только самую свѣтлую сторону этого дѣла,—и притомъ, повторимъ опять, именно въ такихъ чертахъ, какія ей были знакомы.

Марія поняла благовѣстника; быть матерью давно всѣми желаемаго—что можетъ быть вожделѣннѣе? Одно ее затрудняетъ: на ней лежитъ обѣтъ дѣвства, изреченный ею еще во храмѣ: „какъ мнѣ родить сына, когда я не знаю мужа"?

„Ты и не познаешь мужа—отвѣчаетъ безплотный. Духъ Святый найдетъ на тя и Сила Вышняго осѣнитъ тя. Сынъ Вышняго не можетъ родиться отъ сѣмени человѣческаго: самъ Господь дастъ ему плоть отъ кровей твоихъ (1). Поэтому и рождаемое Свято (Пс.

(1) *Духъ Святый-Сила Вышняго.* Напрасно нѣкоторые различаютъ

6, 3.) и будетъ именоваться Сыномъ Божіимъ.—Ты еще недоумѣваешь, какъ это можетъ быть; не испытывай, положись на всемогущество Божіе: вотъ родственница твоя Елизавета, которую всѣ называли неплодною, уже шестый мѣсяцъ беременна — и это стало также по особенному дѣйствію силы Божіей. Я возвѣщаю тебѣ несравненно высшее чудо: но помни, что нѣтъ ничего невозможнаго для Бога."

„Когда такъ—отвѣчала Марія съ радостію—я готова быть орудіемъ Божіимъ: даже желаю, желаю сего! Γένοιτό μοι!" *И Слово плоть бысть.*

Остановимъ на минуту нить исторіи; дадимъ мѣсто благоговѣйному размышленію. Событіе, котораго сейчасъ поставила насъ свидѣтелями исторія, есть спасенія нашего главизна. Мы знаемъ, въ какой красотѣ создалъ насъ Господь: мы малымъ чимъ умалены были отъ ангелъ; съ нами горнія силы дѣлили бесѣды и повѣдали тайны міра небеснаго; сама премудрость веселилась съ сынами человѣческими;—и ниспали мы отъ блаженства сего и лишились мы первой красоты. Мы знаемъ еще, что нѣкогда паки

смыслъ двухъ этихъ параллельныхъ предложеній: *Духъ Святой найдетъ на тя и Сила Вышняго осѣнитъ тя*; будто первое означаетъ приготовительное дѣйствіе Духа Святаго, а послѣднее—самое вселеніе Бога—Слова въ утробу матери Маріи, разумѣя подъ силою Вышняго Іисуса Христа, какъ 1 Кор. 1, 24; Ис. 9, 6. Изъясненіе напряженное! Подобное толкованіе дало поводъ нѣкоторымъ еретикамъ называть Духа Святаго матерію Іисуса Христа.—Извѣстно, что у Евангелиста слова: Духъ Святый означаютъ вообще всемогущество Божіе Мѳ 12, 28; Лук. 11, 20. Photius: ad eos, qui forte querant: quamobrem ex Spiritu Sancto conceptus dicatur Christus, non enim filius Spiritus, sed Patris—Christus?—sic occurritur Spiritum dici Deitatem omnem, juxta quod Salvator ait: Spiritus est Deus. Proprie tamen et rationaliter dicitur Spiritus Sanctus—una persona Trinitatis. Ceterum hoc loco mentione Spiritus Sancti licet intelligere virtutem Filii, nam et Filius Spiritus vocatur et pari Deus.—*Найдетъ на тя*—см. Дѣян. 1, 8. *Осѣнитъ тя*, ἐπισκιάσει—лучше съ греческаго принять за равнозначущее еврейскому: חָנַם Быт. 1, 2; Втор. 32, 11. нежели съ Розенмиллеромъ за равнозначащее ἐνδύεσθαι Лук. 24. 49 и В. Зав. Суд. 6, 34; 1 Пар. 12, 18.

намъ отверзется рай и вкусимъ плодовъ отъ древа жизни; забудемъ скорби земныя, духъ тѣснѣе прежняго соединится съ Господомъ, сама плоть одухотворится; святые восторжествуютъ надъ грѣхомъ; не будетъ раздвоеній въ душѣ — будетъ миръ и блаженство. Мы знаемъ—это двѣ зари: вечеръ и утро нашего міра; онѣ свѣтятъ намъ въ нашемъ ночномъ блужданіи отраднымъ блистаніемъ. Но чѣмъ связываются между собою этотъ вечеръ и утро? Какъ вѣчная ночь не покрыла насъ навсегда безъисходнымъ мракомъ? Какъ сдѣлается то, что сокрушенный сосудъ снова наполнится благоуханій небесныхъ? Какъ растлѣнная природа совлечется своего грѣха и тлѣнія? Гдѣ эта животворная сила, которая всю ее проникнетъ, очиститъ, просвѣтитъ?—грѣхъ потребитъ, смерть изгонитъ, отниметъ всѣ скорби, вездѣ откроетъ жизнь, правду и блаженство? Она-въ Словѣ, которое въ ту минуту, какъ произнесла Марія свое: „буди ми по глаголу твоему“—стало плотію. Если души отшедшихъ имѣютъ нѣкоторое сознаніе о томъ, что у насъ совершается на землѣ, то я вѣрю тому учителю церкви, который говоритъ въ своемъ словѣ Маріи:—проситъ тебя Адамъ съ своимъ несчастнымъ потомствомъ, изгнанный изъ рая, проситъ Авраамъ, проситъ Давидъ, просятъ всѣ отцы твои, сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной: дай согласіе на предлагаемое тебѣ ангеломъ. Что медлишь? что трепещешь? отверзи, дѣво блаженная, сердце твое вѣрѣ, уста исповѣданію, утробу—Создателю. Вѣруй, исповѣдай, воспріими. Воздай слово и воспріими Слово. Это Слово не теперь только первый разъ принимаетъ на себя трудъ возстановленія человѣчества. Это Слово, въ началѣ бывшее у Бога т. е. пребывавшее до созданія міра съ Богомъ Отцемъ своимъ сокровенно, потомъ явившее себя Богомъ въ сотвореніи (*вся тѣмъ бѣша и*

безъ него ничтоже бытъ еже бысть), открывшее въ себѣ для совершеннѣйшихъ изъ сотворенныхъ существъ болѣе, нежели только источникъ бытія,—но и *жизнь* (*въ томъ животъ бѣ*:—здѣсь невольно припоминается—дыханіе жизней, древо жизни....),—это Слово, когда человѣкъ лишился уже богодарованной жизни, хотѣло по крайней мѣрѣ остаться для него *свѣтомъ* (*и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*), изъ внутренняго перейти во внѣшнее; оно не могло уже болѣе быть его душею,—хотѣло по крайней мѣрѣ озарять его свѣтомъ своимъ по временамъ подобно солнцу. *И свѣтъ во тьмѣ свѣтится*: чѣмъ далѣе человѣкъ отходилъ отъ начала своего бытія, тѣмъ болѣе сгущалась тьма въ немъ и надъ нимъ; сдѣлалось око его темно и все тѣло его стало темно; но эта тьма разрѣжалась по временамъ сіяніемъ Слова; оно просіявало—то внутренними озареніями духа, то внѣшними явленіями и откровеніями; мало того, оно возжигало постоянный свѣтильникъ въ откровеніи письменномъ; это было второе слово Божіе; словомъ, оно такъ раздѣляло между людьми свѣтъ свой, что никого не лишало его въ своей мѣрѣ (*бѣ свѣтъ истинный, просвѣщаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*); но *тьма*—люди съ ихъ пороками сердца, съ заблужденіями ума—его *не понимала*. Въ мірѣ оно было, и міръ имъ былъ и міръ его не позналъ. Чтобы выразить себя яснѣе, чтобы проникнуть тьму глубже, чтобы стать снова жизнію для человѣка и оживотворить собою все человѣчество,—Слово стало плотію. И съ Іисуса, говоритъ одинъ учитель Церкви (Оригенъ), началó божественное и человѣческое естество между собою сразтворяться, чтобы чрезъ сообщеніе съ божественнымъ человѣческое стало божественнымъ не только въ Іисусѣ, но и во всѣхъ тѣхъ, которые съ вѣрою воспринимаютъ тотъ образъ жизни, которому

научилъ Іисусъ. Теперь есть надежда несомнѣнная, что все возглавится: само Божество всею полнотою своею низошло въ сферу растлѣннаго человѣчества; соединилось съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ; пріобщилось плоти и крови нашей; теперь каждое стенаніе, каждое болѣзненное ощущеніе, которыя терпѣли его братія на землѣ, отдается и ему на небеси; и если онъ всемогущъ; то не можетъ быть, чтобы онъ не прекратилъ эти стенанія и болѣзни, не сообщилъ нашему сердцу благъ, коими самъ преисполненъ. И не можетъ быть, чтобы онъ не даровалъ намъ сего. Такъ человѣчество возстановится; земное паки совокупится съ небеснымъ; Слово какъ свое человѣческое естество прославило воскресеніемъ, такъ и все человѣчество, готовое идти въ слѣдъ за нимъ; какъ одно тѣло — очиститъ, прославитъ и приведетъ ко Отцу, повергнетъ Адама всероднаго къ престолу Отца и тогда будетъ, какъ въ началѣ, Богъ всяческая во всѣхъ.

Вотъ какое мѣсто занимаетъ въ бытіи человѣчества тотъ моментъ, когда дѣва сказала ангелу: *буди ми по глаголу твоему.* Только два для насъ такихъ момента во всей безпредѣльности вѣковъ: созданіе человѣка и его возсозданіе. И вся земная жизнь Іисуса Христа, его страданія и чудеса, уничиженіе и слава, смерть и воскресеніе держались, какъ на первомъ узлѣ, на мгновеніи его воплощенія, или лучше сказать — всѣ эти 33 года его жизни были только развитіемъ того мгновенія, когда Слово стало плотію.

Ангелъ, исполнивъ повелѣнное, удалился: Марія осталась одна. Тогда со всею живостію должна была представиться ей необычайность ея положенія. И въ обстоятельствахъ, менѣе поразительныхъ, послѣ ка-

кого нибудь неожиданнаго событія, первою мыслію обыкновенно бываетъ спросить себя: дѣйствительно ли это все было, не сонъ ли это, не мечта ли воображенія? Конечно, и Марія дѣлала себѣ неоднократно такіе вопросы: но нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что для нея не осталось незамѣтнымъ дѣйствіе силы Всевышняго, которая начала съ сей минуты образованіе плоти Іисусовой.

Чувствуя всю важность событія, которое совершилось надъ нею, помысливъ, что ангелъ не напрасно являлся ей одной, узнавъ о Елизаветѣ, какъ крѣпко она держитъ тайну свою, Марія и сама сочла нужнымъ никому не объявлять случившагося. Нельзя представить себѣ, чтобы она не ощущала желанія сообщить о томъ мужу своему Іосифу, но тайна Божія связывала языкъ. Смиреніе тѣмъ болѣе располагало къ молчанію. Ей только пришло на мысль, что по крайней мѣрѣ не безъ цѣли указалъ небесный вѣстникъ на Елизавету: можетъ быть, чѣмъ нибудь эта опытная жена можетъ помочь ей въ настоящемъ ея положеніи. Между тѣмъ свиданіе съ нею можетъ раскрыть ей въ большей подробности то, что собственно съ нею случилось, и на что ангелъ только кратко указалъ Маріи. Въ сихъ мысляхъ Марія оставляетъ Назаретъ и идетъ съ поспѣшностію въ городъ, гдѣ жила ея родственница, который находился отъ нея разстояніемъ часовъ на двадцать на пять. Замѣтимъ здѣсь примѣчаніе одного учителя церкви: не Марія спѣшила къ Елизаветѣ, но Іисусъ, находившійся во чревѣ Маріи, спѣшилъ освятить своего Предтечу Іоанна, также еще находившагося во чревѣ Елисаветы (Оригенъ).

Въ домѣ Захаріи Маріи совсѣмъ не ожидали, Елизавета не могла и подумать, чтобы кто, особенно изъ такого далекаго мѣста, какъ Назаретъ, могъ слы-

шать что нибудь о ея беременности. Тѣмъ менѣе съ своей стороны Марія могла ожидать, чтобы извѣстно было благовѣстіе ангела кому другому, кромѣ ея самой: но лишь только Марія вступила въ жилище Елизаветы съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, вдругъ Елизавета ощутила во чревѣ своемъ необычайное движеніе младенца. Она встрѣтила Марію не какъ бѣдную дѣвицу, которую любила по родственной связи, но истинно какъ матерь Господа. Она постигла прежде словъ ея все, что съ нею случилось и привѣтствовала Марію радостнымъ громкимъ голосомъ: *благословенна ты въ женахъ* (повторяя необычайное привѣтствіе ангела) *и благословенъ плодъ чрева твоего*. Какой чести я удостоилась! сама матерь Господа пришла ко мнѣ. И чтобы объяснить, откуда узнала она тайну, кромѣ самой матери дѣвы никому неизвѣстную, прибавила:—мнѣ сказало объ этомъ радостное играніе младенца моего во чревѣ моемъ! О блаженна ты, что приняла съ вѣрою слова ангела... (какъ будто хотѣла потомъ сказать, какое слѣдствіе невѣрія въ подобныхъ обстоятельствахъ оказалось на ея мужѣ: но чтобы не смѣшать радостнаго съ прискорбнымъ,—сказала только:)—сбудется непремѣнно, что сказалъ тебѣ Господь. Такъ выразились первые порывы священнаго восторга престарѣлой жены! Благодатная Марія дала свободное теченіе словамъ ея,— и потомъ съ спокойнымъ величіемъ Матери Господа и съ глубокимъ смиреніемъ рабы Господней, какъ бы предъ лицемъ самого Бога, отвѣчала, что вся слава принадлежитъ Господу. Онъ призрѣлъ на рабу свою и ее будутъ ублажать всѣ племена. Но это дѣло милости Его къ боящимся Его и вѣрности обѣщаніямъ, которыя Онъ далъ имъ. Ради ихъ Онъ хочетъ теперь явить силу мышцы своей, вознести смиренныхъ, низложить гордыхъ. Вотъ первая бесѣда двухъ богоиз-

бранныхъ женъ! Священный Повѣствователь предложилъ намъ свидѣтельство тѣхъ чувствъ, которыхъ постоянно исполнена была душа Святой Дѣвы. Ей такъ было пріятно въ домѣ Елизаветы, что она, кажется только для уклоненія отъ глазъ людей любопытныхъ, которыми вскорѣ долженъ былъ исполниться домъ Захаріинъ по случаю рожденія ему сына, рѣшилась оставить Елизавету, проведши у нея три мѣсяца. Это посѣщеніе, какъ можно догадываться, особенно судя по первой бесѣдѣ Маріи Елизаветы, должно было сильно подкрѣпить внутреннее состояніе Пресвятой Дѣвы. Тогда ей немаловажное предстояло искушеніе со стороны нареченнаго ея мужа. Она видѣла Елизавету—прежде неплодную—уже такъ близкою къ разрѣшенію отъ бремени, слышала отъ нея, какія божественныя предреченія были о ея сынѣ; узнала, какое назначеніе и обязанности имѣющаго родиться Іоанна по отношенію къ Мессіи, сыну ея, также еще неродившемуся: какъ все это должно было успокоивать Марію въ той мысли, что дѣло, къ исполненію котораго призвана она, все даже въ своихъ отдаленныхъ подробностяхъ состоитъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Божіимъ, что ей остается только въ молчаніи ожидать разрѣшенія своего затруднительнаго положенія отъ руки Промысла.

Въ самомъ дѣлѣ, по возвращеніи Маріи изъ дома Захаріи, признаки чревоношенія ея съ каждымъ днемъ начинали болѣе и болѣе оказываться. Если предъ кѣмъ можно было считать неумѣстнымъ молчаніе объ истинной причинѣ онаго, то конечно предъ Іосифомъ, и если чей глазъ скорѣе могъ примѣтить эту перемѣну состоянія Маріи, то конечно глазъ человѣка, которому была она обручена. Съ другой стороны, осторожность, съ которою хранили свою тайну Захарія и Елизавета,—тайну несравненно меньшей важ-

ности, была для Маріи примѣромъ, которому слѣдовать она считала тѣмъ большею обязанностію, что Іосифъ былъ отстраненъ отъ участія въ этой тайнѣ самимъ благовѣстникомъ, поелику ангелъ совершенно умолчалъ объ немъ. Но молчаніе вотъ какой подвергаетъ опасности: Іосифъ, не зная настоящаго положенія дѣла, можетъ судебнымъ порядкомъ обвинять Марію въ невѣрности своему нареченному мужу; дѣву обрученную въ такомъ случаѣ положено было по закону подвергать такому же строгому наказанію, какъ и женщину замужнюю. Если бы и не это: если она и не думала, что Іосифъ поступитъ съ нею по всѣмъ правамъ своимъ; можно было опасаться, что однако же онъ дастъ ей формальное разводное письмо,—а это и въ томъ случаѣ, когда бы въ этомъ письмѣ онъ изъяснилъ прямо причины, побудившія его къ разводу, и въ томъ случаѣ, когда бы о нихъ умолчалъ, подвергало дѣву, имѣющую всѣ признаки беременности, позору; поелику дѣлалось при свидѣтеляхъ и также торжественно, какъ совершались браки. И пусть бы еще этотъ позоръ падалъ на одну ее:—что скажутъ потомъ о Сынѣ, котораго она носитъ въ нѣдрахъ своихъ? Можетъ ли быть что затруднительнѣе такого положенія Маріи? Но увѣренная, что Вышній не оставитъ дѣла своего неоконченнымъ и не дастъ его разрушить, она предала всю себя Его волѣ и распоряженіямъ.

Приближалось время, когда она должна была вступить въ домъ Іосифа, какъ дѣйствительная его супруга: но Іосифъ, тревожимый сомнѣніями, думалъ теперь разводомъ отдалить отъ себя Марію. Доброта его сердца и отчасти знакомый нравъ дѣвы, ея благочестіе и цѣломудренность расположили его поступить въ семъ случаѣ сколько можно легче, однако принять въ свой домъ ее—для него было слишкомъ

тяжело. Итакъ онъ рѣшился только дать ей разводное письмо, не упоминая причинъ, по которымъ съ нею разводится, какъ дѣлали это другіе.

Въ этихъ обстоятельствахъ, которыя хотя не разстроивали плана божественнаго, однако грозили помрачить невинность чистѣйшей изъ дѣвъ, угрожали безславіемъ рожденію самаго Мессіи, Промыслъ Божій, всегда блюдущій добродѣтель, не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Посылается Іосифу сновидѣніе, которое должно ему раскрыть со всѣмъ убѣжденіемъ истины понятіе о беременности Маріи. Ему открывается мысль, которой онъ никогда не имѣлъ въ умѣ своемъ,—открывается чрезъ ангела, съ такою ясностію и силою, что въ немъ не остается никакого сомнѣнія о достовѣрности имъ видѣннаго. Притомъ еще указывался этимъ сновидѣніемъ одинъ признакъ, которымъ можно было повѣрить его истину по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи: сказано было, что Марія носитъ въ утробѣ своей *сына;* этого не могъ сказать съ достовѣрностію простой сонъ. Но еще ранѣе сего Іосифу не было воспрещено удостовѣриться отъ самой Маріи, что видѣнное имъ во снѣ было не игра его воображенія. Онъ сообщаетъ свое сновидѣніе Маріи и объявляетъ повелѣніе ангела; теперь уже она не имѣла причинъ молчать предъ Іосифомъ: она охотно сложила съ себя эту тяжкую для сердца ея обязанность. И старецъ вмѣстѣ съ юною дѣвою съ благоговѣніемъ произнесли святое имя будущаго Мессіи— Іисусъ, которое имъ было открыто — каждому порознь,—вмѣстѣ пролили обильныя слезы умиленія при мысли о неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ, надъ ними и чрезъ нихъ содѣвающихся; припоминали себѣ оба затруднительное положеніе, въ которомъ находились, и съ радостію благодарили Бога за счастливое разрѣшеніе ихъ недоумѣній и отклоненіе неспра-

ведливыхъ подозрѣній; послѣ сего Марія совсѣмъ уже перешла въ домъ Іосифа.

Въ то время, какъ въ Назаретѣ была такимъ образомъ снята печать молчанія съ тайны Маріиной: разрѣшились и узы молчанія, связывавшія уста Захаріи. Елизавета разрѣшилась, какъ предсказывалъ ангелъ, сыномъ; по сему случаю собралось къ ней множество родственниковъ и знакомыхъ; всѣ дивились необычайному событію, соображали его со временемъ видѣнія, бывшаго Захаріи, видѣли тѣсное отношеніе между тѣмъ и другимъ обстоятельствами; но ничего опредѣленнаго не знали. Захарія все еще молчалъ: Елизавета и не могла и конечно не намѣрена была открывать ничего—безъ воли своего мужа. Прошло семь дней; въ осьмой надлежало совершить надъ младенцемъ обрѣзаніе и дать ему имя: въ этотъ день обыкновенно бывалъ у Іудеевъ семейный праздникъ, на который собиралось по крайней мѣрѣ человѣкъ десять, самыхъ близкихъ къ родителямъ младенца. И такъ собрались въ домъ Захаріи ближайшіе родственники для священнодѣйствія и празднества: когда пришло время наименовать сына, спросили объ этомъ мать (такъ какъ отецъ былъ нѣмъ); она отвѣчала, чтобы его назвали Іоанномъ. Это наименованіе показалось страннымъ, потому что не было у Захаріи и Елисаветы въ родствѣ никакого Іоанна; предложили назвать младенца лучше по имени отца, но Елизавета не отступалась отъ своего слова. Поэтому хотѣли какимъ нибудь знакомъ узнать отъ отца, какъ бы онъ желалъ назвать своего сына. *Іоаннъ будетъ имя ему*—написалъ Захарія на дщицѣ—и съ этой минуты отверзлись уста его: и первыя слова его были — славословіе Богу. Всѣ изумились такому стеченію обстоятельствъ при рожденіи Іоанна. Всякій гадалъ впередъ, что-то будетъ у нихъ этотъ сынъ: родился

на старости лѣтъ; во все время беременности матери его—отецъ былъ безъ языка: по какому то непонятному побужденію мать и отецъ дали ему имя, совсѣмъ въ родѣ ихъ неизвѣстное; и лишь только отецъ написалъ это имя, какъ получилъ языкъ. Чудо! Такъ всѣ могли толковать объ этомъ событіи, но истинной причины и цѣли всѣхъ сихъ событій никто не зналъ.

Захарія въ послѣдствіи сложилъ особую пѣснь на рожденіе Іоанна (1), въ которой благословляетъ Бога, открывающаго царство Мессіи (Лук. 1, 68—75.), и потомъ пророчески изображаетъ назначеніе своего сына, какъ указалъ ему ангелъ и какъ объясняло собственное вдохновеніе (76—79). Въ историческомъ отношеніи она имѣетъ ту особенную важность, что раскрываетъ намъ взоръ лучшаго изъ священниковъ того времени на лицо Мессіи и его царство. Мессія, по буквальному значенію этой пѣсни, есть такое лице, посредствомъ котораго Богъ, вслѣдствіе древнихъ своихъ обѣтованій, нынѣ хочетъ избавить народъ свой отъ враговъ его угнетающихъ. Царство Мессіи будетъ состоять въ томъ, что народъ іудейскій, освободившись отъ порабощенія, будетъ безбоязненно въ святости правды служить своему Богу и озарится новымъ свѣтомъ богопознанія. Въ отношеніи къ сему царству Іоаннъ имѣетъ такое значеніе: онъ будетъ предуготовлять народъ къ откровенію

(1) Пѣснь Захаріи Лук. 1, 68-79 произнесена имъ не при случаѣ нареченія имени сыну своему, но послѣ: это можно видѣть изъ того, что Ев. Лука и въ порядкѣ повѣствованія отдѣляетъ ее совершенно отъ исторіи разрѣшенія языка Захаріи.—Изумленіе присутствовавшихъ при этомъ случаѣ (63) и молва, распространившаяся объ оном по Іудеѣ (65.) совершенно независимы отъ пѣсни Захаріи. Выраженіе удивленія: *что убо отроча сіе будетъ?* показываетъ, что тѣмъ, которые произносили его, не извѣстна была пророческая пѣснь Захаріи, въ которой довольно ясно для того времени высказывалось что будетъ отроча это.

сего царства, возвѣщая ему, что условіе спасенія, ожидаемаго отъ Мессіи, заключается въ оставленіи грѣховъ.

Итакъ вотъ какія были сдѣланы Промысломъ приготовленія къ явленію Мессіи: объ немъ знали только четыре человѣка: два въ Назаретѣ, и два — въ Ютѣ. Гораздо болѣе было молвы объ Іоаннѣ; объ немъ говорили и въ Іерусалимѣ и во всей нагорной Іудеѣ (Лука 1, 65); но и эта молва была неопредѣленная.

Первый слухъ о Мессіи въ народѣ долженъ былъ, по намѣреніямъ Промысла, распространиться тогда, когда онъ уже родится и распространиться изъ города, который принадлежалъ ему по праву его происхожденія отъ дома Давидова. Этотъ планъ Промысла и былъ выполненъ тогда, какъ въ Іудеѣ производилась перепись, по повелѣнію Августа.

Такъ какъ въ соглашеніе обстоятельствъ времени, означенныхъ ев. Лукою, съ исторіею іудейскаго народа не мало встрѣчается затрудненій: то мы намѣрены войти о семъ предметѣ нѣсколько въ подробнѣйшее разсмотрѣніе, которое тѣмъ болѣе можетъ быть для насъ важнымъ, что можетъ пролить новый свѣтъ на нѣкоторыя евангельскія событія. 1. Что это за перепись, бывшая по словамъ евангелиста, по всей землѣ?—2. Какимъ образомъ она могла совершаться въ Іудеѣ по повелѣнію Августа, когда въ Іудеѣ былъ свой царь—Иродъ?—3. Какимъ образомъ могъ производить при Иродѣ перепись Квириній въ качествѣ правителя Сиріи, когда въ сію должность онъ вступилъ уже послѣ того, какъ окончилъ свое царствованіе не только Иродъ, но и сынъ его Архелай?—4. Почему объ этой переписи молчитъ Іосифъ Флавій?

1. Перепись, бывшая въ концѣ царствованія Ирода—состояла ли она въ одномъ исчисленіи и озна-

ченій лицъ, или соединялась съ разложеніемъ податей, какъ обыкновенные римскіе цензы, — не была по всей землѣ, разумѣя подъ симъ всѣхъ подданныхъ римской имперіи и зависящіе отъ нея народы. Светоній хотя и указываетъ въ царствованіе Августа три переписи въ римской имперіи, однако они простирались только на гражданъ римскихъ. Счислялся только Populus Romanus. При томъ и по времени, какъ доказывается несомнѣнными памятниками, ни одна изъ этихъ переписей не подходитъ къ той, которая была около времени рожденія І. Христа. Нельзя думать и того, чтобы историки не замѣтили такого поголовнаго счисленія всѣхъ подданныхъ римской имперіи въ собственныхъ и зависящихъ отъ нея областяхъ, какое мы видимъ въ Іудеѣ. Итакъ остается положить, что перепись эта была только въ Іудеѣ; это не противорѣчитъ словамъ евангелиста: *по всей земли*, πᾶσαν τὴν οἰκουμένην. Οἰκουμένη употреблялось въ несобственномъ значеніи и когда означало римскую имперію; оно могло имѣть и еще частнѣйшее знаменованіе, напр. у самаго Луки (Дѣян. 11, 28) и у Іосифа Флавія (8, 13. 5.) означало только Іудею. Πᾶσαν—могъ написать Евангелистъ для означенія того, что всѣ области іудейскія подлежали сей переписи, даже и Галилея, въ которой жилъ Іосифъ; и это нужно было евангелисту замѣтить, поелику послѣ іудейскія владѣнія раздѣлены были на нѣсколько независимыхъ одна отъ другой частей.

2. То, что Іудея имѣла своего царя, не препятствовало римскому императору учредить перепись въ Іудеѣ. Римляне, не смотря на то, что сами воцарили въ Іудеѣ Ирода, держали Іудеевъ въ совершенной зависимости отъ своей власти. Иродъ не могъ самовластно распоряжаться своимъ престоломъ касательно его наслѣдства, но долженъ былъ представить свое избраніе ут-

вержденію императора. Иродъ по крайней мѣрѣ незадолго до своей смерти платилъ дань императору: это видно изъ того, что когда области, доставшіяся въ удѣлъ сыну его Архелаю, при общемъ возмущеніи удержались въ законной подчиненности; то, замѣчаетъ Іосифъ Флавій, были облегчены императоромъ четвертою частію подати. Кому эта подать шла? — очевидно, не Архелаю. Въ другомъ мѣстѣ самъ Іосифъ начало рабства (δουλείας) народа іудейскаго Римлянамъ относитъ ко времени вступленія въ Іудею (правителя) Помпея, призваннаго враждою двухъ братьевъ (De bell. iud. Lib. V. c. IX). Аппіанъ (de bell. civil. l. V. p. 1135) говоритъ, что Иродъ платилъ дань еще Антонію, который былъ другомъ Ироду. Изъ соображенія всѣхъ сихъ обстоятельствъ открывается, что нѣтъ никакой невозможности въ томъ, чтобы при концѣ царствованія Иродова была въ его государствѣ, по повелѣнію римскаго императора, перепись, хотя бы даже она соединена была съ дѣйствительнымъ обложеніемъ данью, тѣмъ болѣе простое поголовное изчисленіе всѣхъ подданныхъ іудейскихъ, за которымъ, по волѣ императора, могло слѣдовать и совершенное поголовное обложеніе данью.

3. Αὕτη ἡ ἀπογραφὴ πρώτη ἐγένετο ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου. Эти слова испытали множество толкованій. Укажемъ только вѣроятнѣйшія: а) принимаютъ πρώτη вмѣсто προτέρα (см. Іоан. 1,15.) и поставляютъ отъ него въ зависимости послѣдующіе родительные падежи: ἡγεμονεύοντος Κυρηνίου, такъ что смыслъ сихъ словъ будетъ такой: эта перепись была прежде той, которая была произведена правителемъ Сиріи Квириніемъ. Полная рѣчь по такому толкованію должна быть въ такомъ видѣ: αὕτη ἡ ἀπογραφὴ πρώτη τῆς τοῦ ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου. Но членъ τῆς могъ быть и опущенъ (см. подобное у самого Лук. 13,1.

ихъ же кровь смѣси Пилатъ съ жертвами ихъ: ὧν τὸ αἷμα Πιλάτος ἔμιξε μετὰ τῶν θυσιῶν αὐτῶν,— сказать полнѣе μετὰ τοῦ τῶν θυσιῶν... См. также Дѣян. 7, 16.). Это изъясненіе въ подкрѣпленіе себѣ имѣетъ то, что другое народосчисленіе, бывшее въ Іудеѣ лѣтъ четырнадцать спустя послѣ этого, точно производилось Квириніемъ, когда онъ былъ правителемъ Сиріи, какъ извѣстно это изъ Іосифа Флавія; и на него Лука также указываетъ (Дѣян. 5, 37.). б) Другіе толкуютъ эти слова такъ: это первая перепись Квиринія, бывшаго потомъ правителемъ Сиріи, полагая, что здѣсь Лука замѣтилъ это обстоятельство для отличенія этой переписи отъ другой, произведенной тѣмъ же Квириніемъ, о которомъ упоминаетъ въ Дѣян. 5, 37. Но этому толкованію противополагается 1) то, что въ такомъ случаѣ предъ ἡγεμονεύοντος долженъ стоять членъ τοῦ; 2) то, что ничѣмъ не подтверждается то предположеніе, чтобы *оба* народосчисленія производилъ Квириній.

4. Чтобы дать отвѣтъ на тотъ вопросъ, почему Іосифъ Флавій не упоминаетъ объ этой переписи, мы кратко представимъ исторію послѣднихъ годовъ царствованія Ирода.

Въ послѣдніе годы правленія Ирода было у него неудовольствіе съ аравійскимъ царемъ Овòдою, который, взявъ у Ирода нѣкоторую сумму денегъ, не возвращалъ ихъ ему въ назначенный срокъ, не смотря на требованіе Ирода. Кромѣ того, въ одно время сдѣлали изъ Аравіи вторженіе во владѣнія Ирода нѣсколько разбойническихъ шаекъ и увели съ собою нѣсколько человѣкъ изъ его подданныхъ; Иродъ требовалъ удовлетворенія; но разбойники были приняты подъ защиту царемъ аравійскимъ и его министромъ Силліемъ. Иродъ отнесся по этому дѣлу къ чиновникамъ императора, находившимся въ Сиріи. Здѣсь по-

ложено было и Ироду и Оводѣ возвратить захваченных тѣмъ и другимъ, а послѣднему кромѣ того и деньги—въ теченіе 30 дней: срокъ прошелъ; Аравитяне условія не исполнили; министръ Силлій отправился съ жалобою на Ирода въ Римъ. А Иродъ—съ согласія чиновниковъ имперіи—вступилъ въ Аравію и разбилъ войска своего непріятеля. Силлій, извѣщенный объ этомъ, бывъ удостоенъ аудіенціи отъ императора, доноситъ ему о вторженіи Ирода въ Аравію и объ истребленіи имъ 2,500 Аравитянъ вмѣстѣ съ вождемъ ихъ. Августъ спрашивалъ у друзей Ирода, находившихся въ Римѣ, справедливо ли то, что Иродъ дѣлалъ нападеніе на Аравію. И удостовѣрившись въ справедливости донесенія Силлія, не разыскивая далѣе дѣла, отправилъ къ Ироду очень жесткое письмо. Сущность его состояла въ томъ, что „доселѣ онъ (Августъ) обходился съ Иродомъ, какъ съ своимъ другомъ; но отселѣ будетъ обходиться съ нимъ, какъ съ своимъ подданнымъ“. Иродъ отправилъ въ Римъ пословъ для оправданія: но ихъ не приняли; другихъ—также. Въ это время Ово́да умеръ; его министромъ, который былъ главною пружиною неудовольствія, были также недовольны. Новый царь аравійскій Арета, вступившій на престолъ безъ испрошенія согласія императора римскаго, отправилъ было противъ Силлія въ Римъ посольство; но оно не было принято. Среди такихъ обстоятельствъ, говоритъ Іосифъ, царства іудейское и аравійское день отъ дня приходили въ худшее состояніе; изъ двухъ царей этихъ царствъ одинъ не былъ въ точномъ смыслѣ царь; другой — Иродъ, раздраживъ императора тѣмъ, что защищался, долженъ былъ терпѣть всякія несправедливости. Для прекращенія этихъ бѣдствій Иродъ послалъ въ Римъ Николая Дамасскаго, который дѣйствительно успѣлъ объяснить все дѣло императору,

обличить Силлія и оправдать Ирода. Августъ съ нимъ примирился. Послѣ сего возникло неудовольствіе въ самомъ семействѣ Ирода. Старшій сынъ его Антипатръ вошелъ въ очень тѣсныя сношенія съ братомъ Ирода, дядею своимъ, Феророю и женою его. Сестра Иродова, Саломія, зная объ этомъ союзѣ и опасаясь отъ него чего нибудь худаго для брата, донесла обо всемъ, что касалось до сего предмета, Ироду. Иродъ и самъ имѣлъ кое-какія объ этомъ свѣдѣнія и подозрѣвалъ; но о томъ, что передала ему Саломія, ему было неизвѣстно. Разсказавъ это, Іосифъ продолжаетъ: между тѣмъ существовало общество изъ Іудеевъ, которые выдавали себя за строгихъ ревнителей закона, за людей богоугодныхъ и которымъ были преданы женщины. Они называются фарисеями: это — люди, которые весьма сильны въ сопротивленіи царямъ, осторожны и готовы къ открытому противоборству и оскорбленіямъ. Эти люди, когда весь народъ іудейскій присягалъ въ вѣрности императору и царю, въ числѣ 6000 человѣкъ отреклись дать клятву. И когда царь наложилъ на нихъ пеню, жена Фероры сама внесла ее за нихъ, въ благодарность за это благодѣяніе (такъ какъ ихъ считали знающими будущее по вдохновенію божественному) предсказывали они ей, что Иродъ и его потомство скоро будутъ лишены царства по опредѣленію Божію и что царство перейдетъ въ руки Фероры и дѣтей ихъ. Это узнала Саломія, узналъ и царь. Вмѣстѣ съ этимъ узналъ и то, что пристали къ ихъ сторонѣ и нѣкоторые изъ придворныхъ. Въ слѣдствіе сего онъ умертвилъ главныхъ виновниковъ изъ фарисеевъ, евнуха Багоя и всѣхъ изъ своего дома, которые находились въ согласіи съ фарисеями. А Багоя, прибавляетъ Іосифъ, уважали они (фарисеи), потому что онъ, какъ говорили они, будетъ именоваться отцемъ и благодѣ-

телемъ царя, который возстанетъ по повелѣнію ихъ. Ибо у этого царя будетъ все въ рукахъ; онъ дастъ евнуху способность къ браку и чадорожденію (Antiquit: XVII, 2.).

Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ послѣднихъ годовъ царствованія Ирода открывается, что присяга, о которой говоритъ Іосифъ, есть тоже что перепись, о которой говоритъ Лука; потому что ежели допустить рожденіе І. Христа за 12 или за 15 мѣсяцевъ или же за 2 года до смерти Ирода, то эта присяга придется въ тоже время, въ какое была перепись.

Многія обстоятельства этой присяги согласны съ евангельскою исторіею о рожденіи Іисуса Христа.

Лука говоритъ: *изыде повельніе отъ Кесаря Августа* переписать *всю вселенную*. Сущность присяги, по словамъ Іосифа Флавія, состояла въ обѣщаніи вѣрности императору и царю. Присяга означаетъ подданство; подданство не могло быть ничѣмъ такъ изображено, какъ переписью. Лука говоритъ: *и идяху вси написатися*; удивительно, какъ съ этимъ соглашается Іосифъ, когда говоритъ, что весь народъ іудейскій, исключая 6000 фарисеевъ, далъ эту клятву.

Съ *переписью* и съ *присягою* связывается одинаковое произшествіе — *возмущеніе*. При вопросѣ волхвовъ, гдѣ царь Іудейскій рождается? весь Іерусалимъ пришелъ въ движеніе. Іосифово сказаніе какъ будто составляетъ комментарій на эти слова евангелиста Матѳея.

Возмущеніе іерусалимское въ томъ и другомъ повѣствованіи открылось по поводу разнесшагося слуха о новомъ царѣ. Первосвященники и книжники Матѳея, которыхъ спрашивалъ Иродъ о мѣстѣ рожденія Мессіи, конечно, суть тѣ фарисеи, которыхъ разумѣетъ въ сказаніи о бунтѣ Іосифъ Флавій. Новый царь, о которомъ пророчествуютъ фарисеи у Флавія,

очевидно, есть Мессія: ибо объ немъ говорится, что у него въ рукахъ все будетъ, къ нему прилагаются слова Исаіи пророка (56, 1—5).

У Іосифа фарисеи пророчествуютъ, что Богъ положитъ конецъ владычеству Иродову. У ев. Матѳея священники и жрецы также изъ пророковъ извлекаютъ предсказаніе о мѣстѣ рожденія Мессіи. У ев. Луки, кромѣ того, пророчествуютъ Симеонъ и Анна.

Иродъ, по сказанію ев. Матѳея, увидѣвъ, что обманутъ волхвами, послалъ истребить всѣхъ младенцевъ виѳлеемскихъ. Іосифъ также упоминаетъ о большомъ кровопролитіи. И хотя намъ изъ св. книгъ неизвѣстно, чтобы Иродъ производилъ еще гдѣ либо жестокости по поводу разнесшейся молвы о рожденіи Мессіи, однако вѣроятно, что человѣкъ такой подозрительный какъ Иродъ, послѣ того какъ обманутъ былъ волхвами, подозрѣвалъ въ томъ же книжниковъ и фарисеевъ, которыхъ спрашивалъ о Мессіи и потому также излилъ на нихъ свою ярость.

Такъ какъ я почитаю Іосифа горячимъ Іудеемъ, то самый образъ его повѣствованія о возмущеніи фарисеевъ служитъ мнѣ доказательствомъ, что онъ говоритъ о дѣлахъ, произшедшихъ въ Іерусалимѣ по поводу рожденія Іисуса Христа. Не удивительно ли, что Іосифъ насмѣхается надъ фарисеями, которые хвалились даромъ пророчества, тогда какъ самъ—фарисей и самъ подлежитъ тому же упреку, поелику неоднократно прилагаетъ пророчество о Мессіи къ лицу императора Веспасіана? Насмѣшка надъ фарисеями совсѣмъ была бы неумѣстна въ такомъ описаніи, которое представляетъ сцену жестокости и толикихъ ихъ бѣдствій. И за что? За то ли, что они отказались отъ присяги кесарю? нѣтъ. Они откупились бы отъ этого деньгами, если бы не причинены были Иродомъ нѣкоторыя другія оскорбленія.

Какія же?—Предсказаніе и ожиданіе, что царство Ирода должно перейти, сообразно опредѣленію Божію, въ другую фамилію изъ Иродовой. Это-то самое дѣйствительно и было во время рожденія Іисуса Христа. Кратко сказать, нельзя представить себѣ, чтобы тотъ, кто Ирода вездѣ называетъ жестокимъ, съ жестокостію Ирода сталъ издѣваться надъ фарисеями, если не предположить, что онъ въ семъ случаѣ имѣетъ въ виду осмѣять вмѣстѣ вѣру въ Мессію, котораго не хотѣлъ признавать за Мессію.

Скажутъ, что предсказанія, упоминаемыя Іосифомъ, относятся не къ Іисусу, а къ женѣ Ферорыи ея дѣтямъ.—Не отрицаю, что она, равно какъ и другіе, имѣли участіе въ томъ, что говорили тогда фарисеи. Но, чтобы она сама, или Ферора, или кто нибудь изъ ихъ потомства было то лицо, о которомъ здѣсь рѣчь,—нельзя повѣрить, потому что это противорѣчитъ всему прочему сказанію Іосифа. Ежели бы жена Ферорыи въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ обращала на себя вниманіе,—какъ повидимому утверждаетъ Іосифъ,—то быть не можетъ, чтобы она спаслась отъ жестокости Иродовой, отъ которой пали приближеннѣйшіе прежде люди къ Ироду. Скажутъ: ихъ сохранила всеобщая къ нимъ любовь народа; но какимъ расположеніемъ пользовался Антипатръ? И зачѣмъ бы этому Антипатру, столько жаждавшему престола, отправляться въ Римъ, оставивъ дѣла съ такомъ положеніи?—Отправляясь въ Римъ, не оставлялъ ли онъ Ферорѣ и женѣ его обязанность умертвить отца своего ядомъ и такимъ образомъ подвергалъ себя опасности лишиться наслѣдства престола?—Да и не противорѣчитъ ли самъ себѣ Іосифъ Флавій, когда сказавши, что фарисеи въ благодарность женѣ Ферорыза ея благодѣяніе, имъ оказанное, предсказывали ей, что Богъ опредѣлилъ передать престолъ Иродовъ Ферорѣ,

ея мужу и ихъ дѣтямъ, — въ концѣ повѣствованія говоритъ о царѣ, который, по ихъ пророчеству, долженъ возстать, какъ объ одномъ опредѣленномъ царѣ? Какъ жена Фероры, Ферора и дѣти ихъ могли быть этими царями? — Ежели и нельзя всей исторіи объ этой присягѣ и возмущеніи изъяснить по исторіи евангельской: все однакоже сродство ихъ очевидно, и первая много служитъ намъ къ объясненію нѣкоторыхъ событій, относящихся къ послѣдней: напр. быстраго распространенія молвы о рожденіи Іоанна; необычайности движенія въ Іерусалимѣ по поводу первыхъ слуховъ о Мессіи; жестокости Ирода; необходимости бѣгства Іисусова изъ Іудеи; преданій о смерти Захаріи, — объ удаленіи съ сыномъ въ пустыню Елизаветы.

Поелику Марія жила въ Назаретѣ и въ Назаретѣ ей было и откровеніе отъ ангела, то можно было думать, что здѣсь и родится ей сынъ, благовѣствованный ангеломъ. Но Тотъ, Кто распоряжался всѣми обстоятельствами рожденія этого Сына, имѣлъ причины нѣсколько измѣнить такое теченіе ихъ. Мессія, какъ сынъ Давидовъ, долженъ былъ и родиться въ городѣ Давидовомъ: нужно было, чтобы его происхожденіе отъ Давида было представлено для всѣхъ въ непосредственной ясности и достовѣрности, тѣмъ болѣе, что униженное потомство Давида принуждено было оставить наслѣдственный городъ свой и жить въ презрѣнной въ глазахъ гордыхъ Іерусалимлянъ, частицарстваіудейскаго, Галилеѣ. Кромѣ того было всѣмъ извѣстно древнее, еще до плѣненія вавилонскаго данное, предсказаніе, что Виѳлеемъ долженъ быть отечествомъ славнаго Вождя Израилева, *его же исходи изъ начала — отъ дней вѣка* (Мих. 5, 2.) Правда, Виѳлеемъ былъ тогда уже и не городъ, но деревня: но тѣмъ не менѣе взоры народа туда обра-

щались, когда искали себѣ Мессіи (См. Мѳ. 2,5.6; Іоанн. 7, 42).

Промыслу не нужно было однакоже употреблять никакихъ сверхъестественныхъ мѣръ для того, чтобы съ одной стороны привести родителей Іисуса въ Виѳлеемъ, съ другой—раскрыть предъ всѣми, что они происходятъ отъ дома Давидова. То и другое само собою должно было исполниться при народной переписи, которую въ концѣ царствованія Ирода предписано было произвести римскимъ правительствомъ въ Іудеѣ. Такъ какъ это было выраженіемъ неблаговоленія Августа къ царю іудейскому, а Иродъ очень дорожилъ благосклонностію римскаго императора, то объявленная перепись должна была производиться съ особенною поспѣшностію, хотя и не малое затрудненіе къ сему заключалось въ томъ, что сообразно законамъ іудейскимъ каждый долженъ записываться не въ томъ городѣ, гдѣ онъ живетъ, но въ томъ, откуда происходилъ его родъ. Посему и Іосифъ, не смотря на то, что домашнія обстоятельства располагали его нѣсколько времени промедлить въ Назаретѣ, отправился немедленно вмѣстѣ съ Маріею въ Виѳлеемъ.

Іосифъ и Марія прибыли въ Виѳлеемъ: но здѣсь такъ было тѣсно отъ множества съѣхавшихся для записанія (Виѳлеемъ прежде знаменитый и многолюдный много долженъ былъ дать изъ себя фамилій), что пришельцамъ назаретскимъ, бѣднымъ, хотя и знатнымъ по роду, но незнатнымъ по настоящему своему положенію, не осталось и мѣста въ гостинномъ домѣ, которое было бы поудобнѣе для Маріи въ послѣдніе дни ея беременности: они расположились въ одной пещерѣ [1]), находившейся близъ селенія вѣ-

(1) Преданіе о томъ, что Господь родился въ пещерѣ, подтверждается древними церковными писателями—Іустиномъ (in dialog. cum Tryphon. ἐν σπηλαίῳ τινὶ συνεγγυς τῆσ κώμης κατέλυσε), Оригеномъ

роятно въ той самой горѣ, на которой оно было расположено,—въ этой пещерѣ въ другое время становились стада, для которыхъ виѳлеемскія окрестности издревле были весьма удобны (1 Цар. 17, 15.).

Здѣсь-то благоволилъ Господь родиться! Преданіе разсказываетъ, что свѣтъ исполнилъ всю пещеру, когда родился Іисусъ, что облакъ свѣтоносный окружалъ ее и ослѣплялъ своимъ блескомъ входившихъ въ пещеру. Но Христу поклонится избранный и безъ этого свѣта; а младенцу нужна еще сокровенность. Марія сама приняла младенца, сама спеленала его и положила, гдѣ было поудобнѣе положить, въ ясли. Предоставляемъ каждому разгадывать, что думали, что ощущали въ себѣ земные свидѣтели божественнаго рожденія. Можно думать, что въ ихъ душевномъ состояніи болѣе было недоумѣнія, нежели торжественной радости. Сынъ Вышняго—въ такомъ уничиженномъ видѣ! Тотъ, Кому пророчески радовался еще во утробѣ матери своей Іоаннъ, долженъ лежать въ простомъ хлѣвѣ, въ ясляхъ. Когда родился Іоаннъ, предназначенный провозвѣстникъ его, всѣ родственники собираются къ матери его и радуются вмѣстѣ съ нею,—а Марія одна съ своимъ младенцемъ; Мессія—освободитель народа отъ враговъ—а производимая теперь перепись обѣщаетъ только то, что чуждое владычество еще болѣе укрѣпится въ тяготѣніи надъ народомъ Божіимъ: кого бы не заняли такія представленія при настоящемъ зрѣлищѣ и какого бы восторга не охладили въ тѣхъ, которые еще мало были знакомы съ судьбою этого новаго пришельца міра.

Итакъ очень естественно ожидать, что Промыслъ

(Contr. Cels. Lib. 1.), Епифаніемъ (Haeres. 51.), Григоріемъ Нисскимъ (Orat. de nativit. Christi), Іеронимомъ (141. 17 et 18).

не оставитъ вскорѣ подкрѣпить недоумѣвающихъ въ тѣхъ высокихъ обѣтованіяхъ, которыя были даны относительно младенца Іисуса. И въ самомъ дѣлѣ, къ этому были избраны нѣсколько пастуховъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Виѳлеема стерегшихъ свои стада въ ту ночь, когда родился Іисусъ. Промыслъ съ осторожностію избиралъ лица, которыхъ дѣлалъ участниками великой тайны: бѣдные пастухи въ простотѣ сердца могли принять благовѣстіе небеснаго посланника и отнюдь несоблазниться пещерою и яслями, въ которыхъ лежалъ будущій Искупитель,—для того, чтобы воздать хвалу Богу; но вмѣстѣ, какъ не имѣющіе никакой важности внѣшней, не могли далеко распространить молву о рожденіи обѣтованнаго.

Въ то время, какъ младенецъ, уже повитый пеленами, лежитъ въ яслѣхъ: приходятъ въ пещеру эти пастухи (можетъ быть хозяева пещеры) и, осмотрѣвшись съ удивленіемъ, оглядѣвъ Іисуса, Марію, и особенно обративъ вниманіе на ясли, начинаютъ съ благоговѣйною радостію разсказывать изумленнымъ Іосифу и Маріи, по какому побужденію они пришли сюда въ такое время (ночью) и что хотятъ они видѣть, какъ ангелъ, облеченный свѣтомъ, возвѣстилъ имъ о рожденіи въ эту ночь Христа Господа и, конечно въ намѣреніи препроводить ихъ къ нему самому,—указалъ имъ мѣсто, гдѣ онъ родился и признаки, по которымъ можно было узнать его; какъ въ слѣдъ за симъ благовѣстіемъ они были свидѣтелями еще чудеснѣйшаго событія: слышали пѣснь ангеловъ, воспѣвавшихъ хвалы Богу. И изумленіе пастырей и радость небожителей стали изумленіемъ и радостію святой матери младенца и престарѣлаго Іосифа. Пастыри оставили ихъ; но на Марію эти слова сдѣлали такое глубокое впечатлѣніе, что она отселѣ еще съ большею внимательностію начала замѣчать всѣ

обстоятельства, касающіяся ея Сына и разсуждать о нихъ тайно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласовались оба эти явленія ангеловъ, которыхъ удостоены пастухи, съ предшествующимъ служеніемъ ангеловъ тайнѣ рожденія Іисуса: не являлись ли они Захаріи, Маріи, Іосифу? Итакъ, нечего сомнѣваться, что и пастырямъ были такія явленія, сколько ни величественнѣе были нѣкоторыя обстоятельства этихъ явленій въ сравненіи съ предъидущими! Да, величественнѣе! какъ величественна эта пѣснь: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.* Она обнимаетъ и небо, и землю, и человѣковъ: она связываетъ съ событіемъ пещеры виѳлеемской все, что есть на небѣ свѣтлѣйшаго, наземлѣ—вожделѣннѣйшаго, для людей—благодатнѣйшаго: славу Божію, миръ или полное блаженство, благоволеніе Божіе. Здѣсь очевидно открывалось подтвержденіе всего, что доселѣ было сказано о Мессіи: но какъ будетъ приведено это въ исполненіе? Этотъ вопросъ всѣхъ ближе долженъ былъ касаться сердца Маріи, и Марія слишкомъ мало знала, какъ онъ разрѣшится. Это было для нея новымъ побужденіемъ входить въ размышленіе о великомъ дѣлѣ божественнаго Промысла. Она не видѣла въ своихъ обстоятельствахъ и обстоятельствахъ Іосифа ничего, что могло бы пролить хотя нѣкоторый свѣтъ на тотъ великій день, когда царство Мессіи должно открыться: но это не уничтожало ея увѣренности въ томъ, что оно нѣкогда должно открыться; она повторяла себѣ изреченія ангела, благовѣствовавшаго ей рожденіе Сына Всевышняго, повторяла тѣ чудесныя событія, которыя уже случились, и съ упованіемъ взирала на будущее. Когда Марія бросала взоръ на настоящее положеніе царства іудейскаго, ей могло приходить на мысль: „сколько еще великихъ переворотовъ должно прои-

зойти, прежде нежели настанетъ царство Сына ея? Могла ли она съ благочестивымъ размышленіемъ не обращаться и къ тѣмъ древнимъ пророчествамъ и обѣтованіямъ, которыя такъ часто читаются и объясняются въ синагогахъ, особенно къ тѣмъ мѣстамъ пророковъ, которыя содержали въ себѣ прямое указаніе или близкое сходство съ тѣмъ, что совершилось надъ нею. Какъ много должно было представиться пищи для ея размышленія, когда напр. теперь или послѣ пришли ей на мысль слова пророка Исаіи: *се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ*. Сколько было предметовъ для размышленія въ другихъ пророческихъ мѣстахъ, на которыя указывали слова ангеловъ Іосифу, ей и пастырямъ!—*Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающе въ сердцы своемъ*.

Въ осьмой день надлежало совершить надъ младенцемъ обрѣзаніе и дать ему имя [1]). Оно уже было преднаречено ангеломъ—и тогда не было необыкновеннымъ у Іудеевъ; только необыкновенно было то, что этотъ младенецъ во всей родословной своей (отъ начала міра) не имѣлъ никого, кто бы носилъ на себѣ такое имя; и оно было самымъ знаменательнымъ по отношенію къ будущимъ дѣйствіямъ и судьбѣ этого младенца; оно выражало все, что Іудеи, все, что весь прочій міръ могъ ожидать отъ Него;—это было то имя, предъ которымъ должно было *преклониться всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*. И оно возложено было старцемъ и юною дѣвою на того, кому принадлежало. Гдѣ это совершено,—въ той же ли пещерѣ, или въ другомъ мѣстѣ (Мѳ. 2, 9. 11.),—намъ неизвѣстно. Только пе-

---

1) Обычай нареченія имени младенцамъ въ день обрѣзанія происходилъ отъ временъ Авраама.

щера виѳлеемская сдѣлалась въ послѣдствіи предметомъ благоговѣйнаго почитанія христіанъ. Уже во времена Оригена сами язычники говорили: „вотъ пещера, гдѣ родился Іисусъ, котораго почитаютъ и обожаютъ христіане“ (Contr. Cels. Lib. 1.). Во времена Константина Великаго тамъ была уже построена церковь. Іеронимъ съ запада удалялся сюда для своихъ ученыхъ трудовъ и для упражненій въ подвигахъ благочестія. „Гдѣ возьму словъ, писалъ онъ отсюда къ одной своей знакомой въ Римѣ, гдѣ возьму краснорѣчія, чтобы описать тебѣ пещеру Спасителя и тѣ ясли, въ которыхъ плакалъ онъ—младенецъ? Нѣтъ! Лучше буду чтить это мѣсто молчаніемъ, нежели словомъ немощнымъ. Здѣсь нѣтъ пышныхъ портиковъ, нѣтъ раззолоченныхъ потолковъ. Виѳлеемъ... вотъ въ этой разсѣлинѣ земли родился Создатель неба. Здѣсь Онъ повитъ пеленами; здѣсь видѣли Его пастухи; здѣсь Онъ указанъ былъ звѣздою; здѣсь Ему поклонялись волхвы. И я думаю, это мѣсто святѣе скалы Тарпейской, которая не даромъ такъ часто терпѣла удары молніи,—видно, не угодна она Богу. Я знаю, есть тамъ святая церковь, есть трофеи апостоловъ и мучениковъ; имя Христово исповѣдуется истинно, вѣра проповѣдана апостолами, язычество попрано и имя христіанское съ каждымъ днемъ возвышается. Честолюбіе, преобладаніе, великолѣпіе городское, эти случаи—всегда быть видимымъ и видѣть другихъ, принимать посѣщенія отъ другихъ и самому посѣщать, хвалить и порицать, либо слушать, либо говорить, видѣть предъ собою всегда такую толпу народа—все это далеко чуждо отъ обѣтовъ и покоя монашескаго... А въ христовомъ селеніи совершается все по деревенски. Кромѣ пѣнія псалмовъ тишина ничѣмъ не нарушается. За то куда ни обернешься, вездѣ только ихъ и слышишь: тамъ земледѣлецъ, держась за руко-

ять своего плуга, поетъ: *аллилуія*; здѣсь усталый жнецъ подкрѣпляетъ себя псалмами; а тамъ виноградарь, обрѣзывающій кривымъ ножемъ своимъ вѣтви винограда, поетъ что нибудь изъ Давида. Вотъ въ нашей области какія поются пѣсни!“[1])

Такъ какъ Виѳлеемъ отстоялъ не болѣе какъ на два часа пути отъ Іерусалима; то Іосифъ и Марія, по истеченіи опредѣленнаго для очищенія родильницы времени, безъ всякаго затрудненія отправились въ храмъ Іерусалимскій для того, чтобы лично тамъ исполнить обряды очищенія и вмѣстѣ представить Богу, какъ тогда говорили,—сына Маріи. Ибо законъ требовалъ: *освяти Богу всякаго первенца перворожденнаго* (Исх. 13, 1. 2), и первородные должны были искупать себя отъ личнаго служенія Богу при храмѣ небольшою суммою денегъ (Числ. 18, 15. 16.). Итакъ, внести эту сумму при представленіи своего сына, а при томъ совершить жертву очищенія и было единственною цѣлію ихъ путешествія. Жертва же очищенія состояла или въ однолѣтней овцѣ, или, въ случаѣ убожества приносящаго, въ парѣ горлицъ, или молодыхъ голубей. Іосифъ и Марія не могли принести первой жертвы.

Во дворѣ храма было опредѣленное мѣсто, гдѣ родильницы, пришедшія для очищенія, были окропляемы отъ жреца водою очищенія. Никто, даже самъ жрецъ, не могъ знать, чтобы на рукахъ Маріи было какое нибудь необычайное дитя; каждый, кто видѣлъ Марію съ младенцемъ, стоящую подлѣ Іосифа, могъ считать его сыномъ Іосифовымъ изъ Назарета. Іосифъ и Марія предоставляли самому Богу разкрыть въ свое время истинное достоинство и назначеніе младенца, котораго принесли съ собою. Слухъ о видѣніи пасты-

[1]) Epist. ad Marcellam.

рей—Іерусалима не достигалъ. Потому Іосифъ и Марія совсѣмъ не ожидали, чтобы въ Іерусалимѣ кто нибудь узналъ въ ихъ Младенцѣ Царя Израильскаго.

Но едва вступили они во дворъ храма, какъ выходитъ къ нимъ на встрѣчу—съ радостнымъ нетерпѣніемъ,—какъ давно ожидавшій ихъ—одинъ почтенный старецъ: это былъ Симеонъ, мужъ по своему кроткому благочестію и духу истинно израильтянинъ, находившійся въ уваженіи у своихъ согражданъ, но который, какъ кажется, не былъ ни главою, ни даже низшимъ какимъ либо членомъ великаго Синедріона [1]). Симеонъ жилъ въ такія времена, когда желаніе каждаго благочестиваго израильтянина, „чтобы скорѣе пришелъ утѣха Израиля, божественный Царь и принесъ съ собою благоденствіе народу,“ возвышалось до нетерпѣливости. И эта нетерпѣливость часто выражалась у Симеона въ молитвахъ. Онъ былъ удостоиваемъ божественныхъ вдохновеній. И между тѣмъ какъ среди упадка нравовъ и волненій онъ подкрѣплялъ себя сладкими надеждами, какія внушались древними пророчествами, и достигши уже глубокой старости ничего еще не видѣлъ, что̀ бы показывало близость дней Мессіи, исключая развѣ приближеніе къ концу седминъ Даніиловыхъ: — для возвышенія его святыхъ желаній, въ награду его пламенныхъ молитвъ,—Богъ даетъ ему откровеніе, что онъ не узритъ смерти, пока не увидитъ Христа Господня. Онъ часто ходилъ во храмъ, но на этотъ разъ имѣлъ особенное влеченіе идти туда. Итакъ онъ видитъ—входятъ Іосифъ и Марія въ дворъ: божественное мановеніе вдругъ указываетъ ему на нихъ и влагаетъ въ умъ его мысль:

---

[1]) Иначе ев. Лука охарактеризовалъ бы его болѣе опредѣленными чертами. Поэтому едва ли справедливо предположеніе тѣхъ, которые считаютъ Симеона сыномъ Гиллеля, отцемъ Гамаліила, представителемъ Синедріона.

этотъ младенецъ—тотъ самый Царь, Мессія, котораго ты ожидаешь. Поэтому старецъ беретъ его на руки свои; Марія въ изумленіи уступаетъ вдохновенному, можетъ быть, извѣстному ей старцу; тотъ держитъ его нѣсколько времени на рукахъ своихъ: потомъ весь преданный радости давно желаемаго зрѣлища, то поднимаетъ взоры къ небу, то, опуская ихъ на младенца, произноситъ торжественнымъ образомъ: теперь-то, Господи, умретъ рабъ твой спокойно: потому что своими очами увидѣлъ Спасителя, котораго ты даровалъ всему міру. Я видѣлъ свѣтъ языковъ, видѣлъ славу Израиля—и довольно уже жилъ.

Но Марія должна была узнать при настоящемъ случаѣ и еще нѣчто новое относительно судьбы своего сына; нѣчто очень важное и доселѣ еще глубокою тьмою покрытое, что только въ послѣдствіи—самыми событіями могло объясниться. Старецъ Симеонъ благословилъ Іосифа и Марію, т. е. назвалъ ихъ блаженными за то, что они удостоились такой почести въ служеніи Мессіи. Но потомъ, обратившись въ особенности къ Маріи, передавъ ей младенца, сказалъ ей: „этотъ младенецъ будетъ виною погибели и спасенія многихъ изъ среды народа израильскаго; не всякій пойметъ его достоинство въ такомъ его видѣ; не всякій откроетъ свое сердце для слова его; онъ будетъ камнемъ соблазна, предметомъ противорѣчій и на немъ какъ на пробномъ камнѣ окажется, кто что имѣлъ въ своемъ сердцѣ по отношенію къ Богу и къ Мессіи. Даже тебѣ самой, Марія, пройдетъ оружіе въ сердце твое.“ Уже это слово—было оружіе! Острый взоръ старца, въ послѣдній разъ на землѣ озарившійся такимъ свѣтомъ, проникъ острѣе желѣза въ душу Маріи.

Въ тоже время подходитъ къ младенцу находившаяся въ храмѣ одна престарѣлая вдова, обладавшая

даромъ пророчества, именемъ Анна, знаменитая своимъ благочестіемъ; подходитъ и, постигнувъ духомъ, кого видитъ предъ собою, приноситъ благодареніе Господу за исполненіе древнихъ обѣтованій въ слухъ Іосифа и Маріи; Анна имѣла въ городѣ нѣсколько знакомыхъ лицъ, которыя подобно ей чаяли утѣхи Израилевой: имъ съ радостію она потомъ разсказывала, что уже родился желанный Мессія, и что она сама его видѣла въ храмѣ. Безъ сомнѣнія, каждому этого сказывать было нельзя. Самъ Богъ не безъ разбора сообщалъ людямъ эту тайну въ сіе время: потому что повсемѣстное и неосторожное распространеніе молвы о рожденіи Мессіи должно было повлечь еще слишкомъ рано для матери и для младенца гоненіе противъ нихъ. Люди, которые доселѣ знали тайну рожденія Мессіи, были или лица вовсе неизвѣстныя (пастухи) или совершенно извѣстныя, люди благоговѣйные. Въ устахъ первыхъ это извѣстіе неслишкомъ большую могло получить важность; послѣдніе умѣли дѣйствовать съ осторожностію и только тогда сообщали драгоцѣнную вѣсть, когда знали, что не будетъ она никакимъ образомъ обращена во зло.

Между тѣмъ то уже отчасти служило въ пользу Мессіи, что между благочестивыми Израильтянами тамъ и здѣсь было повторяемо и разсказываемо о необычайномъ младенцѣ, котораго видѣли въ храмѣ и о которомъ пророчествовали Симеонъ и Анна—люди столько извѣстные въ Іерусалимѣ.

Исполнивъ требованія закона, Іосифъ и Марія не имѣли нужды оставаться долѣе въ Іерусалимѣ: но куда же имъ пойти? Въ Виѳлеемъ ли, или въ Назаретъ? Виѳлеемъ сталъ для нихъ теперь гораздо важнѣе, нежели Назаретъ; въ немъ родился Іисусъ, это городъ Мессіи; онъ долженъ явиться изъ Виѳлеема, по крайней мѣрѣ во мнѣніи Іудеевъ. Итакъ они снова

расположились въ Виѳлеемѣ [1]), но уже не въ пещерѣ.

Всякій пойметъ, какую важность имѣли чудесныя іерусалимскія событія для Іосифа и Маріи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они также, какъ и прочіе Іудеи, представляли себѣ открытіе царства Мессіи не безъ большихъ переворотовъ: однако предполагали вмѣстѣ, что всѣ эти перевороты наконецъ разрѣшатся въ пользу цѣлаго народа іудейскаго; по ихъ представленію, могло быть хуже отъ этого только язычникамъ. Но Симеонъ подорвалъ такое представленіе: по его словамъ этотъ Мессія также будетъ виною погибели для многихъ во Израили, какъ и виною благоденствія. Напрасно льститъ себя весь народъ быть участникомъ благъ, которыя принесъ съ собой Мессія;—нѣтъ, что касается до правъ на эти блага, то они будутъ даваться не безъ отношенія къ помышленіямъ сердечнымъ т. е. расположеніямъ серд-

---

[1]) Что это предположеніе, которымъ принимается то, что Іосифъ и Марія, оставивъ Іерусалимъ, расположились остановиться своимъ пребываніемъ въ Виѳлеемѣ, не есть предположеніе произвольное, ни на чемъ не основанное, предлагаемъ слѣдующія причины: 1) только такимъ предположеніемъ объясняется то, что волхвы нашли младенца въ Виѳлеемѣ; они не могли придти и поклониться ему еще до путешествія Іосифа и Маріи въ Іерусалимъ: это раскрывается изъ обстоятельствъ ихъ исторіи: а) времени отъ рожденія до принесенія Іисуса Христа въ храмъ мало для ихъ путешествія въ Іудею; предположеніе, что звѣзда имъ явилась ранѣе рожденія Іисуса, невѣроятно. Они спрашиваютъ въ Іерусалимѣ положительно: гдѣ родился Мессія, а не гдѣ онъ долженъ родиться? b) подтверждается соображеніемъ съ исторіею путешествія въ Іерусалимъ Іосифа и Маріи: при возбужденномъ состояніи цѣлаго Іерусалима и царя его—опасно было туда и явиться имъ съ Младенцемъ виѳлеемскимъ; Симеонъ и Анна—вѣроятно въ такомъ случаѣ не стали бъ такъ гласно (въ храмѣ) говорить о немъ; въ особенности Анна не имѣла бы нужды говорить о немъ всѣмъ чающимъ избавленія, когда всѣмъ уже стало извѣстно отъ волхвовъ, что Мессія родился;—2) изъ 2-й главы евангелія Матѳея, ст. 20—22 видно, что Іосифъ считалъ обязанностію и по возвращеніи изъ Египта расположиться жительствомъ въ Іудеѣ (или Виѳлеемѣ),—что это составляло для него не малое затрудненіе; что только одно явленіе ангела расположило его идти въ Галилею (или Назаретъ).

ца, нравамъ, добродѣтели. Іудеи надѣются одни быть въ царствѣ Мессіи: тѣмъ хуже для нихъ; они обманываются. Царство Мессіи будетъ столько же свѣтомъ для язычниковъ, сколько славою для Израиля. Очевидно, что такое понятіе о царствѣ Мессіи гораздо полнѣе обнимало исторію его развитія; оно много прибавляло новаго къ тѣмъ понятіямъ о царствѣ Мессіи, которыя представляются въ пѣсни Захаріи, въ благовѣстіи ангела Дѣвѣ Маріи; оно много представляло для внимательной Маріи новыхъ вопросовъ, новыхъ предметовъ для размышленія. Но въ особенности ее должны были занять слова старца, собственно къ ней обращенныя: *тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе.* Марія доселѣ знала о себѣ только то, что она блаженнѣйшая изъ женъ, что ее будутъ ублажать всѣ поколѣнія: теперь она узнала горькую истину, которая, казалось, противорѣчила всѣмъ прежнимъ ея представленіямъ о себѣ и своей участи. Конечно немало изыскивала она способовъ къ разрѣшенію этой загадки: но еслибы и раскрыть ей весь планъ явленія царства Мессіи, —въ немъ она нашла бы столько чрезвычайнаго, что никакъ бы отъ того взоръ ея на себя не объяснился: надлежало предоставить времени это объясненіе. Между тѣмъ для Маріи весьма было полезно, даже необходимо было знать, что какимъ бы то ни было образомъ, только душа ея много должна потерпѣть жестокихъ огорченій за своего сына. Такъ послѣ и Спаситель, когда приготовлялся къ страданіямъ, то считалъ необходимымъ предувѣдомить о томъ своихъ учениковъ: *глаголю вамъ: прежде даже не будетъ, да, егда будетъ, вѣру имете, яко азъ есмь* Іоан. (13, 19. 14, 29.), хотя ученики также не понимали еще словъ своего учителя.

Эта необходимость предувѣдомить Іосифа и Марію

о судьбѣ ихъ сына и отчасти — ихъ собственной въ настоящемъ случаѣ тѣмъ очевиднѣе, что вскорѣ послѣ прибытія ихъ въ Виѳлеемъ должна была открыться въ этомъ городѣ кровавая сцена подозрительности Иродовой, которой причина скрывалась въ дошедшемъ до него извѣстіи, что въ Іудеѣ родился Мессія, и опредѣленномъ указаніи мѣста рожденія Мессіи, сдѣланномъ членами синедріона.

Въ то время, какъ Іосифъ и Марія, возвратившись изъ Іерусалима, оставались еще въ Виѳлеемѣ, прибыли въ столицу Іудейскую изъ восточныхъ странъ такъ называемые маги, *), которые въ особенно-

---

Откуда пришли волхвы? съ востока, т. е. или изъ Персіи, или изъ Вавилона. Первоначально подъ именемъ магов извѣстно было у Мидянъ племя, занимавшееся совершеніемъ священныхъ обрядовъ и сохраненіемъ ученыхъ свѣдѣній, какъ левиты у Израильтянъ. Отъ Мидянъ каста магов перешла къ Персамъ, и эти персидскіе маги пользовались огромною извѣстностію въ древнемъ мірѣ. Они были служителями божества, наставниками народа, прорицателями и чародѣями. Мидійскихъ магов, издавна занимавшихся наблюденіемъ надъ звѣздами и изысканіемъ тайнъ, чрезъ нихъ раскрываемыхъ, равно какъ и чрезъ сновидѣнія, Зароастръ въ послѣдней половинѣ VII вѣка предъ Р. Хр. преобразовалъ, раздѣливъ ихъ на три класса или, по крайней мѣрѣ, точнѣе опредѣливъ эти классы. (Гербеды—ученики; Любеды—учители; Дестуръ Любеды—совершенные учители). Это сословіе или каста магов извѣстна и у Халдеевъ, которые вообще назывались мудрецами халдейскими или вавилонскими, а у Грековъ и Римлянъ—просто халдеями или магами. Астрономическія наблюденія издавна они производили на башнѣ вавилонской. По звѣздамъ предсказывали они событія и судьбы естественныя, занимались и гаданіемъ по полету птицъ, по разсмотрѣнію внутренностей животныхъ.

Итакъ волхвы, упоминаемые въ евангеліи были изъ Персіи, или вѣроятнѣе изъ Вавилона. Іустинъ мученикъ, увлекшись примѣненіемъ словъ Исаіи, 8, 4. думалъ видѣть въ волхвахъ Аравитянъ дамасскихъ (Dialog. cum Tryph. cap. 77. 78). Такъ и Тертулліанъ adv. Marcionem III, 13. Но это объясненіе не удержалось въ церкви. Древнѣйшее показаніе можно находить въ первоевангеліи Іакова, гдѣ въ главѣ 21 вмѣсто: ἀπὸ ἀνατολῶν по другимъ спискамъ читается: ἐκ Περσίδος. Климентъ Александрійскій (Strom 1 p. 359.) называетъ ихъ магами персидскими; Василій Великій (hom. XXV p. 510) ἔθνος Περσικὸν οἱ μάγοι; Діодоръ Тарсійскій (Phot. cod. 223), Златоустый (hom. VI и VII) и Θеофилактъ (на Мѳ. 2 гл.) тоже. Но другіе, преимущественно западные, ищутъ родины волхвовъ въ Вавилонѣ (См. Eyseb Alexandr. orat. advers. astronom.) Ихъ насчиты-

сти занимались наукой о звѣздахъ; люди, которыхъ рѣдко видали въ Іерусалимѣ, исключая развѣ тотъ случай, когда они путешествовали для поклоненія Богу іудейскому, который чтимъ былъ тогда между иноземными народами. Не безъ причины можно полагать, что древнія пророчества Іудеевъ имъ были отчасти извѣстны. Кромѣ того, что эти пророчества имѣли много общаго съ распространившимися тогда всюду ожиданіями великаго всемірнаго Монарха, [1]) восточные ученые, кажется, знали нѣчто изъ пророчества Даніила, жившаго долго въ ихъ странѣ, которымъ очень ясно опредѣлялось время явленія Мессіи и которое могло сдѣлать ихъ тѣмъ способнѣйшими къ ближайшему вразумленію божественному. Одно прибытіе ихъ въ Іерусалимъ обратило вниманіе всѣхъ; но еще болѣе—ихъ прямой, ничѣмъ неприкрытый вопросъ: гдѣ родился Мессія, царь іудейскій? Мы, говорили они, нарочито для того и пришли сюда, что-

---

ваютъ троихъ—вѣроятно по числу даровъ, ими принесенныхъ. Но авторъ Op. imperf. in Matthaeum (Opp. Chrysost. T. VI, XXVII) насчитываетъ ихъ до 12. Впрочемъ общепринятое мнѣніе дѣйствительно не простирается далѣе троихъ и называетъ ихъ царями, кажется, въ соотвѣтствіе пророческимъ примѣненіемъ Псаін 49, 7.

Что разумѣли подъ звѣздою? — Игнатій Богоносецъ говоритъ о простой звѣздѣ (Ephes. cap. 19. Есть и въ Сирскомъ текстѣ, только съ пропусками). Оригенъ (Contr. Cels. 1, 60), Ѳеофилъ Александрійскій (Ep. Paschal. II), Амвросій (in Evang. Luc. II. cap. 48), Іеронимъ (in Esaiam cap. 19) допускаютъ, что въ этомъ исполнилось пророчество Валаама и видятъ въ звѣздѣ комету. Такъ и Василій Великій видитъ въ этомъ новую необыкновенную звѣзду (hom. XXV, 210), а ровно и Григорій Богословъ. Другіе отрицали звѣздную натуру въ этомъ явленіи. Діодоръ, Златоустый (VI hom. in Matth.), Ѳеофилактъ видѣли въ звѣздѣ „силу невидимую“, а не звѣзду вещественную. Школа Антіохійская думала быть раціональнѣе другихъ. Путь звѣзды необыкновенный, ея остановка ради вразумленія путешественниковъ показываютъ, что она была не изъ ряда обыкновенныхъ звѣздъ. Другіе допускаютъ, что въ звѣздное вещество облечена была духовная сила.

[1]) Тацитъ: plurĭbus persvasio inerat, antiquis sacerdotum litteris contineri eo ipso tempore fore, ut valesceret oriens profectique Iudaea verum potirentur (Histor Lib. 5. cap. 13. сравн. Светонія Vita Vespasiani cap. 4.)

бы поклониться этому царю, которому небо вручаетъ владычество надъ всѣмъ міромъ. А какимъ образомъ они это узнали, — волхвы объяснили явленіемъ имъ звѣзды въ ихъ странѣ. Для насъ теперь не совсѣмъ вразумительно такое объясненіе; однако для волхвовъ это явленіе звѣзды столько было опредѣлительно, что они по нему одному пошли въ Іерусалимъ. Былъ ли этотъ новорожденный царь изъ господствовавшей тогда въ Іудеѣ династіи, или нѣтъ,—на это, кажется, волхвы не обращали вниманія. Они предполагали только, что когда ужъ чужестранцамъ необычайное явленіе возвѣстило рожденіе этого царя, то конечно о немъ болѣе знаетъ каждый, особенно въ столицѣ іудейской, и что высшіе чины этого государства давно уже праздновали торжественно день его рожденія. Но этого ничего они не нашли здѣсь. Къ большому своему удивленію они увидѣли, что въ столицѣ іудейской еще ничего не знали о немъ (свѣдѣнія о Мессіи, распространенныя Анною, касались немногихъ, а изъ этихъ немногихъ могли волхвы и не встрѣтить ни одного).

Житель Іерусалима съ одной стороны находилъ очень страннымъ, что о важномъ событіи, которое случилось въ его отечествѣ, ему приносятъ извѣстіе чужестранцы; казалось бы этому событію и надлежало быть возвѣщену въ первый разъ въ столицѣ государства и какимъ нибудь собственнымъ пророкомъ. Но что всего болѣе затрудняло его—это была мысль,—какое неблагопріятное вліяніе на спокойствіе общественное будетъ имѣть это извѣстіе при такомъ подозрительномъ государѣ, каковъ былъ Иродъ.

Въ самомъ дѣлѣ, при дворѣ произошло сильное волненіе. Молва о Мессіи разнеслась не изъ какого нибудь маленькаго мѣстечка, но отъ почтенныхъ чужестранцевъ, ученыхъ мужей: о царѣ, котораго на-

родъ іудейскій ожидалъ, не могъ не слыхать и Иродъ. Вѣрилъ ли онъ, или не вѣрилъ древнимъ предсказаніямъ, до сего предмета относящимся, однако не могъ ихъ совсѣмъ отвергать: онѣ уже такъ глубоко укоренились въ религіи Іудеевъ и даже въ понятіяхъ о благѣ ихъ отечества, что нельзя было быть и Іудеемъ, не имѣя сихъ ожиданій. Чтобы лишить Ирода покоя довольно было и того одного, что народъ столько уже времени питается этою надеждою, и потому слишкомъ расположенъ къ принятію всего, что только можетъ обѣщать исполненіе этой надежды. Когда народъ будетъ думать (справедливо или несправедливо — дѣло не въ томъ), что имѣетъ у себя Мессію—это уже одно заставляло страшиться Ирода важныхъ и для его дома непріятныхъ переворотовъ. Да онъ же такъ взошелъ на престолъ іудейскій, такъ управляетъ имъ болѣе 30 лѣтъ, что не можетъ положиться на расположеніе къ себѣ своихъ подданныхъ, даже какой нибудь части ихъ: онъ никогда не считалъ своего престола и жизни безопасными даже со стороны своихъ дѣтей. Наконецъ ему извѣстно было сильное желаніе свободы въ его подданныхъ и фанатическая ревность нѣкоторыхъ партій, которыя при одномъ имени: Мессія, не только что при дѣйствительномъ его явленіи, готовы къ открытому возмущенію.

По такимъ представленіямъ подозрительный тиранъ, каковъ былъ Иродъ, скоро рѣшилъ, какъ ему поступить въ настоящемъ случаѣ, чтобы не потерять интересовъ своего дома: ежели гдѣ найдется такой младенецъ, который звѣздою, или пророчествомъ, или чѣмъ бы ни было назначается въ цари іудейскіе— немедленно истребить его. Религіи Ироду довольно и въ такой мѣрѣ усвоить, чтобы онъ могъ только повѣрить сказанію восточныхъ мудрецовъ и предсказаніямъ священныхъ книгъ, а отнюдь не столько,

чтобы онъ считалъ обязанностію соображаться съ волею и мановеніемъ неба; это доказывается исторіею настоящаго его образа дѣйствованія.

Иродъ собираетъ цѣлый Синедріонъ [1]): это верховное судилище довольно испытало и прежде его жестокой тираніи, а теперь старость Ирода и непріятности въ его фамиліи сдѣлали его еще подозрительнѣе. Въ настоящее собраніе онъ предлагаетъ ему и особенно богословамъ и толкователямъ вопросъ: въ какомъ мѣстѣ долженъ родиться тотъ великій царь, котораго ожидаетъ народъ? Нетрудно было догадаться, что побуждаетъ государя къ такому вопросу, и для какой цѣли онъ предлагаетъ его. Рожденіе Мессіи было для него важно потому, что могло быть вредно для его дома.

Синедріонъ, сколько ни важнымъ казалось извѣстіе, принесенное чужестранцами, само по себѣ безъ отношенія къ Ироду, не хотѣлъ однакоже входить въ дальнее о немъ разсужденіе, а счелъ приличнѣйшимъ въ отвѣтъ царю на его вопросъ указать на одно древнее божественное изреченіе, содержавшее въ себѣ пророчество, которое показывало, что Мессія долженъ родиться въ Виѳлеемѣ.

Иродъ повѣрилъ; онъ имѣлъ уже одинъ признакъ, чтобы отыскать новорожденнаго царя. Ему нужно бы еще узнать время рожденія: это у кого спросить? Всего лучше у самихъ волхвовъ, которые утверждали, что они потому и пришли въ Іудею спрашивать о мѣстѣ рожденія Мессіи, что по явленію звѣзды узнали время его рожденія. Итакъ нужно узнать, когда явилась имъ эта звѣзда. Послѣ этого уже не трудно будетъ узнать въ такомъ небольшомъ мѣстечкѣ, каковъ Виѳлеемъ, кто этотъ Мессія: стоитъ узнать, кто въ такую-то ночь родился тамъ изъ дѣтей мужескаго пола.

---

1) Πάντας τοὺς ἀρχιερεῖς καὶ γραμματεῖς τοῦ Λαοῦ.

Но чтобы такимъ точнымъ изслѣдованіемъ времени явленія звѣзды не возбудить въ народѣ какого нибудь подозрѣнія и не подать случая къ укрытію младенца, Иродъ повелѣваетъ явиться предъ себя иностраннымъ мудрецамъ, которые еще не знали, куда имъ обратиться, чтобы видѣть новорожденнаго,—для тайнаго собесѣдованія; выспрашиваетъ еще разъ о побудительныхъ причинахъ ихъ путешествія и старается вывѣдать, когда они видѣли небесное явленіе. Языкъ, какимъ онъ говорилъ съ ними объ этомъ предметѣ, не могъ подать пришельцамъ никакого подозрѣнія. Иродъ былъ образецъ въ лицемѣріи. Казалось, его сильно безпокоило то, что доселѣ еще не было оказано такому важному лицу, каковъ Мессія, никакой почести отъ его соотечественниковъ. „Есть, конечно, примѣры, говорилъ онъ имъ, что люди, которыхъ Божество избирало для исполненія своихъ важнѣйшихъ цѣлей, являлись въ міръ безъ всякаго шума и молвы, но только впослѣдствіи раскрывали себя во всей своей славѣ: однако тѣмъ не менѣе на насъ лежитъ долгъ, какъ скоро мы открыли хотя малый слѣдъ явленія такихъ людей, ихъ отыскивать и принимать съ надлежащимъ изъявленіемъ почестей. Теперь, если вы удостоены были божественнаго откровенія относительно рожденія такого важнаго лица, каковъ Мессія, то конечно будете счастливы и въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ его. Мѣсто его рожденія я вамъ могу указать: тамъ найдете вы младенца; именно въ одной деревнѣ, отстоящей отъ Іерусалима на два часа пути, въ Виѳлеемѣ. Туда можете вы отправиться и тамъ спросить о младенцѣ. Но когда вы найдете его, продолжалъ лукавый Иродъ, то немедленно меня извѣстите о томъ. Я почту моею обязанностію и самъ потомъ отправиться въ это мѣсто и отдать честь, какую должно, лицу, подъ такимъ великимъ предзнаменованіемъ явившемуся въ свѣтъ.“

Получивъ такое извѣстіе, волхвы отправились въ путь къ Виѳлеему. Еще не имѣли они никакого другаго признака, что они тамъ найдутъ своего младенца, кромѣ указанія царя, которое однакоже опиралось на божественномъ изреченіи: но только что вышли за городъ (это было или въ полночь или подъ утро), какъ явился имъ опять тотъ небесный свѣтъ, который они видѣли уже разъ на востокѣ: они узнали звѣзду свою и звѣзда стала теперь ихъ руководителемъ; она шла предъ ними до Виѳлеема: вошла съ ними въ Виѳлеемъ; остановилась: *верху идѣже бѣ отроча.*

Съ радостію, которая исключала всякое сомнѣніе, и съ благоговѣніемъ, которое соразмѣрно было ожиданіямъ, побудившимъ ихъ къ такому путешествію, вступили странники въ домъ и нашли здѣсь матерь и младенца. Что другихъ могло здѣсь привести въ сомнѣніе—убожество, то едва было ими замѣчено: такъ сильно, такъ живо было впечатлѣніе, какое произвело на нихъ вторичное явленіе небеснаго указателя. Не распрашивая ни о чемъ, не развѣдывая,—туда ли они пришли, куда имъ было нужно,—вдругъ, въ присутствіи матери они преклоняются предъ лежащимъ предъ ними младенцемъ (это честь, какую воздаютъ на востокѣ подданные своимъ государямъ), въ которомъ видятъ божественнаго Царя и въ чувствѣ благодарности за то, что удостоены найти такое вожделѣнное зрѣлище, вынимаютъ изъ своихъ сокровищъ подарки отъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній земли своей: подносятъ ему ѳиміамъ и смирну съ золотомъ—дары, съ какими обыкновенно на востокѣ являются предъ царей своихъ, и безъ которыхъ даже посредственнаго состоянія подданный не можетъ предстать престолу своего государя. Велико разстояніе между этимъ поздравленіемъ, сопровождаемымъ такими значительными подарками, и тѣмъ уничиженнымъ состояніемъ, въ

какомъ они нашли младенца и матерь: но эти чужестранцы пришли не за тѣмъ, чтобы посмотрѣть пышности придворной, иначе они остались бы у Ирода; они хотѣли видѣть благословенное дитя, будущаго великаго царя. И увѣренность, что они нашли его въ этомъ городкѣ, въ этомъ домѣ, превозмогла всякую мелкую мысль. Они могли понять, что Провидѣніе, открывшее имъ такимъ чрезвычайнымъ образомъ его рожденіе, могло имѣть свои причины на то, почему избрало для его рожденія такой малый незначительный городокъ. При томъ, это дѣло не неслыханное: дитя знатнаго происхожденія, даже царскія дѣти скрываются иногда долго въ неизвѣстности, а потомъ — въ извѣстномъ возрастѣ выступаютъ на сцену.

Поклонившись Іисусу, они намѣрены были предпринять обратный путь въ Іерусалимъ, чтобы извѣстить царя о сдѣланномъ ими открытіи. Но необычайное сновидѣніе побудило ихъ перемѣнить это намѣреніе; имъ было сказано, чтобы они не возвращались къ Ироду. Вслѣдствіе этого повелѣнія они избрали другой путь для возвращенія въ отечество. Намѣреніе и причины такого божественнаго распоряженія можетъ быть они разгадали по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ своего пребыванія въ Іерусалимѣ и въ особенности нѣкоторыхъ чертъ характера Иродова.

Въ тоже время Іосифъ получилъ повелѣніе бѣжать съ матерью и младенцемъ изъ своего отечества въ сосѣдственную страну—Египетъ. Теперь открывается, какъ было благовременно для нихъ предувѣдомленіе Симеона, что младенецъ этотъ будетъ предметомъ преканій. Іосифъ изъ бесѣды волхвовъ или отъ самаго ангела могъ узнать, какая имъ угрожаетъ опасность оставаться долѣе въ Іудеѣ. И привыкши повиноваться всѣмъ распоряженіямъ Божіимъ, хотя не понималъ ихъ причины и цѣли, особенно сдѣлавшись

внимательнымъ къ чудеснымъ судьбамъ младенца, котораго былъ хранителемъ, — онъ уже не могъ затрудняться никакими неудобствами въ исполненіи повелѣнія, возвѣщеннаго ему ангеломъ. Но, надобно замѣтить, непреодолимыхъ трудностей при семъ по видимому и не представлялось: Египетъ былъ отъ Іудеи не далекъ, отъ Виѳлеема до ближайшихъ границъ его было около 40 часовъ пути. Въ Египтѣ жило много Іудеевъ, и эта страна часто была въ древности убѣжищемъ для Іудеевъ, даже для царственныхъ лицъ. Дары волхвовъ доставили имъ нужныя деньги для путешествія. Наконецъ упованіе на Бога, на самаго младенца, котораго жизнь спасали и который, какъ могли они уже изъ многихъ событій видѣть, такъ дорогъ въ очахъ Божіихъ,—довершило побѣду надъ всѣми другими страхами и опасеніями. И Іосифъ немедленно въ ночь, какъ говоритъ евангелистъ Матѳей, вѣроятно ту самую, въ которую было сновидѣніе, отправился въ Египетъ съ матерью и младенцемъ.

Что же въ Іерусалимѣ? тамъ все было въ движеніи—отъ царя до послѣдняго его подданнаго: нетерпѣливѣе всѣхъ былъ царь: онъ съ часу на часъ ждалъ извѣстія отъ волхвовъ объ успѣхѣ ихъ путешествія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе болѣе или менѣе были заняты такими же ожиданіями: кто со страхомъ—за Ирода; кто съ радостію и спокойнымъ упованіемъ на Промыслъ, который, думали, не оставитъ скрываться въ неизвѣстности давно всѣми желаннаго; кто—съ любопытствомъ—видѣть конецъ такого всеобщаго движенія. Но ничьи ожиданія не исполнились. Царь, раздраженный симъ еще болѣе противъ того, кого и прежде считалъ соперникомъ своимъ или, покрайней мѣрѣ, соперникомъ своего дома въ правахъ на престолъ, далъ повелѣніе истребить всѣхъ младенцевъ мужескаго пола, начиная съ двухлѣтнихъ, въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ: это повелѣ-

ніе было исполнено такъ быстро, что родители не успѣли скрыть дѣтей своихъ отъ губительства тирана. Тѣмъ, которые слышали прежде объ Іисусѣ отъ несомнѣнныхъ свидѣтелей, которые видѣли его самаго, — теперь трудно было даже рѣшить, живъ или нѣтъ этотъ Іисусъ?—потому что отправленіе Іосифа изъ Виѳлеема было весьма поспѣшно и совершенно внезапно.

Позднѣйшее преданіе наполняетъ все время бѣгства Іисуса въ Египетъ и пребыванія его тамъ—чудесами. Евсевій и Аѳанасій говорятъ, что вступленіе Іисуса въ Египетъ ознаменовалось паденіемъ здѣсь идоловъ и видятъ въ этомъ исполненіе словъ Исаіи пророка 19, 1. Созоменъ разсказываетъ, будто въ Гермополѣ одно дерево, которое стояло при самыхъ вратахъ города и по своей величинѣ было язычниками чествуемо, преклонилось предъ Іисусомъ до земли, когда онъ входилъ въ городъ, и съ того времени этого дерева сучья, кора, вѣтви давали исцѣленіе отъ всякихъ болѣзней до временъ Юліана, который приказалъ его срубить (Lib. 5. c. 21) [1].). Евангеліе младенчества Іисуса Христа повѣствуетъ 1), что въ первомъ городѣ Египетскомъ, въ который Іосифъ съ младенцемъ и матерью вступили, всѣ жители почувствовали нѣкоторое потрясеніе и пришли вопросить своего жреца, какая бы тому была причина: что идолъ отвѣчалъ имъ: „прибылъ сюда невѣдомый Богъ, который есть истинный Богъ“ и самъ палъ; что сынъ этого жреца, одержимый духами, получилъ отъ нихъ освобожденіе ненамѣреннымъ прикосновеніемъ къ головѣ своей одной изъ пеленъ Іисусовыхъ, духи вышли изъ него въ видѣ врановъ и змѣй; 2), будто опа-

[1]) Палладій (in vita Chrysostomi) пишетъ, что въ Гермополѣ была еще отъ времени явленія Іисуса Христа церковь: τὴν παροικίαν, ἣν ἀπὸ τῆς Χριστοῦ παρουσίας εἶχεν ἡ Διοσκόρου πόλις. Гермополь называется градомъ Діоскора потому, что принадлежалъ къ его епископіи.

саясь дурныхъ слѣдствій со стороны жителей этого города за то, что были причиною паденія ихъ идола, святые путники нечаянно попали на шайку разбойниковъ, которые однакоже сами были испуганы шумомъ, сопровождавшимъ Іосифа съ Іисусомъ; 3), въ другомъ городѣ Марія исцѣлила бѣсноватую женщину; 4), еще въ другомъ городѣ чародѣями лишенная языка невѣста получаетъ языкъ отъ частаго и крѣпкаго прижиманія къ себѣ младенца; 5), въ новомъ городѣ освобождается одна женщина отъ злаго духа, вошедшаго въ нее въ видѣ змія—чрезъ одно приближеніе къ ней младенца; а отъ благовонной воды, которою потомъ эта женщина омыла его, получила исцѣленіе одна дѣвица прокаженная, которая съ святымъ семействомъ и отправилась; 6), подобное—въ другомъ городѣ—получаетъ сынъ начальника этого города; 7), въ другомъ городѣ разрѣшаются одному недавно женившемуся мужчинѣ причины, препятствовавшія ему пользоваться правами супружества; 8), въ другомъ городѣ возвращенъ тремъ сестрамъ ихъ братъ, который позависти нѣкоторыхъ людей посредствомъ чародѣйства обращенъ былъ въ мула; младенца только посадили на него и онъ сталъ человѣкомъ и потомъ вступилъ въ супружество съ тою дѣвицею, которая сопровождала своего цѣлителя; 9), въ пустынѣ встрѣчаются съ двумя разбойниками, изъ коихъ одинъ столько оказалъ уваженія къ Іисусу, что давалъ значительную сумму денегъ другому—только бы онъ не грабилъ Іосифа съ семействомъ,—за что Марія просила ему отъ Господа прощенія грѣховъ, а Іисусъ сказалъ, что оба эти разбойники будутъ висѣть по сторонамъ креста его на своихъ крестахъ; 10), одинъ городъ идольскій превратился въ бугры песка; 11), при сикоморѣ (дикой смоковницѣ) Іисусъ произвелъ источникъ, въ которомъ Марія мыла его рубашку, а отъ помой сталъ

родиться въ этой странѣ бальзамъ. Въ заключеніе исторія путешествія Іисусова замѣчаетъ, что „Іосифъ съ матерью и младенцемъ пришли въ Мемфисъ; видѣли здѣсь фараона; были всего въ Египтѣ три года; Іисусъ здѣсь много сотворилъ чудесъ, которыя однако не записаны ни въ Евангеліи младенчества, ни въ Евангеліи совершенномъ.“

Но все, что здѣсь ни разсказывается, не имѣетъ достовѣрности—отчасти потому, что представляется несообразнымъ съ тогдашнимъ состояніемъ Іисуса; отчасти потому, что содержитъ въ себѣ много нелѣпаго. Ежели Іисусъ не хотѣлъ тогда скрывать своей чудодѣйственной силы, то для чего ему было и бѣжать въ Египетъ? Тою же силою онъ могъ бы защитить себя и въ Іудеѣ. Какъ тамъ разрушилъ онъ городъ идольскій: такъ могъ бы онъ и здѣсь поступить съ своими врагами.

Итакъ все время путешествія Іисуса въ Египетъ и пребываніе его тамъ остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ: даже мы не можемъ съ точностію опредѣлить того, долго ли онъ пробылъ тамъ.

Знаемъ только то, что какъ скоро услышалъ Іосифъ, что Иродъ-гонитель Іисуса—умеръ, то, оставивъ Египетъ, пошелъ въ свое отечество. Онъ намѣревался утвердиться жительствомъ въ Іудеѣ, именно, какъ кажется, въ Виѳлеемѣ. Но увѣдомившись, что Іудея досталась послѣ Ирода въ руки сына его Архелая—государя, котораго онъ имѣлъ причины страшиться болѣе, нежели другихъ сыновей Ирода—Антипы или Филиппа, правившихъ въ другихъ областяхъ іудейскаго царства, сообразно внушенію божественному удалился въ Назаретъ галилейскій, гдѣ прежде жилъ съ Маріею.

Такимъ образомъ младенецъ Іисусъ былъ отдаленъ надолго отъ Іерусалима; о немъ не могли теперь

знать ничего болѣе даже и тѣ, которые слышали о его рожденіи столько необычайнаго. Іисусъ не прежде долженъ былъ явиться публично Мессіею, какъ когда достигнулъ совершеннаго мужескаго возраста: раннее знакомство съ нимъ могло бы подать только болѣе поводовъ къ мелочнымъ сомнѣніямъ, нежели доставить пользы. На жителяхъ Назарета ясно можно видѣть, какъ много возбуждало ихъ противъ Іисуса то, что они столько знали его-знали какъ младенца, знали какъ отрока, знали какъ юношу, знали какъ сына плотникова, знали какъ брата и родственника обыкновенныхъ людей. Можно думать, что этотъ предразсудокъ распространился бы еще далѣе, когда бы тѣ, которые въ Іерусалимѣ радовались рожденію его, какъ рожденію Мессіи, видѣли его теперь каждодневно, знали его въ отроческія и юношескія лѣта—и (исключая предрасположеній духа) чрезъ столько времени не примѣчали въ немъ ничего соотвѣтствующаго ихъ ожиданіямъ. Могли ли они сдѣлаться способнѣе признать въ немъ его божественное достоинство — на тридцатомъ году его жизни—когда столько лѣтъ не примѣчали въ немъ слѣдовъ онаго? Нѣтъ. Ищущій всегда чудесъ и знаменій Іудей въ Іерусалимѣ при столь продолжительномъ знакомствѣ съ Іисусомъ столько же мало, какъ и житель Назарета, могъ сохранить тѣ великія надежды, которыя съ нимъ соединяли, когда Симеонъ и Анна о немъ говорили и искали его чужестранные мудрецы.

Наконецъ достовѣрная исторія младенчества Іисуса заключается замѣчаніемъ евангелиста: *Іисусъ же преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатію у Бога и человѣкъ*. Въ силахъ его духа болѣе и болѣе проявлялось то, чѣмъ ему надлежало быть по своему назначенію: обитавшая въ немъ полнота Божества соразмѣрно немощи и скудости сосуда человѣче-

ства не вдругъ вся въ немъ раскрывалась. Все, что божественнаго видѣли во время общественнаго его служенія въ его жизни, ученіи и дѣлахъ, находилось уже въ немъ и тогда, какъ онъ былъ въ возрастѣ младенческомъ, дѣтскомъ, юношескомъ: но по неспособности силъ его къ проявленію полноты Божества оставалось болѣе или менѣе сокрытымъ. Но чѣмъ болѣе укрѣплялись силы его души и тѣла, чѣмъ болѣе приближался Онъ къ совершеннѣйшему возрасту человѣка, тѣмъ яснѣе открывалъ въ себѣ Божество. Такъ солнце и въ утро и въ полдень и въ вечеръ—всегда равно себѣ и въ блескѣ и теплотѣ. Но иначе оно свѣтитъ и грѣетъ нашу землю утромъ, иначе—въ полдень и иначе—вечеромъ. Постепенность раскрытія силъ его въ особенности открывалась въ его разумѣ и познаніяхъ, и всѣ его слова, дѣйствія и движенія отличались нѣкоторымъ божественнымъ достоинствомъ и красотою; почему это дитя, этотъ юноша и привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ. *Іисусъ же преспѣваше премудростію и возрастомъ у Бога и человѣкъ.*

Мы сказали: этимъ заключается достовѣрная исторія младенчества Іисуса Христа; но вымыслы позднѣйшіе и преданія слѣдуютъ гораздо далѣе, наполняютъ все время жизни Іисуса Христа отъ вселенія въ Назаретѣ до путешествія въ Іерусалимъ на 12 году его жизни—чудесами. Епифаній въ одномъ мѣстѣ какъ будто соглашается допустить что-нибудь подобное—для того, чтобы никакой еретикъ не могъ сказать, что на Іисуса сошелъ при крещеніи Христосъ. Но Златоустый довольно прямо объявляетъ себя противъ этихъ преданій. Отъ достовѣрной исторіи младенчества Іисуса Христа надлежитъ также отличать позднѣйшаго изобрѣтенія догадочныя идеи развитія силъ

въ Іисусѣ Христѣ, которыя впрочемъ не ограничиваются его младенчествомъ, но обнимаютъ весь періодъ его жизни до вступленія въ общественное служеніе.

Раскрывая исторію младенчества Іисуса Христа, мы ничего не сказали о времени его рожденія. Какъ должно думать о счисленіи, принимаемомъ нынѣ? Годъ рожденія Іисуса Христа можно опредѣлить 1) хронологическими указаніями евангелистовъ, относящимися къ самому событію рожденія Іисуса Христа; 2) можно опредѣлить и по времени крещенія Іисуса Христа и наконецъ 3) по времени кончины Его. 1) Въ исторіи рождества Іисуса Христа у евангелистовъ представляются слѣдующія хронологическія указанія: а) Іисусъ Христосъ родился при Иродѣ, б) незадолго до его смерти,—что можно видѣть изъ того, что послѣ путешествія Іисуса Христа въ Египетъ Иродъ скоро умеръ, в) можетъ служить указаніемъ времени то, что Иродъ повелѣлъ умертвить младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и меньше, значитъ—предполагалъ, что младенецъ Мессія былъ не болѣе двухъ лѣтъ. 2) Въ исторіи крещенія Іисуса Христа хронологическими указаніями могутъ служить а) самое вступленіе Іоанна въ служеніе, которое, по словамъ евангелиста Луки, было въ 15-й годъ царствованія Тиверія,—это 787 г. отъ созданія Рима; б) означеніе лѣтъ, какихъ крестился Іисусъ: *и той бѣ яко лѣтъ тридесять, начиная*, замѣчаетъ Лука (3, 23); в) сказаніе у Іоанна о времени посольства къ Іоанну Крестителю съ вопросомъ о томъ, почему онъ крститъ (1, 25). Это посольство было въ то время, когда послѣ крещенія Спаситель удалился въ пустыню, и недолго спустя по вступленіи Іоанна въ свое служеніе. Если же сказано, что Іоаннъ вступилъ въ служеніе въ 15-й годъ Тиверія, и если это посольство было недолго спустя

послѣ вступленія его въ служеніе, то отсюда и можно опредѣлить время рожденія Іисуса Христа. 3) Можно находить признаки хронологическіе въ исторіи страданія и смерти Іисуса Христа. Къ опредѣленію этого времени находятъ ключъ въ седминахъ Даніиловыхъ. Начало седминъ упадаетъ на 20-й годъ царствованія Артаксеркса—455-й до Р. Хр. или считая по римскому счисленію на 299-й годъ отъ созданія Рима. Смерть Іисуса Христа по правильному изъясненію седминъ полагаютъ въ половинѣ 70-й седмины, начало служенія въ половинѣ 69-й. Опредѣляя такимъ образомъ годъ вступленія Іисуса Христа въ общественное служеніе, мы найдемъ, что оно было въ 483 отъ начала седминъ и слѣд. отъ созданія Рима въ 782 г., а полагая, что Спаситель крестился въ началѣ 30-го года своей жизни, получимъ годъ Его рожденія 753-й отъ созданія Рима. Вотъ нѣсколько системъ счисленія, по которымъ можно дойти до опредѣленія года рожденія Іисуса Христа. Послѣдній путь, очевидно, не для всякаго удовлетворителенъ, потому что не исторію должно повѣрять пророчествомъ, а пророчество исторіею. Слѣдовательно, для насъ болѣе достовѣрности могутъ имѣть первыя два счисленія, тѣмъ болѣе, что они сходятся между собою.

Въ первомъ счисленіи дѣло зависитъ отъ опредѣленія года смерти Ирода. Онъ ясно указанъ въ исторіи Іосифа Флавія; но это должно будетъ отнести насъ на нѣсколько лѣтъ отъ принятаго счисленія; Флавій, какъ самъ онъ говоритъ, писалъ исторію Ирода, руководствуясь записками Николая Дамасскаго, сотрудника и современника Иродова, и слѣдуя имъ утверждаетъ, что Иродъ объявленъ царемъ іудейскимъ въ 714 г., но вступилъ въ дѣйствительное владѣніе спустя 3 года, въ 717 г. Послѣ того Иродъ царствовалъ 34 г., а всего 37 лѣтъ. Итакъ полагая, что

Іосифъ слѣдуетъ счисленію Іудейскому, т. е. начинаетъ годъ съ мѣсяца Низана, мы найдемъ, что Иродъ скончался въ 750 году, послѣ мѣсяца Низана. Это подтверждается бывшимъ незадолго до смерти Ирода предъ пасхою затмѣніемъ солнца, о которомъ упоминаетъ Флавій и которое по вычисленію новѣйшихъ астрономовъ долженствовало быть въ 750 году. Съ этимъ счисленіемъ времени соглашаются и другія хронологическія замѣчанія о правленіи сыновъ Ирода. Іосифъ Флавій говоритъ, что Архелай правилъ Іудеею 9 лѣтъ, потомъ былъ сосланъ, какъ говоритъ Діонъ, въ 759 году отъ созданія Рима. Если Архелай правилъ 9 лѣтъ, то Иродъ умеръ въ 750 году. Филиппъ, по сказанію того же Іосифа Флавія, умеръ на 37 г. своего правленія на 20 г. Тиверія, а это есть 786 годъ, слѣдуетъ опять тоже, что Иродъ умеръ въ 750 году, притомъ это должно было быть весною. Если же Иродъ скончался въ 750 году, то значитъ, Спаситель родился въ 749 г., если не ранѣе, но ранѣе нѣтъ нужды предполагать, потому что событія младенчества Іисуса Христа могли совершиться и въ это время. Если же Спаситель родился около 750 года, то когда Ев. Лука замѣчаетъ, что Іоаннъ вступилъ въ свое служеніе въ 15 годъ Тиверія, а это будетъ 781-й отъ созданія Рима, то отчисляя отсюда 30 лѣтъ, мы получимъ число близкое къ 750.

Время рожденія Іисуса Христа опредѣляется указаніями ближайшихъ отцевъ церкви. Но ихъ счисленіе приходится на 751-й годъ, или близко къ сему, и само по себѣ видно, основывается не на историческихъ документахъ, но на герменевтическихъ началахъ. Ириней, писатель II вѣка полагалъ рожденіе Іисуса Христа въ 751 году. Тертулліанъ старается доказать тоже. Восточные говорятъ иначе: Климентъ Александрійскій полагаетъ въ 752 году. Евсевій старает-

ся подтвердить это, а Епифаній соглашается съ ними. И эти два счисленія, по видимому несогласные, въ сущности своей—одно. Вся разность происходитъ отъ того, что тѣ и другіе писатели не съ одного и того же мѣсяца и числа начинаютъ счисленіе. Ириней и Тертулліанъ начинаютъ съ 25 Декабря, а Евсевій и Епифаній съ Генваря, даже нѣкоторые съ Маія. И это указаніе Отцевъ Церкви на 751-й годъ можетъ быть зависѣло отъ соображенія словъ Ев. Луки, который полагаетъ вступленіе Іоанна въ служеніе на 15 году Тиверія. Впрочемъ надобно замѣтить, что слова Луки о времени крещенія Іисуса Христа неопредѣленны: *бѣ яко лѣтъ тридесять, начиная*, говоритъ онъ. Къ чему относитъ *начиная*, къ году ли жизни Іисуса Христа или къ Его служенію? Кажется *начиная* нельзя относить къ 30-му году жизни Іисуса Христа. Такъ не говорится ни на какомъ языкѣ. Вѣроятна догадка нѣкоторыхъ, что здѣсь опущено нѣчто т. е. начиная ученіе, или служеніе. Теперь обратимся опять къ исторіи.

Сознаніе о Своемъ высокомъ Божественномъ достоинствѣ и всемірномъ значеніи своего служенія Іисусъ Христосъ началъ раскрывать не вдругъ при самомъ вступленіи въ служеніе, но постепенно, еще съ лѣтъ юности. Въ этомъ увѣряетъ насъ происшествіе въ храмѣ Іерусалимскомъ, когда Онъ, будучи 12-ти лѣтъ, выразилъ, какъ Онъ понималъ свое назначеніе; и когда думали подчинить его семейственнымъ отношеніямъ, Онъ сказалъ, что Ему нужно быть тамъ, гдѣ Отецъ Его, въ дому Его. Напрасны и безплодны всѣ усилія объяснить внутреннее образованіе души Его. Кто можетъ проникнуть во глубину души Іисуса, когда такъ мудрено объяснить внутреннія движенія людей обыкновенныхъ, сколько нибудь глубокія? Догадка, что Іисусъ Христосъ получилъ образованіе въ

современныхъ Ему Іудейскихъ школахъ, противна Писанію и Божеству Іисуса Христа,—богохульна. Стóитъ только сличить тѣ пункты Его ученія, въ которыхъ думаютъ видѣть сходство съ существовавшимъ въ тогдашнихъ школахъ ученіемъ, и мы увидимъ, какъ они различны, какъ слабы теорія и практика Фарисеевъ, Саддукеевъ, Ессеевъ въ сравненіи съ ученіемъ Евангельскимъ. Ученіе Фарисеевъ съ своими практическими мелочными постановленіями, убаюкивающими духъ безплодными умозрѣніями, совершенно противно духу ученія Христова. Притомъ же мы видимъ, что тѣ изъ Фарисеевъ, которые приходили къ Нему слушать Его ученіе, приходили не какъ къ одному изъ среды себя, слушали Его ученіе, какъ новое и сознавали столь высокимъ, что прямо выражали свою неспособность понимать его, слѣд. ихъ ученіе не было Его ученіе. Что касается до ученія Саддукеевъ, которое произошло изъ стремленія очистить законъ отъ обременявшихъ его фарисейскихъ преданій, то хотя въ этомъ отрицательномъ отношеніи оно и кажется сходнымъ, но это сходство только наружное. Мы знаемъ, что у Саддукеевъ ученіе нравственное было совершенно отдѣлено, оторвано отъ ученія о Божествѣ и природѣ человѣка; тогда какъ въ ученіи Іисуса Христа ученіе религіозное и нравственное находятся въ необходимой связи и въ совершенномъ согласіи съ природою человѣка, удовлетворяя ея необходимымъ потребностямъ. Несомнѣнно также, что Саддукеи прерывали самую исторію откровенія, принимали только пятокнижіе Моисеево, напротивъ, по ученію Іисуса Христа все ветхозавѣтное ученіе есть одно цѣлое приготовительное ученіе. Ничего не имѣетъ общаго съ ученіемъ Спасителя и ученіе Саддукеевъ о безкорыстномъ исполненіи закона, потому что Іисусъ Христосъ не уничтожаетъ мысли о возмездіи; оно

необходимо по закону нашей природы, написанному въ совѣсти. Нравственное направленіе у Ессеевъ подавало нѣкоторымъ поводъ отъ нихъ производить нравственное ученіе Іисуса Христа. Напередъ замѣтимъ, что Ессеи, кромѣ нравственной природы, свое ученіе заимствовали изъ закона Моѵсеева, посему сходство между нимъ и ученіемъ Іисуса Христа должно быть необходимо, ибо и Іисусъ Христосъ не разрушалъ нравственнаго закона и предписывалъ самое сообразное съ природою человѣка. А въ другомъ случаѣ все согласное между тѣмъ и другимъ ученіемъ при внимательномъ разсмотрѣніи найдемъ различнымъ. Напр. клятва у Ессеевъ совершенно воспрещалась, но Іисусъ Христосъ не возставалъ противъ клятвы, когда ее требовала крайняя необходимость. Тоже должно сказать и относительно ученія о рабствѣ... Находятъ сходство въ томъ, что какъ Іисусъ Христосъ, такъ и Ессеи врачевали. Но Іосифъ Флавій замѣчаетъ, что Ессеи врачевали травами, камнями и учились этому искусству по книгамъ. А Іисусъ Христосъ врачевалъ Божественною силою, средствомъ коей было одно слово, или прикосновеніе руки. А тотъ духъ гордый и самодовольный, который господствовалъ въ Ессеяхъ, совсѣмъ противоположенъ основному началу ученія Іисуса Христа. Такимъ образомъ, сличая ученіе Іисуса Христа съ ученіемъ, раскрывавшимся въ современныхъ школахъ, мы увидимъ совершенное различіе между ними. И если мы видимъ въ Евангеліи названіе Іисуса Христа—Равви, которое даютъ Ему даже враги, то это не въ томъ смыслѣ, будто бы Онъ вышелъ со степенію учителя изъ какой нибудь школы, но этимъ именемъ Его называли какъ главу извѣстнаго общества. Напротивъ мы знаемъ, что Ему ставили въ упрекъ неученость, и съ удивленіемъ говорили: *не сей ли есть тектоновъ сынъ? како сей*

книги вѣсть не учився (Мат. 13, 55. Іоан, 7, 15)? Вообще всѣ рѣчи Его удивляли необыкновенностію предметовъ, которые совершенно различались отъ предметовъ школьнаго ученія. Словомъ, ученіе Іисуса Христа есть откровеніе Его въ Самомъ Себѣ и чрезъ Себя, и какъ Его чудодѣйственной силы нельзя производить изъ другаго источника, кромѣ Его Божественности, такъ и Его ученіе есть самостоятельное раскрытіе Божества въ Его умѣ и словѣ. Но вступленію Іисуса Христа въ общественное служеніе предшествовало вступленіе въ свое служеніе Іоанна Крестителя.

Прошло уже около четырехъ столѣтій со времени послѣднихъ пророковъ послѣ плѣненія Вавилонскаго, какъ въ Іудеѣ явился человѣкъ, который своимъ образомъ жизни и своимъ ученіемъ невольно напоминалъ древнихъ пророковъ: это былъ тотъ самый Іоаннъ, сынъ Захаріи, котораго рожденіе немногими мѣсяцами предшествовало рожденію Іисуса и который еще прежде рожденія своего былъ предназначенъ предтечею Его въ общественномъ Его служеніи. Объ его частной жизни не знали ничего, кромѣ того, что онъ еще рано началъ показывать въ себѣ особенную крѣпость духа (Лук. 1, 80.) и что вмѣсто того, чтобы по примѣру отца своего посвятить себя священническому званію, онъ удалился въ пустыню; обреченный при самомъ рожденіи своемъ къ обѣтамъ Назорейства, онъ простиралъ строгость житія еще далѣе: одна длинная верхняя одежда изъ верблюжьяго волоса и грубый кожаный поясъ составляли все украшеніе его; дикій медъ и родъ саранчи, который считался чистымъ, составляли пищу его. Это былъ человѣкъ, о которомъ было можно сказать: *ни ядый, ни піяй.* Но добродѣтели внѣшнія были только свидѣтельствомъ внутреннихъ: онъ весь горѣлъ любовію къ Бо-

гу, мощныя силы духа его были приводимы въ движеніе одною мыслію о Богѣ; ничѣмъ земнымъ неразвлекаемый, онъ въ Немъ Одномъ сложилъ всѣ свои желанія, надежды, стремленія: отсюда въ немъ была *ревность по Богѣ* непреоборимая; сознаніе своего назначенія, такъ тѣсно соединеннаго съ дѣломъ самаго Бога, дѣлало его готовымъ на всѣ опасности за вѣрность своему служенію; далѣе — въ уединеніи не наученный лукавствамъ людскимъ онъ развилъ въ себѣ характеръ совершенно открытый и *прямой*: онъ любилъ каждый нравственный поступокъ называть тѣмъ, что онъ есть, не закрывая никогда истины; наконецъ всегда упражняясь въ подвигахъ самоумерщвленія, вообще привыкъ онъ быть *строгимъ*. Отсюда его слово было всегда кратко, сильно; болѣе исполнено обличенія, нежели снисхожденія. Словомъ, по образу жизни, по качествамъ духа, по служенію это былъ вторый Илія.

Его назначеніе было—идти предъ Мессіею съ проповѣдію покаянія. Казалось бы для такого дѣла нуженъ человѣкъ болѣе кроткій и привѣтливый; грѣшникъ всегда неохотно располагается къ сознанію своихъ грѣховъ, когда наступаютъ на него съ силою. Но что было дѣлать съ народомъ Іудейскимъ въ это время, когда онъ думалъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ бы надлежало ему думать. Какъ могли бы услышать гласъ проповѣдника кроткаго въ шумѣ страстей, боровшихся между собою въ маломъ государствѣ и сосредоточивавшихъ все вниманіе на одномъ земномъ? Іисусъ могъ явиться только послѣ Іоанна.

Въ продолженіе 30-ти лѣтъ частной жизни Іисуса Христа, въ положеніи страны Іудейской произошли значительныя перемѣны, которыя должны были отразиться въ расположеніи умовъ народныхъ.

Сынъ Ирода, Архелай, воспитанный вмѣстѣ съ

братомъ своимъ Антипою въ Римѣ, получилъ послѣ отца своего, не смотря на жалобы Іудеевъ, въ управленіе Іудею, Идумею и Самарію съ значительными городами: Кесаріей, Севастіей, Іоппіей и Іерусалимомъ,—но въ званіи Этнарха *). Правленіе Архелая продолжалось не болѣе 9 лѣтъ. Въ 759 году отъ созданія Рима за тираническій поступокъ въ отношеніи къ Самарянамъ, онъ лишенъ престола и достоянія и сосланъ въ Галлію въ городъ Вьену, гдѣ и умеръ. Послѣ того Палестина поступила въ управленіе Прокураторовъ, или, какъ они называются въ Новомъ Завѣтѣ, игемоновъ. Прокураторами у Римлянъ назывались въ провинціяхъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ Императоровъ или Сената, придаваемые въ помощь намѣстникамъ чиновники, которые завѣдывали доходами императорской казны и разрѣшали дѣла, состоявшія въ связи съ этимъ. Въ небольшихъ провинціяхъ или въ такихъ странахъ, которыя приписаны къ большой провинціи, но управлялись отдѣльно, эти прокураторы совершенно заступали мѣсто намѣстниковъ, и въ такомъ случаѣ управляли стоящимъ въ ихъ округѣ войскомъ, завѣдывали правосудіемъ, даже по дѣламъ уголовнымъ. Обыкновенно, однако же, высшій надзоръ за такимъ управленіемъ предоставлялся намѣстнику и тотъ имѣлъ право производить изслѣдованіе по жалобамъ на прокуратора.—Такимъ-то прокураторамъ ввѣрено было управленіе Палестиною послѣ Архелая, когда Іудея и Самарія были приписаны къ Сиріи. Обыкновенное мѣстопребываніе они имѣли въ Кесаріи, приморскомъ городѣ. Первымъ изъ сихъ прокураторовъ въ Іудеѣ

(*) Jos. Flav. Antiqu. 17,13.2. Поэтому названіе: βασιλεύς у Матѳ. 2,22. надобно принимать не въ собственномъ смыслѣ, но въ значеніи князя, правителя.

извѣстенъ Копоній, Римскій всадникъ. Но въ Евангеліи упоминается только 6-й изъ прокураторовъ Понтій Пилатъ. Онъ былъ присланъ въ 25 году по Рождествѣ Христовомъ; управлялъ Іудеею около 10-ти лѣтъ и своими произвольными распоряженіями неоднократно возбуждалъ смятенія въ Іерусалимѣ, которыя иногда оканчивались кровопролитіемъ. Вообще эти прокураторы не имѣли достаточнаго знанія страны и нравовъ, а между тѣмъ состоя въ борьбѣ съ Іудейскою національностію и упорствомъ, по большей части находились въ затруднительномъ положеніи, часто были раздражаемы народнымъ характеромъ Іудеевъ. Но многократно бывало и то, что пріѣзжали въ Іудею люди корыстолюбивые, жестокіе, честолюбивые. Случалось, что они вступали въ договоры съ атаманами шаекъ разбойническихъ, позволяя имъ за извѣстные проценты заниматься своимъ ремесломъ. Они высасывали страну методически и часто доводили до раздраженія своимъ подкупнымъ правосудіемъ. Ихъ самовластіе, своекорыстіе не оставляли въ покоѣ и первосвященническое достоинство: низложеніе и возведеніе первосвященниковъ было дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Годами пятнадцатью ранѣе, когда по удаленіи съ престола Архелая, Римляне рѣшились дать Іудеѣ собственнаго прокуратора, по примѣру прочихъ провинцій, — вдругъ вспыхнуло между Іудеями возмущеніе. Іудею стоило сказать: „ты потомокъ Авраама; служить иноземному владычеству—значитъ отпасть отъ Бога и быть рабомъ человѣковъ“—и подъ религіознымъ предлогомъ онъ готовъ былъ сражаться со всѣми опасностями. Такого-то образа мыслей, такого-то движенія объявилъ себя главою нѣкто Іуда изъ Галилеи. И хотя онъ погибъ, и всѣ, которые пристали къ нему, разсыпались (Дѣян. 5, 37.); однако духъ

его столько еще былъ силенъ и въ послѣдствіи, что іудейскій историкъ считаетъ его приверженцевъ между сильными религіозными партіями и поставляетъ его между главными причинами послѣдующихъ волненій, колебавшихъ Іудею и уничтожившихъ наконецъ Іерусалимъ. Еще тамъ и здѣсь довольно громко говорили объ Іудѣ, что онъ проповѣдывалъ, что онъ замышлялъ; еще были живы два сына его, напитанные его возмутительными мыслями и усиливавшіеся распространить оныя. Съ другой стороны были и защитники владычества римскаго въ Іудеѣ (Иродіаны). Отсюда при внѣшнемъ спокойствіи государства не было внутренняго мира; все занято было современнымъ политическимъ состояніемъ народа. Ни правительство гражданское, ни высшіе властеначальники духовные не обращали вниманія на нравственное его состояніе; не было вѣрныхъ надзирателей нравовъ, не говоримъ уже, исправителей. Высшія церковныя должности были занимаемы людьми, которые или уже были извѣстны съ худой стороны и которыхъ слѣдовательно духовная власть въ глазахъ начальниковъ партій была ничтожна, или сами держались на волоскѣ, опасались раздружиться съ партіею, отъ которой могли чего-нибудь надѣяться или страшиться. Правда, была цѣлая секта ревнителей древняго благочестія, которые и имя свое получили отъ сей ревности. Но ограничиваясь наблюденіемъ только ненарушимости формы древней религіи, Зилоты способны были идти противъ всего, въ самомъ себѣ священнаго, а въ послѣднія времена государства Іудейскаго они стали сами первыми виновниками всѣхъ безчиній.

Итакъ когда умы и сердца всѣхъ были въ такомъ раздраженіи, когда духъ партій, борьба интересовъ, сила страстей заглушали въ людяхъ голосъ совѣсти и вѣры, какую надлежало дать силу голосу того че-

ловѣка, который долженъ былъ явиться къ нимъ съ требованіемъ перемѣнить весь прежній образъ мыслей, отказаться отъ всѣхъ злыхъ навыковъ, оставить на время земное, потому что приближается проповѣдникъ небеснаго? Для этого былъ нуженъ Іоаннъ.

Не задолго предъ явленіемъ Іисуса Христа, когда было Іоанну около 30 лѣтъ, онъ получаетъ повелѣніе въ своей пустынѣ приступить къ своему служенію. Іоанну не было дано никакого помощника, да онъ видѣлъ, что не могъ найти себѣ никого столько вѣрнаго, столько чисто понимавшаго обязанности его служенія, сотрудника. Итакъ не приставая ни къ какой партіи, не обращаясь ни къ кому, опираясь только на свое божественное призваніе, какъ древніе пророки, онъ началъ проповѣдывать въ пустынѣ Іудейской: *покайтеся*. Пустыня Іудейская не была совершенно необитаема. Такъ называлась та часть Іудеи, которая прилегала къ Мертвому морю и Іордану, изобиловала по большей части пастбищами и въ древности содержала въ себѣ до шести городовъ и нѣсколько селеній [1]), хотя и называлась пустынею [2]). Іоаннъ могъ имѣть на то причины, почему не отправился съ своею проповѣдію прямо въ Іерусалимъ, но началъ ее тамъ, гдѣ жилъ доселѣ. Какъ много могли ему противопоставить препятствій при самомъ началѣ его служенія священники! Какое бы волненіе онъ могъ возбудить въ городѣ! По крайней мѣрѣ не могъ ли подать поводъ правителю подозрѣвать себя въ чемъ-нибудь возмутительномъ, — когда бы народъ изъ всѣхъ мѣстъ началъ собираться къ нему въ сто-

---

1) Іис. Нав. 15, 61 и 62. Joseph. de Bell. Judaic. III, 10. 7.

2) Пустынями назывались вообще мѣста мало населенныя, мало обработанныя, не знатныя ни городами, ни жителями, годныя болѣе для пастбищъ. Матѳ. 14, 15; Лук. 15, 4; Евр. midbar. 1 Цар. 25, 2; 4 Цар. 3, 8. Суд. I, 16.

лицу [3]). Напротивъ въ отдаленныхъ степяхъ и горахъ Іудеи и при Іорданѣ онъ безъ всякаго стѣсненія могъ исправлять свое служеніе; слушатели — онъ могъ надѣяться — соберутся и сюда: его проповѣдь касалась того лица, котораго всѣ желали скорѣе видѣть. Итакъ раздалось въ пустынѣ Іудейской: *покайтеся, ибо близко царствіе небесное.* Давно уже въ Іудеѣ на престолѣ Давидовомъ хотѣли видѣть Божественнаго Царя, которому народъ Іудейскій будетъ обязанъ славою предъ всѣми прочими народами, съ которымъ онъ будетъ господствовать надъ цѣлымъ міромъ. Сколько ни далека была мысль Іоанна отъ того, чтобы обѣщать имъ *такого* Царя: однако въ словахъ Іоанна они могли находить ее. Царствіе небесное—эти слова такъ уже были понятны каждому Іудею, что Іоанну не нужно было объяснять, что онъ разумѣетъ подъ ними. Царствіе небесное, царствіе Божіе въ устахъ Іудея того времени означало: времена Мессіи. Всѣ знали, что это *царство сына человѣческаго*, которое имѣло явиться, когда *возъмутся четыре царства*, видѣнныя Даніиломъ въ страшныхъ образахъ, въ которомъ будутъ участвовать *святые Вышняго:* кто иные, думали Іудеи, какъ не чада Авраама, Исаака и Іакова (Дан. 7, 13. 18.)?

Іоаннъ не имѣлъ намѣренія вступать въ споръ съ учеными своего народа, что̀ надлежитъ представлять себѣ подъ этимъ царствомъ? Какихъ благъ должно ожидать отъ Мессіи? Онъ прямо предлагалъ условіе къ участвованію въ благахъ его, условіе единственное и неожиданное: *покайтеся*. Это значило: „кто

---

[3]) Впрочемъ время открытія проповѣди Іоанновой не столько уже представляло затрудненій со стороны власти гражданской, для вступленія въ свое служеніе Іоанна и потомъ Іисуса, какъ то было во время Ирода Великаго. Римскіе прокураторы обыкновенно были очень холодны ко всему, что касалось до религіи Іудейской.

не будетъ лучше, нежели каковъ теперь, по своему нравственному состоянію, тотъ не можетъ участвовать въ царствѣ Мессіи. Мѣра наслажденія благами Мессіи есть собственное каждаго благочестіе.“ Іудею странно было сочетаніе такого понятія о царствѣ небесномъ, какое онъ имѣлъ, съ этимъ требованіемъ. Если бы онъ также глубоко понималъ смыслъ словъ: царствіе небесное, какъ понималъ самъ проповѣдникъ, для котораго царствіе небесное было царствіемъ истинно небеснымъ, то ему не трудно было бы понять необходимость этого требованія.

Однако явленіе человѣка, прославившаго себя напередъ своею жизнію, съ проповѣдію о близости царства Мессіи, съ какими бы условіями ни сопрягалось вступленіе въ оное, при томъ всеобщемъ ожиданіи Мессіи, какое было въ то время у Іудеевъ, недолго могло оставаться незамѣченнымъ. Притомъ были люди и между Іудеями, которые ожидали отъ Мессіи нравственнаго преобразованія. А вообще никому не хотѣлось быть исключену отъ участія въ благахъ Мессіи. Всѣ представляли себѣ открытіе царства Мессіи съ страшными переворотами; слѣдовательно пренебрегать проповѣдію пророка для многихъ значило подвергать себя опасности погибнуть въ этихъ переворотахъ. Кто же знаетъ волю неба, думали Іудеи. — Итакъ скоро явились къ Іоанну въ пустыню люди, которые сами желали услышать отъ него вѣсть о Мессіи и исповѣдывали предъ нимъ грѣхи свои. А Іоаннъ надъ всѣми тѣми, которые такимъ образомъ объявляли себя приверженцами возвѣщаемаго имъ Мессіи, совершалъ крещеніе.

Съ теченіемъ времени количество стекавшагося къ Іоанну народа умножалось, нѣкоторыхъ онъ избралъ даже въ постоянные спутники и сотрудники себѣ [1]).

[1]) Таковъ былъ Андрей и Іоаннъ Богословъ, потомъ содѣлавшіеся Апостолами Іисуса Христа Іоан. 1, 35.40.

Іоаннъ уже не ограничивался одною своею пустынею, ходилъ по всей окрестности Іорданской (Лук. 3,3.) и къ нему приходили не только жители этихъ мѣстъ, но и изъ Іерусалима и другихъ городовъ іудейскихъ во множествѣ.

Само собою разумѣется однакоже, что не всѣ приходящіе къ Іоанну были одинаковаго расположенія по отношенію къ нему и его проповѣди. Простой классъ людей, не принадлежавшихъ къ болѣе испорченнымъ и господствовавшимъ тогда религіознымъ сектамъ, фарисейской и саддукейской, всегда ближе находившійся къ требуемому Іоанномъ состоянію духа, неумѣвшій только разсуждать о законѣ, не ослѣплявшійся дѣлами собственной правды; въ особенности тѣ, которые ближе были знакомы съ жизнію Ессеевъ (а и самъ Іоаннъ жилъ и первоначально проповѣдывалъ въ томъ же углу Іудейской земли, гдѣ находились Ессеи)—съ большею удобностію могли принимать проповѣдь Іоанна и большее количество крестившихся было изъ нихъ. *И вся людіе слышавше и мытаріе оправдиша Бога крещшеся крещеніемъ Іоанновымъ* (Лук. 7, 29.). Не такъ смотрѣли на Іоанна послѣдователи тѣхъ сектъ. Фарисею казалось, что ему не въ чемъ каяться, что онъ уже довольно святъ для того, чтобы удостоиться царства Мессіи. Саддукей смѣялся и надъ святостію Фарисея, и надъ духовностію ученія Іоаннова; онъ представлялъ себѣ, что достаточно одного происхожденія отъ Авраама, достаточно быть только Іудеемъ, чтобы получить наравнѣ со всякимъ кающимся участіе въ тѣхъ благахъ, которыя принесетъ съ собою Мессія. Подобнаго рода представленія принадлежали и тѣмъ изъ послѣдователей сихъ двухъ сектъ, которые отличались особенными свѣдѣніями въ законѣ (книжники Лук. 7, 30). Ихъ обольщала ихъ собственная ученость; посредст-

вомъ ея они думали лучше опредѣлить, кто можетъ и кто не можетъ быть принятъ Мессіею: они же имѣли мѣста въ синедріонѣ, а Іоаннъ не имѣлъ оттуда никакого свидѣтельства на право проповѣданія, не представлялъ туда своего ученія.—Итакъ Фарисеи и Саддукеи, какъ ученые, такъ и неученые, вообще были слишкомъ холодны къ проповѣди Іоанна: *Фарисее и законницы совѣтъ Божій отвергоша о себѣ, не крещшеся отъ него* (Іоанна; Лук. 7, 30.); они можетъ быть думали сами болѣе обязать Мессію, нежели быть ему обязанными.

Но могъ ли Іоаннъ смотрѣть на нихъ съ холодностію? Онъ видѣлъ, какъ они иногда приходили вмѣстѣ съ другими къ нему, слушали его проповѣдь и возвращались ни съ чѣмъ. Ихъ примѣръ, примѣръ людей, изъ которыхъ одни считались святыми (Фарисеи), другіе вообще принадлежали къ классу богатыхъ и сильныхъ, могъ имѣть вредное вліяніе и на простой народъ; Іоаннъ возсталъ противъ нихъ съ обличеніемъ, грозилъ имъ гнѣвомъ Божіимъ, требовалъ обращенія немедленно [1]). И его ревность повидимому не осталась безуспѣшною. Видя, что такъ много народа переходитъ на сторону Іоанна и опасаясь остаться одни, болѣе робкіе начали просить у Іоанна крещенія. Іоаннъ однакожъ проникалъ ихъ сердце и не пощадилъ ихъ и тогда, когда они съ покорностію, преклонивъ главу, ожидали возложенія руки его. „Порожденія эхидны! говорилъ онъ имъ, т. е., чада лукаваго, кто сказалъ вамъ, что такимъ образомъ избѣжите карательнаго суда Божія, т. е., если только креститесь наружно? Если дѣйствительно хотите спастись, то непремѣнно должны и всѣми дѣлами сво-

[1]) Хотя опыта такихъ обличительныхъ рѣчей Іоанна и не находимъ, однако же заставляетъ предполагать ихъ рѣчь, которую читаемъ у Матѳ. 3,7—12.

ими свидѣтельствовать, что каетесь. И не думайте основывать свои надежды на томъ, что вы чада Авраама. Царство Мессіи не ограничивается однимъ родомъ Авраамовымъ; и безъ васъ найдутся участники въ немъ. И эти камни, на которыхъ вы стоите въ рѣкѣ этой,—если Богъ захочетъ,—могутъ сдѣлаться чадами Авраамовыми. Смотрите, говорю вамъ еще разъ: не медлите обращеніемъ: погибель близка непокорнымъ; сѣкира при корени."

Послѣдній урокъ былъ правиломъ и для всѣхъ, которые принимали отъ него крещеніе: царство Мессіи, въ которое вводилъ Іоаннъ, долженствовало быть царствомъ истинно обращенныхъ. Внѣшній знакъ вступленія въ это царство — очищеніе водою—долженствовалъ означать очищеніе отъ всѣхъ грѣховъ прежней жизни. *Покайтеся*, говорилъ онъ всѣмъ, которые хотѣли быть участниками славы Мессіи, а послѣ покаянія говорилъ имъ: принесите же плодъ, достойный покаянія.

Но какіе это плоды достойные покаянія? естественно представлялся вопросъ со стороны Іудеевъ Іоанну. Какія чувствованія, какое расположеніе сердца особенно Мессіи нравится? Что ему нужно отъ насъ? спрашивали его крестившіеся. Молитвы ли длинныя, обѣты ли строгіе, жертвы ли богатыя, очищенія ли частыя? Что намъ дѣлать? (Лук. 3, 10.). Іоаннъ отвѣчалъ, какъ предтеча учителя любви: „ничего не требуется отъ васъ, кромѣ искренней любви къ своему брату. Вотъ что Мессіи нравится: если у тебя двѣ одежды, отдай одну неимѣющему; если у тебя есть лишній кусокъ хлѣба, отдай его голодному. Не забывай брата въ нуждѣ: дѣлись, чѣмъ можешь. Вотъ чего требуетъ Мессія. Царство Мессіи—царство любви."

Нѣкоторымъ такія правила показались несовмѣстными съ ихъ настоящимъ званіемъ, такъ что они

приходили въ сомнѣніе, не нужно ли имъ будетъ совсѣмъ оставить его. Это были мытари и воины. Мытари или собиратели податей должны были по требованію своего званія—иногда не только не раздѣлять съ неимѣющими своего избытка, но и съ нѣкоторою суровостію брать послѣднее ихъ достояніе для удовлетворенія законнымъ требованіямъ. Воины обязывались даже проливать кровь своего ближняго. Тѣ и другіе не оставили спросить Іоанна, не нужно ли имъ будетъ ради Мессіи, ради исполненія тѣхъ правилъ, совсѣмъ оставить своихъ настоящихъ званій. Но Іоаннъ, различая права отъ злоупотребленія, отвѣчалъ первымъ: „вамъ не нужно оставлять своего званія. Вамъ не вредитъ и то, что собираніе податей поставляетъ васъ въ тѣсномъ сообщеніи съ Римлянами. Вотъ что можетъ вамъ вредить, если вы будете взыскивать дани болѣе надлежащаго“. Іоаннъ отвѣчалъ послѣднимъ: „не нужно и вамъ оставлять вашего званія. Мессія того не требуетъ: только не будьте безчеловѣчны; щадите, гдѣ можете; не проливайте крови изъ корысти, не губите клеветою, но будьте довольны вашимъ жалованьемъ“.

Такъ дѣйствовалъ и училъ Іоаннъ въ Іудеѣ. Передъ нимъ всегда были и расположенные и нерасположенные къ нему. Слѣдовательно и всегда былъ случай повторять и свои обличенія, и свои наставленія. Онъ былъ всегда равенъ себѣ; ни изъ угожденія, ни изъ страха ни въ чемъ не отступалъ отъ обязанностей своего званія. Только при всей единообразности его жизни, его дѣйствій и его ученія не однообразны были сужденія объ его лицѣ. Простой народъ видѣлъ въ немъ много такихъ высокихъ качествъ, какихъ онъ могъ желать въ самомъ Мессіи: это ревность о всеобщемъ исправленіи, святая жизнь, сила ученія, могущество духа его надъ сердцемъ.

Можетъ быть, въ тоже время начали распространяться слухи о необычайныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его рожденіе. Народъ недоумѣвалъ, за кого ему считать Іоанна. Нѣкоторые уже начинали думать, что онъ самъ тотъ Мессія, котораго онъ выдавалъ себя только проповѣдникомъ (Лук. 3, 15.).

Совершенно противный объ немъ дѣлали отзывъ тѣ, которые занимали высшія мѣста въ церковномъ и гражданскомъ чиноначаліи, особенно начальники секты фарисейской и книжники. Для ихъ самолюбія было слишкомъ больно, что онъ взялъ *на себя* такое дѣло, къ которому они считали способными только однихъ себя, что онъ не вступаетъ съ ними ни въ какія совѣты, не дорожитъ нисколько ихъ уваженіемъ, даже не выставляетъ ихъ ни въ какомъ случаѣ за образецъ благочестія; мало того — даже немилосердо ихъ поноситъ. Могли ли они спокойно смотрѣть на это? А когда обращали на него взоръ, помраченный страстями: то какъ могли они увидѣть въ немъ пророка подобнаго Иліи, или Іереміи? Для своего сужденія они имѣли опорою то, что онъ никакихъ не творитъ чудесъ. Имъ указывали на его необычайно-суровую жизнь; — „что вы думаете“ — отвѣчали Фарисеи и ихъ братья, — „это доказываетъ только то, что онъ одержимъ нечистымъ духомъ“. (Мат. 11, 18).

Вообще въ его дѣйствіяхъ и словахъ точно отражалось, что предсказано было пророками о Предтечѣ Мессіи. Не говоря уже о примѣрѣ пророка Иліи, котораго онъ напоминалъ и своею ревностію, и самымъ видомъ, — онъ повторилъ въ своихъ рѣчахъ и увѣщанія, и предсказанія о Мессіи, и угрозы суда тѣже самыя, которыя встрѣчались у пророковъ, предписавшихъ его дѣйствія.

Говорилъ ли онъ *о грядущемъ гнѣвѣ?* — Этимъ уже грозилъ Богъ чрезъ Малахію: *и се азъ посмю вамъ*

Илію (Θесвитянина), *прежде пришествія дне Господня великаго и просвѣщеннаго, иже устроитъ сердце отца къ сыну и сердце человѣка ко искреннему его,—да не пришедъ поражу землю въ конецъ* (Мал. 4, 5 и 6.).

Іоаннъ говорилъ: *сотворите плодъ достоинъ покаянія....* иначе *сѣкира при корени,*—т. е., не вѣтви только будутъ обсѣчены, но и самый кбрень посѣчется и все дерево безплодное будетъ ввергнуто въ огонь.—Этотъ самый образъ встрѣчаемъ и въ рѣчи Малахіи: *яко се день грядетъ горящъ, яко пещь, и попалитъ я, и будутъ вси... творящіи беззаконная, яко стебліе: и возжетъ я день Господень грядый, глаголетъ Господь Вседержитель, и не останется отъ нихъ корень, ниже вѣтвь* (Мал. 4, I.).

Іоаннъ говорилъ: *азъ крещаю вы водою въ покаяніе: грядый же по мнѣ, крѣпчій мене есть.* Какъ живо эти слова напоминали Іоанна и Іисуса Христа въ пророчествѣ Малахіи: *се азъ посылаю Ангела моего* (Іоанна) *и призритъ на путь предъ лицемъ моимъ. Внезапу пріидетъ въ церковь свою Господь, его же вы ищете....*

Іоаннъ говорилъ: *ему же лопата въ рукѣ его и отребитъ гумно свое и соберетъ пшеницу свою въ житницу, плевы же созжетъ огнемъ негасающимъ.* Объ этомъ очищеніи и отдѣленіи избранныхъ говорилъ и Малахія: *се грядетъ... и кто стерпитъ день пришествія Его? и кто постоитъ въ видѣніи Его? зане той входитъ, яко огнь горнила, и яко мыло перущихъ* (бѣлильщиковъ). *И сядетъ разваряя и очищая яко сребро и яко злато. И очиститъ сыны Левіины, и преліетъ я яко злато и яко сребро* (3, 2. 3.), а для беззаконныхъ будетъ *огнемъ попаляющимъ стебліе* (4, 1.).

Все это относится болѣе ко второму явленію Мес-

сіи; но одного перваго явленія и недостаточно было для того, чтобы дать полное понятіе о грядущемъ Мессіи.

Въ то время, какъ Іоаннъ подвергался такимъ пререканіямъ; какъ уже довольно далъ разумѣть истинное существо того царства, коего былъ проповѣдникомъ, является изъ неизвѣстности самъ Мессія. Іоанну открыто было еще предъ вступленіемъ его въ свое служеніе, что Мессія, также какъ и другіе, придетъ къ нему креститься, что его крещеніе будетъ сопровождаться особеннымъ явленіемъ Духа Святаго, что это явленіе должно открыться на немъ не въ какомъ нибудь мгновенномъ дѣйствіи, но имѣть нарочитую продолжительность (Іоан. I, 33). Но онъ еще не зналъ,—кто будетъ этотъ Мессія. Если предположить, что отецъ и мать его скоро умерли, такъ какъ они уже весьма стары были тогда, когда родился Іоаннъ: то съ ними могла скрыться отъ Іоанна и тайна рожденія Мессіи; самъ онъ велъ потомъ уединенную жизнь и не имѣлъ никакихъ сношеній съ отдаленными назаретскими родственниками. Самъ же всегда показывалъ, что онъ дѣйствительно не есть Мессія. Онъ проповѣдывалъ покаяніе,—обѣщалъ отпущеніе грѣховъ, коль скоро кто увѣруетъ въ Мессію, котораго ожидалъ онъ: но кто этотъ Агнецъ, имѣвшій взять на себя грѣхи всего міра, еще было неизвѣстно.

Въ одинъ день, когда Іоаннъ, по обычаю своему ставъ на Іорданѣ, принималъ къ себѣ приходившихъ креститься, является между ними Іисусъ изъ Назарета; въ его наружномъ видѣ ничего не было особеннаго. Конечно не никто думалъ, чтобы это былъ Мессія. Но едва онъ приближился къ Іоанну, тайный голосъ того же Духа, который заставилъ его еще во утробѣ матерней радоваться Іисусу, сказалъ ему: „вотъ тотъ, котораго ты ожидаешь.“ Іоаннъ изум-

ленъ: онъ знаетъ свое призваніе; знаетъ, что и Мессія долженъ креститься отъ него. Но не дерзаетъ возложить руки на Владыку: „мнѣ ли крестить Мессію, говоритъ онъ Іисусу, я долженъ просить твоего крещенія. Но Іисусъ съ величіемъ Сына Божія, съ смиреніемъ сына человѣческаго, зная, что онъ дѣлаетъ и для чего это дѣлаетъ, что погружаетъ въ водѣ, что хочетъ пріять отъ воды, кому нужно это крещеніе и для чего оно нужно,—„оставь, говоритъ Іоанну, доколѣ свои человѣческія соображенія. Ты долженъ дѣлать то, что тебѣ повелѣно, и я то, что мнѣ должно“ (πᾶσαν δικαιωσύνην ποιῆσαι снес. Лук. 7, 29. *и вси людіе и мытари оправдиша Бога*—ἐδικαίωσαν τὸν θεόν). Іоаннъ повиновался. Іисусъ входитъ въ рѣку, погружается, потомъ поспѣшно [1]) исходитъ изъ воды, молится и разверзаются Ему небеса, нисходитъ на Него Духъ Божій въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь, и *пребываетъ на Немъ*. Въ тоже время слышится гласъ съ небесъ: *„сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Коемъ все мое благоволеніе!“* Это было торжественное посвященіе Іисуса въ Его всемірное служеніе. Всѣ сопровождавшія оное обстоятельства были средствомъ къ совершенному удостовѣренію Іоанна и другихъ, что Іисусъ есть истинно тотъ Мессія, котораго они ожидали. Настоящее событіе было основою той вѣры въ Іисуса, которая чтила въ немъ Сына Божія. Іоаннъ говорилъ послѣ: я не зналъ Его; но пославшій меня крестить въ водѣ сказалъ мнѣ: на кого увидишь Духа сходящаго и пребывающаго на немъ; тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ. И я видѣлъ и засвидѣтельствовалъ, что сей есть сынъ Божій (Іоан. I, 33.).

Что же было знаменіе Духа, нисшедшее на Іису-

[1]) Абіе — т. е. прежде нежели успѣли вытти другіе, съ нимъ крестившіеся.

са? Не сообщеніе Ему того, чего онъ не имѣлъ, но, если смѣемъ выразиться такъ, видимое и для постороннихъ зрителей преліяніе отъ Божественнаго существа Іисуса на Его человѣчество. Самъ съ небеси низпослалъ Духа, поколику Богъ; и самъ же на землѣ воспріялъ Его, поколику человѣкъ,—говоритъ Аѳанасій Великій [1]). Образъ голубя означалъ божественную кротость учителя, напоминалъ голубицу, принесшую къ праотцу обновленнаго потопомъ міра вѣтвь мира между небомъ и землею. Многіе ли были удостоены видѣнія этого божественнаго явленія — изъ евангельской исторіи не видно. Тамъ говорится объ одномъ Іоаннѣ, что *онъ видѣлъ*. Древніе толкователи Священнаго Писанія согласнѣе на то мнѣніе, что явленіе Духа въ видѣ голубиномъ было не для одного Іоанна. Но видѣніе небесъ отверстыхъ было открыто одному Стефану при множествѣ свидѣтелей.

Событія Іорданскія немалую имѣли важность и для служенія Іоаннова. Іоаннъ всегда чуждый желанія усвоить себѣ то, на что не призванъ, съ радостію теперь перемѣнилъ проповѣдь о грядущемъ на проповѣдь о пришедшемъ; теперь еще съ большею ревностію онъ началъ проповѣдывать покаяніе и близость царствія небеснаго. Іисусъ послѣ крещенія сокрылся: но Іоаннъ вѣрилъ, что однажды явившись съ такими торжественными знаменіями своего божественнаго посольства, онъ уже не можетъ не открыть себя болѣе. Его ревность обратила на себя вниманіе синедріона. Тамъ уже давно были люди неблагопріятствующіе Іоанну. Неприличнымъ считая давать своимъ молчаніемъ свободный ходъ дѣлу, въ которомъ поставлялъ себя главнымъ судіею, Верховный совѣтъ отправилъ довѣренныхъ людей спросить Іоанна име-

---

[1]) Athan. Orat. 2 in Arian.

немъ синедріона,—*за кого онъ себя выдаетъ?* Довѣренные были священники и левиты фарисейской секты. Они имѣли формальное повелѣніе допросить его, кто онъ. Они надѣялись его застать съ народомъ. Могли думать, что Іоаннъ не дастъ никакого опредѣленнаго отвѣта: тогда можно будетъ сказать народу, какъ онъ жалко обманывается въ своихъ ожиданіяхъ; будетъ легко опровергнуть божественность его крещенія. Если же онъ объявитъ себя за пророка или самаго Мессію, то можно еще потребовать доказательствъ его посланничества;—а этого онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать, поелику чудесъ не творитъ.

Іоаннъ въ то время былъ въ Виѳаварѣ, при Іорданѣ; тамъ проповѣдывалъ и крестилъ. Являются къ нему посланные отъ синедріона и такъ начинаютъ свой допросъ.

Фарисеи. Мы имѣемъ повелѣніе, отъ имени синедріона спросить тебя, за кого ты себя выдаешь? Такъ какъ около этого времени всѣ ждутъ Мессіи, и народъ, какъ кажется, не нерасположенъ принять тебя за него, то желательно бы было, чтобы ты яснѣе синедріону объявилъ о твоемъ лицѣ, твоемъ призваніи.

Іоаннъ. Изъ моихъ словъ можно было уже видѣть, что я не Мессія. Для чего обо мнѣ имѣть такія высокія мысли [1]). (Іоаннъ зналъ характеръ важнѣйшихъ членовъ синедріона, могъ недовѣрять имъ вполнѣ, и потому ограничивался только краткимъ отвѣтомъ, по своему обычаю болѣе намекалъ, нежели высказывалъ, болѣе отрицалъ ихъ предположенія, нежели открывалъ свои тайны.).

Фарисеи. Духъ пророческій обѣщалъ, что опять придетъ Илія: такъ не Илія ли ты?

---

1) Дѣян. 13, 25.

Іоаннъ. Нѣтъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ спрашивали-т. е. не воскресшій Илія).

Фарисеи. Такъ не пророкъ ли ты (Іеремія)? [1]).

Іоаннъ. Нѣтъ.

Фарисеи. Стало быть, ты хочешь насъ отпустить ни съ чѣмъ къ синедріону? Скажи самъ, кто ты.

Іоаннъ. Кто я, объ этомъ говоритъ вамъ пророкъ. Я гласъ вопіющій въ пустынѣ: уготовайте путь Господу, исправьте стези Ему. Всякой долъ да наполнится, долины, горы и холмы сравняйте; кривизны сдѣлайте прямыми, неравный путь гладкимъ. Тогда явится всѣмъ людямъ спасеніе Божіе (слава Іеговы—Мессія).

Этотъ отвѣтъ очень ясно давалъ разумѣть, что Іоаннъ, хотя не называлъ себя ни Иліею, ни Іереміею, но тѣмъ не менѣе считалъ и объявлялъ себя за предтечу Мессіи.

Но Фарисеи не хотѣли признать его за такое лицо, считая необходимымъ для Мессіи явиться именно Иліи, или Іереміи, и потому спросили его еще: такъ почему же ты крестишь, если ты не Христосъ, ни Илія, ни пророкъ?

Іоаннъ. Скоро явится тотъ, кѣмъ я на то уполномоченъ. Онъ уже среди васъ; онъ идетъ за мною: тѣмъ не менѣе онъ первенствуетъ предо мною. Онъ такъ высокъ, столько выше меня, что я недостоинъ исправлять у него послѣдней должности раба, просто сказать, недостоинъ развязать ремень его сандалій. На это-то Божественное лице я ссылаюсь.

Послѣднимъ отвѣтомъ Іоанна если и не совсѣмъ могли быть довольны Фарисеи, поелику онъ не со-

---

[1]) Іудеи этого времени вѣрили душепереселенію Лук. 9, 8. Іосифъ о войнѣ Іуд. кн. VII, гл. 6, § 3.—Изъ 2 Мак. 15, 13. 14. 4 Ездры 2, 16—18. (Снес. Мат. 16, 14.) видно, что ожидали также и явленія пророка Іереміи. Снес. Іоан. 7, 40.41.

отвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ: однако же не имѣли причины болѣе приставать къ нему съ требованіемъ объясненія. Надлежало подождать того, на кого Іоаннъ ссылался. Посланные отправились съ отвѣтомъ Іоанна въ Іерусалимъ.

А *на другой день* послѣ этого допроса явился въ самомъ дѣлѣ на то мѣсто, гдѣ крестилъ Іоаннъ, Господь Іисусъ. Это было *спустя сорокъ дней послѣ Его крещенія*. Сіи сорокъ дней онъ провелъ въ пустынѣ. И можетъ быть въ тотъ же день, когда было дѣлано такое испытаніе Іоанну, былъ подвергнутъ и самъ искушенію—только не отъ человѣковъ.

Въ исторіи искушенія Іисуса Христа выражаются тѣ главныя начала, которыми руководился Онъ въ своемъ служеніи, какъ однажды навсегда принятыми, которыя для Его послѣдователей столько же важны, какъ и для Него Самаго, и которыя однакожъ были противоположны господствовавшимъ между Іудеями представленіямъ о Мессіи. Первое искушеніе состояло въ томъ, что когда Онъ послѣ сорокадневнаго поста почувствовалъ голодъ и не могъ найти въ пустынѣ обыкновенной пищи, Ему представилъ искуситель: если ты дѣйствительно Сынъ Божій, то для тебя ничего не стóитъ избѣжать этого затрудненія чудодѣйственнымъ способомъ: ты можешь обратить въ хлѣбъ и эти камни. Іисусъ отвергъ эту искусительную мысль словами закона: „человѣкъ не однимъ хлѣбомъ можетъ быть живъ, но и всѣмъ, что исходитъ изъ устъ Божіихъ.“ Чтобы выразумѣть смыслъ сего отвѣта правильно, надобно представить слова Второзаконія въ первоначальной ихъ связи (Втор. 8, 3.). Тамъ сказано: Богъ утолилъ голодъ Евреевъ въ пустынѣ манною, чтобы они уразумѣли отсюда, что зиждительная сила Божія можетъ сохранить жизнь человѣка и другими способами, кромѣ обыкновеннаго

питанія. Іудеи, желавшіе имѣть у себя хлѣбъ и мясо, какъ въ Египтѣ, должны были научиться отсюда преданности волѣ Божіей, которой благоугодно было недостатокъ обыкновенной пищи замѣнить другими питательными средствами. Если мы приложимъ эту общую мысль къ частнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ тогда находился Іисусъ, то отвѣтъ получаетъ такой смыслъ: онъ вполнѣ предается попечительному о немъ распоряженію своего Отца. Онъ не имѣетъ желанія отказаться отъ чувства своей человѣческой немощи и зависимости, не хочетъ творить никакихъ чудесъ собственно для удовлетворенія своей, человѣческой воли, никакихъ чудесъ тамъ, гдѣ достаточны естественные способы къ удовлетворенію потребности, хотя бы это и не такъ, какъ бы того требовала чувственная природа. Онъ полагается на всемогущество Божіе, предается волѣ Божіей съ самоотверженіемъ. По тому же началу дѣйствовалъ онъ, когда предался искавшимъ схватить Его въ саду Гевсиманскомъ. Подобныя искусительныя мысли предлагали Ему, когда Онъ уже висѣлъ на крестѣ: *аще Сынъ еси Божій*...

Потомъ Онъ возводится на крышу храма и искуситель говоритъ Ему: если ты Сынъ Божій, то верзись долу; какъ Сынъ Божій ты можешь полагаться на чудесную помощь во всякомъ случаѣ;—и прибавляетъ слова псалма 90, 12. 13. Ангели сохранятъ тя во всѣхъ путехъ твоихъ, да некогда преткнеши о камень ногу твою... Спаситель отвѣчалъ на это другими словами писанія, которыми опредѣляется правильное приложеніе предъидущихъ. Такъ, Ангели сохранятъ,—но не искушай Господа Бога твоего (Втор. 6, 16.). Ничего ты не долженъ предпринимать съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поставить въ искушеніе, такъ сказать, всемогущество Божіе, вынуждать Его всемогущество къ какому нибудь чуду тамъ, гдѣ ты,

употребивъ естественныя средства, можешь не нуждаться ни въ какой чудесной помощи. Въ этомъ отвѣтѣ заключаются слѣдующія мысли: человѣкъ благочестивый конечно можетъ во всемъ полагаться на помощь Божію, но только тогда, когда правильно употребляетъ предлагаемыя ему Богомъ средства, и идетъ тѣмъ путемъ, какой указываетъ ему Богъ призваніемъ и обстоятельствами. И Мессія не долженъ въ упованіи на чудесную помощь Божію ввергаться въ такія опасности, которыхъ Онъ, дѣйствуя осторожно, можетъ избѣжать. Вотъ начало Его: не творить чудесъ безъ достаточныхъ побужденій со стороны пріемлющихъ,—не творить чудесъ, несоотвѣтствующихъ цѣлямъ премудрымъ, не творить чудесъ съ тою только цѣлію, чтобы показать чудодѣйственную силу и произвести этимъ сильное на взглядъ чувственное впечатлѣніе, не обращая вниманія на нравственную и религіозную пріемлемость свидѣтелей чуда. По этому началу дѣйствовалъ Христосъ, когда не предавался произвольно опасностямъ, употреблялъ способъ осторожности, чтобы избѣжать опасности; когда онъ съ преданностію волѣ своего Отца шелъ на встрѣчу только такимъ опасностямъ, которыя были неизбѣжны въ Его призваніи и отъ которыхъ уклониться Онъ не могъ, не измѣнивъ своимъ обязанностямъ; поэтому же началу дѣйствовалъ Онъ, когда отказывался творить чудеса для чувственныхъ Фарисеевъ.

Въ третьемъ искушеніи предлагалъ искуситель легчайшій способъ къ достиженію всемірнаго владычества, какое принадлежало Мессіи, но не въ такомъ видѣ, какой былъ сообразенъ съ цѣлями божественными и съ достоинствомъ Іисуса Христа. Онъ обѣщалъ Ему всѣ царства земныя съ тѣмъ, чтобы они и оставались земными; онъ требовалъ, чтобы Мессія, преклонившись предъ міродержителемъ, при-

зналъ такимъ образомъ его власть и силу въ мірѣ, не изгоняя его, но пользуясь своимъ правомъ по его видамъ; чтобы царство Мессіи было не царствомъ Божіимъ, но подобнымъ всякому царству человѣческому, надъ которымъ тогда господствовалъ еще неизгнанный князь тьмы. Царство Мессіи въ томъ смыслѣ, какой давала ему большая часть современныхъ Іудеевъ, дѣйствительно было бы такимъ царствомъ, какое предлагалъ устроить искуситель,—безъ борьбы съ грѣхомъ, безъ страданій; и оно могло бы устроиться безъ всякаго медленія. Стоило уступить мечтамъ народа, распаленнымъ страстями, и такое царство готово было открыться. Народъ, правительство Іудейское—охотно подало бы руку такому Мессіи.— Но не такое царство пришелъ основать Господь на землѣ, — а истинно царство Божіе, царство чистое, духовное, гдѣ все должно служить Богу, гдѣ грѣхъ и виновникъ грѣха не должны имѣть мѣста, — слѣдовательно и не такими средствами, а единственно силою Божіею и полною преданностію волѣ Отца небеснаго, хотя бы она должна была простираться даже до страданій и самой смерти, не увлекаясь мечтою мгновеннаго преобразованія всего, но терпѣливо ожидая, когда оно наконецъ обоймѣтъ собою весь міръ, всѣ народы. Итакъ отвергши предложеніе искусителя, Господь указалъ на свою цѣль и на свой законъ: *Господу Богу твоему поклонишися и тому Единому послужиши.* По этому же началу отвергалъ онъ всякой разъ вызовъ народа, желавшаго провозгласить его своимъ царемъ; умѣрялъ нетерпѣливость своихъ учениковъ скорѣе видѣть открывшимся Его царство; разрушалъ чувственныя мечты народа своихъ послѣдователей и наконецъ предалъ всего себя за дѣло Божіе на крестѣ.

Послѣ того, что совершилось въ Іисусѣ при Его

крещеніи, Онъ имѣлъ нужду на нѣсколько времени уединиться. Въ немъ произошло такое измѣненіе состоянія, что Ему необходима была совершенная свобода отъ всего внѣшняго, чтобы привести въ свое сознаніе все, что въ Немъ ощутилось новаго. Кому случалось бывать въ подобныхъ состояніяхъ: тотъ отчасти можетъ понять потребности Іисуса. Кому Богъ давалъ послѣ усердной молитвы ощущать въ себѣ нѣчто новое, свѣтлое, радостное; кто проникался когда-либо во всемъ существѣ своемъ чувствомъ благодатнаго посѣщенія Божія: тотъ знаетъ по себѣ, какъ дорогъ послѣ такихъ минутъ покой и уединенное размышленіе. Здѣсь есть нѣчто такое, что можетъ отчасти служить къ объясненію намъ состоянія Іисуса послѣ крещенія. Хотя Божественное существо Іисуса, непостижимымъ образомъ сочетавшись въ Немъ съ человѣчествомъ, только постепенно болѣе и болѣе раскрывало себя въ немъ, и просвѣтлѣніе человѣчества Божествомъ хотя съ каждымъ мгновеніемъ достигало высшей и высшей степени, однако, какъ это было обыкновеннымъ въ Немъ измѣненіемъ, то можно сказать теперь оставалось для внутренняго сознанія Его непримѣтнымъ, какъ для насъ незамѣтно возрастаніе нашего тѣла, или нашихъ духовныхъ силъ, которое мы обыкновенно узнаемъ только по сравненію нѣкоторыхъ болѣе длинныхъ періодовъ между собою, а не въ каждую минуту, какъ оно совершается. Мгновенное проявленіе всего Божества въ скудномъ сосудѣ человѣческаго естества было невозможно. Но были въ жизни Іисуса такія состоянія, въ которыхъ тотъ обыкновенный ходъ раскрытія какъ бы ускорялся, Божественный свѣтъ и силы проливались въ Его человѣческое сознаніе въ высшей мѣрѣ, союзъ человѣчества Его съ Божествомъ становился несравненно ощутительнѣе въ Богочеловѣкѣ—яснѣе

объявлялась Его Божественная природа. Однимъ изъ такихъ состояній, и можетъ быть самымъ высшимъ изъ всѣхъ, какія были потомъ, было состояніе Іисуса послѣ крещенія. Нудимый симъ состояніемъ, Іисусъ удалился въ пустыню (Мар. 1, 12.). Онъ въ пустынѣ и крестился отъ Іоанна, но избралъ еще уединеннѣйшее, совершенно необитаемое мѣсто, гдѣ только развѣ водились звѣри (Мар. 1, 13). [1]).

Но высшій промыслъ, располагавшій всѣми даже малѣйшими обстоятельствами Его жизни, приготовлялъ здѣсь для него новый родъ дѣятельности. Іисусъ, который для того и пришелъ въ міръ, чтобы разрушить дѣла діавола,—чтобы освободить человѣчество отъ владычества зла, внесеннаго въ міръ діаволомъ, при самомъ вступленіи своемъ въ служеніе человѣчеству и долженъ былъ испытать борьбу съ виновникомъ всего зла, діаволомъ. Онъ долженъ былъ этимъ опытомъ подать и всѣмъ послѣдователямъ своимъ примѣръ, указать оружіе, вдохнуть мужество противъ исконнаго нашего врага.

Отчасти слѣдствіемъ предшествующаго состоянія, отчасти приготовленіемъ къ новому поприщу, въ которое вступалъ—было то, что Іисусъ, по удаленіи въ свое уединеніе, совсѣмъ забылъ о пищѣ. Весь занятый своимъ внутреннимъ состояніемъ, Онъ нисколько не оставилъ вниманія для внѣшняго. Но при истеченіи 40 дней,—когда оканчивалось его внутреннее занятіе собою и великимъ дѣломъ, Ему предстоящимъ,—Онъ оставляетъ небесную сферу, въ которой доселѣ жилъ духомъ, снова входитъ въ свои земныя человѣческія отношенія,—тогда ощутилъ Онъ въ себѣ голодъ. Это

---

1) Эта пустыня была по свидѣтельству преданія между Іерусалимомъ и Іерихономъ.

было случаемъ приступить къ нему искусителю [1]). Нельзя думать, чтобы онъ старался вывѣдать отъ Іисуса, кто Онъ есть самъ въ себѣ; онъ только хотѣлъ возбудить его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя были несообразны ни съ достоинствомъ Его, какъ Мессіи, ни даже съ обыкновеннымъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Сначала хочетъ Ему внушить ту недостойную мысль, что напрасно Онъ не пользуется своею силою для своихъ земныхъ потребъ, дозволяетъ себѣ терпѣть голодъ — Мессія; если кто и долженъ блаженствовать, такъ это Мессія. Но Іисусъ указываетъ ему, что глаголъ Божій, который слышалъ Онъ при крещеніи, для Него дороже, нежели всякое другое удовлетвореніе потребностей Его. Діаволъ отсовѣтываетъ Ему однакоже опять предпринимать такой трудный путь къ достиженію своей цѣли. Всего короче: пойдемъ со мною въ Іерусалимъ. Діаволъ взялъ Его, поставилъ на крылѣ церковномъ. Видишь, говоритъ Іисусу, внизу народъ, бросься отсюда, тебя сохранятъ Ангелы, и ты—Мессія, народъ признаетъ тебя своимъ Мессіею. Господь сказалъ, что это значитъ искушать Господа. Ну, вотъ и не искушая Господа можно сдѣлаться Мессіею. Пойдемъ на эту высокую гору. И оттуда показавъ ему окрестныя царства, говоритъ: все что видишь, и чего не видишь—все твое, если мнѣ поклонишься. Тутъ Іисусъ, не дозволяя болѣе дерзости искусителя, сказалъ ему: поди отъ меня прочь сатана [2]). Искуситель обѣщаетъ

---

[1]) *Посмьди взалка*,—вину ему (діаволу) подая къ приступленію. Златоустый.

[2]) Другія объясненія исторіи искушенія Іисуса Христа: 1) все представлялось Іисусу только въ видѣніи—во снѣ или въ бодрственномъ состояніи. 2) Все было дѣло Іудейскаго священника, который сперва хотѣлъ вывѣдать отъ Іисуса, точно ли Онъ Мессія, а потомъ предложилъ Ему свои услуги, подъ условіемъ покорности Синедріону. 3) Это притча, въ которой Іисусъ изобразилъ свои мысли, которыя

всѣ царства земныя: Іисусъ получаетъ всяку власть на небеси и на земли при концѣ своего земнаго поприща—инымъ путемъ.

Къ какому времени относится этотъ сорокодневный подвигъ Спасителя? Непосредственно ли онъ слѣдо-

---

Ему представлялись въ то время, когда Онъ приготовлялся къ своему служенію: съ одной стороны жизнь Богу преданная, посвященная своему святому призванію, но исполненная скорбей и страданій, а съ другой жизнь чувственная, основаніе царства земнаго во вкусѣ Іудеевъ. Іисусъ первую избралъ, послѣднее отвергъ. 4) Это притча нравоучительная, измышленная самимъ Іисусомъ для раскрытія ученикамъ ихъ собственныхъ обязанностей по отношенію къ Его царству; именно а) не употреблять чудесъ для личныхъ выгодъ, даже для удовлетворенія собственной необходимости, но только на дѣло всей церкви; б) ничего не дѣлать ради тщеславія, или ничего не предпринимать въ упованіи на помощь Божію, что можетъ произойти и естественнымъ порядкомъ, в) ни въ какомъ случаѣ не вступать въ союзъ со зломъ, чтобы вышло добро. Прочія обстоятельства искушеній только украшеніе притчи, обстановка идеи для большей ясности, образы, иногда поговорки. Сатана — образъ мыслей о Мессіи Іудейскій, нечистый, чувственный.—Но противъ перваго объясненія представляется: а) такое экстатическое состояніе совершенно чуждо обыкновенному тѣлосложенію, въ какомъ мы вседа находимъ въ исторіи евангельской Іисуса; b) слова: ἐν τῷ πνεύματι (Лук. 4, 1.) не даютъ права на то, чтобы всю исторію искушеній представлять какъ видѣніе. Евангелистъ Лука тѣ же слова употребляетъ во 2-й главѣ, 27 стихѣ, и онѣ тамъ не означаютъ духовнаго видѣнія; а другіе Евангелисты эти слова: ἐν πνεύματι совсѣмъ оставляютъ и выражаютъ мысль Луки иначе, и не въ пользу объясненія о духовномъ видѣніи; с) слова, встрѣчающіяся въ исторіи искушенія προσέρχεσθαι παραλαμβάνειν, ἀνάγειν, (Лук 4, 5)ἵζασθαι—показываютъ отправленіе дѣйствій совершенно внѣшнихъ; d) Евангелисты въ другихъ случаяхъ умѣютъ отличать то, что совершается въ видѣніи, отъ того, что бываетъ на самомъ дѣлѣ. (Мат. 1, 20. 24. 2. 12. 19. Дѣян. 16, 9. 10, 10. слѣд. 9, 10 и проч.) e) наконецъ если принять все за сновидѣніе, то кромѣ того, что сказано противъ такого рода изъясненія, надлежитъ замѣтить и то, что надлежало бы прибавить Евангелисту предъ вступленіемъ въ повѣствованіе объ искушеніяхъ: κατ' ὄναρ.—Противъ втораго можно замѣтить, что а) у Евангелиста Матѳея (4, 11) дѣйствію діавола противопоставляется явленіе и служеніе Ангеловъ; послѣдніе — дѣйствительныя существа; слѣдовательно и первый. b) Неестественно то, что искуситель сперва хочетъ посредствомъ требованія чудесъ узнать, точно ли Іисусъ—Мессія, и потомъ, не получивъ никакого удовлетворенія своему требованію, когда бы долженъ былъ совсѣмъ оставить его, обѣщается напротивъ самъ служить ему, самъ доставить ему владычество всемірное; Іудеи ожидали этого отъ Мессіи, а не Мессія долженъ былъ ожидать этого

валъ за крещеніемъ,—какъ повидимому должно полагать на основаніи Мат. 4, 1; въ особенности Марк. 1, 12: *и абіе Духъ изведе Его въ пустыню* и Лук. 4, 1: *Іисусъ же исполнь Духа Свята возвратися отъ Іордана и ведяшеся Духомъ въ пустыню*,—или позднѣе, ко времени пребыванія Его въ Іудеѣ послѣ торжественнаго вступленія въ свое служеніе на праздникѣ Пасхи въ Іерусалимѣ; Іоан. 3, 22. *по сихъ*

отъ Іудеевъ. с) Когда было это искушеніе? Какъ могъ обратить на себя вниманіе Синедріона Іисусъ прежде нежели началъ учить и творить чудеса? Со словъ Іоанна (1, 19 и дал.) никакъ нельзя было узнать, что именно Іисусъ есть Мессія. А молва о событіяхъ, ознаменовавшихъ крещеніе Іисуса, если только была, скорѣе могла привести искусителя къ Іисусу въ началѣ Его удаленія, чѣмъ въ концѣ. Противъ третьяго надлежитъ сказать, а) что явленіе и дѣйствіе въ Іисусѣ такихъ искусительныхъ мыслей, не отъ внѣ пришедшихъ, но въ немъ родившихся и уже развившихся, потомъ искушавшихъ его, несообразно съ понятіемъ о Іисусѣ, какъ безгрѣшномъ и святомъ. б) притча во всякомъ случаѣ вредила Іисусу—поняли ли ее ученики, или нѣтъ. Если поняли, то видя, какъ старается ихъ учитель свои худыя мысли прикрывать навѣтомъ діавольскимъ, они должны были получить невыгодныя впечатлѣнія о Его святости и искренности. Если не поняли, то должны были вѣрить, что есть діаволъ, что онъ имѣетъ необычайную силу и проч. Наконецъ противъ третьяго и четвертаго вообще замѣтить должно: а) что такая притча была бы безпримѣрна въ своемъ родѣ: нигдѣ въ притчахъ своихъ внутреннихъ состояній Онъ не изображаетъ, уроковъ въ такой историческій разсказъ не облекаетъ, въ которомъ бы самъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ; б) въ другихъ случаяхъ Евангелисты представляютъ самаго Іисуса, говорящаго имъ притчи; а здѣсь они представляютъ это какъ фактъ. Слѣдовательно, если предположить, что вся исторія искушенія есть не что иное какъ притча, то нужно будетъ согласиться, что Апостолы сами ее не поняли. Въ особенности противъ четвертаго объясненія замѣтимъ, что Евангелистамъ отнюдь было неприлично начинать исторію Мессіанскаго періода жизни Іисуса мнѣомъ. Παραλαμβάνει Мат. 4, 5. означаетъ *брать себѣ кого-либо въ товарищи, чтобы вмѣстѣ идти куда-нибудь* (Мат. 17, 1.). Крило церковное πτερύγων τοῦ ἱεροῦ можетъ означать и высоту, крышу какого нибудь *зданія принадлежавшаго храму*, напр. такъ называемаго porticus regis, находившагося на южномъ краю горы храма и отдѣлявшагося отъ города ужаснымъ рвомъ. Впрочемъ допуская искушеніе Іисуса, какъ событіе внѣшнее, дѣйствительное, мы должны замѣтить, что сила перваго предложенія діавола именно заключалась во внушеніи Іисусу мысли, что Мессія можетъ употреблять свои Божественныя силы для собственныхъ личныхъ цѣлей; втораго во внушеніи Іисусу мысли тщеславія своимъ Божественнымъ достоинствомъ, третьяго—во внушеніи желанія господствовать надъ всѣмъ.

прiиде Iисусъ и ученицы Ею въ жидовскую землю и ту живяше съ ними и крещаше [1]). Допускающіе послѣднюю хронологію думаютъ, что свидѣтельство, которое далъ Іоаннъ Креститель (Іоан. 1, 19 и слѣд.) посланнымъ отъ Синедріона, было сообщено наканунѣ крещенія Господа Іисуса. А когда говорится далѣе ст. 29: *во утрiй видѣ Іоаннъ Iисуса грядуща къ себѣ*: то это слово: *грядуща* указываетъ на крещеніе: Онъ шелъ креститься. Если это такъ, то нужно будетъ дѣйствительно согласиться, что Господь не прямо послѣ крещенія удалился въ пустыню и провелъ тамъ 40 дней. Ибо непосредственно послѣ указаннаго утра на слѣдующій день ст. 35 и 36 Господь призвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Апостоловъ, и потомъ хронологическія показанія у Іоанна прерываются, и всѣ эти указанія непрерывнымъ своимъ сцѣпленіемъ не даютъ возможности помѣстить здѣсь 40 дневное искушеніе. Тутъ перечислена почти день за днемъ цѣлая седмица см. еще ст. 43 и 11, 1.

Но кажется здѣсь болѣе остроумія въ соображеніяхъ, чѣмъ основательности. Развѣ слова: *грядуща къ нему*—не могутъ относиться и къ другому обстоятельству, кромѣ крещенія? Притомъ Іоаннъ вопрошающимъ его посланнымъ отъ Синедріона отвѣчалъ: *посредѣ васъ стоитъ его же вы не вѣсте. Вы не вѣсте*,—слѣдовательно Іоаннъ уже зналъ. А это должно быть послѣ крещенія.

Говорятъ еще, что первое свидѣтельство предъ посланными отъ Синедріона ст. 19—28 неопредѣленно: напротивъ второе предъ учениками—29 и слѣд. ясно указываетъ Мессію въ Іисусѣ. Значитъ тоже, что это второе свидѣтельство было послѣ крещенія, а первое до крещенія.

---

[1]) Такъ думаетъ Генгстенбергъ въ толкованіи на Іоанна 3, 22.

Послѣ этой побѣды надъ діаволомъ явились Іисусу служить Ангелы: они предваряли уже радостію Его окончательное торжество надъ врагомъ. Но оставляя небесную свиту, Богочеловѣкъ исходитъ изъ пустыни одинъ съ сознаніемъ того, что съ Нимъ и въ Немъ совершилось, и съ полною преданностію волѣ Отца, куда бы она ни повела Его.

Порядокъ евангельской исторіи послѣ крещенія Іисуса Христа опредѣляется по Евангелію Іоанна и Луки. Первый вездѣ ясно обозначаетъ время описываемыхъ событій, указывая на извѣстные праздники Іудейскіе. Второй, какъ самъ сказалъ въ началѣ, поставилъ себѣ цѣлію послѣдовательно изложить исторію евангельскихъ событій.

Но Лука, вмѣстѣ съ двумя первыми Евангелистами, начинаетъ свои повѣствованія уже съ той поры, какъ Іоаннъ былъ заключенъ въ темницу. А Евангелистъ Іоаннъ восходитъ къ болѣе раннему времени. Лука излагаетъ событія — до страданій Спасителя — только совершившіяся въ Галилеѣ, а Іоаннъ преимущественно дѣла, совершенныя Спасителемъ въ Іудеѣ.

Имѣя это въ виду, нужно 1) напередъ дать мѣсто повѣствованію Іоанна — до той поры, какъ онъ переходитъ къ періоду дѣйствованія Спасителя въ Галилеѣ, который начинается вслѣдъ за Іоанновымъ заключеніемъ въ темницу и усиленіемъ ненависти противъ Спасителя въ Іудеѣ; 2) надобно постоянно имѣть въ виду, что Спаситель, какъ Мессія главнымъ мѣстомъ своего дѣйствованія всегда почиталъ Іудею, а въ ней Іерусалимъ: и только препятствія, встрѣченныя Имъ здѣсь, заставили Его перенести свою проповѣдь въ Галилею: *Іерусалиме, Іерусалиме! колѣ краты восхотѣхъ* и т. д.... (Матѳ. 23, 37; см. также Іоан. 4, 1—3; 43, 44.). И не смотря на то, вскорѣ отправляется Онъ опять въ Іудею (5, 1.). И

только открытое здѣсь гоненіе противъ него (5, 16. 18.) вынудило Его удалиться оттуда. Послѣ сего-то удаленія, дѣятельность Спасителя въ Галилеѣ и описываетъ Лука и первые два Евангелиста,—это лѣто Господне пріятно для Галилеи.

Слѣдуя въ описаніи Галилейской дѣятельности Спасителя Евангелисту Лукѣ, нужно совмѣщать съ нимъ и повѣствованія прочихъ Евангелистовъ, по соприкосновенности.

Господь собираетъ первое свое общество изъ среды простыхъ Галилеянъ, на которыхъ сильнѣе подѣйствовали слова Іоанна Крестителя. Когда Онъ отвергъ искусительное предложеніе въ пустынѣ—привлечь на свою сторону народъ внезапнымъ поразительнымъ чудомъ, которое могло произвести сильное на первый взглядъ впечатлѣніе, но не совершить внутренняго перерожденія, которое было необходимо для членовъ его царства; — когда, тѣмъ болѣе, отвергъ другое предложеніе искусителя — раздѣлить съ нимъ власть надъ міромъ, имѣя въ виду основать царство истинно Божіе на землѣ: тогда уже Онъ положилъ собрать вокругъ себя немногихъ, но искренно преданныхъ дѣлу Божію людей, которые бы могли потомъ дѣйствовать и на другихъ, для того образовать ихъ особо; для того приблизить къ себѣ предъ прочими и воспитать ихъ, какъ проповѣдниковъ царства Божія. Нужно было начать не со всѣхъ, а съ немногихъ. Онъ не отвлекъ Іоанна отъ его приготовительнаго служенія, но оставляя его дѣйствовать согласно его призванію, воспользовался для своего дѣла нѣкоторыми изъ его учениковъ. Это было не менѣе по желанію Іоанна, какъ и по избранію Іисуса.

Двое изъ учениковъ Іоанновыхъ, повидимому, были личными свидѣтелями того, какъ отвѣчалъ Іоаннъ на вопросы, предложенные ему отъ Синедріона (одинъ

изъ нихъ и описалъ это событіе). На нихъ, примѣтно, сдѣлало сильное впечатлѣніе слово учителя: *грядетъ крѣпкій мене, иже предо мною бысть*, — Онъ уже стоитъ посреди васъ. На другой день послѣ того, увидѣвъ идущаго къ нему Іисуса, проповѣдникъ покаянія открыто указалъ своимъ ученикамъ: вотъ тотъ, о которомъ онъ говорилъ посланнымъ, который долженъ довершить начатое имъ дѣло,—для котораго Онъ и призванъ въ свое служеніе, — на которомъ онъ видѣлъ Духа низшедшаго и почившаго, который есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра и есть истинно Сынъ Божій. — На третій день опять, увидѣвъ Іисуса грядущаго, Іоаннъ повторилъ свое исповѣданіе.

Это многократное свидѣтельство Іоанна рѣшило недоумѣніе лучшихъ изъ учениковъ его, оставаться ли имъ при своемъ наставникѣ, или слѣдовать за тѣмъ, для котораго онъ трудится. Но въ тоже время благоговѣйная мысль о Мессіи, Сынѣ Божіемъ, удерживала ихъ открыто объявить свое желаніе слѣдовать за нимъ. Робко пошли они за удаляющимся Іисусомъ, и только Божественная благость, съ какою Онъ обратился къ нимъ, дала имъ свободу дѣйствованія и навсегда соединила ихъ съ Божественнымъ Наставникомъ. „Чего ищете?“ спросилъ Онъ ихъ съ кротостію, а когда тѣ изъявили желаніе ближе узнать Его, видѣть Его въ Его жилищѣ,—можетъ быть еще въ той пустынѣ, гдѣ провелъ Онъ 40 дней, — Господь охотно допустилъ ихъ къ себѣ. Бесѣда, продолжавшаяся четыре часа, раскрыла имъ, что они нашли, чего давно желали. Часъ, въ который они удостоились быть принятыми и который былъ для нихъ началомъ новой жизни, сталъ на вѣкъ для нихъ достопамятнымъ. Радость, что нашли давно всѣми желаемаго, была такъ велика, что они немедленно по-

старались сообщить ее своимъ братьямъ и друзьямъ.

Но Господь всѣхъ принималъ не по человѣческимъ разсчетамъ и влеченіямъ, а по Божественному прозрѣнію въ сердца людей, ищущихъ Его, и по расположенію и способности ихъ для будущаго служенія. Двое первоизбранныхъ послѣдователей Іисуса были Андрей и Іоаннъ. У нихъ были братья... Принимая каждаго, Господь давалъ разумѣть, что знаетъ ихъ сокровенное прошедшее и будущее. И этимъ возбуждалъ и возвышалъ ихъ вѣру.

Первая Пасха во время общественнаго служенія Іисуса Христа.

Іерусалимъ, древняя столица Іудейская, былъ достойнѣе всѣхъ другихъ городовъ той чести, чтобъ быть мѣстомъ дѣйствій Мессіи и открытою школою для его ученія. Вторый храмъ, съ великими издержками возобновленный Иродомъ, соединеніе здѣсь высшихъ членовъ духовнаго сословія, великолѣпіе Богослуженія давали ему и въ эти времена почти столько же блеска, сколько онъ имѣлъ при первыхъ царяхъ. Въ особенности на праздники въ него собирались толпами изъ всей Іудеи, Галилеи и другихъ отдаленныхъ странъ, гдѣ только поселялись Іудеи. Такимъ образомъ онъ все еще казался столицею древней Моисеевой религіи и его Іерархія всегда старалась защититься противъ вторженій чуждой власти— въ храмѣ чрезъ священниковъ, въ синагогахъ чрезъ раввиновъ, въ Синедріонѣ чрезъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, коихъ главою по большей части былъ первосвященникъ. Іерусалимъ, казалось, только ожидалъ Царя — Мессію, который не только возстановитъ потерянныя его права, но и дастъ ему новыя блистательнѣйшія, сдѣлаетъ его столицею міра.

Приближался праздникъ Пасхи,—каждый благочестивый Іудей считалъ обязанностію провести его въ Іерусалимѣ. Іисусъ также отправился въ Іерусалимъ. Онъ шелъ, какъ простой Галилеянинъ, — съ своими соотечественниками, изъ коихъ еще не многіе знали Его, поелику Онъ открыто ничего не дѣлалъ и не училъ, — и съ учениками, отъ которыхъ по внѣшнему виду ничѣмъ нельзя было Его отличить. Но въ душѣ своей онъ несъ великое намѣреніе начать преобразованіе церкви, для котораго пришелъ на землю: на сей разъ Онъ хотѣлъ силою своей власти пресѣчь нѣкоторые слишкомъ явные безпорядки, совершавшіеся ненаказанно, даже подъ покровительствомъ духовнаго сословія, въ мѣстѣ священнѣйшемъ для народа—храмѣ. Правда Онъ никогда не имѣлъ намѣренія возстановить только чистое Іудейство; духъ религіи, которую Онъ принесъ съ собою, столько былъ новъ и силенъ, что старые мѣха его никакъ не удержали бы; посему и храмъ іерусалискій, какъ мѣсто собственно устроенное по нуждамъ и потребностямъ религіи Іудейской, могъ Онъ оставить въ неприкосновенности, безъ всякихъ улучшеній и преобразованій, доколѣ рука язычника не сожжетъ его и не разрушитъ до основанія: однако съ другой стороны онъ имѣлъ не малую важность въ кругу предметовъ Его вниманія. Онъ давно уже назвалъ его домомъ Отца своего: это значило то, что Богъ, которому покланялись здѣсь доселѣ, есть Богъ и той религіи, которую Онъ пришелъ дать роду человѣческому. Итакъ храмъ не былъ Ему чуждъ совершенно; напротивъ въ своихъ учрежденіяхъ Онъ много говорилъ и объ Немъ Самомъ. Въ Его пришествіе онъ долженъ былъ говорить всѣми камнями своими, что пришла слава ему обѣщанная. Не обратить на него вниманія значило бы оставить въ пренебреженіи

всю религію Іудейскую, забыть одну изъ главныхъ чертъ характера Мессіи, какъ представлялъ Его себѣ и народъ. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ казаться для Іисуса важнымъ, что для душъ простыхъ служилъ разсадникомъ святыхъ ощущеній, для невѣдавшихъ Бога истиннаго—средствомъ возбужденія болѣе чистыхъ понятій о религіи.—Этого уже было довольно, чтобы Іисусу при вступленіи въ свое служеніе обратить *первый* взоръ на храмъ Іерусалимскій.

Что же должно было предстать здѣсь Его взору? Подлѣ предметовъ благоговѣйнаго почитанія—кумиръ корыстолюбія, въ храмѣ-рынокъ, или еще хуже-вертепъ разбойниковъ. Предъ входомъ въ первый дворъ (дворъ женщинъ), окружавшій зданіе храма съ западной стороны, находилась большая, вымощенная камнемъ, непокрытая, окруженная рядомъ столповъ площадь, куда допускались подвергавшіеся нечистотѣ отъ прикосновенія къ трупу язычника, отсюда и получившая наименованіе *двора язычниковъ*. Она отдѣлялась отъ двора женъ рѣшеткою и была ниже его четырьмя ступенями; надъ входомъ этой рѣшетки была надпись, чтобы никакой иноплеменникъ не дерзалъ проходить далѣе. Здѣсь каждый день продавались вино, масло, ѳиміамъ, соль и другія вещи, необходимыя для жертвоприношенія, какъ-то: голуби, овцы, телята, имѣвшія всѣ потребныя качества для принесенія въ жертву. Такъ какъ многіе израильтяне, именно иностранные, не имѣли возможности приводить съ собою какое-нибудь животное на жертву въ храмѣ, то здѣсь его и покупали. Отсюда и мѣсто это называлось *лавки* (cchaninioth). Во время праздниковъ количество продающихъ, покупающихъ и покупаемаго здѣсь особенно возрастало. Потребность въ животныхъ тогда столько была велика, что въ одну Пасху около этихъ временъ насчитано было до 255,500 пасхальныхъ

агнцевъ.—Кромѣ этой продажи здѣсь же производился обмѣнъ монеты иностранной на туземную и размѣнъ крупной на мелкую.—И продавцамъ, и мѣняламъ надлежало-бы расположиться подъ горою храма: это было бы и удобно для покупателей, и спокойно для храма. Но священники для большихъ выгодъ дозволяли торговать и мѣнять и здѣсь. Это не могло обойтись безъ шума, непристойнаго въ святомъ мѣстѣ; святость мѣста не дѣлала продавцевъ совѣстливѣе, тутъ совершались всякаго рода несправедливости. Отъ того религіозное чувство всякаго проходившаго этимъ мѣстомъ въ дальнѣйшіе дворы храма, невольно разстроивалось безобразною картиною и безчиннымъ шумомъ: и что еще хуже, этотъ шумъ проникалъ даже туда, гдѣ совершалось Богослуженіе. Столь же невыгодное понятіе о храмѣ Іудейскомъ получалъ и всякой язычникъ, которому нельзя было проникнуть въ тѣ его части, гдѣ еще оставалось его священное благолѣпіе отчасти во всемъ своемъ величіи. Онъ могъ знать храмъ Іудейскій только по этому двору, который былъ наполненъ отвратительными безпорядками.

Іисусъ это зналъ, и въ первое же посѣщеніе свое Іерусалима—по вступленіи въ должность Мессіи рѣшился возстать всею своею властію противъ этихъ безпорядковъ въ храмѣ. Еще 18 лѣтъ назадъ тому онъ сказалъ здѣсь, что этотъ домъ—домъ Отца Его. Надлежало присмотрѣть за нимъ. Когда пришелъ онъ въ Іерусалимъ и отправился въ храмъ, то, привходѣ въ безобразный дворъ, собираетъ съ земли нѣсколько веревочныхъ обрывковъ и съ этимъ бичемъ въ рукѣ начинаетъ требовать, чтобы всѣ торговцы и мѣнялы немедленно оставили святое мѣсто. Тѣ еще противятся ему,—но Іисусъ не пощадилъ денегъ мѣнялъ, опрокинулъ столы ихъ, погналъ вонъ живот-

ныхъ и самихъ продавцевъ. Не столько дѣйствіе бича Его, сколько та Божественная сила, съ какою Онъ возсталъ противъ нихъ, не устрашившись ни власти священниковъ, ни многочисленности самихъ торговцевъ, сколько дѣйствіе собственнаго ихъ сознанія, возбуждаемаго этою же силою, нудило ихъ поспѣшно убираться отсюда, и дворъ началъ очищаться.

Смотря на это безпристрастно, нельзя было отрицать нравственнаго величія дѣйствія Іисусова. Одинъ возсталъ Онъ противъ безпорядковъ, терпимыхъ и покровительствуемыхъ столько лѣтъ даже тѣми, которые выдавали себя за самыхъ строгихъ ревнителей закона. Святость храма, давно уже попранная, сего требовала. Но Господь далъ разумѣть Іудеямъ, что дѣйствіе сіе надлежитъ приписывать не одной только благочестивой ревности, съ какою напр. въ прежнія времена очищали храмъ нѣкоторые цари отъ идолослуженія. Отношенія Его къ сему храму гораздо ближе,—это домъ Отца Его. И послѣ того, какъ Іоаннъ уже возвѣстилъ о Грядущемъ по немъ, который несравненно его крѣпче, слѣдовало уже ожидать Его сюда. И внезапно пріидетъ въ свой храмъ Господь, котораго вы ищете, и Ангелъ Завѣта, котораго вы желаете (Мал. 3, 1.). То, чего они не сдѣлали для принятія Господа, оставалось сдѣлать Ему,—и послѣ проповѣди покаянія въ народѣ, внести очищеніе въ самый храмъ, осквернённый его неправдами. Это начало очистительныхъ дѣйствій сына Божія на землѣ.

Но священники, оскорбленные такою укоризненною для нихъ ревностію, а еще болѣе объявляемыми Господомъ правами и независимостію отъ нихъ Его дѣйствованія, не хотѣли понимать такъ Его поступка и приступили къ Нему съ вопросомъ: а какимъ знаменіемъ ты докажешь, что имѣешь власть

такъ поступать? Тѣмъ, которые имѣли объ Іисусѣ свидѣтельство Іоанна, тѣмъ, которые видѣли собственными глазами, какъ божественному гласу Его уступали утвержденныя долговременнымъ злоупотребленіемъ права, — на что были нужны новыя чудеса? Не ясно ли было, что пришелъ во храмъ Господь храма, что этотъ вопросъ проистекаетъ не отъ желанія признать въ Немъ Мессію, если Онъ докажетъ свое Божественное посланничество, но изъ желанія устранить отъ себя постороннее вліяніе, *удержать* за собою вѣковое *достояніе*, какъ это выражено въ притчѣ. Здѣсь уже скрывалось начало того Богоубійственнаго кова, который развился впослѣдствіи. Этотъ пророкъ для нихъ былъ лишній: они хотятъ остаться при прежнемъ порядкѣ вещей, при своемъ прежнемъ могуществѣ,—и готовы освободить себя, какими бы то ни было мѣрами, отъ сильнаго обличителя. Все это скрывалось уже тогда въ вопросѣ Іудеевъ. Господь своимъ отвѣтомъ выразилъ ту мысль, что какъ ихъ образъ мыслей не стѣснитъ Его дѣятельности, такъ и Онъ предоставляетъ имъ дѣлать, что угодно ихъ душѣ. Концемъ этого будетъ то, что они не только своими беззаконіями доведутъ этотъ храмъ до конечнаго разоренія, но воздвигнутъ руки и на того, кто болій есть храма. Однако же это не воспрепятствуетъ исполненію Его великаго дѣла. Ихъ торжество продлится не долѣе трехъ дней. „Разрушьте этотъ храмъ—въ три дня я возставлю его.“ Іудеи отнесли слова Его къ храму въ собственномъ смыслѣ и сдѣлали Ему вопросъ, который оставленъ Іисусомъ безъ отвѣта, можетъ быть за намѣренное превращеніе смысла словъ Его. Однако эти слова Господа они припомнили послѣ и, извративъ ихъ, обратили въ обвиненіе Ему.

Вотъ каково было вступленіе Господа въ свое слу-

женіе! Уже тогда Онъ видѣлъ конецъ Его и объявилъ всѣмъ во храмѣ. Но что всего болѣе могло имѣть вліяніе на Его послѣдователей, то это облеченная могуществомъ и величіемъ Божественнымъ свобода, съ какою Онъ возсталъ противъ попранія святыни, совершаемаго въ дни особенно священные въ глазахъ іудейской іерархіи. Отсюда ясно было для всякаго, что кто хочетъ слѣдовать за Нимъ, тому нечего стѣсняться мнѣніемъ объ Немъ духовныхъ властеначальниковъ: они имѣютъ, къ несчастію, причины быть Имъ недовольными, потому что не хотятъ разстаться съ своими страстями.

Однако Іисусъ какъ бы для смягченія того грознаго вида, въ какомъ открылся предъ Іерусалимомъ съ своею ревностію по домѣ Божіемъ, послѣдующее время своего пребыванія въ семъ городѣ ознаменовалъ нѣсколькими разительными и вмѣстѣ благотворными чудесами, которыя еще болѣе привлекали къ Нему людей и заставляли ихъ обращать болѣе вниманія на Божественную силу, какую чрезъ нихъ открывалъ въ себѣ Іисусъ. Молва о томъ, что Іоаннъ Его назвалъ Мессіею, болѣе и болѣе распространялась между народомъ: чудеса вели къ ея подтвержденію. И дѣйствительно, *многіе* начали вѣрить, что нашли въ Немъ своего Мессію.—Но не всѣ при этомъ имѣли такія расположенія, какихъ Господь требовалъ отъ желающихъ слѣдовать за Нимъ. Съ мыслію о Мессіи—по большей части привыкли соединять мечты земнаго благополучія и основывали ихъ на своихъ мнимыхъ правахъ. И Господь, проникая образъ мыслей своихъ новыхъ послѣдователей, не допускалъ ихъ близко къ себѣ, предоставляя времени отдѣлить искреннюю вѣру отъ ложной и самообольщенной.

Разрушая ихъ мечты, Самъ Господь тогда гово-

рилъ въ Своихъ наставленіяхъ *болѣе всего* о необходимости духовнаго возрожденія, которое начинается *покаяніемъ*. Евангелистъ Іоаннъ передаетъ намъ одну такую бесѣду Его съ учителемъ Израильскимъ изъ Фарисеевъ, членомъ Синедріона, Никодимомъ.

Никодимъ столько былъ безпристрастенъ, что принималъ чудеса Іисуса Христа, какъ свидѣтельство дѣйствующей въ Немъ Божественной силы, считалъ Его мужемъ Богопросвѣщеннымъ. Но что далѣе сказать объ Немъ и о Его призваніи, т. е., признавать ли Его за Мессію, кажется, онъ еще не рѣшилъ себѣ, но желалъ только узнать о томъ подробнѣе. Это желаніе тѣмъ было сильнѣе, что ожиданіе царства Мессіи, возбужденное проповѣдію Іоанна Крестителя и достигшее самаго Синедріона,—очень занимало Никодима. Для рѣшенія сего вопроса онъ положилъ обратиться къ самому Іисусу, потому что довѣрялся словамъ Его вполнѣ. Никодимъ пошелъ къ Нему ночью, потому что хотѣлъ скрыть свое расположеніе къ Нему отъ подозрительныхъ сотоварищей. Можемъ предположить, что Никодимъ раздѣлялъ обыкновенныя іудейскія представленія о царствѣ Мессіи. Онъ ожидалъ скораго видимаго, внѣшняго явленія Его въ земной славѣ, хотя могъ имѣть болѣе очищенныя, духовныя понятія о Его свойствахъ. Какъ строгій блюститель закона, онъ конечно былъ увѣренъ, что будетъ имѣть участіе въ семъ царствѣ; ему нужно было только знать, что должно думать о предстоящемъ явленіи Мессіи. Явившись къ Господу и привѣтствовавъ Его, какъ учителя, засвидѣтельствовавшаго своими чудесами свое посланничество отъ Бога, онъ ожидалъ услышать изъ устъ Его самаго что нибудь болѣе опредѣленное о Его призваніи и отношеніи къ царству Мессіи.

Но вмѣсто того, чтобы заняться вопросомъ, кото-

рый скрывался въ словахъ Никодима, Господь намѣренно далъ бесѣдѣ другой оборотъ; Онъ склонилъ рѣчь къ тому, что̀ Никодиму и всякому единомысленному съ нимъ особенно нужно было знать, для того чтобы лучше понимать и Самаго Господа и царство Его. Тогда ближе познаемъ мы Христа, когда болѣе ознакомимся съ своими потребностями духовными. Ихъ-то надлежало возбудить въ Никодимѣ.

Господь прямо высказываетъ Никодиму новую для него и неожиданную, совсѣмъ противоположную его образу мыслей истину, что не всякій, кто думаетъ быть близкимъ къ Мессіи, можетъ быть членомъ Его царства: *„кто не родится снова, тотъ не можетъ войти въ царство Божіе“*. Мы не можемъ сказать, хотѣлъ ли Господь сими словами внушить, что недостаточно одной вѣры, которая основывается на чудесахъ, или желалъ разрушить то предубѣжденіе въ Никодимѣ, будто онъ имѣетъ право на участіе въ царствѣ Мессіи по силѣ своего происхожденія отъ Авраама. Во всякомъ случаѣ оба эти мнѣнія, которыя мы можемъ предполагать въ Никодимѣ, основывались на такомъ образѣ мыслей, который былъ слишкомъ занятъ внѣшнимъ и былъ очень далекъ отъ тѣхъ святыхъ расположеній, которыя составляютъ существо жизни по духу Христову. И вѣроятно слова Господа были направлены противъ самаго источника этихъ представленій. Онъ хотѣлъ учителя израилева, занятаго своимъ мертвымъ знаніемъ буквы писанія,— привести къ сознанію того, что нужно *новое направленіе сердца, рѣшительный переворотъ въ душѣ*, новое рожденіе свыше необходимо для того, чтобы имѣть участіе въ царствѣ Мессіи. Вотъ точка, съ которой могъ и долженъ былъ перемѣниться его взглядъ на царство Мессіи. Никодимъ, слыша о пришествіи царства Божія, представлялъ его себѣ внѣш-

нимъ, видимымъ царствомъ: Господь указываетъ ему на необходимость внутренняго, духовнаго вступленія въ сіе царство,—поелику оно, какъ внутреннее, напередъ должно быть основано въ сердцѣ.

Образъ *возрожденія* (или рожденія снова), употребленный Господомъ, хотя не былъ для Никодима необыкновеннымъ и совершенно непонятнымъ; онъ очень хорошо понялъ бы его, если бы дѣло шло о язычникѣ, который принимаетъ обрѣзаніе и обязуется исполнять всѣ обряды іудейскіе: становится какъ бы новорожденное дитя, вступая въ эту новую сферу; но его затрудняло то, что въ словахъ Господа этотъ образъ означаетъ не внѣшнюю, а какую-то внутреннюю перемѣну, которой учитель израилевъ и не предполагалъ. Потому онъ и не могъ понять сначала словъ Спасителя. И неудивительно: мертвому ученому знанію писанія всегда недоступны бываютъ тайны внутренняго духовнаго опыта. Сіе-то смутное представленіе, родившееся въ немъ при словахъ Спасителя, онъ и выражаетъ въ недоумѣніи: *како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый? Еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися?*

Но Господь не отступаетъ отъ сказаннаго, а подтверждаетъ свое слово, только объясняя его немного: *аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.* Прежде Господь ничего не сказалъ о дѣйствующей причинѣ возрожденія. Теперь Онъ опредѣляетъ ее. Это Духъ Божій; Онъ раждаетъ новую жизнь въ томъ, кто вполнѣ ему предается, и нравственный переворотъ, проистекающій изъ сего новаго начала жизни, совершенно противоположенъ тому господствующему направленію, которому слѣдуетъ человѣкъ, какъ членъ цѣлаго рода человѣческаго, зараженнаго грѣхомъ. Когда же Господь, указывая на главнаго

дѣятеля въ возрожденіи, говоритъ о крещеніи *водою*, то этимъ указываетъ Никодиму на то крещеніе, которое совершали тогда ученики Его и которое вело къ возрожденію духомъ всѣхъ искренно приступавшихъ къ Нему.

Послѣ этого краткаго объясненія Господь выражаетъ то общее положеніе, на которомъ основывается необходимость возрожденія: между жизнію человѣка естественною, какою живетъ все человѣчество, и жизнію новою, проистекающею изъ источника Божественнаго, есть существенное различіе и даже противоположность, такъ что одна не можетъ по естественному порядку перейти въ другую. *Рожденное отъ плоти плоть есть: рожденное отъ Духа духъ есть.*

Но поелику мысль о новомъ рожденіи къ жизни Божественной все еще казалась странною для Никодима, то Господь употребляетъ чувственный образъ, чтобы представить предметъ яснѣе. Какъ движенію вѣтра никто не можетъ назначить предѣла; слышишь и чувствуешь его вѣяніе, но не можешь преслѣдовать его до его начала, откуда онъ исходитъ, или послѣдовать за нимъ до мѣста, гдѣ онъ престаетъ; какъ ощущаетъ человѣкъ чувствами силу вѣтра, стоя посреди двухъ неосязаемыхъ чувствами предѣловъ, такъ бываетъ и съ вѣяніемъ Духа Божія въ тѣхъ, въ которыхъ совершается возрожденіе. Есть во внутренней жизни такого человѣка нѣчто неизъяснимое и непостижимое, что каждый можетъ знать только по собственному опыту, что можно разумѣть только по дѣйствіямъ.

Теперь Никодиму начинаетъ проясняться мысль Господа. Но поелику привыкъ онъ смотрѣть на предметы Божественные съ внѣшней стороны, какъ іудей,— то слова Господни все еще кажутся ему чѣмъ-то не-

слыханнымъ, и полный изумленія онъ восклицаетъ: какъ это можетъ быть?

Господь пользуется этимъ недоумѣніемъ, чтобы привести его къ сознанію недостаточности его вѣдѣнія о предметахъ Божественныхъ и необходимости высшаго просвѣщенія, чтобы смирить гордость ученаго и привлечь болѣе къ Себѣ. „Ты учитель израилевъ, и этого не знаешь? Не знаешь того, безъ чего вся религія остается чѣмъ-то мертвымъ! Но если вы мнѣ не вѣрите въ томъ, что можетъ испытывать каждый живущій на землѣ человѣкъ въ своемъ сердцѣ: какъ повѣрите мнѣ, когда я буду говорить вамъ о томъ, что выше сферы человѣческаго опыта, выше предѣловъ человѣческаго разума, когда я буду раскрывать сокровенный совѣтъ Божій о спасеніи человѣка, котораго постигнуть не можетъ человѣческій разумъ? Это уже переходъ къ тому предмету, которымъ главнымъ образомъ занята была душа Никодима, когда онъ пришелъ къ Іисусу,—къ вопросу о царствѣ Мессіи, какъ оно должно открыться, и почему такъ открывается, а не такъ, какъ ожидали того Іудеи. Господь этимъ намекаетъ на самое желаніе Никодима ближе узнать обстоятельства явленія Мессіи и открытія Его царства, которыя Онъ съ своей внѣшней точки зрѣнія совсѣмъ не почиталъ такими непостижимыми, глубокими, многообъемлющими.

Послѣ такого приготовленія, въ словахъ Господа естественно было ожидать еще чего-нибудь также необыкновеннаго, несогласнаго съ общими іудейскими понятіями. Конечно, Господь хочетъ сказать не о своемъ возвышеніи и славѣ: ибо это было совершенно сообразно съ представленіями Іудеевъ. Напротивъ для обыкновеннаго Іудея, который такъ былъ привязанъ къ внѣшнему, ничто столько не могло казаться

страннымъ, какъ мысль о Мессіи страждущемъ, который является не въ блескѣ земной славы, но *страданіемъ* долженъ совершить спасеніе человѣковъ. Это всегда было и будетъ соблазномъ для Іудея. Сію-то истину и открываетъ Господь Никодиму, но болѣе намекаетъ, нежели ясно ее высказываетъ; Онъ хочетъ, чтобы учитель израилевъ самъ вразумился извѣстнымъ изъ древнихъ временъ образомъ или прообразованіемъ къ объясненію ея себѣ; онъ сравниваетъ сына человѣческаго, возносимаго отъ земли, съ знаменіемъ змія, воздвигнутаго въ глазахъ народа. *Страждущій Мессія—Спаситель міра*: это также странно, какъ и то, что воздвигнутое знаменіе змія служило къ исцѣленію уязвленныхъ зміемъ. И однако же это было такъ и не безъ намѣренія было устроено такъ Богомъ.

Эта бесѣда Іисуса съ Никодимомъ, которой свидѣтелями конечно были и ученики Господа, сдѣлала еще глубже впечатлѣніе на сердце учителя израилева, и онъ постепенно болѣе и болѣе началъ показывать даже открытое къ нему уваженіе (Іоан. 7, 50. 19, 39). Іисусъ не потребовалъ отъ него въ настоящемъ случаѣ рѣшительнаго послѣдованія Себѣ; однако такъ сильно на него подѣйствовалъ, что послѣ онъ самъ долженъ былъ оставить все ради Евангелія. А прежнимъ образомъ мыслей Никодима, какъ онъ представляется намъ въ этой бесѣдѣ, оправдывается образъ дѣйствованія Іисуса въ Іерусалимѣ въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ, которые изъявляли—было тогда къ Нему вѣру (Іоан. 2, 24).

Когда окончились дни праздника, народъ началъ расходиться изъ Іерусалима; Іисусъ также оставилъ этотъ городъ. Но не пошелъ въ Галилею, а остался въ Іудеѣ, гдѣ предъ симъ долго трудился въ Его пользу Іоаннъ. Іоаннъ теперь удалился къ озеру Ген-

нисаретскому, онъ крестилъ близъ Салима. И между тѣмъ какъ ревностный Предтеча приготовлялъ для Іисуса жителей сихъ мѣстъ, Іисусъ собиралъ то, что приготовлено было имъ здѣсь—въ Іудеѣ. И это казалось тѣмъ нужнѣе, что близость вліянія на эту страну со стороны Синедріона и вообще Фарисеевъ, неблагорасположенныхъ ни къ Іоанну, ни къ Іисусу, не обезпечивала сохраненія плодовъ проповѣди и крещенія Іоаннова, если бы они оставлены были Іисусомъ на долгое время безъ присмотра. Итакъ Онъ расположился провести здѣсь довольно времени вмѣстѣ и съ учениками своими; и Самъ занимался ученіемъ, а ученики Его крестили вѣровавшихъ въ Него. Дѣйствія Его были успѣшны. Его общество скоро стало гораздо многочисленнѣе, нежели Іоанново; между тѣмъ и Іоанново также приготовлялось для него. Враждебный духъ, опасаясь ихъ совокупнаго дѣйствованія, искалъ произвести между ними раздѣленіе: однако сила Божія побѣдила эту хитрость лукаваго.

Въ одинъ разъ ученики Іоанновы вели какой-то споръ съ Іудеями относительно важности ихъ крещенія. Сіи послѣдніе опровергали оную вѣроятно тѣмъ, что крещеніе Іисуса несравненно болѣе пріобрѣтаетъ Ему учениковъ, нежели крещеніе ихъ Іоанну. Для учениковъ Іоанновыхъ, которые оказывали высокое уваженіе къ своему учителю, было это извѣстіе слишкомъ больно. Они самаго Іисуса считали обязаннымъ своею славою свидѣтельству Іоаннову. И не имѣя что отвѣчать противъ укоризны Іудеевъ, рѣшились отнестись къ своему учителю, представить ему, какъ можетъ пострадать его честь отъ Іисуса, и побудить его къ принятію какихъ либо мѣръ противъ сего. Но Іоаннъ какъ былъ далекъ отъ того, чтобы съ ними раздѣлять эти мысли, показываютъ его слова (Іоан. 3, 27—30): „не во власти человѣка, сказалъ онъ,

присвоивать себѣ болѣе, нежели сколько дано ему свыше (т. е., какъ не въ *моей* власти стать выше того мѣста, какое Самъ Богъ назначилъ мнѣ; я не могу перейти за ту черту, какая мнѣ отдѣлена; такъ и *Христосъ* не могъ бы привлекать къ себѣ сердца всѣхъ, если бы не приводилъ ихъ къ Нему Богъ, если бы Богъ не открывалъ людямъ въ Немъ то, чего я не могу сообщить). Но вы сами должны мнѣ свидѣтельствовать, что этотъ успѣхъ Іисуса совершенно согласенъ съ тѣмъ, что я вамъ всегда говорилъ. Я никогда не выдавалъ себя за Мессію, но только за посланника предъ Нимъ, который долженъ уготовать путь Ему. Моя цѣль достигнута; верхъ моей радости исполнился. Я привелъ невѣсту (церковь) къ ея жениху (Мессіи), которому она принадлежитъ, у котораго одного найдетъ она полное успокоеніе. Онъ долженъ возрастать, а мнѣ надобно умаляться".

Въ этихъ послѣднихъ словахъ видно предощущеніе, что конецъ его земнаго поприща не далекъ. Дѣйствительно, когда онъ перешелъ на ту сторону Іордана, въ Перею, гдѣ царствовалъ Иродъ—Антипа; тамъ былъ схваченъ, какъ обличитель его беззаконія.

Итакъ, хотя сей случай ничего не сдѣлалъ вреднаго для Іисуса, однако непрестанное приращеніе Его общества не переставало мучить назиравшихъ Его недоброжелателей.

Въ это время случилось, что Іоаннъ былъ заключенъ въ темницу. Поводомъ къ сему были слѣдующія обстоятельства. Іоаннъ крестилъ въ Переѣ, гдѣ правилъ Иродъ Антипа, въ качествѣ тетрарха; столицею Ирода была Тиверіада въ Галилеѣ. Наслѣдовавши отъ отца своего подозрительность ко всѣмъ, онъ наблюдалъ за всѣми движеніями, происходившими въ его тетрархіи и на предѣлахъ ея. Довольно было слышать ему, что Іоаннъ имѣетъ въ его областяхъ многочис-

ленную толпу послѣдователей, чтобы считать его за опаснаго для себя человѣка. Онъ старался заманить его къ двору своему, чтобы самому изслѣдовать, что это за человѣкъ, и ежели его подозрѣнія оправдаются, то обезопасить себя отъ него. Но къ удивленію Ирода было совсѣмъ не такъ, какъ онъ догадывался. Этотъ Іоаннъ, которому, не смотря на его власяную одежду и строгій образъ жизни, приписывали тайныя цѣли крамолы, былъ строгій нравоучитель, который имѣетъ довольно духа, чтобы тѣже самыя истины, которыя проповѣдывалъ онъ народу, возвѣстить и предъ царемъ и его фамиліею. Столько же свободный во дворцѣ Ирода, какъ и въ пустынѣ, онъ началъ въ глаза упрекать Ирода за то, что поправши и законы Божественные, и права гостепріимства, похитилъ у брата своего Ирода Филиппа его супругу и живетъ съ нею теперь. Съ такою же ревностію обличалъ и другіе пороки, господствовавшіе при дворѣ его. Можетъ быть Иродъ самъ по себѣ и не показалъ себя столько раздраженнымъ сими обличеніями: онъ даже оказывалъ расположеніе слушать его, уважалъ его (Мар. 6, 20). Но Иродіада, изъ честолюбія рѣшившись оставить своего перваго мужа, такъ была оскорблена этими обличеніями Іоанна, что употребляла всю свою силу надъ Иродомъ, чтобы осудить Іоанна на смерть. На сей разъ она успѣла сдѣлать только то, что Иродъ заключилъ Іоанна въ крѣпость Махеру. Болѣе ничего не намѣренъ былъ сдѣлать съ нимъ Иродъ частію потому, что Галилеяне считали его за пророка и такъ были къ нему расположены, что Иродъ изъ опасенія возмущенія не смѣлъ и поступить съ нимъ слишкомъ строго (Мат. 14, 5), частію потому, что и самъ опасался преслѣдованіемъ такого святаго, Богоугоднаго мужа навлечь на себя небесную казнь (Мар. 6, 20). Эти причины долго держали Ирода

въ отношеніи къ Іоанну въ нерѣшительномъ состояніи и можетъ быть наконецъ побудили бы его совершенно освободить Іоанна, если бы Иродіада не воспользовалась однимъ случаемъ неосторожности Иродовой къ умерщвленію Іоанна, какъ увидимъ въ послѣдствіи.—Иродъ позволялъ ему въ заключеніи пользоваться сообществомъ своихъ учениковъ.

Послѣ заключенія Іоаннова въ темницу (Іоан. 3, 23. 24), Іисусъ уже не оставался долѣе въ Іудеѣ. Незадолго предъ симъ онъ узналъ, что Фарисеи, его бдительнѣйшіе надзиратели, обезпокоиваемые непрестанно возрастающимъ количествомъ учениковъ Его, обратили теперь все вниманіе свое отъ Іоанна на Него. Это и побудило Іисуса оставить Іудею и идти въ Галилею. Заключеніе Іоанна тѣмъ менѣе могло Его удержать отъ сей рѣшимости, что оно было слѣдствіемъ особенныхъ причинъ. Притомъ Иродъ тогда или ничего не слыхалъ объ Іисусѣ, или не обращалъ еще на Него своего вниманія.—И такъ въ сопровожденіи своихъ учениковъ Іисусъ и отправился въ Галилею, взявъ путь чрезъ Самарію. Строгій израильтянинъ не пошелъ бы этимъ путемъ, онъ обошелъ бы эту нечестивую область чрезъ Перею, по правой сторонѣ Іордана: но Господь былъ всегда чуждъ такихъ суевѣрныхъ правилъ.

Прошли уже лѣтніе мѣсяцы, прошла и часть осени. Было время сѣянія, которое начиналось съ половины Октября и продолжалось до половины Декабря. Въ эту-то пору Господь пришелъ на плодоносныя долины Сихемскія. Утомленный путешествіемъ, онъ остановился при колодезѣ Іаковлевомъ. Онъ былъ одинъ; ученики посланы были въ городъ для покупки съѣстныхъ припасовъ, конечно не безъ намѣренія, чтобы пріучить побѣждать то отвращеніе, какое питали Іудеи къ Самарянамъ. Въ то время при-

шла изъ близъ лежащаго города бѣдная женщина за водою на колодезь. Господь, по причинѣ томившей Его жажды прося у нея пить, заводитъ съ нею разговоръ, и какъ всегда онъ пользовался каждымъ мгновеніемъ, каждымъ случаемъ для своего Божественнаго служенія, такъ и теперь старается сообщить этой женщинѣ сѣмя Божественной истины, сколько возможно соображаясь съ ея расположеніемъ сердечнымъ и со степенью ея образованія. Онъ скрываетъ эту истину подъ такимъ образомъ, который представлялся теперь самъ собою и который столько былъ близокъ къ настоящему ея положенію и къ ея характеру, болѣе чувственному, что могъ возбудить въ ней желаніе и къ тому великому благу, о которомъ онъ намекалъ и которое намѣренъ былъ сообщить ей,—хотя она и не понимала еще, въ чемъ должно состоять сіе благо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно быть любопытно для нея слышать о водѣ, которую каждый можетъ имѣть у себя и которая съ каждымъ днемъ только болѣе будетъ умножаться, такъ что имѣющему сію воду уже не нужно будетъ столько принимать труда, сколько теперь, для пріобрѣтенія ея, не нужно будетъ каждый день по нѣскольку разъ ходить за нею, черпать ее. Такъ описывалъ Господь новую Божественную жизнь, которой источникъ заключается въ Немъ Самомъ, которая одна можетъ утолить жажду духа, успокоить всѣ его потребности, которая въ каждомъ человѣкѣ, пріемлющемъ ее, становится приснотекущимъ источникомъ мира и радости; такъ намекалъ на нее подъ образомъ живаго родника, который вѣчно бьетъ живымъ ключемъ, такъ что имѣющій этотъ родникъ не будетъ никогда терпѣть жажды и не захочетъ пить другой воды.

Возбудивши въ женщинѣ желаніе имѣть у себя такую чудную воду, о которой однако она не могла

еще сказать, *что* это за вода, Господь прерываетъ рѣчь, не входитъ въ объясненіе того, чего она при своемъ чувственномъ состояніи не могла выразумѣть; Онъ даетъ бесѣдѣ своей другое направленіе, — и съ одной стороны обращаетъ взоръ женщины на ея собственную жизнь: такъ какъ самопознаніе и одно самопознаніе могло сдѣлать ее способною къ правильному разумѣнію Божественныхъ истинъ; а съ другой стороны открываетъ ей въ Себѣ Пророка, показывая, что Ему извѣстны и такія обстоятельства ея жизни, которыхъ Онъ, какъ чужестранецъ, не могъ знать обыкновеннымъ образомъ: требуетъ, чтобы она привела мужа, и этимъ обнаруживаетъ, что у нея много было мужей. Отъ этого слова Его должны были получить гораздо болѣе вѣса въ глазахъ ея; и она не оставитъ безъ вниманія даже и того, что казалось ей загадочнымъ, но предполагая въ немъ высшій сокровенный смыслъ, по крайней мѣрѣ сохранитъ въ своей памяти до времени. Отъ этого же самаго она обращается теперь къ Нему, какъ къ Пророку, предлагаетъ Ему свои религіозные вопросы и проситъ у Него разрѣшенія ихъ. Что было ближе, какъ спросить у Пророка Іудейскаго, какъ онъ рѣшитъ споръ между Іудеями и Самарянами, — споръ, о которомъ напоминало самое мѣсто, гдѣ теперь они бесѣдовали, взглядъ на гору Гаризинъ? „Отцы наши, говоритъ Самарянка, поклонялись (Богу) на сей горѣ: а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно кланяться, находится въ Іерусалимѣ?“ Слѣдовательно вопросъ въ томъ: кто же правильнѣе думаетъ?—Господь въ своемъ отвѣтѣ различаетъ прежнее и настоящее время. Прежде были правы Іудеи, потому что Самаряне — народъ неизбранный Богомъ, а только усвоившій себѣ отчасти законъ Его; потому и должны были, какъ и всѣ прозелиты Іудейства, относиться къ храму Іе-

русалимскому. Не имѣя общенія съ Іерусалимомъ, учреждая особое Богослуженіе въ противность закону, не принимая Пророковъ, которыхъ посылалъ Богъ для наставленія своего народа, и нарушая такимъ образомъ органическую связь между временами закона и Мессіи, къ которому руководили законъ и Пророки, Самаряне сами не знали, кому они кланялись. Напротивъ Іудеи, пользуясь продолжающимся откровеніемъ чрезъ Пророковъ, чтутъ Бога, какъ Онъ Самъ научилъ ихъ. Отъ нихъ должно произойти и спасеніе для всѣхъ. Такъ доселѣ Іудеи правѣе Самарянъ, но теперь, продолжалъ Господь, наступаетъ время, когда ни Самарянскій, ни Іудейскій образъ Богопочтенія не будетъ болѣе имѣть силы. Теперь пора уже прекратить эти споры. Открывается людямъ поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ: ибо Отецъ небесный такихъ требуетъ поклонниковъ. Богъ есть духъ и кланяющіеся Ему должны кланяться въ духѣ и истинѣ. Господь противопоставляетъ бывшему доселѣ служенію, внѣшнему, привязанному къ извѣстному времени и мѣсту, такое поклоненіе, которое не связано ни мѣстомъ, ни временемъ, исходитъ отъ Духа и обемлетъ всю жизнь духа. Богъ, какъ духъ, правильно можетъ быть постигаемъ только духомъ. И только это поклоненіе въ духѣ можетъ быть поклоненіемъ въ истинѣ, т. е., истиннымъ. Поклоненіе въ духѣ можетъ быть только то, которое происходитъ отъ истины, принятой духомъ, содѣлавшейся жизнію духа (не какое нибудь самопроизвольное, мистическое поклоненіе, но истекающее отъ истиннаго евангельскаго ученія). Господь уже положилъ сѣмена такого новаго поклоненія въ сердца своихъ учениковъ, чрезъ которыхъ оно должно быть разнесено повсюду (наступаетъ „и нынѣ *есть*“).

Въ заключеніе своей бесѣды Господь и прямо ска-

залъ Самарянкѣ, что Онъ-то есть самый Мессія, котораго ожидаютъ Самаряне и Іудеи. Женщина спѣшитъ въ городъ, чтобы сообщить своимъ радостную вѣсть о необычайномъ случаѣ. Толпы жителей пошли изъ города къ Іисусу. Между тѣмъ возвратились ученики съ своею покупкою и застали своего учителя при концѣ бесѣды съ Самарянкою. Хотя бесѣда съ женщиною, которою Онъ былъ глубоко занятъ, для нихъ показалась странною и возбуждала ихъ любопытство; но никто не смѣлъ спросить о причинѣ и о предметѣ разговора. Они удивлялись и тому, что Господь не коснулся принесенной пищи. Занятый своимъ великимъ дѣломъ, Онъ забывалъ потребности земныя. Духъ Его созерцалъ дѣйствія истины Божественной въ душѣ женщины, въ жителяхъ города, страны, цѣлаго міра. Онъ имѣлъ въ виду всемірное распространеніе того ученія, котораго начатки предлагалъ теперь бѣдной женщинѣ. Онъ уже видѣлъ предъ собою жатву отъ тѣхъ сѣмянъ, которыя ввергалъ теперь въ нѣдра земли. Поэтому на удивленіе учениковъ Господь отвѣчалъ: „Я имѣю другую пищу, которой вы не знаете (то, что даетъ пищу моему духу, заставляетъ Меня забывать о пищѣ тѣлесной). Моя пища исполнить волю пославшаго Мя, и Я исполняю Его дѣло (сѣю сѣмя, отъ котораго должно распространиться царство Божіе въ цѣломъ человѣчествѣ)“. И потомъ изображаетъ имъ въ приточномъ сравненіи, что хотѣлъ сказать о начатомъ дѣлѣ Божіемъ между Самарянами. Можетъ быть, смотря съ одной стороны на разсѣянныхъ по полямъ земледѣльцевъ, которые занимались сѣяніемъ, или на всходъ хлѣба на поляхъ, а съ другой—на толпы, выходившія къ Нему изъ города по призыву женщины, Господь сказалъ: вы говорите, что не ранѣе, какъ чрезъ 4 мѣсяца, будетъ жатва. Въ отношеніи

къ природѣ это такъ; но иначе теперь въ дѣлахъ духовныхъ. Когда пришло время, то лишь только сѣется еще сѣмя, и уже начинается жатва. Поднимите взоры (указывая на выходящія толпы Самарянъ) и смотрите, какъ эти поля уже готовы къ жатвѣ. Но вмѣстѣ созерцая духомъ, что Онъ оставитъ землю прежде, нежели начнется полная жатва, что долженъ будетъ предоставить своимъ ученикамъ доканчивать сію жатву, Господь предвозвѣщаетъ имъ пророчески, — что имъ предстоитъ эта настоящая жатва, которою Онъ вмѣстѣ съ ними будетъ наслаждаться (сѣющій и жнущій будутъ радоваться); они пожнутъ, что посѣяно. Такъ Господь уже намекалъ имъ на свое удаленіе отъ нихъ и на близкую свою кончину, которую предваряла еще ближайшая смерть Его Предтечи.

Два дня еще пробылъ Господь здѣсь по просьбѣ Самарянъ,—и пошелъ въ Галилею.

Несмотря однакоже на то расположеніе, какое оказали Ему жители Самарянскаго города, Іисусъ спѣшилъ въ Галилею. Онъ всегда считалъ Себя призваннымъ для проповѣданія преимущественно между Іудеями. Итакъ оставивъ Сихемъ, Онъ отправился въ отечественную страну—Галилею (Іоан. 4, 43. Мар. 1, 14. Матѳ. 4, 12. Лук. 4, 14). Галилея съ того времени стала обыкновеннымъ мѣстомъ Его дѣйствій; здѣсь Онъ все время проводилъ въ небольшихъ путешествіяхъ по различнымъ ея округамъ и городамъ. Нѣкоторыя замѣчанія о тогдашнемъ состояніи Галилеи могутъ намъ послужить къ объясненію, почему Господь избралъ эту преимущественно страну мѣстомъ своего общественнаго служенія.

Галилея по счисленію іудейскаго историка содержала въ себѣ до 204 городовъ и селеній. [1]) Жи-

[1]) Joseph. in vita sua.

телей тамъ было до 4 милліоновъ [1]). Ежели и сократить обыкновенное число жителей, которое онъ полагаетъ въ каждомъ малѣйшемъ селеніи, именно 15.000 [2]), все однакоже Галилея, при малой обширности, была тогда очень многолюдная страна. Жители ея были не все Іудеи; много было между ними иностранцевъ, Финикійскаго, Арабскаго и даже Египетскаго происхожденія. Они уже давно пришли въ сію страну, нѣкоторые еще во времена Ассирійскаго владычества; другіе были поселены Сирійскими государями. Отличное плодородіе этой страны, равно какъ и удобство для торговли привлекало иныхъ и позднѣе. Многіе изъ сихъ переселенцевъ приняли уже и религію іудейскую. Подъ скипетромъ одного государя, Галилеяне составляли одинъ народъ изъ людей различныхъ религій, различныхъ націй; Израильтяне между ними, если и не были многочисленнѣе, однако при государѣ, державшемся вѣры іудейской, были въ нѣкоторомъ смыслѣ господствующимъ народомъ, хотя ни вѣра государя, ни древнія права, какія Іудеи имѣли на сію страну исключительно въ отношеніи ко всѣмъ другимъ народамъ, не давали имъ никакихъ преимуществъ предъ прочими поселенцами. Итакъ Галилея можетъ быть разсматриваема въ отношеніи къ религіи и какъ страна іудейская, и какъ страна языческая; въ семъ послѣднемъ значеніи она называлась Галилеею языковъ [3]).

Смѣшеніе Израильтянъ съ язычниками въ Галилеѣ и отдаленность ихъ отъ столицы ихъ вѣры оставляло ихъ по большей части въ невѣжествѣ въ отношеніи

---

1) Raumer. in litter. Anzeig. 1836 № 22. S. 212.

2) De bell. Iud. L. III c. 2 et 22.

3) Winer 1, 452. О Галилеѣ и ея жителяхъ по Страбону. Еще у Исаіи 8, 23 Gelil heiggoiim, т. е. округъ языковъ. Γαλιλαια των αλλοφύλων (1 Маккав. 5, 15). Язычниковъ или иноплеменниковъ особенно много было въ Верхней или Сѣверной Галилеѣ.

къ своей вѣрѣ. Это были люди, сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной. Собственные Іудеи смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ. *Отъ Галилеи пророкъ не приходитъ*, изъ города Галилейскаго *можетъ ли что добро быти*? Это были всеобщія поговорки между чистыми Іудеями. Галилеяне не богаты были учителями; за то учители іудейскіе не передали имъ всѣхъ своихъ заблужденій. Правда, они раздѣляли съ прочими Іудеями нѣкоторые предразсудки относительно Мессіи; но ихъ предразсудки, какъ предразсудки невѣжества, легче могли сглаждаться, нежели предразсудки ложнаго просвѣщенія. Явленіе между ними Мессіи тѣмъ болѣе долженствовало ихъ привлекать къ Нему, чѣмъ на низшей степени стояли они прежде въ мнѣніи своихъ соотчичей іудейскихъ.

Для другихъ обитателей Галилеи — язычниковъ Іисусъ также не могъ остаться незамѣченнымъ, хотя ни Самъ, ни ученики Его собственно съ ученіемъ къ нимъ не обращались. Потому что и Онъ, и ученики Его исцѣляли больныхъ ихъ во множествѣ. Такимъ образомъ и между сими людьми обращеніе и проповѣдь Іисуса не могли оставаться безъ плода.

Ученики Іисуса были всѣ изъ Галилеи. Другимъ послѣдователямъ Его удобнѣе было здѣсь сопровождать Его въ Его путешествіяхъ и, оставляя свои домы, собирать сѣмена Его ученія, которыя Онъ бросалъ тамъ и здѣсь: поелику плодородностію страны вообще обезпечивались они на счетъ своего содержанія.

Этими соображеніями намъ объясняются причины, по которымъ Спаситель избралъ мѣстомъ преимущественнаго своего обращенія во время общественнаго служенія Галилею.

Евангелистъ Іоаннъ, говоря о прибытіи Господа въ Галилею, замѣчаетъ: *самъ бо Іисусъ свидѣтельствова, яко пророкъ въ своемъ отечествѣ чести не имать.*

Сими словами онъ хочетъ объяснить, почему Господь не остался въ Назаретѣ.

Когда вступилъ Онъ теперь въ свою страну, въ частыхъ селеніяхъ Галилеи Ему начали попадаться люди, которые были въ послѣдній праздникъ въ Іерусалимѣ и видѣли тамъ Его первыя дѣйствія. Молва быстро начала распространяться объ Немъ. Всѣ радовались ихъ соотечественнику, Галилеянину; всѣ думали,—Онъ заставитъ теперь Іудеевъ согласиться, что и изъ Галилеи пророкъ приходитъ; надѣялись, что въ своей странѣ Онъ еще болѣе покажетъ чудотвореній.—Конечно много было въ такихъ представленіяхъ объ Іисусѣ неправильнаго: творить чудеса—для угожденія своимъ соотечественникамъ, для возвышенія ихъ предъ Іудеями Онъ никогда не думалъ; творить чудеса для поддержанія своей славы—еще менѣе. Главною цѣлію Его чудотвореній всегда было нравственное благо людей, возбужденіе вѣры въ Него, какъ Мессію; гдѣ не видѣлъ Онъ сего, тамъ воздерживался отъ всякихъ знаменій и чудесъ.—Но нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ того, что эти представленія объ Іисусѣ соединялись однакоже съ уваженіемъ къ Нему самому, какъ посланнику Божію.

Іисусъ возобновилъ потомъ въ Галилеѣ прекратившуюся по случаю заключенія Іоаннова въ темницу проповѣдь: исполнилось время ожиданій и предопредѣленія Божія, приближилось Царствіе Божіе, наступили дни Мессіи. Но кто хочетъ быть участникомъ благъ Его, прежде долженъ очиститься покаяніемъ и съ вѣрою внимать новому благодатному ученію, которое возвѣщаетъ Мессія (Мар. 1, 15). Проповѣдь сія, доселѣ слышимая только въ пустыняхъ, при источникахъ, вообще въ мѣстахъ обильныхъ водою, гдѣ было можно креститься, была внесена Іисусомъ въ синагоги галилейскія и возвѣщаема въ горо-

дахъ (Лук. 4, 15). Въ синагогахъ обыкновенно предлагались чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта. Учители іудейскіе, или раввины, могли прилагать къ сему и изъясненія прочитаннаго, или занимались собесѣдованіемъ съ собравшимися слушателями о другихъ религіозныхъ предметахъ. Іисусъ пользовался этими случаями къ распространенію своего ученія. Онъ самъ вставалъ читать изъ писанія въ синагогахъ, самъ толковалъ прочитанное, самъ прилагалъ оное къ предмету собственнаго служенія. Иногда такимъ образомъ случалось, что читаемое или какое-нибудь мѣсто изъ пророка такъ прямо и ясно указывало на Него, что не нужно было никакихъ изъясненій.—Занимаясь проповѣдію, онъ не оставлялъ подтверждать ее и чудесами; и какъ никогда не расточалъ ихъ безъ цѣли, такъ съ другой стороны не отказывалъ въ нихъ, когда видѣлъ хотя малую пріемлемость къ тѣмъ истинамъ, которыя проповѣдывалъ.

Въ началѣ сего путешествія онъ пришелъ въ Кану, гдѣ были у него родственники и гдѣ уже онъ сотворилъ первое чудо. Расположеніе жителей города, какъ кажется, не совсѣмъ соотвѣтствовало желаніямъ Іисуса: они ждали отъ него только чудесъ [1]), а вѣрить въ Него, какъ въ Мессію, не думали.— Но между жителями Каны предсталъ Іисусу одинъ царедворецъ изъ Капернаума. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ, которые, видя или слыша о необычайной силѣ Іисуса, хотѣли только дѣлать ее предметомъ холоднаго наблюденія или суетнаго любопытства, или пользоваться ею для исполненія своихъ причудливыхъ желаній: но не былъ и изъ числа тѣхъ, которые чувствовали сердечное влеченіе къ Іисусу и прихо-

[1]) Догадка основывается на томъ, что въ семъ городѣ совершено одно только чудо и то въ пользу иностранца, что упрекъ Іоан. 4, 48. относится не къ одному цареву мужу.

дили къ Нему съ полною вѣрою. Онъ стоялъ на средней степени между тѣми и другими (такихъ было много): его привело къ Іисусу не внутреннее влеченіе, но внѣшняя необходимость; у него былъ боленъ сынъ; отъ Іисуса онъ ожидалъ его исцѣленія. Іисусъ въ такихъ случаяхъ не отрицался подавать своей Божественной помощи, хотя старался всячески дать почувствовать, что нужно имѣть болѣе чистое, болѣе возвышенное къ Нему расположеніе. Онъ выслушалъ просьбу царедворца и, еще не давая ему отвѣта на оную, устремилъ испытательный взоръ въ глубину духа просителя, въ одно мгновеніе взвѣсилъ его достоинство, и потомъ сверхъ всякаго ожиданія, отвѣчалъ такъ: вы такіе люди, что не увѣруете, если не увидите знаменій и чудесъ (хотя и обращался онъ къ Іисусу, но не по искренней увѣренности, что Онъ силенъ совершить это и что Онъ есть истинный посланникъ Божій).—Родителю, который опасался каждую минуту лишиться своего сына, было слишкомъ трудно выносить этотъ строгій разборъ его внутреннихъ расположеній. Да какъ царедворецъ, можетъ быть, онъ и не ожидалъ такого пріема. Однако взоръ всевѣдѣнія, брошенный на него, убѣдилъ его, что жизнь его сына точно во власти Іисуса. Посему вмѣсто того, чтобы оскорбиться замѣчаніемъ Его, онъ еще пламеннѣе сталъ просить Его, чтобы подалъ помощь сыну его. „Господи, говорилъ онъ, приди пока не умеръ онъ.“ Этимъ какъ бы выражалось: чувствую справедливость твоего замѣчанія: но не время теперь обличать; послѣ обличай, какъ хочешь, но теперь помоги. Іисусъ сдѣлалъ болѣе, нежели сколько просилъ царедворецъ, и царедворецъ оказалъ вѣры болѣе, нежели сколько можно было ожидать отъ него сначала. Царедворецъ просилъ Іисуса придти изъ Каны въ Капернаумъ для исцѣленія своего

сына, потому что онъ тамъ находился. Іисусъ только сказалъ ему: „поди, сынъ твой здоровъ,“ и царедворецъ увѣровалъ въ Іисуса не только самъ, но и весь домъ его. Нѣкоторые считаютъ сего царедворца за одно лицо съ Хузою (Лук. 8,3.) или съ Манаиломъ (Дѣян. 13,1.). Но то и другое—догадка, не болѣе.

Немногіе, можетъ быть, только ученики Іисуса, понимали въ настоящемъ случаѣ его Бжественное искусство возбуждать и возгрѣвать искру вѣры, но то было для всѣхъ потомъ извѣстно, что сынъ царедворца дѣйствительно сталъ здоровъ съ того часа, въ который сказано отцу его: поди, сынъ твой здоровъ. Молва скоро должна была разгласить этотъ случай по всѣмъ окрестностямъ Каны и Капернаума. Царедворецъ Капернаумскій былъ всѣмъ тамъ извѣстенъ,—и Іисусъ былъ всюду прославляемъ (Лук. 4, 15.).

Но вотъ послѣ посѣщенія другихъ городовъ Галилеи приходитъ онъ въ Назаретъ [1]). Чудо Капернаумское было и тамъ слышно (Лук. 4, 23.). Дошла сюда молва и о другихъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Іисуса (18—22.). Но имъ или не вѣрили, или не давали такой важности, чтобы считать ихъ дѣлами Мессіи. Хотѣлось имъ самимъ что нибудь чудесное видѣть отъ Него; впрочемъ и въ такомъ случаѣ они не способны были принять Его, какъ принимали Его другіе. Въ нихъ слишкомъ были сильны предубѣжде-

---

1) Отъ Каны до Назарета часъ пути (Норовъ 2,186.), а по Робинзону $1\frac{1}{2}$ часа (3, 443). Но Робинзонъ думаетъ, что признаваемое нынѣ Каною селеніе не есть дѣйствительная Кана, а kefr-kanna. Каною же Евангельскою онъ признаетъ kana—el—jelil въ 3 часахъ пути отъ Назарета (Robins. 3, 445.). Генгстенбергъ (Comment. zu Johan. 2,1.) признаетъ, что kefr—kanna есть единственная Кана, которой историческое существованіе намъ достовѣрно извѣстно, и потому ея нужно держаться.

нія, посѣянныя долговременнымъ пребываніемъ Іисуса въ Назаретѣ—въ убогомъ видѣ. Въ такомъ-то расположеніи нашелъ къ себѣ сердца своихъ соотечественниковъ Іисусъ въ то время, когда, явившись въ Назаретъ, вошелъ въ синагогу ихъ и началъ учить. И чего же надлежало ожидать отсюда? Іисусъ предложилъ для первой бесѣды чтеніе изъ Пророка. По особенному намѣренію Божію открылось Ему мѣсто изъ Исаіи: 61, 1.2., гдѣ пророкъ предвѣщаетъ лѣто Господне благопріятное, истинное лѣто отпущенія (юбилей), времена отрады и утѣшенія для народа Божія съ пришествіемъ Мессіи. Но тотъ же Пророкъ предсказывалъ вмѣстѣ, что помазанникъ Божій будетъ благовѣствовать *нищимъ* духомъ, будетъ исцѣлять,—но *сокрушенныхъ сердцемъ*, будетъ проповѣдывать освобожденіе *плѣннымъ*, т. е., держимымъ въ узахъ грѣха и діавола, возвѣститъ прозрѣніе *слѣпымъ*, которые и сами сознаютъ свою слѣпоту, отпуститъ на свободу измученныхъ,—подъ игомъ князя тьмы, но которые сами будутъ желать того. Между тѣмъ Его слушатели были не изъ числа тѣхъ, которые сознавали свою слѣпоту и желали исцѣленія отъ нея. Поэтому слово Его, при всей своей силѣ, не могло произвести на нихъ спасительнаго дѣйствія. Они только дивились, что извѣстный имъ съ младенчества Іисусъ можетъ говорить такъ краснорѣчиво, согла́шались, что теперь наступило это время, предвозвѣщенное Пророкомъ; проповѣдь Іоанна, проповѣдь самаго Іисуса вездѣ были принимаемы съ охотою. Когда же по прямому приложенію словъ Пророка къ лицу самаго Іисуса нужно было признать Его Мессіею, тогда возбудились въ нихъ сомнѣнія: можетъ ли совершать такія дѣла тотъ, котораго мы знаемъ мать, братію и сестеръ, котораго привыкли считать сыномъ плотника? Не имѣя сердечнаго расположенія

къ духовнымъ благамъ, указываемымъ Пророкомъ, а потому и не дорожа ими, они безъ сомнѣнія требовали отъ Іисуса, если не словами, то по крайней мѣрѣ въ мысляхъ, чудесъ, какія совершилъ Онъ въ Капернаумѣ и въ другихъ мѣстахъ, по вѣрѣ прибѣгавшихъ къ Нему за помощію. Но творить чудеса тамъ, гдѣ не было никакой пріемлемости вѣры, только для удовлетворенія грубаго чувственнаго любопытства—этого не могъ Господь.—Правда, сказалъ Онъ, вы можете сказать, что самъ Я не стараюсь ничѣмъ привлечь расположеніе ваше, не дѣлаю, чего вамъ хочется:—но это уже не въ первый разъ оправдывается, что пророку нѣтъ чести въ отечествѣ своемъ. Такъ было съ Иліею, такъ было съ Елисеемъ. И какъ Илія и Елисей, когда не имѣли къ нимъ вѣры Израильтяне, свои благодѣянія оказывали посторонним: такъ приходится сдѣлать и Мнѣ. Эта рѣчь, которая ставила жителей Назарета ниже язычниковъ, принимавшихъ съ вѣрою пророковъ, вывела ихъ совершенно изъ себя; они выгнали Іисуса изъ синагоги, изъ города, хотѣли сбросить съ горы, на которой былъ расположенъ ихъ городъ; но Іисусъ закрылъ Себя отъ нихъ своею Божественною силою и удалился.

Съ Нимъ тогда не было учениковъ Его, или по крайней мѣрѣ не всѣ: Іисусъ, можетъ быть, нарочито удалилъ ихъ отъ того, чтобы быть свидѣтелями непріятности, нанесенной Ему соотечественниками, которая могла сильно подѣйствовать на ихъ душу. Онъ пошелъ изъ Назарета къ морю Галилейскому, чтобы тамъ найти ихъ, избрать себѣ какое-нибудь одно мѣсто для всегдашняго пріюта, въ случаѣ нужды, принять своихъ учениковъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Собою, начать ихъ особенное образованіе, соот-

вѣтственное ихъ назначенію, и съ ними снова отправиться путешествовать по Галилеѣ.

Берега моря Галилейскаго были усѣяны селеніями, коихъ жители занимались рыбною ловлею. Іисусъ, явившись здѣсь, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, началъ учить народъ. Многіе здѣсь, вѣроятно, еще прежде слышали проповѣдь Іоанна; еще вѣроятнѣе, всѣмъ было извѣстно что нибудь объ Іисусѣ. Итакъ Іисуса сопровождала многочисленная толпа народа. Всѣ тѣснились около Іисуса: кто хотѣлъ слышать, что онъ говорилъ, кто просилъ Его о какой-нибудь помощи, кто хотѣлъ удовлетворить своему любопытству. Наконецъ Онъ достигъ того мѣста, гдѣ ловили рыбу Симонъ и Іоаннъ съ своими братьями. Увидѣвъ лодку Симона, Онъ поспѣшно вошелъ въ нее, чтобы освободиться немного отъ тѣсноты и докукъ народа, который, не смотря на привязанность, какую оказывалъ къ Нему, не понималъ Его однакоже надлежащимъ образомъ; отплывъ нѣсколько отъ берега, Іисусъ началъ съ лодки продолжать свои наставленія народу.

Такая противоположность судьбы,—въ одномъ мѣстѣ Его гнали отъ себя, въ другомъ тѣснились, чтобы приблизиться къ Нему,—чѣмъ разительнѣе обнаруживалась, тѣмъ большею грозила опасностію Іисусу. Съ одной стороны представлялось, что дѣло Іисуса ненавистію и завистію враговъ Его можетъ быть прекращено въ самомъ началѣ; съ другой что самая привязанность къ Нему народа приведетъ его къ такимъ слѣдствіямъ, какихъ Онъ отнюдь не желалъ. То и другое вызывало Его теперь болѣе заниматься образованіемъ учениковъ, будущихъ учителей міра; притомъ Онъ видитъ, что при жизни своей Ему нужно будетъ посылать ихъ съ благовѣствованіемъ по городамъ Іудеи, что Онъ одинъ не успѣетъ столько сдѣ-

лать, но они еще очень мало были приготовлены къ этому служенію. Итакъ Іисусъ рѣшился нѣкоторыхъ учениковъ сдѣлать неотступными спутниками своими, сдѣлать ихъ свидѣтелями всѣхъ своихъ дѣйствій, чтобъ они изъ обозрѣнія полной картины Его жизни и служенія яснѣе могли постигнуть Его глубокія цѣли, правильнѣе разумѣть царство Мессіи, съ большимъ убѣжденіемъ потомъ свидѣтельствовать объ Немъ и проповѣдывать Его ученіе.

Намѣреніе сіе тогда же отчасти и было выполнено. Окончивъ наставленіе къ народу, Іисусъ обращается къ Симону и спрашиваетъ, какова была ловля въ отсутствіе Его? Іисусъ знаетъ, что ничего не наловили, у нихъ уже и сѣти были вымыты, но Ему нужно было обратить на это вниманіе ученика своего, чтобы потомъ показать, какъ безъ Него они не могутъ имѣть успѣха даже и въ обыкновенныхъ занятіяхъ своихъ, какъ напрасны ихъ опасенія разстроить свои семейныя дѣла, послѣдовавъ за нимъ, и какъ всѣ ихъ ущербы щедро могутъ быть награждены однимъ Его словомъ. Симонъ отвѣчалъ, что онъ съ своими товарищами трудился цѣлую ночь, но ничего не поймалъ. Іисусъ велитъ ему отплыть на глубину озера и тамъ закинуть свои сѣти. Симонъ отъ этого не ожидалъ никакого успѣха, однако повиновался. И что жъ? Сверхъ ожиданія его въ одинъ разъ вытащено было столько рыбы, что ею могли нагрузиться цѣлыя двѣ лодки. Симонъ пришелъ не въ удивленіе, но въ ужасъ отъ такого чуда. Ловъ былъ не ночью, а днемъ, былъ на глубинѣ озера и такъ великъ, что рвались сѣти, но рыба не ушла. Когда пристали къ берегу, Симонъ бросился на колѣна предъ Іисусомъ и, въ сознаніи своего недостоинства быть опять спутникомъ Его, выразилъ желаніе оставить Его: „Я грѣшникъ,

не могу обращаться съ Тобою, Божественный чудотворецъ." Но Іисусъ ободрилъ его, велѣлъ слѣдовать за собою и, примѣняясь къ случившемуся событію, сказалъ: „отселѣ ты будешь ловить человѣковъ,"— тоже повелѣніе и обѣщаніе относилось и къ брату Симона, потомъ и къ другимъ товарищамъ ихъ, участвовавшимъ въ послѣдней чудесной ловлѣ—Іакову и Іоанну. Послушные гласу Іисуса: они вытащили свои лодки на берегъ и простились съ своимъ озеромъ. У послѣднихъ двухъ братьевъ былъ тутъ отецъ, но они оставили и его.

Іисусъ направилъ съ ними путь въ Капернаумъ. Этотъ городъ Онъ предназначалъ сдѣлать мѣстомъ своего пребыванія въ свободное отъ путешествій время,—имъ хотѣлъ замѣнить себѣ Назаретъ. Эта часть Галилеи отличалась предъ всѣми прочими тучною почвою, обиліемъ всякихъ плодовъ, благотворностію климата, прекраснымъ источникомъ; это было немаловажнымъ удобствомъ для собиравшагося къ Іисусу народа. Кромѣ того Капернаумъ лежалъ на границѣ двухъ отдѣльныхъ владѣній: собственно онъ находился въ Галилеѣ, гдѣ правилъ Иродъ, но весьма близко отъ Капернаума находилась Виѳсаида, бывшая въ области Филиппа, брата Иродова, который правилъ Итуріею и Трахонитскою областію, и куда могъ бы удалиться Іисусъ, если бы встрѣтилась опасность со стороны Ирода (Матѳ. 14, 13; Іоан. 6, 1.). Но были безъ сомнѣнія и другія болѣе важныя причины у Сердцевѣдца, почему именно этотъ, а не другой городъ избралъ Онъ мѣстомъ своего постояннаго пребыванія, которыхъ мы не знаемъ. Знаемъ только, что Капернаумъ отселѣ называлъ Іисусъ своимъ городомъ, что здѣсь просили съ Него динарія, какъ и съ прочихъ обитателей города (Матѳ. 7, 24. 9, 1).

Переходъ Іисуса изъ Назарета въ Капернаумъ есть такое событіе, о которомъ три первые евангелиста говорятъ съ особенною подробностію, какъ о событіи, соединенномъ со многими обстоятельствами жизни Іисуса Христа. И дѣйствительно, первый день пребыванія здѣсь Іисуса, въ то время какъ этотъ городъ по слову евангелиста сталъ своимъ Іисусу Христу, показываетъ, что событія стоили особеннаго подробнаго описанія. Мы уже сказали о первомъ избраніи въ постоянные спутники и послѣдователи четырехъ учениковъ, которые доселѣ, можетъ быть, на краткое время привязывались къ Нему и довольствовались этимъ. Спаситель въ субботу, въ ближайшее время къ исходу изъ Назарета, является въ здѣшнюю синагогу и по обычаю начинаетъ проповѣдывать. Предметомъ проповѣди, вѣроятно, были тѣ же истины, которыя Онъ вездѣ возвѣщалъ въ то время: близость царствія Божія и проч. Проповѣдь Его, несмотря на тождество предмета, всегда разнообразилась въ приложеніи къ своимъ слушателямъ, которыхъ внутреннее состояніе было совершено открыто Его взору. И это давало Его ученію всегда особенную силу; кто не хотѣлъ намѣренно противодѣйствовать влеченію благодати, исходящей изъ устъ Его, тотъ невольно чувствовалъ себя плѣненнымъ ею. Это было не ученіе книжниковъ и законниковъ, мертвое, холодное, ничего не говорившее нравственному чувству человѣка. Въ ученіи Іисусовомъ скрывались жизнь и сила Божія. Въ то время какъ Онъ такимъ образомъ поучалъ въ синагогѣ Капернаумской,—вдругъ раздается страшный вопль: что Тебѣ до насъ Іисусъ Назарянинъ! Это былъ голосъ духа нечистаго, жившаго въ одномъ изъ слушателей Іисусовыхъ. Долго врагъ Божій молчалъ; проповѣдь о царствѣ Божіемъ гро-

зила разрушеніемъ его царству; наконецъ не могъ долѣе терпѣть; что Тебѣ, закричалъ онъ устами сво ей жертвы, до насъ? Ты пришелъ погубить насъ. Знаю я Тебя, кто Ты, святый Божій! Слова эти показывали, что духу какимъ бы то ни было образомъ хотѣлось склонить Іисуса къ тому, чтобы Онъ не такъ сильно гналъ его изъ своей области. Какъ рабъ, бѣжавшій отъ господина и встрѣтившійся съ нимъ тамъ, гдѣ не чаялъ, онъ употребляетъ всякія уловки, чтобы уклониться отъ наказанія, ожидающаго его.—Но его свидѣтельство не принято. Іисусъ велѣлъ ему оставить свое жилище.... И безсильный духъ, не смѣя говорить, испускалъ послѣдній крикъ—вопль злобы и отчаянія,—не смѣя долѣе оставаться въ человѣкѣ, ужасно его сотрясаетъ и оставляетъ едва живымъ.— Все собраніе пришло въ ужасъ и вскорѣ это событіе стало гласнымъ по всей Галилеѣ.

Субботнюю вечерю Спаситель благоволилъ вкусить въ домѣ Симона. Какъ бы желая яснѣе выразить свое расположеніе къ нему и тѣмъ крѣпче привязать его къ себѣ, разрѣшить узы, сколько нибудь привязывавшія его еще къ дому и семейству, самому семейству его внушить болѣе готовности къ разлукѣ съ Симономъ, тотчасъ по прибытіи въ домъ Симона, Онъ исцѣлилъ отъ болѣзни его тещу, которая одержима была сильною горячкою.

Въ вечеру того же дня, по окончаніи часовъ покоя субботняго, къ двери дома Симонова собралось множество народа съ больными, по слуху о происшествіи въ синагогѣ. Можетъ быть, давно не видавшіе свѣта солнечнаго, или по утру еще не думавшіе дожить до вечера, всѣ теперь чаяли милости отъ Іисуса. Здѣсь были и одержимые обыкновенными болѣзнями, и бѣсноватые. Милосердый Господь вышелъ къ нимъ

изъ дома и, переходя отъ одного больнаго къ другому, возлагалъ на каждаго свою руку и подавалъ имъ исцѣленіе, воспрещая только одержимымъ духами, какъ и прежде, провозглашать о Немъ, какъ о Мессіи.

Такъ ознаменовалъ Господь вступленіе свое въ Капернаумъ!—О, какъ щедро изливались на всѣхъ благодѣянія Его, когда злоба и невѣріе людей не останавливали Его, не стѣсняли Его! Какъ Онъ являлся тогда неистощимымъ въ любви!

На утро жители Капернаума снова собрались къ дому Симона. Но здѣсь уже не было Божественнаго чудотворца. Рано утромъ Онъ оставилъ совсѣмъ городъ и, приготовляясь въ путь по Галилеѣ, чтобы благовѣствовать и тамъ Евангеліе царствія, въ уединеніи молился. Мы замѣтили уже, что Капернаумъ Онъ не избиралъ для постояннаго пребыванія въ немъ. Сдѣлавши его мѣстомъ сборища для народа, Онъ могъ возбудить противъ себя подозрѣніе правителя Галилеи,—питать въ народѣ замыслы, несогласные съ истинными его цѣлями,—долженъ былъ лишить многихъ личной помощи и возбужденія. Такимъ образомъ когда Симонъ съ прочими учениками явился было къ Нему во время Его молитвы съ представленіемъ, какъ народъ ждетъ Его въ Капернаумѣ, только получилъ повелѣніе вмѣстѣ съ прочими—идти съ Нимъ для благовѣствованія по Галилеѣ. И просьбы жителей Капернаума не перемѣнили рѣшимости Спасителя. Воля Отца и благо всѣхъ людей управляли всѣми шагами Его.

Гдѣ именно Спаситель былъ съ проповѣдію во время сего путешествія, Евангелисты не замѣчаютъ и о Его дѣйствіяхъ не сообщаютъ никакихъ подробностей, кромѣ только исцѣленія одного прокаженнаго,

котораго Господь исцѣлилъ словомъ и прикосновеніемъ и, по исцѣленіи велѣлъ ему принести за себя законную жертву и явиться для освидѣтельствованія священникамъ. Но слава имени Іисусова уже распространилась не только по Галилеѣ, но проникла и въ Сирію, собирала къ Нему и водила за Нимъ толпы изъ Галилеи, Десятиградія, Іерусалима, Іудеи и съ той стороны рѣки Іордана. Множество чудесъ, сила ученія и новость проповѣди и всегда могли возбуждать любопытство Іудеевъ и обращать вниманіе на учителя и чудотворца (*Іудее знаменія ищутъ*): но особенно теперь, при ожиданіяхъ Мессіи. Ученики, сопровождавшіе Іисуса, могли понять теперь, что значило ихъ назначеніе: быть ловцами человѣковъ. Галилея была предъ ними какъ море, кипящее рыбами, въ которомъ на этотъ разъ столько нашли рыбы, что стоило только бросить сѣть, чтобы наловить ея множество.

Но Господь видѣлъ, что еще не вдругъ сему предлежало быть и что напередъ нужно образовать самихъ рыбарей, надлежитъ ввести ихъ въ духъ своего ученія, объяснить имъ тайны царствія. Всѣ вообще окружавшіе Его имѣли такое понятіе о Мессіи и Его царствѣ, что надлежало напередъ его очистить, исправить, обратить вниманіе на то, на что прежде совсѣмъ не обращали, и ослабить нѣкоторыя ожиданія, слишкомъ сильныя и совсѣмъ несоглашавшіяся съ истиною. Они еще не знали, что въ царствѣ Мессіи всѣ должны преобразоваться, и кто думаетъ быть къ Нему ближе другихъ, тотъ, всего вѣрнѣе, далекъ отъ Него.—Вотъ почему Спаситель, говоря о приближеніи царствія небеснаго, тогда ничего прямо не говорилъ о самомъ Мессіи, предоставляя открыть себя уже позднѣе, послѣ надлежа-

щаго приготовленія къ тому народа. Вотъ почему Онъ, когда изгонялъ духовъ нечистыхъ изъ людей, одержимыхъ ими, которые первые и только одни еще тогда начали называть Его Мессіею, воспрещалъ имъ это. Вотъ почему во время сего путешествія воспрещалъ и исцѣляемымъ разглашать о чудесномъ освобожденіи отъ болѣзней и не позволялъ имъ ходить вмѣстѣ съ Нимъ, какъ напр. прокаженному (Марк. 1, 43. 44; Лук. 5, 14), которому даже приказалъ явиться священникамъ. Вотъ почему Онъ сталъ чаще уединяться отъ народа и, предавая себя въ волю Отца, чаще бесѣдовать съ Нимъ въ молитвѣ (Лук. 5, 16). Вотъ почему вскорѣ Онъ допустилъ къ открытой борьбѣ съ Собою другихъ уважаемыхъ народомъ руководителей, которыхъ правила впрочемъ стоили самыхъ рѣзкихъ обличеній.

Когда Господь возвратился въ Капернаумъ, сюда уже собрались изъ Галилеи, изъ Іудеи, изъ самаго Іерусалима книжники и фарисеи посмотрѣть на Его дѣйствія, послушать Его наставленій, не съ тѣмъ, чтобы съ ними сообразоваться въ своихъ поступкахъ, но чтобы узнать, къ чему клонятся Его намѣренія, нѣтъ ли въ нихъ чего либо несогласнаго съ ихъ мнѣніями и правилами, противнаго ихъ чести и уваженію въ народѣ. Они наблюдали за Іисусомъ, когда Онъ послѣ Пасхи, оставшись въ Іудеѣ, около осьми мѣсяцевъ занимался тамъ проповѣдію и, пріобрѣтая все болѣе и болѣе послѣдователей себѣ, крестилъ ихъ чрезъ учениковъ своихъ (Іоан. 4, 1—3). И тогда, какъ удалился Онъ въ Галилею, они не выпускали Его изъ виду, особенно послѣ того, какъ молва о чудесахъ Его сдѣлалась всеобщею. Къ тому же приближалось время Пасхи. Можно было ожидать Іисуса въ Іерусалимъ, какъ и въ прошедшій разъ. И

какъ тогда Онъ явился во храмѣ съ требованіями, необыкновенными для тогдашнихъ учителей, то можно было ожидать подобнаго и нынѣ,—особенно при расположеніи къ Нему народа.

Книжники и фарисеи посѣщали Его домъ, присутствовали въ собраніяхъ къ Нему народа, при Его наставленіяхъ. Господь имъ не препятствовалъ въ томъ: но старался внушить имъ, какъ знакомымъ съ Писаніемъ и принявшимъ на себя руководство народа въ дѣлахъ вѣры и благочестія, болѣе правильныя понятія о Себѣ.

Въ одинъ разъ, когда занимался Онъ въ одномъ домѣ въ присутствіи ихъ наставленіемъ къ народу,—вдругъ раскрывается потолокъ и спускается на одрѣ на средину разслабленный (разбитый параличемъ), который не могъ двинуть ни однимъ членомъ и котораго, за множествомъ народа, не могли пронести въ двери дома. Это была удивительная встрѣча горячей вѣры съ холоднымъ невѣріемъ къ Господу. Можетъ быть, замѣчая смятенное состояніе больнаго, представшаго предъ Нимъ, какъ предъ судіею и цѣлителемъ своимъ, или собственно для находившихся здѣсь фарисеевъ и книжниковъ, Онъ обращается къ разслабленному не съ обыкновеннымъ словомъ исцѣленія отъ болѣзни, но напередъ говоритъ ему: „дерзай, чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои“. Такія слова поразили нѣкоторыхъ изъ книжниковъ. Услышать: встань, возьми одръ твой,—это еще казалось имъ сноснымъ. Но услышать такой приговоръ о грѣхахъ, это казалось имъ не менѣе, какъ богохульствомъ. Впрочемъ они не смѣли, или не успѣли еще изъяснить своихъ мыслей, какъ Господь, проникая въ ихъ сердца, Самъ обнаружилъ ихъ предъ всѣми и далъ объ нихъ судъ свой. „И я согласенъ, сказалъ Онъ, что сказать: встань, возьми одръ твой — легче, и что отпущать

грѣхи можетъ только Богъ. Но для того-то я и сказалъ напередъ разслабленному: отпущаются тебѣ грѣхи, чтобы вы знали, что такое самъ въ себѣ Сынъ человѣческій и какъ далеко можетъ простираться власть Его даже на земли (не тогда, какъ Онъ будетъ на небеси),—и вотъ теперь прибавлю очевидное доказательство на то, что не приписываю себѣ ничего лишняго. Въ тоже время, обращаясь къ разслабленному, Господь говоритъ: „возьми одръ твой и ходи“. Если бы Спаситель сказалъ это ранѣе и только это одно, то подобныхъ чудесъ могло быть указано довольно и прежде, и это чудо не показывало бы въ Іисусѣ необычайнаго чудотворца. Но послѣ того, какъ Господь предъ всѣми произнесъ такія слова, которыя дѣйствительно были бы хулою въ устахъ всякаго чудотворца до того времени, Онъ не только не остановился, но повелѣлъ разслабленному возстать отъ своего одра, и слова Его влили живоносную силу въ мертвенность больнаго, ничѣмъ не владѣвшаго;—больной всталъ, имѣлъ столько крѣпости, чтобы самому нести свой одръ и пройти съ нимъ сквозь толпу стѣною стоящаго народа; нужно ли было болѣе ясное наставленіе, за кого Его должно принимать, и болѣе сильное доказательство истинности Его словъ? Отпущать грѣхи? Сколько было у народа Іудейскаго Божіихъ посланниковъ, и ни одинъ не бралъ на себя такого великаго дѣла. Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, но не давалъ прощенія грѣховъ. Въ храмѣ очищались грѣхи—до извѣстной степени — принесеніемъ жертвъ. Господь, самъ въ себѣ нося очищеніе грѣховъ человѣческихъ и по Божественному своему праву, и по рѣшительному намѣренію искупить грѣхъ собственною кровію, могъ, и только одинъ могъ такъ, не призывая милости Отца и не употребляя въ посредство никакого обыкновен-

наго очистительнаго средства, сказать: отпущаются тебѣ грѣхи... Книжники и законоучители должны были вразумиться этою бесѣдою и чудомъ, за кого надлежитъ признавать Іисуса. Всеобщее изумленіе сопровождало это дѣйствіе и хитрая злость должна была умолкнуть. Но Господь, имѣя дѣло съ людьми, надменными своею праведностію, желалъ еще въ большей ясности представить, въ какой мѣрѣ касается Его служенія это дѣло — отпущеніе грѣховъ, и для кого именно это могло бы быть нужно. Послѣдующія событія отчасти по собственному Его намѣренію, отчасти какъ бы сами собою, подавали Ему поводъ раскрыть это въ надлежащей ясности.

Вскорѣ послѣ описаннаго происшествія случилось Господу опять проходить мимо озера Геннисаретскаго; здѣсь Онъ призвалъ еще ловца человѣковъ, но уже не изъ беззазорнаго званія рыбарей, а мытаря Матѳея. Надобно знать, что такое значилъ мытарь въ глазахъ строгаго фарисея, чтобы судить о намѣреніи такого избранія, и именно въ настоящее время. Занимаясь сборомъ податей съ народа Іудейскаго въ пользу языческаго императора, часто употребляя къ тому жестокія мѣры, часто прибѣгая къ насиліямъ и притѣсненіямъ бѣдныхъ, чтобы самимъ обогатиться, мытари были самыми презрѣнными людьми въ глазахъ религіознаго Іудея, хотя и не всѣ они были дѣйствительно столько низки по всей нравственности. Τελώνης значило тоже, что ἁμάρτωλος. Призывая Матѳея въ число ближайшихъ своихъ послѣдователей, Господь и хотѣлъ показать именно то, что Онъ пришелъ грѣшниковъ призвать на покаяніе, и что какъ изъ числа такъ называемыхъ грѣшниковъ есть такіе, которые ничѣмъ не хуже считающихъ себя праведниками, ни въ чемъ неукоризненными, такъ и между

сими мнимыми праведниками есть не мало грѣшниковъ въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова.

Матѳей быстрою рѣшимостію послѣдовать зову Господа уже показалъ, что онъ не менѣе другихъ учениковъ былъ достоинъ Божественнаго призванія: но онъ симъ не удовольствовался. Какъ бы въ благодарность за милостивое снисхожденіе къ нему Господа, онъ съ дерзновеніемъ просилъ Его вмѣстѣ съ прочими учениками къ себѣ на трапезу, на которую пригласилъ и многихъ изъ своихъ собратій по званію. Господь, видя любовь его и зная, что примѣръ его могъ служить ободреніемъ и для прочихъ мытарей, не отрекся отъ приглашенія; хотѣлъ, чтобы поступокъ Его поняли и фарисеи. Но они неспособны были видѣть это, какъ надлежало.

Вмѣсто того чтобы оцѣнить въ этомъ любовь Сына человѣческаго, они обратились къ ученикамъ Его и, какъ будто желая возставить ихъ противъ Него, съ укоризною и съ чувствомъ обиды для себя говорили: что это, учитель вашъ ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками, оставляя насъ въ сторонѣ?—Такъ, отвѣчалъ имъ Іисусъ вмѣсто учениковъ своихъ; но кому долженъ оказывать свои пособія врачъ, здоровому, или больному? Вы считаете себя крѣпкими: что же для васъ страннаго, что Сынъ человѣческій не къ вамъ обращается! Но и вамъ, искуснымъ въ законѣ, не надлежало бы забывать слова Божіи у пророка: *милости хощу, а не жертвы,* и не смотрѣть съ презрѣніемъ на этихъ несчастныхъ, отверженныхъ вашимъ надменіемъ.—И не видите ли, что это надменіе и этотъ недостатокъ любви къ своимъ братьямъ уже суть такіе грѣхи, которые незамѣтно для васъ самихъ ставятъ васъ наравнѣ съ сими грѣшниками предъ Святымъ Богомъ и должны побудить васъ искать помощи у Врача, пришедшаго къ вамъ боль-

нымъ? Богъ отказывается отъ жертвы для милости; а ты для соблюденія мнимой праведности отказываешься отъ милости!—Не для такихъ праведниковъ пришелъ Я на землю, но для сокрушенныхъ грѣшниковъ. Если же и эти праведники желаютъ быть близки ко Мнѣ, то также должны сознать себя грѣшниками.

Пристыженные такимъ отвѣтомъ, они хотятъ отмстить и учителю и ученикамъ порицаніемъ въ слабости правилъ Его, выставляя на видъ, что съ такою снисходительностію къ грѣшникамъ они сами не отличаются отъ нихъ ни особеннымъ воздержаніемъ, ни молитвами. Постъ и молитва—первыя средства къ очищенію отъ грѣховъ, къ достиженію святости. Но сіи средства у нихъ слишкомъ мало значатъ. Чтобы подкрѣпить свои слова еще болѣе, фарисеи приглашаютъ на свою сторону случившихся тамъ учениковъ Іоанна и, указывая на примѣръ Іоанна, уважаемаго и Іисусомъ, и на свой примѣръ—на примѣръ людей, которыхъ Онъ унижаетъ, предлагаютъ вопросъ Ему: для чего ученики твои не постятся и не творятъ молитвъ, какъ мы, или какъ ученики Іоанна?

Господь отвѣчалъ на этотъ вопросъ: и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Во первыхъ, надобно различать состояніе тѣхъ и другихъ учениковъ, и во вторыхъ—знать, въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ соглашается это требованіе съ прочими началами Моего ученія.—Постъ есть выраженіе скорби; въ горѣ не приходитъ и пища на мысль; начало его скрывается въ чувствѣ скорби о лишеніи чего нибудь. Мои ученики не имѣютъ причины скорбѣть, доколѣ Я съ ними: подобно какъ званные на бракъ друзья жениха не имѣютъ причины скорбѣть, доколѣ женихъ съ ними. Ученики Іоанновы могутъ и должны поститься теперь, потому что съ ними нѣтъ жениха

ихъ (онъ въ темницѣ). Фарисеямъ, которые не хотѣли стоять ни на сторонѣ Іоанна, ни на сторонѣ Іисуса, всегда есть причина поститься, хотя ихъ постъ и не имѣетъ предъ глазами Божіими того значенія, какое они хотятъ ему дать. Иное дѣло, когда наступитъ и для моихъ учениковъ такое же время. Но и тогда, когда начнется время скорби для моихъ учениковъ, и тогда это учрежденіе, какъ внѣшнее, должно быть вполнѣ сообразнымъ съ прочими внѣшними учрежденіями и съ новыми внутренними началами. Поступить тогда по примѣру учениковъ Іоанновыхъ, т. е., измѣнить только въ одной части правила жизни, значило бы къ ветхой ризѣ пришить новую заплату и тѣмъ увеличить диру. А поступить по примѣру фарисеевъ, т. е., удержать всѣ ветхія формы, значило бы влить въ ветхой мѣхъ новое вино и лишиться вдругъ и вина и мѣховъ. Итакъ, всему свое время и своя мѣра. Духъ христіанства долженъ образовать для себя и новыя формы.

Такимъ образомъ указанія фарисеевъ, относившихся къ Іисусу съ своими правилами, и здѣсь были отринуты и только послужили ученикамъ Господнимъ для точнѣйшаго соображенія своихъ отношеній и къ фарисеямъ, и къ ученикамъ Іоанновымъ, изъ среды которыхъ нѣкоторые сами вышли. А книжники и фарисеи узнали отселѣ, что Господь отнюдь не расположенъ подчинять Себя ихъ мнѣніямъ и правиламъ, что Онъ хочетъ дѣйствовать съ полною независимостію.

Несмотря на такое видимое несогласіе въ правилахъ и мнѣніяхъ съ уважаемыми учителями народа, Господь, зная, что часъ Его еще не пришелъ, отправился въ Іерусалимъ, когда наступило время идти туда на праздникъ Пасхи. Кромѣ того, что здѣсь Онъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ и жителямъ тѣхъ

городовъ, которыхъ Самъ не посѣщалъ, и даже обитателямъ отдаленныхъ странъ, приходившимъ на праздникъ, тамъ, гдѣ былъ домъ Отца Его, въ присутствіи тѣхъ, которые считали себя его приставниками и управителями, Онъ считалъ нужнымъ яснѣе возвѣстить о Себѣ, чтобы никто не оставался въ невѣдѣніи о Немъ, и если кто хочетъ точнѣе удостовѣриться въ Немъ, тому указать способы, какъ сего достигнуть.—Сюда переходилъ и вопросъ о законѣ и правилахъ, которыя поддерживали фарисеи. Въ бесѣдахъ съ ними въ Галилеѣ Господь указывалъ на необходимость измѣненія формъ ветхаго закона съ новымъ ученіемъ.

Случаемъ къ сему въ самомъ Іерусалимѣ Господь избралъ исцѣленіе одного больнаго, уже страдавшаго 38 лѣтъ (Іоан. 5), совершенное имъ нарочито въ субботу. Освободивъ его отъ болѣзни, Господь самъ приказалъ ему взять свою постелю и идти. Строгіе блюстители внѣшнихъ требованій закона и преданій старцевъ, узнавъ о семъ,—вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на божественное исцѣленіе, вступились за нарушеніе покоя субботняго. Это было въ глазахъ ихъ преступленіе, достойное смерти,—тѣмъ болѣе, что совершено среди многолюдства, на праздникѣ. Но ни приговоръ судилища, ни рука тайнаго предателя не могли поразить Его прежде, нежели Самъ Онъ предастъ Себя людямъ. Посему, не опасаясь замысла враговъ своихъ, Господь Самъ является къ нимъ и объявляетъ, на чемъ основывалось несоблюденіе Имъ бездѣйственнаго покоя въ субботу.

Суббота — памятникъ покоя Божія по окончаніи творенія. Но сей покой не есть бездѣйствіе. Дѣятельность Творца не прекращается; но соблюденіе міра отъ сотворенія его доселѣ есть не что иное, какъ возобновляющееся съ каждымъ мгновеніемъ Его творе-

ніе, начатое Отцемъ чрезъ Сына (*послеши Духа твоего и созиждутся*), обновленіе духовной природы человѣка есть тоже твореніе (*сердце чисто созижди во мнѣ*...).—Итакъ Богъ, Творецъ міра, и почивъ покоемъ, доселѣ дѣлаетъ.

Если же Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и въ субботу не оставляетъ своего дѣла, то и Я дѣлаю, не стѣсняясь никакими правилами о покоѣ.

Предубѣжденные противъ Него учители народа видѣли въ Его словахъ новое преступленіе: Онъ ставитъ Себя наравнѣ съ Богомъ, говорили они, и готовы были признать это за хулу на Бога (также какъ прежде присвоеніе себѣ права отпущать грѣхи людей). Господь на это отвѣчаетъ: „напротивъ, хулою противъ Бога будетъ не воздавать Сыну такой же чести, какая принадлежитъ Отцу,—поелику Онъ имѣетъ равное съ Нимъ могущество и власть". Сынъ Божій, по самому существу своему, не можетъ творить Самъ отъ Себя ничего, если не видитъ Отца творящаго, т. е., ничего несогласнаго съ волею Отца. Въ Немъ нельзя предполагать ошибки невѣдѣнія, какъ въ прочихъ посланникахъ Божіихъ, неясности, неполноты знанія: потому что Отецъ столько любитъ Сына, что не скрываетъ отъ Него дѣйствій своихъ, но показываетъ ихъ Сыну своему. И потому—что творитъ Отецъ, то и Сынъ творитъ также и можетъ творить безъ предосужденія. Но для разумѣнія сихъ неисповѣдимыхъ отношеній Сына къ Отцу, не прекращающихся и тогда, когда Сынъ находился на землѣ, не въ лонѣ Отца, въ слушателяхъ Господа не было пріемлемости. Поэтому Господь переходитъ къ тому, что ближе къ ихъ разуму. Всѣ они ожидали, что царство Мессіи откроется воскресеніемъ и судомъ, и приписывали это не самому Мессіи, но Богу. Желая показать, что Сынъ точно творитъ тоже,

что Отецъ, Господь останавливается на сихъ дѣлахъ Божіихъ, которыя въ тоже время доказывали, что Онъ есть истинный Мессія. „Всѣ вы дуемаете, что воскресеніе мертвыхъ и судъ суть дѣло Отца. Но и Сыну Онъ далъ силу оживлять, кого хочетъ. А судъ Отецъ весь предоставилъ Сыну“.

„Въ этомъ ясно открывается воля Отца, чтобы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца; иначе тотъ подлежитъ суду Сына, кто не будетъ чтить Его (это касается и настоящихъ судей Моихъ словъ и дѣйствій). Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, пославшаго Его“.

Опровергнувъ такимъ образомъ богохульное обвиненіе Іудеевъ въ несправедливомъ присвоеніи себѣ правъ Божественныхъ (также какъ прежде защищалъ божественную власть отпущать людямъ грѣхи), Господь благоволилъ еще подробнѣе раскрыть то, что сказано было кратко о предоставленномъ Ему воскрешеніи и судѣ. „Я сказалъ о воскрешеніи. И его начало, и всеобщее раскрытіе зависятъ отъ Меня. Оно начинается съ Моей проповѣди, съ Моего слова: кто его слушаетъ и принимаетъ съ вѣрою къ пославшему Меня, того самое сіе слово воскрешаетъ къ жизни духовной. И жизнь сія есть вѣчная, не пресѣкающаяся и предѣлами временной жизни.—Но Сынъ имѣетъ силу возвратить жизнь и умершей плоти человѣка. Это воскрешеніе въ сѣмени своемъ уже лежитъ въ томъ духовномъ воскресеніи. И вотъ будетъ время, когда, по гласу Сына Божія, возстанутъ всѣ мертвые изъ гробовъ своихъ. Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ“.

„Я сказалъ еще о судѣ. Такъ. Когда всѣ воскреснутъ изъ мертвыхъ, и добрые, и злые, тогда Сынъ, оставивъ добрыхъ, принявшихъ слово Его съ вѣрою

(ст. 24: суду не подлежатъ), обратится съ судомъ своимъ противъ злыхъ. — И опять какъ право суда, такъ и совершеніе его Сынъ не предвосхищаетъ Себѣ у Отца, но имѣетъ по волѣ Его. Отецъ далъ Ему власть производить судъ: потому что Онъ есть Сынъ человѣческій, — тотъ самый Сынъ человѣческій, котораго видѣлъ еще Даніилъ пріемлющимъ отъ Ветхаго деньми власть, и честь, и царство (Дан. 7, 13). И Сынъ будетъ производить сей судъ не по своему произволу, но по справедливости, сообразно съ судомъ Отца. Я сказалъ уже, что Самъ Онъ не можетъ ничего творить отъ Себя и не ищетъ воли Своей, но воли пославшаго Его Отца.

Не нужно было спрашивать, кто этотъ Сынъ; Господь говорилъ, что все это Ему предоставлено (я ничего не могу творить.... не ищу воли Моей... ст. 30).

Такъ уже много раскрывъ Себя, Господь не хотѣлъ оставить своихъ слушателей въ невѣдѣніи и о томъ, какимъ образомъ они сами могутъ удостовѣриться въ истинности словъ Его.

Вамъ нужно свидѣтельство въ томъ, что Я по всей справедливости присвояю себѣ наименованіе Сына Божія? Могъ бы Я свидѣтельствоваться въ семъ Самимъ Собою: но для васъ это свидѣтельство не есть истинно, не имѣетъ надлежащей силы. Пусть такъ. У Меня есть другой свидѣтель, котораго свидѣтельство имѣетъ всю силу“.

„Не ссылаюсь Я на Іоанна, который свидѣтельствовалъ обо Мнѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ (Іоан. 1, 34): потому что не пріемлю свидѣтельства отъ человѣка. — Но для васъ и это свидѣтельство имѣетъ всю силу и можетъ быть спасительно. Сами вы посылали къ Нему. И Іоаннъ точно былъ свѣтильникъ Божій, горящій и свѣтящій, — пророкъ съ духомъ рев-

ности пламенной и съ свѣтомъ истины. Только вы не воспользовались свѣтомъ его, какъ должно было: но любовались имъ въ часъ свѣтенія его и не послѣдовали его проповѣди о покаяніи, его указаніямъ на грядущаго по Немъ“:

„Свидѣтель Мой болѣе Іоанна,—Онъ Самъ Отецъ Мой (и кто вѣрнѣе можетъ свидѣтельствовать о чьемъ-либо происхожденіи, какъ самъ отецъ?). Въ чемъ же открывается свидѣтельство Его? Въ дѣлахъ, которыя Я творю, т. е., въ чудесахъ, которыя несомнѣнны и которыхъ не можетъ совершать никто, ложно присвояющій себѣ честь Божію. Если бы Я несправедливо именовалъ Себя Сыномъ Божіимъ, то не могъ бы совершать чудесъ силою Божіею. И не Моя вина, если вы не вѣрите сему свидѣтельству. Если бы и въ иномъ видѣ было свидѣтельство Его, напр. въ гласѣ (какъ Исаіи), въ видѣніи (какъ Іезекіилю) въ словѣ внутреннемъ,—(какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ): вы не приняли бы его. Вы гласа Его прежде никогда не слыхали, лица не видали, да и слово Его не пребываетъ въ васъ, потому что оно пребываетъ только тамъ, гдѣ есть вѣра въ Слово, — а въ васъ ея нѣтъ“.

„Есть еще свидѣтельство, на которое и я могу ссылаться, которому и вы довѣряете,—это свидѣтельство писанія—Закона и Пророковъ. И если вы и въ словахъ сего свидѣтеля не найдете подтвержденія Моимъ словамъ (что Я есмь Сынъ Божій), то вина опять въ васъ, а не во Мнѣ и не въ двусмысленности свидѣтельства. Вы сами не хотите придти ко Мнѣ, чтобы имѣть жизнь; въ васъ нѣтъ никакого расположенія къ Божественному; вы пренебрегаете Мною, потому что Я не ищу славы людской, а все дѣлаю для славы Отца; не удовлетворяю вашимъ ожиданіямъ отъ Мессіи наружнаго блеска Мессіи; между тѣмъ вы,

перетолковавъ Писаніе по своимъ страстямъ, привыкли себѣ представлять Мессію не такимъ, а такимъ же, какъ вы сами. Но если вы будете безпрепятственно изслѣдовать Писаніе, то оно само обличитъ васъ предъ Богомъ. Моисей, на котораго вы надѣетесь, прямо писалъ обо Мнѣ, и онъ, а не Я, будетъ обвинять васъ предъ Отцемъ Моимъ".

Евангелистъ ничего не говоритъ намъ здѣсь о слѣдствіяхъ сей бесѣды. Но изъ дальнѣйшаго мы видимъ, что на слѣдующую Пасху Господь не могъ идти въ Іерусалимъ, да и по прошествіи $1^1/_2$ годовъ послѣ этой бесѣды фарисеи Іерусалимскіе все еще помнили сіе и искали жизни Іисуса (Іоан. 7, 21—23. Здѣсь говорится прямо о *единомъ* дѣлѣ, — о исцѣленіи *всего* человѣка въ субботу, т. е., и по тѣлу и по душѣ 5, 14). И такъ съ сей поры фарисеи Іерусалимскіе стали преслѣдовать Іисуса, какъ опаснѣйшаго врага своего. Отсюда можно заключать, что Господь вскорѣ послѣ той бесѣды принужденъ былъ оставить враждебный Ему Іерусалимъ.

Но сѣмя Божественнаго ученія безъ сомнѣнія не осталось совсѣмъ безъ плода и въ то время. Болѣе внимательные и безпристрастные слушатели Господа, каковъ напр. былъ Никодимъ, получили въ сихъ наставленіяхъ новый свѣтъ къ разумѣнію Божественнаго лица Спасителя.

Въ слѣдующія двѣ субботы вопросъ о важности субботы и ненарушимости ея покоя, еще мало раскрытый въ настоящемъ случаѣ, по поводу новыхъ пререканій фарисейскихъ, былъ раскрытъ гораздо полнѣе и объясненъ рѣшительнѣе. Въ первый разъ по тому случаю, что ученики Господни на пути изъ Іерусалима, проходя сквозь засѣянное поле, отъ голода и не имѣя при себѣ другой пищи, выдергивали изъ него колосья и, растирая ихъ руками своими, ѣли. Въ дру-

гой разъ—по случаю полнаго исцѣленія одного сухорукаго въ синагогѣ, впрочемъ безъ всякаго посредствующаго дѣйствія, однимъ только словомъ. Послѣднее происшествіе было уже въ Галилеѣ. Въ защищеніе поступка своихъ учениковъ и своего исцѣленія сухорукаго Господь указывалъ фарисеямъ, наблюдавшимъ всѣ шаги Его, примѣры нарушенія нѣкоторыхъ правилъ закона мужами святыми въ случаѣ крайности. Такъ, Давидъ, гонимый отъ Саула, испросилъ у Авіаѳара хлѣбы предложенія и ѣлъ ихъ вмѣстѣ съ своими спутниками (1 Цар. 21, 1). Указывалъ на то, какъ сами они нарушаютъ покой субботы, дозволяя вынимать изъ ямы упавшее въ нее животное, и даже священники въ храмѣ не могутъ исполнять буквально заповѣдь о покоѣ, потому что приносятъ жертвы, и еще сугубыя противъ дней обыкновенныхъ. А здѣсь, прибавилъ Господь, болѣе храма. Слѣдовательно ученики, повинуясь этому бо́льшему, не оскорбляютъ тѣмъ храма, мертваго жилища Всемогущаго, и Его законовъ преходящихъ, временныхъ. При томъ, говорилъ Господь, никогда не должно забывать слова Божіи у пророка: *милости хощу, а не жертвы*,—милость, благодѣяніе сухорукому выше, чѣмъ соблюденіе празднаго покоя; не должно забывать, что суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы. Суббота, какъ и всякое другое время—на то, чтобы *добро творити*, а не на то, чтобы *зло творити*, куда будетъ относиться и самое опущеніе добраго дѣла, которое можетъ быть сдѣлано для блага ближняго. Наконецъ Господь ссылался и на то, на что указывалъ и въ Іерусалимѣ, что Сынъ человѣческій есть господинъ и субботы.

Не вразумляясь никакимъ наставленіемъ, фарисеи столько были раздражены послѣднимъ дѣйствіемъ Господа, что немедленно обратились къ Иродіанамъ и

стали совѣтоваться, какъ бы погубить Іисуса. Иродіане—это были, по всей вѣроятности, придворные и приверженцы Ирода Антипы, правителя Галилеи, дорожившіе болѣе политикою и своими связями съ Римскимъ правительствомъ, нежели религіею. Иродіане и фарисеи по своимъ началамъ не могли сойтись между собою: но злоба ихъ соединила.

Господь, зная о сихъ умыслахъ, призналъ за нужное на сей разъ уклониться отъ нихъ. Онъ удалился къ морю.

Но какъ удалился? Не какъ человѣкъ, робко спасающій жизнь свою отъ преслѣдованія законной власти, но какъ царь, окруженный своимъ народомъ. Удалился, повидимому, только потому, что непріятно Ему оставаться здѣсь съ людьми, не имѣющими къ Нему расположенія. За Нимъ послѣдовало къ морю множество народа (Марк. 3, 7. 8) изъ Галилеи, изъ Іудеи, и отъ Іерусалима, и отъ Идумеи и со онаго полу Іордана, и отъ Тира и Сидона,—множество многое. Всѣ къ Нему тѣснились, какъ къ отцу, наставнику и цѣлителю своему. Одержимые нѣкоторыми недугами даже бросались на Него, чтобы только прикоснуться къ Нему (ст. 10). Когда шли берегомъ, то была опасность отъ самой этой тѣсноты и нападеній больныхъ быть низринутымъ въ море, и Господь потребовалъ себѣ лодки, чтобы съ нея продолжать свои наставленія народу.

Одна мѣра, которую еще употребилъ Господь, какъ кажется, для избѣжанія неблагопріятныхъ движеній со стороны народа противъ враговъ Его и для устраненія отъ Себя даже малѣйшей тѣни подозрѣнія въ какихъ нибудь замыслахъ, была та, что Онъ запрещалъ исцѣляемымъ провозглашать въ слухъ народа, что они признаютъ Его за Сына Божія (Матѳ. и Марк.).

Евангелистъ Матѳей, доведши доселѣ свое повѣствованіе, остановился, чтобы замѣтить въ такомъ дѣйствованіи Господа Іисуса исполненіе предсказаннаго о Немъ Исаіею:

18. Се отрокъ Мой, коего Я избралъ! возлюбленный Мой, въ коемъ все благоволеніе души Моей.
Положу Духъ Мой на Него,
и возвѣститъ правду народамъ.
19. Не воспрекословитъ, ни возопіетъ и никто не услышитъ гласа Его на распутіяхъ.
20. Трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не погаситъ, пока не изведетъ въ побѣду судъ.
21. И на имя Его будутъ уповать народы.

Все это мѣсто читается у Исаіи такъ:

1) Вотъ служитель Мой, котораго взялъ Я (себѣ), избранный Мой, въ которомъ Мое благоволеніе!
Я полагаю Духъ Мой на Него:
Оправданіе (законъ) принесетъ Онъ къ народамъ.
2) Не будетъ шума отъ Него, не подниметъ Онъ праха, не услышатъ гласа Его на улицѣ.
3) Трости надломленной (רצוּץ)
Онъ не сокрушитъ и льна курящагося (כֵּהָה) не угаситъ: а оправданіе (законъ, ученіе благочестія) изведетъ во (свѣтъ) истины (т. е., утвердитъ, какъ истину).
4) Не замедлитъ (יִכְהֶה) и не ускоритъ (יָרוּץ), (доколѣ) утвердитъ на землѣ оправданіе (см. выше) и въ законѣ Его острова (народы отдаленные) будутъ полагать надежду свою.
5) Такъ говоритъ Господь Іегова, создавшій небо и простершій его, утвердившій землю и произведенія ея: дающій дыханіе народу, живущему на ней и духъ ходящимъ по ней.
6) Я, Іегова, призвалъ тебя въ правдѣ; Я возьму тебя за руку и сохраню тебя. И дамъ тебя въ завѣтъ народу (Моему) и въ свѣтъ языкамъ.
7) Чтобы ты отверзъ очи слѣпыхъ, извелъ изъ темницы заключенныхъ и сѣдящихъ во тьмѣ изъ-подъ стражи.

Дѣйствительно, нельзя было лучше изобразить кротости Божественнаго учителя къ невѣрующимъ ни-

лостивой внимательности ко всякому, даже слабому расположенію къ вѣрѣ, какъ изобразилъ сіе пророкъ. Тотъ, Котораго свидѣтельствовалъ при крещеніи гласъ Бога Отца съ небеси, возлюбленнымъ Сыномъ Его именуя, въ которомъ Его благоволеніе, на Котораго низшелъ Духъ въ видѣ кроткой голубицы, съ самаго вступленія Своего въ Божественное служеніе принужденный вести борьбу съ предразсудками и страстями человѣческими, тихо, безъ шума, не силою власти своей, но свѣтомъ истины побѣждалъ ихъ и разрушалъ. Если какая нибудь трость, на которую доселѣ люди опирались, могла еще сколько нибудь держаться, хотя и поврежденная, — Онъ еще оставлялъ ее служить опорою до времени. Если какой нибудь свѣтильникъ издавалъ еще, хотя тусклый, свѣтъ, Онъ давалъ ему горѣть, доколѣ можетъ. И отъ служителей храма Онъ только требовалъ очищенія его; и учителей закона не отвергалъ совсѣмъ (*вся елика аще рекутъ вамъ, творите*). Когда страсти человѣческія, раздраженныя Его свѣтомъ, возставали противъ Него, Онъ удалялся отъ нихъ, не поражая виновныхъ никакими казнями. Назаретъ Онъ оставилъ безъ всякаго прещенія, изъ Іерусалима уклонился Онъ вскорѣ, не смутивъ ничьего покоя, — и теперь не услышали гласа Его на улицѣ: Онъ пошелъ къ морю и запрещалъ разглашать о Себѣ исцѣленнымъ, что Онъ есть Сынъ Божій. Въ комъ примѣчалъ хотя слабый начатокъ обращенія и вѣры, того возставлялъ, ободрялъ, постепенно возводилъ къ высшему состоянію: такъ поступилъ Онъ съ Самарянкою, съ Капернаумскимъ царедворцемъ, съ разслабленными. Такъ постоянно поступалъ Онъ съ своими учениками.

Между тѣмъ съ каждымъ днемъ становилось для Господа нужнѣе отдѣлить отъ толпы послѣдователей часть избранныхъ для распространенія чрезъ нихъ

дѣйствій своихъ въ большемъ кругѣ, и для лучшаго приготовленія ихъ самихъ къ дальнѣйшему служенію. Съ одной стороны усиливающееся расположеніе къ Нему простаго народа, съ другой—возрастающая ненависть враговъ хотя и были допущены по Божественному предвѣдѣнію и никогда не выходили за черту, имъ предоставленную, никогда не стѣсняли Божественной свободы нашего Искупителя положить душу свою за насъ безъ всякой посторонней необходимости, единственно изъ любви своей къ намъ,—тѣмъ не менѣе однакожъ, по самымъ предначертаніямъ Божественнаго Подвигоположника, должны были раскрыться въ своихъ слѣдствіяхъ не въ продолжительномъ времени. И такъ теперь, уклонясь на время отъ преслѣдованій фарисеевъ, Господь вознамѣрился положить начало тѣснѣйшему союзу нѣсколькихъ учениковъ съ Собою.

Приступая къ сему, Господь въ одинъ вечеръ нарочито удаляется отъ всѣхъ на уединенную гору для молитвы.—Кто знаетъ, что обнимала въ сіе время молитва Господня? Можно впрочемъ думать, что, полагая начало строенія Церкви Новозавѣтной, Божественный Ходатай нашъ призывалъ на дѣло свое благословеніе Отца Своего, просилъ ей крѣпости противъ царства тьмы (*и врата адова не одолѣютъ, ей—видѣхъ сатану съ небесе спадша: се сатана проситъ, дабы съялъ васъ, яко пшеницу, и азъ молихся о тебѣ, Симоне*). Сынъ человѣческій, можетъ быть, просилъ Отца Своего небеснаго о укрѣпленіи собственномъ на послѣдній подвигъ, Ему предлежащій: ибо на утро долженъ былъ, по волѣ Отца и по благому соизволенію Своему приблизить къ Себѣ и съ сего времени всегда имѣть предъ Собою острое орудіе смерти,—Іуду Искаріотскаго.

И бѣ обнощь въ молитвѣ Божіи (Лук. 6, 12).

На утро, призвавъ къ Себѣ на гору учениковъ

Своихъ, избираетъ изъ нихъ 12 для того, чтобы они были постоянно при Немъ и чтобы впослѣдствіи могли свидѣтельствовать, что сами видѣли, слышали, осязали (Мар. 3, 14). Это были какъ бы начальники новыхъ, будущихъ 12-ти колѣнъ новаго Израиля (Апок. 21, 14). Потомъ сходитъ съ ними къ народу и предлагаетъ ихъ обширную бесѣду.

Такъ какъ къ составу сего новаго Израиля принадлежатъ не по происхожденію земному, но по духовному; то Господь благоволилъ означить въ сей бесѣдѣ нѣкоторыя черты сыновъ новаго Израиля, но большей части имѣя въ виду правила и примѣры тогдашняго израильскаго благочестія и противополагая чертамъ, въ немъ недостойнымъ, истинно доброе и возводя самое добро на высшую степень совершенства. Отношеніе словъ Спасителя къ избраннымъ ученикамъ не было исключительнымъ; но такъ какъ теперь изъ членовъ новаго царства они были здѣсь почти еще одни, такъ какъ и впослѣдствіи должны были занимать въ немъ самое высшее мѣсто и имѣли къ сему царству особыя отношенія, какъ Апостолы, то слова Спасителя по необходимости касались болѣе ихъ, нежели другихъ.

Не богатыхъ мнимою собственною праведностію (фарисеевъ), но сознающихъ свою нищету духовную, плачущихъ о грѣхахъ своихъ, ищущихъ единственно правды Божіей (Рим. 3, 21), и отрѣшающихъ сердце свое отъ всякой земной привязачности; съ другой стороны снисходительныхъ (πραεῖς) къ немощамъ другихъ, готовыхъ помогать ближнему въ нуждѣ (ἐλεήμονες), содѣйствовать распространенію всюду мира и согласія (εἰρηνοποιοῦντες), — наконецъ твердыхъ въ своей вѣрѣ и добродѣтели до пожертвованія всѣмъ, — вотъ кого Господь признавалъ сынами своего царства. Усматривая въ избранныхъ Имъ Апостолахъ начатки

сихъ совершенствъ (у Луки рѣчь обращена къ Апостоламъ, и у Матѳ. 5, 12), съ радостію называлъ ихъ блаженными, но вмѣстѣ указывая на высокое ихъ назначеніе въ мірѣ, возбуждалъ къ строгой внимательности во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ (*вы есте соль земли: аще соль обуяетъ.... вы свѣтъ міра, никтоже вжигаетъ свѣтильника и поставляетъ его подъ спудомъ*).

Правиломъ жизни для сыновъ царства своего Онъ полагалъ законъ Божественный, въ первообразной чистотѣ и глубокомъ внутреннемъ значеніи, а не перетолкованный фарисеями и книжниками. Напрасно увѣряли фарисеи, что онъ разрушаетъ законъ; нѣтъ, онъ пришелъ его не нарушить, но исполнить.

Раскрывая сіе начало, Господь нарочито обличилъ и исправилъ нѣсколько заблужденій, внесенныхъ въ тогдашнее нравоученіе учителями закона, то ограничивавшими, то расширявшими смыслъ его предписаній по волѣ своихъ страстей. Такъ, Онъ представилъ истинный смыслъ шестой, седьмой, третьей заповѣди, отвергъ неправильное толкованіе закона о дозволительности развода и о правѣ мести, отринулъ ложный выводъ изъ нѣкоторыхъ законовъ Моисеевыхъ,— о ненависти ко врагамъ. Такимъ образомъ Господь показалъ, какъ надобно понимать законъ и какія расположенія долженъ питать въ себѣ сынъ царствія небеснаго. Не только смертельный ударъ, но и всякій недостатокъ любви, не только дѣйствительное нарушеніе цѣломудрія и чистоты, но и нечистое пожеланіе, не только клятвопреступленіе, но и всякій видъ неправдивости, противъ которой ограждаются клятвою, не только явное нарушеніе справедливости въ отношеніи къ другому, но и безчеловѣчное преслѣдованіе своего права,—все это несогласно съ тѣмъ закономъ, какой полагаетъ Мессія для своего цар-

ства. Главная и отличительная черта членовъ Его царства — любовь ко всѣмъ безъ различія, даже ко врагамъ, и какъ въ этомъ, такъ и во всемъ — уподобленіе въ совершенствѣ Отцу Небесному.

Не менѣе закона тогда имѣлъ вліяніе на общую жизнь примѣръ наружнаго благочестія фарисейскаго (милостыня, молитва, постъ). Господь далъ наставленіе своимъ послѣдователямъ, какъ они должны смотрѣть и на это: творить милостыню, совершать молитвы, поститься,—но не по фарисейски (для молитвы далъ Свой образецъ, въ которомъ означилъ главные предметы всегдашнихъ желаній и прошеній христіанина) и не питать привязанности къ сокровищамъ земнымъ, что не считали грѣхомъ фарисеи (Лук. 16, 13 — 14), и вообще не связывать себя житейскими заботами;—впрочемъ, избѣгая пороковъ, не осуждать людей, имъ подверженныхъ, но съ другой стороны и не давать святое на попраніе.

Въ заключеніе Господь требовалъ, чтобы во всякой нуждѣ мы непремѣнно обращались съ молитвою къ Богу,—въ отношеніи къ ближнему всегда держались того правила, чтобы наша любовь къ нимъ не была слабѣе любви къ намъ самимъ, — самихъ себя пріучали всегда идти тѣснымъ путемъ, остерегались лжеучителей и познанное исполняли.

Утвердивъ сіи правила жизни для своихъ послѣдователей, Господь тѣмъ положилъ существенныя черты различія ихъ праведности отъ праведности фарисейской и твердое основаніе внутреннему образованію своего избраннаго общества. Но не только для тогдашняго времени и для извѣстныхъ лицъ, они должны были служить закономъ и руководствомъ для всѣхъ вообще послѣдователей Его, поелику основывались на вѣчныхъ законахъ святости Божественной

и на коренныхъ началахъ нравственности, утвержденныхъ Творцемъ въ природѣ человѣческой.

Избранные нигдѣ прежде не учились, исключая только того, что нѣкоторые нѣсколько времени находились въ числѣ учениковъ Іоанна: таковы были Андрей, Іоаннъ. Господь избралъ доказавшихъ Ему свою любовь и привязанность къ Нему, довѣрчивыхъ, какъ дѣтей, не зараженныхъ мечтами ложнаго просвѣщенія и предоставилъ Себѣ уже ихъ образованіе, и училъ ихъ не только словомъ, но и дѣломъ, однихъ и предъ народомъ, въ домѣ и на пути, на сушѣ и на морѣ; что было темнаго для другихъ, то имъ объяснялъ, имѣлъ ихъ постоянными свидѣтелями своей жизни и дѣяній, постепенно изглаждалъ предразсудки, принесенные изъ ученія іудейскаго, не устранялъ отъ нихъ всѣ случаи ошибки, но обращалъ оныя имъ самимъ въ урокъ, позволялъ имъ разсуждать другъ съ другомъ о предметахъ, близкихъ къ ихъ званію, но не оставлялъ замѣчать, что Ему извѣстны не только ихъ бесѣды между собою, но и тайныя помышленія человѣческія, умѣрялъ ихъ сердечныя движенія и приводилъ въ согласіе съ ихъ обязанностями. Однимъ словомъ—очищалъ и просвѣщалъ ихъ умъ и сердце, приготовлялъ къ полнѣйшему изліянію въ нихъ Духа истины и освященія. Сперва они были въ отношеніи къ Господу, какъ ученики; при концѣ своего поприща Онъ уже назвалъ ихъ своими друзьями (Іоан. 15, 14—15), потому что ничего не скрывалъ отъ нихъ; наконецъ братіями.

Вскорѣ съ новоизбранными Апостолами Господь приходитъ въ свой городъ. Здѣсь ожидала ихъ необыкновенная встрѣча, которая привела въ удивленіе Самаго Господа, при которой и Апостолы услышали отъ Него слово, важное для ихъ послѣдующаго служенія.

У Римскаго сотника, имѣвшаго здѣсь свое пребываніе, боленъ былъ любимый его слуга. Хотя по происхожденію онъ былъ язычникъ, но уважалъ и іудейскую религію: построилъ для Іудеевъ синагогу въ Капернаумѣ. Можетъ быть, и самъ былъ прозелитомъ, хотя низшей степени. Слухъ о чудесахъ Господнихъ достигъ и его: онъ въ нихъ не сомнѣвался, и признавая въ нихъ силу Божественную, благоговѣлъ предъ чудотворцемъ. Желая помочь своему слугѣ, но не имѣя къ тому никакихъ обыкновенныхъ средствъ, онъ не лишался только надежды на всеисцѣляющую силу Іисуса, но съ другой стороны считалъ себя слишкомъ недостойнымъ того, чтобы самому, язычнику, лично просить Его къ себѣ въ домъ для такаго дѣла. Не зная Господа, онъ судилъ объ Немъ по прочимъ Іудеямъ, гнушающимся всякаго прикосновенія къ язычникамъ. Наконецъ видя опасность, рѣшился просить Его помощи чрезъ старѣйшинъ іудейскихъ. Уже Господь пошелъ на зовъ, какъ сотникъ, въ чувствѣ своего недостоинства и вѣры въ могущество Господа, вновь просилъ чрезъ друзей своихъ Божественнаго цѣлителя не утруждать себя болѣе,—онъ вѣритъ, что и одного слова Его достаточно для возстановленія больнаго, какъ ему довольно слова, чтобы приказать своимъ подчиненнымъ сдѣлать то, или другое... Никто еще ни оказывалъ предъ Господомъ такого чувства вѣры въ Его Божественную силу, — и этотъ былъ язычникъ. Господь исполнилъ прошеніе вѣрующаго и въ тоже время въ слухъ Апостоловъ сказалъ: такой вѣры не видалъ еще Я ни въ комъ и изъ Израильтянъ, и открою вамъ: многіе придутъ отъ Востока и Запада (т. е. не здѣшніе, коренные, чистые Іудеи) и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствіи небесномъ, — а сыны царствія — Іудеи, такъ

сказать, урожденные его наслѣдники, извержены будутъ во тьму кромѣшную...

Непосредственно за симъ во время путешествія по Галилеѣ въ глазахъ Апостоловъ совершилось еще происшествіе изъ самыхъ чудесныхъ, необыкновенное, которое вдругъ раскрывало Божественное величіе Спасителя: въ присутствіи народа Онъ воскресилъ юношу, сына одной вдовицы, котораго несли уже въ могилу. Воскресилъ мертвеца и Елисей, но послѣ скольких, такъ сказать, пріемовъ сообщенія ему жизни! Іисусъ однимъ словомъ и прикосновеніемъ руки къ одру юноши возвратилъ его изъ того міра. Въ этомъ Господь показалъ, такъ сказать, примѣрный опытъ исполненія своего великаго слова, произнесеннаго въ прошедшую Пасху въ Іерусалимѣ: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія и оживутъ.* Никто не могъ не видѣть въ этомъ чрезвычайнаго и чего-то особенно важнаго; слухъ о семъ чудотвореніи увеличилъ понятіе объ Іисусѣ, распространенное въ народѣ прежними Его чудесами и ученіемъ: *пророкъ велій воста въ насъ, посѣти Богъ людей своихъ.* Молва о происшествіяхъ Галилейскихъ проникла и въ Іудею, и въ ея окрестности.

Впрочемъ не должно думать, что въ этой молвѣ и ожиданіяхъ ужъ слишкомъ многое заключалось для Господа. Толпа народная, привыкши въ семъ дѣлѣ руководствоваться понятіемъ фарисеевъ и книжниковъ, если въ привязанности своей къ Іисусу и могла отстать отъ нихъ, то не легко могла разстаться съ тѣми лестными ожиданіями, какія они соединяли съ явленіемъ Мессіи. А такія ожиданія совсѣмъ были несогласны съ мыслями Господа.

Между тѣмъ у фарисеевъ, мнѣнія и правила которыхъ Господь столько разъ лично опровергалъ,

такое славное происшествіе еще не скоро могло найти и вѣру. Мало того, даже отъ Іоанна пришли къ Іисусу съ вопросомъ: *ты ли еси Грядый, или иного чаемъ?* Ученики Предтечи спрашивали Мессію, не напрасно ли они считаютъ Его Мессіею? Думаемъ, что это не былъ вопросъ Предтечи. Тотъ, который слышалъ въ пустынѣ повелѣніе отъ Бога проповѣдывать людямъ покаяніе въ предусрѣтеніе Мессіи, тотъ, который указывалъ своимъ ученикамъ Мессію въ Іисусѣ и говорилъ, что онъ самъ не зналъ Его дотолѣ, но призналъ Его за Мессію, потому что на Немъ открылся указанный Іоанну признакъ Мессіи (Духъ сошедшій и почившій), который слышалъ гласъ объ Немъ Отца и впослѣдствіи свидѣтельствовалъ, что, видя возрастающую славу Іисуса, онъ радуется, какъ другъ Его и Предтеча (Іоан. 3, 29), конечно не для себя посылалъ къ Іисусу учениковъ своихъ съ такимъ вопросомъ. Если бы онъ самъ колебался, то не у Іисуса надлежало бы искать ему разрѣшенія своего сомнѣнія. Иначе это значило бы со стороны Іоанна спрашивать Іисуса: правильно ли я называлъ себя предтечею твоимъ, тогда какъ не Ты вложилъ мнѣ эту мысль, но я самъ первый призналъ Тебя Мессіею. Слова: *или иного чаемъ?* показываютъ, что ученики Іоанновы не сомнѣвались относительно Іоанна, но только относительно Іисуса. Іоаннъ, какъ Предтеча, по ихъ мнѣнію, могъ оставаться Предтечею, если бы Іисусъ и не былъ Мессіею; еще Мессія могъ придти. Такого разсужденія нельзя приписать самому Іоанну. Если бы онъ усомнился относительно Іисуса, то усомнился бы и относительно своего призванія и отказался бы вовсе отъ титла Предтечи какого бы то ни было Мессіи. Ибо на то, и на другое было у Іоанна одно свидѣтельство—указаніе Божіе. Есть однако же другое

предположеніе, которымъ посольство Іоанна изъясняется не изъ его невѣрія, или колебанія въ вѣрѣ, но изъ его нетерпѣнія скорѣе видѣть открытымъ торжественно царство Мессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самому скорѣе быть освобожденнымъ изъ узъ. Но опять невѣроятно, чтобы Іоаннъ питалъ такія чувствованія и мысли. Самъ онъ назвалъ Мессію Агнцемъ, самъ сознавалъ, что ему (Іоанну) надлежитъ малитися. Поэтому никакъ нельзя ожидать, чтобы онъ раздѣлялъ общенародное мнѣніе о внѣшнемъ торжественномъ открытіи царства Мессіи, съ которымъ должна измѣниться и судьба Предтечи Его. Итакъ, очевидно это не былъ вопросъ Іоанна. Тѣмъ не менѣе самъ Іоаннъ изъ темницы призвалъ къ себѣ сихъ учениковъ, пришедшихъ къ Іисусу, и послалъ ихъ къ Нему съ тѣмъ вопросомъ. Іоаннъ избралъ этотъ путь, какъ лучшій, къ разсѣянію недоразумѣній касательно Іисуса. И довольно вѣроятно, что сомнѣнія сіи возбуждены въ нихъ фарисеями, еще въ Іудеѣ усиливавшимися возставить Іоанна противъ Іисуса и въ Галилеѣ нарочито пользовавшимися голосомъ учениковъ Іоанновыхъ для укоренія учениковъ Іисуса въ недостаткѣ пощенія (на что Господь и указывалъ въ своей рѣчи въ настоящемъ случаѣ Мат. 11, 16—19).

Господь не отказалъ въ отвѣтѣ на ихъ вопросъ: отвѣтъ былъ въ указаніи на свои дѣла, чудеса, и прежде, и теперь нарочито при нихъ совершенныя, и на слова пророка, который усвоялъ сіи дѣла явленію Мессіи. Вѣрное свидѣтельство пророчества и опыта. Представивъ его, Господь только замѣтилъ: блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ.

Но когда ушли ученики Іоанновы, Господь, обратясь къ народу, сталъ сильно говорить въ предостереженіе отъ нареканій противъ самаго Іоанна въ

непостоянствѣ, направляя рѣчь особенно противъ фарисеевъ (Лук. 7, 30. 33. 34), отвергшихъ Іоанна, отвергавшихъ и Іисуса, укоряя ихъ самихъ въ невѣрности своимъ началамъ въ сужденіи о томъ и о другомъ, оправдывая тѣмъ путь Божіей Премудрости, которая удостоивала царства Мессіи не ихъ— праведниковъ, но мытарей и грѣшниковъ.

Когда вы толпами выходили изъ городовъ и селеній своихъ на гласъ, вопіющій въ пустынѣ, то кого ходили смотрѣть тамъ? Трость ли вѣтромъ колеблемую (человѣка ли непостояннаго, мечтательнаго, увлекающагося всякимъ вѣтромъ ученія, или всѣми порывами собственнаго духа? Конечно, нѣтъ; Іоаннъ не былъ вамъ извѣстенъ съ этой стороны)? Кого же ходили смотрѣть? Человѣка ли, въ дорогія одежды одѣтаго, роскошествующаго и готоваго поблажать роскоши другихъ? Конечно, нѣтъ. Іоаннъ, житель пустыни, не былъ вамъ извѣстенъ и съ этой стороны; напротивъ вы знали его образъ жизни самой строгой. Іоаннъ вамъ былъ извѣстенъ, какъ пророкъ, который и увѣрялъ о себѣ, что говоритъ по внушенію Божію, и жилъ, какъ жили древніе пророки. Итакъ, вы ходили смотрѣть пророка? И точно, вы въ немъ не ошиблись. Это былъ пророкъ и даже болѣе (всякаго ветхозавѣтнаго) пророка. Объ немъ Самъ Богъ сказалъ у Малахіи: се Я посылаю вѣстника Моего предъ лицемъ твоимъ, который приготовитъ путь твой предъ Тобою. По этому своему достоинству и назначенію онъ больше всѣхъ древнихъ пророковъ. Однако же, прибавилъ Господь, опредѣляя свои отношенія къ Іоанну, меньшій въ царствіи небесномъ болѣе есть Іоанна. Сравнивая Іоанна, какъ только Предтечу и провозвѣстника царства Мессіи съ положеніемъ вступившихъ уже въ сіе царство, нельзя не сказать, что самый послѣдній

членъ этого царства стоитъ уже выше Іоанна, какъ Новый Завѣтъ выше Ветхаго, къ нему приготовлявшаго.

Что же? Когда возвѣстилъ Іоаннъ проповѣдь о приближеніи царствія Божія и что въ сіе царство надлежитъ вступать вратами покаянія, когда узнали объ немъ, что это тотъ сильный пророкъ, на которомъ остановились законъ и пророки и, по предсказанію Малахіи, тотъ, за явленіемъ котораго вскорѣ долженъ послѣдовать судъ (Малах. 4, 4 и 5) для іудейскаго народа; слышите: судъ;—тогда мытари и грѣшники, такъ сказать, съ насиліемъ устремились и доселѣ стремятся въ отверстыя врата сего царства, подвигами и трудами одинъ у другаго предвосхищая путь, и никто не щадитъ себя, только бы получить часть въ семъ царствіи.

А фарисеи и тогда не пошли, и теперь нейдутъ, отвергли совѣтъ Божій о себѣ.

И что за странные люди! Съ чѣмъ ихъ сравнить? Они похожи на тѣхъ своенравныхъ дѣтей, которыя, вышедши вмѣстѣ съ другими на улицу, не довольны ни веселымъ ихъ пѣньемъ, ни печальнымъ. Они (фарисеи) не пошли къ Іоанну: называли его бѣснуемымъ и въ доказательство приводили строгость его жизни. Они нейдутъ и къ Сыну человѣческому, называютъ его ядцею и пійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ.

Но дѣти мудрости[1]) (противоположные этимъ упрямымъ), прибавилъ Спаситель, оправдали мудрость Божію въ ея распоряженіяхъ. Они умѣли воспользоваться и строгостію Іоанна—въ покаяніи, и ми-

---

[1]) Евангелистъ Матѳей, повидимому, разумѣетъ подъ именемъ сихъ дѣтей Апостоловъ, поелику въ ряду съ сею рѣчію приводитъ слова Господни, въ которыхъ Онъ благодаритъ Отца небеснаго за откровеніе тайны царствія младенцамъ ст. 25.

лостивою снисходительностію Сына человѣческаго— въ примиреніи съ Богомъ.

Вслѣдъ затѣмъ Господь съ скорбію сердца изрекъ горе тѣмъ упорнымъ городамъ (Хоразинъ, Виѳсаида, Капернаумъ—ὑψωθῆσα—превознесенный тѣмъ, что въ немъ жилъ и дѣйствовалъ Господь), въ которыхъ, несмотря на множество знаменій, явленныхъ Имъ, несмотря на частыя Его посѣщенія и проповѣданіе, мало Онъ видѣлъ внимательныхъ, истинныхъ чадъ премудрости. Горе васъ ждетъ, судъ тягчайшій, нежели тотъ, который постигъ Тиръ, Сидонъ и Содомъ!—Но въ тоже время благословилъ Отца Небеснаго, который своими премудрыми и благими путями привлекъ и привлекаетъ къ Нему души простыя и кроткія, съ младенческою кротостію предающіяся Божественному влеченію. Они видятъ предъ собою величіе Божественнаго дѣла, постигаютъ Божественное величіе ученія, возвѣщаемаго Сыномъ Божіимъ и, не мудрствуя по своему, не заботясь о томъ, какъ согласить это Божественное величіе съ убогимъ явленіемъ Мессіи, котораго ожидали они въ славѣ, съ радостію оставляютъ все и идутъ вслѣдъ за Іисусомъ. Правда, это еще младенцы, но благодать Божія сильна возрастить ихъ въ мужи совершенны. *Исповѣдаюся ти Отче Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ.*—И наконецъ въ увѣреніе сихъ послѣдователей, что они не ошиблись въ своемъ выборѣ, и въ дополненіе къ отвѣту [1]) на вопросъ учениковъ Іоанновыхъ: *ты ли еси грядый...*, можетъ быть, не совсѣмъ вразумительному для народа, Господь прямо и необиновенно исповѣдалъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Мо-*

[1]) Матѳ. 11, 25: *отвѣщавъ рече* (безъ новаго вопроса).

имъ, — все, что долженъ совершить Мессія. Люди могутъ соблазняться Его убогимъ видомъ, могутъ Ему не вѣрить; но они не знаютъ Его: но кто есть самъ въ себѣ Сынъ, то знаетъ только Отецъ. Тѣ, которые не хотятъ такъ думать о Сынѣ, считая сіе оскорбительнымъ для Отца, для Высочайшаго существа, тѣ сами не знаютъ Отца. *Никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти.* Это торжественное объявленіе Господь заключилъ обращеніемъ ко всѣмъ окружающимъ Его, а вмѣстѣ съ ними и ко всему народу, ко всему роду человѣческому съ снисходительнымъ, дружественнымъ приглашеніемъ, какъ бы умоляя: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы.* Не такъ какъ строгіе законоучители, мучащіе совѣсть своими правилами, обременяющіе сердце множествомъ мелкихъ предписаній, не дающихъ никакого утѣшенія, никакого внутренняго мира, никакой силы къ исполненію предписываемаго,— не такъ, какъ эти гордые законоучители, надменно отталкивающіе отъ себя грѣшниковъ, возчувствовавшихъ глубину своего грѣховнаго состоянія, вмѣсто того, чтобы войти въ ихъ расположеніе и ободрить, Господь зоветъ, какъ уже объявленный другъ мытарей и грѣшниковъ, зоветъ къ Себѣ всѣхъ, кто только чувствуетъ свою бѣдность. Чтобы не сомнѣвались въ Его пріемѣ, Онъ называетъ Себя кроткимъ и смиреннымъ; Онъ никого не отвергаетъ изъ-за его бѣдности грѣховной, снисходитъ къ нуждамъ каждаго, къ Нему приходящаго, и не съ того начинаетъ, чтобы предписывать новыя правила, но напередъ снимаетъ бремя съ его сердца и успокоиваетъ, даетъ миръ въ общеніи съ Собою: *Азъ упокою вы.* Хотя Онъ также требуетъ послушанія, которое примѣнительно къ прежнему закону называетъ игомъ;

но это послушаніе, при всемъ томъ, что простирается гораздо далѣе и глубже предписанія закона, гораздо легче, радостнѣе, потому что раждается само собою изъ той новой Божественной жизни, которую Самъ Онъ сообщаетъ грѣшникамъ, пришедшимъ къ Нему съ раскаяніемъ, потому что сіе послушаніе совершается съ новыми силами жизни и въ духѣ любви. Идите же ко Мнѣ, говоритъ Спаситель, всѣ утружденные и обремененные (воздыхающіе подъ игомъ закона, или томимые чувствомъ своихъ грѣховъ), у которыхъ болитъ душа, какъ у Давида, когда онъ говорилъ: *грѣхъ Мой предо Мною есть выну*, — Я васъ успокою (облегчу отъ вашего ига и отъ вашей болѣзни). Возьмите иго Мое на себя и примите Мое ученіе (будьте Моими послѣдователями и учениками). Не бойтесь: Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и потому найдете вы у Меня покой для души своей. Мое иго благо; бремя, возлагаемое Мною, легко.

Какъ бы для сравненія, сколько въ самомъ дѣлѣ ближе къ пути Божію эти отверженные фарисеями грѣшники, нежели мнимые праведники, вскорѣ въ глазахъ учениковъ опытно раскрылось глубокое различіе внутренняго состоянія тѣхъ и другихъ (Лук. 36—50).

Одинъ изъ фарисеевъ, Симонъ, имѣвшій нѣкоторое расположеніе къ проповѣди Евангелія, впрочемъ не признававшій еще въ Іисусѣ чрезвычайнаго посланника Божія,—вѣроятно по обычаю, позвалъ Его (конечно съ учениками) къ себѣ на трапезу. Здѣсь были и посторонніе, конечно также изъ фарисеевъ (ст. 49). Но въ то время, какъ Господь возлежалъ здѣсь съ прочими, въ домъ фарисеевъ вошла женщина изъ такъ называемыхъ грѣшницъ, съ слезами раскаянія, съ искреннимъ сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ, съ сильнымъ желаніемъ выразить предъ Гос-

подомъ чувство любви своей къ Нему и, вѣроятно, благодарности за слово Его, пробудившее ея душу отъ сна грѣховнаго. Не довольствовалась она питать сіи чувства только внутри себя; стыдъ и страхъ не удержали ее выразить ихъ даже въ присутствіи этихъ „праведниковъ“, она пришла съ алавастромъ мура въ рукахъ, съ тѣмъ чтобы излить это муро на своего Спасителя. Она помазала имъ главу Его, но чувство собственнаго недостоинства остановило ее у ногъ Божественнаго Спасителя. Къ нимъ, къ стопамъ Его преклонилась глава ея, слезы драгоцѣннѣе мура текли на нихъ струею, волосами головы своей она ихъ отирала и мазала муромъ... Эта разительная сцена продолжалась нѣсколько времени. Для фарисея, можетъ быть, не казалось это страннымъ, что Господь дозволяетъ въ такомъ уничиженіи повергаться предъ собою женщинѣ: это и онъ бы допустилъ. Но странно для него, что Господь дозволяетъ касаться себя всѣмъ извѣстной грѣшницѣ. Если она Ему не извѣстна съ такой стороны, по крайней мѣрѣ духъ пророческій долженъ былъ сказать Ему, кто такова эта грѣшница. Но тогда какъ фарисей выводилъ изъ этого такія заключенія, что Іисусъ едва ли и Пророкъ, Господь обратилъ къ нему рѣчь свою и показалъ, что не скрыто отъ Него ничье сердце, даже фарисейское, что взвѣсилъ уже Онъ и чувства грѣшницы кающейся, и чувства „праведника“ и нашелъ перевѣсъ на сторонѣ кающейся. Въ приточномъ сказаніи о двухъ должникахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ 500 динаріевъ, а другой 50, Онъ раскрылъ начала, по которымъ Онъ дѣйствуетъ. Всѣ предъ Нимъ грѣшники, всѣ предъ Нимъ должники,— одинъ болѣе, другой менѣе, съ тѣмъ различіемъ, что одинъ болѣе чувствуетъ свою грѣховность, другой менѣе. Всеискупляющая любовь—Господь склоняется бо-

лѣе къ тѣмъ, которые глубже проникнуты сознаніемъ своей грѣховности. Потомъ изобразилъ Онъ холодность, съ какою былъ принятъ въ домѣ фарисея, и горячую любовь, какую жена грѣшница, мучимая скорбію о грѣхахъ своихъ, не переставала изъявлять Ему съ той поры, какъ переступилъ за порогъ. Господь показалъ, что, видя въ душѣ ея перемѣну и начало новыхъ, святыхъ расположеній, которыя должны раскрыться въ новой, богоугодной жизни, Онъ предпочитаетъ эту женщину, хотя оскверненную прежде грѣхами, но теперь объятую пламеннымъ желаніемъ избавленія отъ грѣховъ и проникнутую любовію, — предпочитаетъ холодному фарисею, занятому высокомѣрнымъ мнѣніемъ о своей праведности и при всемъ наружномъ соблюденіи закона не имѣющему въ себѣ истиннаго начала жизни богоугодной, любви. „Много грѣховъ отпущается ей, сказалъ Господь, потому что возлюбила она много. А кому мало отпущается, тотъ знай, что въ немъ мало любви“. Любовь даетъ цѣну, какъ нравственному, такъ и религіозному дѣйствію. Эта любовь, любовь къ Богу, выражавшаяся въ слезахъ женщины, восчувствовавшей тяжесть оскорбленія, ею причиненнаго Богу, привела грѣшницу къ вѣрѣ. Любовь родила вѣру или упованіе на Бога, отъ котораго одного она ожидала избавленія отъ грѣховъ. Вѣра привела ее ко Христу, какъ избавителю, и съ своей стороны питалась тою же любовію. Другіе присутствующіе возстали было противъ Іисуса за отпущеніе грѣховъ женщинѣ, но Симонъ уже молчалъ; видно замѣчаніе Спасителя, хотя и не прямое, подѣйствовало на его совѣсть глубоко....(не тотъ ли это Симонъ, въ домѣ котораго еще разъ помазанъ былъ Господь Маріею не за долго до своего страданія? Матѳ. 26, 6).

Отсюда ясно видно было, какъ премудрость и доселѣ оправдывается отъ чадъ своихъ.

Съ другой стороны, къ оправданію той же премудрости, и упорство враговъ ея, возрастая и усиливаясь съ каждымъ днемъ, начало доходить до ужасныхъ степеней. Нѣкоторые изъ фарисеевъ, именно іерусалимскіе (Мар. 3, 22), стали открыто разсѣвать въ народѣ Галилейскомъ объ Іисусѣ подобное тому, что говорили они въ злобѣ своей объ Іоаннѣ.

Привели къ Господу одного слѣпаго и глухаго и притомъ одержимаго злымъ духомъ (Матѳ. 12, 22—37). Больной представлялъ изъ себя жалкій образъ тѣхъ ожесточенныхъ враговъ Господа, которые имѣли очи, чтобы видѣть дѣла Его, но не видѣли въ нихъ силы Божіей; имѣли уши, чтобы слышать Его ученіе, но не хотѣли вразумляться имъ; имѣли сердце, но отдали его врагу Божію.—Милосердый Господь исцѣлилъ этого несчастнаго; онъ сталъ видѣть, говорить, и духъ злый оставилъ его. Простой народъ, видя въ одномъ чудѣ стеченіе трехъ исцѣленій, съ изумленіемъ спрашивалъ у самого себя: послѣ всѣхъ такихъ чудесъ не должно ли дѣйствительно признать Божественнаго чудотворца за обѣщаннаго Мессію, сына Давидова? Это было новымъ опытомъ торжества чудесъ Господнихъ надъ народомъ. Что же фарисеи? Слыша такое сужденіе объ Іисусѣ, фарисеи іерусалимскіе почли долгомъ своимъ немедленно остановить его, распустивъ такую злобную мысль, что Іисусъ исцѣлилъ бѣснователя не силою Божіею, а по условію съ Веельзевуломъ, чтобы привесть людей въ обманъ и, расположивъ ихъ въ свою пользу, отлучить ихъ отъ Бога и предать въ руки злаго духа. Но были здѣсь и такіе, которые хотя также неспособны были къ разумѣнію силы Божіей въ семъ дѣлѣ, но не дошли еще до такой степени противленія и вражды; они не считали

только достаточнымъ сего чуда для утвержденія за Іисусомъ имени Мессіи, хотѣли видѣть знаменіе съ небеси, — какой-нибудь гласъ свыше, или небесное явленіе, которое бы свидѣтельствовало о Его Божественномъ посланничествѣ (о нихъ Матѳ. 12, 38—45).

Не говоря уже о томъ, сколько нечестива была мысль первыхъ фарисеевъ, — они усиливались подорвать ею одно изъ рѣшительныхъ доказательствъ Божественнаго посланничества Іисуса, — дѣла Его, на которыя указывалъ Онъ въ Іерусалимѣ (Іоан. 5, 6). Принявъ эту мысль, надлежало исключить изъ числа чудесъ всѣ исцѣленія бѣсноватыхъ, которые первые начали называть Его Мессіею, а потомъ нельзя уже было производить отъ силы Божіей и прочихъ чудесныхъ дѣйствій. Никто не можетъ творить чудеса въ одно и тоже время и силою Божіею, и силою духа прелести.

Господь немедленно подавилъ эту адскую, разрушительную мысль. Онъ въ глаза самимъ фарисеямъ говорилъ: 1, зло побѣждается добромъ, а не зломъ. Ежели теперь Я изгоняю бѣсовъ, разрушаю зло; то конечно силою добра. Другой случай притворства, намѣренной сдѣлки съ духомъ зла, потому здѣсь не имѣетъ мѣста, что Господь ни однимъ словомъ, ни однимъ дѣйствіемъ не утверждалъ его власти надъ людьми, но вездѣ его преслѣдовалъ. Скорѣе можно было бы допустить раздоръ между ними, несогласіе; но въ такомъ случаѣ должно было бы допустить страшную непонятливость съ той и другой стороны, какая предстоитъ послѣ опасность отъ этого раздѣленія. Никакое царство, никакой городъ, никакой домъ не могутъ стоять долго, коль скоро въ нихъ откроется внутреннее раздѣленіе ихъ членовъ. 2, бѣсовъ изгоняю не одинъ Я, но нѣкоторые изъ среды васъ—изъ школы фарисеевъ такіе люди,

которые видимо не принадлежатъ и къ обществу Моему; таковъ былъ указываемый Маркомъ (9, 38). Видно, что во время явленія Сына Божія на землѣ, по Божественному строенію, сила Духа Божія въ извѣстномъ видѣ сообщалась достойнымъ и изъ непринадлежавшихъ по наружности къ обществу учениковъ Господнихъ. Тѣмъ не менѣе она раздавалась изъ той же сокровищницы, изъ которой подавались дарованія чудотвореній Апостоламъ, и внутренняя связь между учениками Господними и тѣми чудотворцами (заклинателями) существовала. Если Я изгоняю бѣсовъ силою Веельзевула, то чѣмъ вы докажете, что и сыны ваши не тою же силою изгоняютъ ихъ? Если же они изгоняютъ силою Божіею, то и Я. Если же Я изгоняю бѣсовъ силою Божіею, то это должно служить вамъ доказательствомъ, что наступили времена царства Божія (оправдывается этимъ мысль народа: *еда той есть Христосъ*?). Почему?—Видите вы, сколько жертвъ исхищаю Я рукою Моею изъ руки сатаны? Нельзя было этого сдѣлать, не связавъ прежде сильнаго. И такъ очевидно теперь такое время, когда на мѣсто царства тьмы наступаетъ царство Божіе. А Мнѣ послѣ этого остается объявить: кто не со Мною, тотъ противъ Меня (очевидно, въ какомъ отношеніи ставилъ Себя Господь къ царству Божію: отъ мысли объ немъ прямо переходитъ къ Себѣ). Кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ (то, что принадлежитъ Мнѣ). Въ особенности это должно касаться руководителей народа („собираетъ“). Не только ихъ открытое противодѣйствіе Я принимаю за вражду противъ Меня, но и самую нерѣшительность. Средняго ничего здѣсь нѣтъ. Поелику же въ фарисеяхъ обнаруживалась болѣе нежели нерѣшительность, намѣренное противленіе слову и знаменіямъ и оно происходило не отъ невѣдѣнія, или отъ

ошибки, не отъ простаго недоумѣнія, какъ согласить съ понятіемъ о Мессіи убогій видъ Христовъ и Его смиренныя дѣйствія, но отъ того, что они намѣренно перетолковывали Его Божественныя дѣйствія, превращали истину Божію въ дѣла діавола, то Господь въ предостереженіе прибавилъ къ словамъ Своимъ: поэтому сказываю вамъ: всякій грѣхъ и хуленіе простится человѣкамъ; а хула на Духа не простится человѣкамъ. И если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему: если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Здѣсь Іисусъ Христосъ говоритъ о хулѣ на Духа Святаго, какъ о цѣломъ стремленіи души противодѣйствовать всякому вліянію и дѣйствію Духа Святаго при полномъ сознаніи, что она дѣйствуетъ именно противъ Него. Хула фарисеевъ въ настоящемъ случаѣ еще не представляется развившеюся до такой ужасной степени: но по началу своему она принадлежала къ тому же состоянію и могла раскрыться до такой степени. Что хула фарисеевъ дѣйствительно не была еще такою, можно видѣть изъ того, что во 1, Господь далѣе (ст. 33—35) доказываетъ фарисеямъ, что такія слова и дѣла ихъ противъ воли ихъ обличаютъ глубокое внутреннее ихъ поврежденіе, зло въ ихъ сердцѣ. А отсюда видно, что та хула не была ими совершена при полномъ сознаніи своего дѣйствія. 2, что и самое распятіе Господа приписывается „невѣдѣнію“, конечно не извинительному, но такому, которое при обращеніи могло быть прощено.

Обратите вниманіе на это: такое злохуленіе можетъ быть плодомъ только самой развращенной души; чтобы произнести его, надобно имѣть сердце, полное зла. Вы, считающіе себя праведниками, здѣсь являетесь порожденіями эхидны. За всякое праздное

слово человѣкъ дастъ отвѣтъ въ день суда: что же сказать о такомъ злохуленіи?

Когда Господь обнажилъ такимъ образомъ козни фарисееевъ и обнаружилъ предъ всѣми расположенія злаго ихъ сердца; Ему сказали, что мать Его и братья желаютъ съ Нимъ видѣться, но не могутъ придти къ Нему по причинѣ тѣсноты народа. Фарисеи сами же увѣрили ихъ, что Онъ въ изступленіи (Мар. 3, 21), и, опасаясь болѣе грозныхъ упрековъ, а съ другой стороны желая указаніемъ на мать Его и братію, между которыми еще были невѣрующіе, народу указать, какъ несообразны съ ихъ мнѣніемъ объ Іисусѣ, какъ о Мессіи, извѣстность Его происхожденія, бѣдность Его родственниковъ, самое невѣріе нѣкоторыхъ изъ нихъ, — нарочно расположили ихъ теперь идти къ дому, гдѣ находился Іисусъ. Пресвятая Дѣва пошла единственно по влеченію материнской любви къ сыну своему,—тѣмъ болѣе, что это было послѣ нѣкоторой разлуки съ Нимъ. Братія пошли съ нею, чтобы взять Его домой. Но Господь отразилъ и сіе коварное ухищреніе враговъ своихъ. Что указывать Мнѣ на мать и братію? У Сына человѣческаго есть мать и братія. Для Мессіи вотъ эти слушающіе и вѣрующіе, которые пріемлютъ и носятъ въ себѣ слово жизни, они для Него и мать, и братія.

Послѣ того Господь далъ отвѣтъ и тѣмъ, которые желали отъ Него новыхъ знаменій, съ небеси. Напрасно они ждутъ такихъ знаменій. Не дастся имъ иного знаменія, кромѣ знаменія Іоны пророка, который три дня и три ночи провелъ въ глубинѣ морской, но остался живъ и проповѣдію своею къ Ниневіи обратилъ ея жителей къ покаянію. Такъ, прибавилъ Господь, и Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи. И Его величайшее чудо-воскресеніе будетъ рѣшительнымъ знаменіемъ для всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ

еще нужду въ сихъ знаменіяхъ. Теперь такія знаменія могли привесть толпы къ Іисусу, но болѣе увлеченныя наружнымъ блескомъ такого рода чудесъ, безъ внутренняго обращенія. Тогда съ открытіемъ проповѣди покаянія чрезъ Апостоловъ и уже не видя предъ собою Мессіи въ земномъ образѣ, могутъ скорѣе увѣриться въ Божественномъ посольствѣ Воскресшаго, духовнѣе разумѣть Его царство, внутреннѣе обратиться къ Нему. А для упорныхъ это знаменіе будетъ знаменіемъ суда, какъ и Іона явился въ Ниневію съ угрозою суда.—И Господь видѣлъ, что для рода прелюбодѣйнаго и грѣшнаго скорѣе это будетъ знаменіемъ суда, нежели милости, и потому обличилъ его упорство. Онъ сравнивалъ Іудеевъ съ царицей Савской, съ Ниневитянами, и находилъ народъ избранный ниже язычниковъ, — несмотря на то, что здѣсь былъ Тотъ, кто болѣе и Соломона, и Іоны. Заключая сіе обличеніе угрозою, Господь приточно изобразилъ состояніе несчастнаго народа по отверженіи имъ и сего знаменія. Въ притчѣ Онъ представилъ человѣка, одержимаго духомъ нечистымъ, которому оказана была помощь, но который тѣмъ не вразумился, а велъ себя такъ, какъ будто снова готовился быть жилищемъ того же духа (Матѳ. 12, 43—45). Что же вышло? Изгнанный духъ возвратился въ него съ семью другихъ, еще сильнѣйшихъ. Притча, очевидно, была заимствована отъ самаго происшествія (исцѣленія глухонѣмаго бѣсноватаго), по случаю котораго началась сія бесѣда, и представляла седмикратно худшее противъ настоящаго состояніе ослѣпленнаго народа (іудейскаго), когда онъ отвергнетъ и послѣднее знаменіе, которымъ сокрушены будутъ узы діавола, князь міра будетъ изгнанъ вонъ.

Столь продолжительная, столь упорная борьба съ фарисеями показывала, что хотя, по ихъ образова-

нію, и надлежало бы болѣе ожидать отъ нихъ готовности къ принятію проповѣди Евангелія: но на самомъ дѣлѣ ихъ чувства духовныя были столько испорчены, что они, видя дѣла Господа, не могли видѣть въ нихъ силы Божіей, слыша Его ученіе не могли разумѣть его истины. Сколько было преній съ ними изъ-за покоя субботняго! Какъ упорно отрицали они право прощать грѣхи! Какъ пересуживали всѣ поступки Іисусовы (*ядца и пійца; о Веельзевулѣ изгонитъ бѣсы*)! Произведо-ль на нихъ хотя малѣйшее дѣйствіе чудо воскрешенія мертвеца? Словомъ — встрѣчались ли они хотя разъ съ Іисусомъ, не вступая съ Нимъ въ споръ?

Послѣ этого раскрывать имъ новыя тайны царствія небеснаго значило бы только усугублять ихъ осужденіе. Господь этого не хотѣлъ. И Онъ Самъ училъ: *не мечите бисера предъ свиніями, да не поперутъ его ногами своими и вращшеся расторгнутъ вы.*

Не все прямо можно было сообщать и простому народу, болѣе къ Нему расположенному, но вообще сильно еще напитанному многими предразсудочными мнѣніями касательно царства Мессіи. Не вдругъ, не въ тотъ короткій остатокъ времени, который Сыну человѣческому предоставлено провести еще на землѣ, можно было уничтожить ихъ и замѣнить ихъ истинными понятіями (чего стоило образовать и избранныхъ учениковъ!). Напротивъ скорѣе можно было опасаться вредныхъ недоразумѣній и перетолкованій Его словъ о предметѣ столько важномъ. При томъ фарисеи и въ народѣ имѣли своихъ агентовъ.

У Господа было уже общество, которому Онъ могъ довѣрить свои тайны: это—Апостолы. Они для сей цѣли Имъ и избраны,—они имѣли полное довѣріе къ Господу,—были ему преданы всею душею,—близкимъ обращеніемъ съ Нимъ нѣсколько къ тому приготовлены.

Но чтобы не оставить совсѣмъ и фарисеевъ, и народъ безъ возбужденія и руководства, Господь не хочетъ лишать ихъ общихъ нравственныхъ наставленій, которыя не смотря на множество учителей въ народѣ іудейскомъ, были слишкомъ не часты, будучи вытѣснены утонченными изслѣдованіями раввинской учености.—Его любовь не рѣшается вовсе скрывать отъ нихъ и самыя тайны свои, она придумала въ премудрости своей еще средство къ сообщенію ихъ въ доступной для народа мѣрѣ: это въ притчахъ. Да, притчи Господа суть не что иное, какъ прекрасная ткань, измысленная и составленная Его любовію и премудростію отчасти для прикрытія истины до времени, чтобы она не ослѣпила чьи-нибудь слабыя очи, отчасти для возбужденія вниманія къ скрывающемуся подъ этимъ таинственнымъ покровомъ. Ихъ нѣкоторая темнота привлекала къ Іисусу за разрѣшеніемъ.

Такой образъ ученія могъ быть весьма полезенъ и для самыхъ учениковъ Господа при тѣхъ объясненіяхъ, которыя они получали отъ Него на Его притчи. Истины высокія, облеченныя въ образы природы видимой, или примѣры жизни человѣческой послѣ объясненія, чрезъ сличеніе съ сими образами становились удобопонятнѣе, глубже укоренялись въ памяти, чаще повторялись, живѣе дѣйствовали на воображеніе и сердце.

Такой образъ ученія не только былъ сроденъ съ общимъ характеромъ двойственности въ природѣ человѣка и въ его словахъ и дѣлахъ, но и со всѣмъ Ветхозавѣтнымъ устройствомъ: весь Ветхій Завѣтъ казался одною великою притчею Новаго. Къ притчѣ Іудеи имѣли особенный вкусъ и любовь, подобно прочимъ восточнымъ народамъ. Наконецъ Самъ Господь уже неоднократно употреблялъ притчу для изображе-

нія своихъ уроковъ, напр. въ нагорной проповѣди, въ обличеніи фарисеевъ (Матѳ. 11, 16; Лук. 7, 36; Мар. 3, 23).

И такъ отселѣ Господь, начиная тайное руководство и наставленіе своихъ Апостоловъ, постороннимъ положилъ сообщать о тайнахъ своего царствія не иначе, какъ только въ притчахъ. Подъ тайнами царствія небеснаго здѣсь разумѣлись предначертанія Божественныя относительно устроенія и судьбы Церкви Новозавѣтной. Впрочемъ иногда притчею облекались и нравственныя истины (Матѳ. 12, 44. 45).

Въ первой притчѣ, произнесенной вслѣдствіе такого намѣренія въ присутствіи народа, стоявшаго на берегу моря Геннисаретскаго, Господь изобразилъ ту тайну своего царствія, что не всѣ, слышащіи проповѣдь о семъ царствіи, будутъ его участниками, и если не всѣ, то кто и почему, изъ самыхъ участниковъ всѣ ли будутъ стоять на одной степени. Господь уже сказалъ однажды, что и сыны царствія будутъ изгнаны вонъ: но это сказано было, кажется, только Апостоламъ. А это былъ вопросъ немаловажный. Многіе напрасно могли льстить себя надеждою, пребывая въ беззаботности. Между тѣмъ Іудеямъ слышать эту истину во всей ея наготѣ дѣйствительно было чрезвычайно тяжко. И такъ Господь предложилъ объ этомъ наставленіе въ притчѣ о сѣмени и четверякой землѣ. Земледѣлецъ сѣялъ сѣмя. Сѣмя все было одинаковое, но не одинакова была земля, на которой оно сѣялось, и отъ того, по разнымъ причинамъ, три доли сѣмени погибли и только четвертая принесла плодъ, и то неодинаковый. Въ этомъ Господь изобразилъ дѣйствіе своей проповѣди среди Іудеевъ—настоящее и будущее. Въ однихъ она нисколько не нашла къ себѣ расположенія, какъ напр. въ фарисеяхъ; другими была принята и теперь еще

держалась, но или не глубоко укоренилась въ нихъ, или не все сердце заняла собою: вотъ вскорѣ должны наступить гоненія на послѣдователей Христовыхъ со стороны ихъ соотечественниковъ, такіе послѣдователи не захотятъ терпѣть за проповѣдь Евангелія и оставятъ слово царствія; а если гоненія не коснутся ихъ, то заботы житейскія подавятъ въ нихъ ученіе Божіе, они не станутъ трудиться надъ душею своею и очищать ее отъ страстей. Сюда принадлежали весьма многіе, обращающіеся теперь изъ народа ко Христу. Послѣ всего этого остаются немногіе, въ которыхъ слово царствія будетъ живо и дѣйственно, и то въ разныхъ степеняхъ. Впрочемъ Господь не скрылъ, что есть и другой сѣятель и другое сѣмя. Въ новой притчѣ Онъ показалъ, что между добрымъ сѣменемъ врагъ человѣка сѣетъ и плевелы, которыя по виду похожи на пшеницу, но не могутъ быть пшеницею. Хозяинъ поля оставляетъ расти то и другое до жатвы, чтобы, исторгая плевелы ранѣе, не исторгнуть съ ними и пшеницы (Матѳ. 12, 22—30 и 36—46). Господь внушалъ тѣмъ, что въ Его царствѣ еще не скоро будетъ это отдѣленіе добраго отъ злаго—судъ.

Потомъ въ двухъ краткихъ притчахъ изобразилъ это постепенное, не вдругъ еще раскрывающееся возрастаніе Его царства; въ началѣ незамѣтное и по наружности незначительное, оно будетъ достигать своей силы постепенно и наконецъ обоймѣтъ собою весь міръ,—это зерно горчичное, это закваска (эта притча приводится кромѣ Матѳея и у Луки позднѣе и въ другой связи Лук. 13, 18—21). Первая притча—о зернѣ горчичномъ — указываетъ болѣе на наружное дѣйствіе царства Христова, послѣдняя — о закваскѣ — на внутреннее. (У Евангелиста Марка

мысль послѣдней притчи раскрывается еще раздѣльнѣе 4, 26).

Вотъ тайны царствія, сообщенныя народу въ притчахъ и безъ объясненія; оно дано только въ кругу учениковъ и только на двѣ первыя. Когда ученики просили у Господа разрѣшенія сей притчи (о сѣмени), то Онъ, давъ имъ объясненіе, присовокупилъ прямыя наставленія о ихъ Апостольскомъ служеніи также въ притчахъ, но уже знакомыхъ (Мар. 4, 21—25, — свѣтильникъ; Лук. 8, 16—18). Плодъ слова въ нихъ долженъ раскрыться въ собственной ихъ проповѣди, и здѣсь мѣра ревности каждаго будетъ мѣрою сообщенія каждому самаго слова. Заключивъ это воззваніемъ: *имѣяй уши слышати, да слышитъ*, Господь продолжалъ свои наставленія также въ притчахъ (въ такомъ видѣ они даны Апостоламъ, конечно, для того, чтобы глубже могли укорениться и занять ихъ вниманіе). Первыя двѣ заключали въ себѣ мысль столько важную для Апостольскаго служенія, что каждый изъ нихъ долженъ быть готовъ на пожертваніе всѣмъ, чтобы имѣть участіе въ царствіи небесномъ. Господь раскрылъ эту мысль въ двухъ притчахъ, которыя тѣмъ только между собою отличаются, что одна имѣетъ въ виду людей, безъ предварительнаго исканія, внезапно встрѣтившихся съ проповѣдію о царствіи небесномъ, другая—людей давно и долго ищущихъ этого небеснаго сокровища (Іудеи и язычники). Для тѣхъ и другихъ одинъ урокъ—ничѣмъ не дорожить для царства Христова. Первая притча о сокровищѣ, нечаянно найденномъ на полѣ, вторая—о жемчужинѣ, долго отыскиваемой. Евангелистъ не предложилъ ихъ объясненія, а можетъ быть и самъ Господь, потому что Апостоламъ онѣ могли быть понятны, такъ какъ они и рѣшились уже пожертвовать всѣмъ ради Евангелія. Въ новой притчѣ

Господь далъ замѣтить Апостоламъ, что ихъ проповѣдь должна собрать въ нѣдра одной церкви людей отъ всѣхъ народовъ, которыхъ разборъ будетъ уже при концѣ міра и будетъ разборъ не по ихъ происхожденію, но по нравственнымъ — добрымъ или худымъ — свойствамъ. Притча эта сродна со второю, произнесенною къ народу; но здѣсь кромѣ того выражалось единство церкви и разнородность ея членовъ по происхожденію. Это притча о неводѣ, напоминавшая исторію призванія Симона и Андрея. Господь приложилъ къ ней объясненіе, но только относительно послѣдняго суда.

Вотъ первая бесѣда Господа о тайнахъ царствія Божія, объясняющая намъ сущность частныхъ наставленій Его Апостоламъ въ притчахъ! Заключая ее, Господь снова спросилъ ихъ: все ли они поняли? И получивъ отъ нихъ утвердительный отвѣтъ, Господь новою притчею далъ разумѣть, что, зная теперь сокровенное для народа ученіе о царствіи небесномъ, они стали книжниками, но не тѣми книжниками, которые знаютъ только одно старое, а книжниками въ новомъ значеніи сего слова, которымъ извѣстны и новыя тайны Божественныя: потому какъ запасливый хозяинъ, у котораго есть всегда и отъ прошлаго года и отъ нынѣшняго [1]) для совершенія той или другой жертвы и приношенія, никогда не затрудняется въ исполненіи требованія закона; такъ должны поступать и они въ своемъ служеніи, раскрывая народу въ свое время извѣстныя ему тайны царствія Божія и объясняя ихъ изъ стараго и изъ новаго ученія. Старымъ, извѣстнымъ слушателю, они могутъ сближаться съ его образомъ мыслей; новымъ, неизвѣстнымъ расши-

[1]) Въ школахъ іудейскихъ часто бывали вопросы, какіе плоды напр. надобно употреблять въ извѣстныхъ священнодѣйствіяхъ, нынѣшняго года, или прошедшаго. Light foot Horae Hebr. ad Matth. 12, 52.

рять область его познанія; старыя, общія начала раскрытія духовной жизни прилагать къ новымъ случаямъ, къ новому служенію, къ новому царству Божію; изъ стараго извлекать новое и всѣмъ пользоваться для царства Божія.

Кромѣ сихъ устныхъ наставленій Господь училъ ихъ самыми дѣлами Своими, приготовляя ихъ къ обширнѣйшему служенію. Не всякаго желающаго быть близкимъ къ Нему удостоивалъ Онъ той довѣренности, какую оказывалъ своимъ избраннымъ Апостоламъ; но въ свою очередь Онъ хотѣлъ того, чтобы они вполнѣ были преданы Ему, во всемъ полагались на Него, были внимательны, такъ сказать, ко всѣмъ мановеніямъ Его.

Вскорѣ послѣ того грознаго обличенія богохульствовавшихъ фарисеевъ и раскрытія новаго ученія о царствіи Божіемъ, именно вечеромъ того дня, когда предложены были притчи (Мар. 4, 35), Господь, взявъ съ собою Апостоловъ, вознамѣрился переправиться на ту сторону озера Геннисаретскаго, въ предѣлы Гадары, гдѣ жили уже по большей части язычники (Joseph. Antiqu. 17, 11. 4), въ Десятиградіе (Марк. 5, 1. 20). Это было первое, замѣченное Евангелистами, путешествіе Господа къ язычникамъ. Внѣшнее расположеніе жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ Господь доселѣ находился, было таково, что Сынъ человѣческій не имѣлъ, гдѣ главы преклонить, у Него не было того, въ чемъ Богъ не отказалъ звѣрю и птицѣ, своей безопасной кровли. Давно ли Онъ прибылъ съ Апостолами изъ путешествія: они еще не успѣли вкусить хлѣба, какъ Господь вступилъ въ разговоръ съ фарисеями; потомъ слѣдовали наставленія въ притчахъ. И вслѣдъ за этимъ настоящее путешествіе. Предъ самымъ отправленіемъ Спасителя и учениковъ на тотъ берегъ, пришелъ было къ нимъ

одинъ книжникъ іудейскій и сталъ просить Іисуса, чтобы Онъ дозволилъ ему присоединиться къ Его обществу. Можетъ быть, слово Господа о царствіи небесномъ, даже и въ своемъ приточномъ видѣ, возбудило въ немъ эту рѣшимость, но онъ еще не столько былъ очищенъ отъ привязанности ко всему земному, чтобы не искать ничего, кромѣ сего царствія, онъ мечталъ въ Іисусѣ найти Мессію такого, какого чаяла тогда большая часть Іудеевъ. Поэтому Господь не принялъ его къ числу своихъ книжниковъ, указавъ на свое настоящее положеніе.

Отправились,—это было ночью; съ ними пошли было и другія суда (Марк. 4, 36). Господь, утомленный трудами протекшаго дня, заснулъ. Неимѣвшій гдѣ приклонить главы на землѣ, нашелъ Себѣ пріютъ на кормѣ лодки, среди сообщества близкихъ своихъ учениковъ. Смутныя обстоятельства того дня, конечно, много занимали душу Апостоловъ. Къ этому присоединилась страшная буря на озерѣ. Искушеніе за искушеніемъ! Господь мало-по-малу пріучалъ ихъ къ трудамъ и опасностямъ ихъ служенія и къ упованію на Его любовь и всемогущество. Прочія лодки были въ неменьшей опасности, или разметаны вѣтромъ (что были при этомъ посторонніе, на это указываетъ Матѳей—8, 27: *человѣцы же*....). Волны такъ усилились, что грозили залить ихъ лодку; Господь спалъ глубокимъ сномъ, — они рѣшились разбудить Іисуса. Наставникъ, наставникъ, — мы погибаемъ! Господь, пробудившись отъ сна, тотчасъ далъ замѣтить имъ, какъ недостойно ихъ это малодушіе и маловѣріе: какъ могли они подумать, что погибнетъ Тотъ, Который творилъ предъ ними столько чудесъ? Если же Онъ не погибнетъ, то нечего бояться и имъ. И потомъ, не уча ихъ, какъ искуснѣе править противъ волнъ, не показывая никакихъ другихъ обыкновен-

ныхъ способовъ къ спасенію отъ погибели, всемогущимъ словомъ Своимъ Онъ воспретилъ вѣтру возмущать море и морю повелѣлъ немедленно утихнуть (то и другое вдругъ укрощается для того, что послѣ сильнаго вѣтра море само собою не вдругъ еще могло успокоиться). Къ изумленію Апостоловъ, къ изумленію прочихъ свидѣтелей этого чуда,—вдругъ настала на морѣ глубокая тишина. Благое вразумленіе Апостоламъ на будущее время. Съ Іисусомъ нечего бояться, хотя бы Онъ и казался спящимъ, долго не подающимъ помощи.

Вышедши на берегъ въ недальнемъ разстояніи отъ Гадары, встрѣтили они здѣсь двухъ бѣсноватыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ особенно ужасенъ. На немъ не было одежды. Его не держали никакія цѣпи. Жилъ онъ въ погребальныхъ пещерахъ по близости берега; безпокоилъ проходящихъ, въ припадкахъ бился самъ о камни. Бѣсноватые узнали Господа, едва вступилъ Онъ на эту землю, и прибѣжали къ Нему. Господь спросилъ одного изъ нихъ, какъ имя духа, живущаго въ немъ? Тотъ отвѣчалъ: легіонъ, потому что насъ много. И потомъ всѣ они, признавая Его власть, просили не посылать ихъ въ бездну, но позволить имъ войти въ пасущееся тутъ стадо свиней. Господь дозволилъ, стадо—головъ тысячи двѣ — бросилось въ озеро и перетонуло. Когда слухъ объ этомъ происшествіи чрезъ пастуховъ дошелъ до жителей города, они немедленно просили Господа удалиться отъ нихъ. Господь исполнилъ эту ихъ просьбу, но оставилъ провозвѣстникомъ милости Божіей того самаго человѣка, который былъ одержимъ легіономъ духовъ. Да! Въ другихъ случаяхъ Самъ Господь требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они, оставивъ домá, семейство, все, послѣдовали за Нимъ: теперь воспрещаетъ исцѣленному.

Въ другихъ случаяхъ повелѣваетъ молчать объ исцѣленіи: теперь велитъ проповѣдать.

Что же все это значило? Для чего Господь предпринималъ путь сюда? Ужели только для исцѣленія двухъ бѣсноватыхъ,—для того, чтобы лишить городъ 2000 животныхъ? Что значитъ это различіе въ образѣ дѣйствія въ отношеніи къ исцѣленному бѣсноватому? И это событіе—притча, т. е., имѣетъ значеніе притчи, хотя и несомнѣнна его достовѣрность историческая. Не стоитъ ли это исцѣленіе одержимаго легіономъ духовъ въ странѣ полуязыческой въ соотвѣтствіи съ исторіею исцѣленія того бѣсноватаго глухаго и нѣмаго въ Капернаумѣ, которое случилось, можетъ быть, не далѣе, какъ въ предшествующій день? Ежели Капернаумскій бѣсноватый, глухой, нѣмой, и слѣпой принятъ Господомъ, какъ символъ упорныхъ Іудеевъ, его исцѣленіе — какъ символъ цѣлительныхъ дѣйствій Господа среди Іудеевъ, то бѣсноватый Гадаринскій, исцѣленный на другой день послѣ Капернаумскаго, кажется, можетъ быть разсматриваемъ, какъ символъ будущаго обращенія отъ области сатанины язычниковъ, среди которыхъ Онъ Самъ не будетъ проповѣдывать, но пошлетъ имъ проповѣдниковъ. Не такъ ли пророкъ Іеремія долженъ былъ положить поясъ свой въ землю при рѣкѣ Евфратѣ и потомъ снова отправиться туда узнать, что стало съ его поясомъ (Іерем. 13)? Принявъ притчу за форму для сообщенія тайнъ народу, Господь по тому же самому дѣйствіямъ своимъ могъ дать на время особенное значеніе, кромѣ историческаго. Съ этимъ соглашается и то, что исцѣленіе сихъ двухъ бѣсноватыхъ раздѣляется только притчами о царствіи небесномъ, гдѣ дано было разумѣть и о проповѣди среди язычниковъ. Вотъ почему, можетъ быть Господь и не повелѣлъ молчать исцѣленному, но проповѣдывать;

это уже не между Іудеями, но между язычниками. Гадаринскій бѣсноватый—образъ міра языческаго; въ немъ не семь, а цѣлый легіонъ духовъ; но и тѣ, едва приближается къ нимъ Іисусъ, Ему уступаютъ свою область, идутъ въ бездну. Предвѣстіе для учениковъ. Но и не ограничиваясь этимъ замѣтимъ, что въ этомъ опытѣ исцѣленія бѣсноватаго, возбудившемъ неудовольствіе жителей Гадаринскихъ, въ самыхъ словахъ бѣсовъ: что ты пришелъ мучить насъ прежде времени, можно видѣть опытное опроверженіе той мысли, будто Господь изгонялъ духовъ по согласію съ ними. Истребленіемъ цѣлаго стада оправдывалось увѣреніе бѣсноватаго, что въ немъ былъ легіонъ бѣсовъ, а этимъ подтверждалась опять мысль о независимомъ противодѣйствіи Господа области темной и Его великое могущество. Между тѣмъ при извѣстности, какою пользовался бѣсноватый Гадаринскій, слухъ объ этомъ происшествіи могъ достигнуть и до Галилеи. Потеря стада вознаграждалась дарованіемъ проповѣдника; чудо вида грознаго придавало силу слову удостоеннаго милости Божіей. Самое истребленіе стада можетъ стоять на ряду съ другими тяжкими дѣйствіями Промысла, какъ напр. моровыя язвы. Можно даже сказать, что Сынъ человѣческій имѣлъ нужду раскрыть людямъ и Свой грозный характеръ. Явившись на землю не для суда, не оказывалъ сего во время земной своей жизни; особенно не хотѣлъ сего допустить между соотечественниками: такимъ образомъ Онъ выбралъ страну языческую, выбралъ животное, ненавистное Іудеямъ, воспользовался случаемъ встрѣчи съ бѣсноватымъ, чтобы оправдать угрозу фарисеямъ о наказаніи ихъ за упорство, произнесенную по поводу хулы ихъ на тоже самое дѣйствіе,—цѣленіе бѣсноватыхъ, и возвѣщенную въ сравненіи съ положеніемъ человѣка, одержимаго множествомъ крѣпкихъ духовъ (Матѳ. 12, 43—45).

Между тѣмъ какъ Господь путешествовалъ въ предѣлы Гадаринскіе, народъ, собравшійся въ Капернаумъ, не оставлялъ города, но дожидался Его возвращенія. Особенную нужду въ Немъ имѣлъ архисинагогъ Іаиръ, у котораго была больна дочь. Когда Господь возвратился въ Капернаумъ, Іаиръ обратился къ Нему съ просьбою избавить отъ смерти его дочь, которая была отчаянно больна. Намъ извѣстно, что Господь въ Капернаумѣ не въ первый разъ оказывалъ милость;—онъ оказалъ милость царедворцу, исцѣливъ сына его; бывши въ Канѣ, исцѣлилъ раба сотникова. Такимъ образомъ довольно значительныхъ лицъ уже пользовалось Его милостями. Промыслъ устроилъ, что и архисинагогъ возъимѣлъ нужду въ немъ. Но таковъ ли онъ былъ по вѣрѣ, какъ другіе, коимъ Господь оказалъ милость? Объ этомъ можно судить по его просьбѣ: *дщи моя*, говорилъ онъ, *на кончинѣ есть, да пришедъ, возложиши на ню руцѣ, яко да спасется* (Мар. 5, 23.). Изъ этихъ словъ видно, что его вѣра была ниже вѣры сотниковой, поелику сотникъ, прося Господа, считалъ достаточнымъ одного слова для исцѣленія его раба; не на одной степени онъ стоитъ и съ царедворцемъ, хотя оба они считали необходимымъ Его личное присутствіе, поелику Іисусъ въ то время, когда просилъ Его царедворецъ, извѣстенъ былъ только по одному чуду совершенному въ Канѣ, но когда просилъ архисинагогъ, то Онъ прославился многими чудесами; царедворецъ былъ язычникъ, а архисинагогъ Іудей; отъ Іаира посему надлежало ожидать болѣе вѣры. Но Господь, который по словамъ Исаіи, и трости надломленной не сокрушитъ и льна дымящагося не угаситъ, малую искру вѣры старался обратить въ пламя. Несмотря на слабость вѣры, Господь не отказался идти и, оставивъ всѣхъ, идетъ; на пути Его тѣснитъ народъ; всѣ боль-

ные стараются прикоснуться къ одеждамъ Его; вмѣстѣ съ прочими прикасается кровоточивая и, получивши исцѣленіе, думаетъ скрыться. Іисусъ вмѣсто того, чтобы спѣшить къ больной, останавливается, обращается къ народу и спрашиваетъ: кто прикоснулся ко Мнѣ, ибо Я чувствую силу изшедшую изъ Меня,—ищетъ взоромъ и—вотъ женщина, увѣрившись, что не можетъ укрыться отъ Него, падаетъ къ ногамъ Его и объявляетъ всю истину. Іисусъ одобряетъ вѣру ея и говоритъ: *дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя.* Для чего все это было? Ужели искалъ славы Тотъ, Кто запрещалъ бѣсноватымъ разглашать о Себѣ? Это сдѣлалъ Спаситель для того, чтобы укрѣпить вѣру Іаира. Этимъ Онъ какъ бы говорилъ Іаиру: видишь ли эту женщину? Она 12 лѣтъ страдала кровотеченіемъ, расточила все имѣніе врачамъ и при всемъ этомъ не получила никакой пользы, теперь же исцѣлилась отъ одного прикосновенія къ Моимъ ризамъ. Ее исцѣлила вѣра, съ которою она прикоснулась къ краю Моей одежды. Смотри на это и самъ утверждайся въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, едва Господь произнесъ эти слова, какъ пришли съ вѣстію къ Іаиру, что дочь его умерла. Но Іисусъ ободряетъ его, говоря: не бойся, но вѣруй, что могу воскресить ее. Приходитъ въ домъ; домъ наполненъ смятеніемъ. Такое зрѣлище могло быть опасно для вѣры. Господь увѣряетъ, что дѣвица не умерла, но спитъ; надъ Нимъ смѣются; Онъ всѣхъ изгоняетъ вонъ и, оставшись одинъ съ родителями и съ нѣкоторыми изъ учениковъ, беретъ дѣвицу за руку и возглашаетъ: дѣвица встань,—и дѣвица воскресла; родители въ изумленіи получаютъ вмѣстѣ съ дочерью заповѣдь молчать. Цѣль молчанія заключалась въ опасности со стороны фарисеевъ и безрасудныхъ движеній народа. И вотъ изъ этихъ-то частныхъ временныхъ обстоятельствъ только

и можно объяснить, почему Господь то объявлялъ о Себѣ публично, то скрывался; здѣсь велѣлъ молчать, но исцѣленіе кровоточивой возвѣстилъ публично, и когда былъ на той сторонѣ озера Геннисаретскаго и исцѣлилъ бѣсноватыхъ, то самъ велѣлъ о Себѣ проповѣдывать. Все это объясняется изъ частныхъ обстоятельствъ и лицъ, среди коихъ Онъ дѣйствовалъ. Вездѣ Онъ примѣняется къ частнымъ нуждамъ людей. Все это безъ сомнѣнія могло быть полезно для апостоловъ; изъ этого они сами могли научиться, какъ должны примѣняться къ людямъ, среди которыхъ они будутъ дѣйствовать. Господь видѣлъ нужду познакомить ихъ съ обязанностями и трудностями ихъ служенія. Довольно Онъ показалъ имъ, какъ они должны сообразоваться съ расположеніями людей, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать. Но опытное приложеніе имѣло для нихъ больше пользы. Конечно они еще невполнѣ были способны къ апостольскому служенію; для нихъ еще много было непонятнаго; но теперь и проповѣдь ихъ должна ограничиваться не многимъ—не болѣе, какъ возвѣщеніемъ того, что приблизилось царствіе Божіе, съ чего начали свою проповѣдь и Іоаннъ и Іисусъ. Для подкрѣпленія этой проповѣди Господь снабдилъ ихъ силою исцѣлять недуги. Это было символическимъ знаменіемъ того, что Спаситель уже пришелъ. Припомнимъ себѣ, что когда пришли ученики Іоанна съ вопросомъ, то Спаситель указалъ на свои чудеса. Снабдивши этою силою чудотворенія апостоловъ, Господь требовалъ, чтобы они отложили всякую заботливость о приготовленіяхъ къ путешествію; имъ не нужно ни сумы, ни другой одежды, ни денегъ; все они найдутъ у тѣхъ, коимъ будутъ проповѣдывать. Да и не нужно имъ лишняго имѣть при себѣ, потому что Онъ послалъ ихъ не далѣе, какъ въ города своихъ соотечественниковъ и притомъ

только въ тѣ, въ коихъ Онъ Самъ не былъ. Среди язычниковъ, среди Самарянъ они не могли еще теперь дѣйствовать. Отправляя ихъ, Господь далъ имъ наставленіе. Имъ сказано, что Божественные дары они должны расточать безмездно. Какъ Самъ Онъ ничѣмъ не пользовался, такъ хотѣлъ, чтобы и ученики дѣйствовали. Какъ Богъ дѣйствуетъ, не принимая ничего отъ людей, такъ и они должны совершать служеніе Божіе. Потомъ, вступая въ село не прямо обращайтесь съ проповѣдію ко всякому встрѣчному, но освѣдомляйтесь, кто достоинъ; когда найдете, то остановитесь у него и отсюда распространяйте проповѣдь. Всякому благодѣтельствующему имъ Господь обѣщаетъ благодать и миръ, а отвергающему грозитъ судомъ страшнѣе Содомскаго и Гоморрскаго. Гдѣ были апостолы на проповѣди и сколько времени, это не опредѣлено; но время разлученія не могло быть продолжительно. Спаситель не всѣхъ послалъ въ одно мѣсто, но по парно, потому они могли дѣйствовать въ шести мѣстахъ, кои самъ не проходилъ, а такихъ мѣстъ не много оставалось не только въ Галилеѣ, но и въ Іудеѣ. Даже вѣроятно, что имъ назначено срочное время для возвращенія, поелику мы видимъ, что они возвратились въ одно время и если бы не было назначено время, то они пришли бы одинъ-ранѣе, другой позже.

Апостолы возвратились къ Іисусу предъ пасхою (третьею). Вѣроятно, въ ихъ отсутствіе пришли къ Нему ученики Іоанновы съ вѣстію о кончинѣ своего учителя. Въ тоже время стала разглашаться молва, что въ Іисусѣ возсталъ Іоаннъ (изъ этого самаго видно, что Іоаннъ уже умеръ). Самъ Иродъ, правитель Галилеи, вѣрилъ или не вѣрилъ ей, но хотѣлъ ближе познакомиться съ Іисусомъ. Между тѣмъ народъ, отправляясь изъ всѣхъ городовъ на приближаю-

щійся праздникъ въ Іерусалимъ, съ распространеніемъ проповѣди объ Іисусѣ и, по кончинѣ Іоанна, усилившій свое вниманіе и уваженіе къ Іисусу, собирался къ Нему день ото дня въ большемъ количествѣ. Самъ Господь не намѣренъ былъ идти въ Іерусалимъ: *не у пріиде время Его* (Іоан. 7, 6. 8). И такъ теперь Господь по слухамъ о желаніи Ирода и для успокоенія своихъ учениковъ положилъ отправиться вмѣстѣ съ ними въ уединенное мѣсто—Виѳсаиду, лежащую по ту сторону озера Галилейскаго. Городъ этотъ въ области Гаваонитской принадлежалъ не Ироду Антипѣ, а брату его Филиппу (Лук. 9, 10).

Переправились чрезъ озеро. Народъ за Нимъ по берегу. Видя, что уклоненіе напрасно, Господь обратился къ народу съ ученіемъ о царствіи небесномъ и милосердо цѣлилъ болящихъ. День уже проходилъ, но народъ Его не оставлялъ, между тѣмъ оставался безъ пищи. Господь сжалился: и пять хлѣбовъ и двѣ рыбы насытили пять тысячъ слушателей отъ щедраго Его благословенія,—и каждый изъ апостоловъ собралъ еще по кошницѣ остатковъ. Это напоминало манну въ пустынѣ и другія подобныя чудеса Ветхаго Завѣта. Народъ въ изумленіи при такомъ чудѣ признаетъ Его за пророка, обѣщаннаго Моисеемъ и хочетъ поставить Іисуса царемъ. Но онъ удаляется одинъ на гору и молится тамъ, а ученикамъ велитъ однимъ отправиться обратно на тотъ берегъ. Такимъ образомъ народъ остается безъ исполненія своего желанія.

Между тѣмъ ученики на морѣ ночью подверглись жестокой бурѣ. Господь не забылъ ихъ; оставивъ молитву, пошелъ къ нимъ на помощь; дошелъ до моря; вступилъ Онъ на волны и стопы Его не утопали. Ученики, увидѣвъ Его шествующаго, почли за привидѣніе и только голосъ Его: это Я, не бойтесь—ободъ-

рилъ ихъ,—на этотъ разъ они не такъ малодушны, какъ въ прежнюю бурю,—Петръ, съ позволенія Господа, самъ вступилъ на море, чтобы встрѣтить приближающагося Господа, но не выдержалъ добровольнаго испытанія. Побѣжденный маловѣріемъ едва не утонулъ, но получилъ помощь отъ Спасителя. Господь взошелъ на судно; немедленно оно пристало къ берегу и Господь такимъ образомъ прибылъ снова въ Капернаумъ. Столько великихъ чудесъ столпилось въ этомъ краткомъ промежуткѣ времени! Они были для учениковъ подкрѣпленіемъ ихъ вѣры въ Господа въ тогдашнее смутное время, и служили приготовленіемъ къ новымъ истинамъ, которыя должны были услышать отъ Него ученики и посторонніе.

На другой день, народъ, не нашедши на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено было чудо насыщенія, чудотворца и учениковъ Его, и самъ возвратился въ Капернаумъ. Господь былъ тогда уже въ синагогѣ Капернаумской.—Встрѣтившись здѣсь съ Нимъ, свидѣтели вчерашняго чуда недоумѣвали, какъ Онъ прибылъ сюда, зная, что Онъ не отправлялся вмѣстѣ съ учениками и желали это знать отъ Него. Это было поводомъ къ великой бесѣдѣ Спасителя объ истинномъ хлѣбѣ жизни, который даетъ Онъ людямъ въ пищу.

Приближалось время страданій. Отъ наступающей пасхи оставался одинъ только годъ до Его смерти, которую Онъ готовился принести за міръ. Господь хотѣлъ приготовить къ тому учениковъ заблаговременно. Тогда какъ народъ думалъ уже поставить Его царемъ т. е. объявить Мессіею: Мессія спѣшитъ раскрыть, что Ему предстоитъ другое дѣло и другая будущность.

Кругъ лицъ, среди которыхъ Господь, произнесъ эту бесѣду, состоялъ по большей части изъ людей

возвратившихся съ того берега и питавшихся чудеснымъ хлѣбомъ (ст. 26). Между ними были и апостолы. Въ первыхъ вообще можно было замѣчать недостатокъ чистоты въ расположеніи и наклонность болѣе къ чувственному, нежели духовному,—потому что многіе оставили Господа; впрочемъ, соображая дальнѣйшій ходъ бесѣды, нельзя принимать всѣхъ за людей совершенно грубыхъ, неспособныхъ понимать ничего, кромѣ чувственнаго: а) (ст. 34) они просятъ у Господа, чтобы Онъ всегда давалъ имъ хлѣбъ, сходящій съ небеси, вѣроятно разумѣя подъ этимъ ученіе; б) изъ ст. 60, 64, 66 видно, что много было здѣсь учениковъ Господа, доселѣ сопутствовавшихъ Ему вмѣстѣ съ народомъ.—Мысль о вчерашнемъ намѣреніи провозгласить Іисуса Христа царемъ—Мессіею не оставляла ихъ совсѣмъ и теперь, но выражалась въ самомъ желаніи знать, какъ Онъ прибылъ въ Капернаумъ. Эта мысль показывала въ нихъ расположеніе къ Іисусу, но какое, какъ оно достойно Іисуса, этого они сами не знали и не думали объ этомъ.

На вопросъ: какъ ты очутился здѣсь? Господь не хотѣлъ давать отвѣта, удовлетворять суетному любопытству. Онъ хотѣлъ обратить вниманіе спрашивавшихъ Его лучше на то, по какому расположенію они оказываютъ такую привязанность къ Нему? Что заставляетъ ихъ искать Его, принимать въ Немъ участіе? Раскрывая имъ глаза на самихъ себя, говоритъ: не въ томъ дѣло, какъ Я здѣсь, а въ томъ, почему вамъ нужно это знать, почему такое участіе во Мнѣ принимаете. Вы ищете Меня потому, что Я вчера накормилъ васъ. (Признаютъ Мессіею по сходству вчерашняго чуда съ ихъ ожиданіями.—Многіе были, можетъ быть, изъ бѣдныхъ). Не та сила Божія, которою пять хлѣбовъ умножены для напитанія пяти ты-

сячъ людей, а самое это насыщеніе и надежда на такія чудесныя пособія, мечты чувственныя о Мессіи и Его царствѣ привлекаютъ васъ теперь ко Мнѣ. Но этого недостаточно. Старайтесь не о пищѣ тлѣнной. Надобно, чтобы вы чувствовали голодъ и къ другой пищѣ и старались объ удовлетвореніи его; стремились къ жизни вѣчной и искали такой пищи, которая даетъ жизнь вѣчную,—и превращаясь въ васъ въ сокъ и кровь вашего существа, превращала бы все существо ваше въ свое вѣчное существо. Вотъ о чемъ надобно подумать. И ежели вы чувствуете такой голодъ и хотите такой пищи, то Сынъ человѣческій готовъ вамъ дать ее. Для того, чтобы открыть вамъ источникъ сей жизни, Отецъ далъ ему совершать и эти наружныя чудеса: они суть печать Отца—и только печать, свидѣтельство, а не то самое, что Отецъ хотѣлъ бы вамъ дать.

Выслушавъ сіе требованіе, Іудеи спросили: что же намъ дѣлать, чтобы дѣла наши были угодны Богу? Они, можетъ быть, думали, не возложитъ ли на нихъ Господь какихъ нибудь заповѣдей, какъ другіе законоучители. Господь отвѣчалъ: никакого другаго дѣла отъ васъ не требуется, кромѣ того, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого послалъ Отецъ. Ваша теперешняя привязанность не есть еще плодъ вѣры, но, какъ я уже изъяснилъ вамъ, плодъ другихъ расположеній. Итакъ нужна отъ васъ-одна вѣра въ то, что Я посланъ отъ Бога, и полная Мнѣ преданность.

Тѣ ли же самые очевидцы чуда, съ которыми говоритъ Господь доселѣ, но люди чувственные, которыхъ одно такое чудо легко могло воспламенить къ желанію такихъ же и другихъ,—или другіе посѣтители синагоги, не бывшіе съ Нимъ на той сторонѣ озера,—только слышавъ это требованіе вѣры и только одной вѣры, стали сами съ своей стороны требо-

вать новыхъ еще большихъ чудесъ и даже прямо указали на то, что Моисей, прообразовавшій собою Мессію, въ теченіе 40 лѣтъ сообщалъ своему народу манну, хлѣбъ съ небеси. Отъ самаго Мессіи они считали себѣ въ правѣ ожидать еще большаго чуда. На это требованіе Господь сказалъ: что указывать здѣсь на Моисея? не Моисей давалъ этотъ хлѣбъ, а Отецъ. И то, что̀ Онъ давалъ тогда народу, не было истиннымъ хлѣбомъ съ небеси.—Но теперь, прибавилъ Господь, Тотъ же Самый Господь даетъ вамъ истинный хлѣбъ съ небеси.—Хлѣбъ Божій есть такой хлѣбъ, который сходитъ съ небеси и даетъ жизнь міру. А такой именно хлѣбъ и даетъ теперь Отецъ.

Хорошо, отвѣчали Іудеи, подавай же Ты намъ всегда такой хлѣбъ, прося болѣе того, чего сами ясно не понимали, какъ Самарянка, прося живой воды.

Хотите? — Этотъ хлѣбъ жизни — Я Самъ. Разумѣется, вкушать сей хлѣбъ можно только вѣрою. Итакъ видите, вы приходите опять къ тому же заключенію, что вамъ для полученія жизни надобно вѣровать въ Меня: сами вы желаете вкушать хлѣбъ жизни: а этотъ хлѣбъ жизни—сходящій съ небеси и дающій жизнь міру,—Я Самъ, и вкушать Его можно вѣрою.

Іудеи не думали придти къ такому заключенію. Безъ подтвержденія новыми чудесами не хотѣлось имъ признать въ Іисусѣ такое высокое достоинство. Въ Галилеѣ говорили, что Іосифъ и Марія были его родители. Какъ съ этимъ согласить мысль о Его происхожденіи съ неба? Въ основаніи же такого сомнѣнія лежало то, что въ нихъ вообще не доставало духовнаго влеченія къ Іисусу, какъ замѣтилъ Господь еще вначалѣ этой бесѣды. Въ нихъ не было

возбуждено истиннаго стремленія къ жизни вѣчной и блаженству въ Богѣ.

Еще Іудеи ничего не отвѣчали Ему на эти слова Его: Я есмь хлѣбъ жизни, но Господь, давая разумѣть, что Ему извѣстны ихъ тайныя мысли, продолжалъ: Я зналъ, что вы не расположены этому вѣрить и уже замѣтилъ вамъ объ этомъ. Чтоже? теперь не Я виною, что не могу васъ сдѣлать участниками жизни вѣчной, т. е. Моего царства. Въ комъ возбуждено влеченіе духовное, того Отецъ приводитъ ко Мнѣ, и кто приходитъ ко Мнѣ, тому Я не дамъ погибнуть: Я строго исполняю волю Отца Моего.

Слыша это, Іудеи стали явно роптать на то, что Іисусъ назвалъ Себя хлѣбомъ, сшедшимъ съ небеси.

Не ропщите, отвѣчалъ Господь. Вы еще не приведены ко Мнѣ Отцемъ. У пророковъ написано, что всѣ будутъ научены Богомъ. Вы еще не вошли въ число наученныхъ Богомъ. А кто привлеченъ Отцемъ и приходитъ ко Мнѣ, тому Я точно дамъ жизнь,— Я воскрешу Его въ послѣдній день (потому имѣю право называть Себя хлѣбомъ сшедшимъ съ небеси, Хлѣбомъ Божіимъ). Впрочемъ не такъ это должно понимать, будто кто можетъ почерпать свои наставленія отъ Отца мимо Сына. Нѣтъ: никто не видѣлъ Отца, кромѣ Сына и только Сынъ можетъ сообщать истинное познаніе объ Отцѣ. Слово, которымъ учитъ Отецъ чрезъ Сына, заключается въ чудесахъ.

Послѣ того Господь начинаетъ снова раскрывать, что такъ какъ чрезъ Него только и можно войти въ общеніе съ Отцемъ, въ причастіе жизни вѣчной, то и слѣдуетъ, что Онъ и есть хлѣбъ жизни вѣчной.

Вкушавшіе манну, говорилъ Онъ, всѣ умирали. Но Я есмь хлѣбъ живый, подающій жизнь вѣчную. И потому ядущій хлѣбъ сей будетъ живъ во вѣкъ.

Доселѣ Господь подъ именемъ хлѣба разумѣлъ Свое ученіе, которое вѣрующему доставляетъ жизнь вѣчную, какъ Онъ раскрывалъ прежде и въ Іерусалимѣ (Іоан. 5, 24): *слушаяй словесе Моего и вѣруяй пославшему Мя имать животъ вѣчный.* Теперь прибавляетъ еще нѣчто особенное, болѣе соотвѣтствующее понятію о хлѣбѣ небесномъ: *и хлѣбъ, его же Азъ дамъ, плотъ Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра.* Это хлѣбъ, который Самъ Онъ готовится дать вѣрующимъ, хлѣбъ, принесенный имъ—(кому? конечно—Отцу) за жизнь цѣлаго міра: тогда какъ о прежнемъ хлѣбѣ Онъ говорилъ: *Отецъ мой даетъ вамъ хлѣбъ истинный* (ст. 32).

Здѣсь съ одной стороны онъ представляетъ плоть Свою, человѣчество Свое, приносимое какъ жертву искупительную за міръ; съ другой—какъ пищу, дающую вѣрующимъ животъ вѣчный: подобно какъ въ скиніи и храмѣ были хлѣбы предложенія, которые приносились какъ жертва Богу и которые потомъ предоставлялись въ пищу священникамъ.

Іудеи вступаютъ въ споръ между собою (не съ Іисусомъ): какъ можно дать ѣсть плоть свою людямъ?

Господь еще опредѣленнѣе выражаетъ сказанное о Своей плоти. „Нечего въ этомъ сомнѣваться и нечего перетолковывать. Это именно такъ, какъ Я сказалъ: хлѣбъ жизни есть плоть Моя. Слѣдовательно, кто хочетъ имѣть жизнь вѣчную, тотъ долженъ вкусить отъ плоти Моей и отъ крови Моей. Ежели не будетъ ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будетъ имѣть въ себѣ жизни. А какимъ образомъ вкушающій плоти Моей и крови Моей становится причастникомъ жизни вѣчной, это объясняется изъ того, что ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ. Т. е. его суще-

ство сраствореться съ Моимъ и проникается Имъ. А Я имѣю жизнь въ Себѣ отъ Отца. И Моя жизнь переходитъ въ него. Онъ не умираетъ, Я воскрешу его въ послѣдній день. Плоть Моя въ немъ не должна оставаться мертвою. Итакъ, заключаетъ Господь, вотъ тотъ хлѣбъ истинный, сшедшій съ небеси и дающій жизнь—плоть Моя."

Не довольно того, что Іудеи, мало знакомые съ образомъ наставленій Господнихъ, многіе даже изъ учениковъ Его соблазнялись, относя слова Его къ физическому употребленію въ пищу настоящей Его плоти и крови, которую видѣли предъ собою. Одни прямо говорили Ему, какъ это странно слышать такія слова, другіе держали эти мысли тайно.

Господь, разумѣя ихъ тайны сердечныя, прибавилъ въ дополненіе къ Своей бесѣдѣ: „что же, если увидите Сына человѣческаго восходящаго туда, гдѣ былъ прежде? Т. е. соблазняться этими словами нечего. Сынъ человѣческій взойдетъ на небеса, гдѣ былъ прежде (какъ хлѣбъ сшедшій съ небеси): тогда нельзя будетъ употреблять въ пищу эту плоть Мою, которую вы видите, (но прославленную, духовную). Симъ устраняется всякій соблазнъ, если бы только была у васъ для сего вѣра. Духъ животворитъ, плоть (не сказалъ—Моя) не пользуетъ ни мало. (Не будьте плотяны; возвышайтесь къ духовному). Слова Мои суть духъ и животъ.

Несмотря на это объясненіе, многіе изъ учениковъ Іисуса послѣ этой бесѣды оставили Его. Видно, они были изъ числа тѣхъ, которыхъ Господь не считалъ приведенными къ Нему отъ Отца. Но данные Ему отъ Отца (по молитвѣ Лук. 6, 12) остались при Немъ. Господь, искушая ихъ, спросилъ, не хотятъ ли и они оставить Его?—Куда же мы пойдемъ, сказалъ Петръ, если оставимъ Тебя?

Нѣтъ, не отойдемъ отъ Тебя: у Тебя глаголы жизни вѣчной. Мы вѣруемъ и точно знаемъ, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго.

Такъ, сказалъ Господь съ намѣреніемъ обратить ихъ вниманіе на самихъ себя: но и между вами есть діаволъ.—Говоря о приближающемся своемъ страданіи, Господь видѣлъ и то, кто будетъ виною Его смерти. Скрывалъ ли уже предатель свой богоубійственный замыслъ, или Господь видѣлъ только сѣмя его въ душѣ Іуды, во всякомъ случаѣ это замѣчаніе было предостереженіемъ для него, которымъ могъ онъ воспользоваться, чтобы перемѣнить свое расположеніе, какъ воръ, видя опасность быть открытымъ, бросаетъ похищенное. — Примѣчательно и то, что первая еще тайна обличенія предателя совпадаетъ съ отпаденіемъ многихъ другихъ учениковъ отъ Господа по случаю сей бесѣды.

Это было предъ пасхою. На праздникѣ пасхи и потомъ пятидесятницы мы не видимъ Спасителя въ Іерусалимѣ. Онъ приходитъ сюда только во время праздника кущей и это былъ послѣдній великій праздникъ, который Онъ совершилъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ. А до сего времени мы видимъ Его большею частію на сѣверныхъ предѣлахъ Галилеи.

Но фарисеи іерусалимскіе [1]) никогда не оставляли своего наблюденія за Нимъ. Не видавъ Его въ Іерусалимѣ, они пришли въ Галилею. Встрѣтивъ Его вмѣстѣ съ учениками, они возобновили прежнее осужденіе учениковъ Его въ несоблюденіи преданій старцевъ. Случаемъ къ сему было то, что ученики принимались за пищу, не умывъ рукъ.—По правиламъ благочестія фарисейскаго предъ принятіемъ пищи и

---

1) Οἱ ἀπὸ τοῦ Ἱερουσαλὴμ—выраженіе указываетъ не на мѣсто только, откуда пришли, но и на постоянное мѣстопребываніе. См. Евр. 13, 24. Дѣян. 17, 23.

послѣ стола—непремѣнно должно было мыть руки. Въ талмудѣ опредѣлено, какой мѣры воды для этого достаточно, какъ мыть, когда именно, въ какомъ порядкѣ, если число присутствующихъ превышаетъ пять или не привышаетъ его. (Принадлежавшіе къ сектѣ Ессеевъ предъ столомъ погружались въ воду. Іос. Флавій). Этимъ правиламъ приписывалась такая важность, что за несоблюденіе ихъ Синедріонъ подвергалъ отлученію. Указывая на поступокъ учениковъ, фарисеи конечно хотѣли представить Спасителю правило объ умовеніи рукъ въ связи съ прочими преданіями и, возводя обвиненіе отъ частнаго дѣйствія къ неуваженію преданій вообще, можетъ быть хотѣли слышать Его собственное мнѣніе о важности преданія. По крайней мѣрѣ къ тому ведетъ отвѣтъ Господа. По понятіямъ Талмуда, преданія старцевъ важнѣе, чѣмъ слова пророковъ, даже лучше, чѣмъ слова закона, потому что въ законѣ есть важное и неважное, а слова старцевъ всѣ важны. Имъ должно слѣдовать безпрекословно. — Въ Талмудѣ есть притча: послалъ царь двухъ друзей своихъ въ одну область свою съ повелѣніями и объ одномъ такъ написалъ: если онъ не предъявитъ вамъ перстня моего, не вѣрьте ему; а о другомъ такъ: хотя бы онъ не показалъ вамъ перстня моего, вѣрьте ему. Это — пророки и старцы. О пророкахъ написано: *аще возстанетъ въ тебѣ пророкъ... и дастъ тебѣ знаменіе или чудо* (Втор. 13, 1), а о старцахъ: *и сотвориши по словеси, еже возвѣстятъ ти отъ мѣста, еже изберетъ Господь Богъ* (17,10.).

Вопросъ былъ предложенъ въ присутствіи народа. Господь, не обращая вниманія на сей частный случай, сталъ говорить о важности преданій: „между вашими преданіями есть такія, которыя противны закону Божію“. При этомъ Господь указалъ на пра-

вило старцевъ о корванѣ, вслѣдствіе котораго Іудеи подъ предлогомъ благочестія дозволяли себѣ нарушать первую изъ заповѣдей десятословія, относящуюся до ближнихъ (*Чти отца твоего*-пропитывай съ евр.).

Указавъ на сіе противорѣчіе закону, Господь заключилъ отвѣтъ свой общимъ замѣчаніемъ о характерѣ благочестія фарисейскаго, прилагая къ нимъ слова пророка Исаіи о людяхъ, чтущихъ Бога только своими устами, но не сердцемъ.

Потомъ, приспособительно къ случаю, извлекая отсюда общую мысль, что истинной чистоты надлежитъ искать не въ соблюденіи (однихъ) какихъ бы то ни было внѣшнихъ правилъ, но въ очищеніи сердца отъ всего противнаго закону Божію, предложилъ ее народу въ видѣ краткой притчи: *не входящее во уста сквернитъ человѣка; но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка*,—и сказавъ сіе прибавилъ: слушайте и разумѣйте. (Образъ притчи заимствованъ отъ предмета бесѣды и, можетъ быть, есть собственно отвѣтъ на возраженіе фарисеевъ; такъ какъ, по ихъ понятіямъ, человѣкъ, вкушающій пищу не умытыми руками, самымъ вкушеніемъ подвергался нечистотѣ).

Фарисеи не могли быть довольны и указаніемъ на противорѣчіе преданій закону Божію, еще болѣе тѣмъ, что Господь прямо назвалъ ихъ благочестіе лицемѣріемъ. Новымъ случаемъ къ неудовольствію на Іисуса было послѣднее Его изреченіе, которое они могли распространить и вообще на законы о пищѣ. Но Господь не продолжалъ далѣе бесѣды и вышелъ отъ народа.

Защищенные Господомъ ученики замѣтили это оскорбленіе въ фарисеяхъ. И еще сохраняя, можетъ быть, уваженіе къ прежнимъ правиламъ своимъ и

зная, какую важность имѣли въ народѣ всѣ собственно іерусалимскіе книжники, они довели до свѣдѣнія своего наставника, что фарисеи Его словами соблазнились. Но Онъ продолжалъ говорить въ приточномъ видѣ, давъ разумѣть ученикамъ Своимъ, что этимъ обезпокоиваться нѣтъ нужды. Имъ извѣстна была уже притча о добромъ сѣмени и плевелахъ, всѣянныхъ между ними врагомъ. Припоминая эту притчу Господь сказалъ: всякое растеніе, которое не Отецъ Мой насадилъ, но врагъ—діаволъ—будетъ искоренено. Судъ Божій ожидаетъ и этихъ мнимыхъ руководителей народа. Оставьте ихъ: они слѣпые—вожди слѣпыхъ, которые могутъ привести своихъ руководимыхъ къ погибели.

Что же однако значило загадочное изреченіе: *не входящее во уста*? Уничтожаетъ ли оно законы Моисеевы о различіи пищи и о дозволительныхъ и недозволительныхъ яствахъ, или нѣтъ? Если уничтожаетъ, то какъ его согласить съ тѣмъ уваженіемъ къ закону, на основаніи котораго Господь отвергъ преданіе о корванѣ? Если не уничтожаетъ, то какъ его понимать? Ученики не умѣли себѣ разрѣшить сего; обратились къ Господу. Петръ просилъ объяснить имъ притчу сію.

Господь, изъявивъ удивленіе на ихъ непонятливость, сказалъ, что пища сама по себѣ, какъ вещь внѣшняя, внутренней, нравственной нечистоты произвесть не можетъ. (Впрочемъ это не значитъ того, что всякій родъ пищи для человѣка безразличенъ. Коль скоро есть на то Божественные законы, то доколѣ они не отмѣнены, принятіе пищи противной закону, будетъ осквернять человѣка, поелику происходитъ отъ сердца, неуважающаго законъ и угождающаго плоти). Другая половина притчи говоритъ о томъ, что источникъ нравственной нечистоты заключается въ серд-

цѣ человѣка и что, слѣдовательно, желающимъ сохранить чистоту предъ Богомъ надлежитъ очищать свое сердце.

Господь не коснулся законовъ о дозволительныхъ и недозволительныхъ видахъ пищи, которые должны были прекратиться вмѣстѣ съ отмѣненіемъ всего ветхозавѣтнаго устройства по утвержденіи Новаго Завѣта между Богомъ и людьми, и утвержденіи закона духовнаго въ сердцахъ новаго Израиля. Но тѣмъ не менѣе открылъ ученикамъ, что тѣ законы, какъ внѣшніе, и теперь далеко ниже внутреннихъ.

Вскорѣ Господь отсюда перешелъ на сѣверо-западные предѣлы Галилеи къ Тиру и Сидону, и здѣсь на предѣлахъ языческаго міра, изъ среды отверженнаго Богомъ племени-Хананеевъ показалъ ученикамъ женщину, достойную занять мѣсто въ Его царствѣ. Господь не занимался Самъ проповѣдію у языческихъ народовъ, не дозволялъ сего и ученикамъ своимъ при первомъ отправленіи ихъ на проповѣдь, не оставлялъ однако же показывать ученикамъ своимъ между ними героевъ вѣры: мы знаемъ уже сотника Капернаумскаго. Подобною ему по вѣрѣ является теперь Хананеянка. Она просила Господа, называя Его сыномъ Давидовымъ, т. е. Мессіею, объ исцѣленіи своей дочери, одержимой злымъ духомъ. Господь, удалившись сюда съ тѣмъ, чтобы провесть нѣсколько времени въ неизвѣстности, долго ничего не отвѣчалъ ей, такъ что за нее уже заступились апостолы. Господь и имъ отказалъ; но сей отказъ послужилъ только къ тому, чтобы раскрыть во всей силѣ ея вѣру и смиреніе,—и Господь изгналъ духа изъ ея дочери, находившейся въ своемъ домѣ. Жестоки кажутся слова въ устахъ кроткаго учителя: *не добро отъяти хлѣба чадомъ и повредити псомъ.*— Но это-иносказательная рѣчь, которая значила не

болѣе какъ то, что при настоящемъ порядкѣ дѣлъ посторонніе Ему не могутъ пользоваться тѣми благами, какія принесъ съ Собою Мессія, что они еще внѣ Его царства, не чада Божіи. И хотя слова сіи кажутся такъ суровыми, но женщина конечно могла примѣтить любовь въ самомъ тонѣ, съ какимъ сдѣланъ отказъ; почему, не отступилась, но, сознавъ себя, въ смиреніи, дѣйствительно недостойною одинаковыхъ правъ съ чадами въ царствѣ Мессіи, просила себѣ мѣста не за трапезою вмѣстѣ съ Нимъ въ Его царствѣ, но только крупицъ.

Не могши укрыться и здѣсь, Господь переходитъ съ учениками своими въ сѣверо-восточные предѣлы Галилеи къ озеру Геннисаретскому. Но куда ни приходитъ, вездѣ уже Его знаютъ и какъ скоро узнаютъ, приносятъ къ Нему больныхъ: Онъ не можетъ отпускать ихъ безъ исцѣленія. Народъ жаждетъ слышать Его слова: Онъ не можетъ молчать. Такимъ образомъ вездѣ собираются вокругъ Него и Ему оставалось только чаще перемѣнять Свое мѣстопребываніе и удерживать въ народѣ молву о чудесахъ Его. Самыя исцѣленія Его получаютъ какой то особенный характеръ. Привели къ Нему глухаго косноязычнаго. Онъ не вдругъ исцѣлилъ его словомъ или возложеніемъ руки, какъ въ другихъ случаяхъ. Но сперва отвелъ его отъ народа въ сторону; потомъ вѣроятно въ присутствіи только тѣхъ, которые его привели (Мар. 7, 36), вложилъ персты Свои въ уши его и, плюнувъ, коснулся языка его, воззвалъ къ Отцу Своему Небесному, сказавъ: Еффаѳа. И когда съ симъ словомъ больной сталъ слышать и говорить, Господь запретилъ разглашать объ этомъ. Въ заключеніе Своего пребыванія послѣ многихъ наставленій, которыя слушалъ отъ Него народъ со всѣмъ усердіемъ, не отходя отъ Него по нѣ-

скольку дней, Господь предложилъ ему и тѣлесное угощеніе. Семь хлѣбовъ и нѣсколько рыбъ, умноженныя Его благословеніемъ, насытили до четырехъ тысячъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, и ученики собрали еще избытковъ по числу раздѣленныхъ хлѣбовъ семь кошницъ.

По совершеніи сего чуда, Господь немедленно удалился изъ сего мѣста и чрезъ озеро отправился на другой берегъ, въ предѣлы Магдалы. Здѣсь встрѣченный отъ фарисеевъ и саддукеевъ искусительнымъ требованіемъ, Онъ пробылъ (какъ видно изъ Мар. 8, 10. 13) весьма недолго. Снова вступилъ на море. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ пустынѣ (на что указываетъ мысль учениковъ, что не взяли хлѣбовъ) является въ Виѳсаидѣ.

Требованіе фарисеевъ состояло въ томъ, чтобы Онъ явилъ имъ знаменіе съ небеси въ засвидѣтельствованіе своего посланничества отъ Бога. Знаменій и чудесъ, совершеннымъ Имъ на землѣ, они не хотѣли считать для сего достаточными. Но Господь, замѣтивъ имъ, что еслибы они съ такою же внимательностію наблюдали все, что совершается чрезъ Него и около Него, съ какою замѣчаютъ всѣ измѣненія въ атмосферѣ и по признакамъ времени умѣли судить о близости царства Мессіи и суда надъ родомъ развращеннымъ: то не имѣли бы нужды ни въ какихъ новыхъ знаменіяхъ ни небесныхъ, ни земныхъ. Впрочемъ, прибавилъ Господь, и сему роду будетъ знаменіе—знаменіе Іоны пророка.

А ученикамъ, во время отправленія отсюда, по случаю сего вопроса, сказалъ загадочно: берегитесь вы закваски фарисейской и саддукейской, указывая на ученіе и лицемѣріе ихъ (Мѳ. 16, 12; Мар. 8, 15. Лук. 12, 1).

Въ Виѳсаидѣ исцѣлилъ слѣпаго, но такъ же,

какъ прежде глухаго послѣ нѣсколькихъ необыкновенныхъ пріемовъ и воспретилъ разглашать о Себѣ. А Самъ, совершивъ такимъ образомъ обходъ по сѣвернымъ предѣламъ Галилеи и возвратившись къ морю, откуда (именно отъ Капернаума) началъ свое путешествіе, снова отправляется внутрь Кесаріи Филипповой. Это путешествіе съ другими событіями, съ нимъ соединенными, составляетъ заключеніе торжественныхъ дѣйствій Господа въ Галилеи и описано у всѣхъ трехъ евангелистовъ. Между сими событіями—главное преображеніе Господне.

Крестившись отъ Іоанна въ пустынѣ Іудейской, вступивъ въ Свое служеніе торжественно въ Іерусалимѣ, въ первый праздникъ пасхи послѣ крещенія, около восьми мѣсяцевъ потомъ проведши въ Іудеѣ, Господь избралъ главнымъ мѣстомъ Своего дѣйствованія Галилею, и вотъ уже истекалъ другой годъ Его здѣсь дѣйствованія. Въ продолженіе сего времени мы видимъ Его одинъ разъ въ Іерусалимѣ, но въ сердцѣ Своемъ неоднократно Онъ имѣлъ желаніе собрать чадъ его, какъ кокошъ собираетъ птенцовъ своихъ и только вражда противъ Него властеначальниковъ іудейскихъ останавливала Его доселѣ.

Между тѣмъ въ Галилеѣ все время проводилъ Онъ въ проповѣдываніи народу Евангелія царствія небеснаго, въ цѣленіи недуговъ всякаго рода и въ образованіи Своихъ апостоловъ. Начавъ съ краткой проповѣди Іоанновой: *покайтеся, приближися бо царствіе небесное*, Онъ развилъ ее въ обширное и всеобъемлющее ученіе для всѣхъ народовъ; изъяснилъ требованія для желающихъ вступить въ сіе царствіе и быть его членами (нагорная бесѣда), показалъ отношеніе закона сего царствія къ закону іудейскому и преданіямъ старцевъ и раскрылъ лицемѣріе и пустосвятство прежнихъ мнимо-святыхъ ру-

ководителей народа іудейскаго, объяснилъ отношеніе къ сему царствію служенія Іоаннова и служенія собственнаго, предъизобразилъ открытіе сего царства на землѣ, его судьбу, борьбу со врагами и торжество, обличалъ невѣріе, призывалъ къ вѣрѣ въ Сына человѣческаго и Его Божественную власть и силу и таинственно указывалъ на Свою смерть, спасительную для цѣлаго міра. Возбуждая и укрѣпляя вѣру, творилъ чудеса: врачевалъ всякаго рода болѣзни тѣлесныя, изгонялъ духовъ изъ бѣсноватыхъ, воскресилъ умершаго юношу и умершую дѣвицу, разъ укротилъ Онъ море и вѣтры, въ другой—шелъ по водамъ, какъ по сушѣ, двукратно напиталъ тысячи народа скудными хлѣбами. Приблизивъ къ Себѣ въ особенности 12 изъ Своихъ послѣдователей, святымъ Своимъ примѣромъ образовывалъ и приготовлялъ ихъ къ великому служенію послѣ Себя, нарекъ ихъ своими апостолами, открывалъ и объяснялъ имъ тайны царствія небеснаго, исправлялъ ихъ прежнія заблужденія и неправильныя движенія сердца, сообщилъ имъ силу чудотвореній и далъ имъ совершить примѣрный опытъ своего будущаго служенія. Вотъ что совершалъ Онъ въ Галилеѣ.

Жители Галилеи и прочіе Іудеи пришли въ движеніе. Они собирались къ Нему, чтобы слышать Его наставленія, приносили къ Нему своихъ больныхъ, послѣдовали за Нимъ въ Его путешествіяхъ. Вездѣ говорили о Немъ, какъ о великомъ пророкѣ; одержимые духами и многіе больные исповѣдывали Его Сыномъ Божіимъ, Мессіею и одинъ разъ нѣсколько тысячъ близъ озера Геннисаретскаго готовы были провозгласить Его своимъ царемъ, но въ тоже время книжники и фарисеи, особенно іерусалимскіе, старались унижать Его въ народѣ, Его жизнь, Его чудеса, Его учениковъ; искушали Его вопросами и тре-

бованіемъ знаменій; искали Его жизни при помощи Иродіанъ. Съ другой стороны ученики Господа, хотя и многаго еще не понимали въ дѣйствіяхъ и даже словахъ Его, особенно потому, что заражены были предразсудками іудейскими, но были привязаны къ Нему всею душею, пріучались повиноваться Ему безпрекословно, и болѣе или менѣе начинали сознавать Божественное достоинство своего наставника, считая Его обѣтованнымъ Мессіею.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находимъ Господа при концѣ Его галилейскаго поприща.

Когда Онъ шелъ къ Кесаріи, то, обращая вниманіе на сіе положеніе, Онъ спросилъ Своихъ учениковъ, за кого принимаютъ Его, Сына человѣческаго въ народѣ? Онъ предложилъ сей вопросъ не по невѣдѣнію (см. подоб. Марк. 8, 19. 20. Іоанн. 6, 6.), но для того, чтобы воспользоваться симъ случаемъ къ обнаруженію ихъ собственнаго понятія о лицѣ Его и сообщить нѣкоторыя новыя истины. Отвѣтъ на это былъ незатруднителенъ. Апостолы, близко обращаясь съ народомъ, слѣдовавшимъ за Господомъ и сами проповѣдывавшіе Евангеліе по городамъ іудейскимъ, могли слышать различные отзывы и мнѣнія объ Іисусѣ. Ученики отвѣчали, что одни принимаютъ Его за Іоанна Крестителя, воскресшаго изъ мертвыхъ; другіе—за Илію, иные—за Іеремію, иные—за кого нибудь изъ древнихъ пророковъ (Лук. 9, 8. 19.). Изъ этихъ отзывовъ открывалось, что явленіе Іисуса вообще признавали необычайнымъ, но не такимъ, каково оно было въ дѣйствительности. Изъ новыхъ ли, изъ древнихъ ли, только это, — думали,—не болѣе, какъ воскресшій или по крайней мѣрѣ духовнымъ наитіемъ дѣйствующій въ Іисусѣ прежній пророкъ,— предтеча Мессіи, не самъ Мессія. Откуда Мессія придетъ, мы не знаемъ, а сего знаемъ, откуда Онъ.

Мессія придетъ во славѣ, а не въ такомъ видѣ: вотъ разсужденія народныя. — (Объ Іереміи см. 2 Макк. 2, 7. 8. 15, 14.; изъ другихъ пророковъ ожидали еще и Исаію. 3 Ездр. 2, 18. За Іоанна Крестителя признавалъ Іисуса Иродъ конечно съ своею партіею. Иліи ожидали предъ пришествіемъ Мессіи, утверждаясь на словахъ Малахіи; признававшихъ Іисуса за Мессію не было столько, чтобы на нихъ можно было указать, какъ на эти отдѣльныя партіи). — За кого же признаете Меня вы?—спросилъ ихъ далѣе Господь.—На это прежде всѣхъ отвѣчалъ Петръ: Ты Христосъ (Мессія), Сынъ Бога живаго.—Въ этомъ отвѣтѣ кромѣ существеннаго различія въ сужденіи о служеніи Іисуса (не предтеча Онъ, а самъ Мессія), ясно выражалось знаніе Божественнаго Его происхожденія, отличное отъ обыкновенныхъ іудейскихъ понятій о лицѣ Мессіи. „Сынъ Бога живаго“ — Сынъ Божій, Котораго, по собственнымъ словамъ Его, никто не могъ знать, кромѣ Бога Отца, видѣлъ теперь Себя постигнутымъ вѣрою любящаго ученика. Мнѣнія „плоти и крови“, людей, погруженныхъ въ земное и собственные его предразсудки не овладѣли его душею: не съ ними онъ совѣтывался, когда спрашивалъ самаго себя, кѣмъ онъ призванъ и кому онъ служитъ? Онъ внялъ гласу Отца въ дѣлахъ и словахъ Его Сына, вѣрно послѣдовалъ сему откровенію Отца о Сынѣ и былъ уже блаженъ вѣрою въ Него. И Господь сказалъ ему: блаженъ ты, Симонъ, что не плоть и кровь открыли тебѣ (о Мнѣ), но Отецъ Мой небесный“. Въ воздаяніе за сіе и Онъ изрекаетъ его новое имя въ царствіи своемъ. Скажу и я тебѣ: ты Петръ — не найду лучше для тебя имени, какъ заимствовавъ его отъ той самой истины, которая изречена устами твоими для всѣхъ, которая есть основный камень Моей церкви. *Созижду Церковь Мою и*

врата (вся сила) *адовы* не преодолѣютъ ея; *созижду*, буду защищать и въ тоже время *дамъ* тебѣ *ключи царства небеснаго* (которое есть таже церковь). Итакъ несмотря на то, что проповѣдь евангелія такъ мало еще понята и принята, царство небесное откроется, церковь созиждется и не разрушится; основаніемъ ея будетъ истина, изреченная устами Петра: только тотъ, кто имѣетъ вѣру во Христа, какъ Сына Бога живаго, будетъ принадлежать къ сему царству; зиждителемъ сего царства будетъ самъ Сынъ, Мессія, а первымъ приставникомъ его, хранителемъ ключей, имѣющимъ власть отверзать и затворять въ него входъ—Петръ.

Вѣра Петра была вѣрою и прочихъ апостоловъ и что предоставлялось одному, то усвоялось и другимъ. Однако и теперь Господь не повелѣлъ разглашать сего признанія за Мессію въ народѣ во избѣжаніе предпріятій, несогласныхъ съ Его святыми намѣреніями. Вмѣсто сего *открыто* возвѣстилъ имъ *въ первый разъ* о своихъ страданіяхъ и смерти въ Іерусалимѣ, какъ необходимомъ условіи къ открытію сего царства. Онъ указалъ, отъ кого надлежитъ ожидать Ему смерти—отъ старѣйшинъ, архіереевъ и книжниковъ: это всѣ члены Синедріона. Слѣдовательно смерть Его должна быть публичною, не тайною. Но Господь прибавилъ, что послѣ трехъ дней или въ третій день воскреснетъ.

Доселѣ Господь когда говорилъ о семъ ученикамъ или народу, то говорилъ таинственно. Онъ указалъ на это въ первое посѣщеніе храма Іерусалимскаго по вступленіи въ свое служеніе (*разорите храмъ сей*),—въ рѣчи къ фарисеямъ, требовавшимъ отъ него знаменія съ небеси (*знаменіе Іоны пророка*),—въ бесѣдѣ къ народу въ синагогѣ (о плоти и крови Своей). Назвалъ его и Іоаннъ Предтеча агнцемъ, подъемлющимъ на себя грѣхи міра. Но все это учениковъ не приготовило

еще слышать такое прямое возвѣщеніе о страданіяхъ и смерти Того, Кого они сейчасъ исповѣдали Мессіею. Они вѣрили вмѣстѣ съ прочими Іудеями, что Христосъ пребываетъ во вѣки (Іоан. 12, 34). Въ особенности Петръ, болѣе другихъ горячій и живой и болѣе другихъ возвышенный теперь Господомъ, считалъ теперь въ правѣ сказать Ему, что ежели и есть въ нерасположеніи враговъ Его что нибудь непріятное, все однакоже такія опасенія чрезмѣрны. Взявши особо своего Наставника, онъ сталъ говорить Ему: не будетъ этого съ Тобою, Господи, и слова его казалось могли находить себѣ подкрѣпленіе въ силѣ знаменій и чудесъ, которыя были чрезвычайны и которыхъ только и требовали враги Его. Петръ по откровенію Отца зналъ и не ошибался въ томъ, что было ему открыто; но не зналъ и легко могъ ошибиться въ томъ, что ему не было открыто. Онъ разсуждалъ по человѣчески. Такимъ образомъ въ словахъ Петра повторилось второе изъ искусительныхъ предложеній въ пустынѣ іорданской: *аще Сынъ еси Божій, вержися долу*.... Господь отвергъ сей соблазнъ съ такою же силою и необыкновенностію, съ какою отразилъ Онъ слова искусителя въ пустынѣ: *иди за мною сатана*. Ты мыслишь человѣческое, прибавилъ Онъ, а не Божіе. Ты не думаешь, что все сіе предусмотрѣно и предустроено Самимъ Отцемъ Моимъ, хотя и должно совершиться безъ всякаго стѣсненія свободы людей. Но такъ какъ необходимость страданія и смерти, по обстоятельствамъ времени и по самому естеству дѣла, должна была распространиться и на послѣдователей Христовыхъ, если не всегда въ дѣйствительномъ значеніи, то всегда въ духовномъ, между тѣмъ мысль о страданіи и смерти могла казаться странною и несовмѣстною съ представленіемъ о царствѣ Христовѣ и не одному Петру; то Господь, оставляя рѣчь о Себѣ,

и обращаясь къ окружающимъ Его Апостоламъ и постороннимъ, вслухъ всѣхъ объявилъ: кто хочетъ идти за Нимъ, тотъ пусть отвергнется Себя и возьметъ крестъ свой и тогда уже идетъ за Нимъ. Кто этого постыдится, того постыдится и Сынъ человѣческій, когда придетъ въ славѣ Своей и Отчей и св. ангеловъ.

Въ сихъ словахъ Господь прибавилъ новую черту къ пророческому изображенію своихъ страданій (крестъ), съ другой стороны въ подкрѣпленіе грядущихъ по Немъ Онъ возвѣстилъ скорое явленіе свое во славѣ на землѣ. Присовокупивъ, что царствіе Божіе вскорѣ откроется на землѣ, Онъ сказалъ: нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь еще не вкусятъ смерти [1]), какъ увидятъ царствіе Божіе въ силѣ (теперь оно еще не въ силѣ).

Все это только болѣе служитъ къ подтвержденію сказаннаго Господомъ о Самомъ Себѣ, что ему нужно страдать и умереть. Нельзя было не вѣрить этому, но и не легко было отказаться отъ общаго народнаго мнѣнія о Мессіи, съ которымъ такія страданія были вовсе несообразны. Итакъ бесѣда сія глубоко должна была пасть на сердце особенно ближайшихъ Господу апостоловъ, которые съ большею горячностію и любовію раздѣляли нетерпѣливое желаніе видѣть Іисуса въ славѣ, въ откровеніи Его царства на землѣ.

Чтобы бесѣда сія имѣла еще сильнѣе дѣйствіе на ихъ сердце, Господь на нѣсколько дней предоставилъ ихъ самимъ себѣ, не помогая имъ въ разрѣшеніи ихъ недоумѣній, далъ испытать имъ въ себѣ продолжительную борьбу вѣры въ Него, какъ Сына Божія,

---

[1]) Выраженіе: не увидятъ смерти—показываетъ, что нельзя искать исполненія сего предсказанія въ Преображеніи Господнемъ. Надобно искать происшествія болѣе отдаленнаго по времени, но не далѣе предѣловъ жизни человѣческой.

и прежнихъ понятій о Мессіи съ мыслью о Его страданіяхъ и смерти. Наконецъ спустя шесть дней послѣ этой бесѣды беретъ онъ съ собою на одну гору трехъ изъ своихъ апостоловъ, не объявляя никому для какой цѣли. Избранные были Петръ и два брата—Іаковъ и Іоаннъ—первые въ чинѣ апостольскомъ: Петръ первый изъ апостоловъ, открыто исповѣдовавшій Іисуса Христомъ, Сыномъ Божіимъ, и всѣхъ живѣе принявшій къ сердцу слова Господа о Его страданіяхъ, Іаковъ и Іоаннъ, которыхъ Господь назвалъ сынами грома, готовые испить чашу страданій за имя Его (когда Господь объявилъ, чтобы всякій желающій послѣдовать Ему, непремѣнно взялъ свой крестъ). На горѣ Господь приступилъ къ молитвѣ; вѣроятно и апостоламъ было сказано, что и они призваны сюда для того же (подобное въ саду Геѳсиманскомъ и слова св. Луки подкрѣпляютъ эту догадку (9, 28). И здѣсь молитва предъ словомъ объ *исходѣ, его же хотяше скончати во Іерусалимѣ*. Только это предвареніе подвига Геѳсиманскаго). Однако же они не могли пребыть въ семъ подвигѣ столько же времени, сколько Іисусъ, и заснули. Вдругъ пробуждаетъ ихъ не свѣтъ лучей солнечныхъ, но свѣтъ славы, облекающей Іисуса. Оставили одного на молитвѣ,—видятъ съ Нимъ еще двухъ мужей также во свѣтѣ славы—Моисея и Илію. Черты лицъ ихъ не были имъ извѣстны. Лице самого Іисуса измѣнилось, однакоже отраженіе славы Господней могло столько просвѣтить ихъ очи тѣлесныя и духовныя, чтобы узнать своего Господа, Христа, Мессію и при Немъ постановителя закона—Моисея и представителя пророковъ и предтечу Мессіи—Илію. Видѣніе было не мгновенное и они постигали не только видимое, но введены были хотя на краткое время въ тайную бесѣду Христа съ пришельцами того міра. Земные свидѣтели сего явленія и бесѣды слы-

шали съ изумленіемъ подтвержденіе словъ Господа о страданіяхъ такъ сказать изъ устъ закона и пророковъ. Все сіе событіе столько было для нихъ необычайно, что Петръ, всегда первый въ словѣ и въ дѣлѣ, въ смѣшеніи всѣхъ своихъ ощущеній и мыслей, смущенный опасностію, ожидающею Господа въ Іерусалимѣ, и не желая лишиться блаженства, которое ощущалъ теперь, предлагаетъ Господу устроить для Него и для небожителей три кущи, подлинно не зная самъ, что говоритъ. Въ одномъ только былъ онъ вѣренъ себѣ—въ любви къ Господу, Котораго видѣлъ въ славѣ, съ Которымъ не хотѣлъ разстаться, въ любви полной до забвенія о себѣ (ни себѣ, ни Апостоламъ—ни одной кущи). Но это явленіе было еще приготовленіемъ къ новому, славнѣйшему. Когда Моисей и Илія готовились уже оставить Господа съ учениками Его, внезапно осѣняетъ ихъ облако, не такое мрачное облако, въ какомъ сходилъ Богъ на Синай, неся съ Собою законъ, въ какое вступалъ тогда Моисей, — облако свѣтлое,—и гласъ изъ облака, слышанный Іоанномъ на Іорданѣ при вступленіи Господа въ служеніе и теперь повторенный предъ приближающимся заключеніемъ сего служенія. Но теперь Отецъ Небесный дополнилъ: *Того послушайте*, т. е. вотъ вамъ вмѣсто закона и пророковъ, которые удаляются. Апостолы въ страхѣ пали ницъ и уже не видали, какъ сокрылось облако, какъ отошли небожители. Они тогда уже пришли въ себя, какъ Іисусъ, подошедши къ нимъ, лежащимъ ницъ, возставилъ ихъ рукою Своею, подобно какъ нѣкогда Даніила мужъ, явившійся ему (Дан. 10, 8. 9).

Итакъ, что же слышали теперь самовидцы славы Іисуса? Они слышали, какъ Отецъ, о Которомъ такъ часто говорилъ Іисусъ, Самъ свидѣтельствовалъ о Немъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, — и одна-

ко же слышали вмѣстѣ, что въ Іерусалимѣ ожидаетъ Его исходъ.

Итакъ Сынъ человѣческій готовится уже къ своему исходу въ Іерусалимѣ!

Сходя съ горы, и Господь и апостолы вступали, такъ сказать, въ прежнія свои отношенія и Господь не повелѣлъ своимъ ученикамъ открывать тайны видѣнія до Его воскресенія изъ мертвыхъ. Въ апостолахъ—Петрѣ, Іаковѣ и Іоаннѣ снова—было возбудилось недоумѣніе: что такое значитъ *воскреснуть изъ мертвыхъ*? Однако же они не стали спрашивать объ этомъ Господа, можетъ быть, опасаясь оказаться предъ Нимъ невнимательными. А занятые ожиданіемъ скораго явленія царства Христова, (которому уже надлежало вскорѣ, какъ сказалъ Господь, открыться въ силѣ), они обратили вниманіе на Илію, котораго видѣли на горѣ. Книжники говорили, что Иліи надлежитъ придти прежде Мессіи и устроить все: должно ли настоящее явленіе Иліи считать за обѣщанное, или ожидать другаго? Вотъ что занимало учениковъ. Господь отвѣчалъ имъ на этотъ вопросъ, предложенный нарочно съ указаніемъ на книжниковъ такими словами, которыми разрушались обыкновенныя іудейскія представленія какъ о царствѣ Мессіи, такъ о явленіяхъ, ему предшествующихъ. Онъ далъ имъ разумѣть, что ни явленію Иліи не должно приписывать такого значенія, какое обыкновенно даютъ ему Іудеи, ни другаго чувственнаго явленія его ожидать не должно,—но все должно разумѣть духовно.

Иліи точно надлежало придти прежде Его, — это основано на пророчествѣ Малахіи; онъ долженъ былъ устроить все для Мессіи. Въ этомъ книжники правы. Но они не правы, когда разумѣютъ это о плотскомъ явленіи и дѣйствіи Иліи. Илія дѣйствительно уже пришелъ—въ Іоаннѣ: только поступили съ Нимъ, какъ

хотѣли, впрочемъ также согласно съ предсказаніями Писанія [1]) (Марк. 9, 12—13). Также не узнаютъ они и Сына человѣческаго, но поступятъ съ Нимъ по волѣ своей. Но Онъ будетъ страдать, какъ предтеча Его.

Подъ горою Преображенія ихъ ожидало явленіе совсѣмъ инаго рода. Они видѣли: собралась многочисленная толпа народа; среди нея прочіе апостолы (оставленные ими здѣсь) въ спорѣ съ книжниками; споръ, какъ видно, происходилъ изъ-за того, что апостолы не могли исцѣлить одного бѣсноватаго, приведеннаго, какъ кажется, къ нимъ; они хотѣли дѣйствовать силою одного имени Іисусова; но на этотъ разъ по слабости ихъ вѣры такое дѣйствіе оказывалось безуспѣшнымъ. Имъ надлежало бы употребить болѣе дѣйствительныя мѣры для сего: приготовить себя надлежащимъ образомъ постомъ и молитвою къ тому, чтобы въ устахъ ихъ оказало всю свою силу имя Іисуса. Но они сего не сдѣлали. Между тѣмъ книжники обращали это, какъ видно, въ укоризну и доказательство безсилія Самаго Іисуса [2]) и успѣли

---

[1]) Гдѣ же говорится о страданіяхъ Іоанна? Конечно—въ исторіи Иліи. Его судьба—пророчество о судьбѣ Іоанна. Замѣтимъ, что и Ахаавъ и Іезавель съ одной стороны, а съ другой—Иродъ и Иродіада соотвѣтствуютъ другъ другу въ гоненіи на пророковъ Божіихъ. Только, что не успѣли совершить первые надъ Иліею, поелику онъ удалился изъ Іезраели, то исполнили съ Іоанномъ послѣдніе. И изображеніе Ирода (Марк. 6, 20) идетъ къ характеру Ахаава.

[2]) На это указываетъ Господь въ словахъ: *о, роде невѣрный и развращенный*, которыя не должно относить къ однимъ апостоламъ, но конечно всего болѣе къ книжникамъ и къ увлеченнымъ на ихъ сторону изъ народа, въ числѣ которыхъ можно отчасти полагать и самаго отца этого несчастнаго. Ев. Маркъ говоритъ только объ упрекѣ апостоламъ въ недостаткѣ молитвы и поста. Да и нѣтъ примѣровъ такихъ сильныхъ упрековъ апостоламъ предъ народомъ. Между тѣмъ въ отношеніи къ книжникамъ и фарисеямъ это выраженіе: о, родъ невѣрный и развращенный—употреблялось уже не разъ(Мѳ. 11 гл. 15 гл.). Если бы слова: родъ невѣрный—относились собственно къ апостоламъ, то они послѣ не спрашивали бы, почему не изгнали духа.

этимъ возмутить нѣкоторыхъ. Вотъ что было подъ горою! Народъ, какъ скоро увидѣлъ Іисуса, идущаго съ горы, бросился къ Нему на встрѣчу, привѣтствуя Его. Споръ съ книжниками все еще продолжался. Подошедши ближе, Господь спросилъ не учениковъ своихъ, а книжниковъ: о чемъ вы спорите съ ними? Но у нихъ, какъ видно, не было на это приготовлено отвѣта. За нихъ сталъ отвѣчать отецъ бѣсноватаго: объяснивъ болѣзнь своего сына и ея припадки, онъ прибавилъ, что привелъ—было его къ ученикамъ Его, но ученики не могли исцѣлить его. (Отецъ теперь еще не проситъ помощи у Іисуса: видно, что теперь онъ не думалъ получить и отъ Него помощи). Выслушавъ сіе и обративъ все вниманіе на причину сего безсилія и на виновниковъ смущенія и соблазна, Господь съ строгимъ обличеніемъ произнесъ: *О, роде невѣрный и развращенный! доколѣ буду съ вами, — доколѣ буду терпѣть васъ?* Каждый зналъ по себѣ, къ кому относился упрекъ сей. Потомъ велѣлъ бѣсноватаго привести предъ Себя. Предъ Нимъ ударило его о землю, и онъ валялся, испуская пѣну. Господь не вдругъ еще приступилъ къ исцѣленію. Чтобы сила чудодѣйственная была для всѣхъ очевиднѣе, Онъ спрашиваетъ у отца, какъ давно это съ нимъ случается. Тотъ отвѣчалъ, что издѣтства, описывалъ, съ какими опасностями соединены эти припадки и заключилъ такими словами: „если можешь *сколько нибудь*, умилосердись надъ нами, помоги намъ“. На это Господь, желая ободрить и вызвать вѣру въ отцѣ, сказалъ: если можешь *сколько нибудь* вѣрить, все возможно вѣрующему“. Не сказалъ: Мнѣ все возможно, но отвѣчалъ такъ, что соразмѣрно его вѣрѣ можетъ быть сильна и Его помощь. Возбужденный обличеніемъ въ невѣріи, внимательностію Господа къ болящему и этимъ обѣщаніемъ, отецъ со слезами теперь

сталъ просить: вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію. (Вѣрую, но самъ чувствую, что еще не имѣю такой вѣры, какой было бы нужно,—но помоги моему невѣрію). Внявъ смиренной молитвѣ, Господь повелѣлъ духу выйти вонъ изъ одержимаго имъ юноши и послѣ страшнаго потрясенія возвратилъ больнаго здоровымъ.

Наединѣ послѣ спрашивали Его ученики, отъ чего они не могли изгнать бѣса? Господь объяснилъ, что это происходило съ одной стороны отъ невѣрія, съ другой отъ недостатка поста и молитвы. (Постъ нуженъ для усиленія молитвы).

Удалившись отъ сего народнаго собранія, Господь продолжалъ совершать свой путь въ неизвѣстности. Проводя болѣе времени съ учениками, отъ времени до времени Онъ повторялъ имъ, что Сынъ человѣческій будетъ преданъ въ руки человѣческія и убьютъ Его и по убіеніи въ третій день Онъ воскреснетъ. Ученики все еще не разумѣли сего. Слыша о прискорбной будущности, печалились, но не смѣли спросить Самаго, что это значитъ и для чего это нужно.

Они шли въ Капернаумъ. На пути возникъ между апостолами вопросъ: кто изъ нихъ больше въ царствіи небесномъ—Мессіи [1])? Какой поводъ былъ къ этому вопросу и кто какъ рѣшалъ его, не видно. Но что касается до перваго обстоятельства, то соображая предъидущее, можно полагать, что началомъ вопроса было отличіе, оказываемое Господомъ нѣкоторымъ изъ апостоловъ и въ особенности недавнее удостоеніе трехъ: Петра, Іакова и Іоанна—уединенной молитвы съ Собою. Разсужденіе превратилось въ споръ: видно, нѣкоторые неумѣренно хотѣли выставлять соб-

---

[1]) Существовало ли на самомъ дѣлѣ примѣчаемое въ порядкѣ исчисленія апостоловъ у первыхъ евангелистовъ и въ книгѣ Дѣяній—раздѣленіе ихъ на три класса?—Повидимому настоящій вопросъ о томъ, кто больше,—не допускаетъ сего.

ственныя заслуги. Господь, можетъ быть, по причинѣ присутствія при семъ постороннихъ, не вступалъ въ ихъ разговоръ и не останавливалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи тѣмъ сильнѣе дать наставленіе хвалящимся своими достоинствами и тѣмъ приводящимъ другихъ ко грѣху. Между тѣмъ лишь только пришли въ Капернаумъ, приступили къ Петру сборщики дани въ пользу храма Іерусалимскаго съ вопросомъ: не дастъ ли Учитель вашъ слѣдующей съ Него части въ пользу храма, такъ какъ уже Онъ давно живетъ въ Капернаумѣ? Требованіе выражено было въ видѣ вопроса или съ искушеніемъ или, по крайней мѣрѣ, съ неувѣренностію въ успѣхѣ. Можно было думать, что Іисусъ, объявляя Себя за Мессію, какъ говорилъ по мѣстамъ въ народѣ, и называясь Сыномъ Божіимъ, не признаетъ Себя обязаннымъ платить эту дань. Петръ въ это не вникнулъ, а можетъ быть разсуждая, что Господь и въ другихъ случаяхъ исполняетъ требованіе закона или страшася непріятныхъ слѣдствій въ случаѣ отказа, немедленно обѣщалъ полдидрахмы отъ Іисуса. Но еще не успѣлъ онъ, вошедши въ домъ, объявить объ этомъ Іисусу, какъ Господь предупредилъ его вопросомъ: какъ тебѣ кажется Симонъ, (не называетъ уже Петромъ. Это не Петръ обѣщался), цари земные съ кого берутъ дань или подать? — Съ сыновъ ли своихъ или съ чужихъ? т. е. ты обѣщался за Меня, что я отдамъ на равнѣ съ прочими полдидрахмы сборщикамъ храма? Но чей этотъ храмъ? Не Отца ли Моего? Давно ли ты слышалъ, какъ онъ назвалъ Меня Сыномъ Своимъ? И Отецъ Мой будетъ съ Меня требовать дани? Съ чѣмъ это сообразно? Однакоже, чтобы не соблазнить намъ другихъ, поди возьми изъ сокровищницы Отца Моего дань въ пользу Его дома. Я столько щедръ, что позволяю тебѣ взять и для

себя оттуда же. Поди на озеро; закинь уду; и въ первой рыбѣ, которую поймаешь, найдешь динарій, котораго будетъ достаточно для дани съ насъ обоихъ.

Послѣ сего, оставшись безъ постороннихъ, Господь обратился къ предмету, занимавшему учениковъ на пути. Онъ хотѣлъ слышать собственное признаніе ихъ въ этомъ. Виноватые стыдились отвѣчать, разумѣли, что Господу также это извѣстно, какъ и то, что Петръ безъ вѣдома Его далъ обѣщаніе неприличное: наконецъ Господь, уже показавши примѣръ самоуничиженія въ согласіи на требованіе не слѣдующей съ него дани, хотѣлъ имъ еще разительнѣе раскрыть необходимость этой черты въ характерѣ Его послѣдователей, ихъ самихъ. Взявъ дитя и поставивъ его между ними (это былъ, по преданію, Игнатій Богоносецъ) сказалъ: всѣмъ вамъ надобно сдѣлаться дѣтьми въ духѣ, чтобы быть истинными членами царства небеснаго, царства Мессіи—столько же простыми и безпритязательными; а кто хочетъ быть большимъ предъ прочими, тому надобно умалиться до возраста этого младенца (*яко отроча сіе*: чѣмъ болѣе кто будетъ исполненъ дѣтскимъ чувствомъ, чѣмъ менѣе будетъ думать о себѣ и о своемъ достоинствѣ, тѣмъ онъ болѣе). Иначе: кто хочетъ быть первымъ, тотъ будь изъ всѣхъ послѣдній и всѣмъ слуга (Марк. 10,35). Смиреніе Сына человѣческаго не позволило прибавить въ урокѣ о смиреніи примѣра единственнаго смиренія въ Немъ самомъ.—Потомъ съ нѣжною любовію обнявъ дитя, прибавилъ еще: и я также лобызаю того, кто приметъ это отроча во имя Мое, какъ посланника Моего, какъ и Того, кто принимаетъ васъ,—Петра или Андрея, Филиппа или Ѳому. Дѣло не въ лицѣ посланника, а въ *имени* пославшаго. Такъ смотритъ на всѣхъ и Отецъ Мой.

Къ чему же вамъ искать первенства одному передъ другимъ?

Когда Господь заключилъ такимъ образомъ важность посланника только въ *имени* пославшаго, то Іоаннъ, одинъ изъ первыхъ апостоловъ сказалъ, что онъ вмѣстѣ съ другимъ (вѣроятно) недавно встрѣтилъ такого человѣка, который *именемъ* Іисуса изгонялъ бѣсовъ, но не принадлежалъ къ ихъ обществу и они запретили ему творить это впередъ. Дѣтски искренняя исповѣдь!

Господь отвѣчалъ: не запрещайте: ибо никто, сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ вскорѣ злословить Меня. Къ чему вамъ, дѣйствующимъ силою одного и того же *имени*, такъ неравнодушно смотрѣть другъ на друга? Онъ не ходитъ съ вами, но знаете ли вы, въ какомъ союзѣ онъ состоитъ со Мною? Я васъ увѣрю, что кому дана такая сила Богомъ, тотъ хотя и можетъ отступать совсѣмъ отъ Меня какъ и другіе (теперь состоящіе въ союзѣ со Мною, напр. Іуда), по крайней мѣрѣ не можетъ вскорѣ сдѣлаться такимъ отступникомъ: его удерживать будетъ при Мнѣ самая эта сила чудотвореній. А между тѣмъ онъ и вамъ полезенъ: онъ можетъ распространять въ пользу вашу славу имени Моего. Кто не противъ васъ, тотъ за васъ. Поэтому еще повторяю, кто не только что приметъ васъ, кто бы вы ни были, но даже если только напоитъ васъ чашею студеной воды во имя Мое, за то, что вы Христовы: истинно говорю вамъ-не лишится мзды своей.

Раскрывая мысль о необходимости самоуничиженія и разрѣшивъ вопросъ, предложенный Іоанномъ, Господь переходитъ къ объясненію того, какъ надобно быть осторожну, чтобы не привести въ соблазнъ кого бы то ни было, даже малѣйшаго члена царства Христова: можетъ быть это было все еще продолже-

ніемъ обличенія спора, бывшаго на пути, который не могъ обойтись совсѣмъ безъ соблазна ко грѣху въ нѣкоторыхъ.

Также какъ дорого предо Мною всякое расположеніе и готовность принять посланника во имя Мое, хотя бы то было дитя, также объявляю Я: горе тому, кто бы вздумалъ отвести отъ Меня, соблазнить кого бы то ни было изъ членовъ Моего царства, хотя бы то былъ самый меньшій между вѣрующими. Такого поступка нельзя сравнить даже и съ такимъ тяжкимъ преступленіемъ, за которое, привязавъ на шею преступника большой мельничный камень, (который можетъ привести въ движеніе только оселъ), бросаютъ въ море. Еслибы еще можно было только сему подвергнуться, то это было бы легко. Горе міру (всему, что имѣетъ въ себѣ хотя сколько нибудь мірскаго) отъ соблазновъ. И хотя надобно придти соблазнамъ: но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ (Мат. 18, 6—14. Марк. 9, 49. 50.).

Для ограниченія заразительной пагубы соблазна Господь предлагаетъ два наставленія; каждый будь внимателенъ и строгъ къ самому себѣ; коль скоро кто замѣчаетъ въ себѣ дѣйствіе соблазна, удаляйся отъ того, что соблазняетъ, чего бы то ни стоило. (Если соблазняетъ тебя рука или нога: отсѣки ихъ. Если глазъ—вырви его): иначе предстоитъ опасность быть ввергнуту въ геенну огненную. Конечно, такія пожертвованія больны. Но, продолжаетъ Господь, всякая жертва солію осолится. Безъ этого нельзя; надобно терпѣть огонь болѣзни, если не хочешь тамъ,-то здѣсь. Какъ въ храмѣ всякая жертва, приготовляемая Богу, солится солію, такъ всякій человѣкъ, внутренно приносящій себя на жертву Богу, долженъ внутренно осолиться: иначе онъ сгніетъ въ своихъ

страстяхъ. Особенно должны смотрѣть за этимъ тѣ, которые сами назначены быть солію міра.—*Соль добро, аще же соль не слана будетъ, чѣмъ осолится?*— Итакъ, заключилъ Господь это наставленіе, имѣйте, сохраняйте въ себѣ силу соли—для себя и для другихъ, и прилагая это наставленіе къ самому случаю,— прибавилъ: *имѣйте миръ между собою.* Къ чему спорить, раздражать другъ друга и этимъ возбуждать соблазнъ вражды?

Другое наставленіе относилось собственно къ осторожности въ отношеніи къ постороннимъ: когда грозитъ опасность грѣху твоему сдѣлаться соблазномъ для другихъ: то ни чѣмъ не пренебрегай, не разсчитывай: при такомъ-то я могу такъ поступить, онъ ничего не значитъ. Малъ ли онъ, когда ангелу его дано всегда видѣть лице Отца Небеснаго? Малъ ли онъ, когда Самъ Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти его прежде погибшаго? И заключилъ это наставленіе притчею объ овцѣ погибшей и обрѣтенной.

Вотъ рядъ дѣйствій и наставленій, составляющихъ заключеніе Галилейскаго поприща Іисуса Христа. Начиная съ отправленія по Кесаріи и вопроса о томъ: *кого Мя глаголютъ быти человѣцы*, — до ученія о храненіи отъ соблазновъ и причти о взысканіи погибшаго Сыномъ человѣческимъ, все связано между собою тѣснымъ внутреннимъ союзомъ (18, 15—20. 21—35.). Къ этому евангелистъ Матѳей присовокупляетъ еще ученіе о томъ, какъ надлежитъ поступать въ отношеніи къ причиняющимъ обиду—въ томъ случаѣ, когда оскорбившій не хочетъ сознать своей вины и въ томъ случаѣ, когда сознаетъ ее и проситъ прощенія. Въ первомъ случаѣ предлагается нѣсколько постепенно усиливаемыхъ мѣръ къ вразумленію оскорбившаго; въ послѣднемъ безграничное прощеніе.

Было ли это произнесено Господомъ тогда же, трудно рѣшить. Если принимать во вниманіе то, что было говорено Спасителемъ выше и что случилось между апостолами: по видимому можно найти между тѣмъ и другимъ связь. Однако же ни св. Лука, ни св. Маркъ этой бесѣды при настоящемъ случаѣ не передаютъ. Она отчасти даетъ объясненіе на то, когда надлежитъ пользоваться апостоламъ своимъ правомъ вязать и рѣшить и изображаетъ третью высокую черту въ духѣ послѣдователя Христова, въ его отношеніяхъ къ своему ближнему (первая, — вышеизложенная, — самоуничиженіе, вторая — строгая внимательность, чтобы не соблазнить кого). По этому *внутренняя* связь наставленій непрерывается, но имѣютъ ли они и внѣшнюю — историческую, это не видно изъ краткаго замѣчанія евангелиста о спорѣ апостоловъ между собою.

Впрочемъ оставляя поприще Галилейское, мы должны замѣтить, что не всѣ событія, тамъ случившіяся, намъ извѣстны. Что такое случилось въ Хоразинѣ, Виѳсаидѣ, Капернаумѣ — что могло бы вызвать такія строгія угрозы изъ устъ Господа (Лук. 10, 13—15.), — этого мы не знаемъ.

Послѣднее путешествіе Господа въ Іерусалимъ изъ Галилеи.

Оставляя Галилею съ намѣреніемъ принести Самаго Себя въ жертву за людей въ Іерусалимѣ и съ каждымъ днемъ приближаясь къ этому великому подвигу, въ продолженіе пути своего Господь постоянно имѣлъ въ виду то, чтобы устроить дѣло царства Своего, къ открытію его, по смерти Своей. Объявилъ новое приглашеніе къ сему царству всѣмъ неудостоившимся слышать первое, съ любовію принималъ всѣхъ

обращающихся, обличалъ гордыхъ и упорныхъ, наставлялъ апостоловъ, какими они должны быть и какъ должны дѣйствовать, раскрывалъ предъ ними понемногу завѣсу будущаго и всѣмъ давалъ разумѣть, что Онъ Самъ свободно идетъ въ Іерусалимъ на встрѣчу врагамъ своимъ.

Оставляя Галилею и предпринявъ послѣднее путешествіе въ Іерусалимъ, Господь снова хотѣлъ быть въ Самаріи, какъ Онъ былъ тамъ послѣ первой пасхи своего служенія. Но на этотъ разъ Его совсѣмъ не такъ приняли, какъ тогда. Тогда Онъ шелъ изъ Іерусалима, теперь въ Іерусалимъ: это было причиною возбужденія противъ Него народныхъ предразсудковъ и страстей. И двое изъ апостоловъ Его готовы были наказать неблагосклонныхъ жителей огнемъ небеснымъ, какъ Илія. Но Господь, вразумивъ ихъ наставленіемъ о разности времени и духа Иліи и настоящаго времени и духа, въ немъ дѣйствующаго,—остановилъ горячій порывъ ихъ ревности. Это дѣйствіе, показывающее кротость Божественнаго Пастыря Наставника, какъ бы нарочито стало во главу тѣхъ событій, которыя должны были заключиться смертію Богочеловѣка.

Съ цѣлію подѣйствовать на народъ іудейскій еще разъ проповѣдію о приближеніи царства Божія, Господь; избравъ еще 70 учениковъ (70—старѣйшинъ при Моисеѣ: также какъ и число 12-ти апостоловъ соотвѣтствуетъ числу 12 начальниковъ колѣнъ) отправилъ ихъ предъ Собою во всѣ города, которые намѣренъ былъ Самъ пройти. Избранные въ число сего новаго братства не должны были ничѣмъ стѣсняться или удерживаться въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Одинъ было просился похоронить прежде отца своего, другой проститься съ домашними своими:—Господь не позволилъ. При от-

правленіи, повторивъ имъ почти всѣ тѣже наставленія, какія и 12—ти, съ большею ясностію и подробностію говорилъ объ опасностяхъ, ожидающихъ ихъ и 12 апостоловъ особенно въ послѣдствіи и давалъ соотвѣтствующія сему наставленія и утѣшенія. Предостерегая отъ неумѣстныхъ дѣйствій ревности (подобныхъ вышеописанному), угрожалъ отмщеніемъ непокорнымъ и не внимательнымъ городамъ судомъ Божіимъ, вскорѣ имѣющимъ открыться (Лук. 10, 13—15).

Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ 70 апостоловъ возвратились къ Іисусу съ радостными вѣстями. Они съ дѣтскимъ удовольствіемъ разсказывали, какъ имъ повиновались и духи злые. Съ своей стороны Господь, разскрывъ причину слабости сатаны и сообщивъ имъ власть надъ всею силою вражіею, старался направить ихъ радость къ такимъ предметамъ, которые достойнѣе радости, именно,—что имена ихъ внесены въ книгу жизни на небесахъ Отцемъ Небеснымъ, что имъ, именно имъ, дано познать Его и въ Немъ Отца и въ этомъ познаніи дарована жизнь вѣчная (Іоан. 17,3). И Самъ, возрадовавшись духомъ о семъ, благодарилъ Отца за то, что Онъ раскрылъ сіе младенцамъ.

Вступая въ города, гдѣ проповѣдовали апостолы, Господь снова сталъ встрѣчаться съ фарисеями; получалъ отъ нихъ вопросы и давалъ отвѣты, обличалъ ихъ лукавство и лицемѣріе, тщеславіе и корыстолюбіе.

Что нужно мнѣ сдѣлать, чтобы спастись? спросилъ Его въ одномъ мѣстѣ законникъ. Господь въ отвѣтъ спросилъ: а чего требуетъ отъ тебя законъ? Законникъ отвѣчалъ: любви къ Богу и ближнему. (Такъ въ послѣдствіи Господь сокращалъ весь законъ въ двѣ заповѣди). Отвѣтъ былъ правиленъ и Господь

требовалъ, чтобы онъ только заботился объ исполненіи этихъ заповѣдей. Тщеславный законникъ, желая показать, что онъ не только знаетъ законъ, но и исполняетъ,—и въ тоже время, вѣроятно, по указанію Господа, обращая особенное вниманіе на послѣднее изъ этихъ требованій, предложилъ еще вопросъ: а кого должно считать подъ именемъ ближняго? — Господь отвѣчалъ на это притчею о Самарянинѣ, которая раскрывала, что естественное чувство, сохраняющееся во всякомъ (даже Самарянинѣ), указываетъ въ каждомъ, требующемъ помощи, нашего ближняго—безъ различія вѣры, званія и происхожденія.

Уклонившись на время въ весь, гдѣ жили двѣ знакомыя ему сестры Марѳа и Марія, здѣсь далъ разумѣть, что спокойное вниманіе Его слову для Него дороже, нежели всѣ самыя усердныя хлопоты о лучшемъ принятіи Его, какъ гостя. А въ обществѣ учениковъ Своихъ, по вопросу одного изъ нихъ, вѣроятно, изъ числа возвратившихся, 70, повторилъ данный имъ прежде образецъ молитвы съ наставленіемъ о томъ, въ какомъ расположеніи надлежитъ молиться (Лук. 11, 1—13).

Мы не повторяемъ Его отвѣтовъ на хулу фарисеевъ, которые приписывали силу изгонять бѣсовъ духу тьмы и приступили къ Господу съ требованіемъ знаменій (Мѳ. 12 гл.).

Одинъ фарисей приглашалъ Его къ себѣ за трапезу,—впрочемъ не по искреннему расположенію, а съ намѣреніемъ что нибудь замѣтить въ Его поступкахъ противное ихъ правиламъ. Господь, какъ бы не видя ничего коварнаго въ этомъ приглашеніи, пришелъ. Но тотъ тотчасъ замѣтилъ, что Спаситель приступилъ къ трапезѣ, не умывъ рукъ. Тогда Господь обратился къ нимъ съ обличеніемъ ихъ суесвятства. Обличалъ ихъ заботливость объ одной наружности

съ пренебреженіемъ внутренняго и указывалъ имъ на лучшее средство къ очищенію грѣховъ не на омовенія, но на милостыню.—Укорялъ ихъ мелочность, съ какою они отсчитывали храму десятину даже отъ огородныхъ растеній и пренебрегали высокія нравственныя требованія.—Порицалъ ихъ тщеславіе, съ какимъ они требовали себѣ чести и уваженія отъ народа, и сравнивалъ ихъ съ раскрашенными гробами, по которымъ люди ходятъ не думая, что это гробницы, и сквернятся.—Такія рѣзкія обличенія, касавшіяся цѣлой секты, заставили молчать виновныхъ, побудили присутствовавшаго здѣсь законника замѣтить: (т. е. учителя закона и преданій. Фарисей въ частнѣйшемъ смыслѣ означаетъ только человѣка слѣдующаго въ жизни своей извѣстнымъ правиламъ. Но не всякій фарисей былъ учителемъ.) Учитель, говоря такъ, ты и насъ обижаешь. Порицая правила жизни фарисеевъ, ты вмѣстѣ порицаешь и насъ, учителей ихъ, которые считаемъ себя преемниками пророковъ.

Господь не отрицалъ, что и дѣйствія законниковъ также противозаконны, какъ и тѣхъ, которые слѣдуютъ имъ. Онъ обличалъ суровость, съ какою предписывали они правила, сами ихъ не выполняя; и — тщеславіе, съ какимъ украшали гробницы пророковъ, своихъ предшественниковъ въ ученіи народа, тогда какъ по внутреннему ихъ состоянію, по той злобѣ, какою дышали они теперь противъ Іисуса и Его учениковъ, было справедливѣе почитать ихъ преемниками тѣхъ лжепророковъ и нечестивыхъ людей, которые нѣкогда умерщвляли пророковъ. Наконецъ, угрожая имъ гнѣвомъ Божіимъ за то, что взявъ себѣ ключи разумѣнія слова Божія ни сами не пользуются имъ, какъ истиннымъ руководителемъ къ царству Божію, ни другихъ не ведутъ при посредствѣ его.

Между тѣмъ какъ фарисеи и законники, призвав-

шіе Господа въ домъ своего собранія для искушенія, должны были слышать такія укоризны и обличенія и въ свою очередь старались пользоваться каждымъ словомъ Его, чтобы лукаво его превратить: собрался къ дому фарисея народъ во множествѣ. Оставя фарисеевъ, Господь обратился къ Своимъ ученикамъ и къ народу и продолжалъ свои наставленія по связи съ предъидущею бесѣдою.

Онъ замѣтилъ Своимъ ученикамъ еще разъ, какъ имъ должно остерегаться закваски фарисейской т. е. лицемѣрія, которое тѣмъ опаснѣе, чѣмъ обманчивѣе, (этого мнимаго расположенія ихъ къ словамъ и ученію Господа) — и въ утѣшеніе сказалъ, что при всемъ стараніи фарисеевъ закрыть истину, имъ проповѣдуемую, она восторжествуетъ (Лук. 12, 1—3. Нѣтъ ничего сокровеннаго, чтобы не открылось, ни тайнаго, чего бы не узнали.)—Съ этими мнимыми ревнителями истины надобно бороться до смерти; смерть за истину будетъ вознаграждена славою у Бога; а для свидѣтельствованія объ истинѣ Евангелія обѣщалъ дать имъ уста и премудрость.

Когда занимался Онъ этою бесѣдою съ учениками, приходитъ къ Нему нѣкто съ просьбою принять участіе въ раздѣлѣ его имущества съ братьями его. Господь никогда не принималъ на Себя правъ гражданскаго суда; и въ настоящемъ случаѣ Онъ просьбы этой не исполнилъ, но обращая вниманіе на то, какъ корысть раздѣляетъ сердца даже единокровныхъ, сталъ рѣзко говорить о безразсудствѣ людей, усиливающихся всѣми мѣрами умножать богатства свои и предложилъ притчу о безумномъ богачѣ. Потомъ обращаясь къ предмету прежней бесѣды съ учениками и связывая съ ученіемъ, заключающимся въ этой притчѣ, продолжалъ раскрывать апостоламъ, какъ неумѣстны всѣ заботы и попеченія о житейскихъ нуждахъ въ

душѣ такихъ послѣдователей, каковы были апостолы. Увѣщавалъ ихъ стремиться къ благамъ небеснымъ, царству Божію и не ослабѣвать, хотя бы это царство и не вдругъ раскрылось. Для этого предложилъ имъ притчу о рабахъ, ждущихъ возвращенія господина своего и готовыхъ принять его и во вторую и въ третью стражу ночи, и еще притчу о татѣ, тайно, неожиданно для хозяина подкапывающемъ его домъ (образъ внезапности явленія Господа съ судомъ).

Рѣчь такимъ образомъ непримѣтно склонилась къ удаленію Господа отъ взоровъ людей на неопредѣленное время. Ученики понимали, что подъ именемъ господина (въ первой притчѣ) надлежитъ разумѣть самаго Господа, но кого разумѣть подъ именемъ рабовъ? Учениковъ ли или весь окружающій народъ? И слѣд. къ кому относится правило о бдительности? Петръ спросилъ объ этомъ Господа. Онъ конечно думалъ о какомъ нибудь временномъ удаленіи Спасителя, послѣ котораго торжественно должно открыться царство Христово.

Господь, ничего не говоря о Своемъ удаленіи, отвѣчалъ на вопросъ о томъ, что касалось ихъ самихъ и всѣхъ вообще оставляемыхъ Имъ: обязанность ожидать своего господина есть обязанность всякаго вѣрнаго раба (слѣд. удалится отъ всѣхъ, не только отъ народа, но и учениковъ) и особенно спросится много съ тѣхъ, которымъ дано много. Потомъ, чтобы усилить внимательность въ ученикахъ Своихъ къ особенному званію, на нихъ возложенному, Онъ обращаетъ вниманіе учениковъ на цѣль Своего пришествія и на ревность, съ какою Самъ Онъ все приноситъ ему на жертву и говоритъ о необходимости той борьбы, кровавой и огненной борьбы, на которую только намекалъ прежде. Впрочемъ не оставилъ сдѣлать и народу свои замѣчанія о внимательности къ настоящему времени

и совѣтывалъ мириться съ Собою, доколѣ еще есть время (притча). Нужно покаяніе. Нечего утѣшать себя, что насъ еще не постигаетъ судъ Божій. (Тогда Спасителю сказали объ избіенныхъ Галилеянахъ,— также извѣстенъ былъ другой случай о задавленныхъ башнею Силоамскою). Если не покаетесь, всѣ также погибнете. И сказавъ притчу о смоковницѣ, которая, послѣ трехлѣтняго безплодія, только по настоянію садовника, оставлена еще на лѣто въ вертоградѣ, на четвертое лѣто, далъ разумѣть, что теперь точно наступаетъ для нихъ время суда Божія, если они и въ это четвертое лѣто Его проповѣди не обратятся къ Нему всею душею своею.

Послѣ этой продолжительной бесѣды, то съ фарисеями и законниками, то съ учениками, то съ народомъ—мы находимъ Господа въ синагогѣ. Тоже сообщество окружало Его и здѣсь. Народъ всюду сопровождалъ Его и принималъ въ Немъ живое участіе, хотя и не отставалъ совсѣмъ отъ прежнихъ своихъ руководителей. Не смотря на то, что тогда была суббота, Господь въ присутствіи самаго начальника синагоги исцѣлилъ одну женщину, которая осьмнадцать лѣтъ находилась въ скорченномъ положеніи. Начальникъ синагоги, не смѣя порицать всенародно поступка Іисусова, обратился съ укоризною къ народу за то, что вопреки закону приходятъ лѣчиться въ субботу; народъ радовался такому славному дѣлу Іисуса. Господь обратилъ противъ суевѣрной святости архисинагога собственные его поступки и правила: не отвязываетъ ли каждый изъ васъ въ субботу вола своего или осла отъ яслей и не ведетъ ли поить?.. Между тѣмъ, видя въ участіи народа, хотя и нерѣшительномъ, зерно того расположенія, какое нужно для Его царства, Онъ указалъ Своимъ ученикамъ въ притчахъ, что это зерно, которое ничего не стоитъ

теперь истребить какой нибудь птицѣ, когда человѣкъ посадитъ его въ землю, произведетъ отъ себя такое дерево, подъ сѣнію котораго могутъ укрыться всѣ птицы небесныя. Въ другой притчѣ онъ ту же самую мысль выразилъ подъ образомъ закваски, которая въ маломъ видѣ можетъ заквашивать большую мѣру муки. Такъ изъ малаго общества такихъ людей царство Божіе распространится по всей землѣ.

При продолженіи дальнѣйшаго пути Господь имѣлъ еще случай объяснить ученикамъ и народу, что дѣйствительно только немногіе изъ Іудеевъ удостоятся войти въ это царствіе. Нѣкто спросилъ Его: ужели мало спасающихся? Господь не отвѣчалъ на это рѣшительно—да или нѣтъ, но замѣтилъ, что многіе будутъ искать Его, но уже это будетъ поздно. Двери затворятся. Пиршество начнется безъ нихъ. Итакъ сколько бы ни былъ тѣсенъ путь, надлежитъ поспѣшать. Иначе можно и ближнимъ опоздать. Первые будутъ послѣдними, послѣдніе — первыми. Язычники войдутъ, сыны царствія будутъ изгнаны.

Фарисеямъ уже невыносимыми казались такіе намеки. Воспользовавшись правильными или ложными слухами, будто Иродъ, правитель Галилеи, ищетъ убить Іисуса, они въ видѣ услуги предложили Іисусу оставить область Иродову. Но Господь въ отвѣтѣ своемъ на это предложеніе далъ разумѣть фарисеямъ, что 1.) въ Его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего такого, за что бы Иродъ въ правѣ былъ возставать противъ Него: Онъ творитъ одни благодѣянія; 2.) для Его служенія назначено и предопредѣлено извѣстное время, котораго никто ни сократить, ни продолжить не можетъ; 3.) если и должно Сыну человѣческому содѣлаться жертвою злобы людской, то нигдѣ, какъ въ Іерусалимѣ—въ городѣ, который и фарисеи и прочіе считаютъ святымъ и въ которомъ однакожъ пролита

кровь всѣхъ прежнихъ пророковъ. „О! Іерусалимъ, Іерусалимъ! прибавилъ Господь. Сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья,—и вы не восхотѣли“—и указалъ ожидающую его судьбу—*се оставляется домъ вашъ пустъ*. Все, что Я принесъ съ Собою на землю,—это не для васъ теперь. Вы меня не увидите, пока не придетъ время, когда воскликнете: *благословенъ грядый во имя Господне*! Такъ первый изъ народовъ, званныхъ въ царствіе Христово, будетъ послѣднимъ въ обращеніи (при концѣ вѣковъ)!

Новый рядъ наставленій Іисуса Христа мы находимъ въ притчахъ, предложенныхъ по большей части для объясненія все одной и той же неудобовразумительной для многихъ темы, что царствіе Божіе можетъ миновать многихъ изъ тѣхъ, которые считаютъ себя законными его наслѣдниками, потому что въ нихъ нѣтъ нужныхъ для сего качествъ (Лук. 14 гл.—17 гл. ст. 10).

Господь былъ позванъ въ домъ фарисея въ субботу на вечерю. Собраніе состояло изъ собратій фарисея. Іисуса принимали такъже, какъ и въ другихъ случаяхъ, неискренно, а съ искушеніемъ. Тутъ былъ одинъ больной, и они думали, что Іисусъ не оставитъ по обычаю его безъ вниманія. Такъ дѣйствительно и случилось. Но всякое возраженіе со стороны фарисеевъ Господь устранилъ замѣчаніемъ, что и по правиламъ ихъ святости позволительно извлекать изъ погибели въ субботу полезное домашнее животное: тѣмъ болѣе человѣка.

Въ собраніи во всемъ обнаруживалась фарисейская гордость и тщеславіе. Никто изъ гостей не хотѣлъ уступить мѣсто другому, котораго считалъ себя ниже. Съ такою же гордостію они считали себя достойными перваго мѣста въ царствѣ Мессіи. Съ дру-

гой стороны эти собранія служили только къ угощенію собратій; такими угощеніями фарисеи старались отплачивать другъ другу, а забывали, что съ бо́льшею пользою всѣ эти издержки могли бы быть обращены на питаніе бѣдныхъ. Этотъ недостатокъ смиренія и нищелюбія, раскрывавшійся въ обыкновенной жизни, препятствовалъ имъ быть близкими къ царствію Божію.—Въ настоящемъ случаѣ Господь избралъ сіе предметомъ наставленій Своихъ въ кругу фарисеевъ.

Не смотря на такія обличенія, когда, заключая наставленія, Господь указалъ на единственную награду за добродѣтели, на воздаяніе въ воскресеніи праведныхъ,—одинъ изъ собесѣдниковъ, сидя за трапезою фарисея, не утерпѣлъ, чтобы не сказать: блаженъ, кто вкуситъ хлѣбъ въ царствіи Божіемъ, и можетъ быть мечталъ наслаждаться этимъ блаженствомъ—не въ числѣ послѣднихъ. Господь тогда ясно раскрылъ, что напрасно всякій льститъ себѣ безъ труда достигнуть сихъ благъ. Напротивъ, кто слишкомъ легко думаетъ ихъ получить, тотъ весьма легко можетъ обмануться въ этомъ. Для царства Божія нужна готовность отречься отъ стяжаній, тѣмъ болѣе отъ удовольствій мірскихъ. Эти мысли раскрылъ Онъ имъ въ притчѣ о званныхъ на бракъ, изъ которыхъ ни одинъ однако же не удостоился вкусить богатой вечери, и досталась она бѣднымъ и ничтожнымъ людямъ, тѣмъ, которыхъ фарисеи такъ презираютъ, которыхъ они не могутъ видѣть никогда за своею трапезою.

Сію же истину о необходимости полнаго самоотреченія Господь раскрылъ и народу въ ясныхъ требованіяхъ, которыя тѣмъ болѣе были необходимы, что сколько фарисеи были противъ Него вооружены, столько простой народъ готовъ былъ слѣпо дѣйствовать по своимъ понятіямъ за Мессію. Кто не отречется отъ всякой кровной привязанности ради Еван-

гелія и не согласится нести крестъ свой за Іисусомъ, тотъ не можетъ быть ученикомъ Его. И по обыкновеннымъ правиламъ, предполагая какую нибудь постройку разсчитываютъ, что̀ для этого нужно; предпринимая войну, изчисляютъ свои силы, чтобы, начавъ дѣло, послѣ не отступаться отъ него. Такъ нужно поступать и въ настоящемъ случаѣ. Всякій пусть разсмотритъ самого себя, способенъ ли онъ на тѣ пожертвованія, какія требуются для царства Мессіи. И только того признаетъ Онъ своимъ ученикомъ, кто будетъ готовъ на это. Ученики Его должны быть солію міра. Если же соль потеряетъ силу, то куда ее дѣвать, какъ не выбросить вонъ? — Заключая это наставленіе, Господь прибавилъ: имѣющій уши слышать, да слышитъ.

Но на эти слова Его сходились къ Нему не фарисеи и книжники, а мытари и грѣшники. Для первыхъ невмѣстимымъ было такое требованіе: послѣдніе охотно оставляли, чего требовалъ Господь. Гордость фарисеевъ препятствовала имъ даже оцѣнивать надлежащимъ образомъ то участіе и сердечную радость, съ какими Господь принималъ всѣхъ обращающихся изъ этого презрѣннаго класса людей: и какъ прежде милосердый Господь раскрывалъ имъ въ притчахъ о заблудшей овцѣ и о потерянной драхмѣ, какъ Онъ смотритъ на всякаго обращающагося грѣшника; такъ съ особенною ясностію Онъ раскрылъ сію мысль въ третьей еще притчѣ о блудномъ сынѣ, гдѣ младшій сынъ представлялъ въ себѣ мытарей, старшій, занятый своею праведностію, — фарисеевъ.

Въ дополненіе къ этимъ наставленіямъ Господь раскрылъ еще Своимъ ученикамъ (впрочемъ слышали это и фарисеи), какую пользу можетъ доставить человѣку раздаяніе своего имущества бѣднымъ, на что̀ такъ неохотно соглашались фарисеи и что̀ поставляли

для себя первымъ долгомъ—обращавшіеся изъ мытарей (какъ Закхей). Онъ училъ подражать въ благоразуміи тому приставнику, который, опасаясь быть отставленнымъ отъ управленія ввѣреннымъ ему имуществомъ, обезопасилъ себѣ безбѣдное содержаніе на будущее время, записавъ на нѣкоторыхъ должникахъ своего господина долга менѣе въ половину, нежели сколько они состояли ему должными, съ тѣмъ, чтобы они впослѣдствіи его вознаградили. И желающимъ быть сынами царствія, говорилъ Онъ, надлежитъ такимъ же образомъ переводить свое имущество заблаговременно въ вѣрныя руки—въ руки нищихъ, чрезъ которыхъ принимаетъ ваше подаяніе Самъ Богъ, а не оставлять ихъ въ рукахъ міра, къ которому сами прежде принадлежали. Это не будетъ невѣрностію съ вашей стороны въ отношеніи къ тому, кто вамъ далъ часть своего достоянія, къ міру, которому принадлежатъ сіи богатства, но напротивъ вѣрностію въ отношеніи къ истинному владыкѣ и Господу, отъ котораго зависитъ и міръ со всѣмъ своимъ богатствомъ. И только такою вѣрностію въ чуждомъ, изъ міра взятомъ, вы можете заслужить довѣренность отъ Господина въ порученіи вамъ собственныхъ благъ, благъ царства Божія и, постепенно усиливая эту довѣренность, достигать со временемъ бо̀льшихъ и бо̀льшихъ даровъ въ семъ царствѣ. Переходя въ царство Божіе, нельзя уже оставаться членомъ и царства міра: нельзя служить Богу и мамонѣ.

Фарисеи, слыша такія наставленія противъ корыстолюбія, только смѣялись и хотѣли показать, что для нихъ достаточно праведности, чтобы имъ наслѣдовать блаженство при ихъ правахъ на царство Божіе. Но Господь обличилъ ихъ лукавое сердце: предъ людьми вы можете казаться праведниками: но Богъ знаетъ сердца ваши. Вы цѣните дорого свою праведность законную.

Но все высокое у человѣковъ, все, что они ставятъ для себя вмѣсто Бога, мерзость есть предъ Богомъ. Я призываю васъ къ самому закону, на который вы опираетесь. Внѣшняя обязательность его, временная его форма (законъ и пророки) прешла со временами Іоанна. Но внутренняя, вѣчная осталась и теперь. Какъ разводящійся съ женою и женящійся на другой (безъ достаточной причины) нарушаетъ законъ не только въ современной формѣ, но и въ самомъ себѣ: такъ и отступающій отъ союза съ Богомъ и поставляющій себѣ Богомъ самаго себя или свою праведность. И какъ женящійся на разведенной грѣшитъ: такъ виновны и вы предъ Богомъ, когда стремитесь удержать свой союзъ съ прежними ветхозавѣтными формами, законными учрежденіями, которыя вы умѣли обратить въ источникъ корысти. И какихъ слѣдствій надлежитъ ожидать тому, кто жилъ только для себя, не думая своимъ достояніемъ пріобрѣтать лучшую будущность за гробомъ, Господь это съ разительною силою изобразилъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Жестокосердый сынъ Авраама не принятъ на его лоно. И даже Лазарь, принятый въ кровы небесные, не пришелъ устудить огня, который палилъ немилосердно. Единственнымъ вразумленіемъ для братьевъ страждущаго оставались Моисей и пророки.

Сію обширную бесѣду Господь заключилъ напоминаніемъ Своимъ ученикамъ (Мѳ. 18 гл.) объ осторожности касательно соблазновъ и о прощеніи всякихъ оскорбленій, имъ наносимыхъ, если только оскорбившій будетъ просить его. Апостолы съ своей стороны для подкрѣпленія себя въ точномъ слѣдованіи Его заповѣдямъ просили приложить имъ вѣры. Господь, одобряя такое расположеніе и желая еще болѣе усилить въ нихъ ревность къ оному, въ немногихъ словахъ повторилъ прежнее замѣчаніе свое о силѣ вѣры.

Между тѣмъ предостерегая отъ самохвальства фарисейскаго, ясно далъ разумѣть, что хотя бы они все повелѣнное исполнили, все однако же не могутъ и не должны считать себя иначе, какъ рабами неключимыми.

При началѣ послѣдняго путешествія Господь встрѣтилъ съ учениками Своими неблагопріятное расположеніе къ Себѣ въ нѣкоторой веси Самарійской. Какъ бы въ заглажденіе этой вины является теперь предъ Господомъ и учениками одинъ изъ Самарянъ гораздо признательнѣе, нежели девять Іудеевъ. Господь проходилъ между Самаріею и Галилеею. Здѣсь встрѣтили Его десять прокаженныхъ. Господь, увидѣвъ ихъ, велѣлъ имъ идти явиться священникамъ. Дорогою они очистились отъ проказы. Но изъ этихъ десяти только одинъ Самарянинъ пришелъ возблагодарить своего Исцѣлителя и палъ къ ногамъ Іисуса. Господь обратилъ вниманіе учениковъ на это различіе расположеній для будущей ихъ проповѣди и отпустилъ Самарянина съ обѣщаніемъ спасенія за вѣру его. Расположеніе иноплеменника ставило его близь царства Христова.

Поэтому, когда фарисеи спрашивали Его: когда придетъ царство Божіе? Онъ отвѣчалъ, что оно для всякаго придетъ тогда, когда въ немъ родится потребное расположеніе къ Нему. Напрасно ожидаютъ теперь его открытія славнаго и торжественнаго. Каждый долженъ искать пути къ нему въ своемъ сердцѣ.

Впрочемъ, въ тоже время говорилъ ученикамъ Своимъ о явленіи Своемъ на судъ непокоривыхъ, которое должно было послѣдовать послѣ отверженія Его родомъ своимъ.

Это будутъ времена тяжкія и для послѣдователей Христовыхъ, когда они пожелаютъ, чтобы къ нимъ возвратился одинъ изъ тѣхъ дней, какіе проводятъ

они теперь съ Сыномъ человѣческимъ. И будутъ смущать ихъ ложные слухи: вотъ тамъ Христосъ, вотъ здѣсь Христосъ. Но на этотъ разъ онъ долженъ явиться на землѣ не такъ, какъ теперь. Онъ явится какъ молнія, не въ земномъ видѣ, но въ судѣ небесномъ и какъ молнія явится отъ одного края неба до другаго — вездѣ, гдѣ разсѣянъ родъ непокоривыхъ, надъ которымъ долженъ совершиться судъ. Этотъ день суда застанетъ людей въ безпечности, какъ это было и во времена Ноя и Лота: и кто дорожитъ спасеніемъ своимъ, тотъ долженъ всѣмъ жертвовать и поспѣшно удаляться изъ среды обреченныхъ на погибель. Тогда никто не можетъ поручиться за свою безопасность, если останется среди нихъ. (Кто будетъ на кровлѣ, —на полѣ,—двое на одной постелѣ....). Ученики было спросили, гдѣ именно это будетъ? Господь отвѣчалъ: гдѣ трупъ, тамъ соберутся и орлы: т. е. вездѣ, гдѣ есть подлежащіе такому суду.

При этомъ указаніи на дни грозные Господь видѣлъ нужду подкрѣпить учениковъ обѣщаніемъ, что такое томительное состояніе продлится для нихъ недолго. Богъ защититъ избранныхъ своихъ вскорѣ, только они должны молиться о томъ непрестанно. И сказалъ имъ притчу, какъ непрестанныя просьбы заставляютъ и несправедливыхъ людей исполнять противъ воли ихъ желанія просителей. А замѣчая, что сами избранные изъявляютъ излишнюю увѣренность въ своей праведности—въ притчѣ о фарисеѣ и мытарѣ—повторилъ урокъ, произнесенный нѣкогда фарисеямъ: *всякъ возносяйся смирится, а смиряяйся вознесется* (Лук. гл. 14. 17, 11; 18, 14).

Послѣ многократныхъ искусительныхъ вопросовъ фарисеи просили у Него разрѣшенія еще на одинъ спорный у нихъ вопросъ: дозволителенъ ли разводъ? Двѣ главныя школы раввинскія—Гиллель и Шамман

рѣшали этотъ вопросъ неодинаково. Первая разрѣшала разводъ по всякой даже маловажной винѣ. Послѣдняя стѣсняла такой произволъ. Господь противопоставилъ тому и другому рѣшенію свое, основанное на первоначальномъ, естественномъ законѣ брака. Развода не должно быть, исключая невѣрности. Что Богъ сочеталъ, того человѣкъ не долженъ разлучать.— Ему возразили: какъ же Моисей дозволилъ? Это, отвѣчалъ Онъ, по неспособности людей его времени къ соблюденію того первоначальнаго закона.

Такой отвѣтъ при слабости тогдашнихъ понятій о нерасторжимости брачнаго союза показался слишкомъ строгимъ даже для учениковъ Господнихъ, и дома они спрашивали еще (Марк. 10), правильно ли они Его выразумѣли,—и получивъ утвердительный отвѣтъ, въ которомъ Господь допустилъ только одну причину развода — невѣрность одной стороны, замѣтили, что если такъ, то лучше не жениться.— Господь однако же отвѣчалъ, что къ этому нельзя всѣхъ обязать. Но кто или отъ природы или отъ людей сдѣлался не способенъ къ браку или по свободной рѣшимости жить и дѣйствовать для царства Божія, получаетъ даръ цѣломудрія отъ благодати Божіей, тотъ обязывается быть вѣрнымъ ему.

Въ ту же пору матери принесли къ Нему дѣтей своихъ для того, чтобы Онъ благословилъ ихъ. Ученики, неизвѣстно почему, не хотѣли допустить ихъ до Него. Господь остановилъ ихъ и замѣтилъ, что и всякому желающему удостоиться царства Божія надлежитъ быть въ духѣ младенцемъ.

Наконецъ къ Господу приходитъ еще человѣкъ, строго исполнявшій заповѣди Божіи, не смотря на то, что былъ облеченъ высокимъ саномъ (начальникъ ἄρχων) и обладавшій великимъ богатствомъ, въ молодыхъ годахъ и питавшій ревность о достиженіи

высшаго совершенства духовнаго, чтобы достигнуть жизни вѣчной. Чего, по видимому, было болѣе желать отъ приходящаго къ Господу? Казалось, онъ могъ войти въ царство Его не тѣмъ путемъ, какимъ обыкновенно призывались прочіе,—безъ покаянія. Сами ученики принимали въ немъ великое участіе (см. послѣдніе ихъ вопросы). Но Господь двумя замѣчаніями обнаружилъ предъ всѣми, какъ еще не близко было сердце сего юноши къ пути Божію. Во первыхъ Онъ замѣтилъ ему, что не признавши въ Іисусѣ лица Божественнаго, онъ, по своей строгости законной, не долженъ былъ расточать учителямъ земнымъ такихъ титуловъ, которые въ собственномъ значеніи могутъ принадлежать только Единому Богу. Во вторыхъ указалъ ему, что въ немъ не достаетъ и полной любви къ ближнему, когда потребовалъ отъ него, чтобы онъ разстался съ своимъ богатствомъ и роздалъ его нищимъ,—и требованіе сіе такъ смутило юношу, что онъ, оставивъ Господа, отошелъ отъ Него, скорбя.—Съ своей стороны Господь ничего не требовалъ отъ Него здѣсь особеннаго противъ прочихъ. Заповѣдь о самоотверженіи и отреченіи отъ всего ради Евангелія была заповѣдію для всѣхъ. Когда юноша удалился, Господь замѣтилъ ученикамъ, какъ неудобно богатому войти въ царство небесное, разумѣя здѣсь подъ именемъ богатства не только деньги и имущество, но все вообще, чѣмъ человѣкъ дорожитъ, какъ достояніемъ своимъ, кромѣ Бога. — Ученики, принимая слова Его въ такомъ строгомъ смыслѣ, невольно спросили: кто же можетъ спастися, если всякая земная привязанность лишаетъ царства Божія? Господь отвѣчалъ: невозможное для человѣка возможно для Бога. Человѣкъ, неспособный отрѣшиться отъ всего самъ по себѣ, можетъ достигнуть сего посредствомъ благодати Божіей. Каждый

изъ учениковъ невольно обратился послѣ этого къ самому себѣ. Съ одной стороны представлялось, что онъ многимъ, всѣмъ уже пожертвовалъ для Господа: оставилъ сродниковъ, домъ, стяжанія. Но съ другой въ тоже время каждый въ себѣ ощущалъ, что такой чистоты и отрѣшенности, какой требуетъ Господь, въ нихъ еще нѣтъ. Чего же имъ ожидать? Не будетъ ли съ ними того же, что и съ юношею?

Господь, предоставляя окончательное очищеніе своихъ избранныхъ Духу Святому, въ утѣшеніе обѣщалъ имъ, какъ первымъ и избраннымъ Своимъ послѣдователямъ царствованіе (на двѣнадцати престолахъ) вмѣстѣ съ Собою, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своей. Но къ этому присовокупилъ, что и всякій пожертвовавшій своими привязанностями для царства Божія получитъ въ свое время вознагражденіе. И для объясненія, какъ независимо благость Божія изливается на всѣхъ послѣдующихъ ея призванію, предложилъ притчу о званныхъ въ виноградъ для дѣланія въ разныя времена дня и получившихъ при концѣ дня отъ щедраго Владыки равное воздаяніе. Поелику невозможное для всякаго— за всякаго исполняетъ сила Божія.

—

Пересмотримъ теперь тѣ произшествія, которыя могутъ относиться къ послѣднему путешествію Господа въ Іерусалимъ, обратимся къ разсмотрѣнію того, что произошло въ Іерусалимѣ, когда Спаситель туда явился въ послѣдній годъ служенія. Это излагается у Евангелиста Іоанна въ 7-й главѣ. То, что описываетъ намъ Іоаннъ, первоначально происходило во время праздника кущей—за полгода до послѣдней пасхи, за полгода до кончины Спасителя.

Посѣщеніе Іерусалима на праздникѣ кущей, раскрывъ ученикамъ всю злобу Іудеевъ противъ Іисуса,

должно было показать, какъ дѣйствительно близокъ былъ *исходъ* Его. Это былъ послѣдній великій праздникъ, который намѣренъ былъ Онъ провести съ своимъ народомъ. Тогда какъ внѣ Іерусалима народъ по большей части оказывалъ сильное расположеніе къ Іисусу Христу и самые враги Его принуждены были дѣйствовать противъ Него только хитростію: въ Іерусалимѣ и голосъ благорасположенныхъ къ Нему становился незначительнымъ по вліянію главнаго правительственнаго мѣста на мнѣнія народа, и враги Его могли употреблять противъ Него безнаказанно даже мѣры насилія. Отъ этого происходило странное смѣшеніе понятій объ Іисусѣ въ Іерусалимѣ во время праздника и даже борьба мнѣній о Немъ. Иначе напр. судили о Немъ благомыслящіе пришельцы Галилейскіе, иначе жители Іерусалима, иначе личные враги Его, явно здѣсь возстававшіе противъ Него. И сужденія сіи иногда приходили въ открытое противорѣчіе между собою. Притомъ здѣсь еще помнили, что назадъ тому полтора года Онъ, бывши въ Іерусалимѣ на Пасхѣ, дозволилъ Себѣ исцѣлить разслабленнаго и подъ этимъ предлогомъ доселѣ искали подвергнуть Его смерти, какъ нарушителя закона.

Уклоняясь отъ преслѣдованія, доколѣ не пришелъ часъ Его, Господь не пришелъ въ Іерусалимъ на праздникъ кущей торжественно. Ни для кого незамѣтно, вдругъ Онъ явился въ храмѣ въ половинѣ праздника осмидневнаго и сталъ учить. Между тѣмъ народъ, собравшійся сюда изъ другихъ странъ и городовъ, уже ожидалъ Его. И много было толковъ о Немъ: одни говорили, что Онъ добръ, а другіе говорили: нѣтъ, но обольщаетъ народъ. Впрочемъ явно не смѣли высказывать своихъ мнѣній, боясь Іудеевъ. (Апостолы, пришедши въ Іерусалимъ ранѣе Господа, могли быть очевидцами этого).

Явиться учителемъ въ храмѣ, или въ училищѣ, которое помѣщалось въ зданіяхъ храма, не всякій могъ, кто бы хотѣлъ. По правиламъ раввинскимъ надлежало быть напередъ нѣсколько лѣтъ въ званіи *Талмидъ* (ученика), потомъ въ званіи *Хаберъ* (товарища) при какомъ нибудь раввинѣ, чтобы такимъ образомъ получить власть, какъ тогда говорили, ἐξουσίαν λαμβάνειν. И *Хаберъ* могъ изъяснять изреченія другихъ, а когда становился самъ раввиномъ, тогда уже могъ и самъ учить. — Іудеи, зная, что Іисусъ ни въ какой школѣ, ни у какого раввина не учился, дивились, какъ Онъ могъ выступить съ ученіемъ во храмѣ. (*Вѣсть писанія* означаетъ ученость вообще и по характеру учености раввинскую, въ особенности умѣнье изъяснять писаніе).

Въ отвѣтъ на такія мысли Господь говорилъ, что и ученіе Его и право ученія Онъ не усвояетъ Себѣ, но оно отъ Пославшаго Его. Что Его ученіе не свое вымышленное, это можетъ узнать каждый, кто хочетъ творить волю Божію по внутреннему опыту. Что право ученія не самоприсвоенное, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ и то, что Онъ Себѣ не ищетъ славы, но пославшему Его; слѣд. Ему можно вѣрить. И проникая въ ихъ мысли, зная, что они хотятъ противопоставить словамъ Его нарушеніе закона Божія—по ихъ мнѣнію въ исцѣленіи разслабленнаго — обращаетъ этотъ упрекъ противъ нихъ самихъ, указывая, какъ на ближайшее доказательство сего противленія закону, на то, что они ищутъ Его жизни.

Уловленные въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, Іудеи съ наглостію и негодованіемъ возражаютъ Ему: не бѣсъ ли въ Тебѣ? кто хочетъ убить Тебя?—Однако же Господь продолжалъ еще болѣе раскрывать несправедливость, съ какою они представляли исцѣле-

ніе разслабленнаго въ субботу нарушеніемъ покоя субботы и заключилъ: не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ. Смотрите на то, изъ какого намѣренія проистекало это дѣйствіе — исцѣленіе?

Слыша такой разговоръ между Іисусомъ и Іудеями и видя, какъ тѣ самые, которые прежде горячо вступались за нарушеніе субботы и искали жизни нарушителя ея, теперь отступаются отъ своихъ мыслей, нѣкоторые Іерусалимляне подумали было уже, что объ Іисусѣ перемѣнили мнѣніе самые начальники іудейскіе и признаютъ Его за Христа. Съ своей стороны и сами они готовы бы признать Его такимъ: но не всѣмъ ли извѣстно, думали они, откуда происходитъ Онъ? (Жителю столицы вѣры и народа — Назаретъ даетъ Мессію!). А Мессія долженъ явиться не такъ. Сердце ихъ было на сторонѣ Іисуса, а умъ или точнѣе предразсудки, неправильное толкованіе ученія пророковъ о Мессіи и недостаточное разумѣніе Самаго Спасителя—противъ Него. (Пророки говорили о недовѣдомости вѣчнаго происхожденія Мессіи, какъ Сына Божія: народъ относилъ это ко временному, не думая, какъ съ этимъ согласить мысль о томъ, что Мессія долженъ быть сыномъ Давида и родиться въ Виѳлеемѣ?).

Видя искренность расположенія въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сомнѣвающихся, Господь не оставилъ ихъ колебаться въ недоумѣніяхъ, но вмѣстѣ далъ пробный камень для испытанія сего расположенія. Онъ сказалъ: вы думаете, что уже знаете Меня, когда знаете, Кто Я и откуда Я? Но знать Меня такъ еще не значитъ вполнѣ Меня знать. Кто изъ васъ знаетъ другое отечество Мое? Того, Кто послалъ Меня? Вотъ еслибы вы знали Его, какъ должно знать, тогда бы могли сказать, что и Меня знаете. Этимъ заключилъ Го-

сподь свои наставленія въ первый день Своего явленія въ Іерусалимѣ.

Слова сіи произвели различное дѣйствіе: одни изъ слушателей Его, которымъ, при ихъ просвѣщеніи и высокомъ мнѣніи о нихъ въ народѣ, нелегко было сознаться въ такомъ невѣдѣніи самаго существеннаго и неохотно было уступить первенство Іисусу (можетъ быть тѣ самые, которые искали Его жизни и прежде), услышавъ снова такія объявленія о Себѣ Іисуса, старались схватить Его и вѣроятно представить Синедріону. Но Господь скрылся отъ нихъ.—Въ тоже время другіе, зная о всѣхъ чудесахъ, какія совершалъ Онъ доселѣ, готовы были дать полную вѣру Его словамъ о Себѣ и говорили: можно ли болѣе ожидать чудесъ отъ Мессіи? Такимъ образомъ народные толки объ Іисусѣ, возбужденные въ началѣ праздника, послѣ появленія Самого Іисуса еще болѣе усилились, такъ что члены Синедріона признали за нужное принять для укрощенія ихъ свои, достойныя ихъ, мѣры; они поручили нѣкоторымъ лицамъ схватить Іисуса не теперь именно, а какъ нибудь на праздникѣ.

Узнавъ объ этомъ, Господь въ угрозу безумной злобѣ объявилъ своимъ гонителямъ: еще надобно быть Мнѣ съ вами и пойду къ пославшему Меня. Будете искать Меня (въ нуждѣ, въ бѣдствіяхъ возбудится желаніе Избавителя, Мессіи): но гдѣ буду (тогда) Я, вы туда не можете придти.

Перетолковывая сіи слова по своему, чтобы вывести изъ нихъ новое обвиненіе, ослѣпленные невѣріемъ и злобою Іудеи съ насмѣшливою наглостію говорили: не хочетъ ли Онъ идти въ эллинское разсѣяніе (къ язычникамъ) и учить Эллиновъ, — что мы не можемъ найти Его? У насъ Ему нѣтъ успѣха! (Можетъ быть поводъ къ такому толкованію словъ

Іисуса злобные враги взяли какъ вообще изъ кроткаго обращенія Его съ язычниками, такъ и изъ Его путешествій по окрестностямъ Галилеи языческой, недавно имъ совершенныхъ).

Въ такомъ положеніи дѣла оставались до послѣдняго самаго торжественнаго дня праздника. Праздникъ сей, напоминавшій успокоеніе народа въ землѣ обѣтованія отъ трудовъ странствованія, былъ праздникомъ вмѣстѣ закона, поелику тогда наиболѣе занимались чтеніемъ его, и у пророка Захаріи (14,16.) онъ символически означалъ время собранія въ Іерусалимѣ всѣхъ народовъ на поклоненіе Богу истинному. Въ послѣдній день сего праздника по обычаю совершалось символическое возліяніе воды изъ источника Силоамскаго (на эту воду есть указаніе въ той же главѣ Захаріи ст. 8 и у Іезекіиля), протекавшаго подъ горою храма, при пѣніи изъ пророка Исаіи: *жаждущіи пріидите на воду* (гл. 12, 9.).

Вѣроятно по примѣненію къ сему значенію праздника и дѣйствію и Господь, явившись въ этотъ день снова въ собраніи народа, произнесъ: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. И сравнивая Самого Себя съ храмомъ, изъ-подъ котораго течетъ вода, прилагаетъ это сравненіе и къ вѣрующимъ въ Него. Какъ Онъ источаетъ воду живую, такъ и вѣрующіе во имя Его, получивъ Духа, не только будутъ имѣть эту воду въ себѣ, въ своемъ сердцѣ, но и изливать другимъ, распространяя всюду свѣтъ богопознанія. (Изъ 46 ст. видно, что проповѣдь была обширная).

Голосъ Божественный умолкъ. Начались опять сужденія и споры объ Іисусѣ. Одни видѣли въ Немъ пророка, другіе самого Мессію, но въ тоже время одни говорили, что Мессіи, какъ сына Давидова, надобно ждать не изъ Галилеи, а изъ Іудеи, именно изъ Виѳлеема, другіе говорили, что изъ Галилеи

даже и пророковъ не бывало (ст. 52). Были даже такіе, которые изъявляли желаніе схватить Его. Но и служители храма, на которыхъ сіе возложено было отъ Синедріона, возвратились, по окончаніи праздника, безъ успѣха, объявивъ, что они не могли взять Его, потому что ни одинъ человѣкъ никогда не говорилъ такъ, какъ сей человѣкъ.

Наконецъ, въ самомъ Синедріонѣ при разсужденіи по сему случаю оказалось раздѣленіе, которое еще болѣе должно было вооружить противъ Іисуса враговъ Его. Съ негодованіемъ выслушавъ донесеніе посланныхъ, они отвѣчали имъ: неужели и вы прельстились? Да увѣровалъ ли въ Него кто изъ начальниковъ или изъ фарисеевъ? въ Него вѣруетъ одинъ народъ. Но этотъ народъ невѣжда въ законѣ,—прокляты они. Въ это время Никодимъ осмѣлился было замѣтить членамъ Синедріона, что несправедливо они поступаютъ, заключая такъ свое сужденіе о человѣкѣ, котораго дѣла хорошо не знаютъ и не выслушали.—Да чего и разыскивать? Изъ Галилеи никакого пророка не бывало, отвѣчали ему прочіе, забывъ въ помраченіи ума своего, что оттуда были Илія, Іона и можетъ быть даже Наумъ. И ему замѣтили съ насмѣшкою: не изъ Галилеи ли самъ ты, что такъ вступаешься за Галилеянина. Такимъ образомъ, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла, положили отлучать отъ синагоги каждаго, кто призналъ Іисуса Мессіею (9, 22).

Несмотря на то, на другой день Господь опять пришелъ въ храмъ и тамъ въ одномъ изъ притворовъ, снова желая обратить къ Себѣ все вниманіе народа послѣ разрѣшенія вопроса о женѣ грѣшницѣ, приведенной къ Нему, возгласилъ вслухъ народа: Я свѣтъ міру. Кто идетъ ко Мнѣ, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ. Это было какъ бы ободрені-

емъ для всякаго стѣсняемаго опредѣленіемъ Синедріона оставить это мрачное соборище, не опасаясь подвергнуться погибели. Свѣтъ языковъ, какимъ былъ доселѣ Израиль, помрачился: всходитъ новое солнце и для сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной сыновъ Израиля и для язычниковъ.

Фарисеи осмѣливаются возражать Ему, что свидѣтельство Его о Самомъ Себѣ потому самому не есть истинно, что Онъ Самъ о Себѣ свидѣтельствуетъ.

Не правда, отвѣчалъ Господь, Мое свидѣтельство можетъ быть истиннымъ даже и въ этомъ случаѣ: потому что кто, кромѣ Меня, на землѣ хорошо знаетъ, откуда Я пришелъ и куда Я иду? Вы того не знаете, — вы судите обо Мнѣ только по плоти, по наружности, потому, какъ видите. Ужъ лучше бы вамъ не судить Меня или обо Мнѣ, какъ и Я не сужу васъ. — Впрочемъ это не значитъ того, чтобы Я боялся, что судъ Мой можетъ быть также ошибоченъ, какъ и вашъ. Нѣтъ, судъ мой истиненъ: ибо Я не одинъ сужу, со Мною судитъ Отецъ. Если же вы хотите судить Меня, то вамъ прилично было бы выслушать свидѣтелей моихъ. Законъ вашъ требуетъ двухъ или трехъ свидѣтелей: Я представляю вамъ двоихъ. Первый свидѣтель Я Самъ (здѣсь ясно отличается Божественная природа Іисуса, свидѣтельствующая о томъ, что совершается чрезъ посредство человѣческой Его природы), вторый—Мой Отецъ.

Гдѣ этотъ твой свидѣтель, спросили Его,—Отецъ твой? Конечно вы объ этомъ не спрашивали бы Меня, отвѣчалъ Господь, еслибы вы правильно понимали Меня. Еслибы вы имѣли свѣтлое око духовное, то увидѣли бы Отца во Мнѣ: но у васъ нѣтъ этого. И потому вы не знаете ни Меня, ни Отца.

Онъ говорилъ это въ самомъ томъ храмѣ, котораго начальники приказывали схватить Его,—однакожъ ни-

кто не осмѣлился захватить Его. Послѣ этой бесѣды, — можетъ быть сбираясь снова оставить Іерусалимъ, какъ небезопасный до извѣстнаго времени, или по крайней мѣрѣ прощаясь съ множествомъ народа, который начиналъ уже расходиться съ окончаніемъ праздника, и съ многими намѣреваясь говорить въ послѣдній разъ,—Онъ явился еще въ мѣсто общаго народнаго собранія во храмъ (8, 59), въ день субботы (9, 14) и въ слухъ всѣхъ повторилъ прежнюю угрозу: смотрите, Я отхожу — вы будете искать Меня, но не найдете,—умрете во грѣхѣ вашемъ. (Это грѣхъ нераскаяннаго богоубійства). А безъ Меня не надѣйтесь и придти туда, куда Я иду (къ Отцу Небесному).

Наглые Іудеи превращали смыслъ словъ Его. Развѣ убьетъ Онъ Самъ себя,—что мы не можемъ придти туда, куда Онъ пойдетъ послѣ этого? Ужъ конечно тогда за Нимъ не пойдемъ—на смерть.

Нѣтъ, не это, отвѣчалъ Спаситель, а вотъ что причиною, что вы не можете придти, куда Я иду. Я отъ вышнихъ, а вы отъ нижнихъ. Это разстояніе неизмѣримо. Еще можно было бы вамъ имѣть доступъ и къ вышнему —вѣрою: но въ васъ вѣры нѣтъ. И потому-то Я сказалъ, что вы умрете во грѣхѣ вашемъ, не придете, куда Я иду.

Кто же Ты, называющій Себя отъ вышнихъ? спросили Его Іудеи съ презрительною насмѣшкою.

Я то, что вамъ говорилъ о Себѣ изъ начала (въ первое посѣщеніе Іерусалима въ самомъ храмѣ, — назвалъ сей храмъ домомъ Отца Своего; слѣдов. Себя Сыномъ Божіимъ). Но мнѣ много пришлось бы говорить о васъ и судить васъ, еслибы Я сталъ говорить о васъ все, что думаю и знаю о васъ. Оставимъ это. Истиненъ пославшій Меня: Онъ доскажетъ вамъ и обо Мнѣ и о васъ самихъ (чрезъ Духа, Который пришедши, *обличитъ о правдѣ* и *о грѣсѣ*). Вы узнае-

те отъ Него, что Я говорю не отъ Себя, но говорю то, что Я слышалъ, что знаю отъ Него. — Скажу еще опредѣленнѣе: когда вознесете Сына человѣческаго, тогда узнаете, что это Я, что Я Тотъ Самый, за Котораго Себя объявлялъ,—и что Я ничего не дѣлаю отъ Себя: но какъ научилъ Меня Отецъ Мой, такъ и говорю.

Эта, по видимому, прощальная бесѣда на многихъ доселѣ нерѣшительныхъ произвела сильное впечатлѣніе. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ потерять Его навсегда, они объявили, что вѣруютъ въ Него. По всему видно, что ихъ привлекала къ Іисусу не вѣра въ истиннаго избавителя рода человѣческаго отъ грѣховъ, но одна надежда найти въ Немъ царя сильнаго, земнаго. Эта необыкновенность и не устрашимость Іисуса, съ какою Онъ говорилъ и дѣйствовалъ въ самой столицѣ, обольщала ихъ.

Господь по видимому готовъ былъ принять ихъ въ число своихъ послѣдователей. Только призналъ за нужное дать имъ приличное наставленіе. Если вы хотите, говорилъ Онъ имъ, быть истинными моими учениками (Онъ видѣлъ, что здѣсь не было искренняго желанія), то пребудьте же въ словѣ Моемъ т. е. слушайтесь Меня, не выходите изъ предѣловъ Моихъ наставленій, внутренно, душею вашею соединитесь съ словомъ Моимъ. И тогда познаете вы истину, потому что слово Мое есть истина: истина освободитъ васъ (т. е. тогда настанетъ, совершится всецѣлое избавленіе, или искупленіе ваше).

Какъ свободить? спросили Его тогда новообращенные. Да развѣ мы рабы? Мы—сѣмя Авраамово. Мы не были рабами никому и никогда. Слова эти такъ больно кольнули нѣкоторыхъ можетъ быть изъ Зилотовъ, что они готовы были возстать противъ Іисуса, въ Котораго недавно увѣровали. „Правда ли то, что

вы не были рабами? — отвѣчалъ имъ Господь. Да всякій творящій грѣхъ уже есть рабъ,—рабъ грѣха. Такъ и вы рабы, рабы грѣха. И отъ сего то рабства я хочу освободить васъ. Вы—сѣмя Авраамле, но у Авраама былъ не одинъ Исаакъ, но и Измаилъ, сынъ рабыни. По настоящему своему состоянію—состоянію рабства вы не болѣе значите, какъ и сынъ Авраамовъ отъ рабыни, а этотъ сынъ былъ изгнанъ изъ дома отеческаго; и вамъ угрожаетъ тоже. Мнѣ не хочется, чтобы и съ вами тоже случилось. Потому Я, какъ истинный Сынъ въ дому Отца Моего, имѣя право давать свободу и предлагаю вамъ, обѣщаю вамъ — дать вамъ свободу, чтобы вы какъ свободные, какъ истинные дѣти Авраамовы и Божіи могли оставаться всегда въ дому Отца Моего.

Замѣчая усиливающееся изступленіе, Онъ продолжалъ: вы называете себя сѣменемъ Авраамовымъ, но посмотрите, такія ли въ васъ расположенія, какія въ Авраамѣ? Сынъ обыкновенно носитъ на себѣ отпечатокъ отца. Во Мнѣ, въ Моихъ словахъ и дѣйствіяхъ можно узнать Моего Отца. Но въ вашихъ словахъ, въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ можно ли найти отца? Я говорю вамъ слова Отца; но слово Мое въ васъ не вмѣщается; вы готовы убить Меня: это не показываетъ ли, что ваши расположенія происходятъ совершенно изъ инаго источника, нежели слова Мои? Не показываетъ ли въ васъ дѣтей инаго отца?

Да какъ же, возразили Ему Іудеи: отецъ нашъ Авраамъ. — Если бы дѣйствительно, отвѣчалъ имъ Господь, вы были дѣти Авраамовы т. е. не по плоти только, то и дѣла Авраамовы дѣлали бы. Но вы ищете убить Меня, человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую слышалъ отъ Бога:—Авраамъ такъ не дѣлалъ. Отсюда видно, что дѣла ваши показываютъ въ васъ дѣтей инаго отца.

Іудеи увидѣли, что Господь говоритъ не о плотскомъ происхожденіи отъ Авраама. Хорошо. Однако же и духовное наше рожденіе ничѣмъ не запятнано. По вѣрѣ въ Бога мы происходимъ отъ Бога, мы не отъ любодѣянія рождены.

Нѣтъ, сказалъ Господь. Нельзя сказать, чтобы отецъ вашъ былъ Богъ. Если бы вы были дѣти Его, то вы любили бы Меня,—понимали бы языкъ Мой,—по крайней мѣрѣ могли бы охотно слушать слова Мои: потому что Я происхожу отъ того же Отца. Но въ васъ этого нѣтъ. А такъ какъ вы оказываете сопротивленіе истинѣ, не ненамѣренное только, но и намѣренное, то это состояніе вашего духа обличаетъ въ васъ дѣтей противника истины, діавола, который въ истинѣ не стоитъ. Ваши убійственные замыслы противъ Меня—служатъ новымъ доказательствомъ вашего происхожденія отъ него: онъ человѣкоубійца отъ начала.

Итакъ одно изъ двухъ: или Я не говорю истины, но кто обличитъ Меня въ неправдѣ?—или вы не отъ Бога. Иначе бы мы понимали другъ друга.

На такой ясный выводъ Іудеи ничѣмъ не могли болѣе отвѣчать кромѣ ругательствъ. Самарянинъ ты (еретикъ ты),—бѣсъ въ тебѣ!

Нѣтъ, бѣса во Мнѣ нѣтъ, кротко возразилъ Господь. А въ вашемъ отзывѣ только открывается новое доказательство того, что вы не отъ Бога. Я чту Бога, а вы не хотите воздать чести, но еще наносите безчестіе Тому, Кто чтитъ Бога. Впрочемъ Я не ищу съ васъ своего безчестія. За Меня есть Кому искать и судить васъ.

И Господь оставилъ тонъ обличенія, а сталъ говорить имъ о великомъ обѣтованіи блаженнаго безсмертія всякому, кто будетъ сохранять слово Его, которое принялъ отъ Него съ вѣрою (ст. 31). Кто

сохранитъ слово Мое, сказалъ Онъ, обращаясь къ началу своей бесѣды съ новоувѣровавшими, тотъ не вкуситъ смерти во вѣкъ."

Но раздраженные противъ Него повидимому еще менѣе могли принимать такія слова: теперь-то узнали мы, что бѣсъ въ Тебѣ. Авраамъ умеръ, пророки умерли, а ты не только Самому Себѣ готовъ приписать безсмертіе, но и всякому, кто сохранитъ слово Твое. Чѣмъ Ты себя дѣлаешь?

Съ Божественнымъ величіемъ Іисусъ отвѣчалъ: Я не выдаю себя за то, что Я не есмь: но Я не могу отречься отъ того, что Я есмь. Я не присвояю Себѣ никакой славы, но слава Моя отъ Отца,—отъ Того самаго, Котораго вы называете своимъ Богомъ. Но и если бы Я поставилъ себя въ отношеніи къ Нему съ вами наравнѣ: то былъ бы противникъ истинѣ, какъ и вы.

Итакъ могу Я сказать, что (не только выше Я пророковъ и самаго Авраама, но) Авраамъ, котораго вы называете отцемъ своимъ, радъ былъ видѣть день Мой (времена Мои). И прибавлю: онъ видѣлъ день Мой (видѣлъ то, чего такъ сильно желали видѣть и другіе святые мужи, и не видали), и возрадовался.

Въ упорствѣ невѣрія, съ насмѣшкою отвергая эти слова о радости Авраама видѣть день Христовъ, они готовы были сказать Ему: развѣ бы Ты Самъ радъ былъ видѣть Авраама? Но гдѣ и тебѣ видѣть его, когда Тебѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ!

На эти слова злобы и хуленія Сынъ Божій отвѣчалъ: Я есмь прежде, чѣмъ Авраамъ былъ,—и, ожесточенные въ своемъ невѣріи, мнимые Его послѣдователи подняли было камни, чтобы побить Его, какъ богохульника.

Изъ всѣхъ этихъ собесѣдованій съ Іудеями въ Іерусалимѣ въ теченіи праздника кущей и вскорѣ послѣ

него, съ народомъ, съ врагами и съ изъявившими расположеніе къ вѣрѣ, — открывается, какъ сильны были здѣсь противники Его и какъ они еще болѣе могли возрастать въ числѣ и силѣ. Даже изъявившіе расположеніе къ вѣрѣ переходили на сторону ихъ. Остававшіеся вѣрными въ душѣ своей, были безсильны, презрѣнны въ глазахъ вельможъ и людей гордыхъ своею наружною святостію—остались невѣждами и сами по своему смиренію и болѣе раскрытому взгляду на самихъ себя теперь, послѣ наставленій Спасителя, дѣйствительно не считали себя болѣе, какъ невѣждами, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ почитали ихъ фарисеи.

Удалившись отъ поднявшихъ на Него руки, безъ всякаго вреда, Господь хотѣлъ, чтобъ этотъ день, день послѣдняго для многихъ (оставляющихъ Іерусалимъ) свиданія съ Нимъ,—остался въ памяти ихъ не по однимъ только словамъ Его; Онъ ознаменовалъ его такимъ дѣйствіемъ, которое, сохраняя всѣ качества чудеснаго, въ то же время имѣло характеръ символическій. Проходя изъ храма, ученики Его вмѣстѣ съ Нимъ обратили особенное вниманіе на одного слѣпаго, который былъ слѣпцомъ отъ роду. Не знаемъ, что именно подало поводъ къ такому вопросу, какой они сдѣлали по этому случаю, только спросили они Господа: кто виноватъ въ слѣпотѣ его, самъ ли онъ и потому Богъ по предвѣдѣнію поразилъ его слѣпотою, или родители?

Ни то, ни другое, отвѣчалъ Господь. Но надъ этимъ слѣпцомъ должна явиться слава Божія. И предвидя, что должно повести за собою преднамѣреваемое Имъ дѣйствіе, но вмѣстѣ сознавая свою обязанность дѣйствовать, доколѣ продолжается день Его, Онъ раскрылъ предъ учениками Своими эту тайну мыслей своихъ, прибавивъ: „доколѣ Я въ мірѣ, до-

толѣ Я свѣтъ міру.“ Дѣйствіе, которое Онъ предпринималъ, должно было служить къ просвѣщенію тѣлеснаго и духовнаго ока слѣпорожденнаго и для раскрытія духовныхъ очей многихъ душъ слѣпотствующихъ духовно, готовыхъ сознать свою слѣпоту. Потомъ, обратившись къ слѣпорожденному, сдѣлалъ бреніе изъ плюновенія, помазалъ имъ глаза слѣпому и послалъ умыться въ купель Силоамскую. (Такой способъ исцѣленія соединенъ былъ съ нарушеніемъ суевѣрнаго покоя субботняго). Слѣпорожденный возвратился отъ Силоама зрячимъ. Но когда пришелъ на мѣсто, гдѣ остался Господь съ Своими учениками, тогда Его здѣсь уже не было, такъ что исцѣленный зналъ только по слухамъ отъ другихъ имя исцѣлителя, а не зналъ, кто Онъ и гдѣ Его найти.

Тотчасъ начались толки. Знавшіе этого слѣпорожденнаго, одни признавали его за прежняго своего знакомаго, другіе отрицали. Стали распрашивать его, какъ онъ прозрѣлъ. Тотъ все пересказалъ, какъ было. Спросили, гдѣ твой исцѣлитель? Отвѣчалъ: не знаю!— Дѣло важное! Повели къ фарисеямъ. Начались новые допросы. Слѣпорожденный отвѣчалъ тоже. Фарисеи первое вниманіе обратили на нарушеніе субботы. Отсюда тотчасъ заключеніе о человѣкѣ, который будто бы исцѣлилъ слѣпаго: этотъ человѣкъ не отъ Бога. Но въ то же время другіе стали возражать: какъ же грѣшный человѣкъ могъ сотворить чудо? Вышла распря. Ничего не объяснивъ споромъ, обратились къ слѣпорожденному: какъ онъ думаетъ объ Іисусѣ. Тотъ отвѣчалъ, что признаетъ его за пророка.—О, возразили фарисеи. Это сдѣлка! Этотъ слѣпой никогда слѣпымъ не бывалъ. Позвать родителей! - явились родители. Но и родители 1., признали его своимъ сыномъ, 2., подтвердили, что онъ родился слѣпымъ. Какъ онъ прозрѣлъ, объ этомъ

свидѣтельствовать отказались не потому, чтобы не знали этого, но по страху отъ Іудеевъ. Видя, что свидѣтельство родителей не согласно съ ихъ мыслями обратились снова къ слѣпорожденному, хотѣли его застращать, смутить и подорвать его мнѣніе, сбить въ его показаніяхъ. Воздаждь славу Богу! (заклинаніе). Мы знаемъ несомнѣнно, (тогда какъ ты только думаешь, что Онъ пророкъ), что человѣкъ этотъ грѣшникъ. (Признайся, что дѣло было не такъ). И стали снова его допрашивать: какъ Онъ отверзъ тебѣ очи, думая найти что нибудь такое въ словахъ, что можно было бы перетолковать,—и представить противорѣчащимъ собственнымъ его показаніямъ.

Исцѣленный, проникая ихъ тайныя намѣренія и не желая угождать имъ противъ истины, не сталъ повторять имъ своего отвѣта, а только иронически замѣтилъ: развѣ и вы хотите быть учениками Его,— что такъ пристально распрашиваете о Его дѣйствіяхъ?

Съ ненавистію они отвергли эту мысль: мы Моисеевы ученики, того Моисея, съ которымъ Богъ говорилъ, а ты ученикъ этого, о которомъ мы не знаемъ, откуда Онъ.

Это то и странно, продолжалъ исцѣленный въ томъ же тонѣ, что вы не знаете, откуда Онъ, исцѣлившій Меня. Безъ Бога такого чуда совершить было нельзя. (Такъ слѣпой видѣлъ болѣе зрячихъ, еще не зная ничего объ Іисусѣ, кромѣ только Его имени!).

Но чѣмъ сильнѣе обличали Іудеевъ безхитростныя слова слѣпорожденнаго, тѣмъ съ большими укоризнами они возставали противъ него: во грѣхахъ ты весь родился, и ты ли насъ учишь? и изгнали его вонъ (изъ дому ли судилища только, или извергли изъ синагоги — отлучили, — послѣднее по важности,

какая усвояется этому обстоятельству въ ст. 35, вѣроятнѣе).

Уклонившись отъ народа на ту пору, какъ все это производилось, Господь является теперь по окончаніи всего этого къ исцѣленному и фарисеямъ, чтобы одного подкрѣпить и наградить за твердость, съ какою онъ выдержалъ первое искушеніе за Него и возвести его на степень высшаго познанія и вѣры,—а другихъ обличить ихъ собственнымъ судомъ и сказать имъ еще разъ передъ всѣмъ народомъ, кто они и кто Онъ для народа. Передъ ними былъ человѣкъ, который былъ долго слѣпъ тѣломъ и душою, а теперь видѣлъ и тѣлесными и душевными очами; и было много людей, имѣвшихъ хорошее зрѣніе тѣлесное, но невидѣвшихъ нисколько душевными очами и между тѣмъ мечтавшихъ видѣть ими также хорошо, какъ и тѣми. Своими словами и дѣйствіями Онъ невольно обнаруживалъ различіе тѣхъ и другихъ и приводилъ ихъ къ тому, что они отдѣлялись другъ отъ друга и каждый быстро шелъ по своему направленію. Обращая вниманіе на это свое положеніе и отношеніе къ Нему окружающихъ, Онъ сказалъ: на судъ Я пришелъ въ міръ сей, чтобы считающіе себя невидящими видѣли, а считающіе себя видящими были слѣпы. Одно слово Мое вскрываетъ истину какъ на судѣ и тайны сердечныя обнаруживаются предъ всѣми и предъ собственною совѣстію каждаго. Однимъ дѣйствіемъ Я прогоняю слѣпоту отъ очей тѣхъ, которые искренно въ ней сознаются; и въ то же время мечтающіе много видѣть слѣпнутъ еще болѣе отъ того самаго, что у другихъ просвѣтляется око. И одни начинаютъ видѣть, куда имъ идти, а другіе вовсе сбиваются съ послѣдняго пути и отводятъ за собою другихъ отъ пути истины.

Кто же эти несчастные слѣпцы? не разумѣешь ли

Ты и насъ подъ именемъ слѣпцовъ?—спрашиваютъ Его съ оскорбленіемъ находившіеся при этомъ фарисеи.

Да! и вамъ нечего обижаться этимъ названіемъ. Я бы желалъ лучше, чтобы вы сами сознали себя такими: тогда бы не имѣли вы грѣха: но въ томъ-то и бѣда, что вы говорите,—что видите, поэтому грѣхъ на васъ остается. (Здѣсь ключъ къ объясненію и 3 ст. 9 гл. Іоанна).

И между тѣмъ это-вожди народа! Но надобно же знать нѣсколько и народу, кто эти руководители его и кто его истинный пастырь!

Слѣпота фарисеевъ тѣмъ была пагубнѣе, что они были вожди народа. Въ самомъ дѣлѣ, чего надлежало ожидать отъ народа при такихъ руководителяхъ? Видя все предъ собою, Господь приточно изобразилъ, Кто Онъ, кто эти мнимые руководители, гдѣ Его стадо, и что ожидаетъ его въ будущемъ?

Соберемъ черты этихъ образовъ, разрозненныя у Евангелиста: воръ или разбойникъ *входитъ* во дворъ овчій не дверью, но перелазываетъ индѣ ст. 1, онъ *кличетъ* овецъ, но овцы нейдутъ за нимъ, а бѣгутъ отъ него, потому что не знаютъ чужаго голоса ст. 5. Онъ приходитъ только за тѣмъ, чтобы украсть, *убить* и погубить ст. 10. — Напротивъ пастырь 1, входитъ дверью, 2, ему отворяетъ придверникъ и 3, овцы слушаютъ голоса его, 4, и онъ *кличетъ* своихъ овецъ по имени и вводитъ ихъ; 5, и когда *выведетъ* своихъ овецъ, идетъ передъ ними, а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ Его ст. 2—4. И если еще этотъ пастырь самъ хозяинъ стада, то когда онъ увидитъ волка приходящаго, то не пощадитъ *положитъ жизнь* свою за овецъ ст. 11. Только одинъ наемникъ, а не пастырь, у котораго овцы не свои, когда видитъ приходящаго волка, то

оставляетъ овецъ и бѣжитъ, нерадитъ о овцахъ, позволяетъ волку расхищать стадо и разгонять его ст. 12. 13.—И такъ, въ этой притчѣ два полныхъ образа, два собственно объясняются и Спасителемъ: разбойниковъ и истиннаго пастыря. Черты пастыря Господь относитъ къ Себѣ, только вмѣсто прямаго приложенія первой, второй и третьей черты сего образа употребляетъ новое сравненіе: сравниваетъ Себя съ дверью двора. При этомъ новомъ сравненіи черты дѣятельности пастыря по необходимости переходятъ въ страдательныя: Я есмь дверь овцамъ, говоритъ Онъ. Сказавши это очевидно уже нельзя было Ему сказать о Себѣ, что Онъ сказалъ о пастырѣ, что онъ входить дверью. Но Онъ говоритъ: кто войдетъ Мною, тотъ спасется т. е. найдетъ себѣ спасеніе за оградою отъ міра погибельнаго. Здѣсь Господь вмѣсто входа Своего во дворъ указываетъ на входъ во дворъ чрезъ Него самихъ овецъ; войдетъ и выйдетъ (только возможность отворять дверь, когда нужно, соотвѣтствуетъ *глашенію* овецъ пастыремъ) и пажить найдетъ (пропускъ чрезъ дверь на пажити замѣняетъ самое *изведеніе*). Можетъ быть намѣреніе устранить мысль о своемъ всегдашнемъ личномъ, также видимомъ, какъ и теперь, пребываніи съ своимъ стадомъ побудило Господа избрать въ объясненіе притчи о пастырѣ такой еще новый образъ, въ которомъ по необходимости все должно было разумѣть духовно.—Или вѣроятнѣе Онъ такъ объяснилъ притчу потому, что первыя три черты пастыря въ отношеніи къ народу іудейскому были имъ уже совершены, и Онъ стоялъ теперь только какъ отверзстая дверь для нихъ,—какъ бы принялъ другое значеніе. — Прилагая къ Себѣ послѣднюю черту въ образѣ пастыря, Господь выражаетъ ее такъ: Я есмь Пастырь добрый и знаю Моихъ, а Мои знаютъ Ме-

ня. Какъ знаетъ Меня Отецъ, такъ и Я знаю Отца и жизнь Мою полагаю за овецъ. Внутренній союзъ, въ которомъ состоитъ Господь съ призванными Имъ по силѣ собственнаго союза Его съ Отцемъ Своимъ, побуждаетъ Его защищать своихъ до положенія за нихъ жизни Своей.

Подъ образомъ разбойниковъ, прелазящихъ ограду двора и убивающихъ овецъ, Спаситель изобразилъ, какъ Самъ Онъ объяснилъ сіе, всѣхъ тѣхъ, которые приходили (въ дворъ овчій) передъ Нимъ. Самое слово: *суть* (ст. 8) уже показываетъ, что Господь разумѣетъ людей своего времени; по чертамъ ихъ дѣйствія, изображеннымъ въ притчѣ, это должны быть такіе люди, которые, минуя правильный путь во дворъ овчій, входятъ—или лучше—врываются въ него хищнически, т. е. мимо Христа присвояютъ себѣ титла учителей и не хотятъ ихъ вести путемъ Христовымъ, но за тѣмъ только приходятъ, чтобы погубить стадо Христово.

Объяснивъ такимъ образомъ притчу свою, Господь останавливается еще нѣсколько времени во 1.) на мысли о самомъ стадѣ, которое должно получить новое приращеніе и во 2.) на мысли о пожертвованіи своею жизнію для овецъ своихъ.

Въ прощальной бесѣдѣ Своей съ народомъ Онъ раскрываетъ, что есть у Него и другія овцы, которыхъ надлежитъ Ему привести во дворъ Свой. Чрезъ апостоловъ Своихъ Онъ подастъ имъ голосъ Свой, вызоветъ ихъ изъ разсѣянія эллинскаго (надъ чѣмъ недавно смѣялись Іудеи) и онѣ придутъ и составятъ одно стадо съ избранными отъ Израиля. Это напоминаетъ намъ пѣснь псаломскую объ Іерусалимѣ:

Пс. 86, 1. Основанія его на горахъ Святыхъ.
2. Любитъ Господь врата Сіона болѣе всѣхъ селеній Іакова.

3. Великое возвѣщаютъ о Тебѣ, Градъ Божій:
4. „Буду счислять Египетъ и Вавилонъ (два народа враждебные народу Б.)
Между знающими Меня;
Се и Филистимляне и Тиръ съ Еѳіопіею
тамъ родились".
5. Будутъ говорить о Сіонѣ: тотъ и тотъ родился въ немъ,
Самъ Вышній укрѣпляетъ его.
6. Господь въ переписи народовъ напишетъ:
Такой-то родился въ немъ.
7. И поющіе и ликующіе всѣ источники Мои въ Тебѣ.

Послѣднею мыслію Господь напомнилъ Іудеямъ о своемъ: *отхожу*. Но при этомъ съ особенною силою выставляется на видъ то, что онъ во 1, свободно отдаетъ Свою жизнь и во 2, воспріиметъ ее. Самъ Отецъ не принуждаетъ Его къ тому. Отецъ не останавливаетъ безпредѣльнаго раскрытія любви въ Сынѣ, но предоставляетъ дѣлу любви быть чисто дѣломъ любви безпредѣльной. Но по волѣ Того же Отца (ст. 18) Онъ имѣетъ власть паки пріять жизнь Свою (и конечно воспользуется сею властію).

Симъ заключилъ Господь бесѣды свои въ послѣдній великій праздникъ, совершенный Имъ съ Своимъ народомъ. Какія важныя истины раскрыты въ нихъ! Отъ словъ сихъ между Іудеями произошла распря.

Хотя Евангелистъ Іоаннъ, заключая описаніе сихъ бесѣдъ на праздникѣ кущей и вскорѣ послѣ онаго, и не говоритъ, что Спаситель вскорѣ оставилъ Іерусалимъ, но необходимость такого предположенія основывается на томъ, что 1.) въ теченіе остававшихся до праздника обновленія храма нѣсколькихъ мѣсяцевъ Ему не безопасно было здѣсь оставаться послѣ та-

кихъ обнаруженій злобы, какія видѣлъ во время праздника кущей; 2.) въ праздникъ обновленія, говоря нѣкоторымъ изъ Іудеевъ, что они не принадлежатъ къ числу Его овецъ (10, 26), Онъ припоминаетъ имъ сказанное объ этомъ прежде: а это сказано было въ праздникъ кущей, или вскорѣ послѣ него (10, 8). Еслибы Спаситель долѣе оставался въ Іерусалимѣ, то невѣроятно, чтобы Онъ не имѣлъ многократной съ ними бесѣды и на такую мысль, какая заключается въ сихъ словахъ, не могъ указать ближе примѣра въ собственныхъ словахъ. 3.) Почему Іудеи приступаютъ къ Нему съ вопросомъ именно въ праздникъ обновленія храма, если Онъ постоянно находился въ Іерусалимѣ? Если предположить, напротивъ, что Онъ тогда только опять явился въ Іерусалимѣ, то ясно, почему этотъ вопросъ не явился ранѣе. 4.) Ев. Іоаннъ (10, 40) говоритъ, что послѣ происшедшаго на праздникѣ обновленія Іисусъ пошелъ *опять* за [1]) Іорданъ, въ то мѣсто, гдѣ прежде крестилъ Іоаннъ. Что значитъ здѣсь слово: *опять*? Когда прежде Іисусъ былъ здѣсь, именно въ Переѣ—не далѣе? Ежели разумѣть то, что Спаситель былъ за Іорданомъ предъ праздникомъ еще кущей,—то это было мимоходомъ и притомъ уже давно. Напротивъ не указываетъ ли это слово на то, что Спаситель послѣ окончанія праздника кущей перешелъ на ту сторону Іордана также, какъ въ послѣдствіи и послѣ праздника обновленія храма? Только Ев. Іоаннъ не считалъ нужнымъ упоминать это въ томъ и другомъ случаѣ, а сказалъ здѣсь только для того, что

---

1) Реландъ подъ словами Евангелиста πέραν τοῦ Ἰορδάνου разумѣетъ trajectum ad Jordanem тотъ самый, который Іоан. 1, 28. называетъ по Евр. Виѳавара. Однако же πέραν безъ члена не болѣе какъ предлогъ, а не страна, или мѣсто противолежащее чему нибудь.

мѣсто Его настоящаго пребыванія имѣетъ отношеніе къ слѣдующей въ 11 главѣ исторіи воскрешенія Лазаря. 5.) Еслибы Спаситель долгое время былъ въ Іерусалимѣ, то не могли бы объ этомъ не сказать хотя сколько нибудь словъ и первые три Евангелиста.

По долговременномъ удаленіи изъ Іерусалима,—когда наступилъ свѣтлый праздникъ обновленія храма (въ дек. мѣс.), установленный въ память очищенія его отъ языческаго осквернения при Антіохѣ Епифанѣ, — Господь снова пришелъ въ Іерусалимъ и явился во храмѣ, именно въ притворѣ Соломоновомъ (самомъ нижнемъ изъ притворовъ, окружающихъ зданіе храма). Продолжительность отсутствія, слова, сказанныя въ послѣднее посѣщеніе Іерусалима: ухожу отъ васъ и не найдете Меня, множество слуховъ о чудесахъ, прежде Іисусомъ совершенныхъ—все это вмѣстѣ усиливало нетерпѣніе видѣть Іисуса еще разъ и узнать отъ Него точнѣе, за кого принимать Его должно. Не были эти люди искренно расположены вѣрить въ Него, но не могли и оставаться равнодушными къ явленію Его. И были весьма обрадованы, когда встрѣтили Іисуса опять въ храмѣ въ праздникъ храма. Обступивши Его, они спрашивали: доколѣ еще Онъ будетъ держать ихъ въ недоумѣніи? и просили сказать имъ прямо: Христосъ ли, Мессія ли Онъ?

Зная сердце этихъ людей, Господь отвѣчалъ, что причина ихъ недоумѣній заключается не въ Немъ, а въ ихъ невѣріи и что Онъ пересталъ ихъ считать своими овцами;—сказавъ это, онъ изобразилъ съ нарочитою силою, что̀ Онъ готовъ сдѣлать для тѣхъ, которые вѣруютъ въ Него и вѣрны Ему, сказавъ, что никто у Него не похититъ ихъ изъ рукъ Его,

или что все тоже изъ рукъ Отца Его, прибавилъ: Я и Отецъ одно.

При этихъ словахъ, забывъ все, Іудеи по прежнему схватили было камни, чтобы побить Его, какъ богохульника.—Но Господь на сей разъ не такъ какъ прежде, не удалился, но остановилъ ихъ божественною силою Своею. Раскрылъ имъ, что само писаніе называетъ людей, которымъ было слово Божіе, богами, что слѣдов. не всякій, кто говоритъ о себѣ, что онъ сынъ Божій, есть необходимо богохульникъ. Надобно обращать вниманіе на такого человѣка и на дѣла, которыми онъ подтверждаетъ свое право называться сыномъ Божіимъ. Если уже Мнѣ вы не вѣрите, прибавилъ Господь, то по крайней мѣрѣ вѣрьте дѣламъ Моимъ; они показываютъ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ.

Ревность поохладѣла: однако же они все еще искали схватить Его, чтобы представить Синедріону.—Но Господь отъ нихъ уклонился. Онъ пошелъ на ту сторону Іордана и хотѣлъ провести нѣсколько послѣднихъ дней въ томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально дѣйствовалъ Его предтеча и гдѣ можетъ быть Самъ Онъ былъ имъ указанъ (Іоан. 1, 28).

Дѣйствіе проповѣди Іоанновой въ семъ мѣстѣ еще не изгладилось. И она, хотя поздно, принесла плоды свои. Здѣсь многіе увѣровали въ Іисуса.

Вскорѣ (Іоан. 11, 8) однако же особенныя обстоятельства вызвали снова Господа въ Іудею.

Близъ Іерусалима, на разстояніи не болѣе $^3/_4$ часа пути, въ селеніи, именуемомъ Виѳаніею, сдѣлался сильно болѣнъ одинъ изъ семейства, любимаго Господомъ и посѣщаемаго имъ по временамъ (Лук. 10), именно Лазарь, у котораго были двѣ сестры, извѣстныя намъ Марѳа и Марія. Такъ какъ Господь находился теперь отъ нихъ на разстояніи не далѣе

одного дня [1]), то сестры, видя опасность, послали увѣдомить Его, что любимый Имъ Лазарь болѣнъ, конечно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отъ Него получить пособіе. Получивъ сіе извѣстіе, Господь только отвѣчалъ сестрамъ, что болѣзнь эта не къ смерти, но что она должна послужить явленію славы Божіей, — именно, чтобы открылась слава Сына человѣческаго. Отвѣтъ, повидимому, такой, послѣ котораго нечего было болѣе ни сестрамъ, ни ученикамъ, слышавшимъ Его, опасаться за жизнь Лазаря. Что же должны были подумать объ этомъ утѣшительномъ отвѣтѣ сестры, когда можетъ быть въ тотъ самый вечеръ, когда данъ онъ, Лазарь скончался. И Марѳа и Марія признавали Іисуса Мессіею, сыномъ Божіимъ. Какое же было искушеніе для ихъ вѣры! Вѣроятно нѣсколько времени онѣ были увѣрены, что слова Господа не должны быть напрасны и потому ожидали, не возвратится ли какимъ нибудь образомъ жизнь Лазаря. Но время уходило: въ умершемъ не было никакихъ признаковъ жизни, даже вѣроятно онъ сталъ измѣняться. Потому рѣшились схоронить его по обычаю. Между тѣмъ Господь оставался все тамъ же, гдѣ достигло до него извѣстіе о болѣзни Лазаря и спустя два дня послѣ этого сталъ говорить ученикамъ о намѣреніи своемъ идти опять въ Іудею. Ученики смутились, услыша о такомъ намѣреніи послѣ недавнихъ непріятностей въ Іерусалимѣ. Господь противъ ихъ представленій поставилъ одно, что день

---

1) Это открывается между прочимъ и изъ того соображенія, что когда Господь, получивъ извѣстіе о болѣзни Лазаря, пробылъ два дня на мѣстѣ и потомъ пошелъ въ Виѳанію, то уже засталъ Лазаря четвородневнымъ мертвецомъ. Но главнымъ образомъ это основывается на извѣстности отдаленія одного мѣста отъ другаго. Мѣстопребываніе Іоанна въ Переѣ не могло далеко отходить отъ Іордана. А отъ Іордана въ томъ мѣстѣ, гдѣ крестилъ Іоаннъ, до Виѳаніи не далеко.

Его еще не окончень, и что слѣд. путь Его туда и ихъ съ Нимъ безопасенъ. Потомъ, объясняя причину путешествія прибавилъ: Лазарь другъ нашъ уснулъ,—но видя, что ученики его не понимаютъ, сказалъ прямо, что онъ умеръ и присовокупилъ: я радъ, что онъ умеръ безъ Меня: это лучше для васъ, именно для вашей вѣры; пойдемъ къ нему, я разбужу при васъ его (показывая, что смерть есть какъ бы сонъ). Чувство радости при смерти друга неумѣстно, если бы не скрывалось въ намѣреніи чего большаго. — Въ этихъ словахъ: радуюсь за васъ, раскрывается цѣль, для чего Господь не подалъ помощи болящему другу во время самой болѣзни, и для чего угодно было совершать Ему такое важное чудо, какое вскорѣ совершилъ надъ Лазаремъ. Состояніе вѣры въ ученикахъ послѣ того, какъ Іудеи двукратно уже хотѣли было побить Его камнями, требовало подкрѣпленія и теперь и еще болѣе для предстоящихъ великихъ искушеній. Но раздѣляли ли они радость Господа? Нѣтъ. Когда они узнали, что Лазарь, другъ Іисусовъ, умеръ, что Іисусъ далъ ему умереть, не дозволивъ видѣть славу царства своего и припомнили отвѣтъ Его о болѣзни Лазаря: тогда требованіе Спасителя идти вмѣстѣ съ Нимъ въ Іудею невольно казалось имъ вызовомъ идти на смерть свою; по крайней мѣрѣ такъ смотрѣли на это. Они привыкли всегда дѣйствовать съ осторожностію. Однако же сердцемъ своимъ и они готовы были слѣдовать за Іисусомъ. А когда видѣли, что намѣреніе Его непреклонно, то въ борьбѣ своего чувства съ опасеніями расчетливости, хотя не смѣли сказать ничего Самому Господу, но сказали соученикамъ: пойдемъ и мы, умремъ съ Нимъ, не только не думая о воскресеніи Лазаря, но не думая и о сохраненіи собственной жизни и жизни своего Учителя.

Въ Виѳаніи встрѣтила ихъ Марѳа, всегда занятая хлопотами по дому; едва только услышала, что Іисусъ идетъ, она вышла къ Нему изъ дому, даже изъ селенія. Видно было изъ этого, что вѣра ея и любовь къ Іисусу еще не исчезла и послѣ того, какъ слово Іисуса о болѣзни Лазаря, повидимому, не сбылось (между тѣмъ Марія погруженная въ свою печаль, не замѣчая, что вокругъ нея дѣлается, оставалась дома). Едва увидѣла Марѳа Іисуса, какъ этотъ взоръ на Него вдругъ возбудилъ въ ея душѣ мысль о лишеніи брата и мысль о силѣ Іисуса сохранить Его жизнь, которой Онъ однако же не захотѣлъ оказать. „Если бы ты былъ здѣсь, то братъ мой не умеръ бы, сказала она съ скорбію. Но и теперь, прибавила Марѳа, какъ бы смутясь сама отъ того, что сказала: но и теперь, если Ты чего попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ (Почему говоритъ это Марѳа? Едва ли въ надеждѣ на воскрешеніе Лазаря Іисусомъ. Она не довѣряетъ Ему, когда Господь уже пообѣщалъ его 11, 24. Тоже показываетъ и выраженіе: что ни попросишь у Бога. Какъ рѣдко совершалъ Господь чудеса свои съ видимою для людей молитвою къ Богу!). Господь, постепенно укрѣпляя вѣру Марѳы, говоритъ ей: „воскреснетъ братъ твой. Конечно, прибавила она съ неудовлетвореннымъ видомъ, воскреснетъ, когда и всѣ воскреснемъ (но, какъ будто хотѣла она договорить: вся эта надежда не вознаграждаетъ вполнѣ его лишенія). Между тѣмъ Господь разумѣлъ здѣсь воскресеніе Лазаря прежде общаго воскресенія. Ему только хотѣлось надлежащимъ образомъ приготовить къ этому Марѳу, которая въ заботахъ домашнихъ не всегда умѣла оставлять довольно времени для занятій сердечныхъ и занятій предметами вѣры, какъ сестра ея. Итакъ обращая вниманіе на важнѣйшее для нея въ семъ случаѣ, Господь

указалъ ей на Самаго Себя, какъ на источникъ всякой жизни и на силу воскресенія для всѣхъ. Вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ (а Лазарь—другъ Мой—былъ изъ числа вѣрующихъ): вотъ основаніе для вѣры въ воскресеніе и Лазаря. И всякій живущій или вѣрующій (сама Марѳа и др.) въ Меня не умретъ во вѣкъ т. е. навсегда. Сказавъ это, спросилъ ее: вѣруешь ли сему? Марѳа не нашла лучше, какъ только сказать, что вѣруетъ она, что Онъ Мессія, Сынъ Божій,—думая, что въ этомъ все заключается, и не находя себя болѣе способною продолжать бесѣду съ Господомъ. Въ слѣдъ за этимъ она поспѣшила къ сестрѣ своей и сказала ей: тебя спрашиваетъ Учитель, хотя Онъ совсѣмъ ее и не спрашивалъ. Марія погружена была въ свою скорбь и только любовь къ Тому, Котораго слова она привыкла принимать съ спокойною преданностію, сильна была исторгнуть ее изъ ея положенія. Она поспѣшила къ Іисусу, который все еще находился внѣ селенія. Первыя слова ея были тѣ же, что и Марѳы. Видно было, какъ много онѣ доселѣ занимались этою мыслію. Но слова эти, произнесенныя со слезами Маріею, падшею къ ногамъ Іисуса, были полны болѣе глубокаго чувства, чѣмъ въ устахъ Марѳы. Въ нихъ не было упрека; но и скорбь и преданность выражались полнѣе, чѣмъ у Марѳы. И Марія, произнесши ихъ, болѣе не могла ничего сказать. Слезы ея смутили духъ и Самаго Господа. Душѣ Его близки были всѣ страданія человѣческія, особенно людей, любимыхъ Имъ. Невольно показались слезы на глазахъ Его. Не превозмогла сочувствія и мысль, что скоро эти слезы превратятся въ радость. Это зрѣлище тронуло многихъ и Іудеевъ, пришедшихъ изъ дому Маріи. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, они вѣрны были себѣ, — одни удивлялись любви Іисуса къ Лазарю,

видя слезы Его.—другіе, коварно припоминая исцѣленіе слѣпорожденнаго, указывали на то, что какъ Іисусъ не подалъ въ свое время помощи Лазарю, такъ нельзя думать, чтобы Онъ отверзъ очи и слѣпорожденному.

Между тѣмъ Господь пошелъ на гробъ Лазаря,—думали, что плакать тамъ, но на самомъ дѣлѣ, чтобы тамъ слезы превратить въ радость. Немедленно велитъ отнять камень отъ пещеры, гдѣ погребенъ умершій, отвергаетъ возраженіе заботливой Марѳы съ упрекомъ въ маловѣріи; торжественно приноситъ благодареніе Отцу Своему за услышаніе Его молитвы и объясняетъ, для чего Онъ приноситъ сіе благодареніе въ слухъ всѣхъ; потомъ громкимъ голосомъ, показывающимъ какъ бы напряженіе силы Божественной, вызываетъ умершаго изъ пещеры. Умершій выходитъ въ чемъ былъ положенъ. Чудо поразило и невѣровавшихъ доселѣ въ Іисуса.

Такъ открылась слава Сына человѣческаго, утѣшены сѣтующія сестры и подкрѣплена вѣра учениковъ! Торжественно доказано, что Іисусъ точно есть воскрешеніе и животъ всѣхъ умершихъ и живыхъ, слѣд. Мессія.

Но какія слѣдствія повлекло за собою это событіе? Несмотря на то, что оно совершилось не въ Іерусалимѣ, оно скоро стало тамъ извѣстно отъ очевидцевъ. Страсти начальниковъ іудейскихъ уже были раздражены противъ Іисуса до высшей степени. Приближалось время новаго многолюднаго собранія народа въ Іерусалимъ—пасха. Думали, что слухъ о воскресеніи Лазаря, который всякій могъ провѣрить по близости Виѳаніи отъ Іерусалима, возбудитъ весь народъ въ пользу Іисуса. А того не хотѣли разсудить, что ежели Лазарь дѣйствительно воскрешенъ Іисусомъ, то надлежало признать въ Іисусѣ Божествен-

наго Посланника. Итакъ въ Іерусалимѣ это событіе заняло все вниманіе членовъ Синедріона. Назначили собраніе. Страсти умѣли тутъ прикрыть благовидною личиною. Сколько кто ни порочень, но никогда не хочетъ казаться совершенно порочнымъ въ глазахъ другихъ. А фарисеямъ, главной сторонѣ въ Синедріонѣ, не было неизвѣстно искусство разыгрывать роль святыхъ людей и радѣющихъ о пользѣ народа. Потомъ можетъ быть боялись и противодѣйствія со стороны благорасположенныхъ къ Іисусу (Іоан. 7, 50.), если поведутъ дѣло прямо противъ Него.

Начались совѣщанія. Стали говорить, какъ опасно такимъ живымъ участіемъ, какое оказываетъ простой народъ къ Іисусу, обратить противъ цѣлаго народа подозрѣніе Римлянъ, особенно въ такомъ дѣлѣ, каково ожиданіе Мессіи. Если Римляне узнаютъ, чего народъ ожидаетъ отъ своего Мессіи, Котораго онъ видитъ въ Іисусѣ, то придутъ сюда съ своими легіонами и остатки правъ нашихъ уничтожатъ. Они не хотѣли утверждать, что надежда на пришествіе Мессіи есть ложная надежда: вѣрили, что когда Онъ дѣйствительно придетъ, тогда нечего страшиться Іудеямъ и Римлянъ,—но не хотѣли видѣть Мессіи въ Іисусѣ; впрочемъ объ этомъ въ Синедріонѣ не было прямой рѣчи: какъ будто это былъ вопросъ посторонній. А опасность, какую воображали они въ настоящее время со стороны Римлянъ, они создали и увеличили сами себѣ въ своемъ воображеніи. Господь никогда не доводилъ народъ, къ Нему расположенный, до возстанія въ защиту Его,—никогда ни въ комъ не питалъ надеждъ на такое царство, которое могло быть опасно для владычества римскаго.

Наконецъ все совѣщаніе заключилъ своимъ приговоромъ Первосвященникъ („*Архіерей сый льту тому*“ не то,—что Каіафа на тотъ годъ былъ Архіереемъ,

а на другой—другое лицо, и такимъ образомъ между собою чередовались: но то, что Каіафа былъ Архіерей въ этотъ достопамятный годъ), который былъ изъ секты Саддукейской (Дѣян. 5, 17) и по самому направленію своей секты былъ очень далекъ отъ того, чтобы дорожить чѣмъ нибудь святымъ. „Вы ничего не знаете, сказалъ онъ, конечно обращаясь къ сторонѣ, нѣсколько поддерживавшей Іисуса и можетъ быть настаивавшей на то, чтобы напередъ Синедріонъ удостовѣрился въ томъ, что Іисусъ точно не есть Мессія,—вы не знаете ничего (въ политикѣ) и не подумаете, что лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ. (Въ такомъ видѣ представляется Іоанномъ рѣшеніе Каіафы очевидно потому, что такъ оно стало ему извѣстно отъ присутствовавшихъ въ Синедріонѣ и расположенныхъ къ Іисусу лицъ, какъ напр., Никодима, Іосифа. Разсказывая объ этомъ, они не могли умолчать, что они противостояли было общему мнѣнію, но были отражены словами первосвященника, которыя были приняты всѣми. Какъ вѣренъ Евангелистъ своимъ источникамъ!). Его голосъ приняло и верховное правительство народа Божія—опредѣлили умертвить Сына Божія, но не рѣшили еще, какъ и когда именно это привести въ исполненіе; вообще же не хотѣли откладывать надолго.

Вотъ къ чему привело воскрешеніе Лазаря—не само по себѣ, но по усиливающейся непрерывно злобѣ враговъ Іисуса. Будучи само въ себѣ чрезвычайнымъ изъ чудесъ Спасителя и заключая собою рядъ славнѣйшихъ Его дѣяній, оно какъ бы вызвало соотвѣтственное себѣ по величію совершенно противоположное опредѣленіе Синедріона. Пещера Виѳанская отдала своего мертвеца съ тѣмъ, чтобы другая пещера сокрыла въ себѣ ея опустошителя. Ѳома, сказавъ сво-

имъ ученикамъ: пойдемъ и мы умремъ съ Нимъ. съ нашимъ Учителемъ, не ошибся, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи своего Учителя. Самъ Іисусъ, идя на гробъ Лазаря, плакалъ, кажется не только объ умершемъ, котораго хотѣлъ воскресить, но и о злобѣ людей, которые готовили Ему вскорѣ гробъ,—также какъ Онъ потомъ плакалъ объ Іерусалимѣ, приближаясь къ Іерусалиму, какъ Царь кроткій. Онъ видѣлъ предъ Собою грядущее и когда пошелъ въ Іудею, тогда могъ сказать: *область имамъ положити душу Мою* за овцы Моя, а когда, испустивъ духъ, потрясъ землю и воскресилъ умершихъ, тогда: *власть имамъ пріяти ю.*—Чтоже побуждало Его предаться въ руки враговъ своихъ? То, что Самимъ Отцемъ и Своею любовію Онъ назначенъ быть Агнцемъ, вземлющимъ грѣхи міра.

Опредѣленіе Синедріона было ли извѣстно ученикамъ—не видно. Но Господь, доколѣ не пришелъ часъ Его, уже не сталъ явно ходить по Іудеѣ также, какъ въ послѣднее время и по Галилеѣ. Тайно отправился Онъ изъ Виѳаніи, которая была слишкомъ близка къ Іерусалиму, въ городъ Ефраимъ или Ефремъ, лежавшій въ пустынѣ на сѣверъ отъ столицы разстояніемъ (по Еванг. миль на восемь, по Іерониму на двадцать). Ни время Его пребыванія здѣсь, ни дѣйствія неизвѣстны.

Предъ праздникомъ пасхи, когда въ Іерусалимъ стекались отвсюду Іудеи, Господь вознамѣрился идти туда съ учениками, по видимому, не прямо изъ Ефрема, а взявъ нѣсколько на востокъ, чрезъ Іерихонъ, чтобы соединиться съ толпами или караванами другихъ поклонниковъ, идущихъ въ Іерусалимъ; такъ какъ онъ намѣревался на этотъ разъ торжественно вступить въ сей городъ.

Ученики, представляя себѣ опасность появленія въ

Іерусалимѣ послѣ того, какъ тамъ столько были вооружены противъ Іисуса, шли въ страхѣ и безпокойствѣ (Марк. 10, 32). Самъ Господь шелъ впереди. Вскорѣ соединились съ прочими путешественниками въ Іерусалимъ. Имя Іисуса, извѣстное всякому, начало приводить въ движеніе поклонниковъ. Это могло затмить въ умахъ учениковъ страхъ опасности и даже разогрѣть ихъ собственныя мечты о царствѣ Мессіи. Тогда Господь, отозвавъ своихъ ближайшихъ учениковъ, именно 12, отъ прочихъ, сталъ говорить имъ въ предостереженіе, что именно ожидаетъ его теперь въ Іерусалимѣ. Онъ сказалъ имъ, что Онъ будетъ преданъ въ руки своихъ враговъ, въ руки самого синедріона, что синедріонъ (первосвященники и книжники) осудятъ его на смерть, однако же сами не предадутъ Его смерти, а передадутъ Его въ руки язычниковъ т. е. римскому начальству надъ Іудеею. Но и язычники не вдругъ исполнятъ надъ нимъ приговоръ синедріона, но наперед поругаются надъ Нимъ, будутъ бичевать Его, оплюютъ Его и потомъ уже умертвятъ Его. Все это, прибавилъ Господь, должно совершиться во исполненіе пророчествъ; а въ заключеніе всего Сынъ Человѣческій воскреснетъ изъ мертвыхъ въ третій день (менѣе, чѣмъ Лазарь, будетъ въ гробѣ). [1])

Сколько ученики ни были приготовлены къ печальнымъ ожиданіямъ послѣдними двумя посѣщеніями Іерусалима, но слова Іисуса о своихъ страданіяхъ и смерти все еще оставались для нихъ загадочными. Главное недоумѣніе состояло не въ томъ, кто осмѣ-

---

[1]) Матѳей и Маркъ почти одними и тѣми же словами передаютъ это предсказаніе Господа о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи. Лука ничего не говоритъ о томъ, что Онъ будетъ терпѣть отъ своихъ соотечественниковъ, но говоритъ только о страданіи отъ язычниковъ.

лится подвергнуть Его мученіямъ; это было уже видно: но какъ эти страданія согласить съ мыслію о Мессіи, за котораго ученики признавали Іисуса? Немногіе могли знать необходимость ихъ для служенія Мессіи съ несомнѣнною достовѣрностію, хотя не постигали еще внутренней связи славы Мессіи съ Его страданіями. Только Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, удостоенные видѣнія славы Господа преобразившагося, слышали изъ того міра, изъ устъ Моисея и Иліи, объ исходѣ Его въ Іерусалимѣ, и гласъ, слышанный изъ-за облака, еще сильно гремѣлъ въ ушахъ ихъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте.* И такъ эти три апостола конечно болѣе другихъ были готовы принять слова сіи. Кажется это и было такъ. Двое изъ нихъ, Іаковъ и Іоаннъ, несмотря на такое ясное и подробное предсказаніе о страданіяхъ, тогда же вмѣстѣ съ Матерью приступили ко Господу съ просьбою, чтобы, когда откроется царствіе Его, котораго славу они предвкусили во время Его преображенія, Онъ позволилъ имъ занять престолы близъ Него, одному по правую сторону, другому—по лѣвую. Мысль о престолахъ подали имъ собственныя слова Господа не въ давнее время сказанныя по поводу вопроса Петра: *се мы оставихомъ вся, что убо будетъ намъ?* Но желаніе первенства надъ другими это было собственное ихъ желаніе, вѣроятно усиленное и обнаруженное ихъ матерью Саломіею, сопровождавшею Господа изъ Галилеи. Въ особенности просьба ихъ была обидна для Петра. Но на своей сторонѣ они имѣли то, что Господь оказывалъ особенную любовь къ Іоанну, и что взаимно сами они питали къ Нему пламенную любовь и ревновали о Его славѣ, хотя не всегда согласно Его духу: между тѣмъ Петръ въ одинъ разъ имѣлъ несчастіе быть названнымъ отъ Господа сатаною, и забывъ достоин-

ство своего Господа подвергнулъ Его общей дани.— Какъ бы то ни было, но въ этомъ желаніи не доставало смиренія, правильнаго понятія о царствѣ Христовомъ. Услышавъ ихъ просьбу, Господь прежде всего сказалъ: могутъ ли они пить ту чашу, какую Самъ онъ намѣренъ пить, и креститься крещеніемъ, которымъ Самъ крестится? — Ученики отвѣчали съ рѣшительностію, что могутъ. (Отвѣтъ ихъ показываетъ, что въ это время, до наступленія страданій Господа, они не отвергали совсѣмъ мысль о страданіяхъ Мессіи, чтобы войти въ славу свою. Иное дѣло послѣ, когда смутныя обстоятельства все превратили въ ихъ душѣ).—Хорошо, отвѣчалъ Господь, это и получите. Что у Меня теперь есть въ рукахъ, то и даю вамъ; но престолы назначить это не въ Моей власти.—Впрочемъ этимъ не все это кончилось. Узнавъ о прошеніи сыновъ Зеведеевыхъ, прочіе апостолы изъявили на нихъ неудовольствіе. Тогда Господь, подозвавъ къ Себѣ всѣхъ, объявилъ имъ, что въ Его царствѣ не должно быть такого преобладанія и господства, какое примѣчается въ земныхъ царствахъ, что высшій у Него не тотъ, кому всѣ служатъ, но тотъ, кто самъ всѣмъ служитъ, что только этою мѣрою смиренія и любви можно приближаться къ Нему, быть одесную Его и ошуюю Его; такъ какъ и Онъ Самъ пришелъ на землю не съ тѣмъ, чтобы требовать Себѣ услугъ отъ людей, но послужить людямъ,— и, прибавилъ еще Господь, (воспоминая то, что прежде сказалъ сынамъ Зеведеевымъ о чашѣ страданій и крещеніи огненномъ), чтобы дать душу Свою для избавленія (λύτρον) многихъ. Однимъ словомъ здѣсь случилось тоже самое, что и въ послѣднее время пребыванія въ Галилеѣ. Тамъ послѣ перваго опытнаго познанія царства славы, здѣсь предъ ожидаемымъ полнымъ его откровеніемъ.

Сопровождаемый толпами, Господь съ своими учениками долженъ былъ проходить чрезъ Іерихонъ, находившійся часовъ на шесть пути отъ Іерусалима. Когда приблизились къ этому городу, раздался голосъ: Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй меня! Это былъ голосъ одного нищаго, слѣпаго, по имени Вартимея. Проситель прямо взывалъ къ великому титлу проходящаго Іисуса: сынъ Давидовъ, Мессія. Народъ, разсуждая о величіи Мессіи по своему, совсѣмъ не такъ, какъ сейчасъ говорилъ Онъ съ своими учениками, воспрещалъ слѣпцу нищему безпокоить Его своею докучливою просьбою. Однако же тотъ не переставалъ кричать: Сыне Давидовъ, сжалься надо мною. Наконецъ Іисусъ остановился, велѣлъ его привести къ Себѣ и, спросивъ, что ему нужно, даровалъ прозрѣніе.

Другой опытъ своей снисходительности въ томъ же городѣ онъ явилъ къ удивленію многихъ, одному изъ мытарей, хотя и богатому, но по мнѣнію цѣлаго города человѣку грѣшному,—Закхею. Господь нарочно созвалъ его со смоковницы, откуда смотрѣлъ онъ на проходящаго Мессію—чтобы у него быть въ домѣ. Закхей столько былъ доволенъ такою милостію, что для великаго Посѣтителя обѣщался половину имѣнія раздать нищимъ, а всякій ущербъ, нанесенный другому, вознаградить вчетверо. Этого было достаточно къ оправданію того, почему Господь удостоилъ чести домъ сего мытаря. Обращая на сіе вниманіе Господь сказалъ: нынѣ спасеніе дому сему. Да и почему же не такъ? развѣ Закхей не сынъ Авраама и недостоинъ (по любви своей къ бѣднымъ) быть сыномъ Авраамовымъ? Но Сынъ Человѣческій за тѣмъ и пришелъ, чтобы взыскать и спасти погибшаго (Закхея взыскалъ со смоковницы и изрекъ ему спасеніе въ домѣ).

Раскрывъ правильный взглядъ на Свой поступокъ негодовавшимъ на Него, и замѣчая, что чѣмъ ближе

они къ Іерусалиму, тѣмъ болѣе мысли народа и учениковъ Его увлекаются представленіемъ объ открытіи его царства. Господь хотѣлъ еще дать ученикамъ своимъ вразумленіе и, чтобы оно болѣе могло занять ихъ, нарочно облекъ его притчею. Въ той притчѣ онъ раскрылъ къ охлажденію ихъ мечтаній слѣдующія мысли,—что въ Іерусалимѣ Онъ встрѣтитъ препятствія къ открытію своего царства: что поэтому Онъ долженъ будетъ оставить этотъ городъ и явиться тамъ уже послѣ для того, чтобы низложить сопротивленіе враговъ своихъ и открыть торжественно свое царство; что между тѣмъ апостолы не должны оставаться въ недѣятельности и въ праздности ожидать царства Мессіи, когда оно откроется само собою, безъ всякаго ихъ труда и содѣйствія, но должны дѣятельно трудиться для пользы сего царства. Въ этой притчѣ яснѣе, нежели въ другихъ, сродныхъ съ нею, указывается на отшествіе Господа отъ земли, Его прославленіе на небѣ и возвращеніе съ судомъ надъ своимъ народомъ для полнаго раскрытія своего царства. Въ ней представляется богатый человѣкъ, идущій въ отдаленную страну, ко двору сильнаго государя, чтобы получить отъ него право на управленіе своею страною и возвращающійся оттуда съ титломъ царя. Подъ образомъ этого человѣка Спаситель очевидно разумѣлъ Себя Самого, Свое взятіе отъ земли въ царствіе на небѣ, пришествіе съ судомъ надъ отвергшимися Его Іудеями, не захотѣвшими, чтобы Онъ царствовалъ надъ ними. Къ раскрытію мысли о необходимости собственной дѣятельности апостоловъ и притомъ продолжительной, въ притчѣ сказано было, что тотъ богатый человѣкъ, отправляясь ко двору роздалъ десяти рабамъ своимъ каждому по минѣ для употребленія въ оборотъ, и по возвращеніи, смотря по количеству прибыли, каждому роздалъ въ управ-

леніе соотвѣтственное число городовъ, а одного, не сдѣлавшаго изъ своей мины никакого употребленія, лишилъ всего.

На пути изъ Іерихона въ Іерусалимъ, Господь долженъ былъ проходить мимо Виѳаніи. Здѣсь онъ пріостановился: между тѣмъ толпы поклонниковъ пришли въ Іерусалимъ и разгласили тамъ, что чаемый Мессія приближается. День тотъ былъ по всей вѣроятности суббота: потому народъ оставался въ покоѣ, такъ какъ Виѳанія находилась отъ Іерусалима далѣе субботняго пути (1000 шаговъ).

Это было за шесть дней до Пасхи. Въ Виѳаніи Онъ принялъ вечерю въ домѣ Симона, нѣкогда прокаженнаго. Марѳа, по обычаю, занималась ея приготовленіемъ. Возставшій изъ гроба Лазарь находился за трапезою. (Почему Евангелистъ упомянулъ о немъ? Для того ли, чтобы сказать, что онъ былъ совершенно здоровъ, или для того, чтобы указать на это, какъ на особенность и просто замѣтить уваженіе, какимъ пользовался этотъ гость другаго міра?) Тогда какъ одна сестра Лазаря служила Господу своими распоряженіями, относящимися до трапезы, другая— Марія, можетъ быть не успѣвъ возблагодарить Господа за возвращеніе къ жизни брата въ свое время по причинѣ поспѣшности отбытія Іисуса изъ Виѳаніи, хотѣла вознаградить это упущеніе теперь. Въ обычаѣ у Іудеевъ было умывать гостямъ предъ вечерею ноги и мазать голову и ноги благовоніями. Марія хотѣла сдѣлать это теперь въ честь своему Благодѣтелю. Не расчитывая, что̀ это будетъ стоить, она принесла сосудъ съ муромъ изъ нарда, самымъ лучшимъ и драгоцѣннымъ, и возливая его на главу и ноги Господа, въ знакъ своего предъ Нимъ уничиженія отирала ихъ своими волосами. Не всѣ смотрѣли на это одинаково. Ученикамъ казалось, что лучше было бы про-

дать его въ пользу нищихъ. Недавній примѣръ Закхея и всегдашнее ихъ расположеніе помогать нуждающимся—было къ тому достаточнымъ побужденіемъ. Но у одного изъ этихъ учениковъ была и другая мысль при такомъ предположеніи. Этотъ ученикъ, носившій съ собою небольшую кассу своего общества, думалъ получить въ свои руки муро для продажи и употребить деньги для раздачи нищимъ. Забота о нищихъ была однимъ предлогомъ: а на самомъ дѣлѣ онъ надѣялся самъ чѣмъ-нибудь попользоваться изъ этой суммы. Господь однако же защитилъ Марію, отринувъ самую благовидную причину, какую имѣли прочіе ученики, и постоянно стараясь внушить имъ мысль о своемъ удаленіи отъ нихъ, сказалъ, что нищіе всегда съ ними, а Онъ съ ними не всегда, и присовокупилъ, что Онъ принимаетъ это помазаніе отъ Маріи за приготовительный обрядъ къ погребенію. Если для погребенія не жалѣютъ больныхъ тратъ, то нечего жалѣть и теперь. Для Меня конечно вы не будете столько разсчетливы.

При окончаніи покоя субботняго народъ сталъ приходить изъ Іерусалима въ Виѳанію. Въ Іерусалимѣ уже многіе собрались на праздникъ въ намѣреніи приготовиться въ остающіеся дни къ его празднованію извѣстными очищеніями и обрядами. На этотъ разъ влекло всѣхъ сюда желаніе не только видѣть Іисуса, но и Лазаря, и увѣриться на мѣстѣ въ его воскресеніи. На утро новыя толпы шли сюда изъ Іерусалима. Наконецъ Господь вознамѣрился Самъ идти туда.

При такихъ обстоятельствахъ Его вступленіе въ Іерусалимъ по необходимости должно было имѣть много особеннаго противъ прежнихъ примѣровъ. Народъ съ восторгомъ узналъ о намѣреніи воскресителя Лазарева и готовъ былъ сопровождать Его торже-

ственно, достойно Мессіи по ихъ понятію. Однако Господь, еслибы не хотѣлъ или не имѣлъ въ виду ничего подобнаго, то легко бы могъ уклониться отъ такого торжественнаго входа. Онъ могъ вступить въ Іерусалимъ тайно, съ одними учениками своими, или безъ нихъ, даже не ходить въ Іерусалимъ при такомъ опасномъ положеніи дѣлъ. Нѣтъ, Онъ считалъ это нужнымъ и даже нельзя сказать того, чтобы Онъ только воспользовался этими обстоятельствами, какъ случайными. Напротивъ, это вытекало уже изъ предшествующихъ Его дѣйствій. Въ Іерихонѣ было нѣчто подобное этому. Еще болѣе Онъ показалъ намѣренность сего дѣйствія въ томъ, что несмотря на близость разстоянія Виѳаніи отъ Іерусалима, велѣлъ двумъ ученикамъ идти впередъ Себя и при спускѣ съ горы Елеонской къ Іерусалиму, въ селеніи Виѳфагіи приготовить Ему ослицу и осленка. Ученики постлали на нихъ свои одежды. Іисусъ возсѣлъ на молодаго осла, который еще не былъ употребляемъ ни на какія работы. Явно, это было въ соотвѣтствіе пророчеству, которое въ такомъ именно видѣ представляло явленіе Іерусалиму Мессіи и вообще въ Немъ царя мирнаго и кроткаго, который нарочито избралъ Себѣ это животное, какъ символъ мира, а не какъ символъ брани (Захар. 9, 9. 10). Въ такомъ положеніи Онъ становился для всѣхъ видимымъ—и это еще болѣе усиливало восторгъ народа. Однимъ словомъ, все дѣйствіе это со стороны Спасителя было отвѣтомъ для многихъ на вопросъ: Мессія ли Онъ? Послѣ этого нельзя было сомнѣваться, что Онъ хотѣлъ Себя такимъ показать народу. Но въ тоже время хотѣлъ быть Мессіею не въ народномъ смыслѣ. Поэтому Онъ охотно принималъ всѣ радостныя изъявленія чувствъ, хотя своимъ убогимъ видомъ и много умѣрялъ жаръ нетерпѣливаго восторга. Народъ уви-

дѣвъ, что Господь возсѣлъ на осла, принялъ это за знакъ торжественнаго шествія къ Іерусалиму: громкія восклицанія стали оглашать воздухъ: Осанна т. е. спасеніе Ему, Сыну Давидову. Благословенъ Царь, грядущій во имя Господне. Миръ на небеси и слава въ вышнихъ (изъ Пс. 117, 25, который употреблялся на пасхальной вечери и содержалъ въ себѣ другія указанія на времена Мессіи).

Фарисеи, вмѣшавшіеся въ толпу народа, совѣтывали было Господу прекратить эти крики запрещеніемъ. Но Господь отвергъ это требованіе. „Я вамъ говорю,—сказалъ Онъ,—что ежели эти люди будутъ молчать, то камни заговорятъ“. Этимъ давалъ Онъ разумѣть, что настоящее событіе содержитъ въ себѣ столько высокаго, столько отраднаго для всего человѣчества, что самые холодные, черствые люди не могутъ не чувствовать побужденія къ торжественной радости.

Но сколь мало Самъ Онъ питался этимъ народнымъ восторгомъ, объ этомъ свидѣтельствовали слезы Его, когда Онъ увидѣлъ Іерусалимъ. Какою скорбію объято было сердце Его, полное любви и состраданія, полное сочувствія горестямъ человѣческимъ, когда очамъ Его предсталъ Іерусалимъ, въ которомъ Онъ такъ часто призывалъ народъ къ покаянію и который долженъ предоставить погибели, его ожидающей за его развращеніе: „о если бы хотя нынѣ узналъ ты, что служитъ къ спасенію твоему!“ взывалъ Онъ съ плачемъ къ Іерусалиму. „Но нынѣ это сокрыто отъ очей твоихъ.“ Тогда какъ этотъ городъ думалъ торжествовать съ царемъ своимъ, видѣть себя выше всѣхъ враговъ своихъ, самъ Царь возвѣщаетъ ему стенаніе, разореніе, истребленіе отъ враговъ. Эти стѣны теперь благоденствующаго города тогда будутъ окружены войсками, окопами, а потомъ разо-

рены, такъ что не останется камня на камнѣ. Эти веселыя торжествующія толпы тогда не будутъ ликовать, какъ теперь: истребленіе постигнетъ даже дѣтей!—За что же все это? Нужно ли было радушнѣе пріема, какой оказывалъ теперь Іерусалимъ Іисусу-Мессіи своему?—Господь видѣлъ, что народъ хотя и радуется, но радуется доколѣ самъ еще не зная чему. А руководители народа, совсѣмъ далекіе отъ этой радости, дышали другими чувствами къ Нему. Онъ видѣлъ уже, что скоро это „осанна“ превратится въ „*распни Его*“ и Царь Израилевъ будетъ повѣшенъ на крестѣ. И слезы текли изъ очей Его.

Вступая въ Іерусалимъ при восклицаніяхъ всего народа, Тотъ, кто хотѣлъ въ сей день явить Себя Царемъ, давно желаемымъ, вошелъ во храмъ. Вступленіемъ во храмъ, Онъ открылъ Свое общественное служеніе: сюда пришелъ Онъ теперь какъ бы требовать отчета у прежнихъ управителей дома Отца Своего, посмотрѣть, что они сдѣлали вслѣдствіе перваго Его требованія, какъ исполнили они свое служеніе до сего времени, и потомъ опредѣлить окончательно, чего имъ надлежитъ ожидать за это. Храмъ былъ тогда не столько мѣстомъ ученія, сколько судилищемъ для приставниковъ Его.

Въ храмѣ нашелъ Господь опять тѣхъ же продавцевъ, тоже множество животныхъ, тотъ же шумъ и обманъ и снова изгналъ нарушителей благоговѣнія и оскорбителей святыни (въ тотъ ли же, какъ у Матѳея или въ слѣдующій день,—какъ у Марка,—отъ этого дѣйствіе не измѣнится въ своемъ значеніи). Въ тоже время, какъ *Царь кроткій и спасяй*, Онъ не оставилъ ни одного больнаго безъ утѣшенія и отрады; кто только находился въ храмѣ и требовалъ Его помощи, всѣмъ подалъ Божественною своею силою исцѣленіе. Восклицанія торжественныя не умолкали

въ самомъ храмѣ; у большихъ переняли дѣти и даже младенцы привѣтствовали Спасителя своего: *Осанна сыну Давидову*. Всѣмъ было радостно: однимъ врагамъ Господа больно было слышать эти простодушныя изъявленія радости. Начальники храма и люди надменные своею ученостью, предложили Ему, чтобы Онъ унялъ по крайней мѣрѣ дѣтей, которыя безъ смысла, сами, не зная что, кричатъ и лепечутъ.... Нѣтъ, отвѣчалъ Господь, это не безсмысленные крики, а это отголосокъ чистаго сердца, къ которому и вамъ надлежало бы прислушиваться. Вамъ, знающимъ Писаніе, извѣстно, что говоритъ Псалмопѣвецъ, — *изъ устъ младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу*. Слава Божія такъ живо ощутительна и для младенцевъ, что и дитя поетъ пѣснь Богу безъискуственную, но тѣмъ болѣе искреннюю, сердечную,—и этими своими чувствами посрамляютъ противниковъ Божіихъ.

Свидѣтели сего происшествія конечно ожидали бо́льшаго отъ событій настоящаго дня: полнаго открытія царства Мессіи въ сей день. Но Господь симъ торжественнымъ вступленіемъ только исполнилъ, что предсказано о Немъ пророками и, не оставляя своего смиреннаго вида, къ вечеру удалился изъ Іерусалима. Враги ободрились. Прочіе ожидали, что́ будетъ далѣе. Въ теченіи не многихъ дней, какія оставались еще сыну человѣческому на землѣ, Онъ приходилъ по утру въ Іерусалимъ и занимался съ народомъ въ храмѣ, а прочее время посвящалъ своимъ ученикамъ, съ которыми обыкновенно уходилъ на ночь въ Виѳанію— къ своимъ друзьямъ.

На утро Онъ шелъ въ Іерусалимъ съ учениками, почувствовалъ голодъ; хотѣлъ удовлетворить его плодами смоковницы, которая виднѣлась вдали. Дерево было покрыто листьями: поэтому можно было ожидать

отъ него плодовъ и въ настоящее время около пасхи [1]). Но подошелъ Господь и не нашелъ ничего, кромѣ тѣхъ же листьевъ, которые видѣлъ издали и положилъ на нее проклятіе, отъ котораго она тотчасъ начала сохнуть. Дѣйствіе было бы не объяснимо, если бы не заключалось въ немъ другаго значенія, если бы проклятіе не падало на другой предметъ, истинно достойный гнѣва Господня. И дѣйствительно, чтобы ученики не сочли сей поступокъ слѣдствіемъ одного личнаго Его неудовольствія и нетерпѣливости, Господь повторилъ имъ прежнее наставленіе, что всякій разъ, когда они будутъ просить у Бога что либо, просили бы не только съ вѣрою, но и вполнѣ примирившись со всѣми оскорбителями и врагами своими. Тогда, говорилъ Онъ, не только такое чудо, какъ изсушеніе смоковницы, не будетъ для васъ невозможно, но и болѣе значительное. Что же значитъ это проклятіе безвинной смоковницы? Правильный смыслъ его раскрываетъ притча Господня о смоковницѣ (Лук. 13, 6). Смоковница, имѣвшая только листья, была принята Господомъ какъ символъ іудейскаго народа, котораго благочестіе все заключено въ одной пышности обрядовъ, не производящей ничего стоющаго вниманія. Итакъ это дерево, не соотвѣтствующее своему назначенію, не приносящее плода, наконецъ погибаетъ: такъ и народъ избранный, какъ болѣе не соотвѣтствующій своему назначенію, долженъ быть пораженъ судомъ. Это пораженіе приготовлялось издали: теперь наступаетъ его кризисъ. Однимъ словомъ это дѣйствіе проклятія смоковницы было притчею суда Божія надъ народомъ іудейскимъ,—которую Господь, въ увѣреніе

[1]) Въ Палестинѣ два рода смоковницъ. Кромѣ лѣтнихъ есть зимовые, съ которыхъ собираютъ плоды весною. Поэтому хотя Пасха и не была временемъ смоквъ, но на такихъ смоковницахъ они были. Этимъ объясняется замѣчаніе Марка 11, 12.

Своихъ словъ, предложилъ на дѣлѣ, а не въ словахъ только. Оно осталось тогда необъясненною для того, что тайна, скрывавшаяся подъ нею могла быть слишкомъ тяжкою для учениковъ, но въ послѣдствіи должна была открыться. Стоили ли такого суда руководители народа, это покажутъ слѣдующія событія.

Синедріонъ, уже положивъ умертвить Его, хотѣлъ только какъ нибудь дать этому дѣлу видъ справедливости, искалъ случая обвинить Его съ религіозной или политической стороны; хотѣлъ что нибудь извлечь изъ Его словъ, что могло бы подать поводъ къ обвиненію Его въ неправомысліи церковномъ или къ заподозрѣнію Его въ политическихъ началахъ. Увидѣвъ Господа снова въ храмѣ, Синедріонъ немедленно чрезъ отряженныхъ своихъ членовъ предложилъ вопросъ: по какому праву Онъ беретъ на Себя такія дѣла? (Можно думать, вопросъ этотъ относился не къ тому только, что совершено во храмѣ, но ко всему, что относилось до дѣйствій Его, какъ Мессіи). Господь зналъ ихъ тайныя цѣли и вмѣсто отвѣта предложилъ имъ самимъ вопросъ, который былъ затруднителенъ для ихъ коварной политики. Кто уполномочилъ Іоанна дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ? Призваніе его было ли просто человѣческое или божественное? Если бы они сказали послѣднее, должны были страшиться невыгодныхъ выводовъ, какіе можно было извлечь изъ ихъ сознанія. Но они страшились и отвергнуть это, чтобы тѣмъ не вооружить противъ себя простой народъ, который чтилъ Іоанна за пророка. Итакъ они дали уклончивый отвѣтъ: не знаемъ,—и Господь призналъ справедливымъ въ такомъ же тонѣ отвѣчать и на ихъ вопросъ. Между тѣмъ стоило имъ отвѣтить искренно; тогда тѣмъ или другимъ путемъ они могли бы быть доведены и до отвѣта на предложенный ими самими вопросъ.

Уклонившись отъ отвѣта, Господь обратилъ вниманіе на самый вопросъ, къ чему Синедріонъ дѣлаетъ эти допросы то тому, то другому, — то Іоанну, то Іисусу. Какъ будто онъ дѣйствительно желаетъ знать посланниковъ Божіихъ, а не выбираетъ пророковъ по своему вкусу. Это раскрылъ Онъ въ притчѣ, которую Самъ же объяснилъ. У одного владѣльца былъ виноградникъ, въ который пригласилъ Онъ потрудиться двухъ сыновъ своихъ; одинъ изъ нихъ не обѣщался, но потомъ раскаялся и пошелъ; другой обѣщался, но не пошелъ. Который изъ нихъ сотворилъ волю отца? спросилъ Господь. Первый, отвѣчали Ему. Тогда сказалъ Господь: истино говорю вамъ: мытари и грѣшники предварятъ васъ въ царствѣ Божіемъ. Проповѣдь Іоаннова: „покайтесь“ съ призваніемъ въ царствіе Божіе — огласила всѣхъ и мнимыхъ праведниковъ и всѣми признаваемыхъ за грѣшниковъ: послѣдніе пошли на зовъ его, хотя всѣми отверженные едва и считали себя сынами царствія; другіе, которые на словахъ всегда были первыми слугами его, первые отказались самымъ дѣломъ принять въ немъ участіе. Къ чему и теперь этотъ вопросъ? Развѣ узнавъ рѣшительный отвѣтъ фарисеи—праведники будутъ слѣдовать за Сыномъ Человѣческимъ? Принеся покаяніе, сознаютъ себя грѣшниками? Нисколько; они спрашивали съ тѣмъ, чтобы найти предлогъ къ умерщвленію Его.

Тою же приточною рѣчью Господь продолжалъ раскрывать, что изъ за этого ихъ упорства и злобнаго противленія не только у нихъ, но и у цѣлаго народа отнимается честь перваго вступленія въ царство Мессіи. Новая притча, сказанная уже не фарисеямъ только, но и народу (Лук. 20, 9 —19.) заимствована была теперь отъ вертограда, въ который Господинъ посылалъ не трудиться, а отдавъ его однимъ дѣла-

телямъ, посылалъ только къ нимъ за сборомъ доходовъ, посылалъ не одинъ разъ, а два и три: но злые приставники однихъ прибили, другихъ умертвили, третьихъ каменьями закидали. Тогда послалъ Сына своего: но они положили и Сына его умертвить, чтобы насильственно овладѣть достояніемъ Господина своего; и вотъ они взяли его,—извели вонъ изъ виноградника и умертвили его. Не было нужды пояснять эту притчу. Тѣ, до которыхъ она относилась, сами поняли, кто были эти приставники. Нельзя было не видѣть и того, что Господь, отказавшись отвѣчать на вопросъ о своемъ правѣ дѣйствовать, какъ Мессія усвоялъ именно Себѣ титло сына того Господина и тѣмъ отличалъ себя отъ всѣхъ рабовъ, прежде Его посланныхъ. Только, чтобы подкрѣпить мысль объ отверженіи народа избраннаго за его упорное сопротивленіе, Господь привелъ слова пророка, псалмопѣвца, который давно предсказалъ, какъ чудно дѣло, что сами зиждущіе отвергнутъ камень, который бы долженъ былъ лежать во главу угла, и прибавилъ, что найдутся для винограда Господня и другіе дѣлатели. Пользуясь сравненіемъ, взятымъ изъ псалма, онъ раскрылъ ту же мысль подъ образомъ, употребленнымъ въ псалмѣ: *Падый на камени семъ сокрушится, а на немъ же падетъ сотрѣтъ и* (Первое сокрушеніе покаянія и вслѣдствіе того обращеніе къ царству Мессіи, второе сокрушеніе—судъ Божій,—подобное видѣнному Даніиломъ, которое произошло отъ удара камня въ ноги тѣла (Дан. 2, 45 сл. Ис. 8, 14. 15).

Но вина, казалось, заключалась въ однихъ руководителяхъ народа? Господь далъ на это отвѣтъ въ слѣдующей притчѣ, въ которой ясно раскрылъ, какъ всѣ Іудеи, званые на бракъ, отрицались отъ приглашенія грубымъ и враждебнымъ образомъ; они не

считаютъ стыдомъ повторять свои отзывы на повторяемыя приглашенія; даже не хотятъ слышать ихъ, показываютъ явное презрѣніе къ нимъ. Различіе между ними только въ томъ, что одни, погруженные въ земное, равнодушно пропускаютъ мимо себя проповѣдь о такомъ царствѣ, которое не удовлетворяетъ ихъ чувственнымъ потребностямъ; а другіе, враждебные фарисеи и ихъ партія—явно ругаются и даже умерщвляютъ рабовъ царя, приглашавшаго ихъ на вечерю т. е. посланниковъ Божіихъ, чрезъ которыхъ они призывались въ царство. Отсюда и судъ надъ народомъ и городомъ т. е. истребленіе убійцъ пророковъ и самаго Господа и—разрушеніе Іерусалима. И такъ какъ граждане разореннаго города не могутъ болѣе быть приглашены на брачную вечерю—въ царство Мессіи—то, по разрушеніи города, Царь посылаетъ своихъ рабовъ на распутія, гдѣ встрѣчается много проходящихъ людей.

Все это было пророческимъ указаніемъ на то, что по разрушеніи Іерусалима и по отверженіи древняго избраннаго народа, должны быть избраны новые члены царства Божія изъ всѣхъ народовъ, доселѣ остававшихся внѣ призванія.

Впрочемъ, чтобы не подать повода къ той мысли, будто теперь по крайности всякіе люди могутъ занимать мѣсто на вечери, Господь дополнилъ свою притчу новыми обстоятельствами, которыхъ смыслъ кратко выраженъ въ семъ изреченіи: много званныхъ, но мало избранныхъ. Многіе по своему внѣшнему призванію будутъ членами царства Божія—въ его внѣшнемъ явленіи (видимой церкви), но не будутъ избраны въ дѣйствительные члены царства Божія, по недостатку въ нихъ нужныхъ для того расположеній. Это люди, которые пришли на брачную вечерю и просидѣли на ней въ томъ же платьѣ, въ

какомъ захвачены на пути.—не перемѣнившіе своего сердца и жизни.

Вся эта бесѣда, въ которой заключались притчи, содержащія въ себѣ не столько ученіе, сколько приговоръ высшій, для всѣхъ еще тайный, Господу извѣстный, представляла ясный отчетъ о проклятіи смоковницы и вытекала изъ самой встрѣчи Господа въ Іерусалимѣ; она началась съ искусительнаго вопроса Синедріона: по какому праву творишь ты это? Не уловивъ благопріятнаго отвѣта къ обвиненію Господа съ религіозной стороны, фарисеи стали искать другихъ вопросовъ—съ политической стороны.

Фарисеи и принадлежавшіе къ партіи Ирода Антипы, заботившіеся всего болѣе о сохраненіи политическаго спокойствія, чтобы не подать Римлянамъ никакого повода къ невыгоднымъ подозрѣніямъ, — соединились между собою и вмѣстѣ условились предложить Іисусу такой вопросъ, который бы по необходимости заставилъ Его сказать что нибудь противное ихъ религіознымъ или политическимъ началамъ. Какъ будто желая поставить Его своимъ судьею въ спорѣ, они спросили Его: такъ какъ Онъ говоритъ истину, не обращая вниманія на важность лица, то рѣшилъ бы теперь: по праву ли платится дань Кесарю? Если бы Онъ какимъ нибудь образомъ отвергъ правоту этой обязанности, то этимъ подалъ бы поводъ—представить Его римскому начальству, какъ человѣка опаснаго въ политическомъ отношеніи, который располагаетъ народъ къ отпаденію. Съ другой стороны— еслибы Онъ призналъ эту обязанность во всей ея силѣ, то можно было бы изъ Его словъ извлечь такое заключеніе, что Онъ оскорбляетъ достоинство народа Божія, отказывается отъ права Мессіи (по понятію народа) — даровать Іудеямъ господство надъ всѣми народами.—Но Господь прежде отвѣта по-

требовалъ Себѣ динарій: чей образъ и чье имя написаны на этой монетѣ? Они не могли скрыть, что это образъ и имя Кесаря. Если эта монета римская, то значитъ вы зависите отъ Римлянъ; когда такъ, то должны имъ повиноваться, — давать имъ дань; ежели теперь такая монета имѣла у нихъ ходъ, то это было дѣятельнымъ признаніемъ политической зависимости отъ римской имперіи; отсюда сама собою открывалась необходимостъ исполнять всѣ обязанности, основанныя на этой зависимости. Выводя такое заключеніе, Господь ничего болѣе не сказалъ, какъ только: „воздавайте же Кесарю, что̀ Кесарево и Богу— Божіе.“ Въ этихъ словахъ далъ Онъ разумѣть, что 1) собственно въ гражданскія дѣла ихъ Онъ не вмѣшивается,—тогда какъ они этого наиболѣе ожидали отъ Мессіи; 2) обязанность воздавать Кесарю Кесарево не противорѣчитъ обязанности воздавать Божіе Богу, но еще на ней основывается; 3) что Богу надлежитъ воздавать именно то, что есть Божіе: весь человѣкъ, созданный по образу Божію, принадлежитъ Богу,— есть Божій,—и Ему долженъ быть посвященъ; на воздаяніи Божьяго Богу не только утверждается обязанность воздавать Кесарево Кесареви (такъ какъ и сія обязанность проистекаетъ изъ отношеній, утвержденныхъ Богомъ), но имъ опредѣляются и надлежащія границы сей обязанности.

Когда фарисеи приведены были такимъ отвѣтомъ въ молчаніе,—противная имъ партія Саддукеевъ (изъ того-же Синедріона), радуясь ихъ посрамленію, тотчасъ предложила Ему вопросъ съ своей стороны, касающійся ученія о воскресеніи мертвыхъ, которое они отвергали на основаніи выводимыхъ ими нелѣпыхъ послѣдствій. Какъ дѣйствовалъ Господь въ своихъ обличеніяхъ противъ фарисеевъ, такъ поступилъ Онъ и въ настоящемъ случаѣ, исторгнувъ самый корень

мнѣнія, ими опровергаемаго. Они указали на примѣръ одной женщины, которой по закону ужичества привелось быть женою семи братьевъ. Онъ показалъ Саддукеямъ, что заблужденіе ихъ проистекаетъ изъ того, что они 1) не разумѣютъ Св. Писанія, во 2) не разумѣютъ всемогущества Божія. Если бы они правильно понимали по крайней мѣрѣ тѣ книги, какія допускаютъ — не букву только ихъ, но и духъ: то примѣтили бы необходимую связь между религіознымъ ученіемъ, въ нихъ содержимымъ, и вѣрою въ вѣчное личное бытіе человѣка. Если бы разумѣли всемогущество Божіе, то не предполагали бы, что будущее бытіе человѣка совершенно подобно въ своихъ формахъ и отношеніяхъ настоящему, но согласились бы, что Богъ можетъ даровать бытію человѣка преображенный прославленный видъ. Потомъ Онъ раскрываетъ, что жизнь будущая должна быть сообразна съ жизнію высшихъ духовъ. Подтверждая первую мысль, Онъ указываетъ на часто встрѣчающіяся въ книгахъ Моисея выраженія: *Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковль*. Какъ могъ бы Богъ входить въ такія тѣсныя отношенія къ людямъ и извѣстнымъ людямъ, давать имъ такое высокое значеніе и достоинство, что назывался ихъ Богомъ, еслибы сіи люди были только преходящія явленія, а не существа, назначенныя для вѣчности.

Тогда какъ Господь отразилъ эти искушенія, нѣкоторые благорасположенные люди сами приняли Его сторону, и одинъ изъ нихъ хотя и не признававшій Его за Мессію, но признававшій Его за свидѣтеля истины, предложилъ Ему вопросъ не столько съ тѣмъ, чтобы узнать Его мысли, сколько для того, чтобы засвидѣтельствовать свое согласіе съ Нимъ въ вопросѣ, немаловажномъ въ нравственномъ отношеніи. Учитель, — спросилъ онъ, — какая большая заповѣдь?

Іисусъ отвѣчалъ: все заключается въ двухъ главныхъ заповѣдяхъ: люби Бога больше всего, и ближняго какъ самого себя. Первая есть большая, вторая— подобная ей заповѣдь. Книжникъ подтвердилъ это и прибавилъ, что любовь выше всякой жертвы. Видно было, что этотъ книжникъ понималъ, въ чемъ состоитъ истинное благочестіе. Господь съ любовію сказалъ ему: ты не далекъ отъ царствія Божія. Не то, чтобы этотъ человѣкъ своими дѣлами заслужилъ участіе въ царствіи Сына Человѣческаго, но что трудясь въ такомъ духѣ, онъ можетъ скорѣе другихъ познать необходимость искупителя и содѣлаться такимъ образомъ членомъ Его царства, въ которое призываются всѣ труждающіеся и обремененные.

Между этими бесѣдами коснулись вопроса о лицѣ Самаго Мессіи. Господь Самъ спросилъ находившихся вокругъ него фарисеевъ: какимъ образомъ Мессія называется у Давида, по вдохновенію Духа, сыномъ Давидовымъ и въ тоже время Господомъ Его? Вѣроятно этотъ вопросъ предложилъ Господь съ намѣреніемъ подкрѣпить изъ Писанія свое ученіе о высшей, божественной природѣ Мессіи, отвергаемое слѣпыми ревнителями буквы,—какъ во время праздника кущей,—и обновленія храма. Но вопросъ остался безъ отвѣта. Какъ относительно Іоанна они не хотѣли отвѣчать, чтобы по неволѣ не противорѣчить самимъ себѣ, такъ не хотѣли дать отвѣта на вопросъ о самомъ Мессіи.

Какъ Господь чуждался суесвятства фарисейскаго, такъ не оставлялъ Онъ ни одного случая показывать ученикамъ, что единственно одно искреннее расположеніе даетъ цѣну дѣламъ благочестія; оно всякому можетъ дать великое достоинство: безъ него не можетъ быть ничего великаго. Это далъ Онъ разумѣть и теперь, обративъ вниманіе на приношенія богачей и убогой вдовицы въ корвану храма.

Послѣ всего этого Господь оставилъ храмъ съ грознымъ обличеніемъ противъ фарисеевъ и священниковъ храма, виновниковъ развращенія народа—и съ угрозами наступающаго суда Божія. Оканчивая свое земное поприще, онъ сказываетъ, что и впредь Онъ будетъ дѣйствовать между ними чрезъ своихъ посланниковъ; но фарисеи будутъ преслѣдовать и ихъ, подобно какъ прежнихъ свидѣтелей истины, что этимъ они дополнятъ мѣру беззаконій отцевъ своихъ,—и тогда откроется судъ Божій надъ нечестіемъ Іерусалима. Указывая на будущее, Онъ торжественно говорилъ: вотъ я посылаю къ вамъ (еще разъ) пророковъ, мудрыхъ и книжниковъ,—и вы однихъ убьете и распнете (Симеонъ, братъ Господень Евсев. 10, 32), другихъ будете бичевать въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ. Этимъ довершится мѣра беззаконій отцевъ вашихъ и на васъ падетъ вся кровь праведниковъ, пролитая въ древнія времена (предѣлами отмщенія поставляются первое и послѣднее лица по книгамъ В. З., невинно умерщвленныя).

Эту обличительную рѣчь Господь заключилъ словами, исполненными глубокой скорби объ Іерусалимѣ, оправдавшимися и оправдывающимися доселѣ со времени самаго разоренія Іерусалима и имѣющими вполнѣ оправдаться только съ послѣднимъ судомъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ Я хотѣлъ собрать птенцовъ твоихъ подъ свои крылья,—и вы не хотѣли. Теперь я оставляю домъ вашъ пустымъ,—ухожу,—не увидите Меня, доколѣ не воскликнете: благословенъ грядущій во имя Господне!“ Здѣсь Онъ безъ сомнѣнія указалъ на послѣднее откровеніе Своего царственнаго величія.

Эта угроза особенно тяжело пала на сердце учениковъ, вѣрившихъ въ ея исполненіе, но жалѣвшихъ

Іерусалимъ и непонимавшихъ, какъ это согласить съ ихъ представленіями о Царствѣ Мессіи. Когда оставили они храмъ и Господь услышалъ отъ своихъ учениковъ замѣчаніе о великолѣпіи храма, которое особенно представлялось съ Елеонской горы, куда они шли, тогда открылъ имъ, что отъ всего этого блеска и великолѣпія ничего не останется въ предстоящее разореніе. Ученики пожелали знать объ этомъ что нибудь обстоятельнѣе и когда остались одни съ Нимъ на горѣ Елеонской, предложили Ему вопросъ о времени, когда послѣдуетъ этотъ страшный переворотъ. И такъ какъ доселѣ невидѣвшіе еще открытія царства Мессіи, какъ желали и какъ ожидали, не видѣли и признаковъ окончанія того порядка вещей, какой существовалъ и который съ наступленіемъ царства Мессіи, по понятіямъ Іудеевъ, долженъ былъ совершенно измѣниться: то спрашивали вмѣстѣ: по какимъ признакамъ можно опредѣлить, когда откроется Его царство и наступитъ кончина міра?

Ни нужды учениковъ, ни настоящее ихъ состояніе не требовали того, чтобы открыть имъ весь ходъ дѣла, соединеннаго съ явленіемъ Его царства. Потому Господь раскрылъ предъ ними будущее только въ такой мѣрѣ, въ какой это было нужно для разрушенія ихъ ложныхъ мнѣній и для предостереженія отъ соблазновъ грядущихъ временъ, а чрезъ нихъ для предостереженія и прочихъ вѣрующихъ. „Онъ отойдетъ къ Своему Отцу,—вмѣсто Его будутъ являться тамъ и здѣсь другіе люди подъ Его именемъ. Не вѣрьте; Онъ не такъ долженъ явиться теперь на землѣ.— Начнутся брани—и это еще не кончина міра. Брани распространятся повсюду, настанутъ язвы, голодъ, землетрясенія: все это еще начало болѣзней (терпите). Особенно тяжка будетъ судьба учениковъ Господнихъ (кто бы они ни были): убійство, ненависть, измѣны,

соблазны—все грозитъ имъ. Оскудѣетъ правда и любовь даже между ними. Все это будетъ означать приближеніе кончины. Но она настанетъ уже тогда, когда Евангеліе будетъ проповѣдано всей твари (Мѳ. 24, 4—14).

Изобразивъ въ такихъ чертахъ рядъ грозныхъ явленій, Господь остановился особенно на ближайшемъ явленіи страшнаго суда Божія, надъ тѣмъ, что будетъ съ Іерусалимомъ. „Что касается до Іерусалима, сказалъ Онъ, то близость его разрушенія несомнѣнна, когда, по слову пр. Даніила, мерзость запустѣнія явится на мѣстѣ святомъ. Тогда, кто хочетъ спастися отъ истребленія, бѣги немедленно изъ Іудеи. Оставшіеся здѣсь подвергнутся такой скорби, какую не испытывали еще отъ начала міра. Тогда будутъ свои лжемессіи, но имъ не вѣрьте. Сынъ Человѣческій явится какъ молнія не въ какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ или видѣ, но какъ судъ Божій (Мѳ. 24, 15—28). Онъ явится въ полномъ откровеніи Своей славы, когда наступитъ кончина міра (29—31).

Теперь признаки наступленія той или другой эпохи замѣчаются въ самихъ событіяхъ и какъ, смотря на смоковницу, по мягкости ея вѣтвей и по явленію листьевъ, можно судить о близости лѣта, такъ по указаннымъ признакамъ тѣхъ событій можно судить о близости того или другаго явленія. Что касается до Іерусалима, Господь благоволилъ сказать еще опредѣленнѣе, что не пройдетъ этотъ родъ, какъ все сказанное теперь объ Іерусалимѣ исполнится. Слова Мои непреложнѣе неба и земли.—Но нельзя опредѣлить ни дня, ни часа, когда именно сіе будетъ (32—36).

Остановившись на этомъ, Господь съ особенною силою старался раскрыть ученикамъ, сколь необходимы при такихъ обстоятельствахъ съ ихъ стороны

бдительность, дѣятельность, вѣрность. Итакъ бдите: потому что не знаете, въ который часъ Господь вашъ пріидетъ. Вы остаетесь хозяевами дома безъ Меня: хозяинъ дома всегда бдителенъ, потому что всякій часъ можетъ опасаться, что тать придетъ и подкопаетъ его домъ. Или лучше — ваше положеніе, по удаленіи Моемъ, положеніе рабовъ, которымъ господинъ ввѣрилъ домъ на время своего отсутствія. Каково будетъ рабу, если господинъ застанетъ его безпорядочно расточающимъ его имѣніе: и какъ напротивъ блаженъ приставникъ дома, если господинъ ни отъ кого не услышитъ жалобы на него, всѣ будутъ имъ довольны (42—51). Надобно быть дѣятельнымъ въ свое время. Когда придетъ Сынъ человѣческій, тогда будетъ уже поздно заботиться о томъ, что нужно приготовить къ Его пришествію. Не будьте какъ дѣвы буія, будьте какъ дѣвы мудрыя (25, 1—12). Не должно пренебрегать даже и малымъ дарованіемъ. Взыщется не только за утрату, но и за неупотребленіе въ дѣло, за неприращеніе и единаго таланта (13—30). Въ заключеніе Господь присовокупилъ, что когда придетъ Онъ въ славѣ своей, тогда не оставитъ безъ награды ни одного благодѣянія во имя Его, сколь бы ни были низки и незначительны тѣ люди, которымъ оно сдѣлано. Всякое благодѣяніе въ лицѣ ихъ принимаетъ Онъ Самъ, и съ другой стороны не оставитъ безъ суда и наказанія тѣхъ, которые по надмѣнію и жестокосердію не захотѣли бы знать никакихъ нуждъ человѣческихъ, думая только объ удовлетвореніи своихъ потребностей. Для первыхъ наградою будетъ вѣчное блаженство; для послѣднихъ наказаніемъ вѣчныя мученія съ діаволомъ въ геенѣ огненной (31—46).

Между многочисленными толпами посѣтителей Іерусалима, собравшихся на праздникъ, были и язычъ-

ники, которые исповѣдали вѣру въ Бога истиннаго и въ извѣстныя времена приходили въ храмъ для совершенія жертвъ и молитвъ, вѣроятно прозелиты вратъ. Торжественное вступленіе Іисуса въ Іерусалимъ и другія Его дѣйствія заставляли ихъ остановить особенное вниманіе на Немъ. Въ Его словѣ душа ихъ могла найти удовлетвореніе. Они желали лично узнать Его, но не смѣли сами непосредственно къ Нему обратиться и просили одного изъ учениковъ (Филиппа) представить ихъ своему Наставнику. Въ этомъ опытѣ Господь видѣлъ предзнаменованіе великихъ послѣдствій, какія должны произойти для человѣчества отъ Его страданій въ отношеніи къ нравственному преобразованію рода человѣческаго, къ распространенію церкви Божіей. „Наступило время прославленія Сына человѣческаго, сказалъ Онъ. Сынъ человѣческій прославляется на небеси, страданіями Онъ возводится въ славу, прославляется на земли, пріобрѣтая своими дѣйствіями послѣдователей Себѣ между язычниками.“ Отсюда переходитъ къ мысли о необходимости Его смерти, чтобы прославленіе истинно совершилось. Какъ сѣмя, доколѣ не будетъ брошено въ землю, дотолѣ пребываетъ одно, но когда умретъ, то приноситъ великій плодъ: такъ и жизнь божественная. Всѣ блага духовныя, которыя принесъ Онъ съ Собою, доколѣ Онъ пребываетъ въ настоящемъ своемъ земномъ образѣ, заключены только въ Немъ одномъ. Но когда эта земная оболочка, въ которой заключена жизнь божественная, раскроется, тогда сія жизнь удобнѣе можетъ сообщиться для многихъ. Здѣсь заключалась и та мысль, что какъ Онъ страданіями входитъ въ славу, такъ и Его ученики не должны ожидать себѣ какого-нибудь земнаго славнаго царства, но только тѣмъ же путемъ и они могутъ возвыситься къ предназначенному имъ достоинству, какимъ Онъ

Самъ, — страданіями и самоотверженіемъ. Кто ставитъ свою земную жизнь за высочайшее благо, хочетъ навсегда удержать его при себѣ, тотъ потеряетъ его; а кто свою жизнь ни во что ставитъ для царствія Божія, тотъ сдѣлается участникомъ истинной вѣчной жизни. Указавъ сіи послѣдствія, Господь присовокупилъ: кто Мнѣ служитъ, Мнѣ послѣдуй. И гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. Но съ представленіемъ славы, которая послѣдуетъ за страданіями, невольно возникало въ душѣ Богочеловѣка и смущеніе, скорбь. Іисусъ праведный долженъ страдать! Но Онъ не сталъ просить Отца Небеснаго, чтобы Онъ избавилъ Его отъ этой смертной борьбы. Съ полнымъ сознаніемъ смотрѣлъ Онъ на этотъ часъ борьбы, какъ на необходимый переходъ къ окончанію Его дѣла и всѣ Его чувства и желанія сосредоточивались въ одномъ, чтобы Его страданія послужили къ славѣ Отца Его. И когда Господь изрекъ сію молитву тайнаго жертвоприношенія, тѣ, которые имѣли сердце способное къ принятію святаго, услышали гласъ съ небеси, который запечатлѣлъ сію молитву: Я прославилъ имя Мое чрезъ Тебя и еще прославлюсь чрезъ Тебя. Уже вся земная жизнь Іисуса до сего времени служила къ прославленію имени Божія; а Его страданія и послѣдствія ихъ еще болѣе должны служить къ прославленію Бога Отца— самымъ основаніемъ царства Божія. Самъ Онъ въ этомъ гласѣ не имѣлъ нужды, потому сказалъ: не для Меня былъ гласъ сей, но для народа,—и объяснилъ, какимъ образомъ Богъ чрезъ Него еще будетъ прославляться, смерть Его есть не уничтоженіе Его дѣла, но торжество Его. Въ совершеніи Имъ своего дѣла заключается приговоръ осужденія для міра—для всего, что не отъ Бога. Царство зла потрясается. Сатана низвергается съ своего престола владычества надъ родомъ человѣческимъ; язычъ-

ники сами начинаютъ обращаться отъ области сатанины къ Богу, а когда Я вознесусь отъ земли, прибавилъ Онъ, тогда всѣхъ привлеку къ Себѣ.

Наконецъ свою общественную дѣятельность Господь заключилъ предостерегательными словами къ народу: „одумайтесь, доколѣ есть еще время; не долго еще свѣтъ божественный остается между вами; употребите это краткое время на то, чтобы расположить себя къ принятію свѣта Божія съ вѣрою; постарайтесь содѣлаться сынами свѣта, чтобы, отчуждившись отъ свѣта, не погрузиться навсегда во мракъ и неудержимо идти къ своей погибели.“

Теперь мы должны обратиться къ темнымъ дѣламъ тьмы, отъ коихъ предостерегалъ Спаситель Іудеевъ,— къ злымъ совѣщаніямъ Іудеевъ противъ Іисуса. Здѣсь первое вниманіе надобно обратить на того ученика, который послужилъ орудіемъ къ исполненію злыхъ намѣреній Іудеевъ. Какое побужденіе имѣлъ этотъ несчастный ученикъ, когда предавалъ своего наставника на жертву Іудеямъ? Вопросъ этотъ не легко разрѣшить. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, ученикъ, причисленный къ лику апостольскому, который могъ ежедневно испытывать на себѣ впечатлѣнія божественной силы, дѣйствовавшей въ Іисусѣ Христѣ, былъ свидѣтелемъ дѣлъ Его могущества, столько имѣвшій опытовъ Его любви, могъ рѣшиться на такой ужасный шагъ, на такое нечестіе? Безъ сомнѣнія, онъ присталъ къ обществу учениковъ, не имѣя въ началѣ намѣренія предать Іисуса, но также съ искреннимъ расположеніемъ, какъ и прочіе апостолы. Конечно и Господь въ немъ видѣлъ способнаго быть достойнымъ апостола: иначе Онъ не допустилъ бы его въ близкое общеніе съ Собою, не обращался бы съ нимъ какъ и съ прочими апостолами. Этимъ еще не исключается возможность и того предположенія, что

были однакоже въ характерѣ Іуды и дурныя черты также, какъ и добрыя и, безъ сомнѣнія, Господь столько же видѣлъ и эти сѣмена зла, сколько начатки добра: только борьба зла съ добромъ еще не была рѣшена и можно было надѣяться, что доброе возьметъ верхъ надъ злымъ. Спрашивается: какое же было господствующее въ Іудѣ злое расположеніе, изъ котораго проистекло предательство? Отыскивая историческія указанія для разрѣшенія этого вопроса, естественно прежде всего обратить вниманіе на сребролюбіе: Евангелистъ Іоаннъ замѣчаетъ, что Іуда имѣлъ при себѣ денежный ящикъ, въ которомъ хранилась небольшая касса учениковъ Господнихъ и что онъ не былъ вѣренъ въ исполненіи своей обязанности, но пользовался суммою тайно къ своему обогащенію. Съ этимъ замѣчаніемъ хорошо соглашается и то обстоятельство, что, по единогласному свидѣтельству трехъ первыхъ Евангелистовъ, Іуда условился за извѣстную сумму предать своего учителя синедріону. На основаніи такого соображенія мы могли бы заключить, что эта алчность корысти возрасла въ немъ до такой степени, что для удовлетворенія ея онъ не устрашился такого злодѣянія.

Но съ этимъ предположеніемъ трудно согласиться. Еслибы въ Іудѣ до такой степени преобладало надъ всѣмъ корыстолюбіе, то невѣроятнымъ представляется, чтобы Господь принялъ такого въ число своихъ учениковъ. Такъ глубоко проникая въ сокровенныя чувства каждаго и умѣя употреблять каждаго на то, въ чемъ кто болѣе можетъ оказать пользы: какъ Онъ допустилъ такого человѣка до завѣдыванія кассой? И если Іуда единственно по сребролюбію предалъ своего Учителя Іудеямъ, то трудно объяснить, почему онъ удовлетворился такою малою суммою, какъ тридцать сиклей, или сребренниковъ. Можно думать, что

синедріонъ, имѣя въ виду захватить, кого желалось, до начала Пасхи, не поскупился бы дать и болѣе, еслибы Іуда потребовалъ. Развѣ допустить предположеніе, что синедріонъ поскупился или потому, что имѣлъ въ виду другіе способы захватить Господа, не соглашаясь дать Іудѣ болѣе, или расчитывалъ на характеръ дѣйствій самого Господа, что Онъ не воспользуется для своего защищенія никакимъ стеченіемъ народа. Какъ бы то ни было, столь малозначительная сумма не могла быть единственнымъ побужденіемъ такого дѣйствія Іуды. Да и мала ли, велика ли была сумма, во всякомъ случаѣ надобно допустить, что человѣкъ, который пользовался близостію къ своему учителю и по крайней мѣрѣ считалъ его Мессіею нѣкоторое время, уже довольно времени долженъ былъ находиться въ другихъ къ Нему внутреннихъ отношеніяхъ, чѣмъ прежде, или чѣмъ прочіе ученики. Такимъ образомъ можетъ статься, что и не сребролюбіе было главнымъ побужденіемъ предательства.

Да и точно ли Іуда предвидѣлъ исходъ дѣла? Его неестественная смерть, это наложеніе рукъ на себя, когда увидѣлъ онъ, что Іисусъ осужденъ на смерть, повидимому, даютъ право заключать, что Іуда на это не расчитывалъ.

Есть предположеніе, что Іуда предполагалъ ускорить теченіе дѣла: поставивъ Іисуса въ опасное положеніе, онъ думалъ Его вынудить къ немедленному объявленію себя царемъ—Мессіею или къ употребленію Божественной силы для торжества надъ всѣми препятствіями. И отъ того, когда дѣло получило совсѣмъ иной оборотъ, Іуда, видя, что Тотъ, Которому сердце его нѣкогда было предано, осужденъ, пришелъ въ такое отчаяніе. Такой образъ дѣйствованія нельзя не назвать преступнымъ. Цѣль не освящаетъ

противонравственныхъ средствъ. И можно ли такъ обращаться съ дѣлами Божіими!

Что думать объ этомъ предположеніи? Если бы Іуда слѣдовалъ такимъ воззрѣніямъ, хотя и незаконнымъ, то конечно Самъ Господь не допустилъ бы его увлечься такою мечтою до ослѣпленія. Еще: допустивъ такое предположеніе, никакъ нельзя согласиться, чтобы Господь, замѣтивъ намѣреніе Іуды удалиться съ вечери, сказалъ ему такія слова, какія приводятся у Евангелиста. Они прямо приняты были бы за одобреніе предпріятія: *еже твориши, сотвори скоро.*

Кажется надобно допустить, что Іуда, какъ и другіе апостолы, пришелъ къ Господу съ земными видами, съ чувственными надеждами. Но потомъ скоро въ нихъ разочаровавшись, вообще охладѣлъ къ дѣлу, которымъ увлекся въ началѣ. Еще за годъ до своей кончины, Господь послѣ извѣстной бесѣды въ синагогѣ Капернаумской, когда многіе оставили Его, замѣтилъ ученикамъ, что и между ними есть діаволъ, разумѣя Іуду. Конечно и Петру было сказано: иди за Мною, сатана; ты *не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая* (Мѳ. 16, 2. 3). Но сердце Петра легко склонилось къ раскаянію. Сердце же Іуды было черство. Отдѣлившись отъ общества Іисусова, связанный съ нимъ только земными интересами, Іуда давно уже пересталъ быть ученикомъ Его и только выжидалъ случая благовидно отстать отъ Него. Господь терпѣлъ его при Себѣ частію въ намѣреніи подѣйствовать на его душу, частію потому, что предвидѣлъ свою судьбу, связанную съ его личностію (*вѣдяше бо искони Іисусъ, кто есть предаяй его* Іоан. 6, 64).

Остается разсмотрѣть событія послѣдняго времени служенія Господа. Съ того времени, какъ воскрешеніе Лазаря стало обращать на себя вниманіе народа, намѣреніе синедріона—погубить Іисуса—утвердилось.

Не соглашались только еще въ томъ, какъ это исполнить; хотѣли опредѣлить это, смотря по обстоятельствамъ. Еще неизвѣстно было тогда, придетъ ли Онъ въ Іерусалимъ. Между тѣмъ, противъ ожиданія синедріона, Іисусъ не только явился въ Іерусалимъ публично, въ виду враговъ, грозящихъ Ему смертію, но и вошелъ въ него съ такою торжественностію, какъ никогда. Господствующая партія фарисеевъ уже раскаявалась, что допустила зайти дѣлу такъ далеко: „смотрите, говорили фарисеи между собою, всѣ ваши совѣщанія не ведутъ ни къ чему, весь народъ привязался къ Нему, что теперь остается дѣлать (Іоанн. 12, 19)?“ И стали думать, какъ бы взять Іисуса хитростію и умертвить (Мѳ. 26, 4): неизвѣстно, рукою ли тайнаго предателя, какихъ тогда было много; или тогда уже составился планъ—хитростію захватить Его въ свои руки и предать Его позорной смерти подъ законнымъ предлогомъ. Но то было уже рѣшено, чтобы исполнить это не въ самый праздникъ, но или послѣ праздника, или до него. Послѣднее болѣе нравилось и было избрано всѣми, когда одинъ изъ самыхъ учениковъ Господа Іуда Искаріотскій предложилъ имъ свои услуги (Мѳ. 26, 14—16. Лук. 22, 3—6). Условились съ нимъ въ цѣнѣ и онъ обѣщался имъ предать своего Наставника и Господа.

Тогда какъ прочіе ученики ничего этого не знали, Господу все это было открыто и Онъ спокойно ожидалъ, когда придетъ часъ Его. Онъ предвидѣлъ, что оставитъ учениковъ Своихъ прежде, нежели наступитъ ожидаемый праздникъ и потому хотѣлъ дать особенное значеніе послѣдней вечери своей съ ними, поставить ее въ соотвѣтствіе съ пасхальной іудейской вечерью или лучше—христіанскою ново-завѣтною вечерію замѣнить ветхозавѣтную. Тринадцатаго дня Низана Онъ находился вѣроятно въ Виѳаніи, чтобы

вполнѣ посвятить послѣдніе часы своимъ ученикамъ. Но утромъ того дня послалъ Петра и Іоанна въ Іерусалимъ, чтобы объявить хозяину того дома, гдѣ Господь намѣревался совершить сію послѣднюю вечерю— о семъ намѣреніи и приготовить, что нужно для пасхи. Посылая двухъ вѣрнѣйшихъ учениковъ своихъ, Онъ не объявилъ имъ имени его хозяина,—вѣроятно для того, чтобы не узналъ его Іуда и не передалъ его первосвященникамъ. Господу нужно было, чтобы эта вечеря была совершена въ невозмущаемой тишинѣ.

Передъ вечеромъ Господь приходитъ въ этотъ домъ со всѣми учениками Своими, и, когда наступило время, открываетъ вечерю, вѣроятно, по обыкновеннымъ пасхальнымъ обрядамъ. „Очень желалъ я ѣсть съ вами сію пасху прежде Моего страданія“ — были первыя Его слова. Я уже не буду ѣсть ее, доколѣ не настанетъ истинная пасха съ полнымъ откровеніемъ царства Божія (*дондеже скончаются*, πληρωθῇ, т. е. τὸ πάσχα Лук. 22, 15. 16). Потомъ, по обыкновенію, совершивъ благодареніе Отцу Своему, избавившему народъ свой отъ работы египетской рукою крѣпкою и мышцею высокою—надъ чашею съ виномъ, — подалъ сію чашу ученикамъ, приказалъ раздѣлить ее между собой, и снова замѣтилъ, что Онъ не будетъ пить отъ плода винограднаго, пока не пріидетъ царствіе Божіе (Лук. 17. 18). Безъ сомнѣнія и эта рѣчь имѣла значеніе символическое и выражала для учениковъ по крайней мѣрѣ то, что уже въ послѣдній разъ они совершаютъ такъ пасху, что въ слѣдующій годъ уже не будутъ ее праздновать, какъ нынѣ; что слѣд. между настоящею и слѣдующею пасхою должно открыться царство Мессіи.

Мысль о близости откровенія царства снова возбудила въ ученикахъ нетерпѣливыя мечты; снова ро-

дился между ними вопросъ и споръ о томъ, кто между ними больше? Господь припомнилъ имъ свои наставленія о различіи Его царства отъ всѣхъ земныхъ царствъ. Но чтобы ученики не впали въ другую крайность, въ уныніе, прибавилъ: „такъ какъ вы пребыли со мною въ искушеніяхъ Моихъ, то Я завѣщаваю вамъ царство, какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой царство". И соединяя мысль о вечери „Новой Пасхи", которую Самъ раскрылъ предъ симъ, съ мыслію о престолахъ, которыхъ они желали, снова обѣщалъ имъ то и другое только безъ сомнѣнія въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и прежде. Да ядите и піете за трапезою Моею во царствіи Моемъ и сядете на престолахъ судить 12 колѣнъ Израилевыхъ. (Лук. 22, 24—30).

Чтобы усилить наставленіе примѣромъ, Господь изъ возлежащаго сталъ служащимъ (Лук. 22, 27.). Послѣ первой чаши у Іудеевъ слѣдовало омовеніе рукъ для приготовленія къ снѣденію агнца. Обрядъ, не предписанный закономъ, основывавшійся на понятіяхъ объ оскверненіи. Господь опровергалъ это суевѣрное мнѣніе прежде: едва ли слѣдовалъ обычаю и въ настоящемъ случаѣ. Вмѣсто сего сообразно съ своею цѣлію: преподать урокъ смиренія ученикамъ Своимъ Онъ предложилъ омовеніе не рукъ, а ногъ, и вставъ отъ вечери,—сложивъ съ Себя верхнюю одежду и опоясавшись полотенцемъ, налилъ воды въ умывальницу, приготовленную для омовенія рукъ, и сталъ омывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ. Видѣть въ такомъ положеніи Божественнаго Наставника для всѣхъ было странно, больно, не совмѣстимо съ тѣмъ чувствомъ уваженія и благоговѣнія, съ какимъ привыкли смотрѣть на Него. Однако при такомъ уваженіи никто не осмѣлился прекословить исполненію Его воли. Только пламенный, рѣшительный

Петръ не могъ подавить въ себѣ этого волненія. И даже тогда, когда Господь послѣ перваго отрицанія указалъ ему на то, что онъ еще не понимаетъ значенія этого дѣйствія, а уразумѣетъ его послѣ, еще не было побѣждено его сопротивленіе. Послѣ того Господь сильнѣе сдѣлалъ замѣчаніе противъ своеволія Петра: „если Я не умою тебя, то не будешь имѣть части со Мною“; этимъ выражено требованіе полнаго отреченія своей воли, преданіе себя въ волю Христа, какъ необходимое условіе истиннаго духовнаго общенія съ Нимъ; устрашенный такою угрозою Петръ говоритъ: „если такъ, Господи, то омой не только ноги мои, но и руки, и голову (т. е. всего). Это не нужно, возразилъ Господь, какъ не нужно омывшемуся въ банѣ возвратившись въ свой домъ снова мыться, но только омыть ноги, чтобы стереть прильнувшую къ нимъ пыль. (Въ комъ уже очищено главное и существенное—его сердце вѣрою и полною преданностію слову истины, тотъ не имѣетъ нужды въ новомъ очищеніи отъ нечистотъ грѣховныхъ). Такъ и вы чисты. Но поелику нельзя было этого сказать объ Іудѣ, то прибавилъ: но не всѣ.

Окончивъ это дѣло смиренія, Господь снова возлегъ на вечери съ учениками Своими и объяснилъ имъ намѣреніе этого поступка. „Если я, Господь и Учитель умылъ ваши ноги: такъ и вы должны умывать ноги другъ другу... и блаженны вы, когда исполните то.“ Но мысль объ Іудѣ снова заставила Его присовокупить: блаженны,—но не о всѣхъ васъ говорю. Я знаю, кого избралъ. — Впрочемъ и въ этомъ случаѣ слово Писанія не нарушается, а исполняется; сказано: ядущій со Мною хлѣбъ поднялъ на меня пяту. Такіе намеки повторялъ Іисусъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ученики не поколебались въ вѣрѣ своей, когда одинъ изъ нихъ будетъ орудіемъ

предательства, не подумали, что Наставникъ ихъ Самъ въ нихъ обманывался. Эту причину объяснилъ Господь, можетъ быть, и для того, чтобы пробудить совѣсть Іуды.

Но когда Сынъ Человѣческій представилъ себѣ, какъ одинъ изъ этихъ самыхъ учениковъ, пользовавшійся особенною любовію Его, отречется отъ Него, и будетъ орудіемъ враговъ Его, то эта мысль смутила и Его духъ. Онъ сказалъ яснѣе: одинъ изъ васъ предастъ Меня. (Іоанн. 13, 21). Такое открытіе привело всѣхъ въ изумленіе: какъ изъ среды ихъ предатель? Кто этотъ предатель? Господь продолжалъ: впрочемъ Сынъ Человѣческій отходитъ, какъ писано о Немъ.—Но, прибавилъ Онъ, горе тому человѣку, которымъ Сынъ Человѣческій предается; лучше бы не родиться тому человѣку (Мѳ. 26, 21—24). Ученики пришли въ уныніе, смотрѣли другъ на друга, всѣ спрашиваютъ: не я ли? Господь молчалъ. Но когда Петръ далъ знакъ Іоанну спросить объ этомъ Господа, Іоанну, который занималъ такое мѣсто, что могъ склониться на грудь Спасителя и тихо говорить съ Нимъ: тогда Господь отвѣчалъ ему (также тихо): это тотъ, кому теперь чередъ получить отъ Меня кусокъ агнца (а не хлѣба, какъ въ слав. переводѣ Евангелія Іоанна), омоченный въ блюдо, и подалъ Іудѣ. Смущенный тайнымъ разговоромъ Іисуса съ Іоанномъ, Іуда и самъ съ наглостію спросилъ: не я ли? Господь отвѣчалъ: ты сказалъ.—Послѣ этого имъ надлежало ожидать, что совѣсть Іуды пробудится и удержитъ его отъ исполненія его адскаго намѣренія; или онъ долженъ былъ скорѣе оставить сіе общество и сдѣлать послѣдній шагъ къ преступленію. Онъ поднялся съ своего мѣста и Господь только сказалъ ему въ напутствіе: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Эти слова не были повелѣніемъ, напротивъ они могли про-

извести въ душѣ, способной къ принятію лучшихъ впечатлѣній, благодѣтельный переворотъ. Но такъ какъ Іуда однажды рѣшился на дѣло, такъ какъ это дѣло постоянно занимало его и въ намѣреніи его уже было почти совершено, то Господь этимъ обнаружилъ только то, что Самъ Онъ уже готовъ съ своей стороны на все, чему надлежитъ быть.

Когда Іуда удалился, чтобы объявить Синедріону, какъ онъ придумалъ предать Іисуса въ его руки, смерть Іисуса уже была рѣшена. Въ этомъ то смыслѣ Іисусъ, по удаленіи Іуды [1]), съ торжественностію произнесъ: „Нынѣ прославился Сынъ Человѣческій и Богъ прославился о Немъ“. Теперь приноситъ Свою жизнь Сынъ Человѣческій въ славу Бога Отца и Богъ Отецъ не оставитъ Его, прославитъ Его. Если Богъ прославился въ Немъ; то Богъ прославитъ и Его въ Себѣ (у Себя ἐν ἑαυτῷ) и вскорѣ прославитъ Его“ (Іоанн. 13, 31. 32.).

Заключая эту пасхальную вечерю, Господь снова замѣтилъ, что Онъ сильно желалъ совершить съ учениками Своими эту послѣднюю пасхальную вечерю,—и теперь уже не будетъ болѣе пить отъ плода винограднаго, доколѣ не будетъ пить новаго вина въ царствіи Отца Своего.

Потомъ въ залогъ установленія Новаго Завѣта, который долженъ былъ заключиться пролитіемъ собственной крови Искупителя, въ залогъ Его всегдашняго общенія съ Своими учениками и со всѣми вѣрующими, Господь предложилъ новую чудную вечерю. Онъ взялъ круглый хлѣбъ, совершилъ надъ нимъ

---

[1]) Іуда удалился ранѣе установленія тайной вечери. Это видно изъ повѣствованія Іоанна. Іуда получилъ только ψωμίον, которымъ былъ указанъ, какъ предатель, *и абіе изыде* (Іоанн. 13, 30). Допуская это надобно вмѣстѣ допустить, что она установлена между тѣми рѣчами, какія передаетъ Іоаннъ и конечно вначалѣ.

благодареніе Отцу и, разломивъ его на части, роздалъ сіи частицы ученикамъ, говоря: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое.* Потомъ также благословивъ, подалъ чашу съ виномъ, говоря: *пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* И преподавъ заповѣдалъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе.*

Апостолы причастились теперь истиннаго брашна и истиннаго пива, которыя доставляютъ вкушающему животъ вѣчный въ общеніи съ Сыномъ Божіимъ, и которыя Господь обѣщалъ дать всѣмъ, бесѣдуя въ синагогѣ капернаумской. Конечно и теперь, какъ и тогда глубина этого таинства оставалась непостижимою для ихъ ума, все еще не свободнаго отъ понятій іудейскихъ. Но Господь предоставилъ раскрытіе этого будущему времени. Между тѣмъ, даровавъ имъ въ причащеніи залогъ Своего всегдашняго союза съ ними, Онъ возобновилъ Свою бесѣду съ ними, бесѣдуя какъ установитель Новаго Завѣта, прощаясь съ ними, какъ Отецъ съ дѣтьми.

„Дѣти Мои, сказалъ Онъ, — еще немного Мнѣ быть съ вами и—потомъ вы будете искать Меня. Но какъ Я сказалъ Іудеямъ: куда Я иду, туда вы не можете идти; такъ говорю и вамъ теперь (хотя и не въ одинаковомъ смыслѣ). Установляя Новый Завѣтъ, (прощаясь), даю вамъ новую заповѣдь: любите другъ друга такъ какъ я васъ возлюбилъ. Господь назвалъ сію заповѣдь новою, характеристическою заповѣдію Новаго Завѣта, къ учрежденію котораго относилась и установленная имъ вечеря, и который Онъ готовился заключить своими страданіями. Хотя и въ ветхомъ завѣтѣ была заповѣдь—любить Бога паче всего и ближняго — какъ самаго себя; но сія заповѣдь становилась новою съ того времени, какъ Господь

явилъ въ Себѣ образецъ любви, жертвующей собою для спасенія братій; она должна быть душею новаго общества, новой церкви. „Потому узнаютъ всѣ, что вы ученики Мои, ежели будете имѣть любовь между собою.“

Что наиболѣе поразило учениковъ и что произвело на нихъ болѣе глубокое впечатлѣніе,—это слова Его о своемъ разлученіи съ ними. Петръ въ смятеніи спросилъ Его: „куда же ты идешь, Господи?“ Іисусъ въ отвѣтъ объяснилъ ему нѣсколько свои слова: „куда Я иду, туда ты не можешь идти теперь, а послѣ, прибавилъ Господь, пойдешь, указывая этимъ на то, что онъ нѣкогда получитъ силу подражать Ему въ страданіяхъ, которой теперь еще не имѣетъ. Смѣлый, готовый къ скорому самопожертвованію, Петръ недоволенъ былъ этимъ утѣшеніемъ въ будущемъ. Не сознавая своего безсилія, онъ хотѣлъ слѣдовать за Нимъ теперь, думая, что имѣетъ силы для того: „я жизнь мою отдамъ за тебя, Господи,“ сказалъ онъ. Тогда Господь предсказалъ ему троекратное отреченіе отъ Него прежде, нежели алекторъ возгласитъ т. е. до полуночи.

Сердцевѣдецъ зналъ эту слабую сторону Петра, зналъ что будетъ чрезъ нѣсколько часовъ съ этою горячею ревностію: „жизнь ли свою положишь за Меня? и теперь же?—Немного осталось времени до полночи: а ты въ это время успѣешь три раза отречься отъ Меня.“

Но, продолжалъ Іисусъ, нынѣ особенное время—искушенія не такія, какія были доселѣ—наступаетъ время темной области. Сатана проситъ сѣять васъ, какъ пшеницу, т. е. онъ хотѣлъ бы не только умертвить Меня, но и разсѣять въ разныя стороны ваше общество и тѣмъ уничтожить все дѣло Мое. „Однако Я, прибавилъ Спаситель, молился за тебя, Симонъ, и

поручаю тебѣ братію, ты (послѣ отреченія) обратясь, утверди ее. Да, нынѣ, повторяю, особенное время.—Когда посылалъ Я васъ безъ мѣшка и безъ сумы и безъ сапоговъ: имѣли ли вы въ чемъ недостатокъ?—Нѣтъ, ни въ чемъ!"

„Но теперь, кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, также и суму (для запасовъ, которые прежде бывало вездѣ находили); и у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи ножъ. (Господь говорилъ не о перемѣнѣ образа дѣйствованія, но хотѣлъ этимъ выразить перемѣну въ отношеніяхъ къ ученикамъ прочихъ людей: прежде все имъ доставляли тѣ, которымъ они проповѣдывали; теперь самимъ нужно будетъ заботиться и объ одеждѣ и о пищѣ, и даже о безопасности жизни. Причина эта заключалась въ мнѣніи о Немъ уже не какъ о Мессіи, но какъ о злодѣѣ).—Я говорю вамъ, прибавилъ Господь,—должно исполниться надо Мною и этому слову Писанія: и къ злодѣямъ причтенъ. То, что предсказано о Мнѣ, приходитъ къ окончанію.

Ученики не поняли этой приточной рѣчи и Спаситель прекратилъ ее. Онъ избралъ другую сторону, чтобы приготовить учениковъ Своихъ къ тому, что должно случиться и поставить ихъ въ надлежащее положеніе, чтобы они могли сколько нибудь удержаться въ предстоящемъ искушеніи.

„Не смущайтесь, сказалъ Онъ, вѣруйте въ Бога и въ Меня". Прежде всего нужно было, чтобы они сохранили свою вѣру и довѣренность къ Нему, какъ пришедшему отъ Отца, при страшномъ переворотѣ. —Я иду не въ другое мѣсто, но къ Отцу, и за тѣмъ, чтобы приготовить мѣсто и для васъ. Если бы это было не такъ, я сказалъ бы вамъ. Почему не беру васъ? это не потому, что у Отца нѣтъ обителей. Нѣтъ, у него обителей много. Я иду пригото-

вить ихъ для васъ, какъ другъ для друзей. И когда приготовлю, приду за вами и возьму васъ съ Собою, что бы вы были тамъ же, гдѣ Я.—Приготовлю т. е. дамъ вамъ время и способъ своимъ служеніемъ, своею вѣрностію приготовиться къ наслѣдію царства.

„Такъ теперь знаете, куда Я иду, и какъ вамъ придти ко Мнѣ, прибавилъ Господь, желая того, что бы сами они высказали, что у нихъ на сердцѣ, дабы разрѣшить ихъ недоумѣнія.

Но такъ какъ апостолы были всегда далеки отъ мысли о смерти Мессіи и скорѣе думали о какомъ нибудь чудесномъ взятіи отъ земли, нежели о такомъ, какое разумѣлъ Господь, то Ѳома, болѣе другихъ привыкшій держаться очевиднаго, не утерпѣлъ, чтобы не сказать: нѣтъ Господи, мы не знаемъ, куда ты идешь и поэтому какъ мы можемъ знать путь къ Тебѣ?

Въ своемъ отвѣтѣ Господь перемѣняетъ отношеніе этихъ понятій, даетъ разумѣть, что дѣло идетъ не о чувственномъ свиданіи съ Нимъ, а о духовномъ приближеніи къ Нему и соединеніи съ Нимъ и Отцемъ. „Если бы вы знали путь, то знали бы и куда Я иду. А путь вамъ должно знать. Если бы лучше разумѣли Его самаго, своего руководителя, то правильнѣе понимали бы и все прочее. Я есмь путь, истина и животъ. Всякій другой путь—неистинный. Истина и жизнь во Мнѣ. Никто не можетъ придти къ Отцу, какъ только чрезъ Меня.“

„Теперь знаете Его и видите Его“, присовокупилъ Іисусъ, заставляя этими словами обратить на Него болѣе внимательный взоръ.

Но Ѳома былъ не одинъ изъ апостоловъ, которому надлежало еще это объяснить. Пользуясь откровенностію Господа, такъ нѣжно бесѣдующаго, еще одинъ изъ учениковъ Филиппъ съ такимъ же просто-

душіемъ объявляетъ свое единственное желаніе—видѣть Отца. Примѣтно, Онъ думалъ именно объ Отцѣ Небесномъ. Только ему хотѣлось видѣть Его чувственно. Этого и довольно было для его блаженства. „Господи, покажи намъ Отца!“—это уже не вопросъ, а просьба дѣтская; Филиппъ не понималъ самъ, чего просилъ, но захотѣлъ открыть предъ Господомъ свое задушевное желаніе.

Господь съ нѣжнымъ упрекомъ, менѣе строгимъ, чѣмъ къ Ѳомѣ, смотритъ на Филиппа и говоритъ ученику: столько времени, Филиппъ, я съ вами—(а Филиппъ еще въ началѣ служенія Іисусова присоединился къ Нему)—столько времени—и ты еще не знаешь Меня!

Потомъ, обращая рѣчь не къ одному уже Филиппу, но ко всѣмъ, продолжаетъ: вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. А если сего не довольно—вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ Моимъ.

Дѣла эти не прекратятся и съ Его удаленіемъ. Кто вѣруетъ въ Него, тотъ можетъ совершать еще большія. Они уже имѣли эту силу, но сила эта была мала въ сравненіи съ силою Іисуса. Іисусъ, предлагая имъ утѣшенія, говоритъ, что у Отца, къ Которому Онъ идетъ, Онъ испроситъ силу совершать чудеса бо́льшія, нежели какія Самъ совершалъ, какъ-то, обращеніе цѣлыхъ народовъ.

Этого мало. Если они будутъ вѣрно слѣдовать Его заповѣдямъ, то когда Онъ будетъ у Отца на небеси, чрезъ Него можно испросить у Отца все.

Господь обѣщалъ имъ послать другаго Помощника, имъ и нынѣ уже извѣстнаго, Который уже никогда не оставитъ ихъ, какъ Іисусъ.

Я и Самъ, говоритъ Онъ имъ, приду къ вамъ. Я не оставлю васъ сиротами. Еще нѣсколько времени—и міръ болѣе уже не увидитъ Меня, а вы опять

увидите Меня. Не бойтесь: и Я живу и вы живы будете. Это говорилъ Онъ имъ о своемъ явленіи по воскресеніи.

„Теперь много въ моихъ рѣчахъ непонятнаго для васъ: но въ тотъ день (неопредѣленное время въ священномъ языкѣ) вы уразумѣете, что Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ и Я въ васъ". Будетъ время, когда откроется въ васъ и этотъ внутренній союзъ со Мною и со Отцемъ и вы будете его ощущать не такъ, какъ теперь. (Онъ открылся въ день пятидесятницы).

„Всякой душѣ, любящей Меня, присовокупилъ еще Іисусъ, Я дамъ познать Себя. Такъ вы не будете одни".

Тутъ не утерпѣлъ одинъ слушатель, чтобы не спросить Его: да что же, Господи, не явишь Себя Ты міру? Что же Ты не хочешь явить Себя предъ всѣми Мессіею? Мессіи предъ одними ли учениками надлежитъ явиться? Нужно, чтобы всѣ Тебя видѣли!

Что было отвѣчать на эту рѣчь? Сколько уже разъ Господь повторялъ и ученикамъ, и неученикамъ, что Онъ Мессія не по понятіямъ іудейскимъ. Оставалось наступающимъ событіямъ и Духу Утѣшителю предоставить сокрушить этотъ образъ Мессіи, созданный въ ученикахъ Іисуса.

Господь не сталъ теперь опровергать этой мысли, но повторилъ, что сказалъ предъ симъ только съ большею еще силою: „Я и Отецъ можемъ придти только къ тому, кто любитъ Меня".

Къ этому Господь еще замѣтилъ, что слово, которое ученики слышали (теперь), не на собственномъ произволѣ Его основывается. Это слово Пославшаго Его. Значитъ, этому непремѣнно такъ и быть должно.—И заключилъ: Мнѣ только и было нужно это вамъ сказать. А духъ Утѣшитель полнѣе раскроетъ

вамъ все, Онъ припомнитъ вамъ и то, что Я говорилъ вамъ.

Послѣ сего какъ бы желая окончить бесѣду, Онъ возвращается къ ея началу, чтобы прощальнымъ привѣтствіемъ снова подкрѣпить ихъ.

„Миръ оставляю вамъ. Миръ мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, о которомъ вы такъ много думаете.“ Не тотъ миръ, не тѣ ложныя успокоительныя мечты, которыя взяты отъ міра, которыя основываются на мірскомъ понятіи о Мессіи и Его царствѣ. „Да не смущается же сердце ваше, и да не устрашается.“

И какъ въ началѣ было сказано, что скоро ожидаетъ Его прославленіе отъ Отца, такъ и теперь, обращаясь къ этому, Господь хочетъ самою любовію ихъ къ Нему расположить къ тому, чтобы они не скорбѣли. „Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: Я иду и приду къ вамъ. Если бы вы любили Меня: то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу. Ибо Отецъ Мой болѣе Меня. У Него ожидаетъ Меня прославленіе. Возстаните, идемъ отсюду“.

Ученики встали... Но мрачныя предсказанія тяжело гнетутъ ихъ. Онѣ не идутъ, они тѣснѣе сближаются къ Іисусу. Они хотятъ еще наглядѣться на Него.

И Іисусъ снова начинаетъ съ ними говорить. Еще много оставалось, о чемъ бы нужно было говорить съ ними. Особенно Онъ обращаетъ вниманіе на два предмета: во первыхъ на то, что отношенія, въ какихъ они доселѣ находились, доколѣ Онъ видимо пребывалъ съ ними, должны продолжаться и впредь съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто внѣшняго союза съ Нимъ они соединены будутъ союзомъ внутреннимъ. Во вторыхъ, призываетъ ихъ отселѣ быть самимъ дѣятельнымъ органомъ въ распространеніи

Его царства, —что для нихъ возможно только при этомъ непрестанномъ внутренномъ общеніи съ Нимъ. Чтобы это представить имъ очевиднѣе, Онъ употребляетъ притчу о виноградѣ.

Отецъ-виноградарь, Іисусъ-лоза виноградная, ученики —вѣтви. Какъ отъ лозы плодотворный сокъ распространяется по всѣмъ вѣтвямъ, а вѣтви только по этому участію въ приливающейся къ нимъ производительной силѣ могутъ приносить плоды: такъ Его ученики только изъ неразлучнаго общенія съ Нимъ могутъ получать Божественную жизнь, которая содѣлаетъ ихъ способными ко всему, что нужно дѣлать для царства Божія. Какъ вѣтвь, отломленная отъ лозы, лишенная ея плодотворной силы, засыхаетъ: такъ Его ученики могутъ цвѣсти только въ непрерывномъ общеніи съ Нимъ. Но какъ участіе вѣтвей въ плодотворномъ сокѣ, приливающемъ къ нимъ отъ лозы, должно открываться въ изобиліи плодовъ: такъ и ученики свое участіе въ Божественной жизни должны выражать дѣйствованіемъ въ пользу царства Божія. Какъ виноградарь обрѣзываетъ тѣ вѣтви, которыя, не принося плода, только по напрасну истощаютъ жизненную силу лозы: такъ должны быть исключены изъ царства Божія тѣ, которые не проявляютъ силы Божественной жизни въ дѣйствіи; и въ которыхъ недостатокъ ея уже свидѣтельствуетъ, что они не проникнуты Божественною жизнію истинно, что слѣдов. общеніе ихъ со Христомъ есть только видимое. Но какъ и плодотворныя вѣтви непрестанно имѣютъ нужду въ попечительности виноградаря,—должны быть обрѣзываемы, очищаемы отъ худыхъ наростовъ, отъ всего, что препятствуетъ въ нихъ развитію жизненной силы: такъ и ученики, пребывающіе въ прямомъ общеніи со Христомъ и пріявшіе въ себя Его Божественную жизнь, имѣютъ еще нужду въ очищеніи отъ

всего, чуждаго, что осталось при нихъ изъ ихъ прежнихъ понятій, что препятствуетъ въ нихъ раскрытію Божественной жизни и не дозволяетъ ей проявляться въ соотвѣтственной ей дѣятельности. Только этимъ дѣйствованіемъ въ общеніи съ Нимъ они могутъ засвидѣтельствовать, что они истинно Его ученики.— Ихъ постоянное общеніе съ Нимъ должно открываться въ соблюденіи Его заповѣдей, которыя Онъ снова заключаетъ въ одну заповѣдь любви, такой же любви другъ къ другу, какую имѣетъ Онъ къ нимъ, предавая свою жизнь за нихъ. —Такъ какъ онъ раскрылъ имъ теперь весь совѣтъ Отца о спасеніи міра и призываетъ ихъ съ полнымъ сознаніемъ посвятить себя на то, чтобы быть орудіями въ исполненіи сей воли Отца; то уже перестаетъ ихъ считать рабами и называетъ ихъ друзьями своими.

Соединенные между собою любовію они должны вести общую борьбу противъ міра, отчуждившагося отъ царства Божія. Онъ предсказываетъ имъ объ ожидающихъ ихъ гоненіяхъ. Предъ ними открыта впереди борьба ихъ со всѣмъ существующимъ на землѣ, которую должно открыть и вести христіанство. Но въ этой борьбѣ Онъ обѣщалъ имъ помощь Духа Святаго. Все, что нужно для распространенія церкви Божіей, все это Онъ совершитъ чрезъ нихъ. Его дѣйствія въ мірѣ Господь кратко заключаетъ въ томъ, что Духъ святый приведетъ міръ къ сознанію своихъ грѣховъ и откроетъ въ этомъ причину его невѣрія; потомъ заставитъ міръ признать, что Іисусъ умеръ не какъ грѣшникъ за свои грѣхи, но что Онъ умеръ какъ Святый, и какъ Святый вознесся къ Отцу Своему на небо; въ Его смерти и послѣдовавшимъ за ней вознесеніемъ на небо вполнѣ открылась Его святость,—наконецъ докажетъ міру, что князь его осужденъ, обезсиленъ, низверженъ съ своего престола; на

мѣстѣ его царства водворится царство Божіе. (Въ этомъ заключается все существо христіанства: — въ сознаніи грѣха,—въ признаніи Господа Христа Искупителемъ отъ грѣха, и въ торжествѣ надъ врагомъ—источникомъ всего зла.).

Но еще много оставалось сообщить ученикамъ и такого, чего они не совсѣмъ тогда разумѣли: между тѣмъ Господь скоро намѣренъ былъ оставить ихъ. Поэтому Онъ обѣщаетъ, что все, сказанное Имъ, раскроетъ и объяснитъ, все нужное имъ сообщитъ Духъ Святый, котораго Онъ ниспошлетъ имъ отъ Отца. Не новое что нибудь Онъ возвѣститъ имъ, но только раскроетъ полный смыслъ Его ученія, Его въ нихъ прославитъ.

Отъ сообщенія Духа Онъ переходитъ снова къ Своему собственному общенію съ ними. „Еще немного времени,— и вы не увидите Меня; и потомъ еще немного—и вы увидите меня снова: потому что Я иду къ Отцу (т. е. это путь для меня къ прославленію у Отца). Недоумѣніе учениковъ, старавшихся постигнуть смыслъ словъ Его съ своей чувственной точки зрѣнія, подало поводъ раскрыть это болѣе. Онъ сравнилъ ихъ скорбь настоящую съ муками жены, предшествующими рожденію: въ слѣдъ за этою скорбію преходящею откроется въ нихъ новое духовное рожденіе. Теперь они объяты скорбію, но Онъ увидитъ ихъ опять, и они исполнятся радости, и радость ихъ будетъ непреходящею. Тогда они не будутъ болѣе имѣть нужды въ Его чувственномъ присутствіи, чтобы попросить объясненія имъ чего нибудь для нихъ темнаго, какъ они теперь имѣютъ нужду спрашивать Его, потому что тогда Самъ Отецъ дастъ имъ все, чего они ни будутъ просить во имя Іисуса Христа (т. е. не лично уже чрезъ кого нибудь, но внутренно чрезъ откровеніе Божіе). Доселѣ они ни о чемъ не

просили Отца во имя Христово: тогда будутъ просить и все получатъ. Тогда Онъ не будетъ сокровенно говорить объ Отцѣ, какъ доселѣ, но явно возвѣститъ имъ все объ Отцѣ. Онъ даже не говорилъ, что Самъ будетъ просить Отца о нихъ: они могутъ быть увѣрены въ любви къ нимъ Отца и могутъ обращаться къ Нему съ молитвою во имя Христово: „Я изшелъ отъ Отца, заключилъ Господь, и пришелъ въ міръ; и опять оставляю міръ, и иду къ Отцу“.

Послѣ всего этого вѣра учениковъ нѣсколько укрѣпилась; они сознавали могущественную силу словъ своего Наставника: имъ казалось, что они теперь уже правильнѣе разумѣютъ Его, хотя это было только слѣдствіемъ живаго впечатлѣнія на нихъ словъ Господа, а не яснаго сознанія ихъ справедливости и разумѣнія ихъ: но тѣмъ не менѣе, обманываясь сами въ себѣ, они представили Іисусу: теперь Ты прямо говоришь и притчи не говоришь никакой (самыя эти слова уже явное слѣдствіе недоразумѣнія). Теперь вѣруемъ, что Ты отъ Бога пришелъ. Но Господь замѣтилъ имъ, чтобы они не слишкомъ довѣряли этому мгновенному ощущенію; эта ихъ вѣра скоро падетъ подъ сильнымъ гнетомъ другихъ ощущеній. Они оставятъ Его одного,—это того, въ Котораго вѣруютъ теперь, какъ сами говорятъ.

„Но Я не одинъ, прибавилъ Господь, со Мною Отецъ“. И какъ все, что ни говорилъ Онъ имъ, клонилось къ тому, чтобы открыть имъ источникъ утѣшеній въ предстоящей борьбѣ съ міромъ; такъ онъ и заключилъ свою бесѣду такими словами, въ которыхъ кратко заключалось все: „сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли миръ во Мнѣ (въ общеніи со Мною). Въ мірѣ будете имѣть скорбь; но мужайтесь,—Я побѣдилъ міръ“.

Свою послѣднюю бесѣду съ учениками Господь окон-

чилъ молитвою; тою-же молитвою приготовилъ себя къ разлукѣ съ ними и къ послѣднему подвигу своему.

О чемъ Онъ говорилъ въ послѣдній разъ съ учениками, то было и содержаніемъ Его молитвы. Видя, что уже совершилъ свое дѣло на землѣ, прославилъ Отца между человѣками своимъ ученіемъ и чудесами, Онъ проситъ теперь Отца Небеснаго о взятіи Своемъ на небо и прославленіи у Него. Цѣль такого желанія не была своекорыстная; она заключалась а) въ прославленіи того-же Отца (въ довершеніе Его стараній—прославить Отца) и б) въ сообщеніи людямъ блаженной жизни въ Богѣ. „Прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой, облекшись славою небесною, прославитъ Тебя. Даруй Ему, чтобы какъ Онъ получилъ отъ Тебя власть надъ всѣмъ человѣчествомъ, такъ могъ даровать жизнь вѣчную всѣмъ, кого Ты далъ Ему".

Но такъ какъ сія жизнь вѣчная можетъ быть достигнута только познаніемъ Бога истиннаго, который открылъ Себя въ Іисусѣ Христѣ, то Сынъ Божій проситъ Отца Небеснаго о распространеніи сего блаженнаго Богопознанія во всемъ родѣ человѣческомъ и о приведеніи такимъ образомъ всѣхъ людей къ блаженной жизни.

Поэтому во первыхъ онъ молится за тѣхъ, которые имъ приведены уже къ сему Богопознанію, чрезъ Него Самаго познали Отца, и которые должны быть орудіями въ распространеніи Богопознанія между людьми. Приготовляясь отойти изъ міра и оставить въ Немъ учениковъ однихъ, Онъ препоручаетъ ихъ покровительству Отца Небеснаго, которому они посвящены Имъ, проситъ, чтобы сохранилось въ нихъ общеніе жизни Божественной съ Нимъ, котораго начатки положилъ Онъ,—поручаетъ ихъ защитѣ Отца Небеснаго, такъ какъ оставляетъ ихъ въ мірѣ среди борьбы. Не о томъ проситъ Онъ Отца Небеснаго,

чтобы Онъ взялъ ихъ отъ міра, какъ и Его,—это противорѣчило бы ихъ назначенію, которое указано Самимъ Отцемъ Небеснымъ, когда далъ Онъ ихъ Своему Сыну: назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ нихъ самый міръ—Богопознаніемъ, открытымъ чрезъ Іисуса Христа, былъ преобразованъ и измѣненъ. Только о томъ молитъ Онъ, чтобы Отецъ Небесный сохранилъ ихъ отъ внутреннихъ искушеній зла, чтобы они внутренно пребыли чужды міра, какъ освященые проповѣданною Имъ истиною, чтобы святая жизнь Его, которую Онъ готовъ предать за нихъ, была основаніемъ ихъ освященія. „*И за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи будутъ священни воистину*“.

Но молитва Сына Божія расширяется, объемлетъ собою и всѣхъ тѣхъ, которые будутъ приведены къ вѣрѣ проповѣдію Его учениковъ. Искупитель міра проситъ, чтобы всѣ они были соединены между собою въ общеніи Божественной жизни, сами внутренно соединяясь чрезъ Христа съ Богомъ Отцемъ; чтобы этимъ преображеннымъ, на землѣ уже небеснымъ, житіемъ они свидѣтельствовали о Немъ, своемъ Искупителѣ, чтобы этимъ они свидѣтельствовали о славѣ внутренней жизни, дарованной имъ чрезъ Христа; чтобы этимъ свидѣтельствовали о любви Отчей, которую дано имъ знать чрезъ Христа. Потомъ проситъ Онъ Отца Небеснаго, чтобы Онъ всѣхъ приведенныхъ къ Нему, такъ какъ они здѣсь уже соединены съ Нимъ и видѣли славу Его, возвелъ туда, куда возносится теперь Самъ Сынъ, принимая ихъ въ совершенное общеніе съ Собою и къ созерцанію Божественной славы.

Сію молитву Господь заключилъ такими словами: „Отче праведный (святый)! Міръ Тебя не позналъ, (погруженные въ грѣхахъ люди не могутъ познать

святаго): но Я Тебя позналъ (какъ Святый Святаго, какъ Сынъ Отца), а сіи познали Меня, какъ Твоего Посланника (они отдѣлились отъ міра, который самъ себя отчуждаетъ отъ Святаго Бога), и Я явилъ имъ имя Твое (открылъ Тебя Святаго и не только Бога Святаго, но и Отца Святаго, котораго они могутъ называть Отцемъ Своимъ и быть дѣтьми Его): и еще явлю (то, что имъ сообщено уже какъ сѣмя должно раскрыться въ нихъ при содѣйствіи Духа Святаго и и они познаютъ Тебя, Отца Святаго, еще яснѣе еще болѣе будутъ достойны именоваться дѣтьми Твоими): дабы познавши Тебя, пребывая въ общеніи со Мною, они могли болѣе и болѣе чувствовать, какъ Ты Меня любишь, и какъ любишь во Мнѣ ихъ, учениковъ Моихъ.

Такъ молитва сія обнимаетъ все дѣло Господа до его полнаго совершенія при концѣ временъ.

По вечери Іисусъ съ одиннадцатью учениками удаляется въ сады, лежащіе на горѣ масличной—въ Геѳсиманію, гдѣ и прежде имѣлъ обычай проводить ночь. Восемь вскорѣ Его здѣсь оставили, Іисусъ отпустилъ ихъ; трое пошли въ глубину садовъ—Петръ, Іаковъ и Іоаннъ: Іисусъ взялъ ихъ съ Собою для того, чтобы они были съ Нимъ.

Іисусъ, доселѣ такъ мужественный, теперь какъ бы падаетъ подъ бременемъ скорби. Давно ли говорилъ: нынѣ прославился Сынъ Человѣческій,—дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ. Теперь готовъ молиться Отцу: да мимо идетъ отъ Него чаша сія. Что же такъ сильно гнело духъ Іисуса и что такъ скоро измѣнило Его состояніе? Конечно не одно чувство тѣлесныхъ страданій, ожидавшихъ Его предъ смертію, хотя и смерть для праведника не должна быть тяжелѣе, нежели для грѣшника. Говорятъ же, что преступникъ самъ ищетъ наказанія для успокоенія совѣсти. Тѣлесныя страданія выдерживали и обыкновенные люди безъ

волненія.—Но Онъ умиралъ, какъ грѣшникъ, носящій на Себѣ грѣхи всѣхъ, какъ долженствующій понести на Себѣ весь гнѣвъ правосудія Божія, слѣдовательно какъ совершенно лишенный Божественной помощи и подкрѣпленія. Теперь наступали эти мгновенія, въ которыя Онъ долженъ былъ чувствовать себя оставленнымъ отъ Бога. Это и было причиною столь быстрой перемѣны въ его внутренномъ расположеніи духа. Этому смятенію уже предшествовали подобныя состоянія ранѣе (Іоан. 12, 27) и на послѣдней вечери (13, 21).

Мрачныя чувства обуреваютъ душу чистѣйшаго Праведника. Онъ отрывается отъ учениковъ и обращается снова къ молитвѣ. Молитва Его доходила до такого напряженія, что не потъ, а кровь выступала изъ поръ Его тѣла и падала каплями. Въ ней совершилось тайное жертвоприношеніе Сына Отцу, которое потомъ должно было совершиться явно передъ всѣми. Молитвою Онъ предалъ всего Себя въ волю Отца и то, чего ужасалась душа Его, съ сего времени стало для Него неизбѣжностію послушанія. Для утѣшенія Сына Человѣческаго явился ангелъ.

Между тѣмъ ученики предаются покою; напрасно три раза оставлялъ Онъ молитву и, приходя къ ученикамъ, напоминалъ имъ о бдѣніи и молитвѣ, что духъ бодръ, но плоть немощна: поэтому нужна Божественная помощь къ побѣжденію искушеній. Въ послѣдній разъ сказалъ Онъ имъ: спите, пожалуй; теперь Я уже не приду будить васъ болѣе звать къ молитвѣ и бдѣнію. Но васъ разбудятъ поневолѣ. Вотъ время моего страданія приблизилось. Уже идутъ тѣ, которые должны взять Меня. Въ это время приходитъ предатель со стражею храма, взятою у первосвященниковъ и съ отрядомъ римской когорты и коварно лобызаетъ Учителя; но его знака не ви-

дали, или стражѣ Онъ не былъ извѣстенъ; Іисусъ Самъ выходитъ и объявляетъ Себя. Но Божественное величіе, небесное спокойствіе, съ какимъ Онъ предавалъ Себя, напоминая о чудесахъ, какія творилъ Онъ, произвело на стражу іудейскую, которая прежде отказывалась схватить Его и которая не знала, кого она должна взять, такое впечатлѣніе, что они пали на землю. Іисуса захватываютъ. Петръ хочетъ защищаться: берется за ножъ, взятый съ вечери и уже ударилъ одного, но Іисусъ запрещаетъ (не 12 апостоловъ, а 12 легіоновъ ангеловъ могли бы защитить Его). Воины хотятъ захватить и учениковъ, но Іисусъ ихъ останавливаетъ и говоритъ, что напрасно и противъ Него пришли они съ оружіемъ; ученики разбѣгаются. Юноша оставилъ свою одежду въ рукахъ воиновъ, когда они хотѣли схватить его.

Іисусъ предъ Анною, потомъ предъ Каіафою и Синедріономъ.

Здѣсь не было Іисусу формальнаго суда. Его привели сюда только изъ угожденія любопытству стараго первосвященника. Анна вскорѣ отправилъ къ Каіафѣ; Іисуса сопровождали Петръ и Іоаннъ.

Здѣсь спрашиваютъ Іисуса объ ученикахъ и объ ученіи. Но зная, съ какимъ намѣреніемъ спрашиваютъ, зная, что уже положено осудить Его, Іисусъ отвѣчаетъ, что этотъ вопросъ излишній для него; они могутъ знать Его ученіе отъ слышавшихъ. Его ударяетъ за это слуга по щекѣ. Это ли законное производство суда? Между тѣмъ стали искать свидѣтелей, но ложныхъ. Тутъ были и два истинныхъ свидѣтеля: но какъ мало они еще были способны свидѣтельствовать объ Іисусѣ!

Петръ здѣсь отрекается отъ Іисуса (по Іоанну,

который описываетъ, какъ самъ здѣсь находившійся), сперва по вопросу привратницы (Іоан. 18, 16), потомъ по вопросу раба (Лук. 22, 58. Мѳ. 26, 71. Марк. 14, 69.) и наконецъ одного изъ родственниковъ Малховыхъ (Іоан. 18, 26). Въ это время пропѣлъ пѣтухъ,—вторицею (Марк. 14, 30. 42). Тогда же Іисусъ взглянулъ на то мѣто, гдѣ стоялъ вѣрный ученикъ, и Петръ горько заплакалъ.—Какъ это Петръ такъ скоро поддался искушенію?—Еслибы грозила ему очевидная опасность, онъ, можетъ быть, былъ бы мужественнѣе. Но тогда, по всей вѣроятности, Петръ былъ бы захваченъ. Господь допустилъ его паденіе, чтобы его сохранить для будущей дѣятельности.

Это было еще рано утромъ (Лук. 22, 66). Между тѣмъ приготовлены лжесвидѣтели. Господь отказался Самъ свидѣтельствовать объ ученіи, — представили людей, которые утверждали, что слышали Его проповѣдующаго то и то.—Первыя лжесвидѣтельства ничего не помогаютъ. Являются двое обвинителей въ намѣреніи Іисуса истребить храмъ,—такое преступленіе, какъ разрушеніе религіи, въ глазахъ Іудеевъ уголовное: но и здѣсь истина была извращена. Іисусъ противъ такихъ лжесвидѣтелей ничего не отвѣчаетъ.

Предсѣдатель Синедріона, Каіафа вызываетъ Его къ отвѣту. Іисусъ продолжаетъ молчать. Тогда оставили и эту мѣру.

Каіафа приступаетъ къ Нему торжественно съ давно придуманнымъ вопросомъ. Положительный отвѣтъ на это Іисуса долженъ рѣшить судьбу Его. „Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?“

На этотъ вопросъ Іисусъ отвѣчалъ: Я—(ты сказалъ), и такъ какъ Іудеи непремѣнно ожидали Мессію въ явленіи славы, то присовокупилъ еще яснѣйшее свидѣтельство своего Божественнаго достоинства,

указалъ на свое славное пришествіе, какъ предрекъ пр. Даніилъ. Слѣдствіемъ сего было только то, что первосвященникъ раздралъ свои ризы, и Синедріонъ произнесъ единогласное осужденіе Іисуса на смерть, какъ богохульника. Но такъ какъ умертвить сами первосвященники Іисуса не могли, то опредѣлили отослать Его къ римскому прокуратору; между тѣмъ предали Его, какъ отверженнаго, на поруганіе народу. Это обвиненіе могло быть представлено важнымъ и для римлянина, именно съ политической стороны, безъ которой Іудеи не умѣли представить себѣ Мессію. Всякое другое было одностороннимъ—іудейскимъ, а на это долженъ былъ обратить вниманіе и Пилатъ, а свидѣтельство о храмѣ не было важно для Пилата, оскорблявшаго храмъ. Гдѣ законное производство суда? Что сдѣлали изъ вопроса объ ученіи? Разрѣшили ли его, какъ указалъ подсудимый? Что за наглость служителя бить подсудимаго въ глазахъ суда произвольно?

Іисусъ предъ Пилатомъ.

Судъ Іисуса въ преторіи описываютъ всѣ Евангелисты, каждый съ своими дополненіями (исключая Марка); Матѳей говоритъ о сновидѣніи жены Пилатовой; Лука—объ отправленіи Іисуса къ Ироду; Іоаннъ передаетъ вопросы Пилата Іисусу, и отвѣты Іисуса подробно.

Прокураторъ жилъ въ чертогахъ Ирода, великолѣпномъ зданіи. Предъ этимъ зданіемъ находилось βῆμα, на которомъ Пилатъ сидѣлъ, когда говорилъ съ Іудеями; во время суда надъ Іисусомъ, съ Іисусомъ говорилъ онъ въ чертогахъ.

Нужно замѣтить, что Пилатъ былъ врагъ Іудеевъ, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы оскорбить ихъ.

Но какъ уже много разъ онъ употреблялъ противъ нихъ насилія и несправедливости, то съ другой стороны самъ боялся ихъ, страшился ихъ доносовъ, отъ которыхъ послѣ дѣйствительно и потерялъ свое мѣсто, и для своей безопасности ему ничего не стоило принести какую бы то ни было жертву.

Пилатъ прежде всего спрашиваетъ о винѣ Іисуса. Весьма вѣроятно, что онъ уже зналъ Іисуса по слухамъ. Первосвященники какъ будто не ожидали такого вопроса и отвѣчаютъ съ неудовольствіемъ. Пилатъ предлагаетъ имъ судить Іисуса по своимъ законамъ. Тѣ отвѣчаютъ, что Онъ достоинъ смерти, а смерти предавать имъ не дозволено.

Поэтому Пилатъ начинаетъ изслѣдовать дѣло Іисуса. Зоветъ Его къ себѣ въ преторію, спрашиваетъ: Царь ли Онъ Іудейскій?

Іисусъ спрашиваетъ его: отъ себя ли ты это говоришь (т. е. въ какомъ смыслѣ ты принимаешь здѣсь слово: царь, въ римскомъ т. е. политическомъ, или іудейскомъ, чисто религіозномъ,—въ смыслѣ Мессіи)? Враги Мои хотятъ тебѣ предать Меня за то, будто Я хочу быть царемъ въ первомъ смыслѣ, но это несправедливо. Я называю Себя царемъ т. е. Мессіею іудейскимъ, но это не преступленіе, и это не подлежитъ твоему разбирательству. Вотъ что̀ значитъ вопросъ Іисуса: *о себѣ ли глаголеши?* Онъ хотѣлъ раскрыть Пилату смыслъ этихъ словъ: царь іудейскій. При сужденіи о Его лицѣ необходимо нужно было отличать римское и іудейское значеніе этихъ словъ.

Пилатъ отвѣчалъ, что онъ не Іудей; что онъ не знакомъ со всѣми іудейскими понятіями, что онъ понимаетъ слово царь за царя въ собственномъ, политическомъ значеніи.

Іисусъ объявилъ, что ежели такъ хотѣлъ разумѣть его, то это несправедливо. Царство Мое не отъ міра сего.

Пилатъ не понималъ такого духовнаго значенія слова: царь. Такъ царь ли Ты? спросилъ онъ Іисуса, побуждая тѣмъ отказаться отъ своихъ идей, на которыхъ, какъ казалось ему, утверждалось все понятіе Іисуса о своемъ царственномъ достоинствѣ.

Точно Царь, отвѣчалъ Іисусъ, и не могу отъ этого отречься. Я на то родился и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. И кто отъ истины, тотъ послушаетъ Меня. Послѣднее замѣчаніе очевидно клонилось къ тому, чтобы привлечь и Пилата въ Свое царство, если онъ другъ истины.

Но что такое истина?—спросилъ Пилатъ. Вопросъ показываетъ не насмѣшника, но человѣка не имѣющаго на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта и отчаявшагося найти его. И язычникъ берется защищать Мессію іудейскаго предъ іудейскими чиноначальниками: онъ объявляетъ, что не находитъ никакой вины въ Іисусѣ! *Во своя пріиде и свои Его не пріяша.* Пилатъ, видя упорство первосвященниковъ, предлагаетъ по крайней мѣрѣ даровать Іисусу свободу, какъ обыкновенно дается она въ пасху какому нибудь злодѣю. Такимъ образомъ могло и опредѣленіе Синедріона остаться въ своей силѣ, и обвиненный—остаться въ живыхъ. А чтобы сколько нибудь удовлетворить ихъ ненависти къ Іисусу, Пилатъ положилъ бичевать Его. Но народъ кричалъ по наставленію первосвященниковъ: отпусти не Іисуса, а Варавву.

Когда Пилатъ недоумѣвалъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ, присылаетъ къ нему жена (Прокла, во святыхъ у грековъ, 27 октября, но съ этимъ именемъ нѣтъ у насъ). Она только сейчасъ видѣла сонъ, по которому принимаетъ сильное участіе въ Праведникѣ. Проситъ, не именуя Праведника, чтобы Онъ не былъ осужденъ, что видно за Пилатомъ водилось (Мат. 27, 19).

Пилатъ еще сильнѣе сталъ расположенъ дать свободу Іисусу. Мысль—осудить на смерть какого нибудь Бога могла тревожить и язычника.

Но сильнѣе стали наступать и первосвященники. Они начали прямо обвинять Іисуса въ возмущеніяхъ. Онъ развращаетъ народъ, говорили они, запрещаетъ Кесарю дань давать. Т. е. они начали выводить слѣдствія изъ перваго своего обвиненія (Лук. 23, 2). Настаивая на это обвиненіе, они упомянули, что Іисусъ пришелъ съ такимъ ученіемъ изъ Галилеи.

Пилатъ устрашился важности такихъ выводовъ и вмѣстѣ обрадовался случаю отклонить отъ себя такое непріятное дѣло. Въ дѣла Галилеи мнѣ вмѣшиваться нечего, отвѣчалъ онъ. Тамъ есть свой правитель, Иродъ. Но того не разобралъ, что не во владѣніяхъ Ирода Іисусъ родился, что не у него онъ признанъ виновнымъ и не ему представленъ.

Іисусъ у Ирода.

Иродъ давно желалъ видѣть Іисуса, о которомъ слышалъ, какъ о Чудотворцѣ. Думалъ и теперь видѣть отъ Него что нибудь чудесное, но обманулся, счелъ это за неспособность Іисуса творить чудеса и только наругался надъ Нимъ, облекши въ пурпуровую мантію какъ самозванца Царя-Мессію и обратилъ Іисуса къ Пилату.

Іисусъ опять у Пилата.

Чтобы удовлетворить сколько нибудь ненависти первосвященниковъ къ Іисусу, онъ дѣлаетъ другое предложеніе: наказать, Его накажу,—но смерти Онъ не стоитъ и потомъ отдаетъ воинамъ для бичеванія. Тѣ бичуютъ Его и издѣваются надъ Нимъ. На Іисусѣ

багряница, терновый вѣнецъ вмѣсто царской короны, въ рукѣ трость вмѣсто скипетра. Ему творятъ поклоненія. Грубые воины, подущенные яростію народа, способны къ такимъ жестокостямъ.

Пилатъ потомъ представляетъ Его въ такомъ измученномъ видѣ народу съ цѣлію тронуть его. Вотъ человѣкъ, говоритъ онъ. Можно ли думать, чтобы онъ сталъ выдавать себя царемъ. Но толпа уже начинаетъ кричать: этого мало—распни, распни Его.

Еще разъ Пилатъ предлагаетъ имъ взять и распять Его самимъ, безъ него: онъ не находилъ въ Немъ вины. Но этимъ недовольны. Ты распни Его, потому что мы сами не имѣемъ права того сдѣлать. А онъ стоитъ того, потому что называетъ себя Сыномъ Божіимъ. Онъ богохульникъ.

Въ этихъ вопляхъ народа открылась другая сторона того же обвиненія. Но для Пилата это было поразительною новостью,—и сдѣлало Пилата еще нерѣшительнѣе на то, чтобы согласиться на требованіе.

Въ самомъ дѣлѣ въ Іисусѣ, несмотря на эти мученія, наруганія—видно было величіе Сына Божія. Притомъ Его именно никто болѣе ни въ чемъ не обвинялъ, какъ въ такихъ поступкахъ, которые болѣе могли къ Нему привлекать, чѣмъ отвращать отъ Него.

Пилатъ, услышавъ, что Іисуса обвиняютъ въ томъ, что Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, дѣлаетъ Ему снова допросъ въ своихъ чертогахъ.

Откуда ты? Это значило, точно ли Ты высшаго происхожденія?

Спаситель не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что если Ему и объявить о Себѣ яснѣе Пилату, Пилатъ не выдержитъ искушенія, не останется вѣренъ обязанностямъ въ отношеніи къ Іисусу, какъ Сыну Божію, хотя и услышитъ отъ Него собственное о томъ свидѣтельство. Онъ не хочетъ отягчить осужденіе Пилата.

Римлянинъ изумляется молчанію Іисуса; ему странно, какъ Онъ не пользуется этимъ случаемъ къ защищенію Себя. Пилатъ напоминаетъ Іисусу о своемъ могуществѣ.

Но подсудимый отвѣчаетъ, что это могущество еще не такъ высоко, чтобы Онъ могъ его опасаться. Я не былъ бы въ твоихъ рукахъ, если бы Богу не угодно было предать Меня чрезъ Іудеевъ. Твое могущество дано тебѣ въ мѣру.

Впрочемъ, присовокупляетъ подсудимый, объясняя свой судъ надъ своимъ судіею—болѣе грѣха на тѣхъ, которые тебѣ Меня предали, чѣмъ на тебѣ самомъ.

Пилатъ имѣлъ довольно пріемлемости для истины, чтобы не оскорбиться этимъ замѣчаніемъ. Онъ еще болѣе желаетъ освободить Іисуса. Но онъ не твердъ.

Раздалось: если сего отпустишь, то ты окажешь себя невѣрнымъ императору — и Пилатъ палъ. Въ самомъ дѣлѣ, подозрительному Тиверію весьма не трудно было надуть въ уши объ измѣнѣ дому іудейскаго прокуратора. Пилатъ такъ этого испугался, что сейчасъ садится на свое судейское мѣсто и попытавшись еще привесть къ жалости народъ, представляетъ ему Іисуса съ словами: вотъ царь вашъ. Но когда ему не внимаютъ, предаетъ Іисуса на распятіе, умывъ только руки предъ народомъ въ знакъ неповинности своей въ крови праведника, которую принимаютъ на себя озлобленные Іудеи, обѣщаясь передать ее и дѣтямъ своимъ, какъ дорогое наслѣдство.

Итакъ не удержало Пилата опасеніе попрать истину. Не видѣлъ онъ опасности и для своего правительства, отъ котораго поставленъ. Увидѣлъ опасность для своего владычества и слабодушно отдался во власть неистовствующихъ. Онъ даже не отложилъ до времени своего рѣшенія.

Не сознаніе долга вѣрности государственнаго че-

ловѣка, хотя бы ошибочное въ отношеніи къ настоящему предмету,—но опасеніе за себя, за свое мѣсто заставило Пилата измѣнить истинѣ и правдѣ. Что же это былъ за судъ?

Какъ обыкновенно бывало съ осужденными на смерть, Господь самъ долженъ былъ нести орудіе своей казни до мѣста. Но претерпѣнными имъ жестокими страданіями тѣлесными и душевными Онъ такъ былъ истощенъ, что падалъ подъ тяжестію креста, такъ что грубые солдаты, доселѣ издѣвавшіеся надъ Нимъ, изъявили состраданіе и принудили одного проходившаго мимо Еврея Симона взять на себя крестъ и донести его до назначеннаго мѣста.

Но при всей тяжести Его страданій глубоко трогало Его состраданіе къ заблуждающемуся и ослѣпленному народу, котораго судьбу Онъ провидѣлъ, надъ которымъ вскорѣ должны были разразиться суды Божіи за всѣ его прежнія беззаконія и въ особенности за настоящее ужасное злодѣяніе. Когда взглядъ на Его страданія привелъ въ слезы нѣкоторыхъ женщинъ іерусалимскихъ, Онъ сказалъ имъ: не обо Мнѣ плачьте, а плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ, — и потомъ предсказалъ имъ о тяжкихъ скорбяхъ, которыя дѣйствительно постигли Іерусалимъ во время его осады: ибо, прибавилъ Онъ, ежели съ сырымъ деревомъ это дѣлается: то что̀ будетъ съ сухимъ? (Ежели безгрѣшный подвергается такимъ страданіямъ, то что сказать о грѣшныхъ. Сл. Езек. 20, 47; 21, 3.)

Когда пришелъ Онъ на лобное мѣсто, предложено было Ему, какъ обыкновенно осужденнымъ на смерть, вино, смѣшанное со смирною, которое отуманивало человѣка и дѣлало его менѣе способнымъ къ ощущенію боли. Но отвѣдавъ, Онъ не хотѣлъ пить, чтобы понести страданія съ сохраненіемъ полнаго сознанія. Онъ былъ обнаженъ; хитонъ Его не сши-

тый, а весь тканый (какъ обыкновенно у Галилеянъ по свидѣт. Исидора Пелусіот. Ер. 1, 74) былъ взятъ воинами,—а Самъ Онъ поднятъ на крестъ и утвержденъ на немъ, т. е. руки и ноги Его были прибиты къ дереву гвоздями. Висѣніе тѣла пригвожденнаго такимъ образомъ, по свидѣтельству писателей, во время которыхъ такая казнь была еще употребительна, составляло самое ужасное мученіе сравнительно съ другими видами казни.

Когда утвержденъ былъ Господь на крестѣ, безсмысленная толпа и злобствующіе враги не довольны были никакими насмѣшками и поруганіями надъ Божественнымъ Мессіею, особенно когда увидѣли надъ главою Его надпись: Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій. Но Онъ взывалъ къ Отцу Своему не объ отмщеніи тѣмъ, кто платилъ Ему зломъ за добро, а съ Божественною любовію молился: Отче! прости имъ. Они не знаютъ, что дѣлаютъ (однихъ ослѣпляютъ страсти, другихъ невѣжество).

Съ нимъ были распяты два преступника—не одинаковые между собою по своимъ сердечнымъ расположеніямъ. Въ то время, какъ одинъ, ожесточенный въ своемъ грѣхѣ, ругался надъ Нимъ, вмѣстѣ съ прочими, другой отрѣвалъ всякія насмѣшки. Кто былъ этотъ преступникъ до казни и чѣмъ онъ заслужилъ ее, неизвѣстно: но кажется, что чувство своихъ грѣховъ и вины предъ Богомъ въ немъ уже прежде было раскрыто и это дѣлало его способнѣе, чѣмъ другаго, къ принятію высшихъ впечатлѣній. Чѣмъ болѣе сознавалъ онъ свои страданія заслуженными, тѣмъ глубже на него дѣйствовало воззрѣніе на Того, Кого видѣлъ предъ собою невинно страждущимъ и въ самой борьбѣ торжествующимъ надъ страданіями и молящимся за враговъ. Это свидѣтельствуетъ съ одной стороны о томъ явленіи славы Божественной,

какое открывалось въ самой смерти Господа, а съ другой—о степени развитія духовной пріемлемости въ распятомъ преступникѣ: вѣра его предварила вѣру апостоловъ: онъ отвергъ предразсудокъ іудейскій, признавъ и въ страждующемъ Мессію. „Помяни меня, сказалъ сей добродѣтельный разбойникъ, когда придешь во царствіи Твоемъ“. Съ любовію внялъ сему воплю грядущій во славу Свою путемъ страданій и открывающій въ своихъ страданіяхъ искупленіе для грѣшниковъ: „нынѣ же, сказалъ Онъ, будешь со Мною въ раю“.

Но скорбь души, отягченной сознаніемъ грѣховъ всего міра, возложенныхъ на Искупителя міра, не всегда такъ легко разрѣшалась сознаніемъ ожидающей Его славы. Приближаясь къ послѣдней, торжественной минутѣ умиротворенія, послѣдній разъ еще Онъ долженъ былъ почувствовать глубже весь ужасъ этого состоянія—грѣшника, отчужденнаго отъ Бога. Погрузившись въ это море скорбей, Онъ воскликнулъ: „Боже мой, Боже мой—почто Ты Меня оставилъ“. Его вопль отозвался даже въ душахъ безчувственныхъ Іудеевъ, Его окружавшихъ.

Измученный внутреннимъ пламенемъ Господь въ послѣдній разъ проситъ прохлаждающаго питія; Ему подаютъ губку, намоченную уксусомъ.

Умирая, Онъ передаетъ Свою матерь ученику, который ближе къ Нему былъ по своей любви и преданности, нежели собственные Его братья, Іоанну. Потомъ произноситъ великое торжественное слово, самое великое и полное смысла, какое когда либо произносилось на землѣ, слово: „совершилось“ (дѣло, которое Онъ долженъ былъ совершить) и предалъ Отцу Своему Свою Душу, разрѣшившуюся отъ тѣла.

Какъ рожденію Спасителя сопутствовали чрезвы-

чайныя явленія въ природѣ, такъ и Его смерти. Тогда явилась звѣзда, которая свѣтомъ своимъ руководствовала мудрецовъ востока до Іерусалима и Виѳлеема. Теперь—глубокій мракъ покрывалъ всю землю на цѣлые три часа предъ Его кончиною и землетрясеніе по кончинѣ. При этомъ скалы въ окрестностяхъ Іерусалима, служившія гробницами умершихъ, растрескались и извели изъ себя погребенныхъ и завѣса храма раздралась.

Первый вечеръ послѣ погребенія Іисуса Христа.

Общество Іисуса, лишившись Его, пришло въ самое жалкое положеніе. Ученики Его еще тогда, какъ только пришелъ за Нимъ отрядъ воиновъ въ Геѳсиманію, Его оставили и разбѣжались въ разныя стороны. Во время страданій Іисуса многихъ вѣроятно не было совсѣмъ и въ Іерусалимѣ. Изъ двоихъ, послѣдовавшихъ за Іисусомъ на мѣсто Его суда, одинъ прямо плакалъ объ измѣнѣ, другой—свидѣтель послѣднихъ минутъ Іисуса вдвойнѣ скорбѣлъ съ неутѣшною Его Матерью. Говорить ли о несчастномъ предателѣ, который скоро почувствовалъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ и наложилъ на себя руки? Вотъ наслѣдники двѣнадцати престоловъ въ царствіи своего Іисуса, имѣющіе судить двѣнадцати колѣнамъ Израиля! Какъ далека была теперь отъ нихъ эта мысль! Ихъ занимало теперь одно чувство, чувство лишенія Іисуса и съ Нимъ—всего,—чувство тѣмъ огорчительнѣйшее, что невольно соединялось съ сильными укоризнами совѣсти. Каждый теперь видѣлъ, что онъ всего лишился въ Іисусѣ. Сокрушались какъ о камень всѣ мечты ихъ о славномъ царствѣ Мессіи. Имъ было уже не до нихъ; они не знали, какъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Въ нихъ

затмилась вѣра въ Іисуса вмѣстѣ съ Его славою и вмѣстѣ съ тѣмъ лишились они тѣхъ чудесныхъ силъ, которыя сообщала имъ эта вѣра. Ни мужества въ духѣ, ни силы чудотвореній въ рукахъ, никакихъ пособій со стороны сильныхъ покровителей, или сокровищъ, которыми бы можно было купить себѣ безопасность, ничего они не имѣли и не видѣли предъ собою. Все унесъ съ Собою Учитель во гробъ. Нечего ожидать имъ отъ своихъ соотечественниковъ, кромѣ той же судьбы.

Столько времени находясь въ близкомъ обращеніи съ своимъ Божественнымъ Наставникомъ, они воспитали въ своемъ сердцѣ любовь къ Нему искреннюю. И какъ было не любить Его? Какъ горячо Онъ Самъ любилъ ихъ! Какъ былъ къ нимъ снисходителенъ! Какія спасительныя давалъ имъ наставленія! Какъ защищалъ ихъ отъ нападеній враговъ своихъ (Мѳ. 12, 2. 3 и дал.)! Какъ заботился о нихъ даже предъ несчастнымъ концомъ своимъ (Лук. 22, 36. 31. 32. Іоан. 13, 18. 19; 18, 8. 9—11)! У кого найдется столько любви, чтобы воздать Ему за любовь, и не значило ли бы быть безчувственнѣе камня, если быть холоднымъ къ Нему? Если для кого было вполнѣ отверзсто сердце Его, то для учениковъ Его: имъ открывались всѣ тайны. Онъ, Господь ихъ, обходился съ ними, какъ съ друзьями! И теперь нѣтъ Іусуса.

И пусть бы они еще имѣли къ своей отрадѣ то, что могли бы неукоризненно смотрѣть на свое поведеніе въ отношеніи къ Іисусу. Пусть бы по крайней мѣрѣ каждый могъ сказать Ему въ сердцѣ своемъ: Я былъ вѣренъ Тебѣ, Божественный Наставникъ, до послѣдняго часа твоего, дѣливъ съ Тобою все; и только какая-то необходимая сила исхитила Тебя изъ рукъ нашихъ. Напротивъ совѣсть говорила каждому: вы не достойны были того, чтобы Онъ съ вами на-

всегда оставался. Въ свѣжей памяти были огорченія, наносимыя Ему въ послѣдній вечеръ Его съ ними пребыванія: когда Онъ предсказывалъ одному изъ нихъ, что Онъ въ слѣдующую ночь трижды отречется отъ Него; то всѣ говорили: нѣтъ, этого быть не можетъ (Мѳ. 26, 35). И каковы оказались они, когда Іисуса взяли? Готовы были оставить послѣднюю одежду въ рукахъ преслѣдователей Его, только бы избавиться отъ нихъ (Марк. 14, 51). Чѣмъ болѣе Онъ приближалъ кого изъ нихъ къ Себѣ въ то время для того, чтобы раздѣлить съ нимъ свои тяжкія предчуствія, тѣмъ менѣе тотъ оказывался къ сему способнымъ. Онъ проситъ ихъ молиться съ Собою,—они спятъ. Онъ хочетъ внушить имъ опасность наступающаго времени,—они Его не понимаютъ (Лук. 22). Онъ говоритъ имъ о страданіяхъ, которымъ чрезъ нѣсколько часовъ подвергнется,—они спорятъ о томъ, кто изъ нихъ будетъ бо́льшимъ въ царствіи небесномъ. Наконецъ, не изъ среды ли ихъ былъ предатель, погубившій Его?

„Такъ поглощалось въ ученикахъ Іисуса всякое утѣшительное представленіе, всякая свѣтлая надежда печальнымъ чувствомъ лишенія Своего Наставника—особенно въ первые часы послѣ страшныхъ событій на Голгоѳѣ (Мар. 16, 10). Наступило для нихъ то время, о которомъ предсказалъ имъ Іисусъ на послѣдней вечери: восплачите и возрыдаете вы, а міръ возрадуется (Іоан. 16, 20); будете искать Меня—и не можете придти, куда Я иду (13, 33). Мало-по малу они начали собираться, но и въ обществѣ не легче себя чувствовали, какъ и порознь.

Другія лица близкія къ Іисусу не могли не раздѣлять съ ними скорби въ особенности Святая Матерь Іисуса, видѣвшая Его крестныя мученія, должна была стенать душею о болѣзняхъ возлюбленнаго

Сына своего. Исполнилось надъ нею слово Симеона: оружіе прошло душу ея. Каждая капля крови Іисуса падала на сердце Ея и сожигала его. Поношенія, безславіе, которымъ былъ подвергнутъ Онъ, причисленный къ злодѣямъ, тѣмъ были для нея чувствительнѣе, что она еще прежде рожденія Его знала Его, какъ Сына Божія, еще тогда предчувствовала, что будутъ ее ублажать за Него всѣ племена. Сострадательный Сынъ весь самъ погруженный въ море болѣзней, нашелъ средство удалить Свою Матерь отъ того, чтобы быть свидѣтельницею послѣднихъ Его мученій: но это слишкомъ еще мало облегчало тяготу ея скорби. Мать двухъ апостоловъ Іакова и Іуды и Саломія, мать другихъ двухъ апостоловъ Іакова и Іоанна Заведеевыхъ вѣроятно находились вмѣстѣ съ Пресвятою Дѣвою въ іерусалимскомъ мѣстопребываніи Іоанна (Іоан. 19. τὰ ἴδια), и конечно вмѣстѣ плакали. Посторонніе зрители страданій Іисусовыхъ возвращались съ позорища, бія въ перси свои: какое же должны были терпѣть мученіе сердца женщинъ, привязанныхъ къ Іисусу узами крови, Его любовію, богатыми надеждами? Наконецъ пламенная, простосердечная, любившая Іисуса, какъ Господа и Цѣлителя своего, Марія Магдалина, которая находилась при крестѣ Іисусовомъ вмѣстѣ съ Его Матерью (Іоан. 19) и по удаленіи Ея болѣе другихъ оказывала участія [1]) къ Божественному страдальцу; —сестры Лазаря, возвратившія себѣ брата своего и къ сожалѣнію своему видѣвшія, что этотъ случай былъ первымъ поводомъ къ рѣшительному сужденію Синедріона объ Іисусѣ; Іосифъ съ Никодимомъ, доселѣ скрывавшіе

[1]) Особенное участіе Магдалины въ страданіяхъ Господа можно видѣть изъ того, что она у Евангелистовъ вездѣ первая обозначается между прочими женами, находившимися на Голгоѳѣ, кромѣ Іоан. 19, гдѣ упоминается Пресвятая Матерь Божія.

свою связь съ Іисусомъ и какъ будто только для того познакомившіеся съ Нимъ, чтобы отдать послѣдній долгъ Ему, оставленному всѣми, словомъ, всѣ знавшіе Іисуса въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ теперь были заняты тѣми же чувствами, какими исполнены были апостолы.

Такъ встрѣтили друзья Іисуса великій день субботы праздника и предались священному покою. А Тотъ, о Которомъ всѣ они скорбѣли? Для Его плоти настала теперь точно благословенная суббота, упокоенія день. Во все время своего пребыванія на землѣ Онъ томился желаніемъ крещенія крестнаго (Лук. 12, 50). Теперь обагренный кровію Своею Онъ охотно сошелъ со креста и успокоился на каменномъ ложѣ, которое приготовили Ему, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ въ одно и то же время злоба враговъ и признательность друзей.

Успокоился и весь Іерусалимъ съ своими пришельцами. Не находили себѣ по̀коя только враги Іисуса. Для нихъ какъ будто страшно еще было могущество Его, хотя Онъ лежалъ уже во гробѣ. Причиною безпокойства было предсказаніе Іисуса о Своемъ воскресеніи, которое они, по видимому, тверже помнили, чѣмъ ученики Его. Господь изображая свои страданія и смерть ученикамъ Своимъ, неоднократно говорилъ къ ихъ утѣшенію, что Онъ воскреснетъ (Мѳ. 17, 9) и именно въ третій день по своей смерти (Мѳ. 16, 21; 20, 19; Мар. 9, 31). Такія предсказанія хотя относились собственно до учениковъ, но ученикамъ не было воспрещаемо передавать ихъ и другимъ. Кромѣ того Господь Самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ слухъ фарисеевъ указывалъ на Свое воскресеніе, какъ послѣднее и рѣшительное знаменіе для всѣхъ соблазнявшихся Его лицемъ и ученіемъ (Мѳ. 12, 39. 40; 16, 4; Іоан. 11, 19). Нѣтъ со-

мнѣнія, что враги Іисуса не вѣрили въ дѣйствительность сего предсказанія; они подозрѣвали въ Немъ только одну хитрость, опасались, что ученики Его воспользуются ею, и тогда всѣ старанія ихъ истребить пророка Галилейскаго останутся тщетными. Члены Синедріона входили въ совѣщаніе, какія бы предпринять мѣры противъ дѣйствія этой хитрости. Суббота препятствовала собраться для совѣщанія всѣмъ, но не препятствовала важнѣйшимъ изъ нихъ войти въ частное между собою соглашеніе по такому дѣлу, которое не терпѣло никакого замедленія. На совѣтѣ положено просить у Пилата стражи для храненія гроба до третьяго дня. Правда, они имѣли при храмѣ и свою стражу (Лук. 22, 52), но, чтобы придать болѣе важности своимъ распоряженіямъ, они положили лучше просить ее у прокуратора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пилатъ долженъ былъ получить объясненіе на то, почему они такъ ревностно старались погубить Іисуса, и намекъ на осторожность въ случаѣ какихъ нибудь покушеній со стороны оставшагося общества Іисусова.

Итакъ едва наступила суббота, нѣсколько чредоначальныхъ священниковъ отправляются къ Пилату и предлагаютъ ему отъ лица Синедріона слѣдующее прошеніе: мы вспомнили, что этотъ обманщикъ, котораго и именовать нѣтъ нужды, еще будучи въ живыхъ сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну. За него можно поручиться, что Онъ уже не встанетъ. Но онъ оставилъ по себѣ общество послѣдователей, которые не откажутся воспользоваться его уроками, и они могутъ украсть тѣло его и распространятъ въ народѣ слухъ, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ. А это не обойдется безъ опасныхъ послѣдствій. Найдутся люди, которые будутъ вѣрить, и тогда недолго ждать какихъ нибудь возмущеній во имя воскресшаго Мес-

сіи. Итакъ, чтобы сдѣлать дѣло съ концемъ, мы пришли попросить тебя, чтобы ты приказалъ поставить при гробѣ Іисуса свою стражу.

Пилатъ едва ли убѣжденный ихъ представленіями, а болѣе кажется для того, чтобы отвязаться отъ докучливыхъ просителей, не хотѣлъ противорѣчить ихъ желанію. Ему даже странно показалось, что за этимъ присылаетъ къ нему Синедріонъ. Еще не была отпущена и та стража, которая находилась при исполненіи казни надъ Іисусомъ. „У васъ есть стража, отвѣчалъ онъ посланнымъ; подите, охраняйте какъ знаете“.

И стража была тотъ же часъ приставлена ко гробу; камень, заграждавшій ходъ въ пещеру, прикрѣпленъ веревкою и на концахъ веревки положена печать.

Казалось это другой Даніилъ во рвѣ львовъ подъ печатію Дарія; надлежало ожидать подобнаго разрѣшенія печати. И послѣдствія показали, что поставленныхъ при гробѣ Іисуса стражей пристойнѣе было бы назвать тѣлохранителями спящаго царя, нежели хранителями печати Его гроба.

Въ то время какъ ставили стражу при гробѣ хранившемъ тѣло Іисуса, Онъ духомъ Своимъ уже былъ въ области душъ отшедшихъ изъ земнаго міра и тамъ, когда раскрылась въ Немъ яснѣе, нежели когда либо на землѣ, слава Его Божества, собиралъ, возводилъ въ свободу всѣхъ чаявшихъ Его на землѣ. И дѣйствіемъ Іисуса, Который пришелъ возглавить всяческая, Который и на землѣ только трудился надъ тѣмъ, чтобы подать роду человѣческому дѣйствительнѣйшія средства къ возвышенію въ лучшій порядокъ бытія, въ полное благобытіе, образовалось здѣсь первое ядро прославленнаго человѣчества, къ которому впослѣдствіи должны прилѣпляться сыны царствія Іисусова на землѣ.

Міръ людей отшедшихъ, во времена Іисуса Христа, былъ извѣстенъ подъ именемъ ада. Будемъ ли Его представлять себѣ какъ вмѣстилище (нѣчто внѣ душъ существующее) или какъ состояніе (какъ нѣчто внутреннее) отшедшихъ людей, мы не можемъ не различать въ немъ различныхъ положеній по степени и качеству внутренняго развитія душъ отходящихъ. Иныя здѣсь его еще не начинали, другія болѣе или менѣе совершили; однѣ совершали его правильно, соотвѣтственно своему назначенію, другія неправильно, противно своему назначенію. Въ настоящемъ случаѣ мы ничего вѣрнаго и рѣшительнаго не можемъ говорить о первомъ и послѣднемъ положеніи душъ. Обратимъ взоръ только на среднее, и именно на тѣхъ, которые развивали свои силы—или правильнѣе чрезъ развитіе очищали—сообразно тѣмъ постановленіямъ и при помощи тѣхъ средствъ, которыя учреждалъ Богъ въ свои времена для образованія людей къ высшему и лучшему бытію,—обратимъ взоръ на праведниковъ Ветхаго Завѣта. Такъ какъ всѣ сіи постановленія и средства не имѣли совершительнаго дѣйствія, то сколько ни раскрывались и очищались чрезъ приложеніе ихъ силы душъ, сколько ни сообщалось чрезъ нихъ пособій, однако никогда не изглаждались слѣды грѣха и не истреблялись мракъ его, скорбь и бореніе, хотя уже безсильные. Отсюда естественно были несовершенны воззрѣнія тѣхъ душъ на Божество, къ созерцанію Котораго они въ настоящій періодъ своего бытія болѣе приближались. Но гдѣ есть хотя малый слѣдъ грѣха, тамъ есть доступъ діаволу; грѣхъ—печать его. Чѣмъ болѣе еще осталось въ душѣ силы грѣха, тѣмъ обширнѣе права надъ нею діавола; есть души, которыя они держатъ какъ бы въ заклепахъ, къ которымъ доступъ высшей помощи прегражденъ какъ

бы мѣдными вратами, утвержденными въ вереяхъ желѣзныхъ. Онѣ борются со грѣхомъ, усиливаются освободиться отъ него; въ состояніи души за гробомъ самосознаніе достигаетъ высшей степени и это дѣлаетъ еще несноснѣе ощущеніе въ себѣ владычества зла, которому бы не хотѣли покориться, но не имѣютъ силъ выйти изъ подъ его державы. Этихъ-то плѣнниковъ ада долженъ былъ Іисусъ разрѣшить въ свободу. Ему предшествовалъ, какъ и на землѣ, Іоаннъ съ своимъ благовѣствованіемъ. Наконецъ явился Самъ Іисусъ; чрезъ совлеченіе ризы плоти яснѣе въ Немъ отразилась слава Его Божества. Потрясся міръ душъ отъ пришествія новаго духа, который возвѣстилъ имъ, что страданіями своими Онъ, невинный, заплатилъ за грѣхъ ихъ; нѣтъ болѣе вражды между ними и Богомъ; Богъ—отецъ ихъ. Разогналъ, разсѣялъ въ каждой душѣ все, что еще противилось этой мысли. Обновилъ истомленныя души обильнымъ изліяніемъ своихъ Божественныхъ силъ. И когда совершилъ въ каждой душѣ дѣло примиренія и освященія, съ торжествомъ перевелъ всѣхъ въ новую, высшую, лучшую область,—туда, гдѣ отселѣ будутъ жить всѣ носящіе на себѣ печать Его оправданія. Такъ возникло то собраніе торжественное, та церковь первенцовъ, написанныхъ на небесѣхъ и духовъ праведныхъ, достигшихъ совершенства, тотъ градъ Бога живаго, Іерусалимъ небесный, къ которому послѣ призывали апостолы всѣхъ земнородныхъ, градъ очищенный, церковь святая, Іерусалимъ славный (Евр. 12, 23, 24).

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе благовѣствованія отразилось и на тѣ души, которыя во время своего пребыванія на землѣ, участвовали въ завѣтѣ съ Богомъ, но не были ему вѣрны, равно какъ и на тѣ, которыя стояли и внѣ частнаго завѣта Божія съ на-

родомъ еврейскимъ. Сюда относятся слова Петра о проповѣданіи Іисуса духамъ нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію во дни Ноя, во время строенія ковчега (1. Петр. 3, 20). Тотъ же апостолъ цѣлію сего благовѣствованія полагаетъ то, чтобы умершіе, подвергшись суду по человѣку (κατὰ ἀνθρώπους) плотію, жили по Богу духомъ. Но о плодахъ этихъ дѣйствій апостолъ умолчалъ.

Наконецъ отшествіе Іисуса Христа въ адъ было чувствительнѣйшимъ явленіемъ для господствовавшаго въ немъ князя міра сего, который, не соблюдши своего начальства, самъ себя поставилъ тамъ въ удаленіи отъ Бога. Это было для него время суда и осужденія; начала и власти его обезсилены и посрамлены (Кол. 2, 15). По его наставленію Іуда предалъ Спасителя; онъ молилъ сѣять апостоловъ, какъ пшеницу; онъ выступилъ со всѣми силами своими въ борьбу противъ Іисуса и заставилъ Его съ воплемъ сильнымъ и слезами возсылать молитвы и моленія къ Тому, Кто могъ спасти Его отъ смерти, исторгъ изъ устъ Его страшныя слова: Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя оставилъ еси! Но этимъ все и совершилось. Послѣ сего какъ молнія спалъ сатана съ небеси и за то, что ранилъ пяту Избавителя міра, оставленъ вѣкъ свой лизать персть и пресмыкаться на чревѣ.

О еслибы друзья Іисуса на землѣ знали, что онъ дѣлаетъ теперь въ преисподней! Какъ бы скоро перемѣнилась ихъ печаль на радость! А они думаютъ только объ умершемъ, объ Его останкахъ, о невозвратной потерѣ! Іисусъ сокрушаетъ твердыни ада: а ученики Его боязливо собираются въ темное убѣжище отъ Іудеевъ и запираютъ за собою двери, не знаютъ и того, что гробъ Іисусовъ уже охраняется стражею; по окончаніи праздника, повидимому, думаютъ оставить совсѣмъ Іерусалимъ (еммаусскіе путники пода-

ютъ такую мысль) и возвратиться въ свои домы, которые было оставили въ надеждѣ найти въ Іисусѣ Мессію. Іисусъ животворитъ умершихъ, а Его другини приготовляются пролить еще алавастръ мура на Его мертвенные останки. Одна изъ Марій Магдалина—Іоаннъ между женщинами—по особенной привязанности къ Іисусу, едва окончились часы покоя субботняго, отправляется для покупки ароматовъ, чтобы на утро какъ можно ранѣе идти на гробъ Іисуса—помазать Его тѣло. Іосифъ и Никодимъ, казалось ей, по причинѣ краткости времени до субботы, не успѣли сдѣлать всего, что нужно было для того, чтобы оказать послѣднюю почесть возлюбленному Наставнику. По крайней мѣрѣ ея сердце того требовало. Ей изъявили желаніе участвовать въ этомъ и другія женщины, сестра Матери Божіей и Мать Іоаннова, Іоанна и еще нѣкоторыя (Лук. 24, 10).

Въ намѣреніи мироносицъ много высказывалось любви и усердія къ Іисусу, но нисколько вѣры. Обращаясь съ Іисусомъ во время Его прибыванія въ Галилеѣ, онѣ слыхали отъ Него о будущихъ Его страданіяхъ, и о смерти и воскресеніи (Лук. 24, 6. 7.). Видя исполненіе первыхъ предсказаній, надлежало вѣрить и послѣднему. И достойно замѣчанія, что Марія, мать Іисуса, безъ всякаго сомнѣнія болѣе всѣхъ исполненная любви къ Нему, не принимала участія въ общемъ предпріятіи прочихъ женъ; слагая въ сердцѣ своемъ всѣ глаголы Іисуса и о Іисусѣ, будучи болѣе внимательна къ великимъ и чуднымъ происшествіямъ Его жизни отъ яслей до гроба, она, конечно, научилась болѣе другихъ вѣрить Его обѣщаніямъ самымъ высокимъ, и хотя не открыто предъ всѣми, но во глубинѣ своего духа исповѣдывала: „Не можетъ быть, чтобы Іисусъ мой умеръ навсегда“. Даже, если позволено осмѣлиться еще на

одну догадку, Іоаннъ, теперь замѣнившій ей Іисуса и потому особенно къ ней приближенный, вѣроятно отъ нея получилъ ту скорую готовность къ вѣрованію въ воскресеніе Іисуса, какую мы видимъ впослѣдствіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ естественно было возлежавшему въ послѣднюю вечерю на персяхъ Іисуса говорить теперь съ Его матерью о послѣдней бесѣдѣ Его, которая всѣхъ глубже врѣзалась въ Его сердце;—а въ этой бесѣдѣ часто Господь говорилъ: дѣти! не оставлю васъ сиротами; приду къ вамъ. Еще не много—и міръ уже не увидитъ Меня; а вы увидите Меня; ибо Я живу и вы живы будете... Я иду приготовить вамъ мѣсто и когда приготовлю, приду опять и возьму васъ къ Себѣ... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: иду отъ васъ и пріиду къ вамъ. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу; ибо Отецъ Мой болѣе Меня. Вскорѣ вы не увидите Меня, и опять вскорѣ увидите Меня... Вы теперь имѣете печаль: но Я увижусь съ вами опять и возрадуется сердце ваше“... Повторяя эти утѣшительныя обѣщанія Господа, Марія и Іоаннъ хотя не съ полнымъ убѣжденіемъ, но съ охотою соглашались вѣрить тайному голосу, который говорилъ ихъ сердцу, что Іисуса они увидятъ опять. Такъ и воскресшій недавно Лазарь могъ напомнить и подкрѣпить мысли о воскресеніи Господа, его воскресившаго.

Воскресеніе Іисуса Христа.

Воскресеніе Господа по времени не было въ точности опредѣлено. Господь иногда говорилъ, что Онъ три дня будетъ въ сердцѣ земли, иногда—по тріехъ днехъ востану, иногда — въ третій день воскресну.

Слѣд. ученики по этой причинѣ еще не могли вдругъ увѣриться въ дѣйствительности Его воскресенія—въ самомъ началѣ третьяго дня.

Извѣстно, въ какомъ положеніи остались ученики Христовы послѣ того, какъ первосвященники іудейскіе умертвили Іисуса. Страхъ разсѣялъ ихъ, такъ что при крестѣ Іисуса нашелся только Іоаннъ, котораго Господь за вѣрную любовь и усыновилъ своей Матери. На погребеніе Іисуса никто изъ Его апостоловъ не явился. Только одинъ тайный ученикъ Іисусовъ Іосифъ, членъ совѣта, однажды защищавшій Его предъ своими сочленами, осмѣлился просить у Пилата тѣла Іисусова для погребенія. Къ Іосифу присоединился Никодимъ, которому Господь Самъ въ одной своей бесѣдѣ къ нему, еще въ началѣ своего служенія сказалъ загадочныя слова, относящіяся до Его смерти: какъ Моисей вознесъ змія въ пустынѣ: такъ должно быть вознесену и Сыну Человѣческому.— Оба вмѣстѣ, обвивъ изъязвленное тѣло плащаницею со множествомъ благовоній, положили оное въ новомъ Іосифовомъ гробѣ. Еще было при этомъ нѣсколько женщинъ, пришедшихъ съ Іисусомъ изъ Галилеи. Менѣе опасаясь за себя, или болѣе вѣрныя чувству любви своей къ Господу, онѣ неотступно находились и при крестѣ, и когда совершалось погребеніе, сидѣли противъ гроба до самой той поры, какъ камень заключилъ входъ въ пещеру, гдѣ положено было тѣло Іисусово.

Погребавшіе Іисуса, по всему видно, были увѣрены, что умершій уже не возстанетъ. Вотъ почему Іосифъ и Никодимъ съ такою тщательностію, несмотря на краткость времени, совершаютъ погребеніе Іисуса: со стороны ихъ это былъ послѣдній долгъ признательности Божественному Наставнику, отъ Котораго каждый слышалъ нѣсколько истинъ, доселѣ памятныхъ

ихъ сердцу. Женщины Галилейскія также имѣли усердіе принести свою долю ароматовъ на гробъ Іисусовъ и этимъ свидѣтельствовали, что и онѣ не чаяли воскресенія Господа, тѣмъ болѣе, что онѣ не находили и возможнымъ исполнить долгъ усердія ранѣе того дня, когда надлежало ожидать воскресенія. — Апостолы уже и спустя два дня, когда довольно было времени собраться съ мыслями, припомнить слова Господни о Своемъ воскресеніи, съ трудомъ убѣждались въ этомъ, хотя не всѣ съ одинаковымъ упорствомъ. Да и нелегко было увѣриться въ этомъ. Доселѣ такихъ опытовъ еще не было. Воскресали умершіе, но не сами собою, а при содѣйствіи великихъ праведниковъ. А кто бы нашелся въ это время такой, который бы могъ снова вложить жизнь въ мертвое тѣло самаго величайшаго праведника, какого они знали? Не разумѣли Писаній. Омрачены были скорбію.

Враги Іисуса не менѣе друзей Его были увѣрены, что смертію Іисуса все окончилось; самую мысль о воскресеніи они считали обманомъ.

Наступилъ третій день по смерти Его: довольно для увѣренія въ дѣйствительности. Онъ воскресъ. Событіе совершилось невидимо. Да и могло ли совершиться видимо преложеніе видимаго въ невидимое, чувственнаго въ духовное. Когда оно совершилось, неизвѣстно. Чтобы узнать объ этомъ происшествіи, нужны были вѣстники. Являются вѣстники Его воскресенія: Ангелъ сходитъ на землю и отверзаетъ входъ въ пещеру не для Воскресшаго, но для посѣтителей гроба. Въ Іерусалимѣ чувствуютъ сильное землетрясеніе. Но кто изъ жителей Іерусалима подумалъ, что этимъ землетрясеніемъ означался предѣлъ мрачной безъизвѣстности, въ какой находились на землѣ относительно Іисуса, послѣ того какъ предше-

ствующимъ землетрясеніемъ возвѣщено міру о смерти Его? Стража, окружавшая гробъ Іисуса, которая одна могла свидѣтельствовать о причинѣ страшнаго явленія, была сама задержана страхомъ при гробѣ до яснѣйшихъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ эта первая вѣсть о воскресеніи, общая для всѣхъ, должна была привести въ страхъ всѣхъ и друзей и враговъ Іисуса.

Несмотря на то, другини Іисуса идутъ на гробъ съ ароматами. Марія Магдалина предупреждаетъ прочихъ, видитъ гробъ отверзстымъ. Смутилась, бѣжитъ къ апостоламъ: думаетъ, что тѣло Господа унесено. Эта новая смутная вѣсть, относившаяся собственно до апостоловъ, произвела одно недоумѣніе: по крайней мѣрѣ пробудила дремлющій отъ унынія духъ, возбудила вопросы, догадки, изысканія, которыя могли привести къ истинѣ.

Двое изъ апостоловъ: одинъ всегда отличавшійся рѣшимостію характера, другой—нѣжностію любви къ Іисусу, оставивъ всѣ догадки, спѣшатъ ко гробу и, чтобы удостовѣриться въ сказанномъ Маріею, ищутъ средствъ къ объясненію этого.

А между тѣмъ какъ Марія увѣдомляетъ апостоловъ, и апостолы бѣгутъ на гробъ, прочія мироносицы, достигши гроба ранѣе ихъ прибытія, входятъ въ пещеру, не находятъ тѣла Іисусова, но имъ является Ангелъ. Ангелъ свѣтоносный возвѣщаетъ имъ прямо и ясно, что Іисусъ воскресъ, какъ Самъ предсказалъ о томъ, еще задолго до Своей кончины, еще въ Галилеѣ. Вотъ третья или лучше первая опредѣленная вѣсть о воскресеніи Господа. Для мироносицъ не нужно было болѣе удостовѣренія. Видѣніе Ангела произвело столь сильное впечатлѣніе, что онѣ не могли усумниться въ дѣйствительности возвѣщеннаго имъ. По наставленію Ангела онѣ спѣшатъ передать эту вѣсть

апостоламъ, но въ такомъ ужасѣ, что и встрѣчавшимся на пути, до кого сія вѣсть относилась, ничего не открыли (Марк. 16, 8).

Въ то же время достигла вѣсть о воскресеніи Іисуса и до ушей враговъ Іисусовыхъ чрезъ стражу. Другое невѣріе, невѣріе, всѣмъ вооруженное противъ истины—встрѣтила эта вѣсть у Іудеевъ. Что ранѣе явленія самаго Господа стражи удалились, это видно изъ того, что Марія какъ скоро увидѣла Ангеловъ, то стала спрашивать у нихъ о тѣлѣ Господа. Если-бы здѣсь были еще и стражи, то конечно къ нимъ она отнеслась бы съ тѣмъ же вопросомъ.

Такимъ образомъ Петръ и Іоаннъ и за ними Магдалина достигаютъ гроба—еще не зная о возвѣщенномъ отъ ангела. Іоаннъ, окриляемый любовію предваряетъ Петра у гроба; Марія, изнуренная и горестію и первымъ путешествіемъ, прибѣгаетъ уже за Петромъ. Іоаннъ, приникнувъ въ пещеру, также не усмотрѣлъ тамъ тѣла Іисусова; Петръ былъ рѣшительнѣе: онъ осмѣлился войти внутрь пещеры, за нимъ и Іоаннъ, но и оба вмѣстѣ ничего болѣе не замѣтили, кромѣ пеленъ и плата: пелены лежали въ одномъ мѣстѣ, платъ свитый—въ другомъ. Духовное видѣніе было не для нихъ: ни тотъ, ни другой Ангела не видѣли.

Не смотря на то, для Іоанна достаточно было видѣть и эти памятники пребыванія во гробѣ Іисуса, чтобы увѣриться въ Его возстаніи (Іоан. 20, 8. 9).

Вотъ первый вѣрующій въ воскресеніе Іисуса Христа послѣ мироносицъ, которымъ возвѣщено было объ этомъ отъ Ангела. Чтоже привело къ вѣрѣ Іоанна? Со всею внимательностію любви Іоаннъ принималъ въ свое сердце слова Іисуса, и въ особенности глубоко напечатлѣлись въ его духѣ слова послѣдней бесѣды, въ которой Господь неоднократно гово-

рилъ о своей жизни по смерти и явленіи Своимъ ученикамъ.

Сохраненіе пеленъ и плата во гробѣ, притомъ не въ безпорядочномъ видѣ устраняло всякую мысль о похищеніи тѣла Іисусова. Какая нужда похитителямъ снимать пелены? Какъ имъ сдѣлать это при стражѣ? Да и кому похитить? Врагамъ Іисуса? Но они о томъ и заботились, чтобы сохранить его. Друзьямъ? Апостолы всѣ были вмѣстѣ и всѣ были въ страхѣ, не выходя изъ дома, заключивъ его двери отъ Іудеевъ. Здѣсь должно быть чему нибудь другому. Глубокій, внутренній, самопогруженный духъ Іоанна помогъ теперь ему сообразить эти явленія съ прежними словами Господа. Недоставало еще яснаго раскрытія этого предмета изъ Писанія, въ которомъ духъ его часто почерпалъ себѣ наставленія. Но и эти соображенія дѣлали для Іоанна мысль о воскресеніи Господа вѣрною. По крайней мѣрѣ сердце Іоанна вѣрило въ нее. Можетъ быть тотъ же Ангелъ вложилъ въ него, покрайней мѣрѣ, подкрѣпилъ эту мысль неощутимо для него самого.

Что же Петръ? И онъ не соглашался съ догадкою Маріи Магдалины, будто тѣло Господа похищено. Но чувства лишенія Господа и своей вины предъ Нимъ были такъ мрачны, что не могла блеснуть радостію въ душѣ его мысль о воскресеніи. Онъ оставилъ гробъ въ томъ же недоумѣніи, съ какимъ прибѣжалъ къ нему. Конечно спрашивалъ и Іосифа, не знаетъ ли онъ, куда дѣвалось тѣло Іисуса и отъ него ничего не могъ узнать.

Оба апостола направили путь свой къ прочимъ своимъ братіямъ. Тамъ уже возвѣщали воскресеніе Господа—мироносицы со словъ Ангела. Но мироносицамъ не довѣряли. Пришли Петръ и Іоаннъ. Спросили у нихъ, что они видѣли, бывъ на гробѣ Іису-

совѣ. Узнали, что они не видали ни одного Ангела. Вѣра къ словамъ мyроносицъ потерялась совсѣмъ. Іоаннъ ничего не могъ сказать другимъ о воскресеніи Господа, кромѣ того только, что онъ самъ вѣритъ въ него. Но для него самого было важнымъ подкрѣпленіемъ свидѣтельство мyроносицъ, въ числѣ которыхъ была и его мать Саломія (Марк. 16, 1). Очевидно, что такихъ свидѣтельствъ о воскресеніи Іисуса Христа было недостаточно.

Господь хотѣлъ явиться ученикамъ своимъ въ Галилеѣ. Но ученики Его еще не въ состояніи были повѣрить, что это повелѣніе шло отъ Него; не хотѣли идти туда; потому Господь рѣшилъ явиться еще въ Іерусалимѣ.

Марія Магдалина, оставшись при гробѣ, по удаленіи Петра и Іоанна, въ слезахъ приникла во гробъ; видитъ двухъ Ангеловъ. Печаль такъ глубоко занимала душу ея, что это видѣніе нисколько не смутило ее; она отвѣчала на вопросъ ихъ, о чемъ она плачетъ, какъ будто то были обыкновенные люди. Но въ эту пору, какъ Ангелы должны были объяснить ей, гдѣ Господь, Самъ Господь является за нею и повторяетъ ей тотъ же вопросъ: о чемъ она плачетъ, чего ищетъ? Марія не узнала Его ни по виду, ни по голосу. Признала Его за садовника и спрашиваетъ: не онъ ли вынесъ изъ гроба тѣло Іисуса, и если онъ, то указалъ бы, гдѣ Его взять и отдалъ бы ей священные останки. Тогда Іисусъ назвалъ ее по имени прежнимъ знакомымъ ей голосомъ съ намѣреніемъ дать узнать Себя, и Марія со словомъ: Учитель! бросилась къ ногамъ Іисуса и обняла ихъ, какъ бы не желая никогда болѣе съ Нимъ разлучаться. Но Іисусъ сказалъ ей, что она Его не въ послѣдній разъ видитъ. Однако же скоро Онъ намѣренъ совсѣмъ возвратиться къ Отцу Своему и потому велитъ

ей скорѣе объявить апостоламъ о воскресеніи Своемъ. *Не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему. Иди же ко братіи Моей, и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему.*

Въ самомъ дѣлѣ здѣсь нужно было скорое подкрѣпленіе. Ученики уже начали расходиться изъ Іерусалима; такъ какъ Іисуса не стало, то считая вмѣстѣ съ этимъ окончившимся и свое призваніе, по истеченіи торжественныхъ дней праздника, они пошли къ своимъ мѣстамъ. Такъ двое отправились въ Еммаусъ. Можетъ быть по этому же побужденію оставилъ общество учениковъ Іисусовыхъ и Ѳома.

Марія приходитъ къ оставшимся; исполненная радости послѣ такой скорби, она безъ словъ была живымъ свидѣтелемъ воскресенія. Но странно казалось, что видѣнія бываютъ только женщинамъ. Марія, восторженная, не была принята, хотя надлежало было принять, за вѣстницу воскресенія Господа. Можетъ быть Іоаннъ, который такъ живо и обстоятельно изобразилъ это явленіе Господа, Іоаннъ одолженъ былъ убѣжденіемъ въ воскресеніи ея словамъ. Невѣроятно, чтобы и Петръ, нѣкогда первый исповѣдавшій Іисуса Сыномъ Божіимъ и теперь уже слышавшій отъ мироносицъ, что ангелъ особенно велѣлъ увѣдомить его о воскресеніи Господа, невѣроятно, чтобы послѣ сего Петръ оставался въ прежнемъ неудомѣніи,—что несогласно съ его характеромъ, всегда рѣшительнымъ. Напротивъ, весьма вѣроятно, что онъ самъ сталъ уже вѣрить въ воскресеніе Господа. Только въ немъ эта вѣра производила болѣе смущеніе, нежели радость. Еслибы къ Воскресшему Господу можно было имѣть такой же доступъ, какъ и прежде, онъ отыскалъ бы теперь Его и сталъ бы молить о прощеніи ему измѣны. Но теперь не такъ. Господь посылаетъ вѣст-

никовъ и является необычайнымъ образомъ, какъ хочетъ и кому хочетъ. И теперь Петръ видитъ, что Господь какъ будто оставляетъ его въ сторонѣ, — не ему первому явился.

Господь, утѣшивъ уже одну скорбѣвшую душу, утѣшаетъ теперь и Петра—особымъ ему явленіемъ. Обстоятельства этого явленія неизвѣстны. Но извѣстно, что оно имѣло сильное дѣйствіе на вѣру прочихъ учениковъ. На Петрѣ точно утверждались прочіе апостолы и ученики. Это явленіе было уже не женщинѣ. Послѣ явленія ему Господа весьма многіе уже не сомнѣвались болѣе въ воскресеніи (Лук. 24, 34).

Но съ другой стороны оставались еще невѣрящіе (Марк. 16, 13). Да и у вѣрующихъ не у всѣхъ было ясное понятіе о Его настоящемъ состояніи. Притомъ нужно было Господу дать новую пищу для духа ихъ послѣ смутныхъ дней, сообразную съ ихъ будущимъ назначеніемъ, вообще подкрѣпить прежнія связи свои съ ними. Для этого Господь намѣренъ явиться имъ всѣмъ вмѣстѣ. Потомъ съ колебаніемъ вѣры должна была отъ нихъ отступать и благодать Св. Духа: надлежало ее возвратить до полнаго изліянія въ день Пятидесятницы (и возвращена дуновеніемъ).

Но прежде Господь хочетъ возвратить въ свое стадо нѣкоторыхъ отшедшихъ изъ Іерусалима. Одинъ изъ нихъ былъ сродникъ Господень Клеопа (Марія, жена Клеопова называется сестрою Божіей Матери Іоан. 19, 25). Другой, неизвѣстно, кто. Оба они шли изъ Іерусалима въ Еммаусъ, селеніе отстоящее отъ Іерусалима на 60 стадій. Вышли изъ Іерусалима прежде, нежели стало извѣстно явленіе Господа Маріи Магдалинѣ. На пути они имѣли разговоръ о произшествіяхъ, недавно случившихся въ Іерусалимѣ. Позорная смерть Іисуса разрушила ихъ надежды увидѣть въ Немъ Возстановителя Израилева. Господь,

отчасти измѣнивъ собственный видъ (Марк. 16, 12), отчасти удерживая очи ихъ (Лук. 24, 16), присталъ къ нимъ и началъ съ ними бесѣду, въ которой доказывалъ, что Мессіи, возстановителю Израиля, необходимо нужно было, по Писанію, пострадать; что только это могло ввести Его въ славу. Такой способъ убѣжденія приводилъ къ тому, что если они считали Іисуса Мессіею, то смерть Его не должна для нихъ казаться уничтоженіемъ всего Его дѣла; что надобно ожидать обѣщаннаго Писаніемъ прославленія Его въ воскресеніи. Бесѣда Іисуса была продолжительна (ибо путь былъ не малъ), состояла въ раскрытіи смысла пророчественныхъ мѣстъ о Мессіи, Его страданіи и воскресеніи. Какія именно мѣста приводилъ Господь, не сказываетъ Евангелистъ. Конечно тѣ же, какія впослѣдствіи приводили ученики и апостолы: Петръ и Павелъ въ своихъ рѣчахъ и посланіяхъ. Ученикамъ сладко было слышать слова сіи. Ихъ сердце разгорѣлось. Спутникъ хотѣлъ было идти далѣе, когда они уже достигли своего мѣста. Но они Его удержали, посадили Его за вечернюю трапезу. Въ это время Онъ ясно далъ имъ узнать Себя во время преломленія хлѣба; можетъ быть, ученики увидѣли язвы на рукахъ Его,—но Онъ вдругъ сталъ невидимъ. Это еще болѣе удостовѣрило ихъ, что они видѣли дѣйствительно не обыкновеннаго живаго человѣка и немедленно возвратились въ Іерусалимъ къ Апостоламъ.

Этотъ способъ убѣжденія въ своемъ воскресеніи, въ которомъ сперва раскрыта необходимость прославленія только чрезъ воскресеніе, потомъ показано самое исполненіе этого прославленія въ лицѣ Іисуса,—совершенно отличенъ отъ того, который употребленъ для Маріи Магдалины и впослѣдствіи для Ѳомы—отъ

одного чувственнаго обнаруженія своего прежняго, знакомаго имъ, земнаго вида.

Въ то самое время, какъ эммаусскіе путники разсказывали апостоламъ и прочимъ братіямъ, съ ними находившимся, о явленіи Господа и съ ними возлежали, Господь Самъ входитъ въ ихъ собраніе, несмотря на то, что двери были заперты, по опасенію отъ Іудеевъ. Недоумѣніе, ужасъ и радость—все смѣшалось. Господь успокоиваетъ привѣтствіемъ мира; увѣряетъ въ достовѣрности своего воскресенія знаками на рукахъ, ногахъ и боку, и вкушеніемъ отъ трапезы. Потомъ раскрываетъ необходимость своихъ страданій и прославленія чрезъ воскресеніе—изъ Писанія также, какъ еммаусскимъ путникамъ. *Отверзе имъ умъ разумѣти Писанія.*

Удостовѣривъ такимъ образомъ апостоловъ своихъ въ дѣйствительности своего воскресенія, кромѣ Ѳомы, Господь оставляетъ ихъ, но, оставляя, снова повторяетъ имъ свое: миръ вамъ, напоминаетъ имъ о ихъ призваніи. Самъ Онъ уже совершилъ свое служеніе на землѣ, и передаетъ теперь свое дѣло имъ. Для этого сообщилъ имъ часть силъ, нужныхъ для будущаго ихъ служенія, тѣхъ именно силъ, какія теперь послѣднимъ своимъ подвигомъ Онъ въ особенности заслужилъ роду человѣческому и какихъ они сами ни отъ кого не могли получить, какъ отъ Него, Искупителя рода человѣческаго, и далъ имъ право ими пользоваться съ такимъ же самовластіемъ, съ какимъ бы Самъ употреблялъ ихъ.

Тѣмъ заключенъ былъ великій день воскресенія Христова. Апостолы узнали теперь, что Господь ихъ есть Владыка жизни и смерти, что Его увѣренія о Себѣ всѣ несомнѣнны: такого чуда еще не было слыхано никогда доселѣ, чтобы кто самъ воскресалъ; что слѣдов. не потеряло значенія своего и все пред-

шествующее обращеніе ихъ съ Іисусомъ: они снова апостолы Его. Но когда воскресшій, по явленіи своемъ, оставилъ ихъ, не остался съ ними, какъ было прежде, они должны были уразумѣть отсюда, что съ сего времени они должны находиться въ особыхъ отношеніяхъ къ Нему: да и самое явленіе Его болѣе духовное, нежели плотское (поелику и самая плоть была одухотворена) тоже внушало. Такимъ образомъ мало по малу они должны были отъ прежняго видимаго чувственнаго обращенія съ Нимъ перейти къ одному, чисто духовному, невидимому общенію, которое должно было наступить для нихъ со временемъ Его вознесенія. Вѣроятно въ тотъ же день послѣдовало и явленіе Іакову (1 Кор. 15, 7).

Остальные дни праздника пасхи и слѣдующую за тѣмъ субботу апостолы провели въ Іерусалимѣ и вѣроятно готовились уже оставить сей городъ, чтобы идти въ Галилею, куда Господь звалъ ихъ чрезъ первую вѣстницу своего воскресенія. Но такъ какъ между ними оставался одинъ неувѣренный въ его возстаніи: то напередъ Господь хочетъ разрѣшить его отъ тяжкаго бремени невѣрія, чтобы легче ему было идти туда.

Увидѣвъ предъ собою Господа, съ Его язвами,—пришедшаго только для того, чтобы удостовѣрить его въ своемъ воскресеніи—Ѳома въ радости и благоговѣніи забылъ свое желаніе осязать своими руками Божественныя язвы и только могъ исповѣдать: *Господь мой и Богъ мой*. А Господь въ лицѣ его имѣя въ виду всѣхъ, которые будутъ съ сего времени обращаться къ Его церкви и вступать въ число Его послѣдователей, уже не имѣя возможности лично обращаться съ ними, сказалъ Ѳомѣ: блаженны невидѣвшіе и увѣровавшіе,—не тѣ только, которые

не видѣли Его воскресенія, но и тѣ, которые вовсе Его не видали, но будутъ вѣровать въ Него.

Когда возвратились апостолы въ Галилею, которую они такъ надолго оставили съ послѣднимъ путешествіемъ Господа въ Іерусалимъ, здѣсь Господь явился имъ первоначально на озерѣ Геннисаретскомъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ, назадъ тому года три, четверо изъ нихъ: Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ были призваны къ апостольскому служенію съ оставленіемъ своего дома и обыкновенныхъ своихъ занятій. Петръ или строже говоря Симонъ-Петръ (такъ онъ по большей части называется въ этой исторіи) и двое сыновъ Зеведеевыхъ Іаковъ и Іоаннъ и съ ними Ѳома, Наѳанаилъ и еще двое неизвѣстныхъ учениковъ пошли на озеро Геннисаретское ловить рыбу. Какъ и тогда же, ловля ихъ была неудачна: ничего не поймали. Подъ утро кто-то съ берега спрашивалъ у нихъ, есть ли у нихъ что нибудь съѣстное, (не хлѣбъ, но что прибавляется къ хлѣбу за столомъ,—здѣсь рыба)? Ученики отвѣчали: нѣтъ. Тогда стоявшій на берегу посовѣтовалъ имъ закинуть свои сѣти по правую сторону лодки и обѣщалъ успѣхъ. Успѣхъ былъ необыкновенный; семеро не могли вытянуть сѣти отъ множества рыбы (впослѣдствіи насчитали на каждаго брата, исключая одного, по 22 большія рыбы). Эта удача ловли вѣроятно напомнила Іоанну прежнюю чудесную ихъ ловлю: Онъ догадывался, что на берегу Самъ Господь и немедленно сообщилъ эту догадку прочимъ. Симонъ Петръ едва услышалъ это, какъ бросился въ воду, чтобы поскорѣе приблизиться къ Іисусу, или чтобы Онъ не удалился отъ нихъ. Прочіе также прибыли сюда немедленно. И на берегу уже не они Ему предложили угощеніе или трапезу отъ ловли своей, но Онъ Самъ; раздаетъ имъ хлѣбъ и рыбу—ежели ловля

предсказывала ученикамъ дѣйствіе ихъ проповѣди, то привлеченіе ловли къ ногамъ Іисуса было предвѣстникомъ того, чѣмъ должно заключиться ихъ дѣйствованіе въ семъ служеніи и какихъ успѣховъ надлежало имъ ожидать; а трапеза Іисусова означала награду отъ Него въ царствіи Его или вечерю въ царствіи небесномъ. Такъ напоминала сія вечеря послѣднюю вечерю въ Іерусалимѣ предъ страданіями. Но она имѣла и еще особенное отношеніе къ тѣмъ событіямъ. Тогда Господь, прощаясь съ своими учениками, говорилъ имъ: куда Я иду, вы не можете придти туда; Симонъ спросилъ было Его: Господи! куда Ты идешь? но Господь отвѣчалъ: куда Я иду, ты не можешь идти теперь, а послѣ пойдешь за Мною. Петръ возразилъ: почему не могу идти теперь за Тобою? Я жизнь мою положу за Тебя. А послѣ вечери по случаю подобнаго замѣчанія Спасителя вырвались у него даже такія слова: что если и всѣ соблазнятся о Іисусѣ, онъ никогда не соблазнится. И онъ дѣйствительно пошелъ за Іисусомъ; но только до перваго двора архіерейскаго и только для того, чтобы тамъ трижды отречься Своего Господа. Видно было, что онъ пошелъ не въ свое мѣсто. Слишкомъ рано испытавъ теперь горькимъ опытомъ, сколько силы человѣческія слабы, онъ уже не думалъ говорить теперь: люблю паче сихъ, но отвѣчалъ смиренно, что Самъ Онъ, Сердцевѣдецъ, знаетъ, что онъ Его любитъ. Докажи же любовь свою твоею любовію и попечительностію о Моемъ стадѣ, сказалъ Господь. Паси овцы моя какъ должно доброму пастырю. (Этимъ напоминалъ притчу о добромъ пастырѣ). Вопросъ свой повторилъ еще два раза, какъ бы не довѣряя твердости его словъ послѣ троекратнаго отреченія, и когда Петръ далъ замѣтить, что ему прискорбна эта недовѣрчивость, что онъ уже загла-

дилъ раскаяніемъ свой поступокъ, Господь, повторяя каждый разъ все тоже порученіе, наконецъ прибавилъ, что, если онъ теперь вѣрно будетъ пасти свое стадо, то и долженъ быть готовъ положить душу свою за Него, и даже указалъ самый родъ смерти, которымъ онъ, какъ пастырь Божія стада, прославитъ Бога, въ такомъ приточномъ видѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и шелъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой тебя препояшетъ и поведетъ, куда не хочешь. Ты просился идти за Мною, куда Я шелъ, когда шелъ Я на крестъ; и была у тебя ревность слѣдовать за Мною: Я тогда тебя не взялъ: ты былъ еще молодъ по духу своей вѣры. Но теперь я говорю тебѣ, что когда придешь въ зрѣлый духовный возрастъ, тогда хотя бы и не хотѣлъ ты, тебя подпояшутъ и поведутъ на путь Мой: тогда самый Духъ повлечетъ Тебя на крестъ. Въ предсказаніи скрывалось и то, что Петръ не дождется до откровенія Царства Христова въ славѣ, какъ онъ вѣроятно тогда ожидалъ. Неизвѣстно, имѣлъ ли Господь намѣреніе еще что нибудь сказать Петру тайно или только поднявшись отъ трапезы и заставивъ нѣсколько пойти за собою Петра, чтобы этимъ символическимъ дѣйствіемъ ввести его на путь свой или просто этимъ выражалось требованіе, чтобы онъ послѣдовалъ Господу въ страданіи. Только когда онъ пошелъ за Іисусомъ, по Его велѣнію, и замѣтилъ, что идетъ за Нимъ еще и Іоаннъ, по своей горячности онъ не утерпѣлъ, чтобы не спросить: мнѣ сказалъ Ты, чтобы я шелъ по Тебѣ т. е. на страданія и смерть и этому тоже идти за Тобою? (или, онъ дождется полнаго откровенія Твоего царства въ славѣ?). Тебѣ на что это нужно знать, отвѣчалъ Спаситель. Ты иди за Мной и, вслѣдъ затѣмъ, Господь скрылся.

Другое явленіе въ Галилеѣ было въ полномъ собраніи апостоловъ. Сначала нѣкоторые не узнали Его здѣсь, вѣроятно не бывшіе при первомъ явленіи. Сообщивъ имъ въ Іерусалимѣ, близъ креста своего, на которомъ пригвоздилъ рукописаніе грѣховъ нашихъ, власть разрѣшать грѣхи людей; здѣсь на границѣ міра іудейскаго и языческаго возвѣщаетъ повелѣніе идти ко всѣмъ народамъ съ проповѣдію Евангелія. Можетъ быть на той же горѣ (Мѳ. 17, 1; 28, 16), на которой среди трехъ избранныхъ апостоловъ Онъ явился во время жизни Своей въ преображеніи славы и, по выраженію Ап. Петра, самовидца величествія онаго, пріялъ отъ Бога Отца честь и славу (2 Петр. 1, 16. 17). разрѣшая молчаніе о семъ явленіи велелѣпныя славы, заповѣданное имъ самимъ до времени Его воскресенія (Мѳ. 17, 9), Онъ объявилъ имъ, что теперь вступаетъ Онъ во всѣ права, данныя Ему какъ Искупителю рода человѣческаго на небѣ и на землѣ. Онъ уже теперь не царь только іудейскій, но и Царь неба и земли. Итакъ отселѣ чѣмъ занимались они среди Іудеевъ, должны совершать и вездѣ, у всѣхъ народовъ. Здѣсь проповѣдывали покаяніе, здѣсь вѣрующихъ въ Мессію крестили: тоже должны дѣлать теперь въ цѣломъ мірѣ. Но доселѣ они крестили въ грядущаго Мессію, теперь во имя Самого Бога Трисвятаго. Доселѣ проповѣдуя покаяніе они не занимались собственно раскрытіемъ ученія, слышаннаго ими изъ устъ Спасителя: теперь Самъ Онъ оставляетъ землю; они должны возвѣщать міру то, что слышали отъ Него и такимъ образомъ замѣнить Его служеніе своимъ собственнымъ. И чтобы ободрить къ такому служенію, сказалъ имъ, что Самъ Онъ пребудетъ съ ними, въ своей церкви навсегда—доколѣ стоитъ этотъ міръ, доколѣ вполнѣ не откроется царство Божіе на землѣ; а принимаю-

щимъ съ вѣрою проповѣдь ихъ и вступающимъ въ церковь Его чрезъ крещеніе, обѣщалъ спасеніе и силу чудотвореній, какую имѣли апостолы во славу царствія Божія и на пользу братій своихъ (Мар. 16, 17. 18.).

Но начало сего служенія апостоловъ также, какъ прежде и служеніе самого Господа, должно открыться отъ Іерусалима (Лук. 24, 47).

Итакъ, вызвавъ ихъ на время въ Галилею, Господь снова возвращаетъ ихъ въ Іерусалимъ. Здѣсь они должны получить отъ Отца то, что обѣщалъ имъ Іисусъ, на что указывалъ еще Іоаннъ Креститель (*той крститъ вы Духомъ Святымъ*), какъ на преимущество званія Іисусова предъ его званіемъ (Дѣян. 1, 4. 5). Не иначе, какъ изъ того же самаго града, куда вступилъ Іисусъ какъ Царь, изъ града Божія должно было открыться призваніе въ Его всемірное царство. Не иначе, какъ тамъ должны быть утверждены и уполномочены просвѣщеніемъ и освященіемъ Духа Святаго для своего служенія Его посланники ко всѣмъ народамъ земнымъ. *Отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима.*

Но Господь уже объявилъ Своимъ ученикамъ на послѣдней вечери, что Утѣшитель не пріидетъ, если Онъ напередъ не пойдетъ къ Отцу Своему (Іоан. 16, 7). Итакъ это возвращеніе въ Іерусалимъ и обѣщаніе ниспослать ученикамъ чрезъ нѣсколько дней Духа Святаго указывало ученикамъ, что еще менѣе осталось такихъ дней, въ которые они могли бы видѣть Іисуса, какъ доселѣ Его видѣли.

Уже исполнилось почти сорокъ дней по воскресеніи Христовомъ. И этою таинственною четыредясятницею должно было заключиться Его служеніе на землѣ, какъ Мессіи, подобно тому, какъ оно и от-

крылось таинственною четыредесятницею. Та ввела Его въ подвигъ, эта совершила Его. И какъ Моисей и Илія, явившіяся Ему на горѣ преображенія, въ свое время такими же четыредесятницами приготовлялись къ видѣнію Бога: такъ и Сынъ человѣческій, еще въ первое утро своего воскресенія возвѣстившій мироносицѣ: *не у взыдохъ ко Отцу Моему*: — (но уже) *восхожду ко Отцу Моему*, по истеченіи четыредесятницы, долженъ былъ взойти на небо, чтобы видѣть, какъ человѣку Того, Котораго и прежде сего никто не видалъ и не зналъ такъ, какъ Онъ, Сынъ Божій (Іоан. 6, 46). Съ другой стороны довольно было сего времени для увѣренія тѣхъ, кого нужно было удостовѣрить Господу въ томъ, что онъ дѣйствительно возсталъ силою Божества Своего отъ мертвыхъ и восторжествовалъ надъ смертію, и для того, чтобы по немногу перевести ихъ изъ прежнихъ отношеній къ Нему, какъ пріобщившихся плоти и крови, въ новыя, какъ къ Царю славы и дать имъ ближайшія приготовительныя распоряженія относительно ихъ дѣйствованія.

Итакъ, при истеченіи сорока дней, когда ученики всѣ были въ Іерусалимѣ, Онъ беретъ ихъ съ Собою изъ Іерусалима и ведетъ на гору Елеонскую, гдѣ Онъ въ присутствіи тѣхъ же избранныхъ учениковъ, которые видѣли Его на горѣ преображенія, боролся въ подвигѣ прилежно и предвкусилъ чашу страданій. Ученики Его, зная уже отъ Него, что чрезъ нѣсколько дней будетъ ниспосланъ имъ Духъ Св. и что съ сего времени они должны начать проповѣдь свою объ Іисусѣ Мессіи, спросили было Его: не въ сіе ли время должно открыться на землѣ Его царство такъ, какъ они представляли его себѣ? Господь отвѣчалъ имъ, что не ихъ дѣло знать времена и сроки будущаго. Они призваны для того, чтобы свидѣтельствовать о бывшемъ. И когда сойдетъ на нихъ сила Ду-

ха Св.: тогда должны свидѣтельствовать о своемъ Господѣ, начиная отъ Іерусалима въ Іудеѣ, въ Самаріи и до послѣдняго града земли. Это были послѣднія слова Спасителя къ Своимъ ученикамъ. Явленіе, подобное видѣнному Елисеемъ надъ Иліею, совершилось теперь предъ ихъ глазами, но несравненно въ славнѣйшемъ видѣ. Не колесница огненная, символъ еще земной и означающій очищеніе человѣческой природы, но облакъ славы, который прежде являлся только колесницею для Бога, поднялъ съ Елеона отъ взоровъ учениковъ прославленную плоть Іисуса, Который, отходя, воздвигъ руки Свои (обрядъ благословенія жреческаго) благословилъ учениковъ Своихъ (какъ Илія Елисея милотію, какъ Моисей начальниковъ двѣнадцати колѣнъ). И только услышали апостолы отъ Ангеловъ въ дополненіе къ отвѣту Господа и въ утѣшеніе свое то, что слышали еще прежде отъ Него Самого, что также Онъ нѣкогда снидетъ снова на землю, какъ теперь восходитъ, но когда это будетъ,—не узнали.

Четыредесятидневное обращеніе съ ними Господа по воскресеніи столько уже приготовило ихъ къ сему явленію, что они съ радостію его встрѣтили и возвратились въ Іерусалимъ, прославляя Бога. Теперь они уже не заслуживали болѣе упрека ни въ недостаткѣ любви къ Нему, какой слышали изъ устъ Его на послѣдней пасхальной вечери: „еслибы возлюбили Меня, то возрадовались бы, что я сказалъ: иду къ Отцу: ибо Отецъ Мой болѣе Меня (Іоан. 14, 26),— ни въ недостаткѣ упованія на Него, въ чемъ упрекалъ Онъ ихъ тогда же, говоря: Я иду къ Пославшему Меня. Никто изъ васъ не спрашиваетъ Меня, куда идешь? Отъ того, что я сказалъ вамъ сіе, печалію исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вамъ: лучше для васъ, чтобы Я пошелъ: ибо

если Я не пойду, то Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ; а если пойду, то пошлю Его къ вамъ (16, 5—7). Въ настоящемъ состояніи они достойнѣе были того изображенія, въ какомъ представлялъ ихъ Господь въ своей первосвященнической молитвѣ (17, 6—19): Я возвѣстилъ Имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра... и они Слово Твое сохранили. Нынѣ уразумѣли, что все, что̀ Ты далъ Мнѣ, есть отъ Тебя. Ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, я передалъ имъ; и они приняли и уразумѣли истинно, что Я исшелъ отъ Тебя и увѣровали, что Ты Меня послалъ.

Исторія церкви апостольской.

(Академическія лекціи *А. В. Горскаго*).

Во время Своего пребыванія въ различныхъ мѣстахъ Іудеи, Самаріи, за-іорданской страны и въ особенности Галилеи, Господь Іисусъ Христосъ Своими благодѣяніями и отправленіемъ седмидесяти апостоловъ съ проповѣдію, незадолго до отшествія Своего отъ міра, возбудилъ въ весьма многихъ сильныя ожиданія, что царство Божіе вскорѣ откроется. Во время Его жизни тамъ и здѣсь много было вѣрующихъ въ Него, какъ въ посланника Божія, хотя не всѣ признавали Его за самого Мессію. Многіе скрѣпили союзъ свой съ Нимъ крещеніемъ отъ учениковъ Его.

Безславная смерть Іисуса въ Іерусалимѣ во время праздника Пасхи предъ лицемъ всѣхъ іудеевъ, казалось, разрушила всѣ ихъ надежды на Іисуса.—„Мы надѣялись было, что Онъ избавитъ Израиля, конечно, многіе повторяли съ Еммаусскими путниками, — но Онъ умеръ на крестѣ, — этотъ пророкъ сильный въ дѣлѣ и въ словѣ предъ Богомъ и предъ народомъ“.— Господь воскресъ: но явился не многимъ, какъ говорятъ апостолы, только избраннымъ свидѣтелямъ—апостоламъ (Дѣян. 10, 41.), именно одиннадцати, потомъ седмидесяти и еще въ одинъ разъ пятистамъ братій (1 Кор. 15, 5—7). Прочіе вѣровавшіе оста-

вались въ неизвѣстности относительно Его воскресенія и должны были оставаться только при своемъ уваженіи къ памяти великаго мужа Божія, или даже вѣрить распущенной іудеями молвѣ, что тѣло Іисуса украдено Его учениками.

Вотъ приближался праздникъ пятидесятницы. Іерусалимъ снова наполняется іудеями и прозелитами изъ близкихъ и отдаленныхъ странъ Азіи, Африки и Европы и изъ городовъ палестинскихъ. Этотъ праздникъ, приходясь лѣтомъ, еще удобнѣе былъ для путешественниковъ, чѣмъ ранній—пасха, или поздній—кущей. Сюда шли изъ Парѳіи, Мидіи, Елама, Месопотаміи (изъ странъ восточныхъ), изъ Каппадокіи, Понта, Асіи, Фригіи и Памфиліи (изъ странъ сѣверныхъ), изъ Аравіи, Египта и Ливіи (странъ южныхъ), изъ Крита и Рима (странъ запада).

Знавшимъ и вѣровавшимъ въ Іисуса уже не отъ кого было слышать проповѣди на праздникѣ. Врагамъ Его уже некого было страшиться. Незнавшимъ Его и небывшимъ на послѣднемъ праздникѣ Пасхи легко можно было теперь получить о Немъ свѣдѣнія болѣе или менѣе благопріятныя.

Но Іисусъ приготовилъ въ Іерусалимѣ свидѣтелей, которые готовы были возвѣстить всѣмъ знавшимъ и незнавшимъ Его, вѣровавшимъ и невѣровавшимъ въ Него, что Онъ живъ и что Онъ есть Мессія. Этихъ свидѣтелей было у Него въ одномъ Іерусалимѣ уже не двѣнадцать, но сто двадцать. Они заговорили въ то время, какъ въ нихъ самихъ возглаголалъ Духъ Божій, свидѣтель Божій, пришедшій обличить міръ о грѣхѣ, о правдѣ и о судѣ.

Когда разстались они съ Господомъ, тогда, возвратившись въ Іерусалимъ, они пребывали неотлучно въ молитвахъ при храмѣ, *прославляя* Бога за Его великія дѣла и *прося* себѣ помощи въ своемъ слу-

женіи (προσευχὴ и δέησις означаютъ первое—хваленіе Бога, послѣднее—прошеніе, по толкованію Златоуста у Фотія). Приготовляясь къ сему служенію по предложенію Петра, они избрали изъ среды себя посредствомъ жребія одного для дополненія лика апостольскаго, именно Матѳія, и поставили его на мѣсто отпадшаго Іуды (здѣсь въ первый разъ мы видимъ ихъ обратившихся съ молитвою къ Господу Іисусу: *покажи, егоже избралъ еси.*—Избраніе апостоловъ, вѣстниковъ Іисуса Христа, есть Его дѣло). Чаяніе обѣтованнаго Утѣшителя, Духа истины и Божественнаго свидѣтеля объ Іисусѣ съ каждымъ днемъ возрастало въ оставленныхъ Господомъ ученикахъ съ обѣщаніемъ вскорѣ испросить Его отъ Отца: между тѣмъ вѣра ихъ въ этомъ состояніи лишенія постепенно болѣе и болѣе укрѣплялась, возвышалась до степени непоколебимости.

Въ самый день пятидесятницы, часу въ девятомъ утра, когда народъ собрался въ храмъ для жертвоприношеній и молитвы и когда апостолы и ученики Іисуса Христа находились въ своей горницѣ, внезапно произошли движеніе и шумъ съ небеси: что-то неслось оттуда, куда взошелъ Іисусъ,—разсѣкая воздухъ и производя стремленіемъ своимъ шумъ, который слышали собирающіеся въ храмъ (какъ движеніе славы Господней, видѣнной Іезекіилемъ). Эта сокровенная сила устремилась на мѣсто пребыванія свидѣтелей Христовыхъ и, проникнувъ внутрь, исполнила собою весь домъ (какъ слава Господня, видѣнная Исаіею) и, какъ будто превративъ такимъ образомъ горницу ихъ въ купель новаго крещенія, въ видѣ раздѣляющихся огненныхъ языковъ почила на главахъ апостоловъ и они стали говорить на неизвѣстныхъ имъ доселѣ языкахъ. Вотъ обѣтованный свидѣтель Іисусовъ, Утѣшитель и Наставникъ апостоловъ! Ободряемые и просвѣщаемые Имъ, теперь смѣ-

ло могутъ выступить они на чреду своего дѣйствія и вдругъ на нѣсколькихъ языкахъ возвѣстить разнонародвымъ поклонникамъ Іерусалима, что Господь Іисусъ есть Христосъ.

Изливаясь въ прославленіи величія и благости божественной, они исходятъ къ изумленнымъ іудеямъ, которые слышатъ ихъ говорящими каждый на своемъ языкѣ. Насталъ праздникъ новый и всемірный. Предметомъ праздника было не древнее благодѣяніе, но благодѣяніе, теперь предъ очами всѣхъ излившееся съ небеси отъ Іисуса, и не законъ рабства, но законъ свободы и всыновленія Богу изрекается нынѣ Духомъ Святымъ и въ этомъ изліяніи Духа каждый народъ получалъ залогъ новой жизни, залогъ благодатнаго обновленія, когда достигнетъ до него евангеліе царствія. Въ апостолахъ предначиналось то славное торжество, когда всѣ народы сойдутся въ Іерусалимѣ небесномъ и будутъ славить единую всещедрую благодать Божію.

Забыли и часъ молитвы; всѣ идущіе во храмъ окружаютъ вѣщающихъ величіе Божіе. Одни удивляются, откуда знаніе такого множества разнородныхъ языковъ въ простыхъ Галилеянахъ. Другіе, можетъ быть, мѣстные жители, не понимая что̀ слышатъ, издѣваются. Тогда 12 апостоловъ выступаютъ къ народу и Петръ,—не прежній Петръ—робкій и боязливый, но мужественный и неустрашимый, говоритъ ему, что необычайное явленіе, совершившееся нынѣ надъ ними есть дѣйствіе Духа Святаго, Котораго Богъ нѣкогда обѣщалъ послать на рабовъ Своихъ, — что сего Духа ниспослалъ на нихъ, учениковъ Іисуса, Самъ Іисусъ, Котораго недавно здѣсь распяли іудеи и Котораго Богъ воскресилъ отъ мертвыхъ, прославилъ и посадилъ одесную Себя, что слѣдовательно Іисусъ есть Христосъ. Недавнія наставленія Самого Воскрес-

шаго, что Христу надлежало пострадать и только этимъ путемъ войти въ славу Свою, и настоящее просвѣщеніе Духа Божія открыли для рѣчи его новый источникъ силы и доказательствъ въ пророчествахъ. До сихъ поръ они были темны и не столько могли имѣть силы надъ умами іудеевъ: теперь они были вразумительны для всякаго, желавшаго знать истину. Знаменіе съ небеси, котораго столь часто и напрасно просили у Іисуса іудеи, само явилось теперь отъ восшедшаго на небеса и свидѣтельствовало, гдѣ пребывалъ Распятый, котораго считали безсильнымъ. Способность говорить новыми неизвѣстными языками была даромъ необыкновеннымъ между чудесами, извѣстными изъ временъ древнихъ и ближайшихъ. Все это въ соединеніи съ тѣмъ, что было извѣстно о собственныхъ дѣяніяхъ и ученіи Іисуса, произвело на слушателей Апостола такое впечатлѣніе, что около трехъ тысячъ изъ нихъ тогда же принесли покаяніе въ грѣхахъ своихъ, приняли крещеніе и образовали первое общество церкви Христовой съ апостолами. Въ день пятидесятницы въ храмѣ іудейскомъ обыкновенно приносились дары отъ снятой съ полей жатвы; здѣсь принесены плоды цѣлой жатвы ветхозавѣтной.

Преслѣдователи Іисуса, пораженные необычайнымъ явленіемъ въ день пятидесятницы и мужествомъ учениковъ, которыхъ считали разсѣявшимися отъ страха и оставившими всѣ свои надежды со смертію своего наставника,—сами потерялись отъ страха (Дѣян. 2, 43.). Народъ, охотно внимавшій ученію Господа, съ такимъ же расположеніемъ слушалъ наставленія апостоловъ, радовался чудесамъ ихъ. Наставляя вѣровавшихъ, апостолы въ то же время входили въ притворы храма и пользовались всякимъ случаемъ проповѣдывать народу объ Іисусѣ распятомъ. Чтобы посвятить

себя сему дѣлу вполнѣ, они сняли съ себя всѣ заботы о содержаніи общества вѣрующихъ, получавшихъ пропитаніе отъ щедрости прочихъ братій, и занимались только ученіемъ. Чудеса ихъ также обращали на себя вниманіе всѣхъ: они исцѣляли болѣзни всякаго рода, такъ что приносили къ нимъ больныхъ изъ окрестныхъ городовъ. И въ ученіи и чудотвореніи первый былъ Петръ. Сила Божія изливалась чрезъ него въ такомъ изобиліи, что самая тѣнь его подавала облегченіе болящимъ. Съ своей стороны апостолы, желая вполнѣ воспользоваться плодами ветхозавѣтнаго приготовленія, сначала не отдѣлялись отъ своихъ единоплеменниковъ: со всѣми, какъ видимъ, ходили въ храмъ іудейскій на молитву и удерживали въ собственномъ богослуженіи и образѣ жизни совмѣстимыя съ духомъ христіанства правила и постановленія. Уваженіе іудеевъ къ апостолу Іакову, по свидѣтельству Егезиппа, простиралось до того, что народъ охотно слушалъ наставленія его, радовался чудесамъ его.

Такимъ образомъ общество вѣрующихъ (имѣя членовъ своихъ и въ другихъ мѣстахъ Палестины, въ Самаріи и Галилеи (Дѣян. 9, 31), съ каждымъ днемъ возрастало въ Іерусалимѣ. Вскорѣ стали переходить въ него сами священники іудейскіе (Дѣян. 6, 7.). Синедріонъ не захотѣлъ болѣе оставлять безъ вниманія дѣло христіанства. Когда Петръ и Іоаннъ, исцѣливъ хромаго при храмѣ, проповѣдывали потомъ народу о Христѣ распятомъ и воскресшемъ, силою Котораго совершили исцѣленіе, священники, съ послѣдователями секты саддукейской, взяли ихъ подъ стражу, съ тѣмъ, чтобы на утро представить ихъ Синедріону. Въ слѣдующій день дѣйствительно они были представлены Синедріону вмѣстѣ съ исцѣленнымъ. Здѣсь засѣдали тѣ же Анна и Каіафа, которые суди-

ли и Іисуса. Апостоловъ спросили, какою силою или чьимъ именемъ вы сдѣлали это? можетъ быть, не ожидая, чтобы они осмѣлились говорить и предъ Синедріономъ такъ же открыто, какъ предъ простымъ народомъ. Однако же апостолы, не обинуясь, объявили, что хромый, лежавшій при храмѣ, ими возставленъ именемъ Іисуса, распятаго ими, т. е. по опредѣленію Синедріона, и прибавили, что сей Іисусъ, какъ и Самъ Онъ объявилъ имъ, точно есть камень, пренебреженный зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла. Ихъ узнали: Іоаннъ былъ знакомъ одному изъ архіереевъ. Смѣлость ихъ удивила членовъ Синедріона. Однакоже чуда отрицать было нельзя. Народъ былъ на ихъ сторонѣ, поелику не былъ расположенъ къ Саддукеямъ. Итакъ, положили только воспретить имъ, чтобы они не проповѣдывали болѣе ни одному человѣку „о имени семъ“. Петръ и Іоаннъ отвѣчали, что имъ болѣе надобно слушаться Бога, нежели людей; имъ только пригрозили и отпустили съ тѣмъ же.

Само собою разумѣется, что на апостоловъ это запрещеніе и угроза не имѣли никакого дѣйствія. Возвратившись домой послѣ того, какъ они испытали первое гоненіе за имя Христово и увидѣли первый опытъ помощи Духа Святаго, о которомъ предсказалъ Іисусъ Христосъ, что не они будутъ говорить на судѣ, но Духъ Святый,—первымъ дѣломъ они поставили себѣ молить Бога о продолженіи имъ Своей помощи въ знаменіяхъ и чудесахъ къ обращенію невѣрующихъ. И получивъ въ удостовѣреніе Божія благоволенія новое знаменіе (потряслось мѣсто, гдѣ они молились), еще съ большимъ дерзновеніемъ проповѣдывали евангеліе.

Это было причиною втораго заключенія апостоловъ и притомъ уже въ народную темницу, какъ нарушителей общественнаго спокойствія. Главными дѣй-

ствующими лицами были опять Саддукеи. Къ посмѣянію надъ ихъ суетными замыслами ангелъ (а самое бытіе ангеловъ они отвергали), отверзаетъ двери темницы апостоламъ. Они снова въ храмѣ и учатъ. Отсюда ихъ берутъ и представляютъ Синедріону; дѣлаютъ имъ допросъ, уже какъ нарушителямъ повелѣнія начальства. Не спрашиваютъ, какъ они вышли изъ темницы, а спрашиваютъ, для чего они проповѣдуютъ о томъ, коего имя для нихъ ненавистно. Но апостолы, не обинуясь, говорятъ, что Богу болѣе надобно повиноваться, нежели людямъ, и проповѣдуютъ о воскресеніи Іисуса и о свидѣтельствѣ Духа Святаго. Саддукеи не могутъ болѣе выносить сего: они хотятъ умертвить апостоловъ. Но голосъ ученаго фарисея, Гамаліила, уважаемаго всѣмъ народомъ, послужилъ на пользу дѣлу Божію. Они только наказаны и отпущены.

Впрочемъ, сами фарисеи терпѣли христіанство только до времени. Когда оно стало грозить имъ опасностію, они также возстали противъ него съ гоненіемъ, которое тѣмъ было сильнѣе, что сами они пользовались большею властію и силою, и что они уже имѣли противъ христіанъ голосъ другой секты, обыкновенно имъ соперничествовавшей. Такимъ образомъ они сперва умертвили одного изъ діаконовъ іерусалимской церкви, Стефана, обвинивъ его въ хулѣ на Бога и Моисея,—за то, будто онъ говорилъ, что придетъ Іисусъ Назарянинъ, разворитъ храмъ и перемѣнитъ обычаи, поставленные Моисеемъ. Потомъ простерли свое насиліе и на прочихъ вѣрующихъ, жившихъ въ Іерусалимѣ; разграбляли ихъ жилища, сажали ихъ въ темницы, такъ что они должны были всѣ выйти изъ Іерусалима. Не разошлись только апостолы.

Но, по устроенію Промысла, это было только но-

вымъ средствомъ распространенія христіанства за предѣлами Іудеи. Выселившіеся изъ Іерусалима принесли съ собою проповѣдь евангелія и въ другія мѣста и въ Палестинѣ и внѣ Палестины. Одни пошли въ Самарію, гдѣ еще Господь находилъ расположенныхъ къ вѣрѣ (Филиппъ), другіе въ иные города Іудеи и Галилеи. Тамъ и здѣсь образовывались новыя церкви. Проповѣдь въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ, какъ то: Азотѣ, Іоппіи и Кесаріи, могла служить къ распространенію евангелія и въ отдаленныхъ странахъ. Но и теперь нѣкоторые выходили за предѣлы Палестины,—на островъ Критъ, въ Финикію, въ Сирію, именно въ Дамаскъ и Антіохію. Проповѣдывали сначала только іудеямъ. Эти новоосновывавшіяся церкви изъ іудеевъ вступали въ сношенія съ Іерусалимскою, матерію церквей, которая, уменьшившись въ числѣ собственныхъ членовъ, стала имѣть несравненно болѣе зависѣвшихъ отъ нея церквей. Церкви, находившіяся въ Палестинѣ, обходили потомъ сами апостолы и утверждали ихъ. Такимъ образомъ и здѣсь исполнилось слово Господа: *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. 12, 24).

Послѣ видѣнія, бывшаго Петру въ Іоппіи и крещенія Корнилія сотника изъ язычниковъ въ Кесаріи (Палестинской), Церковь Іерусалимская пріобрѣла новыхъ дщерей себѣ въ церквахъ, образовавшихся тамъ и здѣсь изъ язычниковъ. Кромѣ Кесаріи евангеліе проповѣдано было язычникамъ и въ столицѣ сирійской—Антіохіи, посему церковь Іерусалимская и туда отправила одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ своихъ (впрочемъ не изъ 12 апостоловъ), Варнаву. Такъ широко раскинулась сѣть рыбарей евангельскихъ по-

слѣ десяти или двѣнадцати лѣтъ отъ перваго христіанскаго дня пятидесятницы.

Въ 44 году въ Іерусалимѣ возстало было новое гоненіе на церковь и именно со стороны правителя Іудеи, Ирода Агриппы. Желая угодить народу, онъ умертвилъ уже одного изъ первыхъ апостоловъ Іакова Зеведеева, брата Іоаннова, хотѣлъ умертвить и Петра и уже заключилъ его въ темницу. Но въ ту самую ночь, за которою ожидала его смерть, Богъ освободилъ его изъ темницы чрезъ Своего ангела, а вскорѣ потомъ поразилъ и гонителя. И, можетъ быть, съ сего-то именно времени надобно начинать дѣйствіе внѣ Палестины между Іудеями и язычниками самихъ (12 или точнѣе, по смерти Іакова, 11) апостоловъ, которыхъ число вскорѣ дополнилось ревностнѣйшимъ ихъ сотрудникомъ Павломъ. Въ церкви есть древнее преданіе со 2-го столѣтія, что Самъ Господь не повелѣлъ апостоламъ оставлять Іерусалима ранѣе 12 лѣтъ. Это преданіе, по свидѣтельству Евсевія, находилось въ сочиненіи Аполлонія противъ монтанистовъ и въ другихъ книгахъ.

Раскрывши обстоятельства дѣла, коимъ начинается бытіе церкви Христовой, особенное вниманіе надобно обратить на то дарованіе, которое было сообщено апостоламъ въ день пятидесятницы. Дарованіе апостоламъ языковъ, многіе изъ ученыхъ богослововъ принимаютъ въ несобственномъ смыслѣ, именно что даръ языковъ есть не иное что, какъ ниспосланіе способности и силы говорить съ народомъ одушевленнымъ, увлекательнымъ образомъ. Толкуютъ, что Λαλεῖν ἑτέραις γλώσσαις (Дѣян. 2, 4) значитъ то же, что Мар. 16, 17. γλώσσαις καιναῖς, а это то же, что Мѳ. 10, 19. 20. 21 или Лук. 21, 15. то есть: говорить

языкомъ воодушевленнымъ, съ неодолимою увлекательною силою. При этомъ предполагаютъ, что между такъ называемыми *Галилеянами* были и такіе, которые не говорили галилейскимъ нарѣчіемъ; а съ другой стороны, что между иностранными языками, какіе здѣсь слышались, не должно искать языковъ *всѣхъ* тѣхъ народовъ, которые у св. Луки исчисляются, потому что нѣсколько смежныхъ народовъ могли говорить однимъ языкомъ: разумѣли греческій или римскій. Наконецъ прибавляютъ: когда евангелистъ замѣчаетъ удивленіе слышавшихъ проповѣданіе апостоловъ, то этимъ Лука хочетъ замѣтить только то, что плотскіе іудеи вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на проповѣдь благовѣствователей, дивились только, откуда въ Галилеянахъ такая ученость, что они могутъ говорить на иностранныхъ языкахъ, а нѣкоторые—еще хуже—издѣвались надъ рѣчами апостоловъ, которыхъ не понимали.

Но 1., надлежитъ замѣтить, что говорящіе всѣ вообще были изъ учениковъ Іисуса Христа и притомъ долговременнымъ обращеніемъ съ Нимъ удостоившіеся наименованія *вѣрующихъ*: а это все были іудеи палестинскіе. Только въ концѣ служенія Іисуса Христа стали приходить и Еллины (Іоан. 12, 21), но эти Еллины не на столько сблизились съ Нимъ, чтобы получить наименованіе вѣрующихъ и вступить въ число учениковъ Его. Если такъ, то, по всей вѣроятности, ученики могли знать только свой природный языкъ, нѣкоторые и греческій, другіе, можетъ быть, и финикійскій, но не болѣе. Между тѣмъ удивленіе разнонародныхъ иноземцевъ показываетъ, что несравненно болѣе было слышно при этомъ случаѣ разнородныхъ языковъ. То предположеніе ни на чемъ не основывается, что „*не всѣхъ* поименованныхъ у Луки народовъ языки были слышны между апостолами.“

Напротивъ, всѣ эти народы слышали *„кійждо свой языкъ* (Дѣян. 2, 8). Слова Марк. 16, 17. не объясняются словами Луки (21, 20) или Матѳея (10, 19—21); это не параллельныя мѣста; у Марка Господь говоритъ *объ общихъ знаменіяхъ*, какія будутъ сопровождать вѣрующихъ; у Матѳея и Луки о вспомоществованіи *апостоламъ въ случаѣ ихъ суда предъ начальствомъ*.

Говорятъ: 1) Апостолы пользовались истолкователями, или толмачами, напр. Петръ Маркомъ (Eus. H. E. III, 39. Clem. Strom. VII, 7.765.).

2) Апостолы Павелъ и Варнава не знали языка Ликаонцевъ (Дѣян. 14, 11.).

3) Языкъ греческій новозавѣтныхъ писателей весьма много содержитъ въ себѣ еврейскаго; въ образѣ выраженія апостоловъ видно, что они по еврейскому или сирохалдейскому учились греческому: у нихъ греческій не чистый языкъ.

4) Имъ не нужно было знаніе многихъ языковъ: а) потому что проповѣдь ихъ ограничивалась предѣлами Римской имперіи, многихъ—только Палестиною, или вообще іудеями. Въ Римской имперіи довольно успѣшно можно было дѣйствовать и съ знаніемъ одного господствовавшаго языка; б) потому что этотъ даръ открывался и сообщался только для молитвы (1 Кор. 14, 13—17).

5) Мѣста Дѣян. 10, 46.—19, 6 и 1 Кор. 14, 13. заставляютъ разумѣть подъ γλώσσαις λαλεῖν что нибудь отличное отъ внезапно возбуждаемой способности говорить на иностранныхъ языкахъ.

6) Наконецъ, только съ III вѣка, со временъ Оригена, начали учить, что апостолы въ день пятидесятницы получили вѣдѣніе незнакомыхъ имъ языковъ. Ириней, Тертулліанъ, говоря о дарованіи языковъ какъ существующемъ еще въ ихъ время и какъ су-

ществовавшемъ прежде, сближаютъ его съ дарованіемъ προφητεία.

Но противъ 1-го отвѣчаемъ:

Ἑρμηνευτὴς можетъ означать и не толмача; Маркъ могъ быть даже толмачемъ на такомъ языкѣ, который не былъ извѣстенъ апостолу Петру. Ибо Петръ конечно не всѣ языки зналъ. И апостолъ Павелъ говоритъ Коринѳянамъ, что онъ болѣе ихъ говоритъ языками, но не говоритъ, что можетъ говорить всѣми.

Противъ втораго идетъ послѣднее замѣчаніе.

Противъ третьяго довольно сказать, что апостолы, получая способность говорить новымъ языкомъ, не лишались всѣхъ прежнихъ своихъ понятій, которыя проистекали изъ еврейскаго источника; поэтому естественно находить въ рѣчи ихъ много еврейскаго.

Противъ четвертаго а) замѣтимъ: что еслибы предѣлы проповѣди апостольской и дѣйствительно ограничивались Римскою имперіею, то и тогда бы нельзя было сказать, что имъ довольно было бы знанія одного господствующаго языка, потому что этотъ господствующій языкъ весьма во многихъ мѣстахъ былъ недоступенъ простому народу, съ которымъ по большей части первоначально они должны были имѣть дѣло. Въ одной малой Азіи было много различныхъ языковъ, по увѣренію Страбона (Geogr. Lib. 12. p. 524.). Митридатъ, царь Понтійскій, окончившій поприще свое съ небольшимъ за шестьдесятъ лѣтъ до Р. Хр., зналъ 23 языка, подданныхъ ему народовъ. (Plin. Hist. natural. Lib. 7. c. 24. A. Gell. Noct. Attic. Lib. 17. c. 17.). Но если дать полный смыслъ словамъ Спасителя: *шедше научите вся языки*,—то не останется никакого сомнѣнія, что съ обыкновенными способами изученія языковъ апостолы слишкомъ недалеко бы простерли свою проповѣдь. б) Апостолъ охуждаетъ употребленіе дара языка въ мо-

литвословіяхъ безъ истолкованія,—но это не значитъ, что онъ только при этомъ случаѣ раскрывался. Иначе апостолъ охуждалъ бы самаго Духа, раздающаго сіи дары. Но онъ научаетъ, какъ обращаться съ этимъ даромъ въ церкви. А этимъ отнюдь не исключается возможность употреблять оный и при другихъ случаяхъ и для другихъ цѣлей.

Противъ пятаго. Здравая филологія требуетъ опредѣлять значеніе слова или выраженія, неоднократно встрѣчающагося въ какомъ либо сочиненіи, если можно, по первоначальному его употребленію. Теперь выраженіе: γλώσσαις λαλεῖν въ 10 и 19 главахъ книги Дѣяній само себя не даетъ разумѣть; это выраженіе очевидно взято изъ исторіи 2-й главы той же книги. Тамъ и здѣсь дѣйствіе одно и тоже. Но во 2-й главѣ нельзя разумѣть подъ γλώσσαις λαλεῖν одного воодушевленнаго языка, какъ мы выше видѣли. Ап. Петръ (Дѣян. 11, 15) говоритъ, что съ домомъ Корнилія въ семъ случаѣ послѣдовало то же, что съ апостолами въ день пятидесятницы. (Видно, что эти случаи бывали рѣдко). Итакъ не этими мѣстами то, а тѣмъ эти должно объяснять.—Что касается до 1 Кор. 14 гл., то и тамъ нельзя разумѣть одного языка экстатическаго, нельзя разумѣть такого выраженія славословій, которое бы было понятно только одному произносящему ихъ; но надлежитъ разумѣть даръ говорить на иностранныхъ языкахъ. а) Если дать въ этой главѣ выраженію γλώσσαις λαλεῖν первое значеніе, то нельзя сказать, чтобы оно было одно и тоже съ γλώσσαις ἑτέραις λαλεῖν (Дѣян. 2, 4), потому что слушавшіе апостоловъ понимали, что они говорили (ст. 11); напротивъ въ обоихъ мѣстахъ и 1 Кор. 14 гл. и Дѣян. 2 гл. предполагаются одинаковыя обстоятельства т. е. и глаголаніе языками и присутствіе иностранцевъ, которые разумѣютъ тѣ языки (сл.

1 Кор. 14, 23. б). Апостолъ говоритъ: *языцы въ знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ* (1 Кор. 14, 22). Краткія непонятныя изреченія и для невѣрнаго не могутъ быть сами по себѣ знаменіемъ: напротивъ, изъ несвязныхъ словъ, не имѣющихъ яснаго смысла, слышащій могъ заключить о невѣжествѣ говорящаго. Языки будутъ тогда знаменіемъ и для невѣрующихъ, когда человѣкъ, не знавшій прежде никакого языка, вдругъ говоритъ на новомъ языкѣ. в) Въ стихѣ 21 Апостолъ приводитъ слова Исаіи (28,13), въ которыхъ говорится именно о иностранныхъ незнакомыхъ языкахъ, и прилагаетъ эти слова безъ всякаго ограниченія къ матеріи своего разсужденія о языкахъ. У Исаіи Господь говоритъ своему народу, что онъ будетъ говорить на языкѣ иностранномъ, на языкѣ плѣнившихъ Его; какъ тамъ нельзя разумѣть какого. нибудь другаго смысла слова: языкъ, такъ и здѣсь. г) Наконецъ только въ смыслѣ собственыхъ языковъ могутъ имѣть значеніе и эти слова Апостола: *иному же роди языковъ* (1 Кор. 12, 10), какъ понималъ это и Златоустъ (Hom. 29. in 1 Cor).

Противъ свидѣтельствъ отвѣчаемъ: ни одно не говоритъ ничего въ пользу сказаннаго предположенія прямо. Напротивъ, Ириней (advers. Haer. 5, 6.— Euseb. H. E. 5, 6.) когда говоритъ о себѣ, что онъ самъ не имѣлъ дара языковъ, что, пріѣхавъ въ Галлію, долженъ былъ учиться туземному языку,—а между тѣмъ пишетъ, что въ его время были такіе, которые имѣли дарованія пророческія и всякими (παντοδαπαῖς) говорили духомъ языками и тайны человѣческія обнаруживали, замѣчая, что этихъ людей, пріявшихъ Духа Божія и говорящихъ на всѣхъ языкахъ Духомъ Божіимъ, апостолъ и разумѣетъ тамъ, гдѣ говоритъ: *премудрость же глаголемъ не совершеннымъ*:—то этимъ ясно показываетъ, что языки

этихъ людей „совершенныхъ“ надлежитъ понимать въ собственномъ смыслѣ за иностранные языки. Изъ словъ апостола: *благодарю Бога моего*.... можно заключить, что способность эта могла зависѣть и отъ нравственныхъ качествъ лица.—Слѣды древности таковаго разумѣнія событія пятидесятницы и дара языковъ въ церкви апостольской и позднѣйшей вообще можно видѣть и въ томъ, что Филостратъ, описывая жизнь Аполлонія Тіанскаго, котораго хотѣлъ противопоставить Іисусу Христу, замѣтилъ о немъ, что онъ зналъ не только всѣ: языки человѣческіе, но и языкъ животныхъ (Phil. de vita Apollonis L. I. cap. 13. Conf. Euseb. contr. Hieroclem p. 521.). Въ церковной исторіи встрѣчаются позднѣе примѣры чудеснаго разумѣнія иностранныхъ языковъ, напр. въ Ефремѣ Сиринѣ.

Призваніе и образованіе Павла въ апостола язычниковъ.

Савлъ или Павелъ (первое имя еврейское, второе римское) былъ изъ колѣна Веніаминова, родомъ изъ Тарса Киликійскаго. Что онъ тамъ родился,—это видно изъ собственныхъ словъ его въ книгѣ Дѣяній 21, 39. 22, 3. (Противорѣчащее сему преданіе у Іеронима de viv. ill. c. 5., что Павелъ родился въ Гискалѣ, городѣ галилейскомъ, не заслуживаетъ вѣроятія, хотя и оно можетъ имѣть сколько нибудь въ себѣ истины: можетъ быть, его предки когда нибудь жили въ этомъ городкѣ). Такъ какъ мы не знаемъ, долго ли Павелъ жилъ въ отеческомъ домѣ, то и не можемъ опредѣлить, какъ велико вліяніе на его образованіе имѣло его рожденіе въ главномъ городѣ киликійскомъ, который въ ученомъ отношеніи равнялся, въ это время, Аѳинамъ и Александріи (по свидѣтельству Страбона). Конечно его раннее знакомство съ

греческимъ языкомъ и жизнію грековъ не осталось безъ вліянія на образованіе изъ него учителя Елліновъ (языковъ). Но немногія мѣста изъ греческихъ стихотворцевъ въ его рѣчи аѳинской и посланіяхъ еще не доказываютъ, чтобы онъ воспитанію своему былъ одолженъ знакомствомъ съ греческою литературою (1 Кор. 15, 33 изъ Менандра. Къ Титу 1, 12 изъ Епименида, Дѣян. 17, 28 изъ Арата).

Первыя два изреченія могли ходить въ народѣ, какъ пословицы. Послѣднее замѣчательно своею точностію: удержано даже γάρ: τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν. Но Аратъ былъ родомъ Киликіянинъ, слѣдовательно, соотечественникъ Павла; слѣдовательно его стихотворенія могли быть ему извѣстны и изъ школы. Притомъ самъ апостолъ говоритъ, что онъ воспитывался не въ Тарсѣ, а въ Іерусалимѣ (Дѣян. 22, 3. ἀνατεθραμμένος). Послѣ образованія раввинскаго, ревностный фарисей, какимъ Павелъ былъ до обращенія, не позволилъ бы себѣ входить въ такое близкое общеніе съ язычниками, чтобы учиться въ ихъ академіи. Онъ предназначался отцемъ своимъ фарисеемъ, какъ видно, въ раввины и для того отправленъ былъ въ Іерусалимъ, чтобы въ школѣ фарисейской сдѣлаться ученымъ толкователемъ Писанія и преданій. Онъ воспитывался у Гамаліила, законоучителя фарисейской секты, который, по выраженію книги Дѣяній (5, 34), *былъ честенъ всѣмъ людемъ* [1]). Образованіе въ сихъ школахъ состояло въ толкованіи Св. Писанія. Іудеи, пишетъ Іосифъ Флавій (Antiquit. l. XX c. XL.) всю мудрость поставляютъ въ томъ, чтобы а) ясно разумѣть свои законы (τὰ νόμιμα σαφῶς ἐπιστάμενοι) и б) истолковывать силу священныхъ книгъ (τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων δύνα-

---

1) Согласно съ симъ и въ талмудѣ пишется: съ той поры, какъ умеръ Гамаліилъ, окончилась и слава закона.

μιν ἑρμηνεῦσαι). Изученіе закона (по талмуду in Pirke Aroth. c. 5. 521.) начиналось съ пяти лѣтъ, съ 10-ти изученіе мишны, съ 13-ти лѣтъ юноша обязывался уже къ строгому исполненію закона (Tholuck. Stud. u. Kritik 1835. S. 366). Обязательное изученіе закона Павломъ можно видѣть изъ множества приводимыхъ имъ мѣстъ изъ Писанія въ его посланіяхъ. До 50 мѣстъ приводится въ нихъ на память т. е. не съ точнымъ удержаніемъ словъ перевода. Наставникъ Павловъ отличался умѣренностію взгляда на разномыслящихъ (Дѣян. 5, 34); онъ знакомъ былъ даже съ греческою литературою. Въ талмудѣ пишется, что онъ позволялъ себѣ ходить даже въ бани языческія, украшенныя статуями боговъ. Когда это возбудило удивленіе въ язычникахъ, то Гамаліилъ отвѣчалъ: баня устроена прежде статуй, не она поставлена для богини (Венеры), но богиня поставлена для украшенія бани (Tholuck. ibid. S. 378.). Такая свобода въ духѣ могла имѣть благопріятное вліяніе на его учениковъ. Но юноша съ пламенною и сильною душею, каковъ былъ Павелъ, если за что брался, то не иначе какъ со всѣмъ жаромъ; его сердце и само по себѣ было наклонно къ ревности самой неумѣренной,—и фарисейство давало много пищи такому направленію. Изъ личныхъ свойствъ его характера, равно какъ изъ собственныхъ его свидѣтельствъ, мы можемъ заключать, что онъ старался превзойти всѣхъ своихъ современниковъ въ законной праведности, какъ понимали ее жаркіе фарисеи. И это было не безъ намѣренія Промысла. Чѣмъ ревностнѣе было его стремленіе къ святости, чѣмъ болѣе онъ долженъ былъ бороться съ непокорными влеченіями своей пламенной и сильной натуры, тѣмъ болѣе имѣлъ случаевъ доказывать, что есть въ человѣкѣ зло, котораго нельзя укротить одною уздою закона, что человѣкъ можетъ знать доб-

рое, но не можетъ всегда творить доброе, что онъ невольно при всемъ добромъ расположеніи увлекается силою богопротивныхъ влеченій отъ добра ко злу. Павелъ, конечно, никогда бъ такъ живо, такъ точно не описалъ такого состоянія въ седьмой главѣ посланія къ Римлянамъ, если бы не зналъ его по собственному опыту. И то, что онъ перешелъ къ христіанству изъ такой секты, въ которой употребляли всѣ предосторожности, поставляли всякія преграды противъ силы пожеланій и страстей, всѣми мѣрами старались принудить себя къ добру,—было весьма важно для Павла. Испытавъ всѣ эти мѣры самъ собою и узнавъ ихъ слабость, онъ могъ, какъ представитель всѣхъ людей съ ревностными нравственными стремленіями, свидѣтельствоваться *собственнымъ опытомъ* въ томъ, какъ глубоко въ человѣческой природѣ лежитъ чувство потребности искупленія. Послѣ этого также по собственному опыту онъ могъ опредѣлить отношеніе внутренней свободы, проистекающей изъ вѣры въ искупленіе, къ рабству законному. Хотя Павелъ былъ вѣрнымъ и ревностнымъ ученикомъ Гамаліила, однако отсюда нельзя заключать, что перешелъ въ него и духъ умѣренности, которымъ Гамаліилъ отличался въ отношеніи къ христіанству. Ученикъ, и особенно ученикъ съ такимъ сильнымъ оригинальнымъ духомъ, подчиняется духовному вліянію своего учителя только въ такой мѣрѣ, въ какой оно соотвѣтствуетъ его собственному расположенію духа. Непреклонность его характера, огонь природы, огонь юношества дѣлалъ его сильнымъ, склоннымъ къ гоненіямъ, ревнителемъ противъ всего, что противорѣчило системѣ, почитаемой имъ святою. И когда Стефанъ возсталъ противъ фарисеевъ, то Павелъ, бывшій тогда въ Іерусалимѣ, сталъ съ сего времени сильнѣйшимъ гонителемъ христіанства. Онъ входилъ въ домы христіанъ, влачилъ

мужчинъ и женщинъ на судъ Синедріона и заключалъ ихъ въ темницы (Дѣян. 8, 3.), принуждалъ ихъ хулить Христа (26, 11.). Послѣ мученической кончины Стефана, когда многіе послѣдователи Евангелія искали себѣ убѣжища въ другихъ городахъ, онъ считалъ своимъ призваніемъ преслѣдовать ихъ въ знатномъ сирійскомъ городѣ Дамаскѣ, куда довольно ихъ удалилось. И спѣшилъ туда, бывъ уполномоченъ своимъ верховнымъ судилищемъ по дѣламъ церковнымъ (которому сами Римляне предоставили право употреблять всякія мѣры противъ нарушителей ихъ закона)— истреблять всѣхъ христіанъ. Извѣстно, что послѣдовало съ Павломъ на пути въ Дамаскъ.

Что касается той великой перемѣны, которая произведена была въ Павлѣ этимъ путешествіемъ, предпринятымъ къ истребленію христіанской вѣры, то нѣкоторые думаютъ, что это важное происшествіе потому только намъ кажется такъ внезапнымъ и чудеснымъ, что исторія представляетъ намъ одинъ исходъ дѣла, а не различные предуготовительные обстоятельства и пути, которые вели къ этой развязкѣ; и дополненіемъ такихъ промежутковъ, какіе находятъ въ исторіи, хотятъ дать ему естественное объясненіе.

Павелъ,—такъ говорятъ тѣ, которые смотрятъ на обращеніе Павла съ этой точки зрѣнія,—уже былъ предрасположенъ въ пользу христіанства; на его душу, которая всегда такъ горячо любила истину, не могли не произвести благопріятнаго впечатлѣнія умѣренные отзывы Гамаліила, рѣчь Стефана, котораго характеръ былъ сроденъ съ его характеромъ, зрѣлище его мученической кончины. Но онъ еще слишкомъ былъ связанъ духомъ фарисейства, чтобы вдругъ предаться этимъ впечатлѣніямъ, дѣйствовавшимъ на него противъ собственной его воли. Онъ подавлялъ ихъ, сколько могъ; онъ смотрѣлъ на эти новыя мысли,

невольно возникавшія въ душѣ его, въ пользу новаго ученія, какъ на внушенія сатаны, отъ котораго производилъ все это возстаніе противъ важности древнихъ священныхъ преданій; и потому еще съ сильнѣйшею ревностью возставалъ противъ новой секты. Однако же ему не удалось совершенно подавить ихъ и заглушить голосъ совѣсти, возстающій противъ его фанатизма. Началась въ душѣ его борьба. Когда онъ находился въ такой настроенности духа, присовокупилось еще одно внѣшнее впечатлѣніе, которое изъ искры сдѣлало пожаръ. Недалеко отъ Дамаска встрѣтила его и его спутниковъ буря; молнія ударила близко подлѣ Павла и повергла его безъ чувствъ на землю. Въ этомъ онъ призналъ теперь наказующую и предостерегающую силу гонимаго имъ Мессіи; и, такъ какъ въ этомъ состояніи легко было перемѣшать собственныя ощущенія съ дѣйствительностію, объективное съ субъективнымъ, — то настоящее впечатлѣніе отразилось въ душѣ его дѣйствительнымъ явленіемъ Іисуса. Ослѣпленный молніею и оглушенный громомъ, пришелъ онъ въ Дамаскъ. — Но, какъ изъ естественныхъ причинъ объяснить встрѣчу Павла съ Ананіею? И здѣсь нѣчто можно замѣтить, что ясно исторія не упоминаетъ. Такъ какъ Ананія былъ мужъ извѣстный между Іудеями по своему строгому законному благочестію, то не невѣроятно, что оба они были между собою знакомы въ Іерусалимѣ. Въ Павлѣ, который слышалъ о духовныхъ дарованіяхъ сего мужа въ христіанствѣ, родилась мысль, что этотъ уважаемый христіанами мужъ можетъ и ему помочь, освободить его отъ настоящаго жалкаго положенія; и между тѣмъ какъ онъ этою мыслію занимался, составилось изъ того видѣніе. Съ другой стороны можно думать, что и Ананія нѣчто слышалъ о великой перемѣнѣ, происшедшей съ Павломъ, но этому не повѣрилъ, доколѣ

такимъ же образомъ психологически объясняемое видѣніе не побѣдило его недовѣрчивости.

Разсматривая это объясненіе, еще можно было бы допустить, что происшедшая съ Павломъ перемѣна могла быть приготовлена помянутыми впечатлѣніями, но по соображеніи съ тѣмъ, что представляетъ намъ исторія, никакъ нельзя доказать необходимости или даже вѣроятности такого объясненія. Исторія вообще представляетъ намъ довольно примѣровъ могущества религіознаго фанатизма даже надъ такими сердцами, которыя съ другихъ сторонъ открыты для истиннаго и добраго; — какъ они умѣютъ обращать въ свою пользу все, что могло бы вывести ихъ изъ заблужденія. Итакъ, принимая во вниманіе сильный характеръ Павла, нельзя почесть невѣроятнымъ, что онъ и въ мученической кончинѣ Стефана думалъ видѣть только могущество злаго духа надъ духомъ увлеченнаго имъ къ отпаденію отъ чистаго ученія; что поэтому еще сильнѣе ощущалъ въ себѣ побужденіе противодѣйствовать распространенію ученія, которое могло увлекать къ погибели такихъ отличныхъ по своему дарованію и сердцу людей. Слѣдовательно отсюда скорѣе должно было ожидать утвержденія Савла въ принятомъ направленіи, нежели перемѣны. — Далѣе, какъ непохоже на бурю изложеніе обстоятельствъ происшествія! Если бы не было дѣйствительнаго явленія Іисуса, а только буря произвела такое дѣйствіе, то какъ изъяснить то, что и спутники Павла видѣли и слышали нѣчто подобное тому, что видѣлъ и слышалъ апостолъ? Конечно, нужно допустить, что и они были въ подобномъ расположеніи духа, какъ и Павелъ, т. е., что они были уже или христіане, или на пути къ христіанству. Но такіе люди вѣрно бы не согласились быть гонителями христіанъ. Да и какъ обманъ, принятый Павломъ — буд-

то явился ему Спаситель — могъ служить причиною такого переворота, какой совершился въ жизни Павла? — Разности въ повѣствованіи объ этомъ происшествіи въ главахъ 9, 22 и 26 ничего не доказываютъ противъ его дѣйствительности. Онѣ легко могли произойти при повтореніи повѣствованія о событіи, такъ далеко выходящемъ за кругъ обыкновенныхъ явленій, нѣтъ нужды приписывать ихъ различному образу повѣствованія самого Павла; ихъ можно изъяснить изъ неточности передачи рѣчей его. Если допустить, что спутники Павла получили только общее впечатлѣніе отъ явленія, а не такое опредѣленное, какъ Павелъ, для котораго собственно и было это явленіе; что они видѣли свѣтъ, но никакого опредѣленнаго облика; слышали слова, но ничего опредѣленнаго не различили и не поняли, то объяснится, какимъ образомъ одно и то же явленіе могло быть представлено различно съ различныхъ сторонъ. Такъ какъ объ этомъ явленіи, по самой его природѣ, нельзя судить по законамъ обыкновеннаго земнаго сообщенія и ощущенія, то не имѣетъ никакой силы противъ его объективной дѣйствительности то возраженіе, что Павелъ и его спутники не одно и тоже видѣли и слышали. Мы еще не знаемъ законовъ, по которымъ бываютъ сообщенія изъ міра духовнаго людямъ живущимъ въ мірѣ чувственномъ, чтобы имѣть возможность что нибудь сказать объ этомъ опредѣленное.

Другіе не сомнѣваются въ дѣйствительномъ явленіи Іисуса Христа, но все это событіе признаютъ за одно внутреннее явленіе въ духѣ Павла, допускаютъ одно духовное откровеніе Іисуса Христа безъ внѣшняго.

При такомъ объясненіи опыты борьбы его съ самимъ собою въ фарисействѣ, впечатлѣнія рѣчи и му-

ческой кончины Стефана были бы точно приготовленіемъ къ этому внутреннему откровенію. Божественность и истинность событія при такомъ взглядѣ ничего не потерпѣла бы, потому что какъ ни смотрѣть на внѣшнее, все оно будетъ только средствомъ, которымъ Павелъ долженъ былъ быть приготовленъ для того внутренняго откровенія Іисуса Христа, отъ котораго зависѣла вся апостольская его дѣятельность. И чувственныя ощущенія не болѣе могутъ имѣть несомнѣнности и дѣйствительности, какъ и событія духовныя. (Что это не былъ какой-нибудь обманъ, который можно изъяснить психологически, за это ручалось бы необычайное измѣненіе, происшедшее въ Павлѣ отъ сего внутренняго событія, вся его апостольская дѣятельность; она свидѣтельствуетъ о всемъ, что онъ испыталъ внутри себя, какъ дѣйствіе о причинѣ). Но и такому объясненію противорѣчитъ то, что этимъ событіемъ были вмѣстѣ поражены и спутники Павла, — что Павелъ лишился зрѣнія.

Мнѣніе, что видѣніе, отъ котораго зависѣло обращеніе Павла, есть то самое, которое онъ описываетъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (12, 2),—мнѣніе, въ новѣйшее время возстановленное, не можетъ быть принято. Здѣсь Павелъ описываетъ свое возношеніе духа въ высшую область міра духовнаго; въ видѣніи, бывшемъ поводомъ къ обращенію, описывается нисшествіе Іисуса къ нему, при чемъ онъ не лишался сознанія того, что онъ живетъ на землѣ. Впечатлѣніе этого явленія было подавляющее: а то событіе соединялось съ необычайнымъ восторженіемъ духа; отъ перваго получило начало его христіанское сознаніе; второе было однимъ изъ тѣхъ высочайшихъ моментовъ внутренней жизни, когда человѣкъ, уже долгое время жившій въ общеніи съ Христомъ, послѣ

многообразныхъ браней, какія долженъ былъ выдержать, успокоивается предощущеніемъ небеснаго бытія и снова оживляется для своихъ земныхъ трудовъ. Упоминаемыя здѣсь 14 лѣтъ должны бы были означать, что это посланіе написано спустя 14 лѣтъ послѣ обращенія Павлова. Но это совершенно перепутываетъ всю хронологію.

Всего лучше посмотрѣть, какъ самъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ изображаетъ это происшествіе, которое во всякомъ случаѣ было важно для него, какъ начало новаго періода его жизни.—Онъ часто свидѣтельствуется противъ враговъ своихъ Іудеевъ, которые не хотѣли признать его апостольскаго призванія, тѣмъ, что ему также, какъ и прочимъ апостоламъ, препоручено апостольское служеніе самимъ Іисусомъ Христомъ, напр. Галат. 1, 1., но это можно разумѣть и не о внѣшнемъ событіи, а, какъ сказано было, и о внутреннемъ. Въ указанномъ мѣстѣ въ 16 ст. апостолъ какъ будто говоритъ о внутреннемъ (ἐν ἐμοί) откровеніи Господа въ его самосознаніи, которое сдѣлало его способнымъ возвѣщать Христа независимо отъ всякаго человѣческаго наставленія. Не совсѣмъ тоже, когда апостолъ 1. Кор. 9, 1 ссылается на то, что онъ видѣлъ Господа Іисуса и что потому самому, что видѣлъ Его, сталъ Его апостоломъ. Но и это можно разумѣть о видѣніи въ какомъ нибудь экстатическомъ состояніи, подобномъ тому, которое описываетъ самъ апостолъ 2 Кор. 12, 1.—Но совсѣмъ другое дѣло, когда онъ въ 15 гл. своего перваго посланія къ Кор. бывшее ему явленіе Господа Іисуса ставитъ наравнѣ со всѣми прочими явленіями воскресшаго Спасителя. И этотъ отзывъ апостола тѣмъ болѣе имѣетъ важности, что онъ, какъ показываетъ приведенное мѣсто изъ 2 по-

сланія къ Кор. умѣлъ различать состояніе экстатическое отъ состоянія обыкновеннаго самосознанія.

Естественно Павелъ не вдругъ послѣ такого впечатлѣнія могъ приняться за дѣла свои. Однимъ разомъ уничтожалось для него все, что доселѣ было побужденіемъ и цѣлію всего его дѣйствованія; его сердце стало исполнено чувства сокрушенія. Онъ находился въ состояніи духовной и тѣлесной немощи и ничѣмъ не могъ помочь самъ себѣ. Три дня провелъ онъ безъ пищи; это было для него переходомъ отъ смерти къ новой жизни. И ничто лучше не можетъ изобразить намъ его ощущеній въ эти критическіе дни, какъ краткое восклицаніе, которое онъ самъ, переносясь въ свое прежнее состояніе (Рим. 7, 24.) влагаетъ въ уста человѣка, невыносимо тяготимаго сознаніемъ внутренняго рабства и жаждущаго свободы отъ закона и грѣха,—все сердце его изливается въ этихъ словахъ: кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти, отъ сего бѣдствія? т. е. отъ грѣха, живущаго во плоти (ст. 18), составляющаго смерть души, раждающаго смерть тѣла. Нисколько невѣроятно, чтобы онъ въ этомъ состояніи искалъ обращенія съ другими. Обращеніе съ кѣмъ-либо изъ Іудеевъ не могло быть теперь для него пріятно, а искать знакомства съ кѣмъ-либо изъ гонимыхъ христіанъ, конечно, и на мысль ему не могло придти. Вообще для человѣка въ такомъ расположеніи духа уединеніе всего больше можетъ нравиться. Потому само въ себѣ невѣроятно, чтобы извѣстіе о происшедшей съ нимъ перемѣнѣ достигло до Ананіи чрезъ другихъ. Исторія оправдываетъ сама себя, когда объясняетъ его сближеніе съ христіанами дѣломъ той же божественной силы, которая его обратила.—Когда Павелъ воззвалъ ко Христу, который явился ему, чтобъ Онъ помогъ ему въ настоящемъ его положеніи, просвѣ-

тилъ его тѣлесное и духовное око, — обѣщано ему было въ видѣніи, что мужъ, котораго онъ вѣроятно по слуху и въ лицо зналъ, извѣстный просвѣщенный мужъ церкви Дамасской, Ананія, будетъ орудіемъ его духовнаго и тѣлеснаго исцѣленія. Ананія, покорный званію Божію, явился къ нему. Павелъ узналъ въ немъ мужа, котораго указывало видѣніе; принялъ его съ довѣренностію и въ общеніи съ нимъ получилъ высшую силу жизни, прозрѣлъ, крестился, исполнился Духа Святаго. Ананія привелъ Павла къ прочимъ христіанамъ города. И когда, проведши нѣсколько дней съ ними, Павелъ почувствовалъ себя довольно укрѣпленнымъ, то нудился было совѣстью явиться въ здѣшнюю синагогу и свидѣтельствовать о дѣлѣ, которое доселѣ такъ сильно преслѣдовалъ [1]). Но хотѣлъ ли Павелъ, совершивъ это первое свидѣтельство, предоставить ему дальнѣйшее дѣйствіе безъ личнаго своего присутствія, или уже заставляли его происки Іудеевъ помышлять о спасеніи бѣгствомъ, только скоро онъ удалился въ сосѣдственную часть Аравіи, гдѣ, между обитавшими въ великомъ количествѣ Іудеями, могъ найти новое поприще для своей проповѣди. Отсюда опять онъ возвратился въ Дамаскъ. Но потому ли, что раздраженные прежнею проповѣдію его

---

[1]) Едва ли ἡμέραι τινές Дѣян. 9, 19, значитъ тоже, что ἡμέραι ἱκαναί ст. 23. Но изъ этихъ словъ еще не видно, чтобы Лука послѣднимъ выраженіемъ хотѣлъ означить предшествовавшіе дни путешествія Павла въ Аравію. Гораздо естественнѣе порядокъ событій можно представлять такъ: Ἡμέραι τινές заключаютъ подъ собою только тѣ немногіе дни, которые Павелъ вскорѣ послѣ своего крещенія провелъ въ общеніи съ христіанами Дамасскими, здѣсь же заключается и καὶ εὐθέως или то время, въ которое апостолъ послѣ нѣсколькихъ дней общенія съ христіанами Дамасскими посѣщалъ синагоги. А ἡμέραι ἱκαναί означаютъ все послѣдовавшее за тѣмъ пребываніе Павла въ Дамасскѣ. Въ теченіе этого времени ἡμέραι ἱκαναί, о которыхъ Дѣянія Апостольскія ничего намъ не сказываютъ, надлежитъ полагать и путешествіе Павла въ Аравію, котораго мы безъ посланія къ Галатамъ и не знали бы.

Іудеи, какъ скоро узнали о его прибытіи въ городъ, тотчасъ начали стараться захватить въ свои руки человѣка, который могъ быть столько опасенъ для іудейства, или только теперь онъ возбудилъ ихъ противъ себя продолженіемъ проповѣди въ синагогѣ,—только долженъ былъ Павелъ искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ: ковы Іудеевъ грозили опасностію его жизни. И этотъ мужъ, не страшившійся потомъ никакихъ опасностей въ своемъ званіи, въ самомъ пылу ревности послѣ недавняго обращенія былъ столько чуждъ всякой мысли жаркихъ мечтателей, ищущихъ произвольнаго мученичества, [1]), что позволилъ себя спустить своимъ друзьямъ въ коробѣ чрезъ окно прилежавшаго къ стѣнѣ городской дома въ городъ, и такимъ образомъ, незамѣченный никѣмъ, скрылся отъ поисковъ Іудеевъ, стерегшихъ всѣ выходы изъ города [2]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи составляетъ его характеристическую черту и отличаетъ отъ всѣхъ мечтателей его τὰ τῆς ἀσθενείας καυχᾶσθαι, къ которому относитъ и бѣгство. 2 Кор. 11, 30, 32.

[2]) Это обстоятельство служитъ однимъ изъ немногихъ хронологическихъ признаковъ его исторіи. Когда Павелъ, спустя три года послѣ своего обращенія, бѣжалъ изъ Дамаска, Дамаскъ находился во власти Ареты, царя Аравіи Каменистой (1 Кор. 11, 32). Но такъ какъ онъ собственно принадлежалъ къ римской провинціи, то Ареѳа могъ и владѣть этимъ городомъ только по особеннымъ обстоятельствамъ. Эти обстоятельства вѣроятно были таковы: императоръ Тиверій, какъ союзникъ царя Ирода Агриппы, котораго войско было разбито Аретою, велѣлъ сирійскому намѣстнику Виттелію представить царя аравійскаго живымъ или мертвымъ въ его руки. (Iosephi Antiqu. 18, 5. 1.) Между тѣмъ какъ Виттелій приготовлялся къ исполненію этого повелѣнія и потомъ во время самаго похода былъ задержанъ нѣкоторыми обстоятельствами,—получено было извѣстіе о смерти Тиверія, который умеръ въ мартѣ 37 года, и Виттелій, получивъ извѣстіе, остановился предпринятіемъ войны. Этимъ-то временемъ Ареѳа воспользовался и завладѣлъ римскимъ городомъ. Но вѣроятно, чтобы онъ долго владѣлъ этимъ захваченнымъ у Римлянъ городомъ; очень вѣроятно, что, когда во второй годъ правленія Калигулы (38—39) дѣла аравійскія были приведены въ порядокъ, и Дамаскъ не былъ оставленъ безъ вниманія. Итакъ если мы отнесемъ бѣгство Павла къ 39 году, то годомъ его обращенія будетъ 36-й, потому что бѣгство его послѣдовало чрезъ три года послѣ обращенія. Въ этомъ трехлѣтнемъ пространствѣ мы долж-

Когда прошло такимъ образомъ три года послѣ его обращенія, Павелъ рѣшился (около 39 г. послѣ Р. Хр.) идти въ Іерусалимъ, чтобы тамъ лично видѣться съ Петромъ, который пользовался въ церкви великимъ уваженіемъ и болѣе всѣхъ занимался дѣломъ, относящимся до церкви. А такъ какъ въ Іерусалимѣ Павла знали только какъ гонителя, то всѣ здѣсь избѣгали встрѣчи съ нимъ, доколѣ уважаемый въ іерусалимской церкви учитель Варнава, который, какъ еллинистъ, былъ къ нему ближе и можетъ быть еще прежде былъ съ нимъ знакомъ, не представилъ его церкви. Еллинистическое происхожденіе Павла было поводомъ къ нѣкоторымъ бесѣдамъ и спорамъ объ іудействѣ и ученіи христіанскомъ съ Іудеями (Дѣян. 9, 29).

Когда апостолъ Павелъ, во время этого посѣщенія Іерусалима, молился въ храмѣ и, вознесенный молитвою ко Господу, отрѣшился отъ всего земнаго, было ему открыто въ видѣніи, что онъ въ Іерусалимѣ ничего не можетъ успѣть противъ раздраженныхъ Іудеевъ; что напротивъ онъ назначается нести ученіе спасенія къ другимъ народамъ (Дѣян. 22, 21). И вскорѣ, не болѣе какъ послѣ пятнадцатидневнаго пребыванія въ Іерусалимѣ, Павелъ вынужденъ былъ происками Іудеевъ оставить городъ. Онъ возвратился

ны помѣстить и мученическую кончину Стефана. По недостатку опредѣленныхъ хронологическихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ этого времени хотя и не можемъ съ достовѣрностію опредѣлить такимъ образомъ годъ обращенія Павлова, однако предположеніе, что оно послѣдовало въ 36 году, имѣетъ и то въ свою пользу, что для событій, случившихся между Вознесеніемъ Господнимъ и мученическою кончиною Стефана, соединенною съ обращеніемъ Павла, оставляетъ ни слишкомъ краткій, ни слишкомъ длинный періодъ времени.—Разнорѣчіе (Дѣян. 9, 24 *іудеи стрежаху* и 2 Кор. II 32. *языческій князь* (ἐθνάρχης) *Аретовы царя стрежаше*) объясняется содѣйствіемъ градоправителя Дамасскаго, поставленнаго Аретою, который владѣлъ тогда городомъ, содѣйствіемъ, какое оказывалъ онъ Іудеямъ, раздраженнымъ противъ Павла.

въ свое отечество и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, конечно—не оставляя проповѣдывать Евангеліе, хотя Лука объ этомъ и не говоритъ, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ начальныхъ событіяхъ его жизни. Очень вѣроятно, что церкви киликійскія, образовавшіяся изъ язычниковъ, какія мы находимъ впослѣдствіи, одолжены своимъ началомъ Павлу. Нельзя думать, чтобы послѣ повелѣнія Іисуса Христа Павелъ сталъ молчать въ своемъ отечествѣ объ Іисусѣ Христѣ, Котораго проповѣдывалъ въ другихъ городахъ и до повелѣнія. (О церквахъ въ Киликіи см. посланіе собора апостольскаго Дѣян. 15, 23. Самъ апостолъ, конечно, разумѣетъ проповѣдь, а не простое путешествіе въ Сирію и Киликію въ посланіи къ Галатамъ 1,21).

Спрашивается, въ такомъ ли же отношеніи находилась христіанская полемика Павла къ іудейству теперь какъ послѣ? Или,—что тоже,—съ самаго ли того времени, какъ Павелъ познакомился съ Евангеліемъ, началъ онъ утверждать его независимость отъ закона Моисеева? Утверждать это,—только что отрѣшившись отъ началъ фарисейства, могло быть весьма трудно: мы видимъ, что вступавшіе въ христіанство изъ этой секты очень были склонны къ смѣшенію Евангелія съ положеніями фарисейскими. Ананія, первый учитель Апостола, былъ всѣми уважаемъ за свое законное благочестіе и потому, конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы желать отрѣшенія Евангелія отъ обрядоваго закона Моисеева. Вообще около времени обращенія Павла это было господствующее направленіе между христіанами; только происшествія послѣ мученической кончины Стефана мало по малу начали раскрывать съ различныхъ сторонъ новую точку зрѣнія.—Но мы не въ правѣ утверждать, чтобы именно это же самое событіе служило къ опредѣле-

нію образа мыслей Павла. Вообще мы не должны въ Павлѣ съ его великимъ самостоятельнымъ духомъ очень высоко ставить опредѣленное вліяніе внѣшняго сообщенія ученія и идей. Лучше повѣримъ ему самому, когда онъ съ такою сильною увѣренностію свидѣтельствуетъ, что онъ свой образъ проповѣданія заимствовалъ не отъ человѣческаго наставленія, но только отъ духа Христова. Но просвѣщающій его духъ Христовъ независимо отъ человѣческаго наставленія вводилъ его въ особенное разумѣніе и особенное развитіе буквы и матеріи. Въ комъ фарисейское іудейство по немногу переходило въ христіанство,—въ томъ немало надлежало пройти времени, пока духъ Евангелія разрушитъ фарисейско-іудейскую форму. Иначе было съ Павломъ. Въ немъ фарисейство выразилось съ самой противоположной стороны къ христіанству; за то теперь безъ всякаго постепеннаго перехода, вдругъ, послѣ одного внезапнаго перелома, объятый силою Евангелія онъ сталъ изъ сильнѣйшаго гонителя ревностнѣйшимъ исповѣдникомъ; когда чувство рабства достигло въ немъ самой высшей степени, тогда онъ уже весь былъ проникнутъ вѣрою въ Искупителя для полученія отъ него свободы. Естественно прервались въ немъ всѣ связи съ фарисействомъ за одинъ разъ; мѣсто гоненія Евангелія заступило гоненіе фарисейскаго іудейства, какъ это онъ самъ говоритъ (Филип. 3, 8): *вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего: егоже ради вспхъ отщетихся и вмѣняю вся умѣты быти, да Христа пріобрящу.* Итакъ Павелъ съ самаго начала свободно и глубоко понималъ отношеніе Евангелія къ іудейству, и это при дѣйствіи одного просвѣщенія Духомъ, безъ всякихъ наставленій со стороны Петра или тѣхъ христіанъ

еллинистическаго происхожденія, которые уже проповѣдывали Евангеліе язычникамъ [1]).

Антіохія, мать церквей, образовавшихся изъ язычниковъ, и ея отношеніе къ матери церквей, образовавшихся изъ Іудеевъ.

Между тѣмъ христіанство уже было принесено проповѣдниками Евангелія изъ числа еллинистовъ въ великую столицу римской Азіи, Антіохію, къ язычникамъ. Извѣстіе объ этомъ обратило вниманіе христіанъ іерусалимскихъ. Потому ли, что еще ничего подобнаго доселѣ у нихъ не бывало, т. е. Петръ изъ своего путешествія, во время котораго просвѣтилъ Корнилія, еще не возвращался, а извѣстіе о новообразующейся церкви изъ язычниковъ безъ соблюденія обрядоваго закона Моисеева произвело только недоумѣніе и недовѣрчивость; или потому, что хотя происшествіе съ Корниліемъ уже нѣкоторымъ образомъ пріуготовило къ такому явленію, но еще не могли согласиться на нововведенія, соединенныя съ этими происшествіями, и имѣть прямой довѣренности къ хри-

---

[1]) Гал. 1,12, повидимому надлежитъ относить къ той части благовѣствованія Павлова, на которую въ особенности нападали противники Павла. Павелъ хочетъ сказать, что ученіе о совершенной свободѣ христіанина отъ закона Моисеева не есть его собственное или чье нибудь человѣческое произведеніе, но сообщено ему чрезъ откровеніе Іисусомъ Христомъ.—Но 1) апостолъ, говоря, что онъ не могъ ему научиться ни отъ кого изъ людей, даже изъ самихъ апостоловъ, или кого бы то ни было изъ христіанъ іудейскихъ, выражается вообще такъ обширно, что нельзя разумѣть только ученія о свободѣ отъ закона и оправданіи вѣрою безъ дѣлъ закона, но все ученіе какъ въ первый разъ Павломъ благовѣствованное. 2) „Παρέλαβον“ (ст. 12) Апостолъ Павелъ въ 1 посл. къ Кор. 2, 23, повторяетъ и въ отношеніи къ исторіи Іисуса Христа. 3) Что касается до образа Павлова благовѣствованія, то апостолу и не было нужды доказывать, что оно не происходило отъ апостоловъ: поелику враги его всего болѣе на это и нападали.

стіанамъ изъ язычниковъ,—такъ какъ эта недовѣрчивость въ большей части христіанъ изъ Іудеевъ оставалась долгое время и послѣ многократныхъ опытовъ божественной силы Евангелія между христіанами изъ язычниковъ,—только поручено было Варнавѣ, какъ пользовавшемуся давнимъ и всеобщимъ уваженіемъ учителю и какъ еллинисту, лучше умѣющему обращаться съ христіанами чисто еллинскаго происхожденія,—отправиться для обозрѣнія новой церкви изъ язычниковъ. Варнава радовался истиннымъ плодамъ евангелія, какіе нашелъ онъ здѣсь; ревностно содѣйствовалъ дальнѣйшимъ успѣхамъ дѣла, и когда открылись здѣсь великіе новые виды для дальнѣйшаго распространенія царства Божія, то призвалъ въ сообщество себѣ извѣстнаго по своему назначенію для проповѣди язычникамъ Павла. Доказательствомъ силы, съ какою христіанство распространялось здѣсь между язычниками самостоятельнымъ образомъ, было то, что вѣрующіе здѣсь приняли первые наименованіе христіанъ. Въ сношеніяхъ между собою они именовали себя учениками Господа, учениками Іисуса, братьями, вѣрующими. Но въ отличіе отъ Іудеевъ и язычниковъ, какъ вѣрующіе во Христа, они назвались христіанами.—Думаютъ, что христіане приняли сіе названіе не сами собою, но отъ другихъ,—не отъ Іудеевъ, а отъ язычниковъ. Іудеи дали бы имъ такое наименованіе, которое бы выражало презрѣніе: они конечно не назвали бы ихъ послѣдователями Мессіи. Язычники, доселѣ видя, что они наблюдаютъ обрядовый іудейскій законъ, не умѣли ихъ различать отъ Іудеевъ. Но теперь, когда начало распространяться между язычниками христіанство безъ соблюденія обрядоваго закона, оно показалось имъ совершенно новою религіозною сектою (genus tertium, какъ называли потомъ

христіанъ т. е. ни Іудеи, ни язычники), и такъ какъ имя „Христосъ“ они принимали за собственное, то для означенія послѣдователей новаго вѣроучителя составили изъ него наименованіе по той же формѣ, по какой обыкновенно называли послѣдователей какого нибудь учителя, учреждавшаго особую школу. Но почему не допустить и той мысли, что сами христіане приняли такое прекрасное наименованіе? Ученики, братія, вѣрующіе—не было опредѣленнымъ по отношенію къ постороннимъ. Ученикъ Господа, Христа—названіе не однословное; напротивъ Χριστιανοί—и выражало сущность различія ихъ отъ послѣдователей другихъ исповѣданій,—важно и въ домашнемъ церковномъ употребленіи. Римская форма въ окончаніи ανοι показываетъ только то, что въ этомъ случаѣ вѣрующіе слѣдовали формѣ, принятой въ имперіи.

Съ этого времени Антіохія стала весьма важнымъ мѣстомъ въ ходѣ развитія христіанства. Отселѣ стало два сосредоточные пункта для его распространенія. Что доселѣ былъ Іерусалимъ для распространенія христіанства между Іудеями, то стала теперь Антіохія для распространенія христіанства между язычниками. Здѣсь въ первый разъ вошли между собою въ соприкосновеніе и борьбу два образа воззрѣнія на христіанство, одно, носившее въ себѣ элементъ образованія іудейскаго, другое—языческаго. Какъ въ Александріи развитіе христіанства въ послѣдующее время должно было испытать вліяніе различныхъ смѣшеній элементовъ восточной философіи съ преобладающимъ элементомъ еллинистической образованности: такъ и въ восточной римско-азіатской столицѣ оно должно было встрѣтиться съ различными смѣшеніями элементовъ восточной религіи. Изъ Антіохіи въ началѣ II столѣтія распространились системы восточ-

наго анти-іудейскаго гностицизма, поставлявшаго христіанство во враждебныя отношенія къ іудейству.

Съ сего времени между двумя главными церквами Іерусалимскою и Антіохійскою открылись частыя сношенія. Признавая другъ друга братіями, христіане со всѣмъ усердіемъ подавали другъ другу помощь. Когда пришелъ изъ Іерусалима въ Антіохію пророкъ Агавъ и сталъ предсказывать голодъ, который особенно угрожалъ бѣднымъ христіанамъ іерусалимскимъ (этотъ голодъ былъ въ Палестинѣ около 44 г. по Р. Хр.), тогда христіане антіохійскіе считали обязанностію помочь церкви, отъ которой получили самыя высшія духовныя блага и, конечно, прежде начала голода, отправили къ предстоятелямъ церкви Іерусалимской денежное вспоможеніе чрезъ Павла и Варнаву. Церковь іерусалимская въ это время, послѣ осьмилѣтняго покоя отъ кончины Стефана, снова, впрочемъ не надолго, подверглась возмущенію. Царь Иродъ Агриппа, коему императоръ Клавдій поручилъ управленіе самою Іудеею, хотѣлъ показать свою ревность къ строгому соблюденію закона. Хотя поведеніе его не всегда было согласно съ сею ревностію,— онъ приноровлялся и къ образу жизни римской для того, чтобы привлечь къ себѣ благосклонность язычниковъ,—но чтобы не вооружить противъ себя и Іудеевъ, онъ возсталъ противъ проповѣдниковъ новаго ученія: Апостола Іакова, старшаго сына Заведеева, брата апостола Іоанна, онъ приказалъ умертвить, а во время праздника пасхи въ 44 году и Петра ввергъ въ темницу съ тѣмъ, чтобы по окончаніи праздника и съ нимъ поступить такъ же, какъ и съ Іаковомъ. Но Петръ особеннымъ Божіимъ содѣйствіемъ былъ освобожденъ изъ темницы. По молитвѣ о немъ церкви, ангелъ разрѣшилъ его узы, извелъ изъ запертой

темницы, ввелъ въ городъ и такимъ образомъ спасъ отъ смерти верховнаго апостола, котораго жизнь еще нужна была для церкви. Вскорѣ послѣ сего и самъ Иродъ умеръ, пораженный ангеломъ въ наказаніе за его дѣйствія противъ церкви Христовой; и его смерть возвратила христіанамъ іерусалимскимъ спокойствіе.

Павелъ и Варнава приходили въ Іерусалимъ во время этихъ безпокойствъ [1]). Поэтому, вѣроятно, они очень недолго здѣсь были, ничего значительнаго сдѣлать не могли и вскорѣ возвратились въ Антіохію.

Но такъ какъ церковь Антіохійская не имѣла недостатка въ учителяхъ и уже положено было начало обращенія язычниковъ, то теперь наступило время, въ которое должно было исполниться обѣщаніе І. Христа Павлу послать его далеко къ язычникамъ. Духъ Святый открылъ пастырямъ церкви антіохійской сіе назначеніе Павла и вмѣстѣ съ нимъ Варнавы, который захватилъ съ собою изъ Іерусалима племянника своего Марка. Мать сего Марка имѣла свой домъ въ Іерусалимѣ; въ немъ собирались вѣрующіе для молитвы (Дѣян. 12, 12 и 25). Но Маркъ оставилъ и домъ и матерь для дѣла Божія. Когда Варнава бралъ съ собою въ Антіохію изъ Іерусалима племянника своего Марка, то, можетъ быть, уже имѣлъ въ виду то, чтобы и его употребить въ сотрудника на этомъ поприщѣ. Откровеніе Духа Святаго теперь рѣшило ихъ назначеніе. Оно возвѣщено было по случаю особеннаго, назначеннаго для сего, поста (Дѣян. 13, 2). Тогда узнали, что время уже посвятить и отпустить Павла и Варнаву на дѣло, на которое они призваны отъ Господа.

---

[1]) Слова: Κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρόν Дѣян. 12, 1. впрочемъ не опредѣляютъ точно времени.

Распространеніе христіанства изъ Антіохіи Павломъ и Варнавою.

Въ сопровожденіи Марка Павелъ и Варнава отправились сперва на островъ Кипръ—отечество Варнавы, прошли островъ съ востока на западъ, отъ Саламина до Паѳоса. Съ своею проповѣдію они обращались сперва къ Іудеямъ, потомъ къ язычникамъ. Іудеи по своему призванію и обѣтованіямъ, имъ даннымъ, первые имѣли на то право; у нихъ были опредѣленныя мѣста для религіозныхъ собраній—синагоги, гдѣ собирались и прозелиты, а чрезъ прозелитовъ открывался удобнѣйшій переходъ и собственно къ язычникамъ. Въ Паѳосѣ они нашли въ проконсулѣ Сергіи Павлѣ одного изъ такихъ людей, которые не удовлетворялись ни народною вѣрою, ни философіею и съ жадностію хватались за все, что казалось имъ новымъ, и поэтому онъ весьма желалъ слышать, что за новое ученіе проповѣдуютъ Варнава и Павелъ. Но увлеченный своими религіозными требованіями, которыхъ самъ не сознавалъ ясно, онъ находился въ сѣтяхъ обманщика, іудейскаго волхва Варъ-Іисуса. Эти волхвы въ послѣдующее время были самыми сильными врагами христіанства, потому что христіанство грозило имъ уничтоженіемъ ихъ власти надъ язычниками. Поэтому и Варъ-Іисусъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать распространенію Евангелія и возстановилъ противъ него проконсула. Но Павелъ, исполнившись Духа Святаго, изрекъ судъ, котораго онъ былъ достоинъ, какъ ненавистникъ свѣта: по слову апостола, онъ лишился зрѣнія. Это доказательство силы новаго ученія противъ враговъ его подѣйствовало рѣшительно на проконсула и онъ увѣровалъ въ Евангеліе.

Потомъ благовѣствователи, переплывъ море и вступивъ на берегъ малой Азіи, отправились къ сѣверу, прошли Памфилію, именно были въ Пергіи (Дѣян. 13, 13), пришли въ предѣлы Фригіи, Исаврiи, Писидіи и въ Антіохіи Писидійской, какъ значительномъ пограничномъ городѣ, пріостановились для проповѣданія. Проповѣдь Павла въ здѣшней синагогѣ представляетъ намъ первый образъ мудрости и искусства апостола въ дѣйствованіи на сердца своихъ слушателей. Желая пріобрѣсти ихъ вниманіе и довѣренность, онъ сперва указываетъ на то, какъ Богъ избралъ ихъ въ особый народъ Себѣ, и потомъ кратко обозрѣваетъ все, что Богъ сдѣлалъ для своего народа до Давида, изъ потомства котораго во исполненіе обѣтованій долженъ произойти Мессія. Послѣ этого приготовленія переходитъ апостолъ къ главной цѣли рѣчи, къ явленію Мессіи и къ тому, что Онъ совершилъ для спасенія рода человѣческаго. Теперь, говорилъ Павелъ, обращаясь къ присутствующимъ Іудеямъ и прозелитамъ, для васъ назначена эта проповѣдь о спасеніи; ибо тѣ, которыхъ первыхъ достигло сіе благовѣствованіе, Іудеи Іерусалимскіе и ихъ начальники не захотѣли принять онаго, не узнали Мессіи, не поняли пророчествъ, которыя читаются каждую субботу въ синагогѣ. Однако же осудивъ на смерть Мессію, они не могли уничтожить обѣтованія, но только сами противъ своего вѣдома и ожиданія послужили къ ихъ исполненію, такъ какъ онъ, претерпѣвъ все, что долженъ былъ пострадать по предсказаніямъ пророковъ, возсталъ отъ смерти. Вы не видѣли его, но вѣрою въ него вы можете получить отпущеніе грѣховъ и оправданіе, котораго никогда не могъ доставить законъ.—Возвѣстивъ это обѣтованіе, апостолъ присовокупилъ угрозу противъ невѣрія. Эти слова, исполненныя кротости, произвели сначала благопріятное

впечатлѣніе. Отъ имени *всего* собранія просили Павла проповѣдывать и въ слѣдующую субботу, чтобы раскрыть предлагаемое ученіе подробнѣе. Между тѣмъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, въ особенности прозелиты, проникнутые силою истины болѣе прочихъ и жаждавшіе искупленія, о которомъ проповѣдывалъ Павелъ, не хотѣли дожидаться до слѣдующей субботы; они поспѣшили къ Павлу и просили у него подробнѣйшаго наставленія. Такимъ образомъ Павелъ и Варнава въ теченіе недѣли имѣли многократные случаи проповѣдывать божественное ученіе въ частныхъ обществахъ и распространить его даже между язычниками. Слухъ о новомъ евангельскомъ ученіи до слѣдующей субботы распространился по всему городу, и язычники большою толпою устремились къ синагогѣ, также какъ и Іудеи. Уже этого зрѣлища достаточно было, чтобы возбудить гнѣвъ въ Іудеяхъ, исполненныхъ высокаго мнѣнія о себѣ, какъ о народѣ избранномъ, питавшемъ презрѣніе ко всему языческому. Поэтому настоящая проповѣдь не была принята съ такою же благосклонностію и спокойствіемъ, какъ первая. Павла прерывали противорѣчіями и насмѣшками; онъ замѣтилъ на это, что такъ какъ они не хотятъ принять возвѣщаемаго спасенія и сами собою уклоняются отъ него, то проповѣдники свободны обратиться къ язычникамъ, которые изъявляли болѣе расположенія къ Евангелію. Такимъ образомъ Варнава и Павелъ съ вѣрующими язычниками оставили синагогу и избрали другое мѣсто для собранія вѣрующихъ и изъявляющихъ желаніе вѣровать. Христіанство распространилось отсюда по всей окрестности.— Но Іудеи успѣли возбудить противъ нихъ знатнѣйшихъ жителей города чрезъ прозелитокъ и ихъ вліяніемъ на мужей воздвигнуть на Павла и Варнаву открытое

гоненіе, такъ что они принуждены были оставить городъ.

Они удалились въ Иконію Ликаонскую, городъ, отстоявшій отъ Антіохіи миль на десять и нашли здѣсь доступъ у Іудеевъ и язычниковъ. Но вражда Іудеевъ, склонившихъ на свою сторону начальниковъ города, изгнала ихъ отсюда, послѣ того какъ они успѣли уже пріобрѣсть себѣ довольно внимательныхъ учениковъ проповѣдію и чудесами.

Апостолы пошли въ другой городъ той же провинціи и сначала довольно долго дѣйствовали въ Листрѣ. Здѣсь, какъ видно, не было синагоги и вообще Іудеи здѣсь не жили. Поэтому для проповѣди Евангелія не оставалось лучшаго мѣста, какъ общенароднаго собранія на площадяхъ и за городомъ. Когда Павелъ и Варнава занимались такимъ образомъ своимъ дѣломъ по близости города, слушалъ ихъ проповѣдь одинъ хромый отъ роду, можетъ быть, нищій. Слова Павла произвели такое сильное впечатлѣніе на него, что онъ съ упованіемъ ждалъ себѣ не только духовнаго, но и тѣлеснаго возстановленія. Павелъ это замѣтилъ и, чтобы утвердить его надежду на Христа, а чрезъ него и другихъ, сказалъ ему: стань на ноги и ходи прямо. Хромый исцѣлился.

Это явленіе привлекло еще большую толпу народа. Легковѣрный народъ принялъ ихъ за боговъ, явившихся въ человѣческомъ образѣ для сообщенія людямъ своихъ благодѣяній (подобное вѣрованіе, вытекающее изъ глубины человѣческаго сердца, изъ неотрицаемаго ощущенія союза рода человѣческаго съ божествомъ, издревле было распространеннымъ между язычниками). Такъ какъ въ этомъ городѣ особенно былъ чтимъ Юпитеръ, котораго почитали зиждителемъ городовъ, начальникомъ, правителемъ и хранителемъ гражданскаго устройства (Ζεὺς πολιεύς, πολιοῦχος), и по

этому посвященъ былъ ему храмъ предъ вступленіемъ въ городъ; то народъ думалъ, что самъ Юпитеръ, покровитель города, низшелъ на землю. Такъ какъ Павелъ обыкновенно первенствовалъ въ словѣ предъ Варнавою, то его признали за Меркурія, а Варнаву, который, можетъ быть, былъ старѣе Павла и имѣлъ что-нибудь особенно важное въ наружности,— за Юпитера. Суевѣрные жители сообщили свои догадки другъ другу на своемъ нарѣчіи, а Павелъ и Варнава не знали, какая честь приготовляется имъ. Народъ немедленно сообщилъ вѣсть о явленіи боговъ въ храмъ и жрецъ пришелъ къ вратамъ города съ волами на жертву Юпитеру и съ вѣнками для жертвенныхъ животныхъ. Когда благовѣствователи Евангелія узнали объ этомъ, то, исполнившись скорби, въ раздранныхъ одеждахъ, устремились въ толпу, чтобы остановить ихъ безумное покушеніе. „Что вы дѣлаете?“ говорилъ имъ Павелъ,—„мы люди подобные вамъ. Мы затѣмъ и пришли сюда, чтобы обратить васъ, отъ этихъ ничтожныхъ идоловъ, къ Богу живому, всемогущему, Виновнику всякаго бытія, Который хотя доселѣ оставилъ людей на собственную волю, чтобы они испытали, какъ мало могутъ сдѣлать собственными силами, но никогда не оставлялъ ихъ безъ свидѣтельства о Себѣ, ниспосылая имъ все нужное къ содержанію и удовольствію.“

Съ трудомъ апостолы остановили это движеніе народа своими представленіями. Но это впечатлѣніе, на видъ столько сильное, было непродолжительно,— поелику немногіе были проникнуты силою истины. Іудеямъ Иконійскимъ удалось и здѣсь возбудить противъ Павла большую часть язычниковъ, такъ что народъ, взволновавшись, закидалъ его камнями и онъ, какъ мертвый, извлеченъ былъ за городъ. Но при помощи вѣрующихъ онъ снова всталъ; проведши осталь-

ную часть дня еще въ Листрѣ, укрѣпляемый силою Божіею, на другой день удалился съ Варнавою въ сосѣдственный городокъ Дервію.

Проповѣдавъ здѣсь и въ окрестности обоихъ городовъ Листры и Дервіи, они снова посѣтили тѣ города, гдѣ сначала распространяли вѣру и откуда должны были удалиться ранѣе, чѣмъ хотѣли, по причинѣ воздвигнутыхъ гоненій; они старались утвердить новыхъ христіанъ въ вѣрѣ и дали новооснованнымъ церквамъ твердую іерархическую организацію. Потомъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, возвратились въ Антіохію.

Споръ между христіанами изъ Іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ и примиреніе. Независимое развитіе христіанской церкви между язычниками.

Тогда какъ христіанство все болѣе и болѣе распространялось между язычниками въ Антіохіи, а отсюда въ Сиріи и Киликіи, угрожало возникнуть между новыми церквами несогласіе или расколъ, который могъ вести за собою и постоянную вражду двухъ главныхъ составныхъ частей христіанской церкви. Пришли въ Антіохію изъ Іерусалима державшіеся строгаго фарисейства христіане, которые говорили язычникамъ, что они безъ обрѣзанія не могутъ имѣть части въ царствѣ Божіемъ и спорили съ Павломъ и Варнавою относительно проповѣдуемаго ими ученія. Церковь Іерусалимская, по всей вѣроятности, состояла изъ однихъ обращенныхъ Іудеевъ. Обращаясь ко Христу, они, какъ Іудеи, еще продолжали соблюдать уваженіе къ своему іудейскому закону не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и въ церковныхъ: такъ какъ тѣ и другіе тѣсно были соединены между собою. Такимъ образомъ вѣрующіе Іудеи соблюдали, какъ и прежде,

праздники и другіе обряды іудейской религіи подобно тому, какъ Самъ Спаситель во время земной жизни подчинялся закону (Дѣян. 21, 20. 21). Въ этомъ они оказывали болѣе ревности, нежели обратившіеся Іудеи изъ разсѣянія, или Еллино—евреи.

Жившіе внѣ Іерусалима Іудеи и прежде не такъ тѣсно были привязаны и къ храму и къ жертвамъ. Они только отъ времени до времени посѣщали Іерусалимъ на праздники, или довольствовались и тѣмъ, что посылали деньги на содержаніе храма и на жертвы; между тѣмъ собирались въ синагогахъ для чтенія священныхъ книгъ и наблюдали іудейскіе законы о пищѣ и очищеніяхъ. Теперь, когда обращались они въ христіанство, то они или совсѣмъ оставляли законъ или, по крайней мѣрѣ, еще слабѣе были привержены къ нему; имъ не стоило большаго труда войти въ общеніе съ обращающимися язычниками, отъ которыхъ не требовалось соблюденіе закона іудейскаго. Сначала они, можетъ быть, не оставляли своихъ синагогъ, но съ теченіемъ времени, не находя въ нихъ такого назиданія для себя, какъ въ собраніяхъ христіанскихъ и не видя надежды подѣйствовать благопріятно въ пользу христіанства на своихъ единоплеменниковъ, оставляли мертвыя училища; сближаясь съ обращенными язычниками въ церковной и домашней жизни, съ ними вмѣстѣ принимали пищу; оттого и правила іудейскія о пищѣ и очищеніяхъ мало-по-малу приходили въ забвеніе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (лѣтъ чрезъ 10) мы увидимъ, что нѣкоторые Іудеи, обращенные въ христіанство внѣ Палестины, перестали совершать обрѣзаніе и надъ своими дѣтьми:—послѣдній рѣшительный признакъ того, что они совсѣмъ отказывались отъ Іудейства.

Такъ было между обращенными Іудеями внѣ Палестины. Но не такъ въ Іерусалимѣ. Хотя и Іеруса-

лимскіе христіане имѣли свои собранія для совершенія таинствъ своей вѣры и взаимнаго назиданія, но не оставляли посѣщать и храмъ, и исполнять другія обязанности вѣрнаго Іудея. Само собою разумѣется, что апостолы и другіе богопросвѣщенные мужи не поставляли въ этомъ никакой особенной святости, и потому согласились признать своимъ братомъ о Христѣ и Корнилія, обращеннаго язычника, хотя онъ не былъ изъ числа обрѣзанныхъ; потому не требовали, чтобы и впредь язычники, обращающіеся въ христіанство, обязываемы были къ соблюденію іудейскаго закона. Но не всѣ такъ разсуждали. Многіе ревнители закона (Дѣян. 21, 20) думали, что и для язычниковъ законъ необходимъ къ оправданію и наслѣдію царствія Божія (Дѣян. 15, 1); поэтому не хотѣли допускать ихъ въ церковь прежде, нежели совершено будетъ надъ ними обрѣзаніе, какъ надъ прозелитами. Такимъ образомъ неудивительно, что имъ не нравились распоряженія Павла и его сотрудниковъ.

Христіане антіохійскіе для разрѣшенія сего спора положили отправить нарочитыхъ мужей въ Іерусалимъ; естественно выборъ палъ на Павла и Варнаву, такъ какъ они всѣхъ дѣятельнѣе занимались проповѣдію между язычниками. Павелъ имѣлъ и свои на то причины, которыя и безъ общественнаго порученія побуждали его предпринять такое путешествіе. Теперь представлялось ему самымъ необходимымъ дѣломъ объясниться съ апостолами объ отличительномъ образѣ своего проповѣданія между язычниками, чтобы при разности способовъ, необходимой по разности мѣста дѣйствованія, соблюсти единство духа и отвратить всѣ несогласія, которыя бы могли возмутить сознаніе этого существеннаго единства. Божественнымъ *откровеніемъ* онъ былъ увѣренъ, что точно такое объясненіе теперь для блага церкви необходимо (Гал. 2, 2.). И такимъ

образомъ въ 14 г. по своемъ обращеніи, какъ самъ говоритъ въ посланіи къ Галатамъ, онъ отправился въ Іерусалимъ съ намѣреніемъ предложить тамъ наиболѣе уважаемымъ апостоламъ образъ своего проповѣданія Евангелія между язычниками, чтобы они не подумали, что всѣ его дѣйствія были напрасны, но узнали, что онъ проповѣдывалъ тоже самое Евангеліе, какое и они, и что это Евангеліе съ такою же божественною силою дѣйствовало между язычниками, какъ и между Іудеями. Чтобы представить живой примѣръ дѣйствія Евангелія между язычниками, Павелъ взялъ съ собою одного обращеннаго имъ юношу языческаго происхожденія, Тита, который потомъ былъ особеннымъ его сотрудникомъ въ проповѣданіи. Въ Іерусалимѣ прежде, нежели приступлено было къ общественному изслѣдованію, были произведены частныя сношенія [1]). Павелъ представилъ апостоламъ Петру, Іоанну и Іакову (Гал. 2, 9.) подробный отчетъ объ образѣ своего проповѣданія Евангелія язычникамъ и плодахъ своей дѣятельности. Они признали божественность его призванія и были слишкомъ далеки отъ того, чтобы учить его. Согласились съ нимъ, чтобы онъ продолжалъ дѣйствовать независимо между язычниками и только бы не забывалъ внушать новообращающимся церквамъ, чтобы онѣ помогали въ тѣлесныхъ нуждахъ церкви іерусалимской (Гал. 2, 1—10). Даже въ отдѣльныхъ обществахъ, гдѣ Павелъ и Варнава разсказывали о томъ, что̀ Богъ сдѣлалъ чрезъ по-

---

[1]) Такъ какъ Павелъ въ посл. къ Гал. говоритъ только о частныхъ сношеніяхъ (κατ'ἰδίαν), то съ перваго взгляда это кажется противорѣчащимъ съ повѣствованіемъ Дѣяній Апостольскихъ. Но это противорѣчіе доказываетъ только то, что въ двухъ этихъ повѣствованіяхъ не объ одномъ и томъ же идетъ дѣло. Но сперва могли быть частныя сношенія, потомъ общее разсужденіе. Слѣдов., то и другое повѣствованія могутъ относиться къ одному и тому же предмету.

средство ихъ проповѣди между язычниками, — ихъ извѣстія были принимаемы съ радостнымъ участіемъ. Но нѣкоторые изъ обращенныхъ фарисеевъ начали настаивать, чтобы язычники вмѣстѣ съ Евангеліемъ принимали и обрѣзаніе, только подъ этимъ условіемъ соглашались признать ихъ своими братьями (а потому даже требовали, чтобы Титъ былъ обрѣзанъ). Павелъ защищалъ равенство правъ язычниковъ въ царствѣ Божіемъ съ обрѣзанными на основаніи одной вѣры въ Искупителя (и потому не уступалъ даже и относительно Тита, потому что его уступка была бы сочтена за знакъ согласія на утверждаемое ими ученіе). Эта неуступчивость повела къ дальнѣйшимъ спорамъ. Стало необходимо разсмотрѣть это дѣло цѣлою церковію. Собраны были избранные члены ея [1]). Въ этомъ собраніи много было преній съ той и другой стороны. Наконецъ, выступилъ апостолъ Петръ съ своимъ предложеніемъ, которое основывалъ на собственномъ опытѣ. Вы знаете,—говорилъ онъ къ собравшимся, что задолго предъ симъ [2]) меня самого избралъ Богъ на то, чтобы возвѣстить въ первый разъ язычникамъ Евангеліе. И когда Богъ, Который взираетъ на сердце, сообщилъ имъ Духа Своего Святаго также какъ вѣрующимъ изъ Іудеевъ, то этимъ засвидѣтельствовалъ, что язычники болѣе не имѣютъ никакой нечистоты въ глазахъ Его; что очистивъ сердца вѣрою въ Искупителя, они стали столько же чисты, какъ и вѣрующіе Іудеи. Какъ же можно быть столь дерзкимъ, чтобы сомнѣваться во всемогуществѣ и благости Божіей и утверждать, что Богъ не можетъ допустить язычниковъ къ участію въ благахъ

---

1) Πᾶν τὸ πλῆθος Дѣян. 15, 12 σὺν ὅλῃ τῇ ἐκκλησίᾳ 22. Но по своей многочисленности едва ли могла быть собрана *вся* церковь.

2) Ἀφ' ἡμερῶν ἀρχαίων—это показываетъ, что отъ обращенія Корнилія до собора прошло много времени.

царства небеснаго безъ закона? Зачѣмъ вы хотите положить на вѣрующихъ то, чего ни сами, ни отцы ваши не могли снести. Подъ этимъ игомъ Петръ разумѣлъ, конечно, не внѣшнее соблюденіе обрядовъ само по-себѣ, такъ какъ и самъ ихъ соблюдалъ и не хотѣлъ, чтобы не соблюдали ихъ Іудеи, но понималъ такое ихъ соблюденіе, которое происходило отъ внутренняго господства закона надъ совѣстію, съ которымъ соединялась мысль, что отъ него зависитъ оправданіе и блаженство, отъ чего страшились за малѣйшее уклоненіе отъ закона лишиться спасенія, отъ чего рождалось мучительное безпокойство, измышлявшее различныя предосторожности противъ всякаго нарушенія закона. Понимая такимъ образомъ свое положеніе, Петръ могъ присовокупить: но и мы вѣрою въ Іисуса, какъ Искупителя нашего, освобождаемся отъ ига закона; онъ не составляетъ для насъ болѣе средства оправданія, и мы вмѣстѣ съ язычниками вѣруемъ, что спасаемся благодатію Господа нашего Іисуса Христа.

Слова Петра произвели глубокое впечатлѣніе на многихъ. За Петромъ возсталъ Варнава, пользовавшійся еще прежде великимъ уваженіемъ въ этой церкви, потомъ Павелъ. Оба прибавили къ событіямъ, указаннымъ Петромъ, новыя изъ своего собственнаго опыта, которыми подтверждалась мысль Петра и разсказывали о чудесахъ, коими Богъ подкрѣплялъ ихъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Когда такимъ образомъ сердца всѣхъ были приготовлены, началъ говорить апостолъ Іаковъ, братъ Господень, который за строгое соблюденіе закона находился въ великомъ уваженіи даже между Іудеями и котораго голосъ тѣмъ болѣе могъ найти довѣренности въ этомъ случаѣ. Онъ заключилъ совѣщаніе предложеніемъ, которое имѣло цѣлію войти въ посредство между спорющими сторонами. Опираясь

на рѣчь Петра, онъ говорилъ: уже показано было, какъ Богъ въ первый разъ принялъ язычниковъ, чтобы образовать Себѣ изъ нихъ священное царство. Съ этимъ согласовались и предсказанія пророковъ, которые возвѣщали, что въ то время, когда падшій престолъ Давидовъ возстановится, тогда почитаніе Бога истиннаго распространится и между язычниками. Поэтому ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что теперь совершается у язычниковъ. Богъ, Который все это творитъ, исполняетъ только Свой вѣчный совѣтъ, и такъ какъ вслѣдствіе этого вѣчнаго совѣта и язычники имѣютъ войти въ царство Мессіи, то никто да не дерзаетъ останавливать или затруднять теченіе этого дѣла. Поэтому не должно налагать на язычниковъ никакой излишней тяжести. Нѣтъ нужды ни къ чему ихъ обязывать, кромѣ только того, чтобы они воздерживались отъ яденія мяса идоложертвенныхъ, мяса животныхъ удавленныхъ, крови убитыхъ животныхъ и отъ блуда. Этого достаточно для обращающихся язычниковъ,[1]) потому что вездѣ, гдѣ живутъ Іудеи, законъ Моисеевъ черезъ еженедѣльное чтеніе въ синагогахъ укоренился глубоко въ сердцахъ ихъ и неуступчивость даже въ этомъ можетъ рождать только волненія. (Но что касается до вѣрующихъ изъ Іудеевъ, то они не требуютъ особыхъ правилъ. Они знаютъ, что они какъ Іудеи должны соблюдать; въ каждомъ городѣ, гдѣ есть Іудеи, тамъ читается въ каждую субботу въ синагогахъ законъ).

Это предложеніе имѣло цѣлію содѣйствовать прекращенію возникшаго спора между христіанами изъ

---

[1]) Большая часть этихъ запрещеній считается между семью заповѣдями, къ которымъ люди были обязаны прежде закона Моисеева, которыя Богъ далъ сынамъ Ноевымъ и которыя соблюдать должны были прозелиты вратъ. Buxtorf. Lexicon Talmudicum et Rabbinic. подъ словомъ ן.

Іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ взаимнымъ сближеніемъ той и другой стороны. Соблюденіе этихъ заповѣдей христіанами изъ язычниковъ могло служить къ тому, чтобы смягчить и мало-по-малу истребить то отвращеніе, съ какимъ природные Іудеи смотрѣли на христіанъ изъ язычниковъ—нечистыхъ, изъ владычества идолопоклонства вышедшихъ людей. Если вѣрующіе Іудеи не могли побѣдить своего предразсудка противъ вѣрующихъ язычниковъ по причинѣ ихъ необрѣзанности, то тѣмъ труднѣе бы было ихъ сблизить между собою, когда бы язычники не согласились соблюдать и того, что требовалось отъ обыкновенныхъ прозелитовъ; если бы не отреклись отъ того, что по іудейскому понятію тѣсно было соединено съ идолопоклонствомъ и нечистою идолопоклонническою жизнію. Содѣйствуя такимъ образомъ сближенію христіанъ изъ язычниковъ съ христіанами изъ Іудеевъ, эти заповѣди съ другой стороны служили къ бо́льшему отдаленію первыхъ отъ обыкновеннаго языческаго образа жизни, къ предостереженію ихъ отъ соблазновъ окружающаго язычества и языческихъ пороковъ. При этомъ страннымъ могло бы показаться, что на ряду съ обрядовыми, только для опредѣленной цѣли положенными, заповѣдями поставлено запрещеніе прелюбодѣянія, запрещеніе, имѣющее силу во всѣ времена, основывающееся на чисто нравственномъ началѣ. Но связь, въ какой это запрещеніе здѣсь встрѣчается, даетъ и разрѣшеніе о причинѣ и цѣли такого особеннаго напоминовенія. Πορνεία здѣсь упоминается только въ томъ отношеніи, въ какомъ и предъидущія части, т. е. по причинѣ связи съ идолослуженіемъ, какъ казалось это Іудеямъ; еще изъ книгъ ветхозавѣтныхъ они научились идолопоклонство и прелюбодѣяніе представлять между собою неразрывно соединенными; кромѣ того, пороки этого

рода дѣйствительно были соединены съ нѣкоторыми отраслями идолослуженія и вообще строгое понятіе о цѣломудріи далеко отъ началъ натуральной религіи. Здѣсь идетъ дѣло не объ особомъ нравственномъ правилѣ христіанства; въ этомъ случаѣ запрещеніе не было бы поставлено такъ отдѣльно, какъ чисто положительное; напротивъ было бы выведено изъ цѣлой системы христіанскаго вѣроученія и нравоученія, какъ это дѣлается въ посланіяхъ. Здѣсь идетъ дѣло только о старомъ іудейскомъ отвращеніи ко всему, что имѣетъ какую нибудь связь съ язычествомъ, и это отвращеніе теперь переносится на нѣкоторыя части въ церковь христіанскую.

Когда это предложеніе всѣми было принято, то отъ всей церкви написано было посланіе (первое апостольское посланіе) къ церквамъ изъ язычниковъ въ Сиріи и Киликіи, которое имѣло цѣлію положить предѣлъ произведеннымъ іудаистами возмущеніямъ. Въ немъ ясно было сказано, что эти люди, дѣйствуя самовольно, совсѣмъ не были уполномочиваемы такъ поступать ни апостолами, ни пресвитерами іерусалимскими. А Варнава и Павелъ, которыхъ іудаисты вѣроятно выдавали за повредителей ученія Христова, представлены истинными и ревностными проповѣдниками Евангелія, людьми, предавшими души свои о имени Господа Іисуса Христа. И чтобы придать этому опредѣленію болѣе дѣйствительности и ясности, изъ среды самой церкви Іерусалимской избрали двухъ почтенныхъ мужей Іуду и Силу, которые могли дать церкви наставленія и утвержденіе [1]).

---

[1]) Въ опредѣленіи апостольскаго собора (Дѣян. 15, 20. 29.) въ нѣкоторыхъ спискахъ и въ переводѣ читается прибавленіе: *и елика неугодна себѣ суть, инымъ не творити.*—Что это позднѣйшее дополненіе, можно видѣть изъ самаго опредѣленія по греч. тексту ἐξ ὧν διατηροῦντες нельзя перевести: *соблюдая сіе*, но *удерживаясь отъ сего*, а это можно отнести только къ ἀπέχεσθαι τῶν εἰδωλοθύτων.

Опредѣленіе апостольскаго собора въ Іерусалимѣ составляетъ важную эпоху въ исторіи церкви апостольской. Первое несогласіе, возникшее въ христіанствѣ, было немедленно предано общественному разсужденію и приведено въ ясность: вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что это несогласіе должно разрушать единство христіанской церкви. Хотя въ развитіи церкви между Іудеями и язычниками должна была оставаться очень важная и поразительная разность по внѣшности, но притомъ должно быть сохраняемо и существенное единство церкви, основывающееся на внутреннемъ общеніи вѣры и жизни. Это единство независимо отъ внѣшнихъ разностей. Пусть одни наблюдаютъ такіе внѣшніе обряды, другіе—нѣтъ;—но тѣ и другіе по силѣ общей вѣры въ Іисуса, какъ Искупителя, имѣютъ Духа Святаго вѣрнымъ споручникомъ ихъ участія въ царствѣ Божіемъ. Впрочемъ, эта разность простиралась и не на одну только внѣшность; но, какъ можно было заключать изъ особенности іудейскаго взгляда на христіанство, съ нею соединились и другія догматическія разнорѣчія, которыхъ теперь только не высказали и которыя послѣ, если не будутъ побѣждены силою глубже и глубже водворяющагося Духа, возстанутъ тѣмъ съ большею силою. Самое посредство, сколько оно ни было благоразумно, не могло уничтожить глубоко основаннаго раздвоенія, если не уничтожится оно дѣйствіемъ того же Духа, отъ Котораго произошло это посредство. Такъ какъ христіане, фарисейски мыслящіе, издавна привыкли считать только то христіанство подлиннымъ и совершеннымъ, единственно дающимъ право на обладаніе всѣми преимуществами членовъ царства Божія, которое тѣсно соединено, сплавлено съ іудействомъ, то мѣры апостольскаго собора были еще не совсѣмъ сильны произвести переворотъ въ ихъ

образѣ мыслей. Они могли или совсѣмъ не смотрѣть на опредѣленіе собора іерусалимскаго, такъ какъ бы его вовсе не существовало, или толковать его по своему разумѣнію и въ свою пользу, то есть, соглашаясь, что наблюденіе закона не поставлено въ обязанность христіанамъ изъ язычниковъ, но отсюда еще не должно выводить того, чтобы язычники не дѣлали лучше, если бы добровольно изъ любви къ Іеговѣ соблюдали весь законъ. И какъ прежде этого собора они не стыдились ссылаться на авторитетъ апостоловъ, хотя они, какъ сами ясно говорятъ, отнюдь не давали полномочія такъ поступать: такъ могли и впослѣдствіи дѣлать тоже и еще болѣе: — употреблять къ тому мѣстную отдаленность церквей языческихъ отъ Іерусалимской.

Однако на первый разъ важность апостольскаго посредства заставила умолкнуть крики іудаистовъ и раздѣленіе было примирено. Уже впослѣдствіи оно опять вспыхнуло.

Второе путешествіе апостола Павла.

Пробывъ нѣсколько времени въ церкви антіохійской, Павелъ и Варнава рѣшились посѣтить основанныя ими во время перваго путешествія церкви и потомъ распространить свою дѣятельность еще далѣе. Варнава опять хотѣлъ взять съ собою своего племянника Марка. Но Павелъ не согласился: онъ не могъ простить Марку того, что онъ допустилъ привязанности къ отечеству побѣдить въ себѣ чувство званія служенія Господу, — и считалъ того, кто не былъ готовъ всѣмъ жертвовать Ему, не стоющимъ этого званія. Въ Павлѣ обнаружилась въ настоящемъ случаѣ ревность его характера; гдѣ дѣло шло о требо-

ваніяхъ званія Божія, тамъ Павелъ отрицался всѣхъ личныхъ естественныхъ ощущеній, и хотѣлъ того же въ другихъ. Снисходительность Варнавы къ Марку могла происходить изъ особенной мягкости его христіанскаго характера, или изъ началъ еще непреобѣжденной силою христіанскаго духа любви къ родственнику. Что такія человѣческія отношенія могли еще довольно дѣйствовать на Варнаву—доказываетъ его обращеніе въ Антіохіи въ присутствіи Петра и Павла (Гал. 2). Какъ бы то ни было, но эта мгновенная размолвка была поводомъ раздѣленія между двумя мужами, доселѣ за одно дѣйствовавшими въ служеніи Господу. Слѣдствіемъ раздѣленія между Павломъ и Врнавою было то, что прибавился еще новый кругъ дѣйствованія въ пользу Евангелія. Варнава съ сего времени образовалъ себѣ опредѣленный кругъ, отправившись съ Маркомъ сначала на родину свою въ Киприъ, а потомъ вѣроятно и въ другія мѣста для проповѣди. Что Варнава не былъ недѣятеленъ въ распространеніи христіанства, это не только можно заключать изъ его прежней дѣятельности; но и доказывать тѣмъ, что Павелъ много спустя послѣ настоящаго случая указываетъ на него, какъ на извѣстнаго по своей непрестанной дѣятельности въ проповѣдываніи Евангелія мужа (1 Кор. 9, 6). Строгость Павла въ отношеніи къ Марку могла быть полезна и для самого Марка; она должна была привести его въ сознаніе своей вины и онъ показалъ себя потомъ вѣрнымъ своему призванію. Наконецъ это раздѣленіе было только преходящее. Впослѣдствіи мы видимъ Павла, Варнаву и Марка опять тѣсно между собою соединенными, хотя Варнава съ сей поры, кажется, имѣлъ уже отдѣльный независимый кругъ дѣйствованія. Вмѣсто его Павелъ взялъ себѣ

въ товарища Силу или Силуана, отправленнаго изъ Іерусалимской церкви въ Антіохію съ посланіемъ.

Такъ какъ изначала Павелъ поставилъ себѣ правиломъ: *благовѣстити, не идѣже именовася Христосъ, да не на чужемъ основаніи созижду, но якоже есть писано: имъ же не возвѣстися о немъ, узрятъ: и иже не слышатъ, уразумѣютъ*, т. е. какъ самъ онъ выражается (Рим. 15, 20. 2 Кор. 10, 16), самому открывать себѣ кругъ дѣйствованія и распространенія Евангелія и не вступать въ чужой; то онъ не пошелъ теперь, какъ въ началѣ перваго путешествія, на островъ Кипръ; но предѣлами Сиріи и Киликіи пришелъ въ Писидію и здѣсь посѣтилъ тѣ пограничные города, въ которыхъ дѣйствовалъ во время перваго своего путешествія. Въ городѣ Листрѣ (Дѣян. 16, 1. ἐκεῖ, конечно въ Листрѣ) нашелъ онъ юношу именемъ Тимоѳея, получившаго отъ матери своей Евники, благочестивой еврейки, впрочемъ, бывшей въ замужествѣ за язычникомъ, — благочестивое воспитаніе, которое и не осталось въ немъ безъ плода. Мать его во время перваго пребыванія Павлова въ этомъ городѣ обратилась къ христіанству и даже юный Тимоѳей сталъ ревностнымъ исповѣдникомъ Евангелія. Въ церквахъ Листры и сопредѣльнаго города Иконіи онъ былъ всѣмъ извѣстенъ по своей ревности въ вѣрѣ и въ общественныхъ собраніяхъ вѣрующихъ слышны были отзывы пророковъ, которые возвѣщали, что Тимоѳей самимъ Богомъ назначенъ къ великимъ дѣламъ въ пользу Евангелія (1 Тимоѳ. 1, 18). Павлу было пріятно имѣть при себѣ такого ревностнаго юношу, который могъ помогать ему въ трудахъ проповѣди и подъ его руководствомъ самъ могъ образоваться въ великаго проповѣдника; самъ юноша былъ готовъ изъ любви къ ихъ общему Господу и къ самому Павлу всюду за нимъ слѣдовать.

Такъ какъ Тимоѳей, по своему происхожденію съ одной стороны принадлежалъ къ Іудеямъ, а съ другой — къ язычникамъ, то былъ тѣмъ еще способнѣе сопутствовать апостолу между язычниками и между Іудеями. Чтобы еще болѣе сблизить его съ послѣдними, Павелъ заставилъ его обрѣзаться. Въ этомъ не было никакого нарушенія общепризнанныхъ правъ христіанъ изъ язычниковъ; какъ сына іудеянки, воспитаннаго въ іудействѣ, его болѣе могли присвоять себѣ Іудеи нежели язычники.

Посѣщая основанныя прежде церкви, благовѣстники объявляли вездѣ о рѣшеніи собора іерусалимскаго для устраненія недоумѣній, возникшихъ со стороны обращающихся Іудеевъ и для облегченія пути обращающимся къ христіанству язычникамъ.

Посѣтивъ такимъ образомъ основанныя прежде церкви, Павелъ отправился во Фригію. Естественно, онъ не могъ въ это путешествіе, ни въ послѣдующее проповѣдывать Евангеліе во всѣхъ шестидесяти двухъ городахъ населенной провинціи Фригіи. Потому многое долженъ былъ предоставлять своимъ ученикамъ (Кол. 2, 1), такъ какъ и дѣйствительно извѣстно, что одинъ изъ нихъ Епафрасъ изъ Колоссъ былъ основателемъ церквей Колосской, Іерапольской и Лаодикійской (Кол. 4, 12. 13).

Отсюда Павелъ отправился на сѣверъ въ Галатію. Въ этой провинціи жило много Іудеевъ; потому очень вѣроятно, что Павелъ обращался съ своею проповѣдію первоначально къ нимъ и находящимся между ними прозелитамъ. Но худой пріемъ, встрѣченный у Іудеевъ, открылъ ему путь къ язычникамъ, и язычники его приняли съ большимъ расположеніемъ (Гал. 4, 13. 14): „приняли меня, какъ апостола Божія, какъ Іисуса Христа“. А упоминаемыя здѣсь *немощи во плоти*, *искушеніе*, *еже во плоти*, которыхъ не

возгнушались галатійскіе христіане, вѣроятно суть страданія его за дѣло Христово, недавно имъ претерпѣнныя, о которыхъ онъ подробно говоритъ 2 Кор. 11, 23—26, или болѣзнь плоти, объ отвращеніи которой троекратно просилъ онъ Бога, но не получилъ облегченія, дабы тѣмъ очевиднѣе совершалась въ его немощи сила Божія. И въ настоящемъ случаѣ его немощь не только не была препятствіемъ къ распространенію Евангелія, но еще болѣе привлекала къ нему сердца обращенныхъ. Видя его ревность въ дѣлѣ Евангелія, несмотря на болѣзни и страданія, тѣмъ болѣе привязывались къ учителю Христову, готовы были, какъ выражается апостолъ, отдать очи свои за него.

Павелъ много боролся съ тѣлесными недугами, какъ это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ намековъ въ его посланіяхъ, гдѣ онъ говоритъ, какъ удручаетъ его чувство человѣческой немощи. И это не должно казаться страннымъ; еще, бывши фарисеемъ, стремясь достигнуть законной святости, онъ не щадилъ своего тѣла. Новое его званіе еще менѣе позволяло ему беречь себя; онъ долженъ былъ въ одно и то же время снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ и напрягать всѣ свои силы по долгу апостольскаго служенія, переносить столько опасностей, терпѣть столько оскорбленій и побоевъ. И не слабое тѣло подъ такою тяжестію скоро могло пасть. Но съ чувствомъ человѣческой немощи тѣмъ сильнѣе въ немъ становилось сознаніе силы, возвышающейся надъ всѣмъ, что̀ можетъ сила человѣческая,—силы, которую онъ умѣлъ отличать отъ всего, что сознавалъ въ себѣ собственно человѣческаго,—той побѣдоносной силы Божіей, которая являлась чрезъ проповѣдываніе имъ Евангелія. Чувствуя свою человѣческую немощь, онъ еще болѣе однако же возвышался надъ самимъ собою внутрен-

ними откровеніями, сообщеніями съ высшимъ міромъ, коихъ былъ удостоиваемъ. У него была одна особенно тяжкая болѣзнь, которая даже останавливала порывы его возвышеннаго духа, и онъ смотрѣлъ на нее, какъ на посланное Богомъ наставленіе къ смиренію, какъ на уравновѣшивающее средство противъ моментовъ внутреннихъ озареній, достававшихся ему въ удѣлъ. Онъ говорилъ, что три раза просилъ Господа освободить его отъ этой тяжкой болѣзни; но гласъ Божій отвѣтствовалъ ему, что не долженъ онъ просить объ избавленіи себя отъ ощущенія человѣческой немощи; что ему должно быть достаточно сознанія сообщенной ему благодати, потому что сила Божія является такою тамъ, гдѣ даетъ себя ощущать и человѣческая немощь.

Это въ особенности открылось во время дѣйствованія его въ Галатіи. Его тѣло было удручено болѣзнію; но божественная сила его словъ и дѣйствій, состоя въ совершенной противоположности съ слабымъ органомъ, который служилъ ей орудіемъ, производила тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на сердца предрасположенныхъ. Пламенная ревность всѣмъ жертвующей любви, которая заставляла его въ самыхъ страданіяхъ своихъ съ радостію переносить все для спасенія другихъ, должна была тѣмъ съ большею силою привлекать къ нему сердца; и потому онъ могъ отозваться о расположеніи къ себѣ Галатянъ такъ, какъ онъ отзывается (4, 14. 15).

Церкви галатійскія состояли главнымъ образомъ изъ природныхъ язычниковъ; часть ихъ была прозелиты, для которыхъ іудейство было переходомъ къ христіанству; часть такихъ, которые прямо изъ язычества обратились къ христіанству. Къ этому основному составу церкви присоединились и нѣкоторые Іудеи, отличавшіеся своею пріемлемостію къ Евангелію отъ

большей массы своихъ невѣрующихъ единомышленниковъ. Чрезъ прозелитовъ и христіанъ изъ Іудеевъ не прекращались въ этой церкви и сношенія съ Іудеями; отсюда-то и надлежитъ производить тѣ движенія, какія мы видимъ въ церквахъ галатійскихъ впослѣдствіи.

Когда Павелъ оставилъ Галатію, то хотѣлъ онъ принять югозападное направленіе въ проконсульскую Азію, гдѣ лежалъ Ефесъ на берегу Егейскомъ. Но внутреннимъ гласомъ, или въ видѣніи ему было возвѣщено велѣніе Духа Божія, которое его удерживало отъ сего направленія. Съ своими сопутниками онъ пытался было идти чрезъ Мисію въ Виѳинію; но и на этомъ пути они были остановлены. Всѣ шаги ихъ, такъ сказать, были исчислены всесильнымъ ихъ Руководителемъ. Вездѣ должны они быть въ свое время. Эти ближайшія провинціи, болѣе представлявшія удобствъ для проповѣди, онъ долженъ былъ предоставить другимъ, а въ нѣкоторыхъ дѣйствовать уже позднѣе. Теперь оставался ему путь чрезъ Мисію въ Троаду и перейти на ту сторону Геллеспонта въ Европу. Едва прибылъ съ такимъ расположеніемъ Павелъ въ Троаду, ему явился во снѣ Македонянинъ, звавшій его къ себѣ на тотъ берегъ. Здѣсь же въ Троадѣ Павелъ нашелъ Луку, будущаго описателя его дѣйствій.

Первый городъ Македонскій, въ которомъ они остановились, былъ Филиппы. Количество жившихъ здѣсь Іудеевъ не такъ было велико, чтобы они могли имѣть у себя синагогу. Можетъ быть, здѣсь были только прозелиты; для молитвъ, для отправленія священнодѣйствій и необходимыхъ притомъ очищеній они имѣли обсаженную деревьями площадь при рѣкѣ (такъ назы-

ваемую προσευχή) [1]). Хотя здѣсь и не производилось такихъ поученій, какія въ іудейскихъ синагогахъ, однако по субботамъ прозелиты и въ особенности прозелитки сходились вмѣстѣ для молитвы и Павелъ могъ найти между ними такихъ людей, которые были готовы принять, что услышатъ отъ него. Онъ отправился утромъ въ субботу на рѣку съ своими спутниками и вступилъ въ собесѣдованіе о благочестивыхъ предметахъ съ городскими женщинами, собравшимися на молитву. Его слова сдѣлали впечатлѣніе на сердце одной купчихи Лидіи, изъ Θіатиры, лидійскаго города. По совершеніи богослуженія, она крестилась отъ нихъ со всѣмъ своимъ семействомъ и дала имъ пристанище въ своемъ домѣ. Отъ семейства Лидіи христіанство распространялось въ Филиппахъ. Такъ какъ въ этомъ городѣ не было или было весьма мало Іудеевъ, то христіанство не встрѣчало съ этой стороны никакого препятствія и, можетъ быть, не возбуждая никакого гоненія, пріобрѣло бы еще болѣе себѣ приверженцевъ, если бы не возстало противъ апостола корыстолюбіе нѣкоторыхъ изъ язычниковъ, коего коснулась его проповѣдь. Не предвареніе ли это того, что церковь въ Европѣ всего болѣе и будетъ страдать отъ язычниковъ?

Одна служанка, имѣвшая въ себѣ духа тьмы, чрезъ котораго предсказывала будущее и открывала сокровенное, слѣдуя за апостолами, въ слухъ народа говорила: вотъ рабы Божіи, они проповѣдуютъ вамъ путь спасенія. Неизвѣстно, что побуждало ее къ тому или лучше сказать — духа, жившаго въ ней. Страшился ли онъ быть изгнаннымъ изъ предсказа-

---

[1]) Tertull. de jeiun. cap. 16 пишетъ: iudaicum certe jeiunium ubique celebratur, qvum amissis templis *per omne litus qvocunqve in aperto* aliquando iam preces ad coelum mittant.

тельницы и потому заблаговременно хотѣлъ расположить къ ней Павла или находилъ неприличнымъ молчать о такихъ людяхъ, какъ духъ, которому должны быть они извѣстны,—только такіе отзывы повторялъ многократно, несмотря на то, что этимъ, по видимому, вредилъ самъ себѣ. Но апостолы также были далеки отъ того, чтобы принимать такія свидѣтельства въ свою пользу, какъ и Спаситель. Павелъ повелѣлъ духу выйти изъ прорицательницы: и служанка замолчала, перестала совсѣмъ предсказывать. Случай этотъ не имѣлъ бы другихъ послѣдствій, кромѣ исцѣленія служанки, еслибы господа ея не лишались богатыхъ доходовъ, какіе получали посредствомъ предсказаній. Раздраженные этимъ, они возмутили народъ, схватили Павла и Силу и представили городскому начальству — стратегамъ, какъ возмутителей покоя общественнаго, какъ проповѣдниковъ тайной религіи и обычаевъ, которые противны преждеустановленнымъ въ ихъ городѣ, какъ Іудеевъ, которые, въ противность законамъ имперіи, стараются навязать свою религію Римлянамъ. Начальники городскіе, не изслѣдовавъ дѣла, немедленно подвергли апостоловъ публичному тѣлесному наказанію: били ихъ палицами и потомъ заключили въ темницу.

Апостолы благодушно приняли все сіе за имя Христово. Ни темница, гдѣ закованы они были въ узы, ни безславіе, какому подверглись они въ виду своихъ послѣдователей, ни болѣзнь отъ ранъ, имъ нанесенныхъ, ни ожиданіе новыхъ истязаній на слѣдующій день, ни неисполненіе надеждъ, какія могло подавать видѣніе Македонянина въ Троадѣ, приглашавшаго ихъ къ себѣ,—ничто не повергло ихъ въ унынie. Они славословили Бога и въ слухъ заключенныхъ вмѣстѣ съ ними воспѣвали Ему хвалебныя пѣсни. Вдругъ въ полночь землетрясеніе поколебало ихъ темницу, раз-

верзло всѣ двери ея, разсторгло всѣ узы заключенныхъ. Не могло этого сдѣлать обыкновенное землетрясеніе. Скорѣе всѣ они могли быть погребены подъ развалинами зданія, нежели получить отъ землетрясенія полную свободу. Пробужденный имъ стражъ темницы въ ужасѣ, нашедши отверзтыми ея двери, хотѣлъ умертвить самъ себя: но остановленъ былъ апостоломъ Павломъ. Потребовавъ огня, онъ собственнымъ опытомъ удостовѣрился, что дѣйствительно никто изъ заключенныхъ не оставилъ темницы. Приписывая это чудо іудейскимъ пришельцамъ, стражъ бросился въ ноги Павлу и Силѣ и вѣроятно зная уже о ихъ проповѣди прежде, спрашивалъ ихъ, что ему дѣлать, чтобы спастись. Апостолы требовали отъ него, чтобы онъ вѣровалъ въ Іисуса Христа и крестился. Стражъ темничный не медлилъ исполненіемъ ихъ требованія и послѣ краткаго наставленія былъ крещенъ со всѣмъ своимъ домомъ. Въ чувствѣ благодарности къ своимъ благодѣтелямъ онъ взялъ ихъ изъ темницы въ свой домъ, омылъ ихъ раны, предложилъ имъ трапезу и такимъ образомъ слѣдующее утро встрѣчено было съ радостію.

Между тѣмъ городскіе начальники, или приведенные въ страхъ ночнымъ приключеніемъ, или извѣщенные стражемъ о необыкновенномъ происшествіи въ темницѣ, или по другимъ побужденіямъ, прислали было стражу темницы приказаніе выпустить апостоловъ на свободу.

Павелъ и Сила, претерпѣвъ мученія за имя Христово, хотѣли обратить теперь въ пользу Евангелія и настоящее расположеніе къ нимъ городскаго начальства. „Нѣтъ, отвѣчалъ Павелъ, насъ публично оскорбили, наказали безъ суда, били палками гражданъ римскихъ въ противность законамъ. Пусть же сами начальники явятся въ темницу, чтобы освободить насъ

изъ узъ и тѣмъ загладить свою вину. Безъ сомнѣнія, это должно было произвести сильное дѣйствіе на начальниковъ города, обратить болѣе вниманія на ихъ проповѣдь. Страхъ возмездія за оскорбленіе могъ расположить ихъ въ пользу новообразовавшагося общества христіанъ: тогда какъ если бы оставили апостолы темницу по одному приказанію начальства, могло остаться въ городѣ то несправедливое мнѣніе о нихъ и ихъ послѣдователяхъ, какое внушено было корыстолюбіемъ и злобою. Такъ Павелъ не хотѣлъ пренебрегать никакими средствами для пользы Евангелія. Начальники исполнили его желаніе и тѣмъ показали, какое впечатлѣніе произвели на нихъ поступки Павла и Силы. Однако же, вѣроятно, для того, чтобы не возбудить волненій въ народѣ, требовали, чтобы они оставили городъ. Павелъ и Сила не противились; зашедши только въ домъ Лидіи, они преподали увѣровавшимъ прощальное утѣшеніе и наставленіе. Но оставили вмѣсто себя продолжать начатое дѣло Тимоѳея и Луку. (О Тимоѳеѣ упоминается уже въ Веріи (Дѣян. 17, 14), и поелику Тимоѳей лично не былъ извѣстенъ Ѳессалоникійцамъ, то Павелъ его имъ и рекомендуетъ въ 1 посл. къ Ѳессал. 3, 2, а Лука доселѣ, со времени отправленія апостола Павла изъ Троады (16, 10), говорившій о немъ въ первомъ лицѣ множ. числа, теперь повѣствуетъ объ апостолѣ въ третьемъ лицѣ. Спустя лѣтъ пять или шесть Лука снова встрѣчается въ Филиппахъ (Дѣян. 20, 6). Неизвѣстно, все ли это время онъ провелъ здѣсь).

Христіане филиппійскіе такъ были расположены къ Павлу, что неоднократно посылали ему денежное вспоможеніе и въ Ѳессалонику (Филип. 4, 15. 16) и во время его пребыванія въ Римѣ присылали къ нему братію для соучастія въ скорбяхъ Его (ст. 14).

Павелъ и Сила направили путь свой въ отстоящій

на двадцать миль отъ Филиппъ городъ Ѳессалоники, самый большой изъ городовъ македонскихъ, гдѣ, какъ въ большомъ торговомъ городѣ, много жило Іудеевъ. Потому здѣсь можно было найти и синагогу. Въ продолженіи трехъ недѣль посѣщалъ ее Павелъ по субботамъ; обратилъ своею проповѣдію многихъ прозелитовъ и чрезъ нихъ отверзлась дверь проповѣди и язычникамъ. Сколько видно изъ 1 посл. къ Сол. 2, 10. 11, онъ не удовольствовался проповѣдывать только въ синагогѣ и слѣдовательно только по субботамъ, т. е. одинъ разъ въ недѣлю; если бы такъ, то онъ долженъ бы былъ ограничиться только немногимъ числомъ прозелитовъ, посѣщавшихъ синагогу. Для своихъ поученій въ синагогѣ онъ всегда избиралъ такую форму, какая особенно была ближе къ понятіямъ Іудеевъ. Въ такомъ случаѣ многое онъ могъ предполагать, многое оставлять безъ подробнаго раскрытія,—что̀ для язычниковъ надлежало раскрыть и прежде всего и обстоятельнѣе. Однако мы знаемъ изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, онъ умѣлъ очень хорошо различать точку зрѣнія и потребности Іудея и язычника и безъ сомнѣнія пользовался случаемъ обращать на то особенное вниманіе. Конечно и язычники, изъявившіе вниманіе къ его проповѣди, стали собираться въ особыхъ мѣстахъ слушать его; и изъ сихъ-то язычниковъ, самимъ Павломъ обращенныхъ къ вѣрѣ въ Единаго живаго Бога и Искупителя, образовалась по большей части церковь Ѳессалоникская.

Согласно съ словами Іисуса Христа (Мѳ. 10, 10), Павелъ считалъ справедливымъ, чтобы проповѣдники Евангелія получали себѣ содержаніе, котораго не могли сами себѣ снискивать, отъ тѣхъ, коимъ они преподаютъ несравненно высшія блага (1 Кор. 9, 14). Но самъ не хотѣлъ пользоваться этимъ правомъ и такимъ пожертвованіемъ собственнаго права хотѣлъ

только болѣе содѣйствовать успѣхамъ апостольской дѣятельности между язычниками. Такая совершенно безкорыстная любовь, всѣмъ жертвовавшая для блага другихъ, переносившая всѣ труды и лишенія безъ возмездія, должна была пріобрѣсти ему довѣренность многихъ и такихъ людей, которые, видя его ревность въ трудахъ, для нихъ непонятную, могли подозрѣвать его въ корыстныхъ побужденіяхъ. И ему тѣмъ нужнѣе было удалить отъ себя всякій поводъ къ такимъ подозрѣніямъ, что нѣкоторые іудейскіе прозелитотворцы дѣйствительно ихъ оправдывали. Его прежнее образованіе помогало ему вездѣ находить себѣ средства для содержанія. Павелъ, хотя назначался въ іудейскіе богословы, но, по господствовавшимъ въ школахъ нравиламъ, вмѣстѣ съ изученіемъ закона занимался плетеніемъ палатокъ, и это ремесло, по причинѣ особаго рода путешествованія на востокѣ и другихъ различныхъ употребленій палатокъ, могло имѣть хорошій сбытъ. Итакъ днемъ занятый попеченіемъ о духовныхъ потребностяхъ язычниковъ и новыхъ христіанъ, ночью долженъ былъ трудиться, чтобы доставить себѣ и спутникамъ своимъ содержаніе (1 Сол. 2, 1 — 9), доколѣ не получилъ изъ Филиппъ себѣ вспоможенія (Филип. 4, 14). Однако и въ такихъ случаяхъ онъ болѣе находилъ удовольствія въ томъ, чтобы давать, нежели въ томъ, чтобы принимать.

Павелъ постоянно публично проповѣдывалъ въ публичныхъ собраніяхъ, но посѣщалъ своихъ вѣрующихъ и порознь въ ихъ семействахъ (1 Сол. 11, 11. 12) и здѣсь въ частныхъ бесѣдахъ снова возвѣщалъ имъ важнѣйшія истины Евангелія. Онъ предостерегалъ ихъ отъ грозящихъ имъ опасностей и обыкновенно устремлялъ ихъ взоръ отъ скорбей земной жизни къ тому времени, когда придетъ Христосъ для того, чтобы торжественно открыть свое царство на

землѣ. Это время для тѣхъ, кто удостоенъ уже искупленія, не должно быть предметомъ страха, но радостныхъ, вожделѣнныхъ ожиданій. Однако же апостолъ училъ, что не должно назначать какого нибудь опредѣленнаго времени для явленія сего царства (1 Сол. 5, 1—3), или строить своимъ воображеніемъ какіе нибудь образы будущаго блаженства; надлежитъ помнить, что должно еще перенести много скорбей, чтобы его достигнуть (1 Сол. 3, 4). Особенно страшенъ человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, превозносящійся выше всего называемаго Богомъ или священнымъ (2 Сол. 1, 3—5).

Въ разсужденіи нравственности Павелъ старался предостеречь отъ того недоразумѣнія, которое такъ близко было къ поверхностному обращенію и которое въ особенности могло произойти отъ смѣшенія іудейскихъ понятій о вѣрѣ съ христіанскимъ о ней ученіемъ, изъ того начала: будто одно вѣрованіе безъ совершеннаго измѣненія жизни можетъ имѣть достоинство; будто кто отречется отъ идоловъ и увѣруетъ въ Іисуса Мессію, тотъ уже можетъ обѣщать себѣ безопасность отъ наказаній, угрожающихъ невѣрнымъ. Онъ часто самымъ выразительнымъ образомъ напоминалъ имъ, что они въ цѣлой жизни должны показывать перемѣну; что они становятся еще виновнѣе, когда вмѣсто того, чтобы, посвятивши себя Богу служить Ему жизнію святою, возвращаются къ прежнимъ порокамъ и оскверняютъ себя, сдѣлавшись жилищемъ Духа Святаго (1 Сол. 4, 2. 6; 2, 12).

Но великое участіе, принимаемое язычниками въ проповѣди евангельской возбудило тѣмъ сильнѣйшій фанатизмъ и ревность въ многочисленныхъ Іудеяхъ, для которыхъ горько было слышать и то, что предлагалось въ синагогахъ, а еще болѣе такого могло найтись въ частныхъ бесѣдахъ апостола съ вѣрую-

щими. Они успѣли произвести возмущеніе въ народѣ и часть его устремилась въ домъ христіанина Іасона, гдѣ жилъ Павелъ. Самого апостола здѣсь не нашли; но Іасонъ и нѣкоторые другіе изъ христіанъ были представлены судилищу. (Такъ какъ гоненіе происходило отъ Іудеевъ, а язычники здѣсь были только орудіемъ, то противъ апостоловъ были представлены другія обвиненія, нежели какія въ Филиппахъ (Дѣян. 16, 20. 21). Здѣсь нельзя было обвинять ихъ въ томъ, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ, что они нарушаютъ спокойствіе Іудеевъ, которымъ предоставлено законами свободное отправленіе своей религіи,— возбуждая между ними раздѣленія. Къ такимъ обвиненіямъ они не имѣли повода, потому что Павелъ большею частію дѣйствовалъ между язычниками; да и мало бы они успѣли сдѣлать съ этимъ обвиненіемъ у такого начальства, которое не было къ нимъ особеннымъ образомъ расположено. Всего болѣе могло имѣть силу обвиненіе политическое, crimen majestatis, такъ какъ впослѣдствіи враги христіанства въ самомъ дѣлѣ часто имъ дѣйствовали противъ христіанъ. Такъ какъ Павелъ много говорилъ въ Θессалоникахъ о предстоящемъ царствѣ Христовомъ, то это и послужило поводомъ къ клеветѣ противъ него, будто онъ учитъ признавать государемъ не царствующаго въ Римѣ государя, а какого-то Іисуса (Дѣян. 17, 6. 7). Однако начальники сами скоро увидѣли несправедливость такихъ обвиненій и когда Іасонъ и друзья его поручились, что никакого возмущенія со стороны проповѣдниковъ ожидать нельзя и что Павелъ съ своимъ спутникомъ скоро сами оставятъ городъ, то немедленно были отпущены.

И еще въ ночь, которая слѣдовала за днемъ возмущенія, Павелъ и Сила оставили городъ послѣ трехъ или четырех-недѣльнаго пребыванія. Такъ какъ

Павелъ по этимъ обстоятельствамъ долженъ былъ удалиться отсюда ранѣе, нежели какъ позволяло состояніе церкви, то онъ очень озабочивался, особенно предвидя, что новые христіане будутъ и впослѣдствіи не мало терпѣть отъ раздражаемыхъ Іудеями язычниковъ. Поэтому онъ имѣлъ намѣреніе, какъ только волненіе поутихнетъ, опять идти туда (1 Сол. 2, 18). Но это намѣреніе осталось безъ исполненія.

Въ Веріи, отстоящей отъ Ѳессалоникъ около десяти миль, ихъ лучше приняли Іудеи; много обратилось и язычниковъ. Но возбужденное Ѳессалоникскими Іудеями возмущеніе понудило Павла скоро оставить этотъ городъ. Сопровождаемый нѣкоторыми изъ вѣрующихъ, онъ взялъ путь въ Аѳины: Сила и Тимоѳей остались въ Веріи.

Сколько ни малозначительны были сначала дѣйствія проповѣди апостола Павла въ Аѳинахъ, однако явленіе его здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ достопримѣчательнѣйшимъ событіямъ христіанскаго міра. Павелъ является съ ученіемъ, которое своею божественною силою должно преобразовать образъ жизни и мыслей древняго міра,—въ такомъ городѣ, который былъ источникомъ греческой образованности и философіи, которому былъ обязанъ своею образованностію весь римскій міръ, который вмѣстѣ былъ средоточіемъ греческаго богослуженія и съ одушевленною привязанностію ко всему древнему греческому сохранялъ крѣпче другихъ привязанность къ древне-греческому богослуженію (оно удержалось въ немъ до IV столѣтія). Ревность почитанія боговъ, изъ коихъ каждый здѣсь имѣлъ свой храмъ и свои алтари, каждый былъ прославленъ памятниками искусства,—была славою Аѳинъ въ древнемъ мірѣ.

Сначала Павелъ намѣренъ былъ дожидаться прибытія Тимоѳея и Силы, чтобы открыть здѣсь свои

дѣйствія и потому съ возвращающимися въ Вѣрію проводниками наказывалъ имъ, какъ можно скорѣе, приходить въ Аѳины. Но видя себя окруженнымъ идолами, жертвенниками и храмами—твореніями искусства, предвосхищающими честь, принадлежащую единому живому Богу, онъ не могъ долго противостоять влеченію святой ревности—свидѣтельствовать о томъ, кто зоветъ заблудшихъ къ покаянію и обѣщаетъ имъ спасеніе. Онъ проповѣдывалъ не только въ синагогѣ Іудеямъ и прозелитамъ, не дожидался здѣсь того, чтобы, какъ въ другихъ городахъ, чрезъ прозелитовъ найти себѣ путь къ язычникамъ. Такъ какъ съ давнихъ временъ было въ Аѳинахъ въ обычаѣ сходиться подъ покрытыми портиками на публичныхъ площадяхъ для разсужденія о дѣлахъ маловажныхъ и значительныхъ, а въ настоящее время, также какъ при Демосѳенѣ, собиралось такое множество людей, которые ничѣмъ столько не дорожили, какъ новостями,-то и Павелъ каждый день являлся сюда, чтобы съ текущими разговорами какъ нибудь связать и свои бесѣды о предметахъ, важнѣйшихъ для человѣка. (Одушевлявшій его энтузіазмъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ энтузіазмомъ фанатиковъ, который, увлекаясь одностороннимъ направленіемъ своего сердца, не можетъ видѣть, что это самое его направленіе служитъ для другихъ препятствіемъ, чтобы признать за истину, что представляется такимъ ему). Онъ очень хорошо зналъ, какъ самъ говоритъ, что проповѣдь о распятомъ Спасителѣ человѣчества можетъ казаться буйствомъ мудрецамъ вѣка сего, доколѣ они сами еще глупы, доколѣ, т. е. не познали недостаточности своей мудрости для познанія предметовъ божественныхъ, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей человѣка (1 Кор. 1, 23—9, 18). Но онъ не стыдился, какъ самъ же опять признается, свидѣ-

тельствовать предъ мудрыми, также какъ и невѣждами, еллинами и варварами о томъ, въ чемъ, по собственному опыту, онъ находилъ силу Божію, творящую блаженными всѣхъ принимающихъ это съ вѣрою (Рим. 1, 16). Площадь (ἀγορά, прежде ἐρετρία), на которую онъ являлся, была близко къ мѣсту собранія философовъ (στοά ποικίλη). И здѣсь онъ сталкивался съ философами эпикурейской и стоической школы. Обращая вниманіе на взаимное отношеніе философіи стоической и эпикурейской; зная, что стоики признавали божество вседѣйствующимъ началомъ во вселенной и въ натурѣ человѣческой, что они были одушевлены стремленіемъ къ идеалу, основанному въ нравственной природѣ человѣка, опираясь на религіозныя потребности человѣка и свидѣтельствующія о томъ преданія,—а эпикурейцы, хотя оставляли существованіе вѣрѣ въ боговъ, но представляли изъ нея что-то праздное, случайное, совершенно лишнее; высочайшею цѣлію человѣческаго стремленія поставляли удовольствіе и надъ существующими религіями издѣвались, какъ надъ произведеніями человѣческаго безсилія и устрашающимъ призракомъ, — принимая все это во вниманіе, можно было бы заключать, что стоики были ближе къ христіанству, нежели эпикурейцы. Однако отсюда еще не слѣдовало, чтобы они вдругъ могли принять его съ благосклонностію. Ученію, которое требовало покаянія и слѣдовъ самоуничиженія, проповѣдывало отпущеніе грѣховъ, благодать и оправданіе чрезъ вѣру,—этому ученію въ нихъ сильно противорѣчила мысль о нравственномъ самодовольствѣ мудраго. Ихъ высочайшее божество, — живущій во вселенной, безсознательный, вѣчный умъ былъ не тотъ живой Богъ, не тотъ небесный Отецъ съ своею любовію, какого проповѣдывало Евангеліе. Богъ христіанскій долженъ былъ казаться стоикамъ слишкомъ

человѣческимъ существомъ. Наконецъ стоики и эпикурейцы сходились между собою, къ новому вреду для христіанства, въ томъ, что зараженные своею философскою гордостію не могли безъ презрѣнія смотрѣть на ученіе, предлагаемое въ іудейскихъ краскахъ, не развиваемое въ философской формѣ; для нихъ оно было народною вѣрою, на которую философъ позволяетъ себѣ смотрѣть съ сожалѣніемъ.

Впрочемъ нѣкоторымъ изъ собиравшихся сюда было по крайней мѣрѣ любопытно услышать что бы то ни было новое; поэтому имъ было очень желательно получить болѣе подробныя свѣдѣнія о чужомъ богѣ. Они возвели Павла на тотъ холмъ, гдѣ обыкновенно собирался первый трибуналъ аѳинскій — Ареопагъ и гдѣ удобнѣе можно было найти мѣсто, чтобы его могли слышать многіе. Рѣчь Павла передъ этимъ собраніемъ есть живое доказательство его апостольской мудрости и краснорѣчія; мы видимъ здѣсь, какъ Павелъ, по собственному его выраженію, могъ быть язычникомъ для язычниковъ, чтобы язычниковъ пріобрѣсть Евангелію.

Казалось бы, уже по одному чувству, воспитываемому въ сердцѣ каждаго благочестиваго іудеянина съ самой юности, по одной пламенной ревности къ славѣ своего Бога, одушевлявшей апостола, Павелъ долженъ былъ исполниться отвращенія при воззрѣніи на окружающее его идолопоклонство и легко могъ позволить себѣ такъ говорить, какъ внушало это чувство. Но вмѣсто того, чтобы начать рѣчь свою изъявленіемъ этого своего отвращенія, вмѣсто того, чтобы прямо опровергать заблужденіе, онъ отыскалъ лежащую въ основаніи его истину и стараясь возбудить въ своихъ слушателяхъ подавленное силою этого заблужденія врожденное сознаніе о Богѣ, покушался мало по малу возвесть ихъ къ тому, кого

пришелъ возвѣстить имъ. Какъ говоря съ іудеями, у которыхъ сознаніе о Богѣ подъ вліяніемъ Божественнаго Откровенія постоянно возводимо было къ ясной и чистой идеѣ о Мессіи,—могъ Павелъ ссылаться на всю исторію теократіи, на законъ и пророковъ: такъ здѣсь онъ ссылался на неотрицаемое естественное требованіе Божества недовѣдомаго. Онъ началъ свою рѣчь тою мыслію, что въ религіозной ревности Аѳинянъ выражается хотя неправильно, однако не безъ основанія, дѣйствительно религіозное чувство, непреодолимое влеченіе сердца къ божественному; нельзя не одобрить ихъ благочестія, которое между прочими алтарями поставило одинъ и Божеству неизвѣстному [1]). Эта надпись по смыслу тѣхъ, кто ее сдѣлалъ, конечно, не означала того, чтобы они были исполнены благоговѣнія къ какому-то возвышенному надъ всѣми другими богами неизвѣстному божеству, но только то, что они считали виновникомъ пріятныхъ и непріятныхъ съ собою приключеній, кромѣ извѣстныхъ, и еще одного неизвѣстнаго Бога, и эта неизвѣстность въ отношеніи къ полнотѣ Богопочитанія тѣсно соединяется съ политеизмомъ; онъ по самой природѣ своей долженъ быть безконеченъ. Но Павелъ, давъ этой надписи болѣе глубокій смыслъ, употребилъ ее въ основаніе къ тому, чтобы въ ней

---

1) Въ Аѳинахъ были жертвенники богамъ неизвѣстнымъ. Pausan. 1, 1, 4, βωμοὶ Θεῶν τῶν ὀνομαζομένων ἀγνώστων καὶ ἡρώων.—Philostrat. in vit. Apollon. 6, 2. Ἀθηναίοις, οὓς καὶ ἀγνώστων Θεῶν βωμοὶ ἱδρύνται. Итакъ самый фактъ несомнѣненъ. Происхожденіе такихъ жертвенниковъ объясняютъ примѣромъ, извѣстнымъ изъ Діогена Лаэрція. Бл. Іеронимъ (ad Tit. 1, 12) говоритъ, что въ Аѳинахъ не было собственно такой надписи, какая приводится въ рѣчи ап. Павла: ἀγνώστῳ Θεῷ, но былъ жертвенникъ съ надписями: Diis Asiae, et Europae et Africae, diis ignotis et peregrinis (и у Экуменія приводится надпись: Θεοῖς Ἀσίας καὶ Εὐρώπης καὶ.... Θεῷ ἀγνώστῳ καὶ ξένῳ). Но такой надписи неизвѣстно по дошедшимъ до насъ памятникамъ и описаніямъ. Нужно допустить, что Апостолъ измѣнилъ надпись и представилъ ее въ другомъ видѣ.

указать высшее, несознаваемое политеизмомъ, но лежащее въ его основаніи, стремленіе. (Политеизмъ происходитъ отъ чувства зависимости отъ высшей недовѣдомой силы, съ которою человѣкъ имѣетъ потребность состоять въ правильномъ отношеніи; но вмѣсто того, чтобы, слѣдуя этому чувству, перейти отъ сознанія чего-то вышеестественнаго, сроднаго съ Божествомъ въ своей природѣ, къ сознанію о Божествѣ, витающемъ надъ всею природою,—онъ останавливается на натурѣ, дѣйствующей на него чувственно. То, что дѣлаетъ онъ теперь предметомъ своего почитанія, уже много разнится отъ того, чѣмъ было занято первоначальное его религіозное чувство). На всю религію аѳинянъ апостолъ смотритъ, какъ на почитаніе одного имъ самимъ недовѣдомаго Божества и объявляетъ себя человѣкомъ, который хочетъ привести къ ясному сознанію ихъ отношеній къ нему. Сего-то Бога, говоритъ онъ, котораго вы, не зная, почитаете, я проповѣдаю вамъ. Это Богъ, Который сотворилъ міръ и все, что въ немъ. Онъ, Господь неба и земли, живетъ не въ храмахъ, созданныхъ руками человѣческими; Онъ не требуетъ себѣ служенія рукъ человѣческихъ; Онъ вседовольный, Самъ всему даровалъ жизнь и дыханіе и все. Отъ Него получилъ начало и весь родъ человѣческій и Онъ же направляетъ развитіе всѣхъ частей его къ одной цѣли. Онъ произвелъ всѣ народы земные отъ одного человѣка и въ распространеніи народовъ по землѣ господствуетъ не случай, но Его промышленіе; Онъ каждому народу указалъ его жилище; Онъ назначилъ исторіи народовъ свои періоды (мѣстное и временное развитіе народовъ—все зависитъ отъ Его всеправящей премудрости). А открываетъ Себя такимъ образомъ въ судьбахъ народовъ съ тою цѣлію, чтобы заставить людей искать Его. Не сознаютъ ли

они Его, не найдутъ-ли Его? Сознать Того, Кто не далеко отъ каждаго изъ насъ, въ Комъ источникъ нашего бытія, очень легко. Въ доказательство сознанія этого первоначальнаго сродства съ Божествомъ Павелъ приводитъ язычникамъ слово одного изъ нихъ, стихотворца Арата, соотечественника апостола: „мы Его и родъ.“ Послѣ этого указанія на всеобщее высшее самосознаніе, Павелъ заключаетъ: если же мы родъ Божій, то не должны думать, что Божество подобно какой-нибудь земной матеріи или образцу человѣческаго искусства. Въ этомъ отрицательномъ выводѣ заключалось слѣдующее положительное ученіе: мы напротивъ болѣе должны возноситься къ Божеству тѣмъ самымъ, что въ насъ есть отъ рода Божественнаго. Но вмѣсто того, чтобы вести далѣе полемику противъ идолопоклонства, апостолъ оставляетъ своихъ слушателей ихъ собственной совѣсти; и положивъ такимъ образомъ въ основаніе сознаніе виновности, но не развивая его далѣе, немедленно присоединилъ къ нему проповѣдь о Евангеліи. Долго, терпѣливо перенося эти времена невѣжества, Богъ объявляетъ теперь истину всѣмъ и призываетъ всѣхъ къ покаянію. Затѣмъ слѣдовала проповѣдь объ Искупителѣ, о даруемомъ Имъ прощеніи грѣховъ, о Его воскресеніи, которое служитъ подтвержденіемъ Его ученію и залогомъ воскресенія къ блаженной жизни для вѣрующихъ, о имѣющемъ быть судѣ. Доколѣ апостолъ развивалъ истины, имѣющія основаніе свое во всеобщемъ богосознаніи, дотолѣ слушатели его, привыкшіе къ урокамъ еллинской философіи, были къ нему внимательны. Но какъ скоро онъ коснулся ученія, которымъ христіанская философія необходимо входила въ противорѣчіе съ языческою, какъ скоро онъ заговорилъ о воскресеніи мертвыхъ, тотчасъ нѣкоторые изъ его слушателей прервали рѣчь его съ

насмѣшкою; другіе просили его поговорить объ этомъ въ другой разъ, — что означало или только отказъ, или можетъ быть и искреннее желаніе получить дальнѣйшее наставленіе относительно этого предмета его ученія. Немногіе пристали къ апостолу, между ними былъ одинъ членъ ареопага Діонисій, который въ особенности потомъ послужилъ къ основанію церкви въ Аѳинахъ и былъ ея предстоятелемъ [2]).

Въ то время какъ Павелъ находился въ Аѳинахъ, Тимоѳей хотя и возвратился къ нему изъ Македоніи (Дѣян. 17, 15. 1 Сол. 3, 1), но Павелъ, заботясь о новой церкви Ѳессалоникской, послалъ опять его въ Ѳессалонику для укрѣпленія ея въ вѣрѣ и утѣшенія въ страданіяхъ, какія она должна была терпѣть. Тимоѳей сообщилъ ему нѣкоторыя очень непріятныя извѣстія о гоненіяхъ, коснувшихся этой церкви.

Поэтому апостолъ изъ Аѳинъ одинъ пришелъ въ столицу Ахаіи, Коринѳъ. Этотъ городъ, за пятьдесятъ предъ тѣмъ лѣтъ разрушенный Юліемъ Цезаремъ и потомъ опять возстановленный, снова былъ средоточіемъ торговли и сношеній между восточною и западною римскою имперіею; къ этому назначало его самое его положеніе: двѣ его пристани, одна отъ Малой Азіи Κεγχρέαι, другая отъ Италіи Λέχαιον. По такому своему положенію Коринѳъ могъ быть очень важнымъ средоточіемъ для распространенія христіанства въ большей части римской имперіи; и Павелъ, принимая во вниманіе эту выгоду по мѣстности, избралъ его мѣстомъ долговременнѣйшаго пребыванія. Но здѣсь были особенно сильныя препятствія распространенію христіанства, и тѣ же самыя причины, которыя препятствовали первому пріятію Евангелія, угрожали опасностію чистотѣ христіанства въ ученіи и

[2]) Eveeb. Hiftor, IV. 23.

жизни даже и тогда, когда, преодолѣвъ препятствія, оно будетъ тамъ принято. Оба противоположныя направленія религіознаго духа, которыя вообще тогда препятствовали распространенію христіанства, господствовали въ Коринѳѣ съ нарочитою силою: во первыхъ одностороннее любовѣдѣніе въ религіи, заглушавшее собою живыя практическія потребности,—направленіе, которое Павелъ назвалъ „исканіемъ премудрости“, во вторыхъ, чувственность, покоряющая себѣ религіозное чувство, грубое плотское чувство, которое хотѣло сдѣлать божественное предметомъ чувственнаго опыта,—направленіе, которое Павелъ назвалъ „исканіемъ знаменій“. Первое господствовало въ большей части тѣхъ изъ Коринѳянъ, которые имѣли притязаніе на образованность; новый Коринѳъ отличался отъ древняго тѣмъ, что былъ вмѣстѣ покровителемъ литературы и школъ философскихъ. Второе направленіе господствовало въ особенности между Іудеями, которыхъ въ Коринѳѣ, какъ торговомъ городѣ, было много; въ нихъ преобладало обыкновенное чувственное понятіе о Мессіи. Кромѣ этого распространенію и дѣйствіямъ христіанства противилось здѣсь сильное развращеніе нравовъ. Хотя оно господствовало тогда во всѣхъ великихъ городахъ римской имперіи, но въ Коринѳѣ было усиливаемо почитаніемъ Венеры, которой здѣсь былъ построенъ знаменитый храмъ, и всѣми удобствами для удовлетворенія чувственности въ торговомъ и приморскомъ городѣ.

Для дѣйствованія Павла въ Коринѳѣ нѣкоторымъ пособіемъ было то, что онъ нашелъ здѣсь ревностнаго сотрудника въ дѣлѣ Евангелія изъ Іудеевъ Аквилу изъ Понта, у котораго могъ и жить въ домѣ и находить работу для снисканія себѣ содержанія. Вѣроятнымъ кажется, что Аквила имѣлъ большія заведенія по тому ремеслу, которымъ содержался Павелъ, и что онъ, не имѣя

постояннаго пребыванія въ Римѣ, въ различныя времена останавливался въ различныхъ на пути лежащихъ торговыхъ городахъ, какъ то, Коринѳѣ, Ефесѣ и др. поэтому нигдѣ не былъ чужой. Но въ это время онъ противъ воли долженъ былъ оставить Римъ по указу императора Клавдія, которымъ онъ всѣхъ Іудеевъ, жившихъ здѣсь въ великомъ количествѣ, за безпокойный и возмутительный духъ осуждалъ на изгнаніе. Былъ ли онъ до этого времени христіаниномъ, съ достовѣрностію опредѣлить нельзя. Но во всякомъ случаѣ его обращеніе съ Павломъ должно было имѣть великое вліяніе на образованіе его христіанскихъ свѣдѣній. Аквила является съ этого времени ревностнымъ проповѣдникомъ Евангелія, и его различныя путешествія и перемѣны жительства могли доставлять ему довольно къ тому случаевъ. Даже жена его Прискилла отличалась дѣятельнымъ усердіемъ въ пользу христіанства; почему обоихъ ихъ Павелъ (Рим. 16, 3) назвалъ сотрудниками своими въ дѣлѣ Господнемъ.

Можно себѣ представить, что пріемъ проповѣди Евангелія въ Аѳинахъ долженъ былъ произвесть очень непріятное впечатлѣніе на сердце апостола. Поэтому онъ самъ говорилъ, что пришелъ къ Коринѳянамъ въ чувствѣ своей человѣческой немощи, со страхомъ и трепетомъ, когда т. е. смотрѣлъ на свою человѣческую силу, но вмѣстѣ тѣмъ съ большимъ упованіемъ на силу Божію, дѣйствующую чрезъ него въ проповѣди. Онъ уже въ Аѳинахъ испыталъ, что ничего не помогало быть для еллиновъ еллиномъ по мудрости, коль скоро внутренняя потребность не откроетъ доступа въ сердце. Итакъ въ Коринѳѣ онъ хотѣлъ все дѣйствіе предоставить простому слову объ Искупителѣ, умершемъ за спасеніе растлѣннаго грѣхомъ человѣчества. И онъ не хотѣлъ ничего знать, кромѣ Іисуса Христа и Того распятаго. Даже въ Коринѳѣ онъ не столько вступалъ въ

сношенія съ высшимъ классомъ людей, какъ въ Аѳинахъ, но по большей части съ людьми низшихъ состояній, которые не имѣли такой образованности; уже довольно спустя времени послѣ этой проповѣди, когда христіанство могло распространиться и между высшими состояніями, Павелъ могъ сказать, что въ Коринѳѣ между христіанами немного находилось людей, отличныхъ по человѣческой образованности и высокости состоянія, что Богъ избралъ себѣ между ними уничиженныхъ міромъ, чтобы въ нихъ тѣмъ яснѣе явить силу Евангелія (1 Кор. 1, 26 и слѣд.). Между этими людьми низшихъ состояній были такіе, которые доселѣ предавались порокамъ, господствовавшимъ въ этой столицѣ развращенія нравовъ, — и которые проповѣдію апостола были обращены къ раскаянію и испытали въ своемъ сердцѣ силу проповѣди объ отпущеніи грѣховъ (1 Кор. 6, 11). Хотя могъ Павелъ ссылаться и на чудеса въ засвидѣтельствованіе своего апостольскаго призванія (2 Кор. 12, 12); однако не въ этихъ чувственныхъ дѣйствіяхъ проповѣдь Евангелія находила себѣ преимущественное подкрѣпленіе въ Коринѳѣ. Какъ для любомудрствующихъ еллиновъ, доколѣ они пребыли во мракѣ своей мудрости, Евангеліе казалось буйствомъ: такъ для ищущихъ знаменій іудеевъ, доколѣ они требовали только внѣшнихъ чудесъ и не открывали своего сердца для принятія духовныхъ дѣйствій божественной силы, Евангеліе, проповѣдывавшее Мессію, какъ царя духовнаго, преобразователя всей жизни, всегда должно было оставаться соблазномъ. Доказательства, какія употреблялъ Павелъ въ Коринѳѣ въ пользу Евангелія, были доказательства, которыя во всѣ времена самымъ сильнымъ образомъ подкрѣпляли проповѣдь,—безъ которыхъ всякія другія доказательства и пособія были напрасны—доказательства Духа

и силы (1 Кор. 2, 4), т. е. опыты тѣхъ дѣйствій Евангелія, какіе оно своею божественною силою производило на сердца, къ тому приготовленныя чувствомъ нравственныхъ потребностей. Въ такомъ случаѣ ищущіе знаменій Іудеи, обращаясь къ вѣрѣ, могли видѣть въ Евангеліи силу Божію гораздо въ яснѣйшемъ свѣтѣ, нежели во всѣхъ чувственныхъ чудесахъ, и вѣрующіе изъ ищущихъ мудрости еллиновъ находить въ Евангеліи божественную премудростѣ, въ сравненіи съ которою всякая премудрость философовъ ничто.

Хотя проповѣдь Евангелія въ синагогѣ Коринѳской была не такъ хорошо принята большею частію Іудеевъ, Павелъ однако же не переставалъ свидѣтельствовать имъ о Іисусѣ Христѣ, особенно когда прибыли къ нему еще Тимоѳей и Сила. Но не видя болѣе успѣховъ, онъ обратился съ своею проповѣдію къ язычникамъ, и новая церковь образовалась по большей части изъ язычниковъ; къ нимъ пристали весьма немногіе изъ Іудеевъ. Въ сихъ трудахъ онъ былъ подкрѣпленъ Божественнымъ видѣніемъ, которое раскрыло ему, что здѣсь много найдется людей, готовыхъ къ принятію проповѣди.

Между тѣмъ усердіе, съ какимъ принято было Евангеліе язычниками, возбудило тѣмъ сильнѣйшую ненависть въ Іудеяхъ, и они воспользовались прибытіемъ новаго проконсула Аннея Галліона, брата знаменитаго философа Сенеки, чтобы обвинить предъ нимъ Павла. Такъ какъ имъ предоставлено было право отправлять всѣ религіозныя дѣйствія по своимъ уставамъ, то они отсюда выводили, что тотъ, кто распространеніемъ между ними ученія противорѣчащаго ихъ уставамъ, производитъ между ними раздѣленія, тотъ, какъ нарушитель ихъ правъ, виновенъ въ преступленіи законовъ имперіи. Но проконсулъ,

человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ (dulcis Gallio) не изъявилъ нисколько охоты вмѣшиваться въ религіозные споры Іудеевъ, которые римскому политику могли показаться пустыми словопреніями. И язычники не опустили случая сами выразить свое неудовольствіе противъ обвинителей: они бросились на Сосѳена, начальника синагоги, и прибили его предъ самымъ судилищемъ. Послѣ того апостолъ тѣмъ съ большимъ спокойствіемъ могъ продолжать свои дѣйствія въ этихъ мѣстахъ и по всей Ахаіи (1 Сол. 1, 8; 2 Сол. 1, 4 и 2 Кор. 1, 1).

Тимоѳей возвратился къ нему изъ Ѳессалоникъ съ извѣстіемъ о состояніи тамошней церкви, впрочемъ, не совсѣмъ радостными. Хотя христіане Ѳессалоникскіе и сохраняли свою вѣру при непрерывныхъ гоненіяхъ, но нѣкоторые не совсѣмъ были чисты отъ соблазна языческой развращенности (1 Сол. 4, 3 и слѣд. 5, 4 и слѣд.). Въ нѣкоторыхъ ожиданіе пришествія Іисуса Христа получило мечтательное направленіе, такъ что они оставили свои работы и ожидали себѣ содержанія отъ щедрости зажиточныхъ членовъ церкви. Въ церковныхъ собраніяхъ являлись пророки, которые смѣшивали внушеніе Духа Божія съ мечтами собственнаго воображенія; другіе, зная эту ихъ мечтательность, такъ далеко заходили въ противоположную отъ нихъ сторону, что уничижали и всякія явленія истиннаго вдохновенія (1 Сол. 5, 19. *Духа неугашайте*). Принимая все это во вниманіе, Павелъ нашелъ нужнымъ отправить къ этой церкви ободрительное и увѣщательное посланіе.

Онъ напоминаетъ въ этомъ посланіи христіанамъ Ѳессалоникскимъ, какъ онъ дѣйствовалъ между ними, какія давалъ наставленія, указываетъ на собственный примѣръ трудолюбія; успокоиваетъ ихъ опасенія относительно судьбы умершихъ въ это время, предо-

стерегаетъ отъ покушеній назначать время пришествія Іисуса Христа. Это время придетъ неожиданно; этого времени не высчитаете; христіане всегда должны быть къ нему готовы. Они не должны блуждать во мракѣ, чтобы не засталъ ихъ этотъ день, какъ тать въ ночи; какъ дѣти свѣта, они всегда должны ходить во свѣтѣ; постоянно бдѣть надъ собою, чтобы съ радостію встрѣтить день явленія Господня.

Спустя нѣсколько времени Павелъ узналъ, что это посланіе не достигло своей цѣли. Мечтательное направленіе между нѣкоторыми членами церкви Θессалоникской усилилось еще болѣе. Еще тогда онъ хотѣлъ своимъ посланіемъ отвести ихъ отъ обѣихъ противоположностей и отъ совершеннаго пренебреженія къ пророческимъ внушеніямъ, внушая *вся искушающе добрая держать*. Значитъ еще тогда имѣлъ причины подозрѣвать опасность со стороны излишняго довѣрія ко всему, что выдается за пророчество. Теперь узналъ онъ, что дѣйствительно въ церкви Θессалоникской явились люди, которые думали имѣть откровенія о томъ, что явленіе Господа весьма близко. Разглашались даже искаженныя предсказанія самого апостола, данныя имъ во время его пребыванія въ Θессаликахъ, которыми подтверждались эти откровенія. Но такъ какъ посланіе Павлово ясно противорѣчило этому мечтательному направленію, которое хотѣло знать что нибудь опредѣленное о времени пришествія Христова, то одинъ изъ этихъ мечтателей зашелъ такъ далеко, что выдумалъ другое посланіе отъ имени Павла, которымъ подкрѣплялись его ожиданія (2 Сол. 2, 2.). Это направленіе имѣло еще и то вредное вліяніе, что отъ него усилилась праздность и съ пренебреженіемъ своихъ дѣлъ охота вмѣшиваться въ чужія (3, 6. 7.). Поэтому Павелъ счелъ за нужное послать въ Θессалоники еще посланіе. Въ

немъ Павелъ, предостерегая отъ напрасныхъ ожиданій послѣдняго рѣшительнаго времени, обращаетъ вниманіе на признаки, долженствующіе ему предшествовать.

Такъ какъ Павелъ по причинѣ множества дѣлъ не писалъ посланій собственноручно (Рим. 16, 22), но диктовалъ ихъ другому, какъ это водилось у древнихъ, и только прибавлялъ что нибудь своею рукою на концѣ (1 Кор. 16, 21), то и поставилъ это постояннымъ признакомъ, по которому могутъ отличаться его подлинныя посланія отъ подложныхъ (2 Сол. 3. послѣдніе стихи).

Занимаясь такимъ образомъ около полутора года распространеніемъ христіанства въ Коринѳѣ и его окрестностяхъ, Павелъ наконецъ заключилъ этотъ періодъ своихъ отдѣльныхъ дѣйствій между язычниками отправленіемъ въ Іерусалимъ.

Отправленіе Апостола Павла въ Антіохію и новое путешествіе для проповѣди между народами языческими.

Прежде нежели заняться дальнѣйшимъ распространеніемъ христіанства между народами языческими, Павелъ положилъ намѣреніе посѣтить Антіохію, средоточіе церквей, образованныхъ изъ язычниковъ, гдѣ, можетъ быть, приготовлялось свиданіе съ другими проповѣдниками. Съ этою цѣлію его путешествія, повидимому, соединялась и другая. Онъ всегда старается воспрепятствовать открытію раздѣленія между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ и отнять у іудеевъ и христіанъ изъ іудеевъ всякій даже мнимый предлогъ къ обвиненію, будто онъ врагъ своего народа и отечественной религіи. Поэтому онъ рѣшился посѣтить теперь и столицу іудейства, чтобы воздать благодареніе Богу отцевъ своихъ и при томъ, по обычаю іудейскому, въ храмѣ публично, и такимъ образомъ самымъ дѣломъ опровергнуть то обвиненіе.

Тогда у іудеевъ было въ обыкновеніи (вѣроятно взято съ обѣтовъ назорейства) подвергшимся какой нибудь болѣзни, или другому какому нибудь важному бѣдствію, давать обѣтъ: если избавлюсь отъ этой напасти, то принесу Іеговѣ жертву благодаренія въ храмѣ, тридцать сутокъ не буду пить вина, постригу себѣ волосы (Jos. de bell. 11, 15). Павелъ могъ наложить на себя такой обѣтъ по поводу освобожденія отъ какой либо опасности въ послѣднее время его пребыванія въ Коринѳѣ или случившейся при отправленіи его отсюда; какъ много опасностей и бѣдствій у него было, мы знаемъ изъ 2 Кор. 11, 26. 27. Форма, въ которой выражалось это благодареніе, была сама въ себѣ безразлична, и обладая духомъ христіанской мудрости, Павелъ ни мало не затруднялся въ отношеніи къ формѣ—быть для іудеевъ іудеемъ, въ отношеніи къ язычникамъ язычникомъ. Поэтому когда отправился онъ съ Акилою изъ Кенхреи въ малую Азію, то и началъ исполненіе своего обѣта (Дѣян. 18, 18). Потомъ спутника своего съ женою оставивъ въ Ефесѣ, куда и самъ обѣщался быть, поспѣшилъ въ Іерусалимъ, гдѣ посѣтилъ церковь и совершилъ обѣтъ свой во храмѣ (ст. 22). Исполнивъ обѣтъ, отправился въ Антіохію, гдѣ и пробылъ довольно времени вмѣстѣ съ Варнавою, (хотя незадолго и разстался съ нимъ) и другими прежними сотрудниками въ распространеніи христіанства. Съ нимъ въ общеніи пребывалъ здѣсь и апостолъ Петръ. Такимъ образомъ христіане изъ іудеевъ и христіане изъ язычниковъ, апостолъ іудеевъ и апостолъ язычниковъ были между собою соединены чистымъ христіанскимъ союзомъ,—какъ вдругъ это прекрасное единство было нарушено нѣкоторыми іудействующими ревнителями, пришедшими изъ Іерусалима, вѣроятно съ худымъ умысломъ. Ихъ ограниченному іудейскому взору казалось соблазнительнымъ то, что они слышали о сво-

бодномъ проповѣданіи евангелія между язычниками. Хотя опредѣленіемъ апостольскаго собора давно уже фарисействующіе христіане были заставлены молчать, но это не перемѣнило совершенно ихъ образа мыслей. Необыкновенное расширеніе круга дѣйствій Павловыхъ, при чемъ обращено особенное вниманіе на его путешествіе въ Іерусалимъ и Антіохію, снова возбудило противъ него зависть и соревнованіе. Чтобы придать болѣе силы своему голосу, эти ревнители выдавали себя за посланныхъ отъ Іакова изъ Іерусалима. Но это было совершенно ложно; они не имѣли такого полномочія. Эти люди не хотѣли признать своими братьями о Христѣ необрѣзанныхъ христіанъ изъ язычниковъ, которые не наблюдали обрядоваго Моисеева закона, и почитая ихъ за то нечистыми, гнушались вмѣстѣ съ ними принимать пищу. Петръ, въ началѣ такъ сильно защищавшій права христіанъ изъ язычниковъ, а потомъ и на апостольскомъ соборѣ, и теперь не измѣнилъ своему образу мыслей, но опасаясь, чтобы вѣрующіе изъ іудеевъ не произвели смятенія въ церкви, сталъ уклоняться отъ общенія въ трапезѣ съ обращенными изъ язычниковъ. Примѣръ особенно уважаемаго апостола сильно подѣйствовалъ и на другихъ, такъ что самъ Варнава сталъ устраняться общенія съ христіанами изъ язычниковъ. Павелъ, почитая это лицемѣріемъ, нашелъ нужнымъ въ присутствіи всѣхъ сказать Петру: „какъ ты, будучи іудеемъ, никакого затрудненія не находилъ прежде жить съ язычниками по язычески; а теперь хочешь принудить язычниковъ быть іудеями? Мы природные іудеи; если бы притязанія іудеевъ были справедливы, мы отнюдь не были бы грѣшниками подобно язычникамъ; какъ члены избраннаго народа мы были бы чистые, святые люди. Но совсѣмъ противную увѣренность мы выражаемъ нашими дѣйствіями. При всемъ нашемъ наблюденіи закона мы признали себя грѣш-

никами, которые также, какъ и прочіе люди, имѣютъ нужду въ оправданіи. Зная, что дѣлами закона ни одинъ человѣкъ не оправдается предъ Богомъ, что это возможно только подъ условіемъ вѣры во Христа,— мы въ этой одной вѣрѣ и ищемъ оправданія. Съ этимъ не согласно искать снова оправданія въ дѣлахъ закона. Иначе мы должны думать, что Христосъ лишилъ насъ единственнаго средства оправданія и научилъ насъ грѣху,— научивъ отказаться отъ закона. Но этого да не будетъ!" Златоустый думаетъ, что апостолъ Петръ въ настоящемъ случаѣ поступилъ такимъ образомъ съ тѣмъ, чтобы дать Павлу случай сильнѣе обличить іудейское заблужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя думать, чтобы Павелъ имѣлъ нужду раскрывать Петру, что оправданіе дается не закономъ, а Іисусомъ Христомъ; это было нужно единственно для іудействующихъ христіанъ, чтобы объяснить имъ противорѣчіе ихъ самимъ себѣ, когда они признаютъ себя христіанами и между тѣмъ продолжаютъ приписывать закону такую важность. Обличеніе такого образа мыслей въ лицѣ Петра, намѣренно принявшаго на время сторону его защитниковъ, не отражается Петромъ, но принятое имъ, какъ справедливое, должно было произвести болѣе успѣха, нежели опроверженіе безъимянное или обличеніе людей малоизвѣстныхъ и малоуважаемыхъ.

Относя этотъ споръ Павла съ Петромъ, который, какъ показываетъ послѣдующая исторія, не произвелъ между ними никакого раздѣленія, къ этому времени, мы получаемъ нѣсколько болѣе свѣта для соображенія связи послѣдующихъ событій. Доселѣ заключенный между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ миръ въ Іерусалимѣ былъ сохраняемъ. Доселѣ Павелъ въ церквахъ языческихъ долженъ былъ бороться съ невѣрующими іудеями, а не съ іудаистами. Теперь снова возникло это несогла-

сіе въ столицѣ церквей языческихъ, и отсюда оно быстро распространилось по всѣмъ церквамъ, которыя состояли изъ іудеевъ и язычниковъ. Можетъ показаться страннымъ, почему это несогласіе возникло именно теперь, а не въ другое время; возникло въ такое время, когда послѣднее пребываніе Павла въ Іерусалимѣ могло только болѣе служить къ тому, чтобы произвести благопріятное впечатлѣніе на сердца державшихся еще фарисейства христіанъ. Но этого можно было ожидать только развѣ въ людяхъ болѣе умѣренныхъ, а въ фанатическихъ ревнителяхъ, которые никакъ не хотѣли согласить своихъ началъ съ его образомъ ученія, надлежало ожидать совершенно противнаго. Они видѣли въ Павлѣ человѣка, который между язычниками говоритъ такъ свободно о законѣ, который христіанамъ изъ язычниковъ всегда усвоялъ равныя права съ христіанами изъ іудеевъ, который показывалъ себя презрителемъ закона и однако же онъ является въ Іерусалимъ для совершенія обѣта. Не Павелъ здѣсь противорѣчилъ самъ себѣ; онъ смотрѣлъ на законъ по отношенію къ благодати искупленія, какъ на вещь безразличную, и пользовался имъ по христіанскимъ видамъ, какъ бы можно было достигнуть болѣе пользы. Для него не былъ важенъ законъ самъ по себѣ, но могъ быть важенъ, коль скоро могъ служить къ достиженію его апостольскихъ цѣлей, точно такъ же какъ и другія средства; но его противники перетолковывали его поступки, обвиняли его въ противорѣчіи съ самимъ собою, въ ласкательствѣ къ христіанамъ изъ язычниковъ.

Вліяніе этихъ противниковъ ученія Павлова быстро распространилось на христіанъ галатійскихъ и ахайскихъ (въ Коринѳѣ). Когда Павелъ, оставивъ друзей своихъ въ Антіохіи, на пути въ Ефесъ, посѣщалъ церкви во Фригіи и Галатіи, онъ не нашелъ еще въ нихъ никакой значительной перемѣны. Впрочемъ, уже

замѣчалъ, какъ эти іудействующіе учители старались вкрасться въ основанныя имъ церкви, какую высказывали они ревность о спасеніи душъ обращенныхъ изъ язычниковъ, съ какимъ усердіемъ, повидимому, желали, чтобы сіи обращенные вполнѣ могли достигнуть обѣтованныхъ благъ царства Христова.

Павелъ избралъ потомъ мѣстомъ долговременнѣйшей дѣятельности городъ, особенно важный для распространенія евангелія, средоточіе сообщеній и торговли обширной части Азіи, самый большой торговый городъ въ Азіи по сю сторону Тавра—Ефесъ. Впрочемъ, здѣсь предстояла христіанству новая борьба съ чуждыми направленіями религіознаго духа, которыя или прямо выступали противъ него, или угрожали слиться съ нимъ. Здѣсь господствовала языческая магія [1]), получившая начало свое отъ мистическаго служенія Діанѣ, а за этою языческою магіею имѣла доступъ сюда и магія іудейская. Неудовлетворяемый религіею и всегда жаждавшій новаго духъ времени поддерживалъ это ложное ученіе—открыть своими силами союзъ съ небомъ, съ духовными силами.

Три мѣсяца проповѣдывавъ евангеліе въ синагогѣ, Павелъ былъ вынужденъ, по причинѣ враждебныхъ расположеній, какія начали оказывать ему іудеи, обратиться къ язычникамъ и собирать своихъ слушателей въ домѣ одного языческаго ритора, именемъ Тиранна. Въ противоположность распространившейся здѣсь магіи, обманывавшей многихъ, сила Божія являла тѣмъ разительнѣйшія знаменія, чтобы отвлечь людей отъ этихъ прельщеній и открыть путь духовной силѣ истины въ ихъ сердца (Дѣян. 19, 11. 12). И хотя іудейское „исканіе знаменій“ могло все хри-

---

[1]) Извѣстны въ древности Ἐφέσια γράμματα, магическія письмена, которымъ присвояли силу непобѣдимую.

стіанство заключать въ однихъ этихъ явленіяхъ чувственныхъ, совершаемыхъ силою Божіею и почитать его только высшею магіею, подобно какъ думалъ Симонъ волхвъ, однако въ самомъ существѣ христіанства было положено, что гдѣ находило оно истинный доступъ въ сердце, тамъ возбуждало самое сильное отвращеніе отъ всякаго такого покушенія.—Тогда много шаталось въ этой странѣ іудейскихъ заклинателей, которые различными заговариваніями, заклинаніями, силою извѣстныхъ травъ,—по правиламъ, которыхъ начало возводили къ Соломону, изгоняли злыхъ духовъ изъ людей ими одержимыхъ, — и эти люди по свѣдѣніямъ ли своимъ въ искусствахъ, помогающихъ обманывать чувства, или пользуясь силами натуры, другимъ неизвѣстными, или приводя въ раздраженіе воображеніе подверженныхъ болѣзнямъ, или дѣйствительно по связи съ духами темными — могли производить очень поразительныя съ перваго взгляда дѣйствія. Видя, какія дѣйствія совершаетъ Павелъ призываніемъ имени Іисуса Христа, они вздумали употреблять это имя въ своихъ заклинаніяхъ. Несчастное послѣдствіе такого покушенія (Дѣян. 19, 15. 16) произвело сильное впечатлѣніе на многихъ, которые дѣйствіями апостола хотя уже расположены были почитать Господа Іисуса сообщителемъ Божественныхъ силъ людямъ, однако не оставляли еще ни своего прежняго порочнаго поведенія, ни своего пустаго искусства, напротивъ также старались его совмѣстить съ христіанствомъ и самое христіанство употребить въ пособіе ему. Устрашенные этимъ происшествіемъ, жители Ефеса сами теперь пришли къ апостолу, принесли предъ нимъ раскаяніе въ своихъ порочныхъ дѣлахъ и объявили рѣшительное отреченіе отъ всего подобнаго. Книги, наполненныя магическими формулами и стоившія большой суммы (около

20000 рублей), были принесены на площадь и сожжены въ глазахъ всѣхъ.

Такъ какъ въ Ефесѣ можно было встрѣтить людей различныхъ вѣрованій востока, то Павелъ между прочимъ здѣсь нашелъ 12 человѣкъ изъ учениковъ Іоанна Крестителя, который призванъ былъ приготовить современныхъ соотечественниковъ своихъ къ явленію Искупителя; но, какъ обыкновенно случается, съ предуготовительными явленіями въ Царствѣ Божіемъ, по причинѣ различной пріемлемости сердецъ, не на всѣхъ одинаковое произвелъ впечатлѣніе. Изъ его училища вышли и такіе, которые, послѣдуя его указанію, съ живою вѣрою пристали къ Спасителю и нѣкоторые даже стали Его апостолами; и такіе, которые остались при очень недостаточныхъ понятіяхъ о лицѣ и ученіи Іисуса Христа; и такіе, которые, не подражая примѣру своего наставника, оставаясь въ своихъ крайнихъ предразсудкахъ, дѣйствовали противъ христіанъ даже враждебно (такъ какъ и начало секты учениковъ Іоанновыхъ, сохранившейся до новѣйшихъ временъ, по всей вѣроятности, надлежитъ относить какъ можно ближе ко временамъ евангельскимъ). Ученики Іоанновы, съ которыми встрѣтился Павелъ въ Ефесѣ, принадлежали ко второму изъ этихъ разрядовъ. Неизвѣстно, въ Палестинѣ ли они стали учениками Іоанновыми и отъ него самого получили крещеніе, или привлечены были въ сообщество учениковъ его послѣ, — во всякомъ случаѣ надлежитъ о нихъ замѣтить только то, что они хотя и немногое знали о лицѣ и ученіи Іисуса Христа, однако считали себя въ правѣ называться христіанами такъ же, какъ и прочіе (Лука называетъ ихъ μαθητάς Дѣян. 19, 1). Павелъ и дѣйствительно думалъ въ нихъ найти христіанъ; но когда вошелъ съ ними въ разговоръ, то оказалось, что они еще ничего не получили отъ

прославленнаго Господа Іисуса, даже не знали о Духѣ Святомъ. Павелъ охотно преподалъ имъ наставленіе объ отношеніи служенія Іоаннова къ служенію Іисуса Христа и крещенія Іоаннова къ крещенію, которое вводило въ общеніе съ Іисусомъ Христомъ, дѣлало причастниками божественной жизни, отъ него исходящей. Потомъ преподалъ имъ христіанское крещеніе съ возложеніемъ на нихъ рукъ и молитвою. И въ ученикахъ Іоанновыхъ открылись тѣ же признаки сошествія Духа Святаго, какіе нѣкогда и въ апостолахъ.

Пребываніе Павла въ Ефесѣ было важно не только потому, что здѣсь и отсюда въ цѣлой малой Азіи онъ могъ дѣйствовать для распространенія христіанства какъ чрезъ посредство собственныхъ путешествій, такъ и чрезъ учениковъ, которыхъ пріобрѣталъ себѣ вновь,—но и потому въ особенности, что, находясь здѣсь въ средоточіи столь многихъ сообщеній, онъ очень удобно могъ получать извѣстія о состояніи основанныхъ имъ церквей и соотвѣтственно ихъ нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ дѣйствовать на нихъ письмами и чрезъ посланниковъ. Павелъ всегда носилъ въ душѣ своей заботы объ основанныхъ имъ церквахъ: такъ часто онъ упоминаетъ въ посланіяхъ своихъ, что онъ молится и благодаритъ о нихъ Бога ежедневно (1 Сол. 1, 2.—2 Сол. 1, 11.—1 Кор. 1, 4.—Еф. 1, 16.—Фил. 1, 9.); такъ въ изліяніи любви своей онъ увѣряетъ Коринѳянъ, что всегда носитъ ихъ въ сердцѣ своемъ (2 Кор. 7, 3, но всего живѣе это изображается 2 Кор. 11, 28. 29).

Вѣроятно, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Ефесъ, Павелъ получилъ непріятныя извѣстія о церквахъ галатійскихъ. Іудействующіе христіане, недавно снова возставшіе противъ ученія Павлова, успѣли здѣсь прежде другихъ мѣстъ произвести возмущеніе, тре-

буя отъ христіанъ изъ язычниковъ исполненія закона обрядоваго, какъ необходимаго условія для участія въ царствѣ Божіемъ. Эти люди, хотя были орудіями партіи, имѣвшей главное свое пребываніе въ Палестинѣ, однако, кажется, не происходили оттуда, но принадлежали къ числу еллинистовъ; несмотря на взаимную ревность въ исполненіи закона, обращаясь съ язычниками, они сами иногда ей измѣняли; потому апостолъ упрекалъ ихъ за то, что они сами не соблюдаютъ закона, чего, кажется, нельзя было бы сказать о христіанахъ изъ іудеевъ палестинскихъ (Гал. 5, 3. 9.). Они не хотѣли признать апостольской важности Павла, потому что будто бы онъ не получалъ непосредственныхъ наставленій отъ Іисуса Христа, подобно прочимъ апостоламъ; утверждали, что проповѣдь евангельская зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которые отъ самого Іисуса Христа поставлены были апостолами; старались показать противорѣчіе между ученіемъ Павловымъ и ученіемъ прочихъ апостоловъ, которые позволяли наблюдать въ своихъ церквахъ законъ; а все это употребляли къ тому, чтобы обвинить Павла въ отступленіи отъ чистоты ученія Христова и апостоловъ. При этомъ они старались увѣрить, что самъ Павелъ показываетъ себя іудеемъ, наблюдающимъ законъ, слѣдовательно иначе дѣйствуетъ между язычниками и льститъ имъ ко вреду истины. Такъ какъ это былъ еще первый примѣръ такого смѣшенія іудейства съ христіанствомъ и это смѣшеніе угрожало самому существу евангелія въ новыхъ церквахъ введеніемъ обрядоваго іудейскаго служенія на мѣсто чисто христіанскаго, то эта опасность должна была произвести глубокое впечатлѣніе на апостола. Чтобы доказать галатійскимъ христіанамъ свою любовь, которую іудаисты хотѣли привести въ подозрѣніе, чтобы заставить ихъ почувствовать,

какъ важно то дѣло, о которомъ онъ заботится, Павелъ, несмотря на множество своихъ дѣлъ, рѣшился противъ своего обычая писать къ нимъ собственноручно (Гал. 6, 11.).

Онъ начинаетъ свое посланіе защищеніемъ своего апостольскаго призванія, которое онъ получилъ отъ Іисуса Христа, также какъ и прочіе апостолы, свидѣтельствуетъ христіанамъ галатійскимъ съ торжественными клятвенными увѣреніями, что нѣтъ другаго евангелія, кромѣ того, которое онъ возвѣщаетъ. Онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы въ образѣ своего проповѣданія искать угожденія человѣкамъ, какъ это было прежде, когда, послѣдуя началамъ фарисейства, опирался только на человѣческіе авторитеты. Когда онъ вступилъ въ служеніе Іисуса Христа, то отрекся отъ всего этого; теперь учитъ и дѣйствуетъ по Божественному призванію. Потомъ доказываетъ имъ самою исторіею, какъ онъ съ самаго начала проповѣдывалъ евангеліе по непосредственному Божественному просвѣщенію и независимо отъ всякой человѣческой именитости; какъ даже прочіе апостолы признали его независимый апостольскій характеръ (на соборѣ апостольскомъ). Вполнѣ увѣренный въ той мысли, что только вѣра въ Распятаго можетъ спасти человѣка и сообщить ему всю полноту Божественной жизни, онъ обращается къ Галатамъ съ такимъ сильнымъ упрекомъ: „безразсудные Галаты! кто это могъ обольстить васъ, забыть Іисуса распятаго, котораго мы изобразили предъ вашими глазами какъ единственное основаніе нашего спасенія, искать своего спасенія во внѣшнихъ вещахъ, въ дѣлахъ закона? О, какъ вы неблагоразумны! Начавши свое христіанство духомъ, Божественною жизнію, проистекающею отъ вѣры, начавши тѣмъ, что есть для насъ самаго высочайшаго, вы ищете теперь еще чего-то высша-

го, какого-то дополненія къ своему христіанству въ низкомъ, чувственномъ, земномъ, въ томъ, что на внутреннюю жизнь духа не можетъ имѣть никакого вліянія?“ Онъ ссылается на свидѣтельство ихъ собственнаго опыта: хотя сначала возвѣщаемо было имъ евангеліе независимо отъ закона, однако, по силѣ вѣры въ Искупителя, Божественная сила евангелія произвела между ними различныя свои дѣйствія.

Такъ какъ его противники опирались на важность ветхаго завѣта, то Павелъ доказываетъ имъ противъ этого, что и законъ имѣлъ только цѣлію приготовить къ явленію Искупителя, вѣра въ котораго всѣхъ вводитъ въ участіе Божественной жизни, что обѣтованія, данныя Аврааму, даны были подъ условіемъ вѣры, и эти обѣтованія исполнились во всѣхъ тѣхъ, которые послѣдовали Аврааму въ вѣрѣ, какъ истинныя его чада по духу; что явленіе закона должно было составлять только предуготовительный промежуточный періодъ между дарованіемъ обѣтованія и исполненіемъ его въ явленіи Искупителя. Іудейство и язычество, во всякомъ другомъ отношеніи между собою различныя, онъ ставитъ въ одинъ разрядъ въ отношеніи къ христіанству: это состояніе младенчества въ религіи, въ отношеніи къ зрѣлости и совершеннолѣтію, которое даетъ полное право на все, чѣмъ могутъ наслаждаться сыны Божіи; это состояніе зависимости религіи отъ внѣшнихъ чувственныхъ вещей, отъ богослуженія, состоящаго въ однихъ чувственныхъ дѣйствіяхъ,—въ отношеніи къ состоянію религіи духа, внутренней жизни, слѣд. свободы.

Такъ какъ Павла обвиняли его противники, что онъ только изъ одного человѣкоугодія освобождаетъ язычниковъ отъ исполненія тягостнаго для нихъ закона, то онъ не нашелъ лучшаго средства это опровергнуть и внушить Галатамъ довѣренность, какъ

представленіемъ имъ примѣра собственной жизни для подражанія. Онъ самъ жилъ между язычниками, какъ язычникъ, не связываясь Моисеевымъ закономъ, — чего конечно не сдѣлалъ бы, если бы былъ увѣренъ, что безъ соблюденія этого закона нельзя достигнуть полнаго обладанія благами царства Мессіи. Поэтому онъ предлагаетъ Галатамъ слѣдующее правило: будьте какъ я (въ отношеніи къ несоблюденію закона), потому что я самъ таковъ же, какъ вы (я природный іудей, но по несоблюденію закона сталъ подобенъ вамъ). Еслибы апостолъ въ томъ, что онъ между іудеями въ Палестинѣ наблюдалъ обряды закона, находилъ противорѣчіе съ этими словами о собственномъ своемъ примѣрѣ, то конечно не сталъ бы на него указывать. Но этого противорѣчія по его началамъ не было, потому что онъ наблюдалъ обряды закона не всегда, но только въ извѣстныхъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ. А это уже достаточно показывало, что онъ не приписываетъ имъ никакой объективной религіозной важности, что они, по его увѣренности, нисколько не могутъ служить къ оправданію и освященію человѣка; что онъ въ отношеніи къ нимъ наблюдаетъ одно правило, котораго держится вообще въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ внѣшнимъ и безразличнымъ—изъ любви къ братіямъ ничѣмъ не соблазнять ихъ.

Павелъ убѣждаетъ Галатовъ хранить свободу, дарованную имъ Іисусомъ Христомъ, и не подклоняться снова подъ иго рабства. Заклинаетъ ихъ, что если позволятъ себя обрѣзывать, то Христосъ никакой не принесетъ имъ пользы; что кто обрѣжется, тотъ долженъ соблюдать и весь законъ; что ища оправданія отъ закона, они отказываются отъ союза со Христомъ, отпадаютъ отъ благодати. Эти слова Павла отнюдь не противорѣчатъ тому, что онъ самъ обрѣ-

залъ Тимоѳея и во внѣшнихъ обрядахъ принаравливался къ іудеямъ. Онъ здѣсь говоритъ не о самомъ внѣшнемъ обрѣзаніи, но объ обрѣзаніи въ соединеніи съ выражающеюся въ немъ религіозною увѣренностію; язычникъ, когда принимаетъ обрѣзаніе, то можетъ это дѣлать не иначе, какъ въ той увѣренности, что чрезъ это и слѣдовательно чрезъ законъ, къ соблюденію котораго онъ обязывается обрѣзываніемъ, онъ можетъ получить оправданіе. А эта увѣренность конечно противорѣчитъ тому направленію, чтобы считать себя обязаннымъ своимъ спасеніемъ только Искупителю. Противопоставляя свою истинную, правильную любовь къ христіанамъ галатійскимъ хвастливой ревности о ихъ спасеніи іудаистовъ, апостолъ говоритъ объ этихъ послѣднихъ: они ревнуютъ о васъ, но неправильно; они хотятъ васъ отлучить (отъ церкви Божіей), чтобы вы ревновали и о нихъ, т. е. чтобы вы согласились, что вы, какъ необрѣзанные язычники, не можете войти въ царство Божіе; чтобы поэтому вы позаботились сдѣлаться іудеями, какъ они. Тѣ, которые хвалятся внѣшними преимуществами (внѣшнимъ іудействомъ) принуждаютъ васъ къ обрѣзанію только для того, чтобы не быть гонимыми за крестъ Христовъ (т. е. за ученіе объ Іисусѣ распятомъ, какъ единственномъ основаніи спасенія). Они не хотятъ быть обязанными своимъ спасеніемъ только одному Господу и отказаться отъ всякой собственной заслуги, отъ всего, что думаютъ имѣть лишняго противъ другихъ. Они хотятъ обрѣзать васъ только для того, чтобы можно было имъ похвастаться вашею плотію, т. е. перемѣною, которую произвели въ васъ, по внѣшности заставивъ васъ сдѣлаться іудеями. Апостолъ наконецъ заклинаетъ Галатовъ, чтобы они никакого болѣе огорченія не наносили ему, потому что онъ носитъ на

тѣлѣ своемъ знаки страданій, понесенныхъ за дѣло Христово.

Далѣе во время пребыванія апостола въ Ефесѣ, обратили на себя особенное его вниманіе дѣла церкви коринѳской. Исторія этой церкви представляетъ образецъ явленій и движеній, которыя повторялись въ позднѣйшія времена церкви,—только въ бо́льшихъ размѣрахъ. Въ этой церкви стекались различныя вліянія: здѣсь нельзя было всего произвести изъ одного какого-либо вліянія напр., изъ вліянія различныхъ партій, — хотя общей причины для объясненія этихъ многочисленныхъ вліяній надлежитъ искать въ цѣломъ состояніи церкви того времени: новый духъ христіанскій еще такъ мало проникъ ее и такъ много еще оставалось ему бороться съ прежними практическими направленіями. Многіе изъ живыхъ и раздражительныхъ отъ природы Еллиновъ, бывъ увлечены сильнымъ впечатлѣніемъ, какое произвели на нихъ дѣйствія Павла въ Коринѳѣ,—показали сначала великую ревность къ христіанству: но въ ихъ непостоянныхъ умахъ христіанство не пустило еще глубокаго корня. Въ такомъ городѣ, каковъ былъ Коринѳъ, гдѣ господствовало такое развращеніе нравовъ, гдѣ встрѣчалось столько искушеній къ сладострастію, — для поверхностнаго обращенія еще болѣе предстояло опасностей. Къ этому присоединилось, что когда Павелъ положилъ первое основаніе церкви коринѳской, за нимъ явились сюда другіе проповѣдники, которые возвѣщали евангеліе отчасти въ другой формѣ, отчасти по другимъ началамъ; этимъ они подали Еллинамъ, и безъ того склоннымъ къ раздѣленіямъ на партіи и спорамъ, поводы къ нѣкоторымъ расколамъ. Во первыхъ, были между ними такіе, которые подобно лжеучителямъ церкви галатской, хотѣли ввести христіанство, смѣшанное съ іудействомъ, которые не

могли терпѣть независимости и свободы, съ какими распространялось христіанство, проповѣдуемое Павломъ между язычниками, — хотя и не такъ рѣзко обнаруживали свои мнѣнія, какъ галатскіе лжеучители, такъ какъ называли себя не по имени Іакова, которому обыкновенно усвояли высшій авторитетъ самые строгіе іудаисты, но по имени Петра. Могло быть, что такъ какъ они здѣсь имѣли дѣло съ людьми другаго рода, съ людьми греческаго духа, не такъ способными къ принятію іудейскаго вліянія, то и находили нужнымъ не вдругъ открыто и прямо высказывать, что имъ хочется, но напередъ искуснымъ образомъ ослабить начала, на которыхъ возвѣщалъ евангеліе Павелъ, поселить недовѣрчивость къ его апостольству и отчуждить ихъ отъ него. Они начали распространеніемъ сомнѣній касательно апостольскаго достоинства Павла; выставляли единственно истинными апостолами тѣхъ, которые учились у самого Іисуса Христа и Имъ поставлены въ апостоловъ. Далѣе, они умѣли возбудить въ нѣкоторыхъ скрупулезныхъ совѣстяхъ сомнѣнія, къ которымъ легко могло подать поводъ жизнепровожденіе среди язычества и къ которымъ бывшіе прозелиты іудейства были очень способны. Такимъ образомъ явился въ церкви коринѳской расколъ мнимыхъ послѣдователей Петра. Итакъ какъ одна противоположность всегда вызываетъ другую, то въ противоположность мнимымъ Петровымъ послѣдователямъ образовалась секта односторонныхъ послѣдователей Павла, которые хотѣли видѣть чистое христіанство только въ той формѣ, въ какой предлагалъ Павелъ; смѣялись надъ скрупулезностію совѣстей мнительныхъ и склонны были принять рѣшительное направленіе противъ всего іудейскаго. Въ первомъ направленіи мы находимъ ростокъ позднѣй-

шихъ сектъ іудействующихъ; въ послѣднемъ начало позднѣйшаго направленія маркіонитскаго.

Въ самой Павловой сектѣ усматриваемъ двоякое направленіе, которое происходило отъ слѣдующей причины. Къ числу учениковъ Іоанновыхъ, бывшихъ въ Ефесѣ и выдававшихъ себя за христіанъ, хотя ихъ познанія были слишкомъ ограничены, принадлежалъ нѣкто Аполлосъ, александрійскій іудей, получившій іудейско-греческую образованность, свойственную ученымъ александрійскимъ іудеямъ. Аквила и жена его довольно наставили его въ христіанствѣ, и когда онъ вознамѣрился отправиться въ Ахаію, то рекомендовали его церкви коринѳской, какъ такого мужа, который своею ревностію, своими особенными дарованіями много можетъ сдѣлать въ пользу дѣла Божія. И особенно этихъ успѣховъ надлежало ожидать въ Коринѳѣ, гдѣ его александрійская образованность могла открыть ему свободный доступъ къ большей части язычниковъ и іудеевъ. Дѣйствительно, александрійскій образъ развитія и изложенія, приближающійся болѣе къ греческому, особенно удовлетворялъ ученымъ коринѳскимъ; но они, увлекшись имъ, слишкомъ много цѣны усвояли этой особенной формѣ и изъ-за нея пренебрегали простою проповѣдію Павла, который, бывъ у нихъ, ничего не хотѣлъ знать, кромѣ Христа, и Того распятаго. Мы здѣсь видимъ нѣчто подобное возникшему впослѣдствіи на александрійской почвѣ гносису (γνῶσις), который хотѣлъ возвыситься надъ вѣрою (πίστις).

Кромѣ того, мы видимъ въ церкви коринѳской еще четвертую секту. Особенности ея духа трудно узнать, потому что имя ея, — если принимать какъ названіе секты, порицаемой апостоломъ,—не легко объяснить, и потому что въ 1 посланіи Павла къ Коринѳянамъ не встрѣчается никакихъ опредѣленныхъ указаній на

эту секту, которыя могли бы послужить къ означенію собственнаго ея характера. Это тѣ, которые называли себя Христовыми. Если произнесенное апостоломъ порицаніе распространять и на тѣхъ, которые хотѣли быть только Христовыми, какъ этого требуетъ одинаковая грамматическая форма, то очевидно, что эти люди не въ томъ смыслѣ хотѣли быть только Христовыми, какъ желалъ того Павелъ (1 Кор. 3, 27), но что Коринѳяне несправедливо присвояли Христа себѣ однимъ, хотѣли Его сдѣлать нѣкоторымъ образомъ главою раскола. Въ такомъ случаѣ должно согласиться, что Павелъ, хотя ближайшимъ образомъ по поводу этого наименованія секты, но вмѣстѣ и въ отношеніи ко всѣмъ сектамъ, сказалъ: развѣ раздѣлился Христосъ (1 Кор. 1, 13)? Развѣ каждый расколъ имѣетъ свою частицу Христа, или своего Христа? Нѣтъ, Христосъ одинъ для всѣхъ, — Распятый за всѣхъ за васъ, въ Котораго вы крестились и Которому должны быть вѣрными.

Теперь спрашивается, что надлежитъ думать объ отличительныхъ чертахъ и происхожденіи этихъ послѣдователей Христовыхъ? Если взять во вниманіе, что о нихъ упоминаетъ апостолъ рядомъ съ послѣдователями Петровыми, и сравнить это съ партіею Аполлосовою въ отношеніи къ Павловой, то могло бы показаться весьма вѣроятнымъ, что Христовы послѣдователи находились въ такомъ же отношеніи къ Петровымъ, въ какомъ Аполлосовы къ Павловымъ, что этими именами означается только особая партія, принадлежавшая къ сторонѣ іудаистовъ. И такъ какъ послѣдніе выдавали себя отчасти за учениковъ Іакова, отчасти за учениковъ Петра, то можно бы думать, что здѣсь разумѣется отдѣльная партія Іакова съ Петровою. Первая въ іудействѣ строже и суровѣе, вторая свободнѣе и кротче. Но это предположеніе

отнюдь не поддерживается названіемъ οἱ τοῦ Χριστοῦ. Очень неестественно то объясненіе, будто оно произошло отъ обыкновеннаго наименованія Іакова — ἀδελφὸς τοῦ Χριστοῦ. Если бы были кто изъ партіи Іакова въ Коринѳѣ, то они назывались бы οἱ τοῦ Ἰακώβου.

Но, признавая такъ называемыхъ „Христовыхъ“ за христіанъ изъ іудеевъ, съ бо́льшею вѣроятностію можно бы было развить это предположеніе въ такомъ видѣ. Наименованіе οἱ τοῦ Χριστοῦ — можно бы было сказать,—было такое наименованіе, которымъ партія Петрова называла самоё себя въ противоположность Павлу и его ученикамъ. Этимъ наименованіемъ послѣдователи Петровы хотѣли означить то, что они держатся истинныхъ апостоловъ Христовыхъ, отъ нихъ получили чистое Христово ученіе, чрезъ нихъ соединены со Христомъ, и, усвояя оное исключительно самимъ себѣ, хотѣли показать, что всѣ прочіе не заслуживаютъ имени христіанъ, они не ученики Христовы, не ученики какого нибудь истиннаго апостола Христова, но ученики людей, повредившихъ истинное ученіе Христово, выдающихъ свое вымышленное ученіе за подлинное Христово. Это значеніе, повидимому, не было бы чуждо предиката: οἱ τοῦ Χριστοῦ и оно могло бы быть еще подтверждено нѣкоторыми намеками въ обоихъ посланіяхъ, въ которыхъ апостолъ защищаетъ свой истинно апостольскій характеръ и говоритъ о себѣ, что одинакое имѣетъ право сказать о себѣ какъ и другой, что онъ Христовъ (2 Кор. 10, 7). Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ хотя дѣйствительно Павелъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые по извѣстнымъ причинамъ отвергали его апостольскую важность, однако отсюда еще не доказывается существованіе такого наименованія извѣстной секты между христіанами изъ іудеевъ. Читая подлѣ οἱ τοῦ Κηφᾶ— οἱ τοῦ Χριστοῦ ожидаешь, что этимъ послѣднимъ на-

именованіемъ означается партія, которая хотя имѣетъ общее происхожденіе съ Петровою, однако отъ нея и различается; между тѣмъ по этому толкованію οἱ τοῦ Χριστοῦ отъ οἱ τοῦ Κηφᾶ различаются только по имени; а этого нельзя допустить, принимая во вниманіе отношеніе наименованій предъидущихъ двухъ партій. Итакъ можно бы было допустить это толкованіе только въ такомъ случаѣ, когда бы можно было найти такимъ образомъ не формальное только, но и вещественное различіе между двумя послѣдними партіями. Развѣ допустить, что не всѣ οἱ τοῦ Κηφᾶ, но только самые приверженные къ іудейству, самые строгіе изъ нихъ, несоглашаясь признать Павловыхъ христіанъ изъ язычниковъ участниками благъ Мессіи, присвоили своему іудействующему отдѣленію наименованіе οἱ τοῦ Χριστοῦ.

Впрочемъ, нѣтъ нужды связываться тѣмъ, что οἱ τοῦ Χριστοῦ ставится подлѣ οἱ τοῦ Κηφᾶ. Отсюда еще не слѣдуетъ то, чтобы эти два наименованія необходимо означали двѣ сродныя партіи. Павелъ конечно не вымышлялъ членовъ противоположенія по произволу, какъ въ другихъ случаяхъ, но избраніе наименованій зависѣло отъ данныхъ историческихъ. Посему, если бы между іудействующими христіанами были не двѣ партіи, какъ между Павловыми, а только одна, то Павелъ и долженъ былъ показать только одно наименованіе. Въ такомъ случаѣ οἱ τοῦ Χριστοῦ онъ потому наименовалъ бы въ послѣднемъ мѣстѣ, что эта партія шла противъ всѣхъ вышенаименованныхъ сектъ, отвергла важность всѣхъ апостоловъ и другихъ придерживающихся ихъ учителей,—хвалясь тѣмъ, что хочетъ знать только Христа. По обстоятельствамъ коринѳской церкви мы могли бы это дѣло представить такъ:

Когда одни приняли себѣ наименованіе послѣдова-

телей Павла, другіе Аполлоса, третьи Петра, тогда явились и такіе люди, которые отвергали важность всѣхъ этихъ учителей и хотѣли образовать себѣ чистое христіанство независимо отъ апостоловъ, изгнавъ, можетъ быть, изъ него все, что въ немъ противорѣчило ихъ философическимъ идеямъ. Зная вражду еллинизма съ іудействомъ, зная, какъ было сильно философическое направленіе въ Коринѳѣ, можно себѣ представить, какъ могла образоваться небольшая партія съ такимъ взглядомъ. Нисколько не невѣроятно, что нѣсколько лицъ съ философскою образованностію были увлечены тѣмъ, что они слышали объ ученіи Христовомъ и думали найти въ немъ нѣчто среднее съ своими прежними идеями. Христосъ казался имъ вторымъ, можетъ быть, высшимъ Сократомъ. Только они не могли рѣшиться принять ученіе Христово въ такой формѣ, въ какой оно проповѣдываемо было апостолами. Всѣ эти апостолы, казалось имъ, много примѣшивали іудейскаго и ученіе Христово изъясняли не такъ чисто. Думая держаться одного Христа, они хотѣли посредствомъ философической критики отдѣлить отъ переданнаго имъ чистое ученіе Христово. Подобныя явленія дѣйствительно встрѣчаются во II вѣкѣ.

Страннымъ можетъ показаться, что Павелъ не дѣлаетъ никакихъ особенныхъ опроверженій на начала такой секты, которая болѣе, нежели другія, грозила разрушеніемъ апостольскому христіанству. Но то, что онъ говоритъ въ другихъ отношеніяхъ о единственномъ источникѣ познанія истинъ божественнаго откровенія, что говоритъ противъ притязаній ума непросвѣщеннаго, берущагося судить о божественномъ, противъ ничтожности надменной философіи (1 Кор. 2, 11)—все это можетъ служить превосходнымъ опроверженіемъ главнаго заблужденія этой секты. И во-

обще въ характерѣ апостольской полемики было нападать болѣе на самый корень заблужденія, между тѣмъ какъ въ позднѣйшія времена церковная полемика занималась болѣе частными отраслями его.

Несогласіе между Павловыми и Петровыми, между христіанами изъ язычниковъ и христіанами изъ іудеевъ, имѣло очень сильное вліяніе на практическія отношенія тѣхъ и другихъ, и отсюда произошли нѣкоторые споры. Іудеи и христіане изъ іудеевъ, когда обращались съ язычниками, то чрезвычайно безпокоились, какъ бы не осквернiться какимъ бы то ни было образомъ чрезъ прикосновеніе къ идолослужебнымъ вещамъ. Іудейскими раввинами были придуманы различныя средства, какъ уберечься отъ такого осквернeнія и опредѣлено, что̀ должно считать оскверняющимъ, и что̀ нѣтъ: объ этомъ много толкуется въ Талмудѣ. Такъ какъ легко можно было подвергнуться такой опасности осквернeнія, напр. купить на рынкѣ или въ гостяхъ наѣсться такого мяса, которое было отъ животнаго жертвеннаго: то не проходило ни одного дня, чтобы не пришлось помучиться такими опасеніями. Эта мнительность вѣроятно имѣла мѣсто не только въ тѣхъ, которые собственно принадлежали къ іудействующимъ противникамъ Павла, но мучила и слабыя совѣсти нѣкоторыхъ другихъ. Такъ какъ вѣра въ боговъ имѣла надъ ними великую силу прежде, то естественно они не вдругъ могли отрѣшиться отъ вѣры въ дѣйствительность ихъ: эти боги все еще оставались для нихъ чѣмъ-то существующимъ. И какъ язычество вообще можно назвать областію князя тьмы, то, видя въ идолахъ еще злыхъ духовъ, опасались яденіемъ посвященныхъ идоламъ мясъ войти въ соприкосновеніе съ самыми духами злыми. Что эти сомнѣнія тревожили не только іудаистовъ, но и другихъ изъ христіанъ, это видно изъ одного случая,

на который Павелъ указываетъ. Именно онъ говоритъ, что такіе немощные совѣстію находились между тѣми, которые ходили въ гости къ язычникамъ. А принадлежавшіе къ іудаистамъ, конечно, никакъ бы не рѣшились ѣсть что нибудь у язычниковъ.

Надъ этимъ мучительнымъ безпокойствомъ другіе смѣялись и даже впадали въ противоположное заблужденіе—это были тѣ, которые выдавали себя за Павловыхъ христіанъ. Они хотя правильно понимали Павловы начала въ теоретическомъ отношеніи; но погрѣшали въ приложеніи ихъ; поелику у нихъ недоставало духа любви и благоразумія. Они говорили: идолы сами въ себѣ ничто; боги—это существа воображенія, поэтому и яденіе мясъ, имъ посвященныхъ, есть вещь безразличная. Относительно такихъ внѣшнихъ безразличныхъ вещей христіанинъ не связанъ никакимъ закономъ; ему все дозволено; πάντα ἔξεστιν—было ихъ изреченіе. Они ссылались на знаніе, на свободу, какую имѣютъ какъ христіане: γνῶσις, ἐξουσία—было ихъ паролемъ. При этомъ они не обращали никакого вниманія на потребности слабѣйшихъ совѣстію; заставляли нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовать своему примѣру только изъ за одного стыда быть осмѣянными за свою мелочную привязчивость и боязливость; и эти люди, принужденные дѣйствовать по этимъ внѣшнимъ причинамъ—противъ собственнаго убѣжденія были отъ того обезпокоиваемы въ совѣсти своей. „Такимъ образомъ, говорилъ Павелъ къ соблазнителямъ,—твой немощный братъ, за котораго Христосъ умеръ, отъ твоего знанія погибалъ“. Нѣкоторые съ этимъ надменіемъ знанія въ злоупотребленіи свободою христіанскою заходили такъ далеко, что не отказывались принимать участіе даже въ праздничныхъ вечерахъ, какія дѣлали язычники друзьямъ своимъ въ капищахъ по принесеніи жертвы изъ остат-

ковъ жертвеннаго животнаго, а послѣ этого легко могли принять участіе и въ другихъ порокахъ языческихъ. Такимъ образомъ они явно нарушали постановленіе собора апостольскаго о неяденіи идоложертвеннаго (Дѣян. 15). Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ здѣсь начало того односторонняго движенія къ теоретическому вѣдѣнію, того неправильнаго разумѣнія христіанской свободы, ложнаго безразличія въ нравственномъ ученіи, которыми позднѣе такъ злоупотреблялъ гностицизмъ, выдававшій себя за ученіе Павлово, для оправданія всѣхъ противонравственныхъ наслажденій. Впрочемъ, проповѣдники христіанской свободы въ Коринѳѣ такъ далеко еще не заходили. Хотя языческое развращеніе нравовъ и вкралось между нѣкоторыми членами коринѳской церкви, однако они были далеки отъ того, чтобы оправдывать эту безнравственность,—иначе апостолъ гораздо строже обличилъ бы ихъ.

Несогласіе въ началахъ Петровыхъ и Павловыхъ между собою, вѣроятно, имѣло вліяніе и на различный образъ ихъ сужденія о бракѣ и безбрачной жизни. Хотя собственное дѣйствіе христіанства состояло въ объясненіи высшаго значенія всѣхъ основывающихся на природѣ человѣческой нравственныхъ отношеній, однако прежде, нежели это все преобразующее и просвѣтляющее вліяніе христіанства могло открыться во всѣхъ отношеніяхъ жизни, строгій нравственный духъ евангелія, вступая въ борьбу съ духомъ растлѣнія, господствующимъ въ мірѣ, естественно могъ образовать направленіе аскетическое, уклоняющееся отъ супружескихъ связей. Это направленіе, безъ сомнѣнія, происходило уже не отъ іудействующей стороны церкви, потому что апостолы, на авторитетъ которыхъ Петровы послѣдователи по преимуществу ссылались, были женаты и въ своихъ путешествіяхъ

ходили вмѣстѣ съ своими супругами (1 Кор. 9, 6). Вообще, богатое дѣтьми супружество считалось ими особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ и особенною честію; напротивъ, бездѣтный бракъ и безбрачная жизнь—поносными. А между Павловыми можно было находить тамъ и здѣсь особенное уваженіе къ безбрачной жизни; они даже думали въ этомъ отношеніи подражать своему апостолу.

Издѣваясь надъ мнительностію іудейства, неправильное свободомысліе побуждало иногда къ нарушенію предѣловъ, полагаемыхъ нѣкоторыми благодѣтельными обыкновеніями. Хотя можно было по справедливости признать, что существовавшее доселѣ разъединеніе между женскимъ и мужскимъ поломъ въ отношеніи къ дѣламъ высшей жизни, христіанствомъ было уничтожено, и женскій полъ освобожденъ отъ своего прежняго рабства: однако нѣкоторые, водясь ложнопонимаемымъ ими духомъ свободы, начали это слишкомъ далеко распространять и преступать предѣлы, положенные природою и обычаемъ, которые однако же христіанство признавало и освѣщало. Являлись женщины въ церковныхъ собраніяхъ, противъ греческаго обычая, безъ покрывалъ; кромѣ сего и въ томъ онѣ хотѣли стать наравнѣ съ мужчинами, что хотѣли учить публично въ церкви.

Далѣе, недостатокъ любви христіанской оказывался и въ томъ, что родились споры за „мое“ и „твое“, и эти споры предлагались на рѣшеніе—не такъ, какъ было доселѣ въ обычаѣ въ іудейскихъ и христіанскихъ церквахъ,—кому нибудь изъ среды самихъ братій; но хвалившіеся своею свободою христіане изъ язычниковъ не считали грѣхомъ являться предъ языческія судилища.

Отъ этого недостатка духа любви христіанской потеряло свое значеніе и то святое учрежденіе, кото-

рое собственно должно было служить къ изображенію и сохраненію любви и общенія между христіанами,—христіанскія вечери, присоединявшіяся къ евхаристіи. На этихъ вечеряхъ должно бы было выказываться христіанское общеніе безъ всякаго различія состоянія и образованности; богатые и бѣдные, господа и слуги должны бы были раздѣлять между собою эти простыя трапезы. Но въ церкви коринѳской, гдѣ эти разности выражались очень рѣзко, нельзя этого было достигнуть. У Грековъ сохранялся издавна обычай—дѣлать такія вечери, на которыхъ приносилъ свои кушанья всякій принимавшій въ нихъ участіе и на которыхъ каждый съѣдалъ то, что приносилъ съ собою. По этому старинному обычаю были учреждаемы въ коринѳской церкви вечери, хотя этотъ обычай совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ особенной цѣли, и на такихъ вечеряхъ еще разительнѣе становилось различіе между богатыми и бѣдными: богатые предавались иногда даже неумѣренности, — чѣмъ совершенно осквернялось святое учрежденіе.

Въ ревновании о такихъ дарованіяхъ, которыя относились къ устному изложенію ученія религіи, открывается преимущественно греческій духъ и образованность церкви коринѳской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одностороннее направленіе (1 Кор. 4, 20), которое болѣе цѣнило высокое слово, нежели богоугодную дѣятельную жизнь. Это непрактическое направленіе и вышеупомянутый недостатокъ всеодушевляющей любви усматривались и въ томъ, какъ они оцѣнивали и употребляли различныя учительныя дарованія; они болѣе искали поразительнаго и блестящаго, нежели того, что было полезнѣе для всеобщаго назиданія, выше всего ставили даръ говорить языками.

Къ какой изъ этихъ партій принадлежали против-

ники ученія о воскресеніи, нельзя опредѣлить съ достовѣрностію, потому что мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ ихъ собственномъ мнѣніи. У насъ для свѣдѣній объ этомъ предметѣ вотъ какіе источники: *возраженія* противъ ученія о воскресеніи, которыя по видимому предполагаетъ Павелъ, и собственные *доводы* Павла въ защищеніе этого ученія; только поэтому мы можемъ судить о началахъ, на которыхъ опровергали ученіе о воскресеніи. Но отсюда еще нельзя выводить никакихъ рѣшительныхъ заключеній. Что касается до перваго, то Павелъ могъ эти возраженія сдѣлать и самъ себѣ; такъ онъ часто дѣлаетъ, когда раскрываетъ какой нибудь важный предметъ; отсюда еще нельзя выводить, что такія-то и такія возраженія противъ ученія о воскресеніи дѣйствительно были тогда извѣстны. Что касается до втораго, то, доказывая догматъ о воскресеніи, онъ могъ слѣдовать порядку и связи этого догмата съ другими коренными истинами христіанской вѣры, въ какой онъ представлялъ его себѣ; а не порядку и связи ученія своихъ противниковъ.

Павелъ напр. приводитъ свидѣтельства объ истинности воскресенія Христова: но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы его коринѳскіе противники отвергали воскресеніе Христово. Павелъ и безъ этого мнѣнія могъ въ особенности раскрыть эту истину для того, что у него вѣра въ воскресеніе Искупителя была основаніемъ вѣры въ воскресеніе искупленныхъ. Далѣе онъ излагаетъ вмѣстѣ — ученіе о воскресеніи и ученіе о безсмертіи—и можно бы отсюда заключить, что противники его отвергали и личное безсмертіе. Но спрашивается, имѣлъ ли Павелъ такое точное понятіе о мнѣніи этихъ противниковъ? Послѣдовалъ ли онъ и въ этомъ случаѣ связи, въ какой истины вѣры представлялись его христіанскому сознанію, не

слѣдовалъ ли мнѣнію тѣхъ, которые въ отвергающихъ ученіе о воскресеніи видѣли противниковъ ученія о безсмертіи? Въ обыкновенной полемикѣ іудейскаго богословія эти два ученія совпадали.

Производили это нападеніе на ученіе о воскресеніи отъ обыкновенныхъ противниковъ Павла изъ іудеевъ, т. е. Саддукеевъ, и заключали изъ того, что противники ученія о воскресеніи въ Коринѳѣ принадлежали къ іудействующей сторонѣ церкви коринѳской. Это предположеніе повидимому подкрѣпляется тѣмъ, что Павелъ въ свидѣтели истинности воскресенія Христова въ особенности приводитъ Петра и Іакова, какъ самыхъ именитыхъ лицъ въ глазахъ іудаистовъ: но это еще не доказательство. Во всякомъ случаѣ Павлу естественно было ссылаться на свидѣтельство апостоловъ и свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ нихъ о явленіяхъ имъ въ особенности дать особенную важность. Если бы Павелъ имѣлъ дѣло съ Саддукеями, то ему бы слѣдовало обратить вниманіе на то, собственно имъ принадлежавшее, опроверженіе ученія о воскресеніи, что о немъ не упоминается въ Пятокнижіи, — какъ это было представляли они Іисусу Христу. При томъ мы не находимъ ни одного примѣра, чтобы христіанство смѣшивалось съ саддукействомъ; и такъ какъ въ образѣ мыслей Саддукеевъ нельзя найти ничего совмѣстнаго съ христіанствомъ, то такое смѣшеніе даже весьма невѣроятно: подобно какъ трудно представить смѣшеніе епикурейства съ христіанствомъ. Гораздо вѣроятнѣе, что соблазнились ученіемъ о воскресеніи нѣкоторые философски образованные христіане изъ язычниковъ и, можетъ быть, къ этому подавало поводъ, какъ въ послѣдующія времена, грубое разумѣніе этого ученія, господствовавшее между христіанами обыкновенными, которое потому въ особенности Павелъ и опровергаетъ. Воз-

раженія: почему душѣ въ высшемъ ея состояніи будетъ принадлежать тѣло такое же, каково то, которое она теперь имѣетъ,—и какъ возможно, чтобы это въ прахъ обратившееся тѣло снова возстало,—гораздо естественнѣе производить отъ христіанъ изъ язычниковъ съ нѣкоторою философскою образованностію, хотя—какъ замѣтили мы выше—еще нельзя отсюда заключать, чтобы противниками ученія о воскресеніи эти именно были дѣлаемы возраженія. И если бы мы могли положить за несомнѣнное, что подъ Христовыми надлежитъ разумѣть людей, понимавшихъ христіанство особеннымъ философскимъ образомъ, то весьма было бы вѣроятно, что эти люди составили себѣ особое понятіе о воскресеніи, которое хотѣли разумѣть только духовно.

Спрашивается, какимъ образомъ Павелъ получилъ первыя свѣдѣнія объ этихъ движеніяхъ въ коринѳской церкви. Изъ нѣкоторыхъ намековъ, особенно во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ можно было бы заключать, что онъ писалъ къ нимъ первое посланіе, бывъ уже у нихъ во второй разъ, хотя и очень краткое время. Въ такомъ случаѣ весьма естественно допустить, что Павелъ, оставивъ Антіохію и прежде, нежели отправился на долгое время въ Ефесъ, предпринялъ новое путешествіе между народами языческими, почему былъ и въ Коринѳѣ, хотя въ отрывочномъ повѣствованіи апостольской исторіи о томъ ничего не говорится. Тогда по этимъ намекамъ на вторичное его бытіе въ Коринѳѣ можно бы было заключать, что онъ еще въ это время замѣтилъ въ церкви нѣкоторыя непріятности и имѣлъ уже причины грозить, или укорять. Если это такъ, то въ Ефесѣ Павелъ тѣмъ болѣе долженъ былъ позаботиться о полученіи подробнѣйшихъ свѣдѣній о состояніи коринѳской церкви, оставленной имъ при такихъ небла-

гопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Но если Павелъ и не былъ еще въ другой разъ въ Коринѳѣ, то могъ въ Ефесѣ получить первыя свѣдѣнія о тѣхъ пагубныхъ перемѣнахъ, какія произошли въ коринѳской церкви.

Услышавъ о развращеніи нравовъ, вкравшемся въ коринѳскую церковь и въ особенности о порочной жизни одного изъ членовъ ея, жившаго съ мачихою своею, Павелъ нарочитымъ посланіемъ укорялъ Коринѳянъ, что они терпятъ такого человѣка среди себя и требовалъ, чтобы они отказались отъ всякаго сообщенія съ подобными людьми.

Между тѣмъ пришелъ самъ Аполлосъ изъ Коринѳа. Онъ былъ совершенно чуждъ мысли быть главою секты, какъ хотѣли того Коринѳяне; онъ былъ совершенно однихъ мыслей съ Павломъ, и Павелъ склонялъ его идти снова въ Коринѳъ (1 Кор. 16, 12,). Но можетъ быть потому, что излишнее уваженіе, какое оказывали ему въ Коринѳѣ, было самому ему непріятно, онъ не хотѣлъ того исполнить теперь. Потомъ Павелъ получилъ и еще отъ нѣкоторыхъ свѣдѣнія о состояніи коринѳской церкви, какъ мы изобразили выше, наконецъ пришли посланные отъ самой церкви и принесли съ собою письмо; въ этомъ письмѣ предложено было ему нѣсколько вопросовъ (о жизни безбрачной 1 Кор. 7, 1., о яденіи идоложертвеннаго 8, 1, о духовныхъ дарованіяхъ, 12, 1. можетъ быть, и о правилахъ благочинія, 5. 10.), отчасти возбужденныхъ первымъ посланіемъ Павловымъ, отчасти происходившихъ отъ упомянутыхъ споровъ, отчасти родившихся отъ вліянія другихъ обстоятельствъ. Эти извѣстія, полученныя Павломъ отчасти отъ Аполлоса, отчасти изъ посланія коринѳскаго и отъ подателей его, отчасти отъ другихъ,—и побудили Павла написать къ нимъ посланіе которое слу-

житъ образцомъ апостольской мудрости въ управленіи церковію и содержитъ въ себѣ начала многихъ преобразованій въ отношеніяхъ обыкновенной жизни. Вѣроятно, Павелъ его отправилъ съ возвращавшимися въ Коринѳъ посланниками тамошней церкви.

Павелъ осуждалъ всякое дѣленіе въ коринѳской церкви. Только Христосъ есть глава, которой должно держаться; на проповѣдниковъ должно смотрѣть, какъ на орудія, которыми Богъ дѣйствуетъ; каждый изъ нихъ имѣетъ свою мѣру дарованій, чтобы споспѣшествовать тому дѣлу, которому всѣ должны служить. Чѣмъ тутъ хвалиться: я имѣлъ такого-то или такого-то учителя? Такое хваленіе дѣлаетъ тебя зависимымъ отъ людей; если бы ты все относилъ только ко Христу, чрезъ котораго входишь въ общеніе съ Богомъ, то могъ бы на все смотрѣть, какъ на собственность (1 Кор. 4, 21). Эти слова показываютъ, какая свобода духа, какая возвышенность происходятъ изъ христіанскаго смиренія. Это всеобщее правило—какъ надлежитъ смотрѣть на всѣхъ проповѣдниковъ и ихъ личныя качества и какъ ими пользоваться—Павелъ объясняетъ потомъ нарочито своими отношеніями къ Аполлосу,—такъ какъ объ отношеніяхъ своихъ къ этому человѣку, съ которымъ находился въ тѣснѣйшей связи, могъ онъ говорить всего свободнѣе, безподозрительнѣе.

Тѣмъ, которые не находили въ его простой проповѣди искомой мудрости и которые отдавали достоинство только Аполлосу, онъ говорилъ: ваша вина, что вы не нашли въ моей проповѣди ученія мудрости; источникъ всякой мудрости, мудрости Божіей, а не мудрости міра,—въ ученіи о Іисусѣ распятомъ, Спасителѣ міра,—которое было средоточіемъ его проповѣди;—впрочемъ, эту Божественную премудрость можно находить въ немъ и разумѣть только

тѣмъ, которые имѣютъ чувство, способное къ принятію Божественнаго. Евангеліе потому не было для нихъ мудростію, что въ нихъ еще слишкомъ сильно плотское чувство,—это видно изъ ихъ споровъ.— Онъ даетъ Коринѳянамъ правило, по которому надлежитъ разсуждать о всякомъ учителѣ христіанскомъ. Кто признаетъ положенное имъ неизмѣняемое основаніе христіанской жизни, что Іисусъ есть Спаситель, что въ немъ одномъ надлежитъ искать спасенія, и на этомъ основаніи раскрываетъ далѣе христіанское ученіе, тотъ уже свидѣтельствуетъ этимъ, что онъ есть христіанскій учитель и чрезъ вѣру въ Того, въ Комъ единомъ ищетъ спасенія, онъ достигнетъ его и приведетъ другихъ къ нему. Но въ зданіи, построенномъ на этомъ основаніи, Божественное можетъ болѣе или менѣе быть смѣшано съ человѣческимъ и отъ того быть представлено болѣе или менѣе въ чистомъ видѣ. Отдѣлить человѣческое отъ Божественнаго предоставляется времени—день явитъ— до послѣдняго суда. Иной, слишкомъ цѣнившій человѣческое, увидитъ все дѣло, которое онъ созидалъ, погибшимъ, хотя основаніе, на которомъ онъ созидалъ, и останется цѣлымъ и для него и для другихъ; а самъ онъ спасется только тяжкими искушеніями, которыя долженъ вытерпѣть для очищенія отъ человѣческаго, примѣшавшагося въ немъ къ дѣлу Божію (1 Кор. 3, 11.).

Въ отношеніи къ спорамъ, о яденіи идоложертвеннаго, достопримѣчательно, что Павелъ не ссылается на опредѣленіе собора апостольскаго въ Іерусалимѣ, чтобы удержать христіанъ изъ язычниковъ отъ яденія мяса идоложертвенныхъ, такъ какъ и христіанамъ изъ іудеевъ, принуждавшимъ язычниковъ къ обрѣзанію, не противопоставляетъ важности опредѣленія

того же собора, освобождавшаго ихъ отъ того. Это было характеристическою чертою въ Павлѣ, что онъ ссылался не на внѣшнюю положительную заповѣдь, на νόμον, но на внутренній законъ въ сердцахъ вѣрующихъ, на требованіе духа евангельскаго. Павелъ указываетъ прежде всего на законъ любви (8, 1.). Онъ не оспариваетъ того начала, которое всегда выставляли свободомыслящіе Коринѳяне, что относительно такихъ внѣшнихъ вещей нельзя постановить никакого закона.—Но изъ духа евангелія доказываетъ имъ, что иногда и то, что позволительно само въ себѣ, можетъ быть непозволительнымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, потому что можетъ противорѣчить закону любви, обязанности христіанина все дѣлать такъ, чтобы это сколько можно болѣе служило ко спасенію другихъ, къ славѣ Божіей. Доказываетъ имъ, что они сами отрицаются свободы христіанской, поставляя себя въ зависимость отъ внѣшнихъ вещей, которыми бы должны были пользоваться въ духѣ любви по требованію обстоятельствъ (6, 12.). И, выставляя собственный примѣръ, говоритъ, что отказывается вовсе отъ употребленія мяса, лишь бы не соблазнить брата (8, 13.).

Разрѣшая вопросъ о безбрачной жизни, Павелъ держится средины между спорящими сторонами: онъ не пристаетъ ни къ тѣмъ, которые совсѣмъ осуждали безбрачную жизнь, ни къ тѣмъ, которые смотрѣли на нее, какъ на необходимое требованіе христіанскаго совершенства. Онъ соглашается, какъ можетъ быть вредно принужденное отреченіе отъ супружества въ такой церкви, какова коринѳская, и старается предостеречь ее отъ вредныхъ слѣдствій онаго (7, 1. 26.). Но кто имѣетъ отъ Бога даръ воздержанія и находитъ себя способнымъ вести такую жизнь, тотъ пусть избираетъ жизнь дѣвствен-

ную, такъ какъ въ ней безпрепятственно можно заниматься дѣлами царства Божія, особенно въ тѣ тяжкія времена (ст. 33. 34.). Сущность христіанскаго совершенства онъ поставляетъ не въ безбрачіи, не во внѣшнемъ отреченіи отъ земнаго; но въ отреченіи отъ міра сердцемъ. Богатъ ли ты или бѣденъ, славенъ или находишься въ низкой долѣ, но пользуйся всѣмъ этимъ такъ, чтобы могъ принести въ жертву все, чего бы отъ тебя ни потребовали, что бы ни было дорого твоему сердцу (1 Кор. 7, 30.).

Говоря о различныхъ званіяхъ, въ какомъ кто находился до своего обращенія, Павелъ поставляетъ закономъ—оставаться каждому въ прежнемъ своемъ званіи. Христіанство не исторгаетъ человѣка изъ тѣхъ отношеній, въ какія поставило его рожденіе, воспитаніе и Божественное опредѣленіе судьбы его. Оно только научаетъ смотрѣть на нихъ съ новой точки, съ новою мыслію. Оно не производитъ внезапныхъ переворотовъ, но все обновляетъ мало по малу силою внутренняго духа. Въ особенности Павелъ прилагаетъ эти начала къ разновѣрнымъ супружествамъ и къ состоянію рабовъ; о послѣднихъ скорѣе пришлось говорить ему и потому, что евангеліе сперва находило между ними болѣе доступа и потому, что съ развитіемъ сознанія достоинства и правъ человѣческихъ чрезъ посредство христіанства въ нихъ скорѣе могло возбудиться желаніе свергнуть земное иго. И здѣсь христіанство, чтобы не смѣшать духовнаго съ мірскимъ и не погрѣшить противъ своей цѣли, собственно относящейся до спасенія души, не брало на себя никакого внезапнаго насильственнаго преобразованія отношеній, и здѣсь оно хотѣло дѣйствовать только изъ духа, отъ сердца. Рабамъ евангеліе сообщило высшую жизнь, которая возносила ихъ за предѣлы ихъ земныхъ отношеній. И хотя

апостолъ не требовалъ отъ господъ, чтобы они давали свободу рабамъ своимъ, потому что это было внѣ круга его дѣйствій—вмѣшиваться въ устройство гражданскихъ отношеній, однако раскрывалъ въ господахъ сознаніе о такихъ обязанностяхъ, въ отношеніи къ рабамъ своимъ, такія внушалъ къ нимъ расположенія, такъ заставлялъ ихъ чувствовать свое братство съ христіанами изъ рабовъ, что отъ этого сами собою должны были измѣниться отношенія ихъ къ рабамъ.

Павелъ говоритъ рабамъ,—что хотя Божественный промыслъ отказалъ имъ въ гражданской свободѣ, однако это не должно сокрушать ихъ: они должны радоваться, что имъ Господь даровалъ истинную внутреннюю свободу. Но когда называетъ онъ эту свободу — единственно истинною, такъ какъ съ нею человѣкъ можетъ быть свободенъ отъ всѣхъ внѣшнихъ стѣсненій и безъ нея не можетъ имѣть цѣли никакая другая свобода, — онъ однако же не отнимаетъ второстепеннаго достоинства у свободы гражданской. Тому же самому рабу, которому говоритъ онъ о дарованной ему истинной свободѣ, онъ пишетъ: но если можешь сдѣлаться и свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся (7, 21). Отсюда видно, что апостолъ состояніе свободы гражданской считалъ болѣе соотвѣтствующимъ званію христіанина и когда христіанству удастся обновить общественныя отношенія, то вездѣ принято будетъ и это преимущество, указанное апостоломъ.

Хотя апостолъ признавалъ равное участіе въ искупленіи женскаго и мужскаго пола, однако тѣмъ не освобождалъ женщинъ отъ естественной подчиненности своимъ мужьямъ и приличной ихъ полу скромности. Почему не одобрялъ самое, повидимому, безразличное дѣло — то именно, что женщины коринѳ-

скія снимали покрывала свои съ головы во время богослуженія. Эти покрывала были символами власти надъ ними мужей ихъ и защитою ихъ скромности (11, 1—15). Тѣмъ менѣе онъ могъ позволить, чтобы женщины предлагали въ церковныхъ собраніяхъ наставленія; женщинѣ и законъ велитъ быть въ подчиненіи. Даже если бы ей встрѣтилось что нибудь непонятнымъ въ предлагаемомъ другими наставленіи, она не должна объ этомъ спрашивать тутъ же—въ собраніи, или послѣ—у самого наставника, но у своего мужа. Мужъ—глава ея; мужъ—ея учитель. Здѣсь открывается высокое понятіе объ обязанностяхъ мужа; союзъ супружества не земное только дѣло; онъ долженъ быть средствомъ воспитанія сочетавающихся лицъ для небеснаго. Когда я одинъ — отвѣчаю я за одного себя; когда съ судьбою моею связывается судьба другаго человѣка, я отвѣчаю и за него. Чего онъ не зналъ, для своего спасенія, чего онъ не дѣлалъ,—въ этомъ и я принимаю ближайшее участіе и подвергаюсь отвѣтственности.

Проникнутый духомъ любви, Павелъ сильно упрекаетъ за превращеніе порядка вечерь любви въ вечери вражды и несогласія. Свято почитая Божественное учрежденіе евхаристіи, порицаетъ невнимательность и превозство, съ какими нѣкоторые къ ней приступаютъ. Какая цѣль этихъ вечерь? Развѣ ѣсть и пить? На это есть свои домы. Какая цѣль евхаристіи? Воспоминаніе смерти Господней. А развѣ это возможно, когда у однихъ чувства разстроены безпорядкомъ предшествующихъ трапезъ, возбуждено неудовольствіе къ богатымъ, которые предъ ними услаждали свой вкусъ и лучшими яствами и хорошими винами; у другихъ омраченъ смыслъ употребленіемъ напитковъ, или, по крайней мѣрѣ, не способна душа для принятія духовнаго, бывъ отягощена пресыщеннымъ тѣломъ.

Похвалю васъ за это? Не похвалю. Такъ ли воспоминать смерть Христову? Такъ ли принимать хлѣбъ и чашу Господню?

Цѣня всякое дарованіе и служеніе въ церкви по отношенію его ко благу цѣлаго общества вѣрующихъ, апостолъ старается примирить ихъ споры о дарованіяхъ и служеніяхъ, указывая на то, что болѣе всего имѣетъ значенія, что останется съ человѣкомъ всегда — т. е. любовь. Говорящіе языками спорили съ пророчествующими. Говорить языками дарованіе высокое: виновникъ его Духъ Святый. Между язычниками нѣтъ ни одного такого примѣра. Однако не должно забывать, что это не единственное дарованіе; ихъ много по различію служеній и одинъ Виновникъ всѣхъ, раздающій каждому по своему произволу; если всѣ эти дарованія будутъ употребляемы на пользу церкви, нѣтъ сомнѣнія—она будетъ имѣть отъ того обильные плоды (12, 4—11). Церковь одно тѣло; каждый членъ имѣетъ свою важность и свое значеніе; не должно быть между ними споровъ и соревнованія; не всякій все можетъ, не у всѣхъ дары такіе, которыми бы можно было пользовать цѣлую церковь (12—31). Вотъ всеобщее важное дарованіе—любовь; безъ нея ничего не значатъ всѣ другіе дары; велики дарованія вѣры и надежды, но и тѣ ей уступаютъ. Это даръ, который останется съ человѣкомъ вѣчно; такого то дара надлежитъ болѣе домогаться (13, 1—13). Послѣ этого общаго разсужденія о дарованіяхъ, Павелъ переходитъ къ главному своему предмету, спорамъ о превосходствѣ дара языковъ предъ даромъ пророчества. Павелъ рѣшаетъ этотъ споръ въ пользу послѣдняго, какъ болѣе полезнаго для обыкновенныхъ дѣлъ церкви. Дара языковъ не надлежитъ отвергать, но и не давать ему излишняго уваженія въ сравненіи съ пророчествомъ; это не хорошо дѣлается, что

въ собраніяхъ церковныхъ выходятъ одинъ за другимъ и молятся въ слухъ всѣхъ говорящіе на незнакомыхъ языкахъ и такимъ образомъ отнимаютъ время у пророчествующихъ говорить въ назиданіе церкви. Что касается до меня, пишетъ апостолъ, то хотя я болѣе васъ говорю языками, однако лучше хочу въ церкви сказать пять словъ вразумительныхъ, нежели тьму непонятныхъ. Въ особенности, никѣмъ не понимаемыя молитвы на незнакомыхъ языкахъ могутъ казаться соблазнительными для язычниковъ, приходящихъ въ мѣста церковныхъ собраній. Напротивъ, одинъ мѣткій взоръ пророка въ душу любопытнаго язычника, раскрывъ ему себя самого, заставитъ питать глубокое уваженіе къ христіанству и даже признать его истинною религіею (14. 23, 24).

Оставалось Павлу опровергнуть противниковъ ученія о воскресеніи. Онъ доказываетъ возможность воскресенія вообще примѣромъ воскресенія Іисуса. Если Онъ воскресъ, значитъ воскресеніе возможно. Если же Христосъ не воскресъ, то вся проповѣдь апостоловъ ничего не значитъ; вся вѣра въ ихъ проповѣдь напрасна; вся надежда на отпущеніе грѣховъ суетна; нѣтъ и не можетъ быть никакихъ ожиданій въ будущемъ—въ жизни будущей; христіанамъ остается одно настоящее и то бѣдственное. Но если на это не согласится исповѣдующій христіанство, если онъ признаетъ связь между воскресеніемъ Іисуса Христа и всѣми благами, какими мы можемъ наслаждаться въ Его царствѣ; если онъ считаетъ необходимымъ, чтобы Христосъ воскресъ, то онъ долженъ вѣрить, что и мы воскреснемъ (15, 12—20). Это также необходимо—необходимо въ порядкѣ возстановленія міра. Міръ подвергся смерти отъ одного человѣка: нужно, чтобы однимъ человѣкомъ онъ былъ и воздвигнутъ отъ смерти. Далѣе, нужно, чтобы все,

отпадшее отъ Творца, было покорено Ему Ходатаемъ; это невозможно иначе, какъ когда упразднится послѣдній врагъ Силы всезиждущей — смерть, т. е. когда умершее будетъ возвращено къ жизни (21—28). Принимая противниковъ воскресенія за противниковъ безсмертія, Павелъ прибавляетъ: если бы бытіе человѣка уничтожалось съ его смертію, то ничего бы не было лучше, какъ слѣдовать такому правилу: станемъ ѣсть и пить, завтра умремъ. Отъ чего же это язычники, видя насъ непрестанно умирающихъ, видя по мѣстамъ и мучениковъ, скончавающихъ въ страданіяхъ дни свои, приходятъ къ намъ и требуютъ крещенія (ст. 29). Зачѣмъ и мы подвергаемъ себя столькимъ опасностямъ, мученіямъ и проч. (29—34)? Обращаясь опять къ противникамъ воскресенія, Павелъ продолжаетъ: нѣкоторымъ кажется, если жизнь будущая есть высшая степень бытія человѣческаго, то зачѣмъ человѣка и тамъ стѣснять тѣломъ? Тѣло— темница души. Но тѣло, которое мы получимъ съ воскресеніемъ, хотя образуется изъ поверженныхъ въ землю остатковъ, подобно какъ трава возникаетъ изъ сѣмени, — но отъ настоящаго тѣла оно будетъ различно, также какъ растеніе или колосъ пшеницы отъ зерна. И теперь въ цѣлой природѣ можно примѣчать это разнообразіе тѣлъ; отъ однихъ сѣмянъ родятся такія растенія, отъ другихъ — другія; иначе устроено тѣло человѣческое, иначе тѣла животныхъ. У каждаго животнаго, по особому его свойству, жилищу и пр., своя форма тѣла. Тоже самое примѣчается и въ тѣлахъ небесныхъ, одни болѣе, другія менѣе; одни свѣтлѣе, другія тусклѣе. Такимъ же образомъ и тѣло, которымъ облечемся въ воскресеніе, не будетъ совершенно тоже самое, какое мы теперь носимъ,—немощное, презрѣнное; оно будетъ гораздо лучше, славнѣе. Первые элементы этого тѣла нахо-

дятся въ настоящемъ; но они очистятся, и явится тѣло вмѣсто тлѣннаго нетлѣнное, вмѣсто презрѣннаго славное, вмѣсто немощнаго сильное, вмѣсто душевнаго духовное. Само собою разумѣется, что плоть и кровь—настоящее это тѣло—царства Божія не наслѣдятъ. Но такое преображенное тѣло почему же не можетъ быть легкимъ орудіемъ души? Чѣмъ оно будетъ отягчать душу? Не будетъ ли оно даже служить къ пріумноженію совершенства натуры человѣка (35—50)? Наконецъ, представляютъ еще вопросъ относительно воскресенія, на которомъ останавливается умъ пытливый, недовѣрчивый: когда это будетъ и что будетъ съ тѣми, кто не умретъ до воскресенія? Тѣ, которые не умрутъ до той поры, говоритъ апостолъ, измѣнятся, преобразятся. А это воскресеніе и измѣненіе послѣдуетъ тогда, когда Іисусъ Христосъ вторично придетъ на землю, чтобы истребить навсегда смерть, которая чрезъ грѣхъ владычествовала надъ человѣкомъ.

Павелъ писалъ это посланіе около времени іудейской пасхи, какъ можно догадываться изъ намека (5, 17) и намѣренъ былъ въ то время, когда писалъ, пробыть въ Ефесѣ еще до пятьдесятницы (16, 8). Въ концѣ писалъ онъ, что для его проповѣди еще много здѣсь дѣла, но много и противниковъ (ст. 9). Даже упоминаетъ объ ежедневной опасности смерти (15, 30).

Когда отправлялъ онъ это посланіе въ Коринѳъ, у него уже былъ начертанъ обширный планъ для будущаго дѣйствованія. Положивъ достаточное основаніе распространенію церкви между народами греческими, особенно въ продолженіе многолѣтняго своего пребыванія въ Ахаіи и Ефесѣ, Павелъ намѣревался перенести кругъ своего дѣйствованія на западъ. Итакъ какъ онъ поставилъ себѣ правиломъ избирать для

своего дѣйствованія только такія мѣста, гдѣ никто еще не проповѣдывалъ, то хотѣлъ идти въ Испанію и начать свою проповѣдь съ самаго крайняго предѣла западной Европы, а проходя въ Испанію намѣренъ былъ посѣтить и Римъ, гдѣ уже, впрочемъ, давно была основана церковь (Римл. 15, 24. 28). Прежде нежели приступилъ къ исполненію этого плана, онъ хотѣлъ собрать въ церквахъ изъ язычниковъ милостыню въ пользу бѣдныхъ христіанъ іерусалимскихъ и доставленіе ея взять на себя вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ братій (1 Кор. 16, 3. 4. 2 Кор. 1, 16). Этимъ поступкомъ онъ хотѣлъ показать христіанамъ изъ іудеевъ, жившимъ въ Іерусалимѣ, самое ощутительное свидѣтельство обращенія язычниковъ, заставить ихъ признать дѣйствіе Духа Божія и между христіанами изъ язычниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и заключить достойнымъ образомъ свои дѣйствія на Востокѣ, утвердивъ тѣсный союзъ христіанскаго общенія между вѣрующими изъ іудеевъ и вѣрующими изъ язычниковъ. Поэтому еще прежде отправленія помянутаго посланія къ Коринѳянамъ онъ послалъ Тимоѳея съ нѣкоторыми другими братіями въ Македонію и Ахаію для собранія тамъ милостыни и для прекращенія возмутительныхъ вліяній въ церкви коринѳской (1 Кор. 4, 17; 16, 10). Онъ надѣялся чрезъ него получить извѣстія о томъ, какое впечатлѣніе произвело на церковь коринѳскую его посланіе. Но надежда его не исполнилась. Тимоѳей вѣроятно былъ чѣмъ нибудь остановленъ дойти до Коринѳа и потому возвратился въ Ефесъ, не принесши съ собою ожидаемыхъ апостоломъ извѣстій (Дѣян. 19, 22). Обезпокоившись этою нѣжною отеческою заботливостію (2 Кор. 2, 3. 4), Павелъ послалъ Тита въ Коринѳъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, чрезъ него получить нужныя извѣстія и сдѣлать распоряженія, соотвѣтственныя тому впечатлѣнію,

какое произведено посланіемъ (2 Кор. 2, 13). И такъ какъ намѣренъ былъ вскорѣ оставить Ефесъ, то положилъ условіе сойтись съ нимъ въ Троадѣ, гдѣ намѣренъ былъ пробыть долѣе, дабы болѣе заняться проповѣдью (ст. 12) и, можетъ быть, для начертанія плана своего путешествія соотвѣтственно вновь полученнымъ извѣстіямъ отъ Тита.

Между тѣмъ, возникло въ Ефесѣ сильное возмущеніе противъ апостола, которое было вмѣстѣ доказательствомъ важныхъ послѣдствій его проповѣди въ малой Азіи. Въ этомъ городѣ дѣлали серебряныя и золотыя модели знаменитаго храма Діаны, здѣсь находившагося, которыя разсылались всюду и доставляли богатые доходы городу. Нѣкто Димитрій, у котораго производилась большая фабрикація такихъ моделей и который содержалъ у себя много работниковъ, видя такіе могущественные успѣхи евангелія въ малой Азіи и ощущая уменьшеніе своихъ доходовъ съ началомъ упадка вѣры въ Діану, пришелъ въ опасеніе, что его ремесло и совсѣмъ потеряетъ свой ходъ. Онъ собралъ своихъ единомысленниковъ и легко могъ воспламенить ихъ негодованіе противъ людей, которые грозили уничтожить славу Діаны и лишить ихъ доходовъ. Народъ зашевелился; всѣ спѣшили на публичную площадь, гдѣ обыкновенно собирались; многіе кричали, сами не зная, о чемъ шло дѣло. Двое изъ спутниковъ Павловыхъ были схвачены. Такъ какъ народъ греческій, изъ котораго состояло главное народонаселеніе города, вообще питалъ ненависть къ жившимъ здѣсь іудеямъ, какъ врагамъ боговъ, и народная ненависть при маломъ оскорбленіи легко могла вспыхнуть въ мятежъ, отъ котораго они много могли потерпѣть; то, въ настоящемъ случаѣ, когда еще многимъ было неизвѣстно, что собственно было причиною негодованія народнаго,—іудеи, слыша только

то, что народъ волнуется по причинѣ оскорбленія, нанесеннаго врагами боговъ, тотчасъ отнесли причину такого негодованія къ себѣ, и нѣкто, именемъ Александръ явился, чтобы дать народу объясненія и, въ случаѣ нужды, сложить вину на христіанъ. Но явленіе такого человѣка, который самъ принадлежалъ къ числу враговъ народной религіи, только произвело сильнѣйшее раздраженіе; крики еще болѣе увеличились. Впрочемъ, эти враждебныя расположенія питала къ апостолу, кажется, только чернь; начальники города знали образъ жизни и дѣйствованія Павла въ теченіе почти трехъ лѣтъ въ Ефесѣ и это не могло не дать имъ выгоднаго сужденія о Павлѣ. Нѣкоторые изъ правителей города, управлявшіе въ этотъ годъ дѣлами религіи въ малой Азіи (Ἀσιάρχαι), имѣвшіе надзоръ за публичными играми, изъявили даже участіе въ судьбѣ его, упросивъ его не являться народу во время этого волненія. Наконецъ городской стряпчій успѣлъ успокоить мятущуюся толпу, представивъ, что удовлетворенія надлежитъ требовать законнымъ порядкомъ; что не можетъ быть, чтобы кто-нибудь возставалъ противъ великой богини ефесской, что за возмущеніе можно опасаться отвѣтственности.

Послѣ этого случая Павелъ оставилъ Ефесъ. Очень вѣроятно, что здѣсь и не одно такое несчастіе съ нимъ было (см. Дѣян. 20, 18. 19. Рим. 16, 4. 1 Кор. 15, 31. 2 Кор. 1, 8). Въ Македоніи много встрѣтилъ онъ огорченій (2 Кор. 7, 5.), но и обрадованъ былъ ревностію и любовію церквей, подвергавшихся непрерывнымъ гоненіямъ (2 Кор. 8, 1 и дал.). Здѣсь сошелся онъ съ Титомъ, котораго напрасно ожидалъ въ Троадѣ (2 Кор. 2, 13). Здѣсь узналъ отъ него, что его посланіе произвело спасительное прискорбіе въ церкви коринѳской (2 Кор. 7, 6—16). Всѣ изъявили негодованіе на беззаконника, — онъ

былъ отлученъ отъ общенія церковнаго; всѣ, имѣвшіе уваженіе къ апостолу, отказались отъ всякихъ сношеній съ нимъ,—и это произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ самъ созналъ свое преступленіе и изъявилъ сильную скорбь (2 Кор. 2, 7). Почему Павлу нужно было настоять, чтобы его снова приняли въ свою церковь. Весьма многіе показали великую ревность въ защищеніи апостольской важности Павла (2 Кор., 1, 14.), также какъ и скорбѣли о томъ, что причинили ему столько огорченій, и сильно желали видѣть его среди себя. Но противники Павла изъ іудаистовъ не только этимъ не были смягчены, но обличеніями его и покорностію, какую онъ находилъ въ другихъ церквахъ, еще болѣе стали раздражены противъ него и все пытались дѣлать, чтобы представить его подозрительнымъ церкви (2 Кор. 3, 1. 5, 12). Они говорили: Павелъ только въ письмахъ строгъ, силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ (10, 10). Онъ болѣе грозитъ, нежели сколько можетъ сдѣлать, поэтому нечего его много страшиться. Сначала Павелъ далъ было знать (съ братіями коринѳскими), что скоро оставитъ Ефесъ и придетъ въ Коринѳъ, и если худое не будетъ исправлено, то употребитъ всѣ свои права, всю строгость къ прекращенію безпорядковъ. Но такъ какъ онъ послѣ того долго оставался въ Ефесѣ, перемѣнилъ свой планъ и сталъ говорить Коринѳянамъ, что онъ сначала пойдетъ въ Македонію (1 Кор. 16, 5.), а оттуда уже и къ нимъ придетъ,—то и этимъ враги Павла воспользовались, чтобы обвинить его въ нетвердости, непостоянствѣ и нестойкости въ словѣ. Таковъ же, заключали далѣе, онъ и въ ученіи. Отсюда и противорѣчія его поведенія между іудеями и язычниками, именно въ отношеніи къ закону Моисееву. Они старались представить въ невыгодномъ

свѣтѣ эту христіанскую мудрость, которая соединена была въ немъ съ простотою; говорили, что онъ различныя употребляетъ хитрости, чтобы какъ-нибудь обманывать людей (2, 17. 4, 2. 12, 16). Да и съ той стороны, которая привержена была къ апостолу, не все было сдѣлано, чего требовалъ Павелъ въ посланіи.

При такомъ состояніи коринѳской церкви Павелъ счелъ за нужное, не являясь въ Коринѳъ, чтобы не встрѣтить здѣсь никакихъ новыхъ огорченій, чтобы насладиться съ вѣрующими только миромъ и любовію (1, 23.), написать къ нимъ еще посланіе, чтобы приготовить такимъ образомъ ихъ къ личнымъ своимъ дѣйствіямъ (13, 10). И отправилъ къ нимъ съ посланіемъ извѣстнаго имъ Тита съ двумя другими братіями, принимавшими дѣятельное участіе въ служеніи церкви (8, 16—23). Они должны были и заняться до прибытія Павла собираніемъ милостыни.

Для оправданія себя противъ подозрѣній въ искренности своего поведенія и характера, Павелъ ссылается въ этомъ посланіи на свидѣтельство собственной совѣсти (1, 12.), показываетъ причины, почему онъ перемѣнилъ планъ своего путешествія къ нимъ (15. 16. 23—2, 1.), свидѣтельствуется Богомъ, что въ проповѣданіи евангелія онъ никогда себѣ не противорѣчилъ, возвѣщалъ постоянно одно ученіе Христово и обѣтованія, которыя они получили, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ исполнены Іисусомъ Христомъ: въ этомъ можетъ ручаться ихъ собственная совѣсть или сознаніе перемѣны въ себѣ.

Желая оправдать свой апостольскій характеръ противъ враговъ своихъ, Павелъ вынужденъ былъ говорить здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ посланіяхъ, о себѣ, о своихъ трудахъ для царства Божія, о страданіяхъ, о дарахъ благодати Божіей въ откровеніяхъ.

Остальную часть лѣта и осень провелъ онъ въ Македоніи и, вѣроятно, въ это время простеръ свою проповѣдь до сосѣдственной области иллирійской, о чемъ упоминаетъ въ посланіи къ Римлянамъ (15, 19). Потомъ отправился въ Ахаію, гдѣ провелъ зиму (1 Кор. XVI, 6).

Такъ какъ Павелъ уже рѣшился съ началомъ весны, отправившись въ Іерусалимъ, перенести свой кругъ дѣйствованія на Западъ и посѣтить столицу міра; то ему желательно было войти съ тамошнею церковію въ соглашеніе предварительно. И отправленіе въ Римъ діакониссы Фивы изъ церкви кенхрейской было потому самымъ лучшимъ случаемъ для Павла: съ нею онъ отправилъ къ церкви римской посланіе, въ которомъ рекомендовалъ ей и Фиву (16, 1. 2).

Сѣмя евангелія еще довольно рано могло быть принесено въ Римъ къ іудеямъ христіанами изъ іудеевъ; и, по привѣтствіямъ, приложеннымъ въ концѣ посланія къ Римлянамъ, видно, что въ Римѣ были люди, давно принадлежавшіе къ христіанству (Рим. 16, 7). Впрочемъ, коренное общество церкви состояло не изъ іудеевъ: большая часть христіанъ въ Римѣ была языческаго происхожденія; имъ проповѣдано было евангеліе учениками Павловыми независимо отъ закона Моисеева. Поэтому и Павелъ почиталъ обязанностію писать къ нимъ, какъ апостолъ язычниковъ (1, 13. 14). Въ церкви римской обстоятельства были таковы же, каковы и вообще въ тѣхъ церквахъ, гдѣ главный элементъ былъ языческо-христіанскій и къ нему примѣшивался іудейско-христіанскій. Христіане изъ іудеевъ не могли рѣшиться признать равенства въ царствѣ Божіемъ христіанъ изъ язычниковъ, не наблюдавшихъ обрядоваго закона. Христіане изъ язычниковъ сохраняли прежнее презрѣніе къ іудеямъ, даже и обращеннымъ, которое усиливалось еще болѣе гоне-

ніями іудеевъ, воздвигаемыми противъ проповѣдниковъ евангелія (гл. 11, 12, 17).

Въ посланіи къ Римлянамъ Павелъ предлагаетъ церкви, въ которой самъ еще не могъ проповѣдывать, начертаніе существенныхъ истинъ евангелія: онъ хотѣлъ воскресить въ ихъ сознаніи то, что имъ было возвѣщено, какъ ученіе христіанства (Рим. 15, 15). Поэтому посланіе къ Римлянамъ можетъ въ особенности служить къ тому, чтобы показать, что̀ Павелъ признавалъ сущностію евангелія. Онъ начинаетъ увѣреніемъ, что онъ не стыдится явиться съ проповѣдію евангелія и въ столицѣ образованнаго міра. Это ученіе необходимо для всѣхъ, и для іудевъ и для язычниковъ, потому что всѣ — грѣшники. Грѣшники — язычники, потому что грѣховными пожеланіями подавили въ себѣ лучшее вѣдѣніе о Богѣ, имъ прирожденное; вслѣдствіе чего безчестили Бога и въ возмездіе за недостойное почтеніе Бога преданы были тѣмъ бо̀льшимъ порокамъ (гл. 1). Іудеи хотя и имѣли правильнѣйшее познаніе о Богѣ, Богъ оказывалъ имъ особое благоволеніе, но и они не были вѣрны обязанностямъ, которыя знали, и тѣмъ еще не извинительнѣе. Отсюда видно, какъ необходимо то великое евангельское устроеніе спасенія, которое доставляетъ человѣку оправданіе, не спрашивая его собственныхъ дѣлъ правды (гл. 2 и 3).

Этотъ путь оправданія признаетъ и Ветхій Завѣтъ. У Авраама и Давида мы уже находимъ подобную праведность (4). Плоды этого Божественнаго оправданія оказываются въ человѣкѣ миромъ и радостію, — радостію не только о надеждѣ будущей славы, но и въ настоящее время. Итакъ величественно и достопоклоняемо это домостроительство спасенія. Какъ чрезъ одного человѣка все было потеряно, такъ чрезъ одного же — новаго родоначальника человѣка — все возстановлено (5).

Только освященіе наше не можетъ быть и безъ нашего соизволенія, хотя не есть рабское наблюденіе закона, но болѣе свободный плодъ живо возбужденнаго въ насъ сознанія искупленія (6). Законъ для насъ мертвъ, равно и мы въ отношеніи къ закону. Таковъ ходъ внутренней жизни: сначала человѣкъ не знаетъ никакого закона и находитъ услажденіе во всѣхъ грѣхахъ своихъ. Потомъ онъ познаетъ законъ, старается исполнить его, усиливается, порывается—и всегда падаетъ подъ бременемъ своего дѣла безсильный. Только Христосъ даетъ возможность исполнить требованія закона, вложивъ въ человѣка новое начало жизни, вѣру въ свободно дарованную ему благодать (7). Такимъ образомъ возрожденному становится возможнымъ, что̀ невозможно было дотолѣ для человѣка. И окончательный исходъ его жизни есть слава. Хотя онъ и долженъ еще много терпѣть, но его ожидаетъ вѣчная неизреченная слава, которой не можетъ похитить никакая земная сила (8).— Какъ бы я желалъ, пишетъ далѣе апостолъ, преклонить братій моихъ по плоти къ принятію этого ученія о спасеніи. Но ихъ упорное сопротивленіе вѣровать во Христа преграждаетъ имъ путь къ Нему; они думаютъ, что могутъ хвалиться праведностію дѣлъ своихъ. Впрочемъ, одинъ Богъ, какъ неограниченный Владыка, можетъ открывать эти пути къ оправданію: Онъ поставилъ нынѣ единственнымъ условіемъ спасенія вѣру во Христа; это зависѣло отъ Его свободнаго избранія (9). Если бы Израиль принялъ эту вѣру, онъ бы спасся (10). Однако и теперь этотъ знаменитый богоизбранный народъ не навсегда отвергнутъ. Обратятся съ начала язычники, а нѣкогда и Израиль весь. И тогда откроется слава премудрости Божіей различными путями, но всѣхъ грѣшниковъ

приводящей къ одной цѣли—спасенію и единственному средству спасенія—вѣрѣ въ Искупителя.

Въ практическихъ наставленіяхъ, составляющихъ послѣднюю часть этого посланія, Павелъ входилъ во всѣ отношенія, въ которыхъ находились новые христіане, предвидѣлъ заблужденія, которыми могли они быть увлечены и старался ихъ предостеречь отъ того. Возмутительный духъ іудеевъ, не терпѣвшихъ никакого языческаго начальства, хотя не могъ быть сильнымъ между христіанами римскими, потому что большая часть ихъ была изъ язычниковъ; но и одно неправильное разумѣніе христіанской истины легко могло подать поводъ къ подобнымъ покушеніямъ. Какъ члены царства Божія, смотря на міръ языческій, какъ на царство злаго духа, они легко могли войти въ борьбу со всѣми настоящими своими политическими отношеніями. Удобно могло получить и ученіе о христіанской свободѣ неправильное значеніе, такъ какъ Павелъ уже и имѣлъ случаи опровергать такое грубое, плотское толкованіе (Гал. 5, 13). Желая предостеречь отъ этихъ практическихъ заблужденій, Павелъ въ особенности старался внушить христіанамъ римскимъ, что какъ вообще на гражданское начальство надлежитъ смотрѣть, какъ на Божественное учрежденіе, постановленное для опредѣленныхъ цѣлей, имѣющихъ основаніе свое въ Божественномъ міроправленіи; такъ надлежитъ смотрѣть и на дѣйствительное того времени правительство и сообразно тому вести себя по отношенію къ нему.

Подъ конецъ Павелъ касается отношеній христіанъ свободомыслящихъ къ мнительнымъ, еще зараженнымъ іудейскими предразсудками. Обстоятельства здѣсь были таковы же, какъ и въ церкви коринѳской. Одни ни мало не уважали запрещеніе ѣсть идоложертвенное и смѣялись надъ скрупулезностію христіанъ

изъ іудеевъ, а эти—яденіе идоложертвеннаго прямо выдавали за грѣхъ и потому произносили осужденіе на всѣхъ, которые дерзаютъ ѣсть все безъ различія. Такимъ же образомъ нѣкоторые привыкли считать извѣстные дни за особенно святые; свободно мыслящіе напротивъ не хотѣли полагать никакого различія между днями по отношенію къ религіи. Павелъ старается раскрыть той и другой сторонѣ, что не должно быть никакихъ споровъ, никакихъ осужденій изъза предметовъ столь маловажныхъ; что всѣ попеченія христіанина должны быть сосредоточены на существенномъ его благѣ, которое есть жизнь для Господа, жизнь по вѣрѣ. Участіе въ царствѣ Божіемъ состоитъ не въ употребленіи того или другаго въ пищу и питіе или не употребленіи, но въ усвоеніи небесныхъ благъ внутренняго человѣка—правды,—проистекающаго отсюда мира и радости Божественной жизни (14, 17). Той и другой сторонѣ онъ внушаетъ терпѣть другъ друга любовію, не осуждать другъ друга; каждому стараться быть твердымъ въ собственной увѣренности и по ней поступать. Впрочемъ, болѣе крѣпкіе въ христіанскомъ убѣжденіи должны снисходить къ немощнѣйшимъ.

Проведши три мѣсяца въ Ахаіи, Павелъ, собравъ деньги, намѣренъ былъ отправиться въ Іерусалимъ и такимъ образомъ заключить свои апостольскія дѣйствія на Востокѣ путешествіемъ, которое должно было запечатлѣть христіанское общеніе между обѣими сторонами, изъ которыхъ состояла церковь,—утвердить единство новой церкви.

Пятое и послѣднее путешествіе Апостола Павла въ Іерусалимъ; ближайшія слѣдствія этого путешествія;—заключеніе Павла въ Палестинѣ.

Весною около пасхи 58 или 59 года Павелъ оставилъ Коринѳъ. Нѣкоторые изъ спутниковъ его переправились еще прежде его въ Троаду (Дѣян. 20, 4. 5). Павелъ провелъ пасху въ Филиппахъ, взялъ отсюда Луку, оставленнаго тамъ еще прежде; провелъ недѣлю въ Троадѣ, чтобы вознаградить краткость послѣдняго тамъ пребыванія, которой причиною было желаніе поскорѣе узнать о состояніи церкви коринѳской (2 Кор. 2, 12). Здѣсь въ первый день недѣли былъ онъ при богослуженіи церковномъ, бесѣдовалъ съ братіею дома; промыслъ, видѣвшій нужду утвердить вѣрующихъ въ принятомъ ими ученіи и распространить его между язычниками, открылъ случай показать себя Божественной силѣ, дѣйствовавшей въ апостолѣ, въ самомъ разительномъ видѣ. Одинъ юноша, павшій изъ третьяго жилья дома и поднятый мертвымъ, былъ возвращенъ имъ къ жизни. Но поспѣшая въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы, Павелъ не хотѣлъ оставаться здѣсь долѣе. Спутники его сѣли въ корабль; самъ онъ, доколѣ можно было, шелъ еще пѣшій съ троадскими братіями до Асса и, чтобы не замѣшкать въ Ефесѣ, положилъ миновать его, распорядившись только, чтобы предстоятели ефесской церкви и, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ церквей [1]) пришли съ нимъ въ Милетъ.

---

[1]) Ἐν οἷς διῆλθον (Дѣян. 20, 25) указываетъ не на одно мѣсто или общество, но на многія. Ириней, ученикъ Поликарпа, епископа тѣхъ странъ, прямо говоритъ объ епископахъ и пресвитерахъ Ефе-

Трогательно было это прощаніе. Павелъ считалъ свое свиданіе съ этими пастырями послѣднимъ. Съ одной стороны твердое намѣреніе идти съ проповѣдію на западъ, съ другой начинающіе обнаруживаться признаки непримиримой ненависти къ нему его соотечественниковъ, къ которымъ онъ пылалъ такою высокою любовію (Рим. 9 г.), тревожили духъ его и располагали смотрѣть на настоящее разлученіе его съ Малою Азіею, какъ на всегдашнее. Опасенія со стороны іудеевъ онъ ощущалъ еще въ послѣдній разъ, какъ находился въ Коринѳѣ; еще тогда, отправляя отсюда посланіе къ Римлянамъ, писалъ онъ: умоляю васъ, братія, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію Духа, подвизаться со мною въ молитвахъ за меня къ Богу, чтобы мнѣ избавиться отъ невѣрующихъ въ Іудеѣ (15, 30. 31). Еще тогда онъ долженъ былъ, по причинѣ этихъ опасеній, отчасти измѣнить и планъ своего путешествія въ Іерусалимъ; вмѣсто того, чтобы изъ Коринѳа прямо плыть въ Сирію, онъ долженъ былъ идти въ Македонію (Дѣян. 20, 3). Движенія іудеевъ коринѳскихъ, повидимому, состояли въ связи съ неудовольствіемъ, какое питали къ нему всего болѣе Іудеи іерусалимскіе; Павелъ уже ожидалъ, что тамъ встрѣтятъ его узы и бѣдствія (23). Новою печалью для сердца Павлова была неизвѣстность, какъ онъ будетъ принятъ самими христіанами въ Іерусалимѣ. Извѣстна была свобода, съ какою онъ смотрѣлъ на законъ Моисеевъ. Если она не нравилась многимъ христіанамъ изъ іудеевъ еллинистовъ, то тѣмъ менѣе могла нравиться христіанамъ изъ коренныхъ іерусалимскихъ іудеевъ, которыхъ такъ

са и прочихъ ближайшихъ городовъ (Contr. Haeres; III, 4. § 12.). Съ этимъ соглашается и показаніе времени проповѣданія Павлова въ Ефесѣ два года и три мѣсяца (Дѣян. 19, 8 и 10).

мало по внѣшности могли отличать отъ себя іудеи, что церковь іерусалимская возрастала тысячами, не возбуждая негодованія въ ревнителяхъ іудейства (Дѣян. 21, 20. 23). Павелъ всѣми мѣрами старался сохранить единство церкви; богатыя милостыни, которыя несъ онъ съ собою въ Іерусалимъ отъ христіанъ изъ язычниковъ, были однимъ изъ средствъ къ поддержанію этого единства. Но онъ не былъ увѣренъ въ томъ, чтобы эта мѣра достигла желаемой цѣли: потому, прося молитвъ церкви римской объ избавленіи его отъ злобы невѣрующихъ іудеевъ, онъ вмѣстѣ просилъ ее помолиться и о томъ, чтобы „его услуга для Іерусалима была пріятна святымъ“. (Рим. 15, 31).

Столько мрачныхъ ожиданій, столько неизвѣстности было сопряжено для Павла съ мыслію объ Іерусалимѣ. Но не менѣе прискорбнаго ощущало сердце его и при взглядѣ на оставляемыя имъ церкви. Взоромъ духа онъ провидѣлъ, что вскорѣ должно явиться здѣсь множество лжеучителей и что нѣкоторые будутъ такими изъ среды тѣхъ самыхъ христіанъ, которые теперь еще вѣрны истинѣ. Это уже не тѣ лжеучители, съ которыми онъ доселѣ боролся, это не іудействующіе противники Павла, которые не могли нанести сильнаго вреда церквамъ, образовавшимся по большей части изъ язычниковъ; и едва ли бы можно было ожидать, чтобы изъ среды самихъ предстоятелей церкви явились такіе. Это были такіе лжеучители, которымъ открывало сюда доступъ господствующее направленіе духа этихъ странъ и которыхъ успѣхи здѣсь могли быть тѣмъ сильнѣе.

Возмущаемый такими представленіями, Павелъ однако же не менѣе сильное ощущалъ призваніе идти въ Іерусалимъ. Въ городахъ, которыми проходилъ онъ и гдѣ посѣщалъ основанныя тамъ церкви, яв-

лялись изъ среди братій пророки, которые предсказывали, что узы и бѣдствія ожидаютъ его тамъ. Это совсѣмъ закрывало отъ него путь въ Римъ, для котораго собственно онъ предпринималъ настоящее путешествіе въ Іерусалимъ. Но, готовый принести себя въ жертву служенія, которое принялъ отъ Господа Іисуса,—Павелъ не колебался.

Когда собрались къ нему въ Милетѣ предстоятели ефесскіе, Павелъ, проникнутый нѣжною, отеческою любовію, хочетъ преподать послѣднее личное наставленіе и предостереженіе на счетъ будущаго. Онъ припоминаетъ имъ, какъ онъ самъ трудился у нихъ въ проповѣди три года, чтобы указать въ этомъ примѣръ для собственной ихъ ревности въ пользу церкви. Раскрываетъ съ дружескою искренностію свои обстоятельства и состояніе души своей, томимой и влеченіями духа и не сомнѣнными ожиданіями бѣдствій въ Іерусалимѣ. Потомъ обращаетъ ихъ взоръ на собственную ихъ будущность; заклинаетъ беречь свое стадо отъ грядущихъ волковъ, указываетъ противъ нихъ оружіе въ Богѣ и благодатномъ словѣ: „оно можетъ довести васъ до желаемаго наслѣдія со всѣми освященными“. Наконецъ, научая искать себѣ за эти труды награды не во временныхъ достояніяхъ, какія бы могли имъ доставить пасомые ими, но у Господа Іисуса,—Павелъ смягчаетъ тонъ наставника и уже не въ видѣ увѣщанія говоритъ: „сами вы знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ со мною служили эти мои руки. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ и помнить слова Господа Іисуса, который сказалъ: болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели брать“.

Слова Апостола произвели глубокое впечатлѣніе въ сердцахъ его слушателей (Дѣян. 20, 36). Всѣ

плакали. Всѣ повергались на выю Павлову. Всѣ цѣловали его. Насилу вырвались путешественники изъ рукъ ихъ (21, 1). Это зрѣлище повторилось потомъ въ Тирѣ, наконецъ въ Кесаріи Филипповой. Чѣмъ ближе Павелъ становился къ Іерусалиму, тѣмъ яснѣе и разительнѣе представлялась ему судьба, ожидающая его въ Іерусалимѣ. Въ Кесаріи Агавъ, тотъ самый, который назадъ тому лѣтъ четырнадцать или пятнадцать предсказаніемъ о голодѣ открылъ Павлу путь въ Іерусалимъ съ милостынею, и теперь встрѣтивъ его также съ милостынею, связалъ руки и ноги самого благодѣтеля собственнымъ его поясомъ. Это значитъ, говорилъ притомъ пророкъ, что такъ свяжутъ этого человѣка въ Іерусалимѣ и отдадутъ его въ руки язычниковъ.—Но напрасны были всѣ убѣжденія и мольбы просившихъ Павла не ходить въ Іерусалимъ. Въ Тирѣ нѣкоторые начали, по внушенію Духа, отклонять его отъ того (21, 4); въ Кесаріи къ мольбамъ церкви присоединили свой голосъ и спутники Павла, но все было напрасно. Павелъ говорилъ: „я готовъ не только быть узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса“.

Между тѣмъ одна краткая черта въ предсказаніи Агава нѣсколько проясняла будущность. Онъ сказалъ: свяжутъ этого человѣка іудеи, но не убьютъ, а отдадутъ въ руки язычниковъ т. е. Римлянъ. Павлу то и было нужно.

Прибывъ въ Іерусалимъ, Павелъ на другой же день отправился съ своими спутниками къ апостолу Іакову; къ нему собрались потомъ и пресвитеры церкви; всѣ слушали съ великимъ участіемъ, что говорилъ имъ Павелъ о дѣйствіяхъ евангелія между язычниками. Только Іаковъ замѣтилъ, что въ Іерусалимѣ теперь нѣсколько тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ, которые однако же строго соблюдаютъ и законъ Мои-

сеевъ; и что нѣкоторые изъ іудаистовъ, которые вездѣ старались представить дѣйствія Павла съ худой стороны, распространили между ними молву, что Павелъ не только освобождаетъ язычниковъ отъ соблюденія Моисеева закона, но и живущимъ между язычниками іудеямъ воспрещаетъ обрѣзывать дѣтей и вообще учитъ ихъ отступленію отъ закона, хотя это обвиненіе было несправедливо въ томъ смыслѣ, будто Павелъ отвергалъ внѣшнее соблюденіе іудейства самого въ себѣ; онъ отвергалъ его только, какъ средство оправданія и освященія человѣка. Его главнымъ началомъ было: никто не долженъ оставлять никакихъ земныхъ національныхъ гражданскихъ отношеній, въ которыхъ онъ находился до христіанства, если на то не будетъ никакихъ важныхъ причинъ; вслѣдствіе этого начала Павелъ дозволялъ и іудеямъ оставаться съ своими іудейскими постановленіями, къ которымъ принадлежало и соблюденіе закона Моисеева (1 Кор. 7, 17. 18). И такъ для опроверженія этого обвиненія самымъ дѣломъ, Іаковъ предложилъ Павлу засвидѣтельствовать публично своимъ уваженіемъ къ обрядамъ іудейства, что онъ не врагъ іудейскаго закона. Павелъ принялъ это предложеніе и съ четырьмя братіями изъ іудеевъ рѣшился возложить на себя на семь дней обѣтъ назорейства. Вслѣдствіе того онъ подвергъ себя тѣмъ же отреченіямъ, какія требовались отъ Назореевъ и объявилъ священникамъ храма, что внесетъ за себя и за своихъ соучастниковъ обѣта слѣдующую за нихъ сумму для принесенія жертвы Богу въ разрѣшеніи обѣта. Хотя Павелъ успокоилъ такимъ образомъ христіанъ изъ іудеевъ, но непримиримые ревнители закона изъ іудеевъ не сдѣлались отъ того благосклоннѣе къ нему. Они еще болѣе стали раздражены противъ него, видя, что человѣкъ, который, какъ гово-

рили они, учитъ поносить народъ Божій, законъ и храмъ, дерзаетъ принимать участіе въ богослуженіи сего храма. Они видѣли при немъ въ Іерусалимѣ христіанина изъ язычниковъ, Трофима, и въ фанатическомъ озлобленіи заключали отсюда, что Павелъ бралъ съ собою въ храмъ и язычника и тѣмъ осквернилъ храмъ. Открылось сильное возмущеніе и Павелъ только при помощи отряда войскъ римскихъ, вышедшихъ изъ прилегавшей къ храму крѣпости Антоніевой, могъ быть вырванъ изъ рукъ разъяренныхъ фанатиковъ.

Уже хотѣли Павла бичевать, чтобы выпытать отъ него самого признаніе въ винѣ, которая возбудила мятежъ, какъ онъ объявилъ о себѣ, что онъ римскій гражданинъ и тѣмъ избавилъ себя отъ истязанія. Послѣ того трибунъ, чтобы объяснить его дѣло, рѣшился представить его Синедріону. Здѣсь Павелъ явилъ себя человѣкомъ, который христіанскою кротостію умѣетъ покорять всѣ волненія своего чувства и съ христіанскимъ благоразуміемъ пользоваться обстоятельствами, не причиняя ущерба истинѣ. Хотя и позволилъ онъ себѣ увлечься на мгновеніе чувствомъ праведнаго негодованія и началъ говорить жестче, нежели какъ хотѣлъ, но тотчасъ же удержалъ себя. Въ порывѣ волненія онъ высказалъ первосвященнику Ананіи нѣсколько горькихъ словъ, впрочемъ справедливыхъ, словъ за его несправедливое повелѣніе бить Павла по устамъ,—не зная, что то былъ первосвященникъ; но лишь только узналъ о семъ, смягчивъ свою рѣчь, сказалъ въ извиненіе, что онъ говорилъ только по невѣдѣнію, зная и самъ, что законъ требуетъ уваженія къ начальству. Потомъ, чтобы привлечь на свою сторону большинство голосовъ между своими судьями, онъ употребилъ на пользу истины то самое средство, которое часто употребляли его

противники: divide et impera. Онъ указалъ на такую истину, которую съ нимъ могло принять большее число присутствующихъ и противъ которой оставшееся небольшое число противниковъ не могло быть для него опаснымъ и тѣмъ произвелъ въ собраніи раздѣленіе. По всей справедливости онъ могъ сказать, что онъ стоитъ на судѣ изъ за упованія народа Израильскаго за то, что свидѣтельствовалъ о чаемомъ воскресеніи мертвыхъ: такъ какъ и объ Іисусѣ онъ проповѣдывалъ, что чрезъ Него должно исполниться сіе чаяніе. Слова эти имѣли такое дѣйствіе, что фарисеи въ Синедріонѣ приняли его сторону и вступили въ сильный споръ съ Саддукеями, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ первосвященникъ. Они не находили въ немъ никакой вины: „хотя онъ и говоритъ, что духъ умершаго, или Ангелъ явился ему (разумѣется явленіе воскресшаго Іисуса Христа), но что̀ бы онъ подъ этимъ ни разумѣлъ, и справедливо ли это или нѣтъ,—не въ томъ дѣло,—только въ этомъ нѣтъ никакого преступленія“. Трибунъ римской когорты увидѣлъ, что для сохраненія жизни Павла отъ покушеній враговъ его необходимо вывести его подъ прикрытіемъ изъ Іерусалима въ Кесарію и передать все дѣло прокуратору Феликсу.

Обвиненіе, принесенное сюда синедріономъ противъ Павла состояло единственно въ томъ, что могло имѣть значеніе въ глазахъ римскаго правительства въ отношеніи къ іудеямъ: они обвинили Павла въ томъ, что онъ вездѣ нарушаетъ права, которыми предоставлено іудеямъ спокойно пользоваться въ имперіи, производитъ между ними безпокойства и раздѣленія и въ послѣднее время осмѣлился осквернить храмъ. На трибуна жаловались, что онъ воспрепятствовалъ іудеямъ судить Павла по предоставленнымъ имъ правамъ. Феликсъ не хотѣлъ входить въ домашніе спо-

ры іудеевъ и хотя не признавалъ обвиняемаго виновнымъ, однако не хотѣлъ безъ денегъ оказать ему справедливость. И такъ какъ Павелъ не хотѣлъ купить себѣ свободу такимъ невыгоднымъ образомъ, навлекавшимъ подозрѣніе на самое его дѣло; то Феликсъ, чтобы загладить свои оскорбленія іудеямъ, при своемъ прощаніи съ ними, оставилъ Павла въ темницѣ. Въ такомъ состояніи Павелъ находился два года — какъ прибылъ преемникъ Феликса, Порцій Фестъ.

Павелъ давно уже питалъ въ себѣ мысль проповѣдывать евангеліе въ столицѣ міра. Обстоятельства іерусалимскія повидимому затмѣвали эту мысль. Но въ ту самую ночь, которая слѣдовала за объясненіемъ его въ Синедріонѣ, гдѣ свидѣтельствовалъ онъ свою вѣру, Самъ Господь явился ему и увѣрилъ, что какъ свидѣтельствовалъ онъ о Христѣ въ Іерусалимѣ, также онъ долженъ свидѣтельствовать о Немъ и въ Римѣ. Конечно это видѣніе заставило его передать свое дѣло на аппеляцію къ императору, когда онъ замѣтилъ, что прокураторъ хотѣлъ пожертвовать имъ изъ угожденія народу. Въ это время Фестъ весьма былъ обрадованъ прибытіемъ въ Кесарію молодаго царя Агриппы II, который, какъ іудей, былъ свѣдущъ въ дѣлахъ вѣры іудейской. Фестъ надѣялся, что если онъ предоставитъ теперь своему гостю Павла, то можетъ что нибудь опредѣленнѣе написать о немъ въ Римъ. Павелъ явился среди многолюднаго собранія знатныхъ лицъ предъ римскаго прокуратора и іудейскаго царя, радуясь напередъ, что можетъ свидѣтельствовать предъ такими высокими людьми о томъ, что всего дороже было для его сердца. Особенно онъ обращался къ царю Агриппѣ, въ которомъ болѣе могъ предполагать близости къ христіанству, какъ въ іудеѣ. Онъ объяснилъ, какъ самъ изъ жаркаго рев-

нителя фарисейскихъ преданій сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ евангелія и, слѣдуя божественному призванію, доселѣ непрестанно свидѣтельствуетъ о немъ іудеямъ и язычникамъ, знатнымъ и незнатнымъ. И, присовокупивъ, что онъ ничего однако же новаго не проповѣдуетъ, кромѣ того, что предсказали Моисей и пророки,—именно: что Христосъ-Мессія долженъ пострадать, что Онъ воскреснетъ изъ мертвыхъ и возвѣститъ свѣтъ всему міру—іудеямъ и язычникамъ. Все это Павелъ могъ полагать извѣстнымъ царю и несомнѣннымъ для него: но для римлянина казалось это страннымъ; странно было для холоднаго правителя и то, что Павелъ все это высказывалъ съ такимъ одушевленіемъ. Онъ не видѣлъ въ этомъ ничего болѣе, кромѣ мечтательности: „большая ученость іудейская, сказалъ Павлу прокураторъ, сводитъ тебя съ ума!“ Но Павелъ съ новымъ увѣреніемъ отвѣчалъ: „я говорю не безъ ума, слова мои—слова истины и здраваго смысла“. И обращаясь къ Агриппѣ призывалъ самого его во свидѣтели, такъ какъ и ему должно быть извѣстно то, что не тайно совершалось, но публично, въ Іерусалимѣ. И твердо увѣренный, что во всемъ этомъ только исполнялись предсказанія пророковъ, сказалъ царю: „конечно ты вѣришь пророкамъ,—да, я знаю, что вѣришь“. Агриппа, принявъ эти слова не въ добрую сторону, отвѣчалъ ему: „правда, въ нѣсколько минутъ ты сдѣлалъ меня христіаниномъ!“ Апостолъ съ оковами на рукахъ, сознававшій въ себѣ гораздо болѣе, нежели чего стоитъ вся слава міра, произнесъ тогда эти великія слова: „о, если бы далъ Богъ, чтобы вскорѣ или не вскорѣ, не только ты, царь, но и всѣ слышавшіе меня нынѣ были тѣмъ же, чѣмъ я, исключая этихъ узъ.

Ни Фестъ, ни Агриппа не признали Павла виновнымъ, но поелику Павелъ самъ взялъ свое дѣло на

аппеляцію въ Римъ, то положили отправить его туда вмѣстѣ съ другими узниками. Съ нимъ поѣхали Лука и Аристархъ (Дѣян. 27, 2.). Время уже было поздно для плаванія: потому путешествіе было небезопасно. Павелъ предлагалъ было перезимовать на островѣ Критѣ (27, 8.); но сотникъ, сопровождавшій его, болѣе довѣрялъ начальнику корабля и кормчему, нежели Павлу. И вышло то, что близъ острова Мальты они лишились всего груза и корабля,— впрочемъ всѣ сохранили жизнь, какъ предсказывалъ Павелъ по видѣнію, ему бывшему.

Обстоятельства несчастнаго плаванія должны были привлечь къ Павлу вниманіе его спутниковъ, а событіе на островѣ Мальтѣ расположить къ нему мѣстныхъ жителей. Невредимое укушеніе отъ змѣя и исцѣленіе множества болящихъ (въ томъ числѣ отца начальника сего острова—Публія) во время трехмѣсячнаго пребыванія на о. Мальтѣ было приготовительнымъ средствомъ Промысла къ обращенію жителей сего острова.

Съ весною, когда открылось свободное плаваніе по морю, Павелъ съ своими спутниками вступилъ на берега Италіи въ мѣстечкѣ Путеолѣ, нашелъ тамъ братію, пробылъ здѣсь съ недѣлю и отправился въ Римъ, гдѣ вѣрующіе встрѣтили его на выходѣ изъ города у трехъ гостинницъ. Въ началѣ своего пребыванія и въ послѣдствіи Павелъ пользовался свободою; впрочемъ съ нимъ жилъ воинъ, который стерегъ его,— только онъ находился не въ темницѣ, а нанималъ домъ и могъ имѣть свободный доступъ ко всѣмъ и отправлять письма, куда хотѣлъ. Пользуясь этими обстоятельствами, Павелъ чрезъ три дня по прибытіи собралъ іудеевъ, чтобы, какъ въ другихъ городахъ, такъ и здѣсь начать свою проповѣдь съ іудеевъ. Предлагая ученіе, онъ нашелъ нужнымъ коснуться соб-

ственныхъ обстоятельствъ. Онъ представлялъ ихъ сколько нибудь извѣстными для нихъ и потому имѣлъ нужду устранить подозрѣніе: но узналъ, что іудеи римскіе не слыхали объ немъ, и когда Павелъ объявилъ, что связанъ за надежду Израиля, то просили его раскрыть свои мысли объ этомъ: мы слышали, говорили они, что объ этомъ ученіи много спорятъ. Павелъ назначилъ день и излагалъ имъ ученіе о царствѣ Божіемъ, доказывалъ изъ Моисея и пророковъ, что Іисусъ есть истинный Мессія. Но проповѣдь его не у многихъ нашла вѣру, и онъ долженъ былъ повторить обличеніе Исаіи своимъ современникамъ (Дѣян. 28, 26—28.).

Первое заключеніе Павла въ Римѣ и заботы его о церквахъ, имъ основанныхъ.

Съ заключеніемъ Павла въ Римѣ открывается новое отдѣленіе, новый періодъ не только его апостольной дѣятельности, но и усматриваются новыя явленія въ состояніи церквей, имъ основанныхъ на Востокѣ. Чѣмъ далѣе распространялось христіанство, тѣмъ болѣе разнообразные элементы должны были приходить отъ того въ движеніе.

Павелъ, по прибытіи въ Римъ, не вдругъ былъ потребованъ къ публичному допросу, но прошло нѣсколько времени послѣ его прибытія до суда въ Римѣ. Положеніе Павла въ Римѣ внушало ему утѣшительныя ожиданія, и онъ уже думалъ по освобожденіи своемъ, прежде нежели по предначертанному плану займется распространеніемъ своихъ дѣйствій на западѣ, отправиться снова въ Малую Азію. Тамъ было необходимо его личное присутствіе и дѣйствіе противъ нѣкоторыхъ вредныхъ для состоянія церкви вліяній, возникшихъ въ теченіе двухдѣтняго его за-

ключенія въ Кесаріи. Къ предстоятелю церкви колосской Филимону Павелъ уже писалъ, что онъ будетъ къ нимъ и у него остановится (ст. 22).

Позднѣе, послѣ перваго допроса (Филип. 1, 7.), хотя и не представлялось ему столько же отраднаго въ будущемъ,—и близка была къ его душѣ мысль о мученичествѣ; но надежда освобожденія брала перевѣсъ надъ сею мыслію и онъ писалъ къ церкви филиппійской, что скоро самъ будетъ у нихъ, хотя еще и не зналъ, что съ нимъ будетъ (2, 23. 24.).

Во время этого заключенія Павла много занимали попеченія о распространеніи церкви Божіей и цѣлости основанныхъ имъ церквей. Такъ какъ онъ могъ свободно принимать всякія посѣщенія, то пользовался этимъ правомъ преимущественно для проповѣдыванія евангелія. Всѣмъ было извѣстно, что онъ подвергся заключенію не за какое либо преступленіе, но за проповѣданіе новой вѣры: и это много служило въ пользу святому дѣлу. Ученіе, за которое проповѣдникъ подвергся столь великой опасности, невольно обращало на себя вниманіе. Узы Павла стали извѣстны преторіи, и были вѣрующіе даже изъ дома Кесарева (Фил. 1, 13. 4, 22). Притомъ примѣръ его возбудилъ ревность въ самихъ христіанахъ римскихъ съ бо́льшими усиліями трудиться надъ распространеніемъ евангелія (1, 14).

Но какъ прежде мы видѣли въ церкви римской слѣды дѣйствій іудействующихъ христіанъ, такъ по самому естественному предположенію должны были они и теперь обнаруживать враждебное расположеніе въ отношеніи къ Павлу. Были въ Римѣ такіе, о которыхъ онъ говорилъ, что они проповѣдуютъ Христа только для того, чтобы противопоставить ему свою партію, чтобы нанести ему скорбь въ его заключеніи,—не изъ чистой любви къ евангелію, но изъ за-

вести къ обширнымъ его дѣйствіямъ (Филип. 1, 15—17.). Достойно замѣчанія, какъ Павелъ отзывается объ этихъ своихъ противникахъ (ст. 18.): „чтоже? Какимъ бы образомъ Христа ни проповѣдывали, притворно или непритворно, я и тому радуюсь и буду радоваться“.

Изъ основанныхъ Павломъ прежде церквей сначала обратили на себя его вниманіе во время заключенія церкви Малоазійскія. О ихъ состояніи Павелъ получилъ достаточныя свѣдѣнія отъ одного отличнаго мужа изъ церкви колосской, основателя ея, равно какъ и другихъ сосѣдственныхъ церквей. Онъ самъ отправился къ Павлу въ Римъ и оказалъ ему дѣятельное вспоможеніе: это былъ Эпафрасъ, котораго Павелъ въ посланіи къ Филимону назвалъ сплѣнникомъ своимъ (ст. 23). Отъ него апостолъ узналъ, какъ бы было полезно его личное присутствіе въ церквахъ Малоазіатскихъ, гдѣ произошли нѣкоторыя новыя движенія.

Въ послѣдніе годы, въ этихъ мѣстахъ развилось изъ іудейства новое направленіе, съ которымъ христіанство не приходило еще въ соприкосновеніе, но которое теперь начало въ него вмѣшиваться и грозило опасностію чистотѣ и простотѣ его. Естественно было, что христіанство при первомъ своемъ распространеніи между іудеями особенно боролось съ преобладающимъ у нихъ фарисействомъ, съ фарисейскимъ образомъ мыслей. Отсюда первые лжеучители, съ которыми спорилъ доселѣ Павелъ, происходили изъ смѣшенія фарисейскаго іудейства съ христіанствомъ. Но такъ какъ у іудеевъ были секты и съ теософическо-аскетическимъ направленіемъ, куда принадлежитъ, какъ одна изъ нихъ, и секта Ессеевъ, то христіанство должно было когда нибудь придти и съ нимъ въ соприкосновеніе. Люди съ такимъ направленіемъ еще болѣе, нежели іудеи съ обыкновеннымъ

фарисейскимъ направленіемъ, были привлекаемы дѣйствующею на внутреннее религіозное чувство стороною христіанства. Только они были слишкомъ заняты своимъ мистико-аскетическимъ направленіемъ; слишкомъ заражены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, чтобы, отказавшись отъ притязаній на высшую мудрость, на высшее разумѣніе религіи, какимъ думали обладать, и отъ высшаго практическаго совершенства въ своихъ самоумерщвленіяхъ, могли усвоить себѣ евангеліе во всей его чистотѣ и простотѣ. Имъ было гораздо легче преобразовать христіанство по своимъ прежнимъ идеямъ и направленіямъ. Мы здѣсь видимъ то возникшее изъ почвы іудейства направленіе, изъ котораго въ послѣдующихъ вѣкахъ образовались различныя отрасли гностицизма, который нападалъ на простоту евангелія. Павелъ вѣроятно еще во время долговременнаго пребыванія въ Малой Азіи по собственнымъ опытамъ имѣлъ причины страшиться явленія такого искажающаго христіанство направленія; потому предостерегалъ отъ него въ рѣчи своей и пастырей Ефесскихъ. Чего онъ страшился, то и случилось.

Въ церкви колосской явились лжеучители іудейскіе съ этимъ направленіемъ. Они отличались отъ обыкновенныхъ фарисействующихъ христіанъ изъ іудеевъ тѣмъ, что начинали не съ требованій соблюденія язычниками іудейскихъ обрядовъ, какъ необходимаго средства къ достиженію оправданія, освященія и блаженства. Съ такими требованіями они вѣроятно не нашли бы себѣ хорошаго пріема въ церквахъ, образовавшихся почти изъ однихъ язычниковъ. Но они хвалились знаніемъ высшей мудрости, которая дошла до нихъ въ преданіи посредствомъ посвященныхъ въ таинства людей (и можетъ быть назвали это φιλοσοφία Колос. 2, 8). Хвалились высшимъ

знаніемъ міра духовъ [1]); утверждали, что состоятъ съ нимъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ и могутъ вводить въ этотъ союзъ и тѣхъ, которые захотятъ быть посвященными въ ихъ мистеріи. Съ этимъ теоретическимъ направленіемъ соединяли они свою аскетику, которая вѣроятно имѣла основаніе въ представленіяхъ о матеріи, какъ объ источникѣ и началѣ зла. Такимъ образомъ и ихъ правила относительно воздержанія отъ нѣкоторыхъ вещей, ихъ мнѣнія, что есть роды пищи, къ которымъ самое прикосновеніе,—не только употребленіе, можетъ быть вредно для нравственности, основывались не на іудейскихъ только законахъ о пищѣ, но къ нимъ привходило нѣчто и изъ собственныхъ ихъ теоретическихъ началъ.

Этотъ теософическій духъ принялъ тогда двоякое направленіе. Одни внѣшнюю сторону религіи, букву ея, совершенно презирали, считали ее дѣломъ младенцевъ въ религіи, руководствующихся еще чувственностію, плотскимъ разумомъ; религія совершенныхъ, по ихъ мнѣнію, должна быть чисто внутренняя; другіе свое вѣроученіе поставляли въ тѣсной связи со внѣшними религіозными обрядами, и учили, что хотя только посредствомъ созерцанія можно проникнуть въ истинный смыслъ религіи и познать мис-

---

[1]) Это ученіе сохранилось въ Колоссахъ до V ст., какъ свидѣтельствуетъ Θеодоритъ (ad. l. c. Coloss). Соборъ Лаодикійскій въ IV ст., 35 правиломъ запрещалъ: „не подобаетъ христіанамъ оставляти церковь Божію и отходити и Ангеловъ именовати и творити собранія. Сіе отвержено. Того ради, аще кто обрящется упражняющимся въ таковомъ тайномъ идолослуженіи, да будетъ анаѳема: понеже оставилъ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, и приступилъ къ идолослуженію". Можетъ быть противъ того же лжеученія направлено и слѣдующее 36 правило: „не подобаетъ освященнымъ, или причетникамъ быти волшебниками, или обаятелями, или числогадателями, или астрологами, или дѣлати такъ именуемыя предохранилища, которыя суть узы душъ ихъ" Колоссы, по Θеофилакту (ad Coloss. 1, 2), тоже что Хоны, или по крайней мѣрѣ близъ ихъ. (Чудо Арх. Михаила въ Хонѣхъ).

теріи, которыхъ символы содержитъ внѣшнее іудейство; однако чѣмъ съ большимъ кто благоговѣніемъ наблюдаетъ внѣшнее, тѣмъ глубже вводится Божественнымъ свѣтомъ въ познаніе внутренняго. Къ этому послѣднему разряду принадлежала безъ сомнѣнія и та секта, о которой мы говоримъ. Сколь мало могли быть опасными для церкви колосской обыкновенные іудаисты, столько напротивъ было для нея опасно такое направленіе іудейства съ его привлекательною для многихъ стороною. Для того вѣка, который томился жаждою общенія съ небомъ и испытаніемъ невидимаго, который стремился за предѣлы земнаго бытія,—обѣщаніе высшаго вѣдѣнія, равно какъ и доведеннаго до извѣстной степени отрѣшенія отъ чувственнаго,—имѣло очень много обольстительнаго. Эта жажда привлекала многихъ къ христіанству; и хотя христіанство, приводя къ сознанію истинныхъ потребностей ихъ нравственной природы и доставляя имъ удовлетвореніе,—должно было такимъ образомъ сообщать ихъ духу другое направленіе; но, прежде нежели оно проникало цѣлую ихъ жизнь и образъ мыслей, легко могли обольщать ихъ эти пустыя обѣщанія, которыя подходили къ господствовавшей въ нихъ прежде и еще непобѣжденной наклонности искать чего-то высшаго, нежели что могло дать простое апостольское ученіе, направленное къ дѣятельности. Въ особенности такое направленіе могло быть опаснымъ для христіанства во Фригіи, гдѣ были Колоссы и гдѣ всегда господствовала наклонность къ лжемистицизму и магіи, которая выражалась въ туземныхъ религіозныхъ обрядахъ, въ почитаніи Цибелы и потомъ монтанизмѣ. Павелъ, получивъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ этихъ лжеучителей, которыхъ духъ яснѣе отразился въ Коринѳѣ, счелъ за нужное писать въ Колоссы, какъ христіане должны смотрѣть на нихъ.

Онъ называетъ ихъ мудрость мудростію по преданіямъ человѣческимъ, привязанною къ стихіямъ міра, или просто мірскою, а непроисходящею отъ Христа. Упрекаетъ лжеучителей колосскихъ въ томъ, что они не держатся Христа, какъ главы—не въ томъ смыслѣ, будто они совсѣмъ отвергали Христа, но въ томъ, что ихъ ученіе состоитъ въ противорѣчіи съ духомъ христіанства, что они хотя и признаютъ Іисуса Христомъ и главою своимъ, но духъ и направленіе ихъ ученія противорѣчитъ этому признанію, такъ какъ они въ своемъ стремленіи и познаніи предметовъ Божественныхъ не отъ Христа начинаютъ и не Христа поставляютъ средоточіемъ. Ихъ тщеславному мнѣнію объ обладаніи высшею мудростію, ихъ многообѣщающимъ свѣдѣніямъ о духахъ (φιλοσοφία), Павелъ, не входя въ разбирательство частностей, противопоставляетъ слѣдующія положенія, заключающія сущность христіанскаго ученія: только чрезъ общеніе со Христомъ мы достигаемъ всей полноты Божественной жизни, только чрезъ него мы вчиняемся въ царство Божіе и чрезъ соединеніе съ Нимъ, какъ съ главою, мы принадлежимъ къ тому же царству Божію, къ которому принадлежатъ и высшіе духи; въ Немъ мы имѣемъ все, что намъ потребно для развитія внутренней жизни. Чтобы уничтожить мучительный страхъ суевѣрія, который почиталъ нѣкоторыя вещи оскверняющими, вредными и предписывалъ различныя предостереженія отъ вліянія злыхъ духовъ, Павелъ ссылается на то, что христіане искуплены отъ могущества злаго духа, и торжествуя вмѣстѣ со Христомъ надъ всѣми силами тьмы, конечно, не должны уже болѣе его страшиться; что такъ какъ ихъ внутренняя жизнь изъята изъ области земныхъ вещей, для которыхъ они умерли со Христомъ, такъ какъ они принадлежатъ небу, въ которомъ они вчинены

стали чрезъ Христа, то они возвышаются и надъ областію коснѣющей въ чувственномъ религіи; своей возвышенной религіи, въ общеніи съ Богомъ имѣющей свой корень, христіане не должны низводить въ земную. „Смотрите, братія, чтобы кто васъ не прельстилъ... (Колос. 2, 8.—3, 4).

Павелъ, отправляя это посланіе съ Тихикомъ (4, 7. 8.), не могъ дать ему писемъ и къ прочимъ малоазійскимъ церквамъ, впрочемъ ему хотѣлось всѣмъ засвидѣтельствовать свое живое участіе въ ихъ положеніи; какъ апостолу язычниковъ, ему хотѣлось говорить со всѣми; поэтому онъ далъ Тихику еще одно посланіе ко всѣмъ церквамъ тѣхъ мѣстъ. Въ этомъ посланіи, гдѣ Павелъ, какъ апостолъ язычниковъ, говоритъ съ христіанами изъ язычниковъ, онъ разсуждаетъ только о великомъ, важномъ для всѣхъ дѣйствіи евангелія, не распространяясь ни о какихъ частныхъ предметахъ. Хотя это посланіе по надписи относится собственно къ церкви ефесской, но его содержаніе, направленное къ удовлетворенію потребностей всѣхъ вообще малоазійскихъ церквей, и отсутствіе всякихъ частныхъ указаній при особенно тѣсныхъ отношеніяхъ между апостоломъ и церковію ефесскою, не позволяютъ утвердиться на той мысли, чтобы это посланіе собственно было писано къ Ефесеямъ. Это заключеніе, выводимое изъ содержанія посланія, подтверждается свидѣтельствами древности, что въ привѣтствіи Павловомъ, поставленномъ въ книгѣ посланія, прежде не было названія мѣста (Твор. Св. Отцовъ 1846 г. кн. I стр. 92). Но такъ какъ и ефесская церковь по большей части состояла изъ обращенныхъ язычниковъ, то это посланіе могло быть писано и для нея, хотя, какъ общее для многихъ, касалось только общихъ съ другими церквами потребностей и отношеній.

Во второй половинѣ своего заключенія Павелъ получилъ денежное вспоможеніе отъ церкви филиппійской, которая и прежде оказывала ему такія пособія; оно послано было съ Епафродитомъ, который сообщилъ апостолу извѣстія о состояніи сей церкви. Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній апостолъ видѣлъ нужду дать предостереженіе христіанамъ Филиппійскимъ относительно іудействующихъ лжеучителей, писать къ нимъ о сохраненіи мира, а свободномыслящимъ христіанамъ внушить о снисхожденіи къ слабымъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи апостолъ даетъ важное правило, чтобы каждый вѣрно пользовался тою мѣрою познанія, которой достигъ; тогда Господь откроетъ ему и недостаточность этой мѣры и такимъ образомъ всѣ достигнутъ до зрѣлости въ христіанствѣ (3, 15. 16): „ какъ мы постигли, такъ и должны мыслить и по тому правилу жить.“

Къ концу заключенія Павлова въ Римѣ относится еще посланіе къ евреямъ т. е. христіанамъ изъ евреевъ, по обыкновенному значенію сего слова въ Новомъ Завѣтѣ, къ христіанамъ Палестинскимъ. Къ какой именно церкви въ Палестинѣ оно назначалось, не видно, но видно, что христіане сей церкви были близки Павлу: онъ припоминаетъ не только прежнія ихъ страданія, но и участіе ихъ въ его узахъ и страданіяхъ (10, 34.) и, по освобожденіи, желаетъ быть у нихъ, какъ и въ тѣхъ церквахъ, которыя самъ основалъ (13, 18. 19.). Церковь сія имѣла въ своихъ наставникахъ доблестные примѣры твердости въ вѣрѣ. Апостолъ находитъ нужнымъ указать имъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, уже скончавшихся (13, 7.). По этимъ чертамъ можно было бы признать сихъ христіанъ за іерусалимскихъ, неоднократно подвергавшихся гоненіямъ отъ іудеевъ въ началѣ, — и во время Павлова заключенія въ Кесаріи и въ Римѣ,

лишившихся своего епископа Іакова, по предложенію коего Павелъ въ послѣднее пребываніе въ Іерусалимѣ предпринялъ назорейское очищеніе въ храмѣ. Стараніемъ того же первосвященника Ананіи, который судилъ Павла въ Синедріонѣ, по удаленіи прокуратора Феста, до прибытія новаго прокуратора Альбина (около 62 г.) Іаковъ былъ умерщвленъ, какъ исповѣдникъ вѣры въ Іисуса Христа. И самое посланіе имѣетъ цѣлію удержать обращенныхъ ко Христу въ союзѣ со Христомъ, отъ Котораго угнетающія ихъ бѣдствія угрожали отторгнуть (2, 2. 3; 3, 12. 13; 4, 11—14; 5, 12; 6, 1. 11. 12; 10, 23 и д. 12, 12. 13. 15 и слѣд.). Посему-то апостолъ старается представить имъ превосходство Іисуса Христа предъ всѣми прежними посланниками Божіими и въ законѣ только тѣнь тѣхъ благъ, которыя дарованы Имъ вѣрующимъ.

Дѣйствія Павла послѣ освобожденія изъ перваго римскаго заключенія до мученической кончины.

Доселѣ мы имѣли вѣрныя и прямыя свѣдѣнія о судьбѣ и дѣйствіяхъ апостола во время его заключенія въ Римѣ. Что касается до окончанія заключенія, то въ извѣстіяхъ, относящихся до сего предмета, много темнаго и неизвѣстнаго. Спрашивается: мученическою ли смертію окончилось это заключеніе Павла, или онъ былъ освобожденъ и снова началъ свою апостольскую дѣятельность? — Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отчасти отъ свидѣтельствъ историческихъ, отчасти отъ тѣхъ результатовъ, какіе выводятся изъ изслѣдованій въ особенности о второмъ посланіи къ Тимоѳею. Несомнѣнно, что это посланіе писано во время заключенія апостола въ Римѣ (1, 8. 16; 2, 9).. Но можно ли его поставить въ ряду

тѣхъ посланій, которыя несомнѣнно писаны во время извѣстнаго уже намъ заключенія Павлова въ Римѣ? или надлежитъ предположить для него другое заключеніе, въ которомъ пребывалъ Павелъ?

Извѣстія, заимствуемыя изъ писателей IV вѣка, по которымъ Павелъ, освободившись изъ узъ, проповѣдывалъ евангеліе въ Испаніи, еще не имѣютъ здѣсь рѣшительной важности, потому что они легко могли быть выведены изъ того, что Павелъ писалъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ о намѣреніи идти въ Испанію. Несомнѣнную важность имѣетъ свидѣтельство, почерпаемое изъ посланія мужа, отчасти современнаго Павлу и вѣроятно ученика его. Епископъ римскій Климентъ въ своемъ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ ясно говоритъ, что Павелъ пострадалъ послѣ того, какъ доходилъ съ проповѣдью до предѣловъ Запада (ἐπὶ τὸ τέρμα τῆς δύσεως). Подъ этимъ ничего естественнѣе нельзя разумѣть, какъ Испанію. Если бы Климентъ подъ этимъ разумѣлъ только проповѣдь Апостола въ Римѣ, то онъ выразился бы иначе, поелику самъ писалъ въ Римѣ, и потому не могъ разумѣть подъ этимъ выраженіемъ Рима. Изъ этого извѣстія Климента мы должны заключить, что Павелъ исполнилъ свое намѣреніе быть въ Испаніи, по крайней мѣрѣ, что онъ выходилъ изъ Италіи, слѣдовательно должны допустить, что онъ былъ освобожденъ изъ извѣстнаго намъ заключенія. Мы должны держаться этого вывода даже и въ томъ случаѣ, когда бы о состояніи Павла въ продолженіе его втораго заключенія и не имѣли никакихъ другихъ извѣстій; когда бы даже и второе его посланіе къ Тимоѳею могли отнести ко времени перваго его заключенія.

Что касается этаго послѣдняго предположенія, можно представлять себѣ два времени въ продол-

женіи перваго заключенія Павлова, когда бы Павелъ могъ написать это посланіе: или въ началѣ этого заключенія или въ концѣ.—Первый случай: изъ посланія видно, что Павелъ зоветъ къ себѣ Тимоѳея (4, 9). Мы знаемъ, что апостолъ прибылъ въ Римъ безъ Тимоѳея (ибо Лука говоритъ только объ Аристархѣ), но что Тимоѳей потомъ является вмѣстѣ съ Павломъ (Фил. 1, 1. Кол. 1, 1). Итакъ, можно бы было думать, что Павелъ этимъ посланіемъ вызывалъ Тимоѳея въ Римъ изъ Малой Азіи, и что со времени прибытія своего Тимоѳей уже не отлучался отъ него. Но этому предположенію совершенно противорѣчитъ то, что Павелъ пишетъ въ этомъ посланіи относительно тогдашняго своего положенія. Когда писалъ онъ второе посланіе къ Тимоѳею, уже былъ онъ на публичномъ допросѣ (4, 16) и защищалъ свое дѣло. Напротивъ въ первомъ періодѣ его заключенія этого еще не было (объ этомъ онъ упоминаетъ въ первый разъ только въ посланіи къ Филиппійцамъ 1, 12. 13). Во второмъ посланіи къ Тимоѳею онъ предвидитъ смерть (4, 6); но первыя его посланія изъ римскаго заключенія отзываются надеждою избавленія (Посл. къ Филимону).

Другой случай. Относятъ второе посланіе къ Тимоѳею къ послѣднему періоду римскаго заключенія. Но странно, что Павелъ проситъ Тимоѳея придти къ нему (4, 9. 11. 13), не упоминая о томъ, чтобы онъ былъ уже прежде у него во время его заключенія: а Тимоѳей уже писалъ посланіе съ Павломъ прежде сего. Когда читаешь это посланіе Павлово, все подаетъ мысль, что онъ недавно только распростился съ Тимоѳеемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ остался Тимоѳей, и потомъ подвергся заключенію. Павелъ предостерегаетъ Тимоѳея отъ лжеучителей, по близости его находящихся (въ Малой Азіи, вѣроятно въ

Ефесѣ 2, 17) и говоритъ о нихъ такъ, какъ бы самъ имѣлъ случай довольно познакомиться съ ними. А этого не могло быть во время прежняго его пребыванія въ Малой Азіи; тогда еще не возникали эти еретическія направленія, какъ это можно было видѣть изъ прежнихъ замѣчаній. Напротивъ все объясняется, если Павелъ, освободившись отъ своего заключенія, согласно съ своимъ намѣреніемъ (Филип. 2, 24) снова отправился въ Малую Азію и тамъ лично боролся съ лжеучителями, которые тамъ явились во время перваго его заключенія. Онъ пишетъ Тимоѳею о своемъ публичномъ допросѣ (4, 16) и притомъ въ такомъ тонѣ, что необходимо надлежитъ предположить, что Тимоѳей ничего еще объ этомъ не зналъ и что это случилось въ его отсутствіе изъ Рима. Но когда Павелъ говорилъ защитительную рѣчь во время перваго своего заключенія, Тимоѳей былъ съ нимъ (Фил. 1, 7). И такъ допросъ, при которомъ не было Тимоѳея, долженъ быть другой. Далѣе есть признаки, которые показываютъ, что Павелъ пришелъ на западъ обыкновеннымъ путемъ изъ Малой Азіи чрезъ Ахаію (4, 20), между тѣмъ въ тотъ разъ, когда Павелъ отправился въ Римъ изъ Кесаріи, препровожденный римскимъ начальствомъ, онъ ѣхалъ не этимъ путемъ. Онъ наказываетъ Тимоѳею принести съ собою фелонь и книги и особенно пергаменныя, оставленныя имъ въ Троадѣ (4, 13). Гораздо вѣроятнѣе, что онъ оставилъ эти вещи за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ, нежели за четыре или за шесть лѣтъ, какъ надлежитъ положить, если отнести это посланіе ко времени его перваго заключенія. Раскрывая ту мысль, что онъ всѣми оставленъ, Павелъ пишетъ, что Ерастъ, одинъ изъ обыкновенныхъ его спутниковъ, вѣроятно бывшій съ нимъ въ послѣдній разъ въ Малой Азіи (Дѣян. 19, 22), остался въ отече-

ствѣ своемъ, Коринѳѣ, а другаго спутника своего Трофима, по причинѣ болѣзни, онъ оставилъ въ Милетѣ (4, 20). *Остался*—это даетъ мысль, что и Павелъ былъ въ Коринѳѣ, но оттуда вышелъ. *Оставилъ*—прямо показываетъ, что Павелъ былъ вмѣстѣ съ Трофимомъ въ Милетѣ. Но Трофимъ не могъ быть оставленъ Павломъ въ Милетѣ предъ первымъ его путешествіемъ въ Римъ, потому что съ нимъ находился въ Іерусалимѣ и изъ-за него вышло и возмущеніе въ Іерусалимѣ. Пишетъ, что Димасъ оставилъ его (4, 10), между тѣмъ въ посланіяхъ, которыя отправлялъ вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ къ церкви колосской, къ Филимону, отъ Димаса посылаются поклоны (Кол. 4, 14. Филим. ст. 23).

Противъ нашего предположенія, что это посланіе писано во второе заключеніе Павла, можно только то возразить, что въ немъ непримѣтно никакихъ ссылокъ или намековъ на прежнее заключеніе въ Римѣ. Но это не покажется страннымъ, если принять во вниманіе слѣдующее: Павелъ отнюдь не хотѣлъ этимъ посланіемъ сообщить Тимоѳею первое извѣстіе о своемъ новомъ заключеніи, напротивъ онъ предполагаетъ, что оно, отчасти и положеніе его въ этомъ заключеніи, Тимоѳею уже извѣстно, какъ это видно изъ 1, 15. И при непрестанныхъ сношеніяхъ между главными городами Римской имперіи, при живомъ участіи церквей въ дѣлахъ Павла очень естественно, что скоро достигли извѣстія о немъ въ Ефесѣ.—Далѣе, съ началомъ новой дѣятельности Павла послѣ освобожденія изъ заключенія много случилось такого, что сильно занимало его душу, которая вообще болѣе занималась дѣлами царства Божія, нежели относящимся до его лица и что могло совершенно затѣнить воспоминаніе о прежнемъ его заключеніи.

И такъ, если согласимся, что Павелъ былъ осво-

божденъ изъ этого заключенія, то должны предположить, что онъ получилъ свободу прежде гоненія, которое послѣдовало за пожаромъ въ Римѣ въ 64 году. Иначе если бы онъ былъ въ то время еще въ заключеніи, то не былъ бы пощаженъ. Итакъ, сообразно предшествовавшимъ замѣчаніямъ о времясчисленіи, мы можемъ допустить, что Павелъ былъ два года въ заключеніи, получилъ свободу въ 62 или 63 году: благопріятное окончаніе его дѣла и побѣда надъ іудеями, которые хотѣли его погубить, по сравненію съ тогдашними обстоятельствами, ничего не имѣетъ въ себѣ невѣроятнаго. Обвиненіе въ произведеніи возмущенія въ Іерусалимѣ признано несправедливымъ; противорѣчіе христіанства государственной религіи тогда еще не обращало на себя общественнаго вниманія и при императорѣ Неронѣ, который издѣвался надъ своею религіею, вообще мало заботился о древнихъ римскихъ учрежденіяхъ государственныхъ,—это могло быть тѣмъ легче. Друзья, которыхъ онъ пріобрѣлъ себѣ во время заключенія (Фил. 4, 22), отчасти могли способствовать успѣху его дѣла. Что онъ умеръ не въ самомъ пылу гоненія, въ 64 году, подтверждаетъ и древнее преданіе, которое говоритъ, что онъ не былъ распятъ какъ Петръ. Въ это время не стали бы разбирать правъ гражданства, но какъ главу ненавидимой секты предали бы самой болѣзненной и самой позорной смерти.

Изъ посланій, писанныхъ Павломъ, во время новаго его заключенія, видѣли мы, какъ ревностно онъ трудился въ Римѣ надъ распространеніемъ христіанства. Его твердое защищеніе дѣла Божія и благополучное освобожденіе должны были имѣть благопріятное вліяніе на эти труды. Отсюда христіанство начало еще съ большею силою распространяться между язычниками въ Римѣ. Но этимъ же самымъ

юная церковь, распространившаяся на развалинахъ идолопоклонства, и обратила на себя вниманіе фанатическаго народа, который не иначе могъ смотрѣть на враговъ идолослуженія, какъ съ враждебнымъ расположеніемъ. Эту ненависть подкрѣпляли распространившіеся слухи о противоестественныхъ порокахъ, какіе будто бы совершались въ собраніяхъ богоненавистниковъ. Можетъ быть ненависть язычниковъ способствовала и іудеямъ, которые тѣмъ болѣе были раздражены противъ христіанъ, что не могли достигнуть своихъ желаній относительно Павла. Вотъ въ какомъ положеніи оставилъ Павелъ Римъ.

Итакъ съ 64 года мы имѣемъ право начать новую эпоху дѣятельности Павла, но исторія этого времени состоитъ большею частію изъ замѣчаній, гдѣ апостолъ былъ. Лука прервалъ свое повѣствованіе на прибытіи апостола въ Римъ; что слѣдовало затѣмъ, онъ ничего не сказываетъ намъ. Изъ 1-го посланія къ Тимоѳею видно, что апостолъ нѣсколько времени былъ вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ въ Ефесѣ: Павелъ пишетъ: *якоже умолихъ тя пребыти въ Ефесѣ, идый въ Македонію* (1, 3). Изъ этихъ словъ видно, что Павелъ и Тимоѳей были вмѣстѣ; но апостолу было нужно идти изъ Ефеса, а Тимоѳея онъ просилъ остаться здѣсь (προσμένειν—значитъ: прибавить своего пребыванія здѣсь), самъ же намѣревался идти въ Македонію. Вообще это посланіе апостола таково, что не находимъ другаго времени, когда бы апостолъ могъ писать къ Тимоѳею, оставленному въ Ефесѣ, какъ въ настоящее время. Судя по этому посланію можно замѣтить, что церковь Ефесская довольно времени уже существовала: она основана предъ послѣднимъ путешествіемъ Павла въ Іерусалимъ, когда онъ около трехъ лѣтъ былъ въ Ефесѣ, какъ говоритъ въ рѣчахъ ефесскимъ пастырямъ. Въ церковь ефесскую

уже успѣли вкрасться такіе безпорядки, которые требовали смѣны прежнихъ пастырей. Вотъ почему апостолъ даетъ Тимоѳею наставленіе, кого избирать на степени церковныя, какъ судить тѣхъ, коихъ обвиняютъ, напр. пресвитеровъ. Новые лжеучители, съ которыми боролся Павелъ во время заключенія въ Римѣ, въ посланіи къ Колоссаямъ, пріобрѣли сильное вліяніе въ церкви ефесской. Нѣкоторые, даже изъ самыхъ пастырей, увлеклись духомъ ложнаго ученія. Лжеучители, о которыхъ говоритъ апостолъ, носятъ на себѣ тѣ же признаки, которые мы примѣтили въ лжеучителяхъ церкви колосской. Это были люди, принадлежавшіе къ іудаистамъ, и потому утверждавшіе, что законъ Моисеевъ сохранилъ обязательную силу и для христіанъ. Апостолъ дѣлаетъ замѣчаніе объ этомъ въ первой главѣ (ст. 8. 9.), однако это были не собственно іудаисты, которые защищали силу закона и съ которыми прежде боролся Павелъ. Въ посланіи къ Галатамъ они отличаются отъ іудаистовъ аскетическимъ и теософическимъ направленіемъ, какъ и въ церкви колосской. Апостолъ замѣчаетъ, что они учили воздержанію отъ нѣкоторыхъ яствъ, предписывали безбрачную жизнь, какъ необходимую для всѣхъ христіанъ. Такое направленіе ихъ основывалось на особенныхъ теоретическихъ началахъ; они хвалились высшимъ знаніемъ и съ презрѣніемъ смотрѣли на вѣру простую; вмѣстѣ съ этимъ передавали баснословныя сказанія о началѣ и распространеніи духовъ, или какъ апостолъ называетъ γενεαλογίαι (1, 4), и вообще занимались такими предметами, которые скорѣе увлекали въ пустые споры, нежели служили къ утвержденію благочестія. Въ различныхъ мѣстахъ этого посланія апостолъ указываетъ эти черты лжеучителей (6, 4 λογομαχίαι). Борьба съ этимъ ложнымъ знаніемъ или лжеименнымъ разумомъ много должна была занимать

Павла. Поэтому апостолъ пишетъ, что и пророки, какъ предсказывали въ другихъ случаяхъ о бѣдствіяхъ церкви въ той или другой странѣ, такъ предостерегали и отъ опасности, какая предстоитъ отъ этихъ лжеучителей: *Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесныхъ сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися* и т. д. (4, 1—3). Здѣсь апостолъ употребляетъ тоже выраженіе, какое употреблено въ Дѣян. 20, 23, гдѣ апостолъ разумѣетъ собственно предсказанія пророковъ устныя, именно пророковъ его времени о бѣдствіяхъ, предстоявшихъ ему въ Іерусалимѣ.

Все это Павелъ узналъ не только по слухамъ, но и лично бывши въ Ефесѣ. Обстоятельства требовали, чтобы онъ остался здѣсь долѣе, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ онъ болѣе нужнымъ находилъ быть въ Македоніи и оставилъ здѣсь Тимоѳея съ тою цѣлію, чтобы онъ боролся съ лжеучителями и устроилъ іерархію ефесской церкви.

Съ прибытіемъ Апостола Павла въ Малую Азію и съ путешествіемъ его въ Македонію, даже въ географическомъ отношеніи удобно согласить путешествіе его на островъ Критъ для распространенія евангелія, а это лучше можетъ опредѣлить мѣсто и время написанія посланія къ оставленному здѣсь на островѣ ученику его Титу. Приномнимъ еще изъ исторіи перваго путешествія Апостола въ Римъ, какія промысломъ Божіимъ открыты были здѣсь средства къ основанію церкви христіанской. Начавъ дѣло тогда, Апостолъ хотѣлъ довершить теперь. Положивъ основаніе церкви, онъ выбылъ самъ отсюда и оставилъ Тита съ тою цѣлію, чтобы онъ далъ правильное іерархическое устройство церкви. Самъ Апос-

толъ вообще дѣлами іерархическими не столько занимался, какъ онъ самъ писалъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, что онъ самъ не крестилъ, а предоставилъ это другимъ; но можно сказать, что и рукоположеніе, поставленіе пастырей церкви онъ предоставилъ другимъ своимъ ученикамъ. Съ этимъ вмѣстѣ онъ поручилъ Титу утвердить умы нововѣрующихъ въ чистотѣ ученія христіанскаго и противодѣйствовать вліянію лжеучителей, которые тогда распространяли свои вредныя мысли въ Малой Азіи. Видно, что по слѣдамъ Апостола и они шли всюду, гдѣ онъ полагалъ основаніе церкви. Изъ самаго посланія къ Титу можно видѣть, что лжеучители здѣсь были такіе, какъ въ Колоссахъ и позднѣе въ Ефесѣ; видно, что они были іудаисты. Апостолъ говоритъ, что это люди непокоривые, суесловцы, обольщенные умомъ и особенно сущіе отъ обрѣзанія (Тит. 1, 10); онъ говоритъ, что они вводятъ свои установленія на счетъ пищи (14. 15); видно, что они занимались родословіями высшихъ духовъ, спорили о законѣ (3, 9).

Отвращая вниманіе отъ этихъ предметовъ, Павелъ внушаетъ Титу заниматься другими предметами, болѣе полезными для жизни по Богѣ, глубже вперять ученіе, въ которомъ заключается основаніе спасенія, внушать, пріучать новыхъ христіанъ къ тому, чтобы они оправдывали повиновеніе ученію жизнію, т. е. свидѣтельствовали свою вѣру дѣлами. Въ заключеніе своего посланія къ Титу, Апостолъ пишетъ Титу, чтобы онъ постарался придти въ Никополь. Городовъ съ такимъ именемъ было много въ древнемъ мірѣ; но поелику города учреждались по случаю побѣдъ, а у Римлянъ не было недостатка въ такихъ случаяхъ, то вѣроятно здѣсь разумѣется Никополь, основанный Августомъ Кесаремъ по случаю побѣды при Акціумѣ. Здѣсь Апостолъ намѣревался провести зи-

му (3, 12) и звалъ сюда Тита для личныхъ совѣщаній, такъ какъ самъ не намѣревался уже болѣе быть на островѣ. Что было причиною этого призванія Тита, неизвѣстно.

Послѣ Апостолъ вѣроятно исполнилъ намѣреніе быть въ Ефесѣ, какъ обѣщалъ онъ (1 Тим. 3, 14) прійти къ Тимоѳею, а потому даетъ такія правила, чтобы онъ ограничивался необходимымъ, предоставляя дальнѣйшее раскрытіе личному свиданію. Что Апостолъ дѣйствительно исполнилъ намѣреніе, это указываютъ и раскрываютъ прежніе слѣды пришествія его обратно въ Римъ на западъ. Во время своей дѣятельности на западѣ, вѣроятно въ Испаніи, Апостолъ взятъ былъ и приведенъ въ Римъ и снова заключенъ здѣсь какъ христіанинъ, и отсюда писалъ во время гоненія Нерона второе посланіе къ Тимоѳею.

Положеніе Павла въ этомъ заключеніи много отличалось отъ прежняго состоянія; видно, что онъ снова въ узахъ (1, 8.—2, 9). Это состояніе его отличалось отъ перваго заключенія тѣмъ, что тамъ смотрѣли на него какъ только на нововѣроучителя, къ которому обращались съ любопытствомъ и Іудеи, и язычники,—здѣсь онъ страдалъ какъ злодѣй (2, 9). Самые христіане въ это время считались людьми злонамѣренными, преступниками; поэтому-то и сложена была на нихъ вина въ зажигательствѣ. Въ первое заключеніе Апостолъ писалъ, что братія ободряются его узами (Филип. 1, 14); мы видимъ, что съ нимъ было тогда много братій, теперь онъ пишетъ, что всѣ оставили его, кромѣ Луки (1, 15.—4, 9—16). Изъ посланій, которыя писалъ Апостолъ въ первое заключеніе, видно, что онъ колебался между ожиданіемъ мученія и надеждою избавленія (Филипп. 1, 20). Теперь онъ увѣренъ въ близкой мученической своей

кончинѣ (2 Тим. 4, 6); разсказываетъ Тимоѳею, какъ Господь укрѣпилъ его въ первомъ отвѣтѣ, какъ избавилъ отъ челюстей львовыхъ, но и послѣ этого у него одно ожиданіе, что Господь избавитъ его отъ грѣха, а уже не отъ смерти. Въ виду онъ имѣетъ только Іисуса Христа: чувствованіе спокойствія душевнаго, забвеніе себя ради дѣла Божія, забота о дѣлахъ евангелія, упованіе на Бога, Котораго былъ служителемъ, нѣжная попечительность о Тимоѳеѣ, все это показываетъ человѣка приготовляющагося къ смерти. Стоитъ сличить его взглядъ на себя во второмъ посланіи къ Тимоѳею, характеризующій его душевное состояніе, чтобы видѣть различіе настоящаго его состоянія отъ того, въ которомъ онъ писалъ посланіе къ Филип. 3, 12. 13. 2 Тим. 4, 7. 8. Изъ того же посланія къ Тимоѳею видно, что болѣе нежели мысль о себѣ, занимала его мысль о церкви; онъ снова говоритъ о лжеучителяхъ (4, 6), упоминаетъ объ отвергавшихъ воскресеніе (2, 18),—можетъ быть это изъ числа тѣхъ же, которые были въ Коринѳѣ,—въ заключеніе зоветъ Тимоѳея въ Римъ. Время кончины Павла неизвѣстно; но изъ преданія церковнаго извѣстно, что Павелъ скончался мученически въ 67 или 68 году по Р. Христ. Это было въ концѣ Неронова гоненія, и отсюда можно уяснить и то, что Апостолъ скончался съ наблюденіемъ того права римскихъ законовъ, что, какъ римскій гражданинъ, онъ скончался мечемъ. Если бы это было въ пылу гоненія, то безъ сомнѣнія не стали бы разбирать орудія смерти, когда всѣхъ, даже сенаторовъ, подвергали ужаснымъ пыткамъ и мученіямъ.

Дѣятельность прочихъ Апостоловъ.

Исторія Апостола Павла такъ была многообъемлюща, что вмѣстѣ раскрывала и исторію всѣхъ церквей его времени. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ другихъ источниковъ болѣе полныхъ для изображенія состоянія церкви Христовой во времена апостольскія; можно присовокупить только частныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ апостолахъ Іисуса Христа.

Приступая къ разсмотрѣнію дѣятельности прочихъ апостоловъ, мы не можемъ не упомянуть, что съ древнихъ временъ въ церкви была мысль, что апостолы, при отправленіи на проповѣдь, раздѣляли такъ сказать, между собою всѣ земли. Первый высказываетъ эту мысль Руфинъ, писатель IV вѣка. Онъ пишетъ въ своей исторіи: „при этомъ раздѣленіи земнаго шара, какое сдѣлали апостолы для проповѣданія слова Божія, по жребію, когда каждому досталась своя провинція, Ѳомѣ досталась Парѳія, Матѳею — Еѳіопія“. Отъ него заимствовалъ слова эти другой церковный историкъ. Сократъ, писатель V вѣка, употребляетъ тоже выраженіе: „по жребію каждый апостолъ проповѣдывалъ въ своей области“. Самъ Руфинъ вѣроятно занялъ эту мысль у Оригена, но у него не столько это выраженіе опредѣленно, чтобы его держаться буквально: „когда апостолы разсѣялись по всей вселенной, то Ѳома, какъ гласитъ преданіе, получилъ въ удѣлъ Парѳію (εἴληφε).“ Это слово Руфинъ перевелъ такъ, что каждому досталось по жребію. Между тѣмъ Оригенъ разумѣлъ или случай, или назначеніе Божіе; sorte divina назначено каждому апостолу свое мѣсто дѣйствованія.

Не допуская той мысли, чтобы апостолы дѣйствительно раздѣлили между собою извѣстный тогда міръ

для проповѣданія, мы однако не можемъ отрицать, что они дѣйствовали во всѣхъ извѣстныхъ тогда странахъ. Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ въ посланіи къ Римлянамъ, что вѣра Христова возвѣщается во всемъ мірѣ. Что апостолы не раздѣляли между собою земли по жребію, видно изъ того, что нѣкоторые апостолы дѣйствовали въ одной странѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что здѣсь дѣйствовалъ прежде или въ то же время другой апостолъ.

Апостолъ Іаковъ, братъ Господень.

Въ церкви іерусалимской послѣ Іакова, брата Іоанна Богослова, скончавшагося въ гоненіе Ирода Агриппы, около 44 года, когда апостолъ Павелъ былъ во второй разъ въ Іерусалимѣ, является другое важное лице, тоже Іаковъ. Его видимъ на соборѣ іерусалимскомъ. Къ нему являлся Павелъ въ послѣднее прибытіе въ Іерусалимъ. Кто же былъ этотъ вторый Іаковъ? Въ книгахъ Новаго Завѣта, кромѣ Іакова Зеведеева, упоминается еще Іаковъ Алфеевъ. У Матѳея и Марка упоминается еще Іаковъ, братъ Господень. Но это одно лицо съ Іаковомъ Алфеевымъ, а не другое. Представимъ доказательства. Въ исторіи страданій Іисуса Христа встрѣчаются слѣдующія жены, о которыхъ говорится, что они стояли при крестѣ Іисуса и находились при Его погребеніи (Матѳ. 27, 56): стояла Марія Магдалина и Марія Іакова и Іосіи мати, и мати сыну Заведеову; при положеніи во гробъ (ст. 61): Марія Магдалина и другая Марія. Маркъ пишетъ (15, 40): Марія Магдалина и Марія Іакова малаго и Іосіи мати и Саломія. Іоаннъ говоритъ (14, 25), что стояли при крестѣ Іисуса мати Его и сестра матери Его, Марія Клеопова и Марія Магдалина. Изъ этого исчисленія

открывается, что сестра матери Божіей Марія Клеопова была одно лицо съ матерію Іакова и Іосіи. Исчисляются однѣ и тѣ же лица, только съ нѣкоторыми разнообразіями. Если теперь эта Марія—сестра матери Божіей, то ея сыны двоюродные братья Господа. Если она называется еще Клеоповою, то или по отцу или по мужу. Мы увидимъ далѣе, что Клеопа былъ отецъ Іакова и Іосіи, слѣдовательно мужъ Маріи.

Въ исчисленіи апостоловъ (Матѳ. 10, 2—4; Мар. 3, 16—19. Лук. 6, 14—16 и Дѣян. 1, 13) встрѣчается Іаковъ Алфеевъ Ἰάκωβος ὁ τοῦ Ἁλφαίου и Ἰάκωβος Ἁλφαίου. Алфей и Клеопа два произношенія одного и того же имени חלפי, какъ Хаггай еврейское и Аггей греческое. Слѣдовательно, когда Маркъ называетъ его малымъ, младшимъ, то называетъ его только въ отличіе отъ старшаго—Іакова Заведеева. Употребленіе сего прозванія: „малый“, а другаго „Зеведеевъ“ (хотя и Іоаннъ былъ также Зеведеевъ, но нигдѣ онъ такъ не называется) показываетъ, что было два имени Іакова въ одномъ и томъ же обществѣ.

Что братъ Господень Іаковъ дѣйствительно былъ апостоломъ, это видно изъ словъ апостола Павла. Иного же отъ Апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова, брата Господня (Гал. 1, 19). Что хочетъ доказать Павелъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ? Что ни отъ кого изъ апостоловъ онъ не заимствовалъ своего ученія, но прямо отъ Іисуса Христа. Что же онъ приводитъ въ доказательство? Что въ началѣ своего озаренія свѣтомъ христіанства не имѣлъ обращенія ни съ однимъ апостоломъ. Былъ въ Іерусалимѣ: но апостоловъ никого не видалъ, исключая Петра, у котораго пробылъ только двѣ недѣли, и Іакова, брата Господня. Очевидно, за кого считаетъ Павелъ сего

Іакова. Къ чему говорить о немъ здѣсь, когда онъ не апостолъ, хотя бы и былъ уважаемымъ лицомъ въ церкви іерусалимской, епископомъ. Утверждать ученіе—дѣло апостола. Прибавленіе: *братъ Господень* Павелъ дѣлаетъ только для того, что въ то время, когда былъ онъ въ Іерусалимѣ, былъ еще живъ и другой Іаковъ,—Зеведеевъ. А вотъ, когда дѣло идетъ о позднѣйшихъ событіяхъ, въ томъ же посланіи къ Галатамъ (2, 9 — 12. сл. Дѣян. 15, 13), онъ называетъ его просто Іаковомъ.

Іаковъ апостолъ и братъ Господень есть единственное лицо, извѣстное въ церкви апостольской съ симъ именемъ. Лука, сказавъ (Дѣян. 12, 2) о кончинѣ Іакова Зеведеева, говоритъ потомъ объ Іаковѣ томъ самомъ, о которомъ у насъ дѣло, просто не прибавляя ничего къ его имени, какъ о лицѣ, всѣмъ извѣстномъ (Дѣян. 15, 13 и 21, 18).

Повидимому „братья Господни“ исключаются изъ числа апостоловъ (1 Кор. 9, 5; Матѳ. 12, 48. 49. Мар. 3, 31—34. Іоан. 7, 5. 10), гдѣ μαθηταὶ и ἀδελφοὶ различаются: *братья не вѣроваху* (Іоан. 7, 5); а въ книгѣ Дѣяній (1, 14), братья Іисуса прямо отличаются отъ Его апостоловъ. Но во всѣхъ случаяхъ стóитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ словамъ и смыслу рѣчи, чтобы не было противорѣчія въ выводахъ изъ тѣхъ ясныхъ мѣстъ. Изъ братьевъ Господнихъ, кромѣ Іакова, только Іуда еще принадлежалъ къ лику апостоловъ, какъ это видно изъ того, что и самъ онъ себя называетъ братомъ Іакова (Іуд. ст. 1. Лук. 6, 16. Дѣян. 1, 13). Прочіе евангелисты, именно Матѳей, называетъ его Левій, глаголемый Ѳаддей (10, 3), а Маркъ просто Ѳаддеемъ (3, 18).

Кромѣ книгъ священныхъ находимъ и посторонніе историческіе свидѣтельства, что Іаковъ былъ братъ

Господень и апостолъ. Егезиппъ (у Евсев. 4, 22) пишетъ: „послѣ мученической кончины Іакова праведнаго, Епископомъ поставленъ Симеонъ, котораго предложили всѣ: онъ былъ второй, двоюродный братъ Господа". Кто же первый двоюродный братъ? Очевидно, Іаковъ. Іосифъ Флавій, приписывая разрушеніе Іерусалима, между прочимъ, умерщвленію Іакова праведнаго, того именно брата Господня, сына Алфеева, выражается о немъ такъ: „Іакова праведнаго, который былъ братъ Іисуса, глаголемаго Христа". (Это мѣсто приводится у Оригена Contr. Cels. l. II. num. 13. Lib. 1, 47; у Іеронима Catalog. Scrpt. Eccl. c. 2 и 13; но въ извѣстномъ нынѣ сочиненіи Флавія не встрѣчается).

Климентъ Александрійскій говоритъ, что по вознесеніи Спасителя Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, хотя и предпочтенные отъ Господа, не стали спорить о чести, но избрали Іакова праведнаго епископомъ іерусалимскимъ. Іеронимъ пишетъ, что Іаковъ 30 лѣтъ былъ епископомъ.

Іаковъ, по свидѣтельству Егезиппа, былъ назореемъ отъ самаго рожденія, былъ усерднымъ молитвенникомъ и въ народѣ именовался Sedek (праведный) и Oblias (стѣна, крѣпость города). Въ чертахъ жизни Іакова, какъ ее описываетъ Егезиппъ, можно замѣчать прикрасы еѳіопскія; но его свидѣтельства о жизни апостола Іакова подтверждаются Іосифомъ Флавіемъ, который также Іакова называетъ праведнымъ.

Но о духѣ сего апостола всего лучше свидѣтельствуетъ его посланіе, въ которомъ можно видѣть и нѣкоторыя черты христіанскихъ церквей, образовавшихся собственно изъ іудейства. По ученію о вѣрѣ и дѣлахъ, заключающемуся въ семъ посланіи, съ давняго времени думали, что апостолъ Іаковъ исправляетъ одни —правильное, другіе — неправильное

разумѣніе ученія объ оправданіи, раскрываемаго апостоломъ Павломъ въ своихъ посланіяхъ. Нѣкоторыя выраженія, отдѣльно взятыя, и сходство въ выборѣ примѣровъ для доказательства своей истины съ апостоломъ Павломъ въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Евреямъ (Авраамъ и Сарра, Раавъ) подкрѣпляли это мнѣніе. Но изъ соображенія цѣлаго посланія открывается, что главное направленіе въ немъ собственно іудейское, но не того строгаго духа іудейскаго, въ какомъ дѣйствовалъ Павелъ до обращенія, а котораго держалась большая часть фарисеевъ во время Іисуса Христа; это направленіе людей, которые не хотятъ знать, что жизнь религіозная должна имѣть основаніе въ самомъ сердцѣ человѣка, а не состоитъ въ соблюденіи одной мертвой формы, одной наружности религіозной; это то самое направленіе, которое мертвую, надменную ученость ставило на мѣсто истинной мудрости, неразлучной съ жизнію по Богѣ, тщеславилась мертвымъ знаніемъ закона, не думая нисколько заботиться объ исполненіи его; которое все богопочитаніе заключало въ одномъ исполненіи церемоній и пренебрегало служеніе Богу въ дѣлахъ любви; которое, если и хвалилось любовію, то только на словахъ. Люди такого направленія обыкновенно думали, что вѣра въ единаго истиннаго Бога и въ Мессію совершенно достаточна для того, чтобы исповѣдающій ее былъ освобожденъ отъ судьбы прочаго грѣшнаго человѣчества. Это направленіе было однимъ изъ господствующихъ между іудеями: оно перешло съ нѣкоторыми обращенными и въ христіанскія церкви, образовавшіяся собственно изъ іудеевъ. Такое направленіе опровергалъ апостолъ Павелъ (Гал. 5, 21; Еф. 5, 6.). Такой образъ мыслей обличалъ въ послѣдствіи и Іустинъ мученикъ: и какъ вы обольщаете себя самихъ и нѣкоторые другіе подоб-

ные вамъ въ этомъ, которые говорятъ: что хотя они грѣшники, но знаютъ Бога, и Господь не вмѣнитъ имъ грѣха (Dialog. cum Triph. 141).

Что касается до внѣшняго состоянія церквей, то изъ посланія видно, что онѣ состояли по большей части изъ однихъ бѣдныхъ (1,10); богатые между ними попадались весьма рѣдко; богачи, но невѣрующіе іудеи, жестоко притѣсняли бѣдныхъ вѣрующихъ; у нихъ была устроена по образцу іерусалимской церкви своя іерархія: пресвитеры церковные (5, 14) и учители. Но учителями желали быть такъ многіе, что апостолъ находитъ нужнымъ дать на этотъ предметъ особенное наставленіе. Съ особенною силою старался онъ раскрыть, какъ трудно это званіе (гл. 3). Онъ требуетъ отъ учителя, чтобы онъ умѣлъ владѣть своимъ языкомъ (3, 8, 9) и былъ мудръ на дѣла, а не на слова только (13—18). Собранія ихъ апостолъ называетъ сонмищами или синагогами (2, 2).

Когда Фестъ, прокураторъ іудейскій, умеръ, а Альбинъ еще не бывалъ, Іаковъ былъ умерщвленъ іудеями. Въ его смерти особенное участіе принималъ первосвященникъ Ананія, который былъ не доволенъ тѣмъ, что Павелъ былъ исхищенъ Іаковомъ изъ рукъ Іудеевъ. Причиною его смерти, по свидѣтельству Егезиппа, было то, что онъ не хотѣлъ публично предъ всѣми отказаться отъ Іисуса Христа, ими распятаго (Ap. Evseb. 2, 3).

Апостолъ Іуда.

Братъ Іакова. Онъ пишетъ посланіе противъ тѣхъ, которые хотя участвуютъ въ собраніяхъ церковныхъ (ст. 10), но отрицаютъ Іисуса Христа, какъ Владыку, (ст. 4) не признаютъ Его втораго пришествія и вводятъ свое ученіе о духахъ.

Апостолъ Петръ.

Петръ, освободившись изъ темницы въ Іерусалимѣ (около 44 г.), какъ пишетъ Лука (Дѣян. 12, 17.), удалился въ другое мѣсто. Евсевій утверждаетъ, что онъ тогда же (во время императора Клавдія) путешествовалъ въ Римъ, тамъ проповѣдывалъ евангеліе и поразилъ Симона волхва, который пріобрѣлъ такую славу въ столицѣ міра своими ложными чудесами, что ему воздвигнута была статуя, какъ Богу. О статуѣ упоминаетъ и Іустинъ мученикъ, но ошибочно. Онъ принялъ статую полубога Сабинскаго за статую Симона волхва. На статуѣ вѣроятно была надпись: Semoni deo, что значитъ то же, что Semideo, т. е. полубогу. Въ 50 г. Петръ былъ въ Іерусалимѣ на соборѣ, гдѣ разсуждаемо было о законѣ обрядовомъ въ отношеніи къ обращающимся язычникамъ (Дѣян. гл. 15.). Послѣ того спустя немного времени видѣли мы апостола Петра еще разъ—въ Антіохіи вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ и Варнавою (Гал. 2, 11.). Апостолъ же Павелъ говоритъ, что Петру преимущественно было ввѣрено проповѣдывать евангеліе іудеямъ, такъ какъ Павелъ былъ апостоломъ язычниковъ (ст. 7. 9.). Іаковъ занимался собственно дѣлами церкви въ Палестинѣ, Петръ между іудеями въ разсѣяніи. И въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (9, 5.) апостолъ говоритъ о путешествіяхъ Петровыхъ (что не дозволяетъ допустить его двадцатилѣтняго епископства въ Римѣ съ 44 г., какъ утверждаютъ хроника Евсевія и Іеронимъ). Во время послѣдняго пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ, Петра тамъ не было.

По древнему преданію (начиная съ Оригена, который впрочемъ выражается нерѣшительно) апостолъ

Петръ проповѣдывалъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи разсѣяннымъ іудеямъ. Точно, одно изъ посланій Петровыхъ надписывается „къ пришельцамъ разсѣянія“ во всѣхъ сихъ странахъ и, если принять въ соображеніе, что пишетъ апостолъ во второмъ своемъ посланіи (1, 16), писанномъ очевидно къ тѣмъ же церквамъ (ст. 12): то преданіе, сохранившееся у Оригена, не должно быть совсѣмъ отвергаемо. Изъ перваго же посланія можно заключать, что Петръ проповѣдывалъ между іудеями въ Вавилонѣ, такъ какъ въ концѣ посланія находится привѣтствіе отъ церкви вавилонской (5, 13.). Этотъ городъ, по всей вѣроятности, есть знаменитый въ древности Вавилонъ. Хотя въ это время онъ лежалъ уже въ развалинахъ, хотя во время императора Клавдія іудеи здѣсь подвергались гоненію отъ мѣстныхъ жителей и многіе были истреблены (I. Флавій Antiquit. L. XVIII, c. 9. n. 8. 9), но безъ всякаго сомнѣнія могли многіе оставаться здѣсь если не въ самомъ городѣ, то въ его окрестностяхъ и не мало тутъ было прозелитовъ (Ioseph. de bello iudaic. l. 2. c. 20. n. 2; c 18. n. 2. Contr. App. l. 2. c. 10). Вавилонъ въ это время принадлежалъ Парѳянскому царству: іудеи всюду были тамъ разсѣяны.

Отсюда-то Петръ писалъ къ церквамъ малоазійскимъ, основаннымъ Павломъ и его сотрудниками, но вмѣстѣ и самимъ Петромъ, свое первое посланіе (а не изъ Рима, какъ пишетъ Евсевій и другіе по аллегорическому изъясненію названія: Вавилонъ). Время этого посланія по всѣмъ признакамъ относится къ послѣднему періоду апостольской дѣятельности Петра, къ первому заключенію Павла въ Римѣ. Съ Петромъ видимъ вмѣстѣ Силуана, прежняго сотрудника Павлова (5, 12.); со времени послѣдняго путешествія Павлова въ Іерусалимъ не видно, чтобы онъ сопро-

вождалъ болѣе Павла. Христіане, къ которымъ Петръ пишетъ, подвергались гоненіямъ такого рода, какія стали возникать только около этого времени. Христіане преслѣдуются за то, что они христіане; по тѣмъ народнымъ толкамъ, какими воспользовался Неронъ, ихъ считали за злодѣевъ (κακοποιοί 3, 16). Уже язычники знали строгій образъ жизни христіанъ, замѣтили, что они удаляются зрѣлищъ и другихъ обыкновенныхъ языческихъ удовольствій,—и питали противъ нихъ ненависть, злословили ихъ (4, 4. 5.). Если обратимъ вниманіе на внутреннее состояніе малоазійскихъ церквей во время перваго заключенія Павлова, то и отсюда объяснится время посланія. Отвнѣ угрожали имъ гоненія; внутри они возмущаемы были еретиками, которые обвиняли Павла въ поврежденіи первоначальнаго ученія Христова. Итакъ какъ они, защищая обязательную силу закона Моисеева, ссылались на старѣйшихъ апостоловъ, то Петръ и свидѣтельствуетъ симъ посланіемъ, что ученіе, возвѣщенное имъ Павломъ и его учениками и сотрудниками, изъ числа которыхъ былъ и Силуанъ, и которымъ оно отправлено, есть истина Христова (1, 12; 2, 2. 3.).

Петръ писалъ къ христіанамъ не изъ іудеевъ только, но и изъ язычниковъ; изъ многихъ намековъ и прямыхъ указаній въ его посланіи (2,10 — 4,3) видно, что рѣчь въ особенности относится съ обращеннымъ язычникамъ. Надписаніе посланія сему не противорѣчитъ: διασπορά (1, 1) въ не собственномъ значеніи,— означаетъ просто разсѣянную между іудеями церковь.

Судя по внутреннему и внѣшнему состоянію церквей цѣль посланія была двоякая: во первыхъ, утвердить въ христіанахъ ту мысль, что въ вѣрѣ въ Іисуса Христа, какъ Искупителя, возвѣщенной и принятой ими усердно, заключается источникъ блажен-

ства, что возвѣщенное имъ ученіе, какъ слово Божіе, есть вѣчное, непреложное, и этимъ расположить ихъ къ тому, чтобы они съ дѣтскою простотою предались ему; во вторыхъ, внушить имъ твердость въ сей вѣрѣ, среди всѣхъ гоненій и мужество къ преподѣланію всѣхъ соблазновъ языческаго міра, дабы никто ни въ чемъ не могъ ихъ укорять. Эту двоякую цѣль апостолъ самъ выразилъ въ заключеніи посланія (5, 12): вѣрный братъ Силуанъ принесетъ вамъ это посланіе, краткое сравнительно съ тѣмъ что я желалъ бы сказать вамъ, которое я написалъ вамъ для ободренія (παρακαλῶν) и для засвидѣтельствованія, что это есть истинная благодать Божія, въ которой вы стоите.

Предъ концемъ своей жизни апостолъ послалъ къ тѣмъ же христіанамъ и еще посланіе (2 Петр. 3, 1), которымъ въ особенности хотѣлъ предостеречь ихъ отъ лжеучителей, съ каждымъ днемъ увеличивавшихся все болѣе и болѣе въ Малой Азіи, какъ показала намъ и Павлова исторія. Вѣроятно, это тѣ самые лжеучители, противъ которыхъ писалъ и апостолъ Іуда (Слич. Іуды ст. 4 съ 2 Петр. 2, 1. 2. 3.—ст. 8. съ 2, 10.—ст. 10 съ 2,12.—ст. 16 съ 2,18).

Судя по тѣмъ чертамъ, въ какихъ представляются теоретическія и практическія начала этихъ лжеучителей, они несогласны были съ тѣми іудействующими гностиками, которыхъ Павелъ опровергалъ въ посланіи къ Колоссаямъ и въ другихъ, и которые держались іудейства, какъ преданнаго ангелами откровенія о Богѣ и законѣ, и хотѣли слить его съ христіанствомъ; которые толковали о различныхъ классахъ ангеловъ, ихъ происхожденіи и родословіяхъ. Лжеучители, которыхъ опровергаютъ Петръ и Іуда, совершенно напротивъ смотрѣли на іудейство: они презирали эту религію, какъ произведеніе ограниченныхъ

духовъ, утверждая, что сыны Божіи по искупленію выше стоятъ нежели эти ангелы и не подлежатъ никакимъ законамъ іудейскимъ. Съ этимъ соединялось и противоположное аскетизму іудействующихъ гностиковъ практическое, нравственное направленіе, которое давало всю свободу страстямъ, почитая всякое стѣсненіе рабствомъ закону. Отсюда произошли и мнѣнія противоположныя ожиданіямъ близкаго пришествія Іисуса Христа и Его видимаго царства, особенно сильнымъ у іудействующихъ гностиковъ, напр. у Керинѳа,—мнѣнія, что ожиданія эти напрасны: міръ, какъ стоитъ, такъ и будетъ стоять во вѣкъ.

Въ Римѣ апостолъ Петръ умираетъ крестною смертію. О его мученической тамъ кончинѣ свидѣтельствуютъ: Климентъ римскій, Діонисій коринѳскій, Каій, римскій пресвитеръ, Ириней ліонскій, Тертулліанъ; послѣдній говоритъ и о крестной смерти Петра; Руфинъ конечно правильнѣе переводитъ темное мѣсто изъ Оригена, гдѣ говорится о распятіи Петра въ превратномъ положеніи.

Апостолъ Іоаннъ Богословъ.

Житіе св. Іоанна Богослова, помѣщенное въ Четьихъ Минеяхъ, составлено а) изъ сказаній евангельскихъ и Дѣяній апостольскихъ объ Іоаннѣ; б) изъ повѣствованія Прохорова и в) изъ исторіи, разсказанной Климентомъ Александрійскимъ, въ сочиненіи: „кто богатый можетъ спастися“. Изъ Прохорова повѣствованія здѣсь приводятся слѣдующія обстоятельства: 1., Св. Іоаннъ изъ Іерусалима удалился въ малую Азію съ ученикомъ своимъ Прохоромъ; на пути корабль ихъ разбился (близъ Селевкіи): но Іоаннъ, пробывъ въ морѣ 40 дней и 40 ночей, вышелъ невредимымъ на берегъ и вмѣстѣ съ Прохоромъ при-

шелъ въ Ефесъ. 2., Въ Ефесѣ а) они работали по найму въ банѣ; Іоаннъ, воскресивъ отрока Домна, сына старѣйшины ефесскаго, удавленнаго злымъ духомъ въ банѣ и потомъ отца сего отрока, который умеръ было съ печали о немъ, обратилъ ихъ ко Христу, равно какъ и содержательницу бани Роману; б) Іоаннъ воскресилъ до 200 человѣкъ, умершихъ по молитвѣ его, когда обличалъ ихъ за поклоненіе Артемидѣ; в) исцѣлилъ въ мѣстечкѣ Тихѣ разслабленнаго 12-ти-лѣтняго; г) изгналъ изъ города бѣса, который явился было въ Ефесъ подъ именемъ стража Кларійскаго, который отыскивалъ своихъ узниковъ, бѣжавшихъ изъ темницы—Іоанна и Прохора. 3., По случаю гоненія Домиціанова Іоаннъ отправлялся въ Римъ, здѣсь испилъ ядъ, претерпѣлъ вверженіе въ котелъ съ кипящимъ масломъ и сосланъ отсюда на островъ Патмосъ; на пути морскомъ избавилъ отъ смерти юношу, упавшаго въ море съ корабля, укротилъ бурю молитвою, исцѣлилъ воина, болѣвшаго чревомъ, усладилъ для питья воду морскую. 4., На о. Патмосѣ изгналъ духа пытливаго изъ Аполлонида и тѣмъ обратилъ исцѣленнаго ко Христу вмѣстѣ съ домомъ отца его; самъ апостолъ пользовался ихъ гостепріимствомъ три лѣта; посрамилъ волхва Кинопса и исцѣлилъ многихъ другихъ болящихъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ, апостолъ удалился въ другой городъ, на томъ же мѣстѣ, въ 50-ти стадіяхъ отъ перваго, изгналъ оттуда бѣса въ образѣ волка, пожиравшаго каждый годъ нѣсколько юношей; прогналъ бѣса, который удавилъ юношу въ банѣ и который по изгнаніи изъ Ефеса Іоанномъ шесть уже лѣтъ жилъ здѣсь; обличалъ Прокліану, неправильно обвинявшую сына своего въ насиліи. Когда убитъ былъ Домиціанъ, и Нерва даровалъ всѣмъ свободу, Іоаннъ хотѣлъ возвра-

титься въ Ефесъ. Вѣрующіе не иначе отпустили его, какъ испросивъ у него слово ученія—Евангеліе, котораго первыя слова были возвѣщены съ небеси въ громѣ. Тамъ же онъ написалъ и Апокалипсисъ. Прежде удаленія съ Патмоса апостолъ обошелъ всѣ города его и утверждалъ вѣрующихъ, поставивъ епископовъ и пресвитеровъ. 5., Возвратившись въ Малую Азію, онъ тамъ посѣтилъ прежде основанныя церкви. Здѣсь слѣдуетъ исторія о юношѣ изъ Климента Александрійскаго. Апостолъ спасъ отъ отчаянія одного бѣдняка, который уже не разъ покушался ядомъ прекратить дни свои, но ядъ каждый разъ терялъ свое дѣйствіе отъ силы крестнаго знаменія. При этомъ Іоаннъ превратилъ сѣно въ злато. 6., Апостолъ Іоаннъ скончался, самъ сошедши въ могилу. На утро ничего не нашли на мѣстѣ его погребенія, кромѣ сандалій.

Въ Метафрастовомъ жизнеописаніи (напечат. при толкованіи Экуменія на посланія апостола и Андрея Критскаго на апокалипсисъ t. 2 p. 838) путешествія апостола разсказываются такимъ же образомъ, но изъ чудесъ повѣствуются весьма немногія. Изъ Климента Александрійскаго также приводятся сказанія [1]).

Болѣе достовѣрныя свидѣтельства показываютъ, что мѣстомъ дѣйствованія Іоаннова, по удаленіи его изъ Палестины, была Малая Азія, такъ какъ это было полезно и нужно для здѣшнихъ церквей. Здѣсь про-

---

[1]) О Прохоровомъ повѣствованіи см. Fabric. Cod. Apocryph. p. 815—818 и Thilo prolegom. ad. acta Thom. p. LXXII. Послѣдній доказываетъ, что повѣствованіе Прохорово извѣстное то подъ именемъ Πράξεις, то Περίοδοι — есть тоже самое, которое встрѣчается въ числѣ апокрифическихъ въ Синопсисѣ св. Писанія, приписываемомъ св. Аѳанасію Александрійскому (см. прим. къ стр. LXXVIII и LXXIX). Онъ думаетъ, что древнія дѣянія Іоанновы, которыя были у Енкратитовъ, Манихеевъ и Прискилліанъ позднѣе передѣланы подъ именемъ Прохора ученика Іоаннова.

исходили и гоненія какъ со стороны іудеевъ (Апок. 2. 8), такъ и со стороны язычниковъ (Апок. 2, 13) и возмущенія еретиковъ, особенно тѣхъ, которыхъ поражалъ Павелъ и въ послѣднихъ своихъ посланіяхъ и лично (Апок. 2, 20) и тѣхъ, противъ которыхъ писали Петръ и Іуда.

Въ Малой Азіи дѣйствовали со всею силою іудействующіе еретики. Ихъ свободныя мысли доходили до отрицанія всякаго закона. Дошедшій до *глубины* (Апок. 2, 24) знанія не стѣсняется никакими апостольскими постановленіями: простирая предѣлы своей свободы еще далѣе, нежели коринѳскіе свободномыслящіе (которые говорили: *вся ми лѣть суть*), они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти принимали участіе въ языческихъ пиршествахъ, употребляли въ пищу идоложертвенное и позволяли себѣ всякія плотскія удовольствія. Въ апокалипсисѣ они называются Николаитами и сравниваются съ Валаамомъ и Іезавелью. Иринеи (2, 17) говоритъ, что эта секта своимъ главою имѣла Николая, одного изъ седми діаконовъ; но Евсевій (3, 29) защищаетъ его отъ такихъ мыслей, говоря, что и дочери его и сынъ пребыли, какъ извѣстно, до конца жизни въ дѣвствѣ. Противъ нихъ-то писали Петръ во 2 посланіи и Іуда. Противъ нихъ писалъ и Іоаннъ въ посланіи къ церквамъ пергамской и ѳіатирской (въ Лидіи).

Но гносисъ усвояли себѣ не только язычники, отвергавшіе законъ, а въ своемъ родѣ проповѣдывали и Іудеи,—какъ въ Колоссахъ;—еще болѣе развитъ былъ этотъ гностицизмъ въ ученіи Керинѳа. Съ одной стороны онъ держался обыкновенныхъ представленій Іудеевъ о Мессіи, утверждалъ, что Онъ былъ простой человѣкъ и представлялъ въ Немъ явленіе высшей природы, какъ нѣчто внезапное; но отличался отъ Іудеевъ тѣмъ, что вмѣсто особенной си-

лы Божественной допускалъ наитіе на Него изшедшаго изъ Высочайшаго Бога духа, который соединяетъ собою Бога съ тварію. Этотъ духъ, училъ Керинѳъ, низшелъ на Іисуса въ видѣ голубя при крещеніи, открылъ чрезъ него Отца, Который доселѣ былъ извѣстенъ только избраннымъ между Іудеями, но предъ страданіемъ Его оставилъ, предоставивъ Его самому себѣ. Такимъ образомъ, по ученію Керинѳа, не было существенной и необходимой связи между Божественною и человѣческою природою Искупителя; человѣческая природа была только на время вегикуломъ для искупляющаго Духа, послужила для Слова, чтобы оно могло только явиться, но сама въ немъ не соединялась всегдашнимъ союзомъ.

Изъ этого направленія образовалось и другое мнѣніе, еще болѣе уклонившееся отъ истины, которымъ допускалось только призрачное, мнимое явленіе человѣческой природы Искупителя, оптическій обманъ; подобно какъ ангелы при своемъ посѣщеніи земли облекались не въ дѣйствительное вещественное тѣло. Противъ такихъ-то людей Іоанну нужно было защищать, что Іисусъ Христосъ пришелъ во плоти. И онъ защищалъ съ ревностію: онъ писалъ евангеліе и посланія. Впрочемъ какъ въ его характерѣ было болѣе созерцательнаго, нежели наклонности разсуждать, то въ его писаніяхъ полемика часто скрывается за положительнымъ изложеніемъ предметовъ. Это именно должно сказать объ его евангеліи. Нельзя сказать, чтобы оно писано было противъ такихъ-то и такихъ сектъ, и разбирать съ такой точки зрѣнія его частныя повѣствованія, или изреченія. Напримѣръ *Слово плоть бысть*—это составляетъ главную мысль всего повѣствованія; вся жизнь Іисуса Христа раскрывается, какъ явленіе Слова въ человѣческой природѣ. Если бы Іоаннъ опредѣленно писалъ про-

тивъ Керинѳа, то у него слѣдовало бы видѣть изложеніе, чѣмъ былъ Іисусъ Христосъ до крещенія, какъ проявились признаки Божественной природы еще въ младенцѣ Іисусѣ; но этого у него нѣтъ. Еще говорятъ, что въ евангеліи (19, 34) объ истеченіи крови и воды изъ ребра Іисусова—написано для опроверженія Докетовъ. Но если они отвергали другія доказательства явленія Мессіи во плоти, то не могли убѣдиться и этимъ.

Первое соборное посланіе апостола представляетъ намъ его съ отеческой стороны по отношенію къ вѣрующимъ. Оно содержитъ въ себѣ а) увѣщаніе къ твердому и вѣрному храненію вѣры среди различныхъ искушеній, угрожающихъ какъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, такъ и лжеучителей и б) предостерегаетъ отъ того, чтобы казаться только христіанами, не будучи таковыми въ жизни. Лжеучители, которыхъ имѣетъ въ виду апостолъ, не были іудеи (2. 18), но изъ среды самихъ христіанъ (ст. 19. 22), и по всей вѣроятности это тѣ, которые не допускали дѣйствительнаго, а только мнимое пришествіе Христа во плоти (Докеты 4, 2). Но въ 5 главѣ 6 ст. можно видѣть намекъ полемики и противъ Керинѳа, который дѣйствительно различалъ Христа отъ распятаго Іисуса.

Во второмъ посланіи къ одной христіанской женѣ Киріи съ ея дѣтьми апостолъ предостерегаетъ отъ тѣхъ же лжеучителей, не признающихъ пришествія Христова во плоти (ст. 7), смотритъ на нихъ, какъ на новое явленіе, не просто какъ на противниковъ христіанства, но какъ на отступниковъ отъ первоначальнаго ученія Христова, и заповѣдуетъ такихъ не принимать и въ домы свои и не привѣтствовать ихъ, какъ христіанскихъ братій.

Третье посланіе Іоанново къ одному значительно-

му члену неизвѣстной намъ церкви по имени Каію; оно раскрываетъ намъ нѣкоторыя особыя отношенія церковныя. Каій былъ извѣстенъ дѣятельною любовію, съ какою онъ принималъ чужестранныхъ проповѣдниковъ вѣры, когда они посѣщали его церковь. Но въ той же церкви находился властолюбивый человѣкъ Діотрефъ вѣроятно—предстоятель, который не только самъ не оказывалъ гостепріимства, но и другимъ препятствовалъ и даже отлучилъ за то отъ церкви самого апостола. Видно, что эти проповѣдники были изъ іудеевъ; апостолъ ставитъ имъ въ особую похвалу то, что они ничѣмъ не пользовались отъ языковъ (ст. 7). Потому можно судить, что и Діотрефъ былъ изъ противниковъ іудейства, только неправильно дѣйствовавшимъ.

Долговременное пребываніе здѣсь и управленіе церквами апостола Іоанна способствовало образованію подъ его отеческимъ надзоромъ многихъ достойныхъ пастырей; изъ нихъ извѣстенъ Поликарпъ. Вліяніе Іоанна на церкви малоазійскія открывается и изъ того, что при послѣдующихъ спорахъ о Пасхѣ, о крещеніи еретиковъ, всегда ссылались здѣсь на его примѣръ.

Іаковъ (братъ Іоанна Богослова) скончался въ Іерусалимѣ ок. 44 по Р. Хр.

Симонъ (Зилотъ), по мнѣнію многихъ отцевъ церкви, братъ Іакова Алфеева, по Софронію—епископъ Іерусалимскій послѣ Іакова (по Евсевію епископомъ Іерусалимскимъ именовался Симеонъ, сынъ Клеопы). По Никифору (2, 40.) онъ проповѣдывалъ въ Египтѣ, Киринеѣ, Мавританіи, Ливіи, на Британскихъ островахъ и умеръ на крестѣ.

Іуда братъ Господень и братъ Іаковлевъ, по западнымъ преданіямъ, проповѣдывалъ въ Персіи и тамъ скончался мученически; по Никифору (2, 40) про-

повѣдывалъ въ Палестинѣ, Сиріи и Аравіи и мирно скончался въ Едессѣ.

Матѳій по Никифору (2, 40) проповѣдывалъ въ Ѳіопіи, по Софронію—in altera Aethiopia т. е. въ Колхидѣ, по другимъ—только въ Іудеѣ.

Состояніе ученія въ церкви апостольской.

I. Состояніе ученія въ церкви апостольской вообще. II. Памятники ученія въ церкви апостольской. III. Изложеніе апостольскаго ученія. IV. Обзоръ преподаванія онаго въ церкви апостольской.

I.

Время служенія апостоловъ было предназначено Строителемъ церкви къ раскрытію, утвержденію и пополненію истинъ новой религіи, данной Имъ роду человѣческому. Оставляя свое земное поприще, Небесный Учитель много еще имѣлъ такого, что чувствовалъ себя обязаннымъ сообщить избраннымъ своимъ ученикамъ, но не могъ за немощію ихъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. 16, 12). Болѣе трехъ лѣтъ почти непрестанно съ ними обращаясь и въ публичныхъ наставленіяхъ и въ тайныхъ дружескихъ бесѣдахъ, Онъ сообщалъ имъ первыя основныя истины своего ученія, которыя постепенно должны были вести ихъ къ дальнѣйшимъ выводамъ, но важнѣйшее и труднѣйшее для ихъ несовершеннаго разумѣнія или вовсе оставлялъ, или скрывалъ для памяти подъ покровомъ иносказанія. Если же столь мало были способ-

ны къ полному разумѣнію своего учителя самые приближенные его служители, то тѣмъ менѣе можно было ожидать сего отъ тѣхъ, которые и менѣе имѣли случаевъ слушать его и меньшей были удостоиваемы довѣренности. Такимъ образомъ дѣло религіи, принятое на себя Іисусомъ Христомъ, при концѣ Его земнаго служенія явно представлялось недостаточнымъ, только началомъ и основаніемъ великолѣпнаго зданія. Для совершенія сего зданія, какъ дѣла духовнаго, Іисусъ Христосъ, Котораго видя во плоти, и *разумѣли по плоти* (2 Кор. 5, 16), оставляя землю обѣщалъ послать приготовленнымъ дѣятелямъ Своего Духа, который, будучи Духомъ силы, имѣлъ поколебать въ нихъ всякое противоборство ума, еще не совсѣмъ чуждаго общихъ предразсудковъ и воли, еще не очищенной отъ естественнаго растлѣнія; будучи Духомъ премудрости, имѣлъ прогнать прирожденную мглу души и вполнѣ освѣтить предъ ними какъ обязанности ихъ служенія, такъ и весь кругъ истинъ, которыя они должны были возвѣщать; будучи Духомъ крѣпости, имѣлъ подать имъ нужную твердость и мудрость въ исполненіи оныхъ обязанностей противъ множества препятствій; будучи Духомъ страха Божія, имѣлъ удержать ихъ волю отъ собственнаго поползновенія къ неправдѣ благовѣствованія: *егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 16, 13). По своемъ воскресеніи Онъ Самъ предначалъ сіе дѣло Духа изъясненіемъ имъ отъ всѣхъ писаній, *начевъ отъ Моисея и отъ всѣхъ пророкъ, яже о Немъ* (Лук. 24, 27), и вообще отверзеніемъ имъ ума *разумѣти Писанія* (24, 45). Потомъ вскорѣ исполнилъ и обѣтованіе Духа. Тогда помянулись въ умѣ богопросвѣщенныхъ всѣ глаголы Іисуса, которыхъ цѣли и отношенія къ себѣ они прежде не легко по-

стигали; разрѣшились всѣ намеки Его и указанія, раздражавшія доселѣ ихъ любопытство; мысли ихъ свободно сами собою воспаряли къ высшимъ тайнамъ царствія Божія; Духъ Святый внутренно возвѣщалъ имъ всю волю Отца Небеснаго. Уразумѣли высоту собственнаго назначенія, увидѣли слѣпоту рода человѣческаго, отъ нихъ ожидающаго просвѣщенія; сердце ихъ отозвалось пламенною ревностію на званіе Божіе, и всѣ принесли себя на пользу братій. Тогда съ оружіемъ ума, озареннаго высшимъ свѣтомъ, они устремляются на лжебожіе и нечестіе язычниковъ, съ мечемъ слова Божія—на ожесточенное невѣріе іудеевъ, чтобы плѣнять всѣхъ въ послушаніе вѣры, вмѣсто рабства изводить въ свободу чадъ Божіихъ. Въ томъ же ученіи доставляютъ всѣмъ потребную по силамъ ихъ пищу отъ младенцевъ, новорожденныхъ о Христѣ, до мужей совершенныхъ. Къ большей славѣ благодати Господа, раздѣляющаго всѣмъ и дарованія, и служенія, и дѣйствія *комуждо на пользу*,—и пріемлющіе отъ нихъ истины, сами получаютъ силу быть орудіями дальнѣйшаго ихъ распространенія, пріемля отъ изліянія Духа или даръ ученія, или языка, или откровенія, или сказанія (1 Кор. 14, 26), такъ что прежде жатва была многа, дѣлателей же мало, нынѣ же нужно было убѣждать вѣрующихъ, *да не мнози бываютъ учители* (Іак. 3, 1).

Когда же божественное ученіе во всѣхъ необходимѣйшихъ частяхъ было уже достаточно раскрыто, утверждено и объяснено; когда слово Христово, вселившись въ нѣкоторыхъ, столь глубоко укоренилось, такъ объяло весь духъ ихъ, такъ внѣдрилось въ ихъ умѣ и сердцѣ, что и безъ непосредственнаго Божественнаго наставленія только при помощи сего всесильнаго слова они достаточны были *научити* (2 Тим. 2, 2): тогда

источникъ непосредственныхъ откровеній и озареній мало по малу началъ сокращаться, и распространеніе ученія христіанскаго, равно какъ и объясненіе его, сдѣлавшись обязанностію нѣкотораго званія людей, стало приближаться къ болѣе обыкновеннымъ путямъ. Духъ Божій, взявъ отъ земли живыхъ своихъ органовъ, давалъ и по нихъ учителей церкви, но, такъ сказать, уже естественно воздоенныхъ собственнымъ млекомъ ея. Впрочемъ непосредственная близость всѣхъ учителей къ первымъ Богодухновеннымъ проповѣдникамъ ученія Христова, тѣсное съ ними обращеніе, равно какъ глубокое познаніе таинъ внутренней жизни, насаждаемой и развиваемой опытомъ въ человѣкѣ, сообщало и слову ихъ нѣкую особенную высокость, простоту и истинность, — это было вечернее отраженіе лучей солнца истины въ день его свѣтозарнѣйшаго явленія.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ ученіе апостоловъ и такъ называемыхъ мужей апостольскихъ.

II.

Памятники ученія тѣхъ и другихъ дошли и до насъ. Изъ первыхъ, т. е. изъ памятниковъ ученія апостоловъ извѣстное количество несомнѣнныхъ по божественности происхожденія принято церковію въ постоянное правило вѣрованія и дѣятельности христіанъ. Это суть, во первыхъ: четыре евангелія. И для засвидѣтельствованія сообразности своего ученія съ ученіемъ Іисуса Христа апостоламъ, и для всегдашняго руководства въ жизни всякому вѣрующему точное и полное познаніе жизни и ученія Іисуса Христа было необходимо. Четыре трости четырехъ духодвижимыхъ мужей изобразили намъ нѣкія черты

сего великаго образа, покушаясь представить въ тѣсныхъ рамахъ слова человѣческаго съ высотою и величіемъ природы Искупителя Божественной уничиженіе и немощь природы Его человѣческой. Въ сей картинѣ все Божественно—и свѣтъ, и тѣнь, и слово, и молчаніе.

Во вторыхъ: книга дѣяній Апостольскихъ, вторая книга новаго Завѣта. Начинаясь исторіею вознесенія Господа, она содержитъ исторію первыхъ влеченій народовъ во слѣдъ Вознесеннаго отъ земли, по обѣтованію.

Писатели и подлинность сихъ пяти книгъ, составляющихъ первую историческую часть Новозавѣтной религіи, извѣстны и не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Въ третьихъ: семь посланій соборныхъ содержанія нравственно духовнаго, четырнадцать Павловыхъ, объемлющихъ преимущественно догматическую часть ученія христіанскаго. По замѣчанію бл. Іеронима, первыя столь же таинственны, сколько сжаты; онѣ кратки, говоритъ онъ, и обширны; кратки по словамъ и обширны по правиламъ, такъ что мало людей, которые бы совершенно ихъ постигали. Тотъ же учитель церкви въ послѣднихъ не рѣчи слышитъ, а громы. Читайте, говоритъ онъ, посланія Павла, особенно къ Римлянамъ, Галатамъ и Ефесеямъ, гдѣ онъ весь представляется въ подвигѣ, и вы увидите въ свидѣтельствахъ, заимствуемыхъ имъ изъ Ветхаго Завѣта, сколько онъ искусенъ, сколько благоразуменъ, сколько скрытенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Просты, кажется, слова его, какъ будто несвѣдующій и безхитростный говоритъ онъ; какъ будто не умѣетъ ни поставить, ни избѣжать сѣтей: но куда ни посморишь—все молніи. Онъ медленъ, но беретъ

все, чего ни коснется; обращается назадъ, но чтобы побѣдить; притворяется бѣжать, но чтобы убить".

Изъ числа сихъ (21) посланій нѣкоторыя не всегда или не всѣми были приписываемы тѣмъ, которыхъ имя на себѣ носятъ, а потому иногда были исключаемы и изъ Св. Канона. Таковы суть: Посланіе Іакова, второе Петра, второе и третье Іоанна, посланіе Іуды и посланіе Павла къ Евреямъ. Раскроемъ здѣсь истину.

О посланіи Іакова *Евсевій* (истор. кн. 2 гл. 23) пишетъ такъ: „первое изъ такъ называемыхъ, посланій соборныхъ приписываютъ св. Іакову, хотя нѣкоторые считаютъ оное неподлиннымъ и подложнымъ, и только немногіе изъ древнихъ писателей упоминаютъ о немъ". *Іеронимъ* (въ каталогѣ церков. писателей) говоритъ: „увѣряютъ, что это посланіе писано не Іаковомъ, а кѣмъ нибудь другимъ подъ именемъ Іакова, хотя съ теченіемъ времени и получило важность, равную съ прочими". Вотъ что противопоставляетъ древность мнѣнію о подлинности сего посланія: но очевидно, что сіи свидѣтельства не содержатъ въ себѣ ничего рѣшительнаго въ пользу противнаго мнѣнія. Евсевій соглашается, что нѣкоторые изъ древнихъ упоминаютъ о семъ посланіи какъ о подлинномъ: молчаніе другихъ конечно не доказываетъ, но и не опровергаетъ сего. Противъ Іеронима можно поставить много постановленій соборныхъ и свидѣтельствъ столькихъ же древнихъ Отцевъ церкви, изъ которыхъ видно, что сіе посланіе было принимаемо въ канонѣ св. книгъ не иначе, какъ подъ именемъ Іакова. Поводъ къ сомнѣнію въ подлинности апостольскаго происхожденія сего посланія можетъ быть подало видимое противорѣчіе ученія о вѣрѣ, содержащагося въ ономъ, съ ученіемъ о томъ же Павла. Но сіе противорѣчіе, при внимательномъ разсмотрѣніи, исчезаетъ само собою.

Между причинами, по которымъ не соглашаются признать извѣстное подъ именемъ втораго Петрова посланія Петровымъ, поставляютъ: 1) то, что оно разнится отъ перваго по слогу, какъ замѣтилъ еще то Іеронимъ (in Catalogo); 2) что оно и въ древности не всѣми было принимаемо за таковое, какъ пишетъ Евсевій (Histor. Eccl. L. III, c. XXV et L. VI, c. XXV); 3) что сіе посланіе, или по крайней мѣрѣ послѣдняя глава его, по мнѣнію Гроція, составляющая особое посланіе, должна быть писана по разрушеніи Іерусалима: ибо въ оной говорится, что близокъ послѣдній день міра, — чего никто, говоритъ Гроцій, изъ древнихъ христіанъ не ожидалъ, ранѣе разрушенія Іерусалима. А извѣстно, что Петръ умеръ въ царствованіе Нерона, когда еще Іерусалимъ не былъ взятъ.

Но сіи причины не столько сильны, чтобы давали кому либо право отнимать сіе посланіе у ап. Петра: ибо во 1) различіе слога сего посланія отъ перваго не таково, чтобы заставляло искать для него другаго писателя. Въ томъ и другомъ напротивъ видна краткость съ особенною силою и величественностію — извѣстный характеръ слова ап. Петра. Надобно взять во вниманіе и лѣта писателя,—посланіе сіе второе писано имъ предъ концемъ жизни въ старости (1, 14) и предметъ посланія (болѣе пророчественный и обличительный) отличенъ отъ перваго (болѣе нравственно-назидательнаго). Сіе различіе по слогу двухъ посланій, приписываемыхъ Петру, Іеронимъ изъяснялъ тѣмъ, что Петръ писалъ ихъ не самъ, а поручалъ кому либо изъ своихъ сотрудниковъ, и могло случиться, что эти два посланія были писаны не однимъ. (Et duae epistolae, quae feruntur Petri, stylo inter se et charactere discrepant structuraque verborum. Ex quo intelligimus, pro necessitate rerum diversis eum

usum interpretibus). 2) Предположеніе, что III гл. втораго Петрова посланія есть новое посланіе, равно какъ и основаніе сего предположенія, будто Петръ не могъ писать Христіанамъ въ убѣжденіе къ терпѣнію и непрестанному ожиданію Господа о близости дня Господня прежде разрушенія Іерусалима—не важны сами въ себѣ: первое потому, что въ такомъ случаѣ предъидущее изъ сихъ двухъ посланій должно было бы имѣть обыкновенную заключительную, а послѣдующее вступительную формулу. Второе потому, что допуская даже и то, будто древніе христіане полагали пришествіе дня Господня не ранѣе разрушенія Іерусалима, нѣтъ причинъ не допускать нужды писать о первомъ, когда уже открывались признаки приближенія послѣдняго и когда въ понятіи Іудеевъ, а отсюда и христіанъ изъ Іудеевъ, сіи два событія долженствовали быть между собою очень близки. 3) Что же дѣйствительно писатель сего посланія есть ап. Петръ, это очевидно изъ самаго посланія: a) имя ап. Петра стоитъ въ заглавіи посланія (1, 1.); b) писатель называетъ себя самовидцемъ величія Іисусова во время его прославленія на горѣ святой (1, 16. 17. 18.); c) ап. Павелъ ему возлюбленный братъ (3, 15.); d) онъ пишетъ къ Іудеямъ это второе посланіе (3, 1.). 4) Климентъ Александрійскій въ книгѣ наставленій (ὑποτυπώσεων) приписываетъ оное Петру, за нимъ Григорій Назіанзенъ, Іеронимъ, Августинъ, Епифаній.

Второе и третье посланія Іоанновы не признаются нѣкоторыми за подлинныя его сочиненія, поелику писатель именуетъ себя Іоанномъ не апостоломъ, но пресвитеромъ, а въ Ефесѣ, гдѣ жилъ по большей части и правилъ церковію Іоаннъ Богословъ, дѣйствительно былъ пресвитеръ Іоаннъ. Но 1) Климентъ Александрійскій (Stromat. 2) ссылается на бо́ль-

шее т. е. первое посланіе Іоанна; значитъ допускаетъ по крайней мѣрѣ еще одно изъ сихъ двухъ-меньшихъ. Въ книгѣ ὑποτυπώσεων (по свид. Евсевія Histor. VI, 14.) сей же Климентъ вноситъ ихъ въ число каноническихъ книгъ св. Писанія вмѣстѣ съ другими соборными посланіями. Тертулліанъ ссылается на второе Іоанново посланіе, какъ на каноническое (de Car. Christi c. 24). Оригенъ говоритъ, что въ его время сомнѣвались о писателѣ сихъ посланій, но онъ приписываетъ ихъ Іоанну 2) Наименованіе писателя пресвитеромъ не чуждо можетъ быть и апостола, какъ старѣйшаго въ церкви, что собственно и значитъ πρεσβύτερος, и едва ли не можетъ быть произведено отъ смиренія возлюбленнаго ученика Христова.

Возраженія противъ подлинности посланія Іудина обыкновенно заимствуются изъ самаго посланія: 1) здѣсь приводится пророчество Енохово, котораго у Моисея нѣтъ и которое считаютъ занятымъ изъ подложныхъ писаній Еноха, извѣстныхъ въ позднѣйшія времена между Іудеями. — Но ничто не препятствовало мужу Богомъ просвѣщенному внести въ свое сочиненіе и такія слова или дѣйствія историческія, о которыхъ въ предшествующихъ книгахъ Св. Писанія не упоминается—(какъ напр. то дѣлаетъ и ап. Павелъ, когда упоминаетъ о Іаннѣ и Іамврiѣ 2 Тим. 3, 8), когда онъ могъ несомнѣваться въ исторической достовѣрности или по единогласному свидѣтельству преданій, или по внутреннему увѣренію Духа. 2) Здѣсь говорится о преніи Архангела Михаила съ діаволомъ о тѣлеси Моисеевомъ, что — думаютъ — заимствовано изъ упоминаемой у Оригена еретической книги περὶ ἀναλήψεως Μωϋσέως. Отвѣтъ на сіе тотъ же. — 3) Іуда для подтвержденія своихъ словъ ссылается на слова прочихъ апостоловъ: но

указывать на исполненіе пророчественныхъ предсказаній какого-либо богодухновеннаго писателя, хотя бы и новозавѣтнаго, не стыдно и не низко и для богодухновеннаго писателя.

О писателѣ посланія къ Евреямъ весьма много разнорѣчащихъ мнѣній. Изъ сличенія оныхъ открывается, a) что писателемъ онаго могъ быть и апостолъ Павелъ, хотя и не поставилъ своего имени въ началѣ посланія, потому что будучи ненавистенъ Іудеямъ, къ которымъ писалъ, счелъ за полезнѣйшее совсѣмъ объ ономъ умолчать; b) что сіе посланіе по происхожденію своему принадлежитъ временамъ апостольскимъ, видно изъ того, что св. Климентъ и самые древнѣйшіе писатели упоминаютъ объ ономъ; c) что всѣ церкви греческія и большая часть латинскихъ признавали оное каноническимъ; d) что хотя нѣкоторые въ церкви римской, а можетъ быть и африканской, въ томъ и сомнѣвались, но и въ сихъ самыхъ церквахъ были писатели, признававшіе оное каноническимъ; сомнѣнія родились въ III в., а въ V в. прекратились; e) греческіе отцы никогда не сомнѣвались, что это посланіе точно Павлово, по крайней мѣрѣ по мыслямъ или въ оригиналѣ: только нѣкоторые думали, что оно писано по диктаціи Павла или Лукою, или Климентомъ Римскимъ, или Варнавою, а другіе—что оно кѣмъ нибудь изъ сихъ троихъ переведено съ еврейскаго на греческій; f) въ латинской церкви болѣе сомнѣвались приписывать оное Павлу; напротивъ усвояли оное или Лукѣ, или Варнавѣ, или Клименту; g) наконецъ, принимая всѣ свидѣтельства въ сложности, болѣе найдемъ церквей и писателей въ пользу Павла. Если, не останавливаясь на свидѣтельствѣ древнихъ, искать въ самомъ посланіи сочинителя, то найдутся такія обстоятельства, которыя никому, кромѣ Павла, не могутъ приличест-

вовать. Кажется, сіе посланіе писано 1) изъ Италіи, поелику посылается Евреямъ привѣтствіе отъ братій Италійскихъ (Евр. 13, 24); 2) писано лицемъ, бывшимъ въ узахъ, но ожидающимъ освобожденія (10, 34. 13, 19.); 3) лицемъ, которое имѣло спутникомъ и соузникомъ своимъ Тимоѳея (13, 23.). Эти три обстоятельства ни кому не приличествуютъ, кромѣ Павла. Есть также въ семъ посланіи мѣста, гдѣ характеръ Павла означается очень ясно: онъ защищается, приводя въ свидѣтельство свою совѣсть (13, 18. — Сн. Дѣян. 23, 1. 2 Кор. 1, 12), проситъ себѣ ихъ молитвъ (13, 18 сн. Рим. 15, 30.—Кол. 4, 3.), обѣщается видѣть лице ихъ и привѣтствуетъ (13, 23) по обычаю. Наконецъ, можно ясно видѣть, что сіе посланіе не принадлежитъ ни одному изъ тѣхъ лицъ, которымъ, кромѣ Павла, усвояется: ни Лукѣ, поелику онъ не имѣлъ столько важности, чтобы такъ писать къ Іудеямъ; слогъ сего посланія весьма отличенъ отъ слога Луки; еврейскія фразы здѣсь очень часты; кажется, сочинитель былъ очень свѣдущъ въ обрядахъ и тайнахъ іудейскихъ,—чего нельзя сказать о Лукѣ по происхожденію язычникѣ; ни Варнавѣ: изъ древнихъ только одинъ Тертулліанъ приводитъ сіе посланіе подъ его именемъ; при томъ оно и по слогу отлично отъ подлиннаго посланія Варнавы, которое гораздо несовершеннѣе и менѣе возвышенно, нежели это; неизвѣстно также, жилъ ли Варнава въ Италіи и былъ ли тамъ узникомъ. Всего бы приличнѣе могло быть приписано сіе посланіе Клименту по причинѣ сходства въ слогѣ и характерѣ онаго съ его посланіемъ къ Коринѳянамъ. Точно онъ старается въ ономъ подражать посланію къ Евреямъ, но слогъ не одинъ; матерія посланія къ Евреямъ и образъ изложенія различны; Климентъ не съ такою бы важностію сталъ говорить Іудеямъ, не сталъ

бы глубоко проникать въ обряды и тайны Іудеевъ. Послѣ всего этого мы имѣемъ право заключать, что посланіе сіе писано Павломъ. Впрочемъ, возражаютъ еще, что 1) слогъ онаго отличается отъ слога прочихъ Павловыхъ посланій. Всѣ прочія его посланія носятъ на себѣ одинъ характеръ, а это предъ ними гораздо возвышеннѣе, написано болѣе отборными терминами, слогомъ болѣе ровнымъ; не столько здѣсь встрѣчается фразъ еврейскихъ; есть термины, какихъ нѣтъ въ другихъ посланіяхъ (αἰῶνες). На сіе можно отвѣчать, что слогъ писателя не всегда бываетъ одинаковъ; что Павелъ болѣе трудился надъ этимъ посланіемъ, нежели надъ другими; что предметъ сего посланія гораздо выше, нежели другихъ и что поелику тѣ, къ кому онъ писалъ, гораздо точнѣе и образованнѣе читателей прочихъ его посланій, то онъ и самъ обязанъ былъ возвыситься надъ обыкновенною своею рѣчью; 2) сему повидимому противорѣчитъ εἰς ἡμᾶς Евр. 2, 3. Но слѣдуетъ понимать это слово рег ἀναχοίνωσιν.

Въ четвертыхъ: Апокалипсисъ, чудная исторія будущихъ судебъ церкви, послѣдняя книга Новаго Завѣта, соотвѣтственно первой Ветхаго, содержащая въ концѣ, какъ та въ началѣ, описаніе новаго неба и новой земли.

Ея писатель, несмотря на сомнѣніе нѣкоторыхъ, апостолъ Іоаннъ,—что видно:

1) изъ текста книги; здѣсь встрѣчается его имя (1, 9); здѣсь именуетъ себя свидѣтельствовавшимъ Слово Божіе и *свидѣтельство Іисусъ Христово и елика видѣ* (1, 2. что въ особенности ему приличествуетъ сн. Іоан. 19, 35; 21, 24; 1 Іоан. 1, 1. 2. 3); присовокупляетъ, что онъ былъ въ островѣ, нарицаемомъ Патмосѣ (1, 9).

2) Изъ слога и выраженій, здѣсь встрѣчающихся,

которыя собственно принадлежатъ Іоанну; таковы суть наименованія: *Слово*, *Агнецъ*; выраженія: *омывшу насъ отъ грѣхъ нашихъ кровію своею* (1, 5 сн. 1 Іоан. 1, 7); *Его же прободоша* (1, 7 сн. Іоан. 19, 37).

3) Изъ свидѣтельствъ древнихъ: Іустина, Иринея, Тертулліана, Климента Александрійскаго, Оригена, Епифанія и др.

Сему противопоставляются 1) необыкновенное Іоанну въ евангеліи и посланіяхъ, а здѣсь часто встрѣчающееся именованіе себя собственнымъ именемъ: это выясняется изъ особенной потребности удостовѣренія чрезъ сіе въ истинности своихъ словъ—для книги пророческой, какъ то видимъ и у другихъ пророковъ. Для удостовѣренія въ истинности какого-либо пророчества имя пророка гораздо болѣе значитъ, нежели имя историка или писателя для удостовѣренія въ такой истинѣ исторической, которая всѣмъ извѣстна, или для подтвержденія такого ученія, которое уже довольно и другими раскрыто. Это объясняется примѣромъ прочихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, въ особенности Даніила: *азъ Данiилъ*... 2) Разность слога, которая однако же объясняется и разностію содержанія и разностію говорящихъ. 3) Упущеніе въ каталогѣ каноническихъ книгъ у Дороѳея и сомнѣнія о ней Анастасія, Діонисія Александрійскаго и Евсевія или не важны или погрѣшительны отъ собственныхъ недоразумѣній о 1000 лѣтъ.

Вотъ весь составъ книгъ, преданныхъ церкви апостолами! Несмотря на различіе писателей, ихъ частныхъ цѣлей, частныхъ обстоятельствъ тѣхъ, къ которымъ писали, предметовъ, о которыхъ писали, — въ нихъ съ удивительною полнотою и согласіемъ изложено все ученіе вѣры и благочестія и преподано

все нужное къ достиженію вѣчнаго спасенія каждой душѣ христіанской.

Но въ тоже время какъ св. апостолы, движимые Духомъ Святымъ, составляли на пользу церкви свои Божественныя Писанія и когда сіи Писанія, бывъ раздѣльно различнымъ церквамъ преданы, еще не были собраны и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ бы могли быть введены во всеобщее употребленіе; нѣкоторые изъ христіанъ, желая сохранить и для себя и для послѣдующаго времени дѣянія и ученіе Іисуса Христа и Его апостоловъ въ большей чистотѣ, нежели какъ они могли сохраниться въ устномъ преданіи, стали также заключать оныя въ письмахъ. Такъ св. Лука, начиная свое евангеліе, замѣчаетъ, что уже многіе въ то время начали описывать происшествія жизни Іисуса Христа и, замѣчаетъ, описывать по преданію отъ самовидцевъ и служителей Слова. Но Матѳей, можетъ быть, и Маркъ писали не по преданію отъ самовидцевъ, бывъ сами самовидцами и служителями Слова, слѣдов., Лука разумѣетъ здѣсь не ихъ; онъ намекаетъ на такихъ писателей, у которыхъ въ жизнеописаніяхъ Іисуса Христа не доставало ни полноты, ни критики, ни порядка: разсудилось, говоритъ онъ, и мнѣ на точномъ изслѣдованіи всего сначала по порядку описать... Съ такими недостатками и дѣйствительно должны были быть оныя частныя собранія преданій о нѣкоторыхъ происшествіяхъ и ученіи Іисуса Христа и первоначальныхъ распространителяхъ христіанства. Каждый записывалъ то, что слышалъ; а были и во времена апостоловъ не чисто проповѣдующіе слово Божіе: одинъ могъ собрать болѣе, а другой—менѣе: проповѣдники не всегда и для всѣхъ въ одинаковой полнотѣ и обширности предлагали свои наставленія, спѣша обнять всѣ страны міра съ первымъ извѣстіемъ

о Божественномъ ученіи, коего полнѣйшее раскрытіе они представляли своими писаніями. Далѣе, нѣкоторые изъ сихъ, желая доставить болѣе важности своимъ сборникамъ, или изъ простой ревности къ успѣшнѣйшему распространенію евангелія, поставляли въ началѣ своихъ сочиненій имя котораго нибудь изъ апостоловъ и такъ выдавали оныя для употребленія и другимъ; впослѣдствіи таковая вольность была простерта гораздо далѣе: нѣкоторые изъ еретиковъ стали намѣренно искажать преданія о жизни и ученіи Іисуса Христа и апостоловъ, навязывать имъ свои мнѣнія, составлять небывалыя отъ нихъ посланія. И конечно если бы ученіе и дѣянія Іисуса Христа и апостоловъ не были еще прежде, по внушенію Духа, во всей чистотѣ и истинѣ сохранены въ Писаніяхъ Божественныхъ апостоловъ, или если бы въ то время, какъ преданія объ ономъ ученіи и дѣяніяхъ начали приходить въ такое повреждeніе, тотчасъ же не приступлено было къ собранію и засвидѣтельствованію Божественнаго достоинства оныхъ подлинныхъ писаній апостольскихъ: христіанство погрязло бы во множествѣ нелѣпыхъ вымысловъ. Духъ тьмы преображался во всѣ виды ангела свѣтла; писаны были новыя евангелія, новыя дѣянія, новыя посланія, новый апокалипсисъ: но церковь, имѣя отъ Бога Духа даръ *различати духи*, свято соблюла Божественное, отдѣлила отъ него человѣческое, положила печать отверженія на сатанинское.

Нѣкоторыя изъ сихъ подложныхъ сочиненій дошли и до насъ, — иныя въ цѣлости, другія — въ отрывкахъ, а большей части извѣстны только наименованія.

Между всѣми первое мѣсто по большей близости своей къ чистымъ источникамъ евангельской исторіи заслуживаетъ 1) *Евангеліе отъ евреевъ* или назореевъ. Оно есть нечто иное, какъ евангеліе отъ Матѳея, по

мѣстамъ умноженное и измѣненное на сиро-халдейскомъ языкѣ.

Происхожденіе его изъясняютъ такимъ образомъ: извѣстно, что Матѳей писалъ свое евангеліе евреямъ, обращеннымъ въ христіанство и жившимъ въ Іерусалимѣ. Прежде, нежели Іерусалимъ былъ разрушенъ, христіане удалились и принесли съ собою оное въ Пеллу. Большая часть изъ нихъ, держась еще нѣсколько іудейства, образовала секту Евіонеевъ. Тогдато евангеліе Матѳея отъ однихъ—назореевъ получило въ дополненіе весьма много сказаній, которыя по преданію тогда принимаемы были за истинныя, а отъ другихъ—евіонеевъ весьма много потерпѣло отсѣченій и измѣненій. Такъ между прибавленіями, существовавшими въ евангеліи назореевъ, считаются у Оригена а) слѣдующія слова Спасителя къ богатому юношѣ, когда сей, получивъ повелѣніе раздать нищимъ свое имѣніе, оскорбился онымъ: „*какъ же ты говоришь, что исполнилъ то, что законъ и пророки повелѣваютъ, когда въ законѣ написано: возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе, и когда множество чадъ Авраама покрыты рубищами и умираютъ съ голода, а твой домъ полонъ имѣнія и ничего изъ него не сходитъ на нихъ. Но обратившись къ Петру сказалъ....* б) Въ толкованіи на евангеліе Іоанна Оригенъ изъ сего же евангелія Назореевъ приводитъ еще слова Спасителя: „*мать Моя—Духъ св. взялъ меня за одинъ изъ волосовъ моихъ и вознесъ на великую гору Θаворъ.* в) Еще изреченіе Спасителя: „*будьте добрыми купцами*“.

2) У Іеронима, который не только видѣлъ и читалъ сіе евангеліе, но и перевелъ его съ сиро-халдейскаго на греческій и латинскій,—а) сказаніе о крещеніи І. Христа: *мать Іисусова и братья Его говорили ему,* пишется въ евангеліи Назореевъ, *Іо-*

аннъ Крститель крститъ во отпущеніе грѣховъ; пойдемъ, примемъ и мы его крещеніе. Іисусъ сказалъ имъ: въ чемъ я согрѣшилъ, чтобы идти мнѣ креститься отъ Іоанна? Если только я говорю не по невѣдѣнію. И послѣ: *Когда Іисусъ вышелъ изъ воды, Духъ Святый сшелъ на него, почилъ на немъ и сказалъ ему: Сынъ мой! я ожидалъ тебя во всѣхъ пророкахъ, чтобы, когда придешь, почить мнѣ на тебѣ: ибо ты мой покой и мой сынъ первородный, царствующій вѣчно.*

6) Еще сказаніе объ Іаковѣ: по воскресеніи Своемъ *Господь пришелъ и явился Іакову; поелику Іаковъ клялся, что онъ не вкуситъ хлѣба отъ того часа, какъ пилъ чашу Господню, доколѣ не увидитъ его воскресшаго изъ мертвыхъ....* и немного спустя:—*Господь сказалъ: принесите хлѣба. Принесли хлѣба и онъ благословилъ, и преломилъ, и далъ Іакову праведному и сказалъ: любезный братъ, вкуси отъ хлѣба, — сынъ человѣческій воскресъ изъ мертвыхъ.* Очевидно сіе сказаніе есть преданіе христіанъ іерусалимскихъ, у которыхъ Іаковъ былъ епископомъ.

Такимъ образомъ можно судить и о другихъ прибавленіяхъ, находящихся въ евангеліи назореевъ. Надобно замѣтить, что Іеронимъ пользовался имъ для объясненія себѣ нѣкоторыхъ мѣстъ въ греческомъ переводѣ евангелія Матѳея, напр. слова ἐπιούσιος,— или Мѳ. XXIII, Захаріи сына Варихіина — вмѣсто чего въ евангеліи назореевъ стоитъ: Захаріи сына Іоіадова, что согласно съ свидѣтельствомъ ветхозавѣтнымъ.

Епифаній свидѣтельствуетъ, что Назореи имѣли евангеліе Матѳея весьма полное; что напротивъ то, которымъ пользовались Евіонеи, было очень не полно, повреждено и искажено; что родословія Іисуса Хри-

ста и всего того, что у Матѳея предшествуетъ исторіи крещенія Іоаннова, въ немъ не было; что оно начиналось слѣдующими словами: *человѣкъ именемъ Іисусъ, будучи около 30 лѣтъ,—избралъ насъ*; онъ, *пришедъ въ Капернаумъ и вошедъ въ домъ Симона Петра, сказалъ: проходя вдоль по озеру Тиверіадскому я выбралъ себѣ Іоанна и Іакова сыновъ Зеведеевыхъ, Симона, Андрея и Ѳаддея, Симона Зилота и Іуду Искаріотскаго; я призвалъ и тебя, Матѳей, когда ты сидѣлъ на мытницѣ своей и ты мнѣ послѣдовалъ. Хочу же я, чтобы всѣ вы двѣнадцать были моими апостолами для свидѣтельства Израилю.* Послѣ сего надписанія, евангеліе начиналось такъ: *былъ во время Ирода, царя Іудейскаго, при первосвященникѣ Каіафѣ, нѣкто именемъ Іоаннъ. Онъ крестилъ крещеніемъ покаянія въ Іорданѣ; говорили объ немъ, что онъ отъ корня Ааронова, сынъ Захаріи и Елисаветы; и всѣ выходили принять отъ него крещеніе.*—И далѣе: *когда народъ крестился, пришелъ тотъ же Іисусъ и былъ крещенъ отъ Іоанна. Но когда вышелъ онъ изъ воды, небеса надъ нимъ разверзлись и онъ увидѣлъ Духа Божія сходящаго и пришедшаго надъ него въ образѣ голубя, и услышалъ голосъ съ неба, говорящій: ты сынъ мой возлюбленный, въ тебѣ мое благоволеніе*; и потомъ: *азъ днесь родихъ тя. За симъ тотчасъ явился великій свѣтъ на томъ мѣстѣ и Іоаннъ, увидѣвъ то, сказалъ Іисусу: кто ты, Господи? Тогда еще услышалъ гласъ съ небеси: сей есть сынъ мой возлюбленный, въ которомъ все мое благоволеніе. Тогда Іоаннъ, павшы къ ногамъ его сказалъ, молю тебя Господи, крести меня....*

Вотъ отрывки, изъ евангелія Матѳеева, находившагося у евіонеевъ! Мы нынѣ не имѣемъ ни ко-

декса назореевъ, ни кодекса евіонеевъ, ни даже перевода сдѣланнаго Іеронимомъ.

2. *Евангеліе отъ Египтянъ*. Изъ него приводятся два мѣста у Климента Александрійскаго, въ третьей книгѣ его στρωμάτων; вотъ одно для примѣра: Іисусъ Христосъ говоритъ Саломіи: *я пришелъ разрушить дѣло женщины*, т. е. по изъясненію Климента, *рожденіе и смерть — дѣйствія похоти*. Евангеліе это до насъ не дошло.

3. *Первое евангеліе Іакова*, или исторія о рожденіи, жизни и успеніи Богоматери, сочиненная будто бы св. Іаковомъ, первымъ апостоломъ и первымъ епископомъ христіанъ въ Іерусалимѣ. Вотъ отрывки сей исторіи въ сокращеніи: Іоакимъ былъ избранъ отъ 12 колѣнъ для принесенія жертвы за народъ. Рувимъ его не допускалъ къ тому, потому что онъ не имѣлъ дѣтей. Іоакимъ удалился въ пустыню и постился здѣсь сорокъ дней. Анна, жена его, также плакала; однажды сошла она въ садъ и, увидѣвъ на лавровомъ деревѣ гнѣздо птичье, стала горько жаловаться, что она не имѣетъ и того, что далъ Богъ птицѣ (дѣтей). Здѣсь является ей ангелъ и говоритъ, что она будетъ имѣть дочь. Тотъ же ангелъ явился и тоже возвѣстилъ и Іоакиму; обѣщанная дочь родилась и начала ходить шести мѣсяцевъ; она была питаема ангелами въ храмѣ; была выдана за Іосифа, потому что изъ его жезла, представленнаго вмѣстѣ съ другими первосвященнику, вылетѣлъ голубь и сѣлъ на главу Іосифа. Св. Іосифъ, обрѣтши ее беременною, заставилъ ее пить воду обличенія и проч. Говорится объ Іоаннѣ, что онъ равной подвергался опасности отъ Ирода, какъ и Іисусъ, что Елисавета удалилась съ нимъ въ пустыню и только разступившаяся гора предъ ними и ангелъ могли укрыть ихъ отъ смерти. Между тѣмъ Захарія, отецъ Іоанновъ,

дѣйствительно былъ убитъ между алтаремъ и храмомъ.

4. *Евангеліе Никодимово,* или собраніе сказаній о страданіяхъ и воскресеніи Іисуса Христа, не находящихся въ евангельской исторіи. Напр. Пилатъ посылалъ своего чиновника допрашивать Іисуса; сей чиновникъ, пришедъ къ нему поклонился ему до земли; тоже сдѣлали противъ воли своей и бывшіе съ нимъ воины; преклонялись предъ нимъ и знамена два раза... На вопросъ: что есть истина? Іисусъ успѣваетъ отвѣтствовать... При судѣ надъ Іисусомъ допрашиваютъ Никодима и исцѣленныхъ Іисусомъ Христомъ, призываютъ Веронику, исцѣленную Іисусомъ Христомъ отъ теченія кровей... Въ исторіи о воскресеніи Іисуса Христа, мертвецы, воскрешенные имъ, имѣютъ между собою разговоръ и составляютъ знаменіе Креста. Наконецъ здѣсь утверждается, что когда Пилатъ убѣждалъ Іудеевъ наединѣ сказать ему свои мысли объ Іисусѣ, то они признали, что Онъ точно былъ Мессія.

Оба сіи евангелія т. е. Іакова и Никодима не считаются между произведеніями еретиковъ. Надпись, имѣющаяся въ послѣднемъ, говоритъ, что оно найдено въ царствованіе Ѳеодосія.

Изъ евангелій, писанныхъ еретиками, о которыхъ отцы церкви никогда съ уваженіемъ не отзывались, которыхъ слогъ вовсе отличенъ отъ простоты апостольской и ученіе противоположно ученію апостольскому: 1) *Евангеліе Св. Петра*; 2) *Евангеліе истины*—произведеніе Валентиніанъ; 3) *Евангеліе совершенства* и *Евангеліе Филиппа* — произведенія гностиковъ. Для опыта, какъ различно ученіе сихъ еретическихъ евангелій отъ подлинныхъ, приведемъ изъ Епифанія нѣсколько словъ изъ послѣдняго: *Господь открылъ мнѣ*, говоритъ здѣсь нѣкто, *какія слова*

должна произносить душа, когда она восходитъ на небо и какъ должна отвѣчать каждой силѣ небесной. Именно: я узнала себя и собралась въ себя отвсюду; я не рождала дѣтей князю міра, но истребляла корни его; я собрала свои расточенные члены и знаю, кто ты: ибо я отъ вышнихъ.—Такъ говоритъ, замѣчаетъ Епифаній, имѣетъ право, по мнѣнію гностиковъ, душа только такого человѣка, который дѣйствительно не имѣлъ въ жизни дѣтей; имѣвшій же не допускается на небо дотолѣ, доколѣ не предстанутъ съ нимъ и его дѣти. 4) *Евангеліе Матѳія*; 5) *Евангеліе Св. Ѳомы*—у Манихеевъ; 6) *Евангеліе Варѳоломея*; 7) *Евангеліе Іуды Искаріотскаго* у Каинитовъ, которые, по свидѣтельству Епифанія и Ѳеодорита, почитали Іуду, какъ подражателя Каинова; 8, 9, 10) *Евангелія Ѳаддея, Варнавы, Андрея*. Всѣ извѣстны только по имени, какъ и указываются у нѣкоторыхъ изъ отцевъ церкви. Къ апокрифическимъ же евангеліямъ надлежитъ отнести 1) *исторію рожденія или младенчества Господа нашего Іисуса Христа*, гдѣ напр., говорится, какъ Господь учился у Іосифа читать. Когда Іосифъ произнесъ первую литеру альфу, Іисусъ повторилъ ее; когда Іосифъ произнесъ и слѣдующую виту; то Іисусъ его остановилъ: скажи мнѣ, сказалъ онъ, что значитъ альфа и тогда я произнесу виту; 2) *исторію о рожденіи Дѣвы Маріи и повивальной бабкѣ*, (безстудная); 3) *книгу о рожденіи Дѣвы Маріи*, которую выдавалъ еретикъ Селевкъ за произведеніе св. Матѳея. Ея содержаніе: Дѣва Марія родилась въ Назаретѣ; отца ея звали Іоакимомъ, а мать Анною. Они раздѣлили все свое имѣніе на три части, назначая одну для храма и левитовъ, другую для бѣдныхъ и странниковъ, третью для своихъ нуждъ; не имѣя долго дѣтей, дали Богу обѣтъ посвятить ему

свое дитя, если родится мальчикъ. Однажды въ праздникъ кущей Несахаръ первосвященникъ отвергъ жертву Іоакима, потому что онъ не имѣлъ дѣтей. Іоакимъ въ смущеніи удалился къ пастырямъ; здѣсь ему явился ангелъ и возвѣстилъ отъ Бога, что Анна будетъ имѣть дочь, которая дастъ Спасителя міру. Тотъ же ангелъ явился Аннѣ и сказалъ ей, что она будетъ имѣть дочь, которая послѣ трехлѣтняго воспитанія въ отеческомъ домѣ будетъ жить при храмѣ. Іоакимъ и Анна возвратились послѣ сего въ Іерусалимъ, Анна зачала и родила дочь, которую по истеченіи трехъ лѣтъ и принесла въ храмъ. Младенецъ имѣлъ каждый день видѣнія и обращался каждодневно съ Ангелами. Но далѣе четырнадцатилѣтняго возраста дѣвицъ при храмѣ не держали: Маріи же хотѣлось здѣсь еще остаться и она объявила, что даетъ обѣтъ дѣвства. Великій Первосвященникъ, недоумѣвая, какъ поступить съ просьбою дѣвы, собираетъ собраніе; рѣшено вопросить Бога; гласъ отъ очистилища отвѣтствовалъ словами Исаіи: *изыдетъ жезлъ Іессеевъ и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ.* За симъ дано было повелѣніе принести всѣмъ членамъ фамиліи Давидовой по жезлу къ жертвеннику съ тѣмъ, чтобы чей жезлъ процвѣтетъ и на кого сойдетъ Духъ Божій въ видѣ голубя, тому отдать и дѣву. Когда всѣ принесли жезлы; одинъ Іосифъ престарѣлый не принесъ своего и ни одинъ изъ принесенныхъ не процвѣлъ. Первосвященникъ опять вопросилъ Бога и получилъ отвѣтъ, что тотъ, кто долженъ получить дѣву, не представлялъ своего жезла. Такимъ образомъ Іосифъ былъ узнанъ и когда представилъ свой жезлъ, голубь слетѣлъ съ неба на его голову. Онъ взялъ за себя Марію и возвратилъ ее къ родителямъ ея въ Галилею. Тамъ явился ей ангелъ; она смутилась, но не отъ видѣнія, поелику привыкла уже видѣть у себя

ангеловъ, а отъ его словъ: Ангелъ сказываетъ ей, что она будетъ имѣть сына. Въ заключеніе говорится, что потомъ Іосифъ, увидѣвъ ее, нашелъ, что она беременна. Нѣкоторые думаютъ, что это сочиненіе есть подлинное Матѳсево, только искажено.

Также, какъ для дополненія евангельской исторіи были составляемы различными лицами новыя евангелія, и для дополненія исторіи апостольской были писаны новыя различныя дѣянія. Первое мѣсто между сими заслуживаетъ: 1. *Дѣянія Павла и Ѳеклы.* Писатель оныхъ нѣкто священникъ изъ Азіи, ученикъ ап. Павла, будто бы склоненный къ вымышленію разсказываемыхъ въ сей книгѣ происшествій любовію къ своему учителю и апостоломъ, управлявшимъ тогда Азіею (по Тертулліану), Іоанномъ Богословомъ (по Иринею). Впрочемъ сочинитель былъ за сіе низведенъ со степени священства. Нынѣ извѣстная книга дѣяній Павла и Ѳеклы не такъ полна, какою нашелъ ее Тертулліанъ и конечно передѣлана изъ древней; напр. недостаетъ въ ней исторіи о львѣ крещенномъ и о женщинахъ, которыя крестили; разсказывается только, что Павелъ въ Иконіи обратилъ одну дѣвицу, именемъ Ѳеклу; убѣдилъ отказаться отъ того, кому она была обѣщана въ супружество, и дать обѣтъ дѣвства; за это дѣвица своимъ женихомъ была обвинена и осуждена на съѣденіе звѣрямъ, отъ чего послѣ чудесно избавлена. Одни къ сему присовокупляютъ, что она умерла отъ другой казни; а другіе, что она всегда была избавляема сперва отъ огня, потомъ и отъ воловъ, къ которымъ была привязана. О сей Ѳеклѣ упоминаютъ весьма многіе Отцы Церкви.

Далѣе, приписывали Петру, кромѣ евангелія, еще четыре сочиненія: *Дѣянія*, *Проповѣдь*, *Апокалипсисъ*, *Судъ;* также *ученіе Петра*, *или апостоловъ*. У Манихеевъ были *дѣянія Св. Павла*, гдѣ апостолы гово-

рятъ, что души людей и животныхъ одного свойства и тѣ же апостолы творятъ чудеса, заставляя говорить собакъ и овецъ.

Извѣстны еще *дѣянія Св. Андрея* (у Енкратитовъ, Апостоликовъ и Оригенистовъ); *дѣянія Св. Іоанна* (у Енкратитовъ); *дѣянія Св. Филиппа и Фомы* (у Апостоликовъ); *дѣянія апостоловъ вообще* (у Евіонеевъ); *восхищеніе или вознесеніе Св. Павла* (у Каіонитовъ—гностическое сочиненіе); *памятныя записки апостоловъ* (составленныя прискилліанистами); *описаніе путешествій апостольскихъ*; *книги о смерти и успеніи Богоматери*, приписываемыя Св. Іоанну; *посланія Іисуса Христа къ Петру*, въ которыхъ предлагаются наставленія апостоламъ, какъ творить чудеса.

Наконецъ есть подложные апокалипсисы: Св. Петра, Св. Павла, Св. Ѳомы, Св. Стефана.

Показавъ сочиненія, какія въ древности приписываемы были кому-либо изъ апостоловъ въ особенности, должно упомянуть и о такихъ произведеніяхъ, которыя приписываются цѣлому обществу апостоловъ; это суть: *символъ апостольскій* и *правила апостольскія*.

Подъ именемъ *символа апостольскаго* разумѣютъ сокращенное изложеніе существенныхъ членовъ вѣры, составленное будто бы отъ слова до слова самими апостолами. Не отрицая того, что члены вѣры, въ ономъ излагаемые, дѣйствительно были преподаваемы апостолами въ свое время вѣрующимъ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы имъ принадлежала и самая буква онаго символа.

Къ сему подаютъ поводъ:

1) Молчаніе о семъ Св. Луки, который, упоминая о соборѣ апостольскомъ, на которомъ поставлены были правила касательно соблюденія обрядоваго закона Моисеева, конечно упомянулъ бы въ своей кни-

гѣ о томъ соборѣ, на которомъ, по увѣренію Руфина, они составили этотъ символъ — какъ о событіи, гораздо важнѣйшемъ.

2) Молчаніе о семъ событіи древнихъ отцевъ церкви до пятаго вѣка, въ которомъ первый, и одинъ, Руфинъ о томъ свидѣтельствуетъ, замѣчая впрочемъ, что такъ предаютъ предки: tradunt majores nostri.

3) Если былъ данъ апостолами церкви таковый символъ, то для чего его не употребляли въ своихъ преніяхъ съ еретиками отцы церкви первыхъ трехъ вѣковъ, тогда какъ всѣми силами старались доказывать, что ученіе, содержащесся въ символѣ вѣры, есть ученіе истинно апостольское? Не легче ли было бы православнымъ доказать однимъ разомъ истинность своего ученія, утвердивъ однажды навсегда подлинность происхожденія сего символа отъ Божественныхъ апостоловъ, нежели брать каждый членъ вѣры въ отдѣльности и о каждомъ въ особенности изъ снесенія преданій и ученія каждой церкви, апостолами основанной, доказывать, что онъ имѣетъ происхожденіе отъ апостоловъ? Къ чему бы тогда напр. было Иринею доказывать происхожденіе своего ученія отъ апостоловъ такимъ образомъ, что онъ принялъ его отъ Поликарпа, а Поликарпъ былъ ученикъ Іоанна Богослова, если бы у него былъ подъ руками непреложный свидѣтель ихъ ученія—ихъ символъ? Когда притомъ еретики скорѣе могли отрицать оное преданіе апостольскаго ученія чрезъ Поликарпа, нежели составленіе символа какъ дѣла публичнаго, открытаго?

4) Въ противность происхожденію отъ апостоловъ одного символа, принимаемаго римскою церковію, находимъ въ древнихъ церквахъ и у древнихъ отцевъ церкви различные не по содержанію, но по внѣшнему виду символы, чего не могло бы быть изъ

одного благоговѣнія къ каждому слову богодухновенныхъ составителей символа, если бы только онъ существовалъ. Во II и III вв. столько же было символовъ, сколько писателей; даже у одного и того же писателя въ различныхъ мѣстахъ сочиненій его встрѣчаются различные символы; такъ у Иринея два, у Тертулліана три. Напрасно сему противополагаютъ, что только въ Римской церкви символъ апостольскій сохранился въ своей чистотѣ и цѣлости: различіе и множественность символовъ замѣтно и между писателями церкви Римской, у Иринея, Тертулліана.

5) Два или три члена сего символа, который выдается за апостольскій, какъ извѣстно, до конца третьяго или даже четвертаго столѣтія совсѣмъ въ немъ и не находились. Самъ Руфинъ пишетъ, что члена о сошествіи Іисуса Христа во адъ не было ни въ символѣ Римской Церкви (апостольскомъ), ни въ символѣ восточномъ, и что вмѣсто онаго въ семъ послѣднемъ читалось о погребеніи Іисуса Христа, что и принимаетъ Руфинъ за одно, или за изъясненіе того. Тоже замѣчаютъ о членѣ касательно общенія святыхъ. Не было во многихъ символахъ члена о жизни вѣчной, а можетъ быть и въ символѣ Римскомъ, какъ заключаютъ изъ словъ Іеронима: въ символѣ вѣры и упованія нашего по исповѣданіи Троицы и единства церкви вся тайна ученія христіанскаго заключается воскресеніемъ плоти.—(Epistol. 61.)

6) Наконецъ, всѣ, приводимыя въ защищеніе апостольскаго происхожденія онаго символа римской церкви, мѣста изъ отцевъ церкви онаго рѣшительно не доказываютъ а) слова Тертулліана: 1) Regula fidei una omnino est; sola immobilis et irreformabilis, credendi sic licet in unum Deum omnipotentem, mundi conditorem et in Filium Ejus I. Christum et cet. (Ex lib. de veland. virginib.). Но здѣсь ни слова о происхож-

деніи сей regulae fidei отъ апостоловъ!—2) Superest ergo, ut demonstremus, an nostra doctrina, cujus regulam supra edidimus de Apostolorum traditione censeatur, et ex hoc ipso, an cetera de mendacio veniant? (Lib. de Praescriptionib. Cap. 31). Что же здѣсь? Тертулліанъ хочетъ повѣрять свое ученіе не съ символомъ, а преданіемъ апостольскимъ, и очевидно сему, а не оному даетъ предпочтеніе, и чье то правило вѣры, или символъ, не говоритъ.

3. Слова св. Амвросія (Lib. 1 Epis. 7 ad Siricium Pontif. Max.): credatur symbolo Apostolorum, quod ecclesia Romana intemeratum semper custodit et servat. Вотъ сильнѣйшее изъ всѣхъ защищеній апостольскаго символа! Но и здѣсь развѣ нельзя разумѣть наименованіе символа апостольскимъ въ знаменованіи происхожденія отъ апостоловъ только ученія въ немъ содержащагося, а не словъ? По крайней мѣрѣ это темно и требуетъ сильнѣйшаго подтвержденія, но его нигдѣ нѣтъ. У Целестина 1 говорится тоже: Symbolum ab Apostolis traditum (in Epist. ad Nestor.)—и только. У Луцифера Кларешанскаго (Lib. 2. adsers. Constant. Imperator.): forma disciplinae et regula fidei, per apostolos tradita. Нѣтъ и здѣсь рѣшительнаго доказательства въ пользу католиковъ. Одного Руфина объясненіе сихъ словъ въ смыслѣ буквальнаго происхожденія символа римской церкви отъ апостоловъ слишкомъ поздне и неудостовѣрительно.

Итакъ символъ апостольскій пусть будетъ апостольскимъ, но въ томъ же смыслѣ, какъ и другіе, въ древности писанные кѣмъ-либо изъ православныхъ вѣрующихъ.

Книга *постановленій апостольскихъ* будетъ подлежать дальнѣйшему разсмотрѣнію.

Слѣдуетъ сказать о *памятникахъ ученія мужей апостольскихъ*. Сюда относятся:

1) *Посланіе Варнавы.* О подлинности его происхожденія отъ Варнавы не сомнѣвались Климентъ Александрійскій и Оригенъ; Евсевій полагаетъ его въ числѣ апокрифическихъ, но не по неизвѣстности происхожденія, а по его достоинству, которое не даетъ ему права стоять между каноническими книгами Новаго Завѣта. У Евсевія три класса апокрифическихъ книгъ: первый, къ которому относятся такія сочиненія, которыя одними были отвергаемы, а другими принимаемы за каноническія; второй, къ которому принадлежатъ сочиненія, никѣмъ не признаваемыя за каноническія, но не еретиками однако же писанныя, которыя принадлежатъ къ третьему классу апокрифическихъ. Посланіе Варнавы должно состоять по сему раздѣленію въ первомъ или по крайней мѣрѣ во второмъ классѣ. Замѣчаютъ въ семъ посланіи много недостойнаго св. Варнавы; вѣроятно ли, говорятъ, чтобы мужъ, исполненный Духа Святаго и сотрудникъ св. Павла былъ виновникомъ такихъ вещей, какія есть въ сей книгѣ, какъ то: вынужденныя аллегоріи, необыкновенныя и чуждыя здраваго смысла изъясненія Писанія, басни о животныхъ и множество другихъ подобныхъ мечтаній, составляющихъ первую часть сей книги? Но заставило ли это Климента, Оригена, Евсевія искать другаго писателя сего посланія? Будучи ближе насъ ко временамъ апостоловъ, имѣя передъ собою книги, писанныя ихъ учениками, которыя для насъ болѣе не существуютъ, они лучше могли знать и слогъ и образъ сочиненія апостоловъ, ихъ сотрудниковъ и учениковъ. Итакъ, если они нашли тогда, что сіи аллегоріи, сіи мистическія изъясненія, находящіяся въ посланіи Варнавы, могли принадлежать ему, то какое право имѣемъ мы нынѣ утверждать, что они не могутъ ему принадлежать. Надобно худо знать духъ іудеевъ и первыхъ

христіанъ, выросшихъ и воспитанныхъ въ синагогахъ, чтобы почитать несвойственными такія мысли; напротивъ—это составляло ихъ характеръ, они учились у іудеевъ все Писаніе превращать въ аллегорію и дѣлать замѣчанія на свойства животныхъ, которыя воспрещено ѣсть закономъ Моисеевымъ. Посланіе Климента къ Коринѳянамъ, столь знаменитое въ древности и книга Климента Александрійскаго στρώματα наполнены такого рода аллегоріями и образами. Аллегорія крови Іисуса Христа, изображаемой красною веревкою Раавы у Климента Римскаго, не менѣе издалека заимствована, какъ и аллегоріи Варнавы. Наконецъ, авторъ сего посланія слишкомъ порочными, повидимому, представляетъ апостоловъ до ихъ обращенія: super omne peccatum peccatores... Но изъясняйте сіе изъ духа смиренія писателя и будете имѣть такой смыслъ сихъ словъ, отъ котораго не откажется ни одинъ праведникъ.

2. *Посланіе Климента къ Коринѳянамъ. Первое*—подлинное; *втораго* отрывокъ древній, но не одного съ предъидущимъ достоинства. *Постановленія апостольскія* (Constitutiones Apostolicae), сочиненіе древнее, послѣ дополненное нѣкоторыми заблужденіями и измѣненное, Клименту не принадлежитъ, хотя и приписываетъ себя Клименту.

Recognitionum libri X, извѣстныя подъ именемъ S. Clementis acta, historia, chronica—сочиненія подложныя.

3. *Посланія Игнатія Богоносца.* Ревностный пастырь церкви Антіохійской уже веденъ былъ въ Римъ на снѣденіе звѣрямъ: на пути занятый состояніемъ церквей, которыя мимоходомъ посѣщалъ, пишетъ три посланія изъ Смирны *къ церкви Ефесской*, къ *Магнисіянамъ*, къ *Тралліанамъ* и предпосылаетъ свою просьбу къ церкви Римской не лишить его ревностію

своихъ молитвъ вѣнца мученическаго; дошедъ до Троады, посылаетъ отсюда еще письмо *къ Филадельфійцамъ*, къ церкви *Смирнской* и въ особенности къ епископу ея *Поликарпу*, поручая ему свою антіохійскую церковь. Св. Поликарпъ вскорѣ по кончинѣ его собралъ всѣ сіи посланія и съ собственнымъ препроводилъ къ христіанамъ филиппійскимъ. О сихъ посланіяхъ Игнатія свидѣтельствуютъ Евсевій, Іеронимъ, отчасти Ириней, Оригенъ.

Св. Игнатій въ посланіи къ *Смирнянамъ* опровергаетъ заблужденіе тѣхъ, которые отрицали, что Іисусъ Христосъ былъ истинный человѣкъ, имѣлъ подлинную плоть и дѣйствительно страдалъ. Онъ говоритъ, что сіи еретики нерадѣли о бѣдныхъ и вдовахъ, и отдѣлялись отъ общихъ молитвъ съ церковію и евхаристіи, потому что не вѣрили, чтобы въ ней предлагалось истинное тѣло Іисуса Христа, который за насъ былъ пригвожденъ ко кресту и потомъ воскресъ. Убѣждаетъ Смирнянъ убѣгать раздѣленій, какъ источника всѣхъ золъ, повиноваться своему епископу, почитать священниковъ и діаконовъ и ничего не дѣлать безъ соизволенія своего епископа, не позволяя даже и крестить и совершать христіанскія вечери (ἀγάπη) безъ него.

Въ посланіи къ *св. Поликарпу* даетъ превосходные совѣты, убѣждаетъ сохранять единеніе въ своей церкви, непрестанно бдѣть о своемъ стадѣ и подавать приличное врачеваніе въ болѣзняхъ своихъ овецъ, обходиться съ порочными съ любовію и кротостію, молиться Богу непрестанно и просить отъ Него Его благодати, трудиться непрестанно какъ достоитъ подвижнику Іисуса Христа, Который, бывъ невидимъ и безстрастенъ, сталъ для насъ видимымъ и смертнымъ. Внушаетъ попеченіе о вдовахъ, а симъ покорность епископу; супругамъ взаимное угожденіе,

любовь и чистоту; всѣ браки совершать съ соизволенія епископа, дабы были по Богу, а не по страсти. Наконецъ убѣждаетъ всѣхъ вѣрныхъ повиноваться епископу, священникамъ и діаконамъ и трудиться въ дѣлѣ своего спасенія.

Въ посланіи къ *Ефесеямъ* свидѣтельствуетъ свою радость о томъ, что видѣлъ Онисима, ихъ епископа, увѣщаваетъ жить свято, быть покорными своему епископу и пресвитерамъ и жить всегда въ единеніи, объявляя, что тѣ, которые отдѣляются отъ епископа и не находятся при общихъ молитвахъ христіанъ, коими распоряжается епископъ, бываютъ внѣ церкви и лишаются хлѣба небеснаго. Потомъ увѣщаваетъ ихъ убѣгать ереси, удаляться еретиковъ и вѣрить, что Іисусъ Христосъ есть Богъ и сталъ плотію, и какъ Богъ—безстрастенъ, но какъ человѣкъ страданію подверженъ. Наконецъ, восхваливъ ихъ за благочестіе, увѣщаваетъ ихъ молиться Богу за весь міръ, чаще собираться на общія молитвы и блюсти ненарушимо вѣру. (Онъ говоритъ здѣсь, что князь міра, т. е. діаволъ не зналъ ни о дѣвствѣ Маріи, ни о ея рожденіи, ни о смерти Спасителя).

Въ посланіи къ *Магнесіанамъ*, послѣ увѣщанія повиноваться епископу, безъ него ничего не совершать и жить въ единеніи, поучаетъ не увлекаться суетными мнѣніями, не жить по іудейски, но по христіански, вѣрить въ Іисуса Христа, что онъ есть Слово Божіе, Которое не изъ состоянія молчанія вышло (когда намъ явилось), но послано отъ Бога Отца и есть единственная наша надежда. Наконецъ, поручаетъ себя ихъ молитвамъ.

Въ посланіяхъ къ *Филадельфійцамъ* и *Тралліанамъ*, послѣ изъявленія радости о ихъ единеніи между собою и общихъ наставленій удаляться раздѣленій, въ *первомъ* опровергаетъ тѣхъ, которые ничему не хо-

тѣли вѣрить кромѣ того, что написано въ Ветхомъ Завѣтѣ, и говоритъ, что евангеліе есть совершеніе того, что прообразовано въ Ветхомъ; а въ *другомъ* предлагаетъ нѣкоторые догматы ученія христіанскаго, именно, что Іисусъ Христосъ родился отъ Маріи, былъ истинно человѣкъ, пострадалъ и умеръ дѣйствительно, а не призрачно, какъ нѣкоторые еретики говорили.

Наконецъ въ посланіи къ *Римлянамъ* изъявляетъ сильное желаніе мученичества и проситъ ихъ не отнимать у него сего славнаго вѣнца препятствованіемъ быть ему отданнымъ на растерзаніе звѣрямъ.

Всѣ эти посланія исполнены спасительныхъ правилъ и полезнѣйшихъ наставленій, достойны христіанина, епископа и мученика и всѣ отличаются помазаніемъ и благочестіемъ. Нельзя читать ихъ, не замѣчая повсюду, что сей святитель былъ воодушевляемъ ревностію по душамъ совершенно божественною, повиновеніемъ закону Іисуса Христа и храненіемъ его ученія самымъ строгимъ. Во всѣхъ словахъ его проявляется любовь къ Іисусу Христу, любовь къ своимъ братіямъ, привязанность къ ученію церкви и ревность о мирѣ ея.

4. Изъ посланій св. *Поликарпа* епископа Смирнскаго, ученика Іоанна Богослова, сохранилось одно, при которомъ онъ препровождаетъ посланія Игнатія Богоносца къ *Филиппійцамъ*, прося ихъ самъ въ свою очередь доставить подробнѣйшія свѣдѣнія о кончинѣ сего святителя, если какія имѣютъ. Сіе посланіе исполнено совѣтовъ, правилъ и увѣщаній, заимствованныхъ изъ св. Писанія, написано съ большею ясностію и простотою.

5. Къ апостольскимъ мужамъ по времени и наставленію принадлежитъ еще *Папій*, епископъ Іерапольскій (между Фригіею и Лидіею, близъ Лаодикіи),

ученикъ св. Іоанна (по Иринею и Іерониму). Онъ написалъ пять книгъ подъ названіемъ: *Изъясненіе рѣчей Господнихъ* (λογίων Κυριαχῶν ἐξήγησις), изъ которыхъ нынѣ сохранились только нѣкоторые отрывки и древнихъ, и новыхъ писателей. Это былъ тотъ самый Папій, который далъ начало мнѣнію древности о временномъ царствѣ Іисуса Христа (это мнѣніе принимали Варнава, Іустинъ, Аѳинагоръ, Ириней, Климентъ, Тертулліанъ, Лактанцій), которое, какъ предполагали, должно было начаться на землѣ за тысячу лѣтъ до суда, когда всѣ избранные по воскресеніи своемъ соберутся въ Іерусалимъ для наслажденія всевозможными благами чрезъ цѣлое тысячелѣтіе. Изъ собственнаго о себѣ свидѣтельства Папія, что онъ, стараясь собирать точнѣйшія свѣдѣнія объ ученіи Іисуса Христа, спрашивалъ обращавшихся со старѣйшими (учителями): чему училъ Андрей, чему Петръ, чему Филиппъ, Ѳома, Іаковъ, Матѳей, чему прочіе Господни ученики учили; что проповѣдывали Аристіонъ, Іоаннъ пресвитеръ—ученики Господа,—Евсевій заключаетъ, что Папій былъ ученикомъ не Іоанна Богослова, какъ свидѣтельствуютъ Ириней и Іеронимъ, но Іоанна пресвитера. Если изъ того, что здѣсь упоминается о двухъ Іоаннахъ, выводить, что Папій не былъ ученикомъ перваго, такое же право имѣетъ всякій сказать, что онъ не былъ ученикомъ послѣдняго. Сужденіе о немъ даетъ Евсевій такое: этотъ писатель въ своихъ сочиненіяхъ выдаетъ подъ названіемъ преданій нѣкоторыя странныя притчи и проповѣди Спасителя и баснословнѣйшія сказанія; между прочимъ говоритъ, что послѣ воскресенія тѣлъ будетъ тысяча лѣтъ тѣлеснаго на землѣ царствованія Іисуса Христа: что я думаю, пишетъ Евсевій, онъ принялъ за апостольское ученіе, не понявъ того, что у нихъ говорится въ таинствен-

номъ смыслѣ и подъ образами (ἐν ὑποδείγμασι). Ибо онъ очень не далекъ былъ умомъ, какъ свидѣтельсвуютъ его писанія: σφόδρα γὰρ τοι σμικρὸς ὢν τοῦ νοῦ, ὡς ἂν ἐκ τῶν αὐτῷ λόγων τεκμαιρομένου εἰπεῖν φαίνεται (Eccl. Histor. lib. III, XXX. IX.).

6. *Квадрата*, ученика Іоанна Богослова, провидца и мученика, апологія, нынѣ затерянная.

Изъ памятниковъ ученія временъ апостольскихъ, болѣе или менѣе оспариваемыхъ въ разсужденіи ихъ происхожденія отъ тѣхъ писателей, которыхъ имя они носятъ, стоютъ примѣчанія:

1. *Три книги Ермы*: книга *видѣній*, книга *заповѣдей*, книга *притчей*. Евсевій пишетъ о нихъ: надобно знать, что объ этомъ сочиненіи у нѣкоторыхъ былъ споръ, почему оно не полагается между признанными за достовѣрныя книгами (ὁμολογουμένοις). Но другіе считаютъ оное весьма нужнымъ, особенно для первоначальнаго наставленія. Отъ чего, какъ мы знаемъ, и въ церквахъ оно публично читается, и нѣкоторые изъ древнѣйшихъ писателей, какъ помнится, (κατείληφα) имъ пользовались (lib. III, с. 3).

2. *Сочиненія Діонисія Ареопагита. О небесной и церковной іерархіи, о именахъ Божіихъ, о таинственной Богословіи и девять писемъ.*

Возраженія противъ подлинности сихъ сочиненій:

1. О сочиненіяхъ Діонисія Ареопагита молчатъ писатели первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Въ первый разъ приводятся еретиками Севериянами на соборѣ, бывшемъ въ 533 г. и отцами отвергнуты.

Отвѣтъ. Молчаніе древнихъ писателей изъясняютъ 1) тѣмъ, что не всѣ могли имѣть подъ руками эти книги; 2) для опроверженія еретиковъ, когда бы можно было упомянуть и о древнихъ сочиненіяхъ сего отца, болѣе приводили свидѣтельства Св. Писанія и опредѣленія соборовъ. 3) Что умолчали о нихъ

Евсевій и Іеронимъ въ своихъ переписяхъ сочиненій церковныхъ писателей, изъясняютъ тѣмъ, что первый опускаетъ сочиненія нѣкоторыхъ и другихъ писателей, напр. Аѳинагора; а вторый, какъ самъ свидѣтельствуетъ, болѣе пользовался въ семъ своемъ сочиненіи трудами и розысканіями Евсевія. Притомъ самъ Діонисій въ своемъ сочиненіи о церковной іерархіи проситъ Тимоѳея, чтобы онъ его сочиненій не давалъ во всеобщее употребленіе. 4) Что еретики первые стали указывать на сіи сочиненія,—ихъ подлинности не препятствуетъ, напротивъ кажется доказываетъ уваженіе церковію желанія писателя сохранять ихъ втайнѣ. Отцы собора отвергали потому, что не имѣли чѣмъ на первый разъ лучше рѣшить лжеученіе своихъ противниковъ; а послѣ, пристальнѣе разсмотрѣвъ сочиненія Ареопагита, Церковь, не нашедъ ничего въ нихъ здравому ученію Христа противнаго, предала ихъ и для всеобщаго употребленія. Съ сего времени упоминаютъ о нихъ Анастасій Синаитъ, Григорій Великій, второй Никейскій соборъ, Максимъ, писавшій на нихъ свои примѣчанія. Кажется и древнѣйшіе на нихъ указываютъ: Григорій Назіанзенъ, когда изъясняя, что троекратное повтореніе *святый*, означаетъ равенство достоинства Божества лицъ Св. Троицы, присовокупляетъ: какъ нѣкто прежде насъ прекрасно и высоко любомудрствовалъ. Эта мысль дѣйствительно есть въ сочиненіяхъ Діонисія. Еще: Климентъ Александрійскій, повидимому, заимствуетъ изъ Діонисія свое приравненіе якорю, болѣе насъ къ себѣ влекущему, нежели нами привлекаемому, человѣка къ Богу возносящагося. Это сравненіе встрѣчается у Діонисія въ книгѣ о именахъ Божіихъ. Никифоръ Каллистъ пишетъ, что Ювеналій по требованію императора Маркіана и императрицы Пульхеріи далъ имъ сказаніе о кончинѣ Бого-

родицы изъ сочиненій сего Діонисія, какъ преданіе церкви.

Возр. 2. Слогъ напряженъ, далекъ отъ простоты слога писателей первыхъ вѣковъ христіанства.

Отв. И въ Св. Писаніи не вездѣ слогъ одинъ. Слогъ зависитъ отъ предмета и отъ характера и образованія писателей. Мнимая напряженность соотвѣтствуетъ высокости предметовъ, которыми въ своихъ сочиненіяхъ занимается Діонисій. Фотій называетъ его напротивъ великимъ въ словѣ, но еще большимъ въ созерцаніи: magnus sermone, major contemplatione. Кромѣ того къ сей напряженности, нѣкоторой мрачности его сочиненій способствовало его упражненіе въ философіи платонической.

Возр. 3. Писатель, выдающій себя за Діонисія, посылаетъ одну свою книгу Тимоѳею, ученику Павлову, и приводитъ слова Игнатія Богоносца, который умеръ и писалъ послѣ смерти Тимоѳея.

Отв. Изъясняютъ тѣмъ, что слова Игнатія внесены въ это сочиненіе послѣ кѣмъ либо другимъ. Это доказываютъ и сами слова внесенныя, которыя вмѣстѣ съ предшествующимъ пунктомъ нельзя принимать за подлинныя слова Діонисія. Дѣло идетъ о различіи словъ ἔρως и ἀγάπη. Діонисій доказываетъ, что ἀγάπη прилично приписывать Божеству. Къ сему вдругъ присовокупляется: но нѣкоторымъ изъ нашихъ изъяснителей Писанія казалось, что ἔρως Божественнѣе, нежели ἀγάπη: какъ будто въ доказательство приводятся извѣстныя слова Игнатія: любовь моя распялась и нѣтъ во мнѣ страсти ни къ чему земному. Очевидно любовь означаетъ здѣсь привязанность къ себѣ и міру не чистую.

III.

При изложеніи ученія церкви апостольской мы имѣемъ въ виду одинъ источникъ, изъ котораго должны оное почерпать: *подлинныя произведенія апостоловъ*; поелику прочіе памятники ученія временъ апостольскихъ или содержатъ въ себѣ одни заблужденія сихъ временъ, или всѣ состоятъ въ изложеніи того, что содержится въ оныхъ подлинныхъ произведеніяхъ апостоловъ. Но и изъ сихъ только *книга Дѣяній* и ихъ *посланія* могутъ намъ свидѣтельствовать объ ученіи апостоловъ. Евангелія могутъ служить къ сему развѣ только въ томъ отношеніи, что своею множественностію показываютъ, сколь важное мѣсто въ ученіи апостоловъ занимало изложеніе подробнѣйшихъ, точнѣйшихъ свѣдѣній о жизни и ученіи Іисуса Христа. Изъ оныхъ же сочиненій книга Дѣяній представляетъ опыты первоначальнаго ученія апостоловъ какъ въ отношеніи ихъ къ собственному служенію, такъ и въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ оное преподавали. Ибо здѣсь можно видѣть вопервыхъ, чѣмъ они начали свою проповѣдь въ Іерусалимѣ, вовторыхъ, какія первоначальныя истины ученія Христова они сообщали и другимъ народамъ, кромѣ іудеевъ. Посланія ихъ суть уже вторичныя ихъ наставленія; поелику всѣ писаны къ христіанамъ. Тамъ они повторяютъ и изъясняютъ то, что проповѣдывалъ о Себѣ Іисусъ и чего прежде всего Онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей.

Стоитъ обратить вниманіе на первыя двѣ бесѣды ап. Петра въ Іерусалимѣ (Дѣян. 2, 14—36 и 3, 12—26) и двѣ апостольскія бесѣды Павла (Дѣян. 13, 16—41 и 17, 22—31). Это суть не что иное, какъ обширнѣйшее изложеніе первой краткой проповѣди Іисуса Христа, приводимой св. Маркомъ: *испол-*

нися время и приближися царствіе Божіе: покайтеся и вѣруйте во Евангеліе (1, 15). За симъ апостолы изъясняли и все то, что слышали отъ своего наставника и что внушалъ имъ Духъ Святый. Опытовъ таковыхъ дальнѣйшихъ наставленій въ ученіи христіанскомъ или полнаго изложенія ихъ образа ученія мы не имѣемъ. Посланія главнымъ образомъ содержатъ въ себѣ изъясненіе только нѣкоторыхъ истинъ проповѣдуемаго ими ученія; о многомъ говорится только мимоходомъ; многое должно выводить по заключенію.

Оставляя въ настоящемъ изложеніи ученія апостоловъ то, что извѣстно, какъ собственное ученіе Іисуса Христа, постараемся кратко показать то, что изложили они и передали христіанамъ въ изъясненіе и дополненіе онаго ученія.

Главнымъ предметомъ ученія Іисуса Христа было 1) то, что Онъ есть Мессія, Который пришелъ Своею смертію спасти міръ и 2) что если кто хочетъ быть участникомъ сего спасенія, тотъ долженъ имѣть вѣру въ Спасителя.

Приложеніе онаго смотрѣнія спасенія къ церкви вообще и въ частности къ каждой душѣ вѣрующей, равно устроеніе новой жизни по вѣрѣ, изображенныя Іисусомъ Христомъ только загадочно въ притчахъ, предоставлено было изъясненію апостоловъ.

Апостолы изъясняютъ смотрѣніе спасенія *въ отношеніи къ церкви*: они учатъ, 1) что смертію Мессіи разрѣшается состояніе ея подъ пѣстунствомъ закона, что законъ заповѣдей теряетъ силу—*Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя* (Гал. 3, 13), и законъ обрядовый со всѣми своими учрежденіями упраздняется, поелику Іисусъ Христосъ, единожды принесши себя въ жертву за грѣхи міра, сталъ во вѣки ходатаемъ нашимъ къ Богу; и такъ тѣнь не нужна,

когда явилось самое тѣло (Кол. 2, 17): *премѣняему священству по нужди и закону премѣненіе бываетъ*. Наступаетъ царство благодати и истины. Іисусъ Христосъ указалъ іудеямъ на сіе состояніе только краткими намеками: *аще сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36); и касательно закона обрядоваго: не хорошо приставлять заплату новую къ ризѣ ветхой (Мат. 9, 16). 2. Что въ царство Мессіи призываются всѣ народы, уничтожается различіе между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ: *въ Іисусѣ Христѣ нѣстъ Еллинъ, ни Іудей, ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, варваръ и скивъ, рабъ и свободъ*, и хотя народъ іудейскій на время отдѣляется отъ тѣла церкви, но нѣкогда паки привлечется: Іисусъ Христосъ говорилъ: *иныя овцы имамъ, яже не сутъ отъ двора сего, и тыя ми подобаетъ привести, и будетъ едино стадо и единъ пастыръ* (Іоан. 9, 16).

Апостолы изъясняютъ смотрѣніе спасенія въ *отношеніи къ каждой душѣ вѣрующей*; здѣсь они изображаютъ 1) всю бѣдственность ея состоянія внѣ благодати; показываютъ растлѣніе всѣхъ силъ человѣка; ихъ совершенную неспособность къ добру; непрестанное стремленіе ко злу. Іисусъ Христосъ для несовершеннаго ума своихъ слушателей не иначе могъ раскрыть сіе, какъ подъ образами сына блуднаго и человѣка, ограбленнаго разбойниками. 2) Обновленіе ея силою благодати: ей прощаются грѣхи не отъ дѣлъ ея праведныхъ, но по вѣрѣ въ заслуги Іисуса Христа, сообщается правда и освященіе; Духъ Божій *дѣйствуетъ и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13); она становится храмомъ Божіимъ. У Іисуса Христа нѣсколько означается такое состояніе обновленнаго человѣка въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, но глубоко-таинственно: *рожденное отъ плоти*

плоть есть, и рожденное отъ духа духъ есть (Іоан. 3, 6).

Наконецъ Апостолы занимаются и устроеніемъ сообразной съ столь высокимъ достоинствомъ возрожденныхъ дѣятельности, приспособляя общій законъ любви, данный Іисусомъ Христомъ, ко всѣмъ ихъ отношеніямъ и состояніямъ и извлекая отсюда особыя обязанности для пастырей и паствы, родителей и дѣтей, господъ и рабовъ, завѣщавая всѣмъ воздавать должное, никогда не давать злу побѣждать себя, но побѣждать зло добромъ и всегда помышлять о томъ, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что составляетъ добродѣтель и похвалу (Филип. 4, 8.).

IV.

Чтобы имѣть полное понятіе о состояніи ученія въ церкви апостольской, надлежитъ еще обратить вниманіе на образъ его сообщенія.

Образъ сообщенія измѣнялся по тому, съ кѣмъ имѣли дѣло апостолы, съ невѣрующими ли еще Іудеями и язычниками, или съ вѣрующими сынами церкви, или со вносящими свои заблужденія въ церковь. Разсмотримъ каждый въ подробности.

А.

Апостолы были посланы въ міръ съ сѣменемъ слова Божія: но прежде нежели могли ввергать въ землю сѣмена свои, они должны были очистить поле отъ множества былія, камней, тростія и разбить, разрыть ожестѣвшую его поверхность. Жатвы на поляхъ, воздѣланныхъ руками пророковъ, были сняты

еще во времена Іисуса Христа: *Азъ послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся: инїи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте* (Іоан. 4, 38). Тѣ, которые, подобно Симеону, чисто сохраняя вѣру въ обѣщанія Божественныя, со дня на день чаяли утѣхи Израилевы, когда Онъ обходилъ грады и веси Іудеи, Самаріи, Галилеи и обонъ полъ Іордана, — имѣли случай Его видѣть, слышать, въ Него увѣровать, къ нему прилѣпиться, отъ Него принять надежду откровенія Его царства. Но сихъ было немного, и не къ симъ только были посланы проповѣдники Христовы. Они должны были возвѣщать свое ученіе о Богѣ народу уже Богоубійственному или народамъ, заблуждающимся въ многобожіи. Итакъ предлежалъ имъ тамъ и здѣсь трудъ—разрушить напередъ всѣ препятствія, которыя могли остановить первыя начала христіанства.

Но очевидно, что нельзя было сего достигнуть одними и тѣми же средствами тамъ и здѣсь — между іудеями и язычниками. Надлежало направлять силы и оружіе истины противъ свойственныхъ тѣмъ и другимъ заблужденій. Не для всѣхъ болѣзней одно врачевство. Проповѣдники Христовы то знали очень ясно и никогда слово ихъ не посылаемо было на землю напрасно.

Обращаясь къ братіямъ своимъ и сродникамъ по плоти, они съ сожалѣніемъ видѣли, что все ослѣпленіе ихъ и ихъ бѣдствія зависятъ отъ той неправильной мысли, какую они составили себѣ о Мессіи и его царствѣ: вмѣсто того, чтобы ожидать себѣ въ лицѣ его не только царя, пророка, но и первосвященника, они привязывались мечтою ко славѣ его царственнаго служенія, которую понимали также слишкомъ чувственно; не отвергая служенія пророческаго (Іоан. 6, 14.), совсѣмъ забыли о Его слу-

женіи первосвященническомъ, которое долженствовало соединить проявленіе двухъ первыхъ и безъ котораго ни ему, ни руководствуемымъ имъ нельзя достигнуть престола славы. Отсюда происходило то, что, не помышляя о необходимости усвоенія себѣ всемірнаго очищенія жертвою Мессіи, какъ единственнаго права на участвованіе во всѣхъ благахъ, принесенныхъ Имъ всему роду человѣческому, они съ гордостію думали, что одно происхожденіе ихъ отъ высокаго рода Авраамова и наружное соблюденіе закона могутъ и должны отверзать имъ путь къ онымъ. Такимъ образомъ уваженіе ко всѣмъ вещамъ священнымъ, ко всѣмъ обрядамъ богослуженія, ко всѣмъ обязанностямъ, относившимся до храма, было строго соблюдаемо, и еще строже требовалось, какъ необходимое условіе праведности предъ Богомъ, какъ существенное исполненіе закона, судъ же, милость и вѣра были оставляемы; съ усиленіемъ наружнаго благоговѣнія охладѣвало внутреннее, истинное и къ истиннымъ предметамъ направленное. Довольно было одного имени Іудея, чтобы на законѣ только почивать своею безпечностію и Богомъ только хвалиться, а не бояться его: *се ты Іудей именуешися и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ* (Рим. 2, 17.). Довольнымъ казалось только разумѣть волю Бога и *разсуждать лучшая, научаясь отъ закона*, чтобы почитать себя вождемъ слѣпыхъ, свѣтомъ для сущихъ во тьмѣ. Но на самомъ дѣлѣ проповѣдующій не красть, кралъ, учившій не прелюбы творити, прелюбодѣйствовалъ, гнушаться идоловъ—святотастствовалъ (ст. 18—22). Вотъ въ какомъ состояніи видѣли своихъ соотечественниковъ Божественные апостолы, какъ описываетъ самъ одинъ изъ нихъ.

Какъ же было приступить имъ къ такимъ людямъ съ своимъ новымъ ученіемъ, которое со всѣми оны-

ми мыслями было противоположно? Съ чего начать свое слово? Надобно было указать истиннаго Мессію. Чѣмъ же доказать Его истинность? Тѣмъ, что еще имѣло нѣкоторое дѣйствіе на ихъ религіозное чувство и что сильнѣе поражало ихъ внѣшнія чувства. И вотъ апостолы, какъ мы видѣли, въ первыхъ бесѣдахъ къ іудеямъ, первымъ долгомъ своимъ поставляютъ доказать іудеямъ, что Іисусъ есть Христосъ, или Мессія, что сіе достоинство Его доказывается 1) исполненіемъ на Немъ всего предсказаннаго пророками о Мессіи и всѣхъ обѣтованій, данныхъ ихъ отцамъ и 2) множествомъ благотворныхъ чудесъ, Имъ совершенныхъ. Это главный пунктъ первоначальнаго ученія апостоловъ іудеямъ. Разсмотрите рѣчи ап. Петра въ день пятидесятницы (Дѣян. 2, 14 — 36), по исцѣленіи хромаго (3, 12 — 26) и въ домѣ прозелита іудейскаго Корнилія (10, 34 — 43) и рѣчь ап. Павла въ Антіохіи Писидійской (13, 16—41),—вездѣ найдете раскрытіе этихъ мыслей въ большей или меньшей обширности.

Но вся ясность исполненія пророчественныхъ указаній надъ Іисусомъ затмѣвалась мрачною картиною страданій и смерти Мессіи. Какого же было ожидать искупленія отъ Того, Кто самъ, бывъ проданъ за цѣну раба, на крестѣ кончилъ бѣдственный животъ свой? Это было іудеямъ соблазнъ. Апостолы то предвидѣли, и сами внутренно увѣренные, что въ семъ мракѣ судьбы Іисуса совершились воистину судьбы Божественныя, старались доказать и соблазняющимся крестомъ Христовымъ, 1) что это совершилось не случайно, что это не значитъ того, будто Провидѣніе въ семъ Страдальцѣ принимало участія не болѣе, какъ и во всякомъ другомъ, что напротивъ все произошло по точному предопредѣленію и предвѣдѣнію Божію (Дѣян. 2, 23; 3, 18; 13, 27. 29);

что Его страданія и смерть были необходимы. Впрочемъ, чтобы такимъ образомъ вину смерти Мессіи, Котораго кровь, несмотря на то, что была пролита за спасеніе міра, не могла не отмститься на убійцахъ Его и дѣтяхъ ихъ, не сложить на одного Бога, они замѣчаютъ, что хотя это совершилось и по точному опредѣленію и предвѣдѣнію Божію, но Онъ былъ преданъ; Его вы, взявъ, убили, говорили апостолы іудеямъ, руки беззаконныхъ, а не руки Божіи пригвождали Его ко кресту (2, 23.); вы отъ святаго и праведнаго отреклись и просили даровать вамъ убійцу (3, 14.); когда же исполнили все, написанное о Немъ: то, снявъ съ древа, положили Его во гробъ (13, 29.). Не довольствуясь симъ, апостолы представляли, 2) что все безчестіе страданій и поносной смерти Іисуса Христа вознаграждается славою Его воскресенія: Богъ воскресилъ Его, разторгнувъ узы смерти (2, 24.). Это было верхъ побѣды Іисуса Христа и верхъ торжества апостоловъ, главное основаніе ихъ ученія, предметъ сильнѣйшихъ ихъ увѣреній. Апостолы съ великою силою свидѣтельствовали о воскресеніи Господа Іисуса (4, 33.), замѣчаетъ Лука. Но вмѣстѣ это было и труднѣйшимъ пунктомъ въ ихъ ученіи: въ доказательство онаго они ничего не имѣли болѣе представить кромѣ собственнаго свидѣтельства; почему, стараясь усилить его, повторяли оное какъ можно чаще: *сего Іисуса воскреси Богъ, ему же вси мы есмы свидѣтели* (3, 15); изъясняя всѣ частныя обстоятельства явленій имъ Воскресшаго, Апостолъ говоритъ: *сего Богъ воскреси въ третій день и даде ему явленну быти, не всѣмъ людемъ, но намъ свидѣтелемъ преднареченнымъ отъ Бога, иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ, по воскресеніи его отъ мертвыхъ* (10, 40. 41): *Богъ же воскреси Его отъ мертвыхъ, иже являшеся во дни мно-*

ги совозшедшимъ съ нимъ отъ Галилеи во Іерусалимъ, иже нынѣ суть свидѣтели его къ людемъ (13, 30. 31.). Наконецъ, въ подкрѣпленіе того указывали на необыкновенные дары, полученные ими въ день пятидесятницы, и всѣ чудеса, совершающіяся ихъ руками, которыя всѣ служили знакомъ *силы Воскресшаго, Коего проповѣдывали. Это онъ десницею Божіею вознесенный, и обѣтованіе Святаго Духа пріемъ отъ Отца, излія сіе, еже вы нынѣ видите и слышите* (2, 33). *Мужіе Израильтяне! что чудитеся о семъ? или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити? Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковль, Богъ отецъ нашихъ прослави отрока своего Іисуса... и о вѣрѣ имене Его Сего, его же видите и знаете, утверди имя Его* (3, 12. 13. 16.).

Такимъ образомъ мнимое противорѣчіе судьбы Іисуса, свидѣтельствуя о Немъ какъ о Мессіи, приводило апостоловъ къ новому и сильнѣйшему онаго подтвержденію. Но утверждая явленіе Мессіи и призывая къ нему всѣхъ (13, 40. 41), они старались въ тоже время показать, что *нѣсть иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (4, 12), что оставленіе грѣховъ, въ которыхъ каждый долженъ сознаться, только чрезъ Него можетъ быть (13, 33); ни дѣла закона, ни очищенія, ни освященія обрядовыя не оправдываютъ, а только одна вѣра: *и отъ всѣхъ, отъ нихже не возмогосте въ законѣ Моисеовѣ оправдатися, о семъ всякъ вѣруяй оправдается* (39).

Итакъ, вотъ какимъ образомъ апостолы дѣйствовали при первыхъ своихъ бесѣдахъ съ іудеями, опровергали ихъ заблужденія и утверждали въ душахъ ихъ первыя начала истинной Божественной религіи. Они излагали здѣсь главнымъ образомъ ученіе о Мес-

сіи; но, чтобы не ослѣпить вдругъ очи начинающихъ прозирать, свѣтъ его Божества, какъ кажется, открывали имъ не вдругъ; проповѣдывали оправданіе отъ вѣры, но отношеніе сего ученія къ дѣятельности законной предоставляли дальнѣйшему наставленію: слишкомъ раннее освобожденіе могло повредить неукрѣпившимся силамъ. Такъ мудро соразмѣряли они свое ученіе съ силами своихъ слушателей!

Обращаясь къ язычникамъ, апостолы видѣли, что, несмотря на множества боговъ, которымъ они поклонялись, не знали однако же они истиннаго Бога; что ихъ божества суть не что иное, какъ воплощенные образы силъ, совершенствъ и дѣйствій Высочайшаго Духа, которыхъ, не умѣя совокупить въ одномъ общемъ представленіи и вообразить во всей ихъ чистотѣ, раздробили на множество чувственныхъ, себѣ подобныхъ, только высшею степенью могущества въ своемъ родѣ отличающихся существъ; что, имѣя предъ глазами своими такіе образы, они невольно привыкали смотрѣть на порокъ, какъ на добродѣтель, не считали нужнымъ полагать предѣловъ никакимъ страстямъ: ибо чѣмъ буйнѣе и неистовѣе выражались онѣ, тѣмъ болѣе приближались къ нелѣпому своему идеалу; дошедши до безчувствія, они предавались непотребствамъ до того, что дѣлали всякую нечистоту съ ненасытимостію (Еф. 4, 19.). Смотря на таковое омраченіе въ разумѣ и отчужденіе сердца отъ жизни Божіей (18), съ чего нужно было начинать апостоламъ, чтобы предуготовить путь евангелію? Безъ сомнѣнія прежде всего воспользоваться тѣмъ, что еще сохранилось у нихъ здраваго, тѣмъ святымъ чувствомъ потребности Божества, которое не могло затеряться во множествѣ искаженныхъ его изображеній, дало силу той родственной привязанности къ Божественному, которая невольно заставляла узнавать Не-

видимаго и въ созданномъ Имъ видимомъ и измѣняющемся. Потомъ раскрыть ослѣпленному язычнику изъ началъ того же разума, что все, что онъ ни приписываетъ своимъ богамъ, есть дѣло единаго вѣчнаго Создателя и Промыслителя, что всѣ раздѣльныя черты благости, могущества, мудрости, вѣчной красоты, ставъ чужды тѣмъ, существенно принадлежали сему Духу чистѣйшему; что время узнать Его по крайней мѣрѣ по тѣмъ признакамъ, которые мы носимъ въ самихъ себѣ, что время услышать зовъ Его, перемѣнить свою прежнюю жизнь, внять послѣднему, недавно, посланному проповѣднику. Вотъ самый естественный планъ, какой можно было избрать для первыхъ разсужденій съ язычниками! Напрасно бы было говорить имъ о пророкахъ и исполненіи предсказаній пророческихъ, поелику ни тѣ, ни другіе не имѣли у нихъ силы; нельзя было вдругъ сказать имъ, что сей проповѣдникъ, посланный отъ Бога, есть Самъ Богъ: язычникъ поставилъ бы только ему новый кумиръ въ своей божницѣ, и проповѣдники ничего бы болѣе не успѣли. Надобно было только сказать имъ еще, что сей проповѣдникъ доказалъ свое Божественное посольство дѣлами необыкновенными, Божественными; что если кто не будетъ слѣдовать ему, того ожидаетъ судъ, судъ праведный! — Это все повыше будетъ ихъ слабыхъ понятій разума! — За симъ пусть слѣдуютъ наставленія собственно христіанскія.

Такъ точно и дѣйствовали апостолы при началѣ своей проповѣди между язычниками; мы подтверждаемъ это примѣромъ рѣчи, говоренной Павломъ въ аѳинскомъ ареопагѣ (17, 22—31.). Частію тоже свидѣтельствуетъ рѣчь того же апостола къ жителямъ Ликаонскимъ.

Б.

Когда убѣжденныхъ первоначальнымъ ученіемъ, приходящихъ въ умиленіе и вѣру, надлежало вводить въ церковь или введенныхъ уже въ церковь поддерживать и возводить на высшія степени вѣдѣнія и благочестія, то здѣсь были употребляемы другаго рода наставленія. Въ первомъ случаѣ они назывались оглашеніями; между послѣдними апостолы различаютъ еще два рода наставленій: изъ нихъ одни содержатъ въ себѣ млеко слова или начала (Евр. 5, 12. 6, 3.), другія—твердую пищу (Евр. 5, 12. 14. 1 Кор. 3, 1. 2.).

Первыхъ бесѣдъ, которыя, какъ мы видѣли, имѣли апостолы къ язычникамъ и іудеямъ и которыя безъ сомнѣнія всякій разъ въ большей или меньшей обширности, съ большимъ или меньшимъ измѣненіемъ по примѣненію къ обстоятельствамъ, повторялись, когда апостолы встрѣчали новыхъ слушателей, для имѣющихъ желаніе вступить въ церковь было недостаточно: поелику для сего нужно было еще имѣть по крайней мѣрѣ раздѣльное понятіе о лицахъ Св. Троицы и болѣе ясное свѣдѣніе о лицѣ Мессіи,— чего тамъ не доставало. Посему нѣтъ причинъ сомнѣваться, чтобы въ церкви апостольской не было употребляемо для таковаго рода слушателей новыхъ наставленій, или такъ называемыхъ оглашеній, и отъ первыхъ тѣхъ бесѣдъ они должны были различаться, поелику направлены были къ извѣстному, а не къ неизвѣстному и неопредѣленному классу людей. Что же было предметомъ сихъ огласительныхъ поученій? Безъ сомнѣнія, самыя первыя и необходимыя истины христіанскаго исповѣданія, которыя для памяти вѣрующихъ заключаемы были съ самыхъ древнихъ временъ въ символы. То есть, сюда входило ученіе о

Богѣ Отцѣ, Творцѣ неба и земли, о Сынѣ Божіемъ, распятомъ, умершемъ, воскресшемъ, возшедшемъ на небеса, сѣдящемъ одесную Бога и отсюда грядущемъ судить живыхъ и мертвыхъ; о Духѣ Святомъ, о крещеніи во отпущеніе грѣховъ, о воскресеніи мертвыхъ и жизни вѣчной. Здѣсь 1), замѣтимъ вообще, что критика находитъ всѣ сіи члены вѣры въ самыхъ древнѣйшихъ символахъ; 2), что входили въ составъ огласительныхъ поученій еще во времена апостоловъ сіи три послѣдніе члена вѣры—нельзя сомнѣваться и потому, что мы видѣли оные еще въ первыхъ о нихъ рѣчахъ апостоловъ и потому, что находимъ сему еще подтвержденіе въ посланіи къ Евреямъ, откуда (6, 1. 2.) видно, что они были извѣстны даже младенцамъ по вѣрѣ (5, 12. 13.). Въ частности же, что было излагаемо въ огласительномъ наставленіи ученіе о необходимости крещенія во оставленіе грѣховъ—свидѣтельствуетъ о томъ и самое свойство дѣла и исторія Дѣяній Апостольскихъ (2, 37. 38.). Подробному наставленію при оглашеніяхъ касательно лицъ Святыя Троицы по видимому противорѣчатъ всѣ тѣ мѣста книги Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ говорится, что крещающіеся крестились во имя одного Іисуса Христа, откуда можно заключать, что первоначально при оглашеніяхъ и было излагаемо ученіе только объ одномъ Іисусѣ Христѣ. Мѣста спора суть: Дѣян. 8, 16. 37; 10, 48.; 22, 16. Но здѣсь, какъ говоритъ Ириней, in Christi nomine subauditur, qui unxit, et ipse, qui unctus est, et ipsa unctio, in qua unctus est. Что крещенію предшествовало наставленіе о всѣхъ трехъ Лицахъ, яснымъ становится изъ словъ ап. Петра къ желающимъ креститься: *да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ, и пріимете даръ Святаго Духа: вамъ бо есть обѣтованіе и чадомъ вашимъ и*

всѣмъ дальнимъ, елики аще призоветъ Господь Богъ (2, 38.). И это безъ сомнѣнія есть сокращеніе огласительнаго ученія, теперь въ первый еще разъ составленнаго и преданнаго апостолами желающимъ принять св. крещеніе.

Въ послѣдствіи времени, когда число вѣрующихъ возрастало, и для каждаго обращающагося трудно было найти особаго наставника, частныя и временныя наставленія обращены были нѣкоторыми во всеобщія и постоянныя — чрезъ открытіе училищъ: таковое огласительное училище было открыто св. Маркомъ въ Александріи, какъ догадываются изъ исторіи Евсевія (Ц. Ист. к. V. 10. 10.), который просвѣщеніе Александріи христіанствомъ приписываетъ Марку и весьма рано выводитъ отсюда и для просвѣщенія другихъ странъ міра наставниковъ, управлявшихъ онымъ училищемъ и въ немъ образовавшихся. Кромѣ того извѣстно, что ап. Павелъ въ Коринѳѣ послѣ безуспѣшности проповѣдыванія въ синагогѣ, открылъ на время своего здѣсь пребыванія свое училище въ училищѣ нѣкоего именемъ Тиранна (Дѣян. 19, 9.) для обращенія къ вѣрѣ въ Іисуса Христа и наставленія приходящихъ въ церковь. Вообще же извѣстно, что апостолы старались всегда имѣть болѣе у себя наставниковъ (2 Тим. 2, 2).

Получившіе первоначальное наставленіе въ ученіи христіанскомъ, предъ вступленіемъ въ церковь, должны были потомъ постепенно быть возводимы къ познанію высшихъ и сокровеннѣйшихъ истинъ онаго. Но какъ нынѣ, такъ и тогда, не всѣ были способны къ сему. Ап. Павелъ укоряетъ христіанъ изъ евреевъ, что *должни суще быти учители лѣтъ ради, паки требуютъ учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ*, (Евр. 5, 13.); подобно какъ и христіанъ коринѳскихъ, несмотря на продолжитель-

ное время ихъ обращенія, все еще находитъ младенцами и болѣе плотяными, нежели духовными (1 Кор. 3. 1. 2.), почему таковымъ достаточно было повторять и внушать то, что они прежде пріяли, такъ какъ и намѣревался то сдѣлать апостолъ Павелъ для Евреевъ (6, 3). Ап. Петръ даже и утвержденнымъ въ содержимой ими истинѣ не находилъ излишнимъ напоминать о ихъ званіи и избраніи т. е. о первыхъ урокахъ, полученныхъ ими въ христіанствѣ.

Но тщательнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ въ исполненіи того, что̀ знали, охотно допускали Апостолы и къ высшимъ тайнамъ. Подъ сими тайнами разумѣлись вообще или высшія Божественныя судьбы, непостижимо для человѣка дѣйствующія и совершающіяся и особенно таинственно дѣйствовавшія во Іисусѣ (1 Кор. 2, 6—8), посему для нѣкоторыхъ изъясненіе сихъ таинъ состояло въ изображеніи всей жизни Богочеловѣка (Лук. 1, 4.), и таинственно дѣйствующія въ церкви Его (Ефес. 3, 2—6), или тайны внутренней жизни.

В.

Апостолы не менѣе были дѣятельны въ искорененіи возникающихъ въ церкви вредныхъ и ложныхъ ученій, сколько въ сообщеніи и утвержденіи истиннаго. Чтобы видѣть сіе, надлежитъ обратить раздѣльное вниманіе на различные виды заблужденій, родившихся и господствовавшихъ въ ихъ время.

Въ отношеніи къ своему началу они могутъ быть раздѣлены на два главные рода: къ первому принадлежатъ тѣ, которые перешли въ церковь съ людьми, не совсѣмъ очищенными отъ прежнихъ предразсудковъ и заблужденій своей религіи; ко второму тѣ,

которымъ открыло путь въ церковь знакомство съ восточною философіею.

Поелику поступающіе въ церковь были по религіи изъ іудеевъ или язычниковъ, то и заблужденія ими вносились въ оную также двоякаго рода.

Іудеи не хотѣли отказаться отъ своего закона, хотя сами мало понимали оный. Въ сей привязанности къ закону одни дѣйствовали по слабости своей совѣсти (Рим. 14, 2), другіе по ожесточенному предубѣжденію. Сихъ послѣднихъ ап. Павелъ называетъ лже-апостолами (2 Кор. 11, 13) и описываетъ ихъ весьма часто въ своихъ посланіяхъ яркими чертами. Берегитесь псовъ, берегитесь злыхъ дѣятелей, берегитесь сѣченія (κατατομὴ) (Фил. 3, 2); *мнози ходятъ враги креста Христова, имже кончина погибель, ихже богъ чрево и слава въ студъ ихъ, иже земная мудрствуютъ* (Фил. 3, 18. 19). *Молю вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже вы научистеся и уклонитеся отъ нихъ: таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву, иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Римл. 16, 17. 2 Кор. 11, 13. 14; Гал. 1, 7). Впрочемъ сихъ лже-апостоловъ должно отличать отъ тѣхъ лже-учителей и лже-пророковъ, о которыхъ говоритъ Петръ (2 Пос. 2, 1 и слѣд.) и Іуда (ст. 4 и слѣд. 16, 18). Сихъ ученіе болѣе приводитъ къ той мысли, что они были гностики.

Обращенные изъ язычниковъ, видя, что христіанство не обязываетъ ихъ къ исполненію строгаго закона іудейскаго, злоупотребляли своею свободою, не сохраняли и того, что апостолами было признано нужнымъ удержать изъ онаго и въ церкви христіанской (Римл. 14, 1 и слѣд. 1 Кор. 8, 1 и слѣд. Дѣян. 15) и пренебрегали немощь совѣсти въ семъ

отношеніи іудеевъ; отсюда черезъ дальнѣйшее уклоненіе отъ правоты дѣйствованія образовалась секта николаитовъ, которая какъ бы нарочно пресыщалась всякими нечистотами идольскими и которая какъ вѣроятно для оправданія своего дѣйствованія приняла себѣ это наименованіе отъ одного изъ семи діаконовъ, Николая, мужа, исполненнаго Духа, но неосторожнымъ словомъ и дѣйствіемъ давшаго соблазнъ братіи (Клим. Алекс. Lib. 3. Stromat. Θеодоритъ L. III. H.).

Изъ ревнителей закона Моусеева нѣкоторые, занявъ отъ именованія Іисуса Христа назореемъ имя назореевъ, а другіе, усвоивъ себѣ имя Евіона и смиренно именуя себя нищими, соединяли съ приверженностію къ іудейству мнѣніе о Іисусѣ Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ. Изъ сихъ послѣднихъ одни допускали его рожденіе отъ Духа Святаго во чревѣ матери Маріи, другіе почитали его только сыномъ Іосифа и Маріи. Къ симъ мнѣніямъ приставали по времени и назореи. Совершая обрѣзаніе, субботы и прочіе обряды іудейскіе, они поклонялись Іерусалиму, яко дому Божію, и отвергали писанія Павловы, называя его отступникомъ своего закона.

Между лжеучителями, заимствовавшими свои заблужденія изъ философіи, восточной представляются:

1. *Филетіане,* учившіе, что воскресеніе мертвыхъ уже было (Тимоѳ. 2, 17. 18).

2. *Керинѳіане.* Ученіе Керинѳа Ириней излагаетъ такъ: „Керинѳъ училъ, что міръ не отъ верховнаго Бога созданъ, но отъ нѣкоей силы совершенно чуждой онаго премірнаго начала и невѣдущей сущаго надъ всѣми Бога. О Іисусѣ показалъ, что онъ не отъ дѣвы родился (ибо то ему казалось невозможнымъ), но родился отъ Іосифа и Маріи, подобно прочимъ людямъ; что праведностію, благоразуміемъ и мудростію превосходилъ всѣхъ; что послѣ крещенія

сошелъ на него отъ онаго верховнаго начала Христосъ въ видѣ голубя: тогда возвѣстилъ Іисусъ невѣдомаго Отца и сталъ совершать силы, напослѣдокъ же Христосъ паки отлетѣлъ отъ Іисуса, и Іисусъ страдалъ и воскресъ: Христосъ же пребывалъ безстрастенъ, будучи духовенъ".

Въ другомъ мѣстѣ, излагая ученіе Керинѳіанъ, въ совокупности съ ученіемъ Николаитовъ, Ириней замѣчаетъ, что тѣ и другіе „называли (Верховное) начало единороднымъ и давали оному Сына—Слово". (Cont. Haeres. L. 2, 1. 11).

Изъ свидѣтельства другихъ отцевъ церкви видно, что Керинѳъ почиталъ необходимымъ соблюденіе закона Моисеева (Августинъ); апост. Павла не принималъ, а Іуду уважалъ; училъ, что будетъ царство Христово земное, когда въ Іерусалимѣ будемъ наслаждаться всѣми чувственными удовольствіями и что для сего назначено 1000 лѣтъ (у Евсевія L. 3, с. 28. Каій пресвитеръ Римскій, Діонисій Александрійскій во II книгѣ повѣствованій).

3. *Симоніане.* Симонъ именовалъ себя высочайшею силою; училъ, что онъ какъ Сынъ явился іудеямъ, какъ Отецъ сходилъ къ Самарянамъ, какъ Духъ Святый пришелъ къ язычникамъ; Елену—свою сожительницу, любодѣйцу Тирскую, называлъ первою мыслію (ἐννοίαν) своего ума, матерью всего, чрезъ которую въ началѣ онъ вознамѣрился сотворить ангеловъ и архангеловъ. Сія мысль, говорилъ Симонъ, изшедши изъ него, зная, чего желаетъ отецъ ея, снизошла и породила ангеловъ и силы, отъ которыхъ и сей міръ сотворенъ. Но когда ихъ породила, сама была ими удержана по причинѣ зависти: ибо не хотѣли сіи ангелы быть чьимъ либо произведеніемъ. Вслѣдствіе сего его ἔννοια терпѣла отъ нихъ всякаго рода озлобленія; потомъ заключилась въ тѣло че-

ловѣческое, и изъ вѣка въ вѣкъ, какъ изъ сосуда въ сосудъ, переходила въ женскія тѣла; была она и въ той Еленѣ, за которую была Троянская война; наконецъ перешла въ тѣло любодѣйцы. Симонъ говорилъ, что онъ пришелъ взыскать овцу погибшую, преобразившись и принявъ на себя человѣчество, не будучи прежде человѣкомъ; что онъ страдалъ отъ іудеевъ, но только мнимо. Всякій, съ упованіемъ къ нему и Еленѣ прибѣгающій, получаетъ спасеніе и свободу творить то, что хочетъ; нравственный законъ былъ введенъ злыми ангелами и Симономъ уничтожается (Ириней).

4. *Менандріане.* Менандръ былъ подобенъ своему учителю Симону и по дерзости, съ каковою именовалъ себя Спасителемъ, и по ученію, въ которомъ признавалъ происхожденіе міра отъ ангеловъ и сихъ отъ Енніи (мысли). Въ своей магіи обѣщалъ оружіе побѣды на творцевъ міра, а въ крещеніи, во имя свое, безсмертіе бренному существу человѣка.

5. Наконецъ, хотя ни въ св. книгахъ временъ апостольскихъ, ни между исчисленіями бывшихъ тогда еретиковъ не находимъ, но по многимъ въ писаніяхъ Іоанна Богослова признакамъ заключаемъ, что и въ первомъ уже вѣкѣ существовала совершенно искореняющая все основаніе христіанства ересь, которая отвергала дѣйствительность явленія Христа во плоти и всѣ видимыя дѣйствія, приписываемыя Ему, почитала призрачными. Это ересь Докетовъ, которая вполнѣ раскрылась и образовалась во II вѣкѣ.

Вторымъ началомъ ересей, бывшихъ въ апостольскомъ вѣкѣ, была восточная философія. Во время I. Христа и апостоловъ господствовало въ Сиріи, Палестинѣ и другихъ восточныхъ странахъ нѣкотораго рода философское ученіе, составленное изъ мнѣній Халдеевъ, Персовъ и Египтянъ. Послѣдователи она-

го собирали, сохраняли и соглашали между собою различнаго рода преданія о началѣ міра и зла, какъ физическаго, такъ и нравственнаго и о различныхъ классахъ боговъ и духовъ, и собранныя свѣдѣнія столько любили и уважали, что и переходя въ церковь не хотѣли ихъ оставить, но старались оныя преданія соглашать съ ученіемъ христіанскимъ. Общія основанія ученія гностиковъ были слѣдующія: два начала—совѣчныя: Богъ и матерія; первый есть источникъ всякаго добра, послѣдняя—причина зла. Изъ Бога чрезъ различныя истеченія происходятъ ангелы (или ангелъ деміургъ, творецъ), которые создали сей міръ; изъ числа сихъ ангеловъ былъ и Богъ іудейскій, который установилъ Ветхій Завѣтъ и котораго нѣкоторые (Маркіонъ) именовали Богомъ праведнымъ и строгимъ и отличали отъ бога или духа злаго и отъ Бога благаго-Отца Іисуса Христа. Поелику сіи ангелы управляли міромъ несогласно съ намѣреніемъ Верховнаго Бога, источника добра и истины, Отца Христова, и людей держали въ заблужденіи, похотяхъ и порокахъ, или по крайней мѣрѣ неспособны были привести людей къ общенію съ онымъ высочайшимъ и истиннымъ Богомъ, котораго сами не совсѣмъ вѣрно знали, то Верховное Божество, умилосердившись надъ родомъ человѣческимъ, послало Христа Спасителя, который былъ одно изъ первыхъ истеченій, существо небесное, которое должно было облечься плотію для того, дабы открыть людямъ своего отца и тѣхъ, которые ввѣрятъ себя его ученію и, отрѣшаясь отъ земной своей оболочки, будутъ погружаться въ созерцаніе онаго совершеннѣйшаго существа, нѣкогда привести въ плирому или тѣснѣйшее соединеніе съ симъ Существомъ, гдѣ, оставивъ плоть, они будутъ проводить блаженную вѣчность, безъ чего нельзя ожидать и воскресенія бренной нашей плоти. То, чего

язычники искали тогда у различныхъ народовъ, іудеи находили уже у себя въ каббалѣ или сокровенномъ ученіи, которое, несмотря на приписываемую ему древность, по всей вѣроятности, одолжено своимъ началомъ платоникамъ, какъ свидѣтельствуетъ Тертулліанъ, только съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ частей. У нихъ были свои генеалогіи или родословія или сефироты. Посему тѣ изъ іудеевъ, которые, бывъ заражены сею философіею, переходили въ христіанство, привносили въ оное еще новыя заблужденія.

Разсматривая сіи лжеученія, возникавшія въ церкви во времена апостоловъ, мы могли замѣтить, что нѣкоторыя изъ сихъ по крайней своей нелѣпости и противорѣчію съ ученіемъ христіанскимъ не заслуживали и опроверженія или по крайней мѣрѣ для предостереженія отъ нихъ христіанъ довольно было только о нихъ упомянуть; скрывающія же свой ядъ подъ нѣкоторымъ прикрытіемъ истины требовали яснаго обличенія и сильнѣйшаго опроверженія. Апостолы такъ и дѣйствовали.

Обращенные изъ язычниковъ въ противность опредѣленію собора Іерусалимскаго ѣли идоложертвенное и соблазняли тѣмъ своихъ братій изъ іудеевъ (Рим. 14, 1 и сл. 1 Кор. 8, 1.); сіи соблюдали еще нѣкоторые обряды и установленія изъ закона Моисеева: но надъ ними смѣялись.

Апостолы по обстоятельствамъ церкви находили нужнымъ щадить сихъ немощствующихъ совѣстію и потому писали: *изнемогающаго въ вѣрѣ* т. е. кто еще не имѣетъ столько вѣры, чтобы принять съ радостію отверженіе закона обрядовъ и въ особенности о пищѣ, *пріемлите не въ сомнѣніи помышленія* (безъ споровъ о мнѣніяхъ). *Овъ бо вѣруетъ ясти вся*, какъ обращенные изъ язычниковъ и нѣкоторые уже изъ іудеевъ, другій немощный, *изнемогая, зелія ястъ*.

Ядый неядущаго да не укоряетъ, какъ конечно дѣлали язычники и безъ того презирающіе іудеевъ за ихъ превозношеніе и упорство противъ званія Божія, *и не ядый ядущаго да не осуждаетъ*, какъ нечистаго и законопреступника: *Богъ бо его пріятъ*. Далѣе въ разсужденіи святости дней: *овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день* (отличаетъ день отъ дня), почитаетъ одинъ какъ праздникъ, другой какъ постъ; *овъ же судитъ на всякъ день* (о всякомъ днѣ равно). *Кійждо своею мыслію да извѣствуется*; *мудрствуяй день, Господеви мудрствуетъ*, — думаетъ, что поступаетъ угодно Господу; *а не мудрствуяй день, Господеви не мудрствуетъ*,—думаетъ, что поступаетъ согласно съ волею Его (Рим. 14). Вообще, утверждая для іудеевъ, что *брашно* или исполненіе всѣхъ обрядовъ и установленій закона Моисеева *не поставляетъ насъ предъ Богомъ*, апостолы въ тоже время повелѣвали обратившимся изъ язычниковъ беречься того, *да не како власть* (свобода) *ихъ сія преткновеніе будетъ немощнымъ* (I Кор. 8, 9).

Когда же сія свобода ихъ возрастала до наглости своеволія и развращенія, когда нѣкоторые, какъ Николаиты, не хотѣли стѣснять своей чувственности святостію узъ брака и все себѣ позволяли, то апостолы возставали противъ нихъ съ сильнымъ обличеніемъ. Такъ у Іоанна Богослова Самъ Господь говоритъ въ посланіи къ церкви Ефеской: *впрочемъ то въ тебѣ хорошо, что ты ненавидишь дѣла Николаитовъ, которыя и Я ненавижу* (Апок. 2, 6), и въ посланіи къ церкви Пергамской (ст. 14, 15). Съ силою противъ нихъ или по крайней мѣрѣ противъ виновныхъ въ однихъ и тѣхъ же порокахъ пишутъ ап. Петръ (2 посл. 2, 1. 2. 10. 13 — 19. и Іуда (ст. 4. 8. 11. 12. 13).

Противъ лжеапостоловъ и всѣхъ тѣхъ еретиковъ,

которые почитали необходимымъ въ христіанствѣ соблюденіе закона Моисеева для полученія себѣ оправданія не отъ вѣры, но отъ дѣлъ, апостолъ Павелъ подвизался въ цѣлыхъ своихъ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Онъ училъ, что никто не можетъ исполнить всѣхъ требованій закона и слѣд. *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Богомъ*; что закономъ только познается грѣхъ (Рим. 3, 20.), что законъ гнѣвъ содѣлываетъ, а не милость (4, 15.), что когда законъ привзошелъ, то чрезъ сіе только умножилось прегрѣшеніе (5, 21), что безъ закона грѣхъ былъ бы мертвъ, но *пришедшей заповѣди грѣхъ оживе, азъ же умрохъ*; *и обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (7, 7—10.), что наконецъ *кончина закона —Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (10, 4). Сію послѣднюю мысль яснѣе раскрываетъ Апостолъ въ посланіи къ Галатамъ, говоря, что законъ намъ данъ былъ только пѣстуномъ во Христа; показывая нашу немощь въ исполненіи заповѣдей его, онъ долженъ былъ приводить насъ къ Искупителю отъ клятвы законной, лежащей на всякой душѣ законопреступной (3, 24).

Видя злѣйшихъ враговъ здраваго ученія вѣры въ возрастающемъ множествѣ надменныхъ своимъ вѣдѣніемъ гностиковъ, апостолы и общими указаніями, и частными опроверженіями и пророческими предвѣщаніями научали узнавать ихъ, беречься и сберегать въ чистотѣ преданное имъ слово спасенія. — О Тимоѳей! писалъ ап. Павелъ къ своему ученику, храни залогъ, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословій ложно такъ называемаго знанія (τὰς βεβήλους κενοφωνίας καὶ ἀντιθέσεις τῆς ψευδωνύμου γνώσεως) 1 Тимоѳ. 6, 20), за которое взявшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры (21.). О комъ здѣсь именно гово-

ритъ апостолъ, видно изъ словъ ψευδωνύμου γνώσεως, отъ котораго звали себя гностики. Нечестивое и суевѣрное, суетное пустословіе,—это вымышленныя или странныя, отличающіяся нарочитою грубостію, наименованія высшихъ силъ, ученіе о высшихъ мірахъ и духахъ, ими управляющихъ. Въ другомъ мѣстѣ сего-же посланія онъ называетъ сіе сквернымъ и бабьими баснями. *Скверныхъ же и бабіихъ басней отрицайся* (4, 7). Къ симъ же баснямъ относитъ безконечныя родословія (1, 4.) *яже стязанія творятъ паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ*. Подъ сими родословіями не иное что можно разумѣть, какъ исчисленія и разысканія объ оныхъ истеченіяхъ изъ Божества, которыя были извѣстны у гностиковъ изъ іудеевъ подъ именемъ Зефиротъ, а у гностиковъ изъ язычниковъ подъ именемъ Эоновъ; они были безконечны, поелику восточная фантазія, давшая имъ бытіе, была неистощима въ своихъ произведеніяхъ. Валентиніанъ, говоритъ Тертулліанъ, выдумалъ 30 эоновъ, но къ симъ приложено было еще множество другихъ; первые четыре породили еще четыре эона и такъ далѣе. Они производили болѣе споры, нежели божіе назиданіе въ вѣрѣ: поелику хотя клонились къ тому, чтобы изъяснить смотрѣніе спасенія Божія, но только затрудняли правильный и простой образъ разумѣнія его чрезъ вѣру (См. Тит. 1, 14. 2 Тим. 4, 4).

Въ частности противъ отвергавшихъ божественность Іисуса Христа (Евіонеевъ, Керинѳіанъ и Симоніанъ) ученіе объ оной было раскрыто ап. Іоанномъ и Павломъ. Въ самомъ началѣ своего евангелія Іоаннъ противопоставляетъ ихъ ложнымъ мнѣніямъ, будто Іисусъ есть сынъ Іосифа и Маріи—человѣкъ обыкновенный, будто Христосъ или Слово — сынъ Единороднаго сошелъ на него только при крещеніи, будто міръ сотворенъ и управляется ангелами, про-

тивопоставляетъ слѣдующія истины здраваго ученія: что Слово есть не истеченіе какого либо Божества, но Самъ Богъ, отъ вѣчности существующій: *въ началѣ бѣ Слово и Богъ бѣ Слово* и притомъ лице отдѣльное отъ Своего Отца—*сей бѣ искони у Бога;* что Имъ все сотворено, а не ангелами; что Слово стало плотію, такъ съ нею соединилось, что никогда ее не оставитъ; что Слово и Единородный не суть два лица раздѣльныя, но *видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 1. 2. 14). Въ 1-мъ своемъ посланіи также противъ нихъ вооружается: *кто есть лживый, точію отметаяйся, яко Іисусъ нѣсть Христосъ; сей есть антихристъ, отметаяйся Отца и Сына* (2, 22). Что апостолъ здѣсь говоритъ не о невѣрующихъ еще іудеяхъ, а только о тѣхъ изъ обратившихся къ вѣрѣ, которые не хотѣли признавать въ Іисусѣ Богочеловѣка, это видно изъ того, что рѣчь идетъ объ еретикахъ, вышедшихъ изъ церкви (2, 19). Далѣе (6. 7. 8.) приводятся три свидѣтеля на небеси и на земли также для подтвержденія, что Іисусъ есть Сынъ Божій. Если мы принимаемъ, говоритъ апостолъ, свидѣтельство человѣческое, свидѣтельство Божіе болѣе есть (9). Какое же это свидѣтельство? Это есть свидѣтельство, которымъ Богъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ Своемъ. Сюда же относится и заключеніе посланія (ст. 20).

Ап. Павелъ въ посланіи къ Колоссаемъ тѣмъ же еретикамъ противопоставляетъ, что І. Христосъ образъ Бога невидимаго, вѣчный, творецъ міра и промыслитель, Глава церкви; предъ страданіемъ на себя не раздѣлялся, но умеръ и воскресъ: поелику угодно было Отцу, чтобы въ немъ обитала, а не на время только явилась, вся полнота πλήρωμα т. е. Божества. Послѣднія слова прямо противоположны ученію въ

особенности Керинѳіанъ, которые своего Христа почитали только истеченіемъ πληρωμ'ою изъ Божества (1, 15—19). Во второй главѣ снова противъ тѣхъ же Керинѳіанъ и вообще противъ всѣхъ отвергающихъ Божество Іисуса Христа Апостолъ замѣчаетъ: смотрите, братія, чтобы кто не прельстилъ васъ философіею и суетною лестію по преданію человѣковъ (таково все ученіе гностиковъ у іудеевъ и язычниковъ), по вещественнымъ началамъ міра, а не по Христѣ: ибо въ немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно (σωματιχῶς—чрезъ воплощеніе) (8. 9). Наконецъ, въ подтвержденіе того, что въ семъ посланіи именно апостолъ имѣлъ въ виду Керинѳіанъ и другихъ подобныхъ имъ въ своихъ заблужденіяхъ и вмѣстѣ для показанія того, какъ апостолы обращали вниманіе и осторожность христіанъ и на другіе предметы ихъ ученія, слѣдуетъ указать въ той же главѣ на стихи 15—23. Здѣсь апостолъ опровергаетъ необходимость соблюденія постановленій закона Моисеева (16. 17.) и служеніе ангеламъ (18). Но перваго кромѣ нѣкоторыхъ іудеевъ держались и гностики изъ іудеевъ, а послѣднее есть собственно ученіе гностиковъ, у которыхъ ангелы творцы міра.

Противъ ученія Докетовъ возставалъ въ особенности Іоаннъ Богословъ въ первыхъ двухъ своихъ посланіяхъ. *Всякъ духъ*, говоритъ онъ въ первомъ (4, 3.) *иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть* (2 Посл. ст. 7). *Зане мнози лестцы внидоша въ міръ, не исповѣдающе Іисуса Христа пришедша во плоти: сей есть льстецъ и антихристъ.* Ложь сего ученія столь была очевидна, что не требовала опроверженій. О немъ упоминаетъ въ своемъ посланіи къ Смирнянамъ Игнатій, недолго спустя послѣ Іоанна писавшій: Αληθῶς ἔπαθεν, ὡς καὶ ἀληθῶς ἀνέστησεν ἑαυτὸν, οὐχ ὥσπερ ἄπιστοί

τινες λέγουσιν, τὸ δοκεῖν αὐτὸν πεπονθέναι, αὐτοὶ τὸ δοκεῖν ὄντες, καὶ καθὼς φρονοῦσιν καὶ συμβήσεται αὐτοῖς, οὖσιν ασώματοις καὶ δαιμονιχοῖς.

Внѣшнее устроеніе Церкви во времена апостоловъ.

Внѣшнее устроеніе церкви можетъ подлежать разсмотрѣнію въ отношеніи *обрядовомъ* и *іерархическомъ*.

Обрядовое устроеніе церкви апостольской было немногосложно; касалось только нужнѣйшаго; гдѣ можно, соглашалось съ іудейскимъ, впрочемъ, обновляя его обильнѣйшими силами; отъ Духа исходя, само сильно дѣйствовало къ возбужденію духа. Не видно было въ немъ ни мелкой разборчивости, ни строгой стѣсненности, ни множества требованій, ни глубокой таинственности закона обрядоваго іудейскаго; нарочито удалялось всякаго сближенія съ языческимъ; было соотвѣтственно только высотѣ и достоинству внутренняго образованія оной же церкви. Вводилось не вдругъ, но постепенно и во всѣхъ своихъ частяхъ полнаго развитія въ сіи времена по обстоятельствамъ церкви еще не достигло.

И обѣщаніе Спасителя преимущественно пребывать съ тѣми, которые собираются во имя Его и духъ единенія и любви соединявшій все общество первыхъ христіанъ, и нужды церкви общія и частныя, нѣкоторыхъ ея лицъ касающіяся—побуждали вѣрующихъ, сколько было кому возможно, собираться всѣмъ вмѣстѣ: но сіи собранія не были ни строго привязаны *къ мѣсту*, какъ іудейскія къ храму, ни опредѣленны касательно *времени*, ни однообразны въ *дѣйствіяхъ*.

Мѣста собранія сначала имѣли христіане общія съ іудеями: *храмъ* и *синагоги*. Въ храмѣ апостолы учили (Дѣян. 5, 20), молились (22, 17) и совершали нѣкоторые обряды (21, 26). Во храмѣ каждый

день сначала пребывали и вѣрующіе въ Іисуса Христа, послѣ чуда въ день пятидесятницы и проповѣди ап. Петра, какъ замѣчаетъ Лука (2, 46). Послѣ храма апостолы учили (Дѣян. 9, 20), а христіане собирались (18, 20. 21) и въ синагогахъ. Въ Коринѳѣ ап. Павелъ училъ и въ училищѣ нѣкоего Тиранна (19, 9). Въ Филиппахъ ходилъ онъ неоднократно съ Лукою и въ молитвенницу іудейскую (16, 13. 16). Но когда настояла нужда общаго собранія, а обстоятельства или извѣстная цѣль не позволяли избрать для онаго какое либо изъ сихъ мѣстъ, то всякій частный домъ становился для вѣрующихъ и храмомъ, и синагогою, и училищемъ, и молитвенницею; или еще болѣе: поелику здѣсь въ одномъ своемъ кругу христіане совершали такія дѣйствія, которыхъ не совершали тамъ. Здѣсь, и только именно здѣсь, они преломляли хлѣбъ, или совершали воспоминаніе таинственной вечери своего Господа (Дѣян. 2, 46). Таковые домы или горницы какъ въ Троадѣ (20, 6. 7. 8. 9) отъ имени самыхъ собраній — ἐκκλησίαι получали наименованіе также ἐκκλησίαι (1 Кор. 11, 22) церкви, иногда же именовались ἐπισυναγωγαὶ (Евр. 10, 25) или просто συναγωγαὶ (Іаков. 2, 2).

Времена собраній еще менѣе были опредѣленны. Въ началѣ они происходили каждый день и во всякое время дня; въ послѣдствіи конечно были приспособлены по распредѣленію времени священнослуженій іудейскихъ, при которыхъ христіане присутствовали (Дѣн. 3, 1) и которыя тогда совершались въ третій, шестой и девятый часы дня. Только преломленіе хлѣба совершалось въ часы ночи (20, 11). Впрочемъ, еще Климентъ Римскій писалъ, что должно все исполнять строго и въ порядкѣ (τάξει), что Господь повелѣлъ въ установленныя времена (κατὰ

καιρὲς τεταγμένες) совершать т. е. приношенія и литургіи (προσφορὰς καὶ λειτουργίας).

Въ исторіи временъ апостольскихъ находимъ свидѣтельства преимущественнаго уваженія *воскреснаго* дня подъ именемъ дня Господня (Апок. 1, 10). Этотъ ли день разумѣется 1 Кор. 16, 1., и Дѣн. 20, 7., подъ названіемъ μία σαββάτων, изъ текста не видно; такъ изъясняютъ Златоустъ (in Act. et Epist. ad Cor. l. c.), Іеронимъ, Екуменій, Θеофилактъ. Самъ Господь вторичнымъ явленіемъ своимъ ученикамъ въ оный же день чрезъ недѣлю по своемъ воскресеніи повидимому утвердилъ его для преимущественнаго о семъ воскресеніи воспоминанія; затѣмъ—пасхи и пятидесятницы (Дѣн. 20, 16. 1 Кор. 16, 8).

Дѣйствія собраній не были также постоянно однообразны, съ одной стороны по причинѣ новости вводимаго безъ особенныхъ правилъ порядка, съ другой—по разности въ различныя времена обстоятельствъ и нуждъ церкви. Болѣе обыкновенными представляются: 1) Чтеніе изъ Ветхаго Завѣта, какъ то совершалось въ синагогахъ іудейскихъ, вмѣстѣ съ нимъ изъясненіе чтеннаго. Такъ было сіе заповѣдано ап. Павломъ церкви Коринѳской (1 Кор. 14, 29). Можно полагать, что и книги Новозавѣтныя были также читаемы въ оныхъ собраніяхъ. Такъ свидѣтельствуетъ Евсевій, что ап. Петръ учредилъ читать въ церквахъ евангеліе Марка.

2) пѣніе священныхъ пѣсней (впрочемъ безъ музыкальныхъ орудій) и изъ іудейскаго богослуженія заимствованныхъ, какъ то псалмовъ (Еф. 5, 19. Кол. 3, 16), по примѣру Спасителя и нарочито приготовленныхъ (1 Кор. 14, 26) или отъ внезапнаго восхищенія духа, разогрѣтаго духовными упражненіями, рождающихся въ самомъ собраніи.

3) совершеніе молитвъ не только духомъ, но и

умомъ (1 Кор. 14, 15) однимъ предначинаемыхъ, а отъ всего собранія заключаемыхъ, по обычаю іудейскому, подтвердительнымъ восклицаніемъ: *аминь* (16).

Но важнѣйшее, собственно христіанское священнодѣйствіе въ оныхъ собраніяхъ, часто повторявшееся, было воспоминательное совершеніе послѣдней вечери Господа Іисуса. Сего требовала любовь къ Нему; симъ укрѣплялся союзъ вѣрующихъ между собою; въ семъ обрѣталъ каждый пищу и подкрѣпленіе для своего духа. Съ нимъ соединялось и другое дѣло любви къ своимъ братіямъ, устроеніе общей трапезы для богатыхъ и неимущихъ изъ посильныхъ приношеній первыхъ. Почему отправленіе сихъ двухъ дѣйствій и было предваряемо собраніемъ приносимаго для вечери таинственной и общей трапезы. Для первой были избираемы только хлѣбъ и вино; все прочее слѣдовало къ послѣдней. Избранныя хлѣбъ и вино предлагались не просто, но освящались въ таинственные виды произнесеніемъ словъ самого Спасителя при первомъ установленіи таинства и благословеніемъ или молитвою священнодѣйствующаго. Это подтверждается евангеліями и 1 Кор. 11, 23—25, гдѣ апостолъ повторяетъ исторію установленія сего таинства, какъ образецъ его совершенія, и гдѣ есть и слова І. Христа, и благословеніе или благодареніе, и изъ свидѣтельствъ писателей послѣдующаго вѣка, которые, говоря о совершеніи евхаристіи въ свое время, именно указываютъ на оныя дѣйствія освященія, а по близости сего времени къ апостоламъ и въ особенности къ мужамъ апостольскимъ нельзя думать, чтобы при совершеніи столь важнаго дѣйствія допущено было какое либо измѣненіе въ томъ противъ перваго учрежденія.

Матѳ. 26, 26. Ἐσθιόντων δὲ αὐτῶν, λαβὼν ὁ Ἰησοῦς τὸν ἄρτον; καὶ εὐλογήσας, ἔκλασε καὶ ἐδίδου τοῖς μαθηταῖς καὶ εἶπε· λάβετε, φάγετε· τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου.

27. Καὶ λαβὼν τὸ ποτήριον, καὶ εὐχαριστήσας, ἔδωκεν αὐτοῖς, λέγων· πίετε ἐξ αὐτῆ πάντες....

Марка 14, 22. Καὶ ἐσθιόντων ἐαυτῶν, λαβὼν ὁ Ἰησῆς ἄρτον, εὐλογήσας ἔκλασε καὶ ἔδωκεν αὐτοῖς καὶ εἶπε· λάβετε, φάγετε· τῆτό ἐστι τὸ σῶμά μου.

23. Καὶ λαβὼν τὸ ποτήριον, εὐχαριστήσας ἔδωκεν αὐτοῖς· καὶ ἔπιον ἐξ αὐτοῦ πάντες.

24. Καὶ εἶπεν αὐτοῖς· τῆτο ἐστι τὸ αἷμα μου τὸ τῆς καινῆς διαθήκης τὸ περὶ πολλῶν εκχυνόμενον.

Лук. 22, 19. Καὶ λαβὼν ἄρτον, εὐχαριστησας ἔκλασε καὶ ἔδωκεν αὐτοῖς λέγων· τῆτό ἐστι τὸ σῶμα μου, τὸ ὑπὲρ ὑμῶν διδόμενον· τῆτο ποιεῖτε εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν.

20. Ὡσαύτως καὶ τὸ ποτήριον, μετὰ τὸ δειπνῆσαι λέγων· τῆτο τὸ ποτήριον, ἡ καινὴ διαθήκη ἐν τῷ αἵματι μοῦ, τὸ ὑπὲρ ὑμῶν εκχυνόμενον.

1 Кор. 11, 23—25: Ὁ Κύριος Ἰησῆς... ἔλαβεν ἄρτον· καὶ εὐχαριστήσας ἔκλασε καὶ εἶπε· λάβετε, φάγετε· τῆτό μου ἐστι τὸ σῶμα τό ὑπὲρ ὑμῶν κλώμενον· τῆτο ποιεῖτε εἰς την ἐμὴν ἀνάμνησιν. Ὡσαύτως καὶ τὸ ποτήριον μετὰ τὸ δειπνῆσαι, λέγων· τῆτο τὸ ποτήριον, ἡ καινὴ διαθήκη εστὶν ἐν τῷ ἐμῷ αἵματι· τῆτο ποιεῖτε ὁσάκις ἂν πίνητε εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν.

1. Всѣ говорятъ: λαβὼν ἄρτον· 2., Матѳ. и Мар. εὐλόγησεν; Лук. и Пав. εὐχαριστήσας. 3., всѣ: ἔκλασε; 4., всѣ: *сіе есть тѣло мое*; Лук.: *еже за вы даемое;* Пав.: *еже за вы ломимое*; оба: *сіе творите въ мое воспоминаніе* и Павелъ еще прибавляетъ къ началѣ всѣхъ словъ: *пріимите, ядите.* 5., Матѳ. и Мар. λαβὼν ποτήριον; у Лук. и Пав. это заключается въ ὡσαύτως; 6., Мѳ. и Мар. ευχαριστήσας, у Лук. и Пав. это заключается опять въ ὡσαύτως; 7., Мѳ. и Мар. ἔδωκεν; у Лук. и Пав. въ ὡσαύτως. 8., Мѳ: *пійте отъ нея вси.* 9., Мѳ.: *сія есть кровь моя Новаго Завѣта, яже за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* Мар. тоже только безъ послѣднихъ словъ; Лук. и Пав.: *сія чаша—Новый Завѣтъ въ моей кро-*

ви; Лук.: *яже за вы проливается*; 10., Павелъ: (также какъ и о хлѣбѣ): *сіе творите, елижды аще піете въ мое воспоминаніе.*

Ириней: Qui est e terra panis percipiens invocationem Dei, jam non communis panis est, sed eucharistia Lib. 4, cap. 34.

Іустинъ мученикъ: ....deinde ei, qui fratribus praeest, offertur panis et poculum aquae et vini, quibus ille acceptis lavdem et gloriam rerum universarum Patri, per nomen Filii et Spiritus Sancti offert et eucharistiam, s. gratiarum actionem pro eo, quod nos donis suis dignatus sit, proliae exequitur (εὐχαριστίαν ἐπὶ πολὺ ποιεῖται). Atque ubi ille preces et gratiarum actionem absoluit, populus, qui adest, omnis favsta approbatione acclamat, dicens: amen. Apolog. 11.

Писатель постановленій апостольскихъ: Memores igitur eorum, quae propter nos pertulit, gratias agimus tibi, Deus Omnipotens, non quantum debemus, at quantum possumus, et constitutionem ejus implemus. In qua enim nocte tradebatur, pane sanctis ac immaculatis manibus suis accepto, et elevatis oculis ad Deum suum ac Patrem fregit et dedit discipulis, dicens: hoc est mysterium novi testamenti: accipite ex eo: manducate: hoc est corpus meum, quod pro multis frangitur in remissionem peccatorum. Similiter calicem miscuit ex vino et aqua, sanctificavit et dedit iisdem dicens: bibite ex eo omnes; hic est sanguis meus, qui pro multis effunditur in remissionem peccatorum. Hoc facite in meam commemorationem. Quotiescumque enim manducabitis panem hunc et bibitis hunc calicem, mortem meam adnuntiabetis, donec veniam.—Itaque memores passionis ejus et mortis et a mortuis resurrectionis, atque in coelum reditus, nec non secundi adventus, quem idem facturus est, in quo cum gloria et potestate veniet judicare vivos ac

mortuos et reddere singulis juxta opera eorum; Tibi Regi ac Deo panem hunc et calicem hunc offerimus, secundum constitutionem Ejus, gratias Tibi per Eundem agentes, quia nos dignos habuisti, qui staremus coram Te ac sacerdotio fungeremur Tibi; et poscimus Te ut super haec dona in conspectu Tuo proposita placate perspicias, Tu qui nullius indiges Deus et beneplaceas in eis ad honorem Christi Tui, atque supra hoc sacrificium mittas Sanctum Tuum Spiritum, testem passionum Domini Iesu: ut exstibent panem hunc corpus Christi Tui, et Calicem hunc sanguinem Christi Tui, quo participes illius ad pietatem confirmentur, remissionem peccatorum consequantur, diabolo ejusque errore liberentur; Spirito S. repleantur, digni Christo Tuo fiunt, vitam impetrent, Te illis reconciliato, Domine omnipotens!. Constitut. Lib. 8, c. 12.

Освященные дары преломлялись и раздавались народу чрезъ діаконовъ по свидѣтельству Іустина: οἱ καλούμενοι παρ' ἡμῖν διάκονοι διδόασιν ἑκάστῳ τῶν παρόντων μεταλαβεῖν ἀπὸ τοῦ εὐχαριστέντος ἄρτου καὶ οἴνου καὶ ὕδατος, καὶ τοῖς οὐ παροῦσι ἀποφέρουσι Apolog. 11.

За симъ предлагаема была и общая трапеза—ἀγάπη (Тертулліанъ). Причины установленія сихъ трапезъ, кромѣ побужденій любви, было намѣреніе сильнѣе дѣйствовать къ разрушенію предубѣжденія іудеевъ противъ язычниковъ.

Кромѣ сего тайнодѣйствія, въ которомъ участвовали многократно и всѣ члены церкви вмѣстѣ, въ церкви апостольской были установлены нѣкоторыя особыя тайнодѣйствія для особыхъ нуждъ каждаго: для желающаго вступить въ церковь тайнодѣйствіе крещенія; для крестившагося тайнодѣйствіе рукоположенія; для каждаго тайнодѣйствіе покаянія; для избираемаго въ наставника и пастыря церкви—тайнодѣйствіе священства; для вступающаго въ союзъ

супружества—тайнодѣйствіе брака; для немощнаго—тайнодѣйствіе елеосвященія.

При совершеніи *крещенія* время и мѣсто не были нарочито избираемы, но употреблялись такъ, какъ прилучилось; требовалось только, чтобы на мѣстѣ крещенія была вода (*Се вода: что возбраняетъ ми креститися?* Дѣян. 8, 36) и служитель церкви. Право совершать сіе священнодѣйствіе принадлежало всѣмъ степенямъ священноначальства отъ апостоловъ до діаконовъ. Приступающій къ крещенію долженъ былъ 1) принести покаяніе въ содѣянныхъ имъ прежде грѣхахъ: *покайтесь и да крестится кійждо васъ* (Дѣян. 2, 38). Это требовалось и при крещеніи Іоанновомъ: *и крещахуся во Іорданѣ отъ него, исповѣдающе грѣхи своя* (Матѳ. 3, 6.); въ Ефесѣ *мнози отъ вѣровавшихъ* изъ іудеевъ и еллиновъ *прихождаху исповѣдающе дѣла своя* (Дѣн. 19, 18). 2) произнести исповѣданіе своей вѣры (Дѣн. 8, 37.). 3) отказаться отъ жизни во грѣхахъ и обѣщать жизнь святую и непорочную (1 Петр. 3, 21): и насъ нынѣ спасаетъ не плотской нечистоты омытіе, но (вопрошеніе) обѣщаніе—(ἐπερώτημα—означаетъ то и другое и показываетъ, что обѣщаніе было дѣлаемо по вопрошенію: обѣщаешься ли....?) Богу доброй совѣсти. О семъ свидѣтельствуетъ и Іустинъ мученикъ: ὅσοι ἂν πεισθῶσι καὶ λεγόμενα εἶναι καὶ βιοῦν ὕτως δύνασθαι ὑπισχνῶνται (Apolog. 2). Крещеніе совершалось произнесеніемъ имени Святыя Троицы и погруженіемъ въ водѣ троекратнымъ. Произнесеніе имени Святыя Троицы при крещеніи было установлено Самимъ Іисусомъ Христомъ и безъ сомнѣнія въ точности исполнялось, какъ подтверждаетъ и свидѣтельство писателей слѣдующаго вѣка; погруженіе, а не окропленіе только—означается въ самомъ наименованіи крещенія βαπτισμός и въ примѣненіи онаго ап. Пав-

ломъ къ погребенію и возстанію Іисуса Христа, или къ погребенію симъ дѣйствіемъ въ водахъ ветхаго человѣка и возстанію новаго (Рим. 6, 34; Кол. 2, 12). Крещаемы были и младенцы: о чемъ можно заключать изъ поставленія сего таинства на мѣсто обрѣзанія, изъ крещенія цѣлыхъ домовъ, изъ ученія писателей послѣдующаго времени. Ириней (Lib. 2. c. 39) пишетъ: Christus omnes venit per se ipsum salvare. Omnes, inquam, qui per Eum renascuntur in Deum, infantes in parvulos et pueros et juvenes et seniores. *Renasci*—здѣсь означаетъ по сличенію сего слова съ другими мѣстами его сочиненія *regenerari per baptismum*. Писатели ранѣе Иринея говорятъ вообще о необходимости крещенія для спасенія каждаго, откуда можно заключить и о младенцахъ. Писатель трехъ книгъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ермы, въ одномъ видѣніи представляетъ апостоловъ по отшествіи изъ міра идущими крестить ветхозавѣтныхъ святыхъ: только водою они могутъ достигнуть покоя, говоритъ онъ (Lib. 3 Simil., 9, n. 16).

Омывшійся водою крещенія отъ грѣховъ получалъ утвержденіе во Христѣ, запечатлѣніе Богу и обрученіе Духа чрезъ *рукоположеніе*, которое въ началѣ совершалось, какъ видно изъ исторіи апостольской, только апостолами, такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда недоставало сихъ, Духъ Святый хотя и нисходилъ видимо на крестившихся, но безъ рукоположенія крестившаго (Дѣн. 8, 39). Въ концѣ втораго или въ началѣ третьяго вѣка рукоположеніе замѣнено помазаніемъ мура. О немъ упоминаетъ первый Тертулліанъ. Caro abluitur, caro ungitur, caro signatur, ut anima muniatur (De Res. c. 8).

Покаяніе частное (Іак. 5, 16. 1 Іоан. 1, 9) и общественное для обще-виновныхъ соблазномъ преступниковъ (2 Кор. 6, 5—11), конечно, сопровожда-

лось и особыми дѣлами благочестія по примѣру іудеевъ постомъ, молитвою, милостынями (Евр. 6, 4. 5. 6.).

Къ *священству* призываемы были или по откровенію, какъ Тимоѳей: (1 Тим. 4, 14) *не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества*, или отдѣленіемъ начатковъ вѣровавшаго язычества, поколику сіе бо́льшую оказывало ревность къ вѣрѣ, какъ о семъ пишетъ Климентъ Римскій: κατὰ χώραν καὶ πόλεις κηρύσσοντες (ἀπόστολοι) καθίστανον τὰς ἀπαρχὰς αὐτῶν δοκιμάζοντες τῷ πνεύματι εἰς ἐπισκόπους καὶ διακόνους τῶν μελλόντων πιστεύειν (1 Epist. ad Corin.) или общимъ избраніемъ всей церкви, какъ седмь діаконовъ (Дѣян. 6, 3—5). Были ли избираемы на степени священства по жребію, неизвѣстно. Примѣръ Дѣян. 1, 23—26. ничего въ семъ отношеніи не свидѣтельствуетъ, поелику здѣсь избраніе было не на степень священства, но въ служеніе апостольское и притомъ, какъ замѣчаетъ Златоустъ, ἐπεὶ οὐδὲ οἱ ἀπόστολοι πνεύματος μετεῖχον (Hom. 5, in Tim). Впрочемъ кажется позволительно было только не изъ честолюбія и искать степеней священства, даже высшихъ (1 Тим. 3, 1): вѣрно слово: *ащекто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ*. Въ случаѣ избранія кого либо церквію, требовалось, чтобы избираемый отличался особенными предъ прочими вѣрными достоинствами и былъ испытанный въ вѣрѣ и образѣ жизни. Требованія сего рода для епископства и діаконства излагаетъ ап. Павелъ 1 Тим. 3, 1—10 и Тит. 1, 7—9 Найденный достойнымъ былъ посвящаемъ рукою апостоловъ (Дѣян. 14, 23) или и епископовъ (Тит. 1, 5) послѣ общаго пощенія посвящающихъ и посвящаемаго и молитвы (Дѣян. 14, 23).

О *бракѣ*, какъ оный въ апостольской церкви совершался, никакихъ свѣдѣній не имѣется, впрочемъ,

изъ того понятія, какое о немъ даетъ ап. Павелъ (Еф. 5, 32.), можно догадываться, что совершеніе онаго не было оставлено безъ особыхъ учрежденій. Въ началѣ 2 вѣка Игнатій пишетъ, что для вступающихъ въ бракъ нужно согласіе (γνωμὴ) епископа.

Для облегченія болящихъ заповѣдали апостолы такой способъ, какимъ сами по данной имъ отъ Господа силѣ врачевали немощныхъ—и именно *помазаніе елеемъ* больнаго съ молитвою и упованіемъ.

Такъ Помазанникъ Божій Господь Іисусъ отъ обилія Духа, въ Немъ почивающаго, открывалъ чрезъ своихъ апостоловъ всюду новые источники освященія и силы для новой своей церкви, и чтобы не казались одни только времена апостоловъ богатыми множествомъ даровъ благодатныхъ, благодать заключена для всѣхъ временъ и для всѣхъ людей, для всѣхъ возрастовъ подъ седмью священными печатями седми таинствъ.

Наконецъ къ обрядовымъ установленіямъ временъ апостольскихъ нѣкоторымъ образомъ относятся и *посты*. Впрочемъ, должно замѣтить напередъ, что апостолы, желая, сколько можно, ослабить уваженіе къ обрядовому закону Моисееву, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ разсужденіи постовъ не оставляли церкви ни какихъ общихъ распоряженій или повелѣній ни касательно ихъ времени, ни касательно продолженія, ни касательно строгости наблюденій оныхъ, хотя сами весьма часто пользовались оными какъ дѣйствительнѣйшими средствами для приготовленія своего духа къ высшему духовному упражненію или для укрѣпленія себя въ важнѣйшихъ подвигахъ своего служенія. Былъ только одинъ общій постъ въ церкви апостольской, который, такъ сказать, предназначилъ еще самъ Іисусъ Христосъ въ память своихъ страданій: *пріидутъ дніе, егда отимется* отъ

нихъ *женихъ, и тогда постятся.*—Но историческое свидѣтельство объ ономъ столько неопредѣленно нынѣ, что нельзя сказать утвердительно, сорокъ ли дней или сорокъ часовъ или еще менѣе содержалъ въ древности сей постъ четыредесятницы. Иринеи (apud. Ius. lib. 5. c. 24) о семъ пишетъ такъ: Οὐδὲ γὰρ μόνον περὶ τῆς ἡμέρας (τῶ Πάσχα) ἐστὶν ἡ ἀμφισβήτησις, ἀλλα καὶ περὶ τοῦ εἴδους αὐτοῦ τῆς νηστείας· οἱ μὲν γὰρ οἴονται μίαν ἡμέραν δεῖν αὐτοὺς νηστεύειν· οἱ δὲ δύο, οἱ δὲ πλέιονας· ὁι δὲ τεσσαράκοντα ὥρας ἡμερινάς τε καὶ νυκτέρινας συμμετροῦσι τὴν ἡμέραν (νηστείαν) αὐτῶν· καὶ τοιαύτη μὲν ποικιλία τῶν ἐπιτηροῦντων ἔ νῦν ἐφ' ἡμῶν γεγονῦια, ἀλλὰ καὶ πολὺ πρώτερον ἐπὶ τῶν πρό ἡμῶν. —Если держаться настоящаго чтенія, то необходимо надлежитъ вмѣсто ἡμέραν поставитъ νηστείαν, иначе будетъ нелѣпость: считая во дню сорокъ часовъ дневныхъ и ночныхъ. Если же не измѣнять текста, а допустить послѣ τεσσαράκοντα точку, какъ въ другихъ кодексахъ читается и τεσσαράκοντα относить къ ἡμέρας къ предыдущему, а не къ ὥρας—послѣдующему слову, то получимъ такой смыслъ: считая во дни и дневные и нощные часы; въ первомъ случаѣ будемъ имѣть постъ въ сорокъ часовъ, во второмъ—сорокъ дней.

Внѣшнее устроеніе церкви апостольской въ отношеніи іерархическомъ.

Поелику были люди въ церкви, которые, представляя себѣ первоначальное состояніе церкви въ видѣ такого братскаго общества, гдѣ нѣтъ никакого различія степеней взаимной подчиненности членовъ, гдѣ во всемъ и между всѣми равенство и независимость, или по крайней мѣрѣ одна внутренняя непосредственная зависимость отъ невидимой главы, утверждали, что первыя начала власти относимыя ко време-

намъ апостоловъ было ничто иное какъ позднѣйшее злоупотребленіе свободы христіанъ и предвосхищеніе у простаго множества вѣрующихъ правъ, никому въ частности надъ всѣми не принадлежащихъ, то имѣя разсматривать церковь апостольскую въ отношеніи къ ея іерархіи, прежде всего мы должны защитить законность ея установленія. Вопервыхъ, свидѣтельствуетъ исторія, что первоначальное установленіе іерархіи церковной ведетъ свое начало отъ учрежденія апостольскаго: ибо какъ скоро получила начало церковь Христова, то постоянно является подъ распоряженіемъ, управленіемъ надзоромъ апостоловъ, ихъ помощниковъ и споспѣшниковъ. Когда апостолы собирали гдѣ либо новыя церкви Іисусу Христу, поставляли имъ начальниковъ, какъ то видно изъ посланій къ Тимоѳею и Титу. Во вторыхъ свидѣтельствуютъ апостолы, что Самъ Богъ ввѣряетъ нѣкоторымъ особыя служенія и особыя дарованія (1 Кор. 12, 28. Еф. 4, 11. Рим. 12, 4. 9). Но сіи дарованія и служенія, смотря по тому, кому въ какомъ дѣлѣ, въ какой мѣрѣ и въ коликое время были сообщаемы, необходимо поставляли сихъ въ извѣстномъ отношеніи выше прочихъ и налагали на нихъ самихъ новыя обязанности, а другихъ заставляли имъ подчиняться. Наконецъ, въ третьихъ, въ церкви какъ во всякомъ обществѣ и не могло быть безъ порядка, степеней и извѣстнаго рода власти. Не всѣ члены церкви и въ первенствующія времена были одинаково крѣпки и сильны, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ достаточно и твердо были наставлены въ истинахъ вѣры: кто же бы сталъ носить немощи немощныхъ, ослабѣвающихъ поддерживать, невѣрующихъ наставлять и вразумлять, если бы не были на то избраны и поставлены особые строители и попечители?

Итакъ нужно было быть въ церкви какому нибудь

начальству и власти; исторія показываетъ, что она была; апостолы свидѣтельствуютъ, что Самъ Богъ учреждалъ оныя ихъ руками. Но напрасно бы мы стали искать въ общемъ устроеніи управленія церковнаго какого либо изъ правленій обществъ гражданскихъ. Іисусъ Христосъ свидѣтельствовалъ предъ судіями міра, что царство Его не отъ міра. Но то, что не отъ міра, не такъ и устроено, какъ устрояются царства міра. Единъ въ немъ Царь и Глава, но невидимъ—на небесѣхъ; видимые правители, хотя и съ знаками власти, но суть слуги: *тако насъ да непщуютъ человѣцы яко слугъ Христовыхъ*; видимые подчиненные, хотя и покорены власти, но Самому Царю Богу Отцу, и никто да не дерзаетъ пасти сіе стадо яко обладая (1 Пет. 5, 23); оно имѣетъ право общимъ приговоромъ поставлять себѣ и пастырей.

Вотъ общее понятіе объ устроеніи церкви апостольской. Теперь покажемъ общее раздѣленіе всѣхъ членовъ оной, степени лицъ правительственныхъ и правила ихъ управленія.

Все общество церкви апостольской главнымъ образомъ раздѣлялось на *клиръ* и *мірянъ*. Хотя самыхъ наименованій сихъ въ писаніяхъ апостоловъ и слѣд. во времена ихъ не встрѣчаемъ, но раздѣленіе существовало, ибо находимъ наименованія: *наставниковъ* и *стада*, которыя первымъ подобозначущи. Не смотря на то, что всѣхъ Іисусъ Христосъ содѣлалъ священниками Богу, всѣ имѣли помазаніе отъ Святаго, всѣ утверждены и запечатлѣны Духомъ Святымъ, никто не отрицался имѣть у себя особыхъ строителей таинъ Божіихъ и учителей.

Церковь апостольская въ высшемъ своемъ классѣ содержала: 1) лица чрезвычайныя по своимъ дарованіямъ и служенію и 2) такія, коихъ служеніе долж-

но было перейти въ званіе для послѣдующихъ временъ. Къ первымъ принадлежали *апостолы*, *пророки* и *евангелисты*, къ послѣднимъ: *епископы*, *пресвитеры* и *діаконы*.

Сколько высоко было назначеніе апостоловъ, столь же велики были даны преимущества ихъ служенію. Мы говоримъ сіе только о 13 первыхъ апостолахъ, которые имѣли второе утвердительное назначеніе къ своему служенію послѣ воскресенія І. Христа. Хотя сіи избранные посланники Господа имѣли много общаго съ своими преемниками—епископами и пресвитерами, такъ какъ и сіи именовались *пастырями*, *учителями*, *предстоятелями*, *наставниками*, *слугами Христовыми*, *строителями церкви*, такъ какъ и симъ принадлежало право вязать и рѣшить, удерживать и отпускать грѣхи, проповѣдывать, учить, крестить, преломлять хлѣбъ, пасти овецъ Христовыхъ, управлять церковію, возлагать на другихъ руки: но при всемъ томъ апостолы имѣли такія особенныя дарованія и права, которыя далеко превосходятъ всѣ частныя дарованія и права ихъ преемниковъ. И Златоустъ имѣлъ всю справедливость назвать апостольство *начальствомъ высочайшимъ*, *духовнѣйшимъ*, *верховнымъ*, *началомъ всѣхъ началъ* ἀρχὴν μεγίστην, πνευματικότατην, τὴν ἄνω, ἀρχὴν τῶν ἄλλων ἀρχῶν.

Первое преимущество апостольскаго служенія было *непосредственное* ихъ званіе и посланничество отъ Іисуса Христа, равно какъ также *непосредственное* отъ Іисуса Христа наставленіе въ томъ, что они должны возвѣщать міру. Объ одиннадцати апостолахъ, оставшихся послѣ смерти Іисуса Христа, касательно сего нѣтъ никакого сомнѣнія. Матѳій избранъ жребіемъ, т. е. гласомъ Божіимъ, и избранъ изъ такихъ, которые были вмѣстѣ съ апостолами во все время, когда пребывалъ и обращался на землѣ Іисусъ, —*на-*

ченъ отъ крещенія Іоаннова даже до дне, въ онь же вознесеся (Дѣян. 1, 21—29); Павелъ, причисленный къ лику апостоловъ, тогда же призванъ къ апостольству, когда и ко Христу. Богъ соизволилъ, говорилъ ему Ананія, его креститель, чтобы и ты видѣлъ праведника и слышалъ гласъ отъ устъ Его, *яко будеши Ему свидѣтель у всѣхъ человѣковъ о сихъ яже видѣлъ еси и слышалъ* (Дѣн. 22, 14). И призвавшій его своею благодатію Самъ благоволилъ открыть въ немъ сына Своего, такъ что ему не нужно было ни въ чемъ до его служенія касающемся и совѣтываться съ плотію и кровію, съ наставниками отъ человѣковъ (Гал. 1, 16). Въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 11, 23) Апостолъ Павелъ, пересказывая исторію установленія тайной вечери, говоритъ, что передаетъ то, что самъ принялъ отъ Господа. Сіе преимущество служенія апостольскаго,—быть званнымъ и посланнымъ на оное отъ Самого Бога столько важно, что учители лжи старались себѣ усвоить оное: и Манесъ или Манихеи именовали себя апостолами Іисуса Христа и Магометъ—апостоломъ Божіимъ. Изъ непосредственности онаго званія слѣдовало и то, что служеніе сіе было безпреемственно; въ собственномъ смыслѣ апостолы себѣ преемниковъ не имѣли и имѣть не могли. Петръ и Павелъ, говоритъ Ириней, передали Лину не апостольство, но *епископство*.

Второе преимущество апостольскаго служенія было такое обиліе причастія Духа, которое всему ихъ ученію и всѣмъ правиламъ, ими преподаваемымъ, сообщало характеръ непреложной истинности, не требующей никакихъ болѣе подтвержденій и свидѣтельствъ. Таковыми и надлежало быть симъ посланникамъ Іисуса Христа, которыхъ должно было слушать какъ Самого Іисуса Христа, которымъ обѣщано было, что они будутъ говорить не свои слова, но

глаголы Духа, которые имѣли обратить къ вѣрѣ всѣ языки и свидѣтельствоваться Самимъ Богомъ въ знаменіяхъ и чудесахъ. *Изволися Духу Святому и намъ*— вотъ основаніе всѣхъ ихъ опредѣленій и ученія, которыя они предали церкви. Отъ сей то силы Духа— такая сила и дѣйственность ихъ ученія, такъ что о нихъ можно бы было тоже сказать, что говорили о Іисусѣ Христѣ: никогда никто не говорилъ такъ! Гласъ ихъ подобенъ былъ тому гласу, который такъ поразилъ Савла, что вдругъ содѣлалъ его Павломъ. Не Іоаннъ только и Іаковъ были сыны громовы, всѣ говорили громами и молніями. Во истину, яко огненни языцы ихъ, воспламеняющіе сердца любовію ко Христу! Истинно это трубы евангельскія, которыя звукомъ своимъ разрушаютъ забрала іерихонскія — міра и діавола! Истинно слова ихъ мечъ обоюду острый, оружіе, проходящее душу. Кто не удивится? Христосъ распятый—недавно жертва злобы и ненависти, и клеветы—посылаетъ требовать себѣ отъ міра вѣры, поклоненія и вѣчной покорности; проповѣдуется слово креста и воскресенія, странное по самому роду ученія, соблазнъ іудеямъ, безуміе еллину, непонятное уму, противное самой природѣ, враждебное всѣмъ религіямъ, особенно ненавистное плоти, несогласное нигдѣ ни съ какими отечественными законами, страшное закоренѣвшимъ въ злѣ нравамъ и страстямъ: и вотъ! какъ бы въ одно мгновеніе тысячи людей принимаютъ его, чувство увлекается, умъ воспламеняется, сердце таетъ, совѣсть обличается и облегчается; священники, проконсулы, судіи, философы—смиряются; софисты приходятъ въ смущеніе, ораторы заикаются, тираны содрагаются. Идолы падаютъ, оракулы умолкаютъ, іудей горько плачетъ, взирая на пронзеннаго, Грекъ и Римлянинъ, Индъ и Парѳянинъ, Мавръ и Ефіоплянинъ подъем-

лютъ знамя креста Его, и не только города, пишетъ язычникъ, но и все заражается ученіемъ евангельскимъ. Какими же все это силами производится? Не вожди Александровы, не искусства богатыхъ Кесарей, не препретельное слово Демосѳена или Цицерона, не приманки Магометовы, не чаяніе богатствъ, удовольствій, почестей, не воинство ангеловъ, не явленіе Самого Христа съ небеси или съ небеснаго престола, нѣтъ, все сіе произвела божественная сила слова тринадцати человѣкъ, по рожденію не знатныхъ, по виду ничтожныхъ, по силамъ немощныхъ, въ наукахъ несвѣдущихъ, всюду гонимыхъ, мучимыхъ, терзаемыхъ. Отъ сего то исполненія Духа проистекала и полномощная власть ихъ въ правленіи. Они уже какъ бы возсѣли на престолы, а съ сихъ престоловъ даютъ законы и судъ не только 12 племенамъ израилевымъ, но и всему міру; связуютъ совѣсти заповѣдями, запрещеніями и наказаніями и разрѣшаютъ отъ обязательности оныхъ и отъ страха сихъ.—Постановляютъ законы, снимаютъ съ іудеевъ иго обрядовъ, запрещаютъ язычнику требы идольскія, поставляютъ епископовъ, уставляютъ порядокъ церковный, предписываютъ правила суда церкви. Полагаютъ наказанія: приходятъ съ палицею, дѣйствуютъ безъ пощады, поражаютъ страшными казнями: Ананія падаетъ мертвъ къ ногамъ апостоловъ отъ одного обличенія Петрова; Елима лишается зрѣнія; Именея и Александра связуетъ проклятіе, плотоугодникъ Коринѳскій отлучается отъ церкви и передается сатанѣ въ изможденіе плоти.

Третье отличительное свойство служенія апостольскаго было совершенное всѣхъ согласіе въ ученіи, такъ что кто осмѣливался противорѣчить одному, тотъ противорѣчилъ всѣмъ, тотъ уже почитался лжеапостоломъ, подлежалъ проклятію, и напротивъ, что

кто принялъ отъ одного апостола, было признаваемо вообще за апостольское. Отсюда что прибавлялъ въ своемъ евангеліи Іоаннъ къ евангелію Матѳея, нимало сего не разрушало и сему не противорѣчило. Отсюда несправедливо Валентинъ принимаетъ одно евангеліе Іоанново, Маркіонъ-Луки, Керинѳъ-Марка, Евіонъ-Матѳея; напрасно думаютъ найти противорѣчіе между собою у евангелистовъ; напрасно Павлу противополагаютъ Іакова, надобно принять въ разсмотрѣніе, что апостолы говорятъ о различіи живой и мертвой вѣры, о различномъ оправданіи предъ Богомъ и предъ людьми, о различномъ состояніи грѣха и благодати,—къ различнымъ лицамъ: одни изъ нихъ опирались на дѣла закона, другіе — на вѣру, но на суетную, мертвую, подобную вѣрѣ бѣсовъ. Такъ премудрость всегда оправдится отъ чадъ своихъ.

Четвертое преимущество служенія апостольскаго было видѣніе Іисуса Христа, котораго они долженствовали быть свидѣтелями-очевидцами, въ особенности свидѣтелями Его возстанія отъ мертвыхъ. Вотъ почему Іоаннъ говоритъ: *еже видѣхомъ*. Вотъ почему Петръ поставляетъ себя между самовидцами величія Его. Вотъ почему являлся Христосъ Павлу и на пути, и въ восхищеніи, и въ другихъ случаяхъ. Лука передаетъ болѣе слышанное имъ, нежели видѣнное: за то онъ и не апостолъ, какъ замѣчаетъ Іеронимъ. Чтобы быть избраннымъ въ апостолы, по мнѣнію Петра, нужно быть свидѣтелемъ воскресенія Іисуса Христа. И конечно не мало придавало важности свидѣтельству апостольскому то, что они свидѣтельствовали не слышанное только, но что̀ сами видѣли, видѣли часто, видѣли порознь, многократно, не одни, но и съ многими другими,—свидѣтельствовали съ такимъ согласіемъ, съ такою простотою, съ такою твердостію духа, въ такихъ опасностяхъ, что

всякое подозрѣніе объ обманѣ должно быть совершенно удалено.

Пятое преимущество служенія апостольскаго повсемѣстность онаго въ цѣломъ мірѣ, посланничество во вся языки до послѣднихъ земли, въ концы вселенной, отъ востока до запада. Отсюда имъ ввѣряемо было попеченіе не объ одной какой-либо церкви, но о всѣхъ церквахъ; отсюда основаніе церквей по градомъ, разсѣяніе ихъ изъ Іерусалима, путешествія, проповѣданіе въ цѣломъ мірѣ; отсюда писанное однимъ было преподаваемо и другимъ; что̀ установляли здѣсь, то должно было имѣть силу и вездѣ. Гласъ ихъ подобенъ былъ гласу небесъ; свѣтъ ихъ какъ свѣтъ лучей солнечныхъ, разливающійся по всѣмъ странамъ. И посланные проповѣдывать евангеліе всѣмъ языкамъ, божественнымъ снабдѣны вѣдѣніемъ всѣхъ языковъ. Посему нельзя въ собственномъ смыслѣ назвать ихъ епископами какихъ либо частныхъ церквей: Петра-антіохійской или римской, Іакова-іерусалимской, Іоанна-ефесской и проч. Правитель цѣлой области избиралъ для своего мѣстопребыванія какой либо городъ. Царь имѣетъ власть не надъ одною своею столицею, въ которой живетъ, но и надъ всею своею землею. Никто не дѣлилъ симъ посланникамъ земли на тринадцать частей, какъ раздѣлена была земля обѣтованная 12-ти племенамъ израилевымъ; у всѣхъ одно служеніе, одно апостольство, хотя не имѣя возможности быть въ одно время вездѣ, были они долѣе или менѣе тамъ или здѣсь: Іаковъ въ Іерусалимѣ, Іоаннъ въ Малой Азіи, Петръ въ Сиріи.

Шестое преимущество апостольскаго служенія было такое обиліе въ чудесныхъ дарованіяхъ, что казались они въ нихъ не способностію, не силою, но какъ бы непрестаннымъ сверхъестественныхъ силъ дѣйствованіемъ. Они говорили на неизвѣстныхъ имъ

прежде языкахъ, изгоняли духовъ, уничтожали силу ада, врачевали больныхъ, воскрешали мертвыхъ. Ихъ чудотворенія славны въ разсужденіи способа совершенія: ибо совершаемы были и словомъ, и прикосновеніемъ, и мановеніемъ, даже тѣнію въ глазахъ безчисленнаго множества людей, въ глазахъ непримиримыхъ ихъ враговъ; важны въ разсужденіи цѣли и дѣйствія: ибо спасительны были для сердца врачуемыхъ, благовременны и пріятны несчастнымъ, славны Богу, сильны къ утвержденію величія Божія какъ и къ разрушенію лести идольской, всякаго суевѣрія, нечестія, коварства. Правда и многіе другіе въ первенствующей церкви изобиловали даромъ чудотвореній: но сообщать самый даръ чудотвореній никому не дано было, кромѣ апостоловъ (Τὸ πνεῦμα διδόναι τοῖς βαπτιζομένοις τοῦτο τὸ δῶρον μόνων τῶν δώδεκα ἦν. Chris. in Act. Hom. XVIII).

Седьмое, наконецъ, преимущество служенія апостольскаго было право писать каноническія сочиненія и вотъ почему. Павелъ вездѣ почти въ началѣ своихъ посланій пишетъ: *Павелъ апостолъ*.... (равно какъ Петръ, Іаковъ, Іуда); и вотъ почему что́ написалъ церквамъ, то поставилъ для нихъ неизмѣннымъ правиломъ: въ своемъ посланіи къ Тимоѳею начерталъ образъ исправленія ему своего служенія въ церкви. Такъ апостольскую свою власть писанія обнаруживаетъ и въ другихъ своихъ посланіяхъ къ Коринѳянамъ, къ Галатамъ. Не посему ли въ древности евангеліе Луки—писателя и апостола приписывали Павлу и евангеліе Марка—Петру? Не посему ли и Игнатій полагаетъ различіе между своими и Петровыми Павловыми писаніями? Не какъ Петръ или Павелъ, говоритъ онъ къ Римлянамъ, заповѣдаю вамъ: тѣ апостолы, а я ничто ἐγὼ δὲ ἐλάχιστος.

Итакъ вотъ преимущества апостольскаго служенія,

которыя признавали всѣ отъ самой древности и которыя не признавать—почитать апостоловъ обыкновенными учителями,—значитъ соглашаться признать совершенную свою слѣпоту.

Уже изъ раскрытія сихъ преимуществъ служенія апостольскаго само собою открывается, что носившіе оное въ разсужденіи своихъ правъ должны быть всѣ между собою равны и, слѣдовательно, что тѣ не справедливо поступаютъ, которые однимъ изъ апостоловъ усвояютъ какое то первенство власти и унижаютъ другихъ, дѣлая ихъ подчиненными оныхъ. Каждый можетъ видѣть, что сіе замѣчаніе направлено противъ важнаго предмета спора латинской со всѣми другими церквами о первенствѣ и власти ап. Петра надъ прочимъ ликомъ апостольскимъ, на которыхъ утверждаетъ первенство и власть церковь римская надъ всѣми прочими церквами. Важность, каковую имѣетъ сей вопросъ въ исторіи церкви, обращаетъ на него наше вниманіе. При разрѣшеніи онаго испытаемъ прежде предлагаемыя основанія рѣшенія онаго въ церкви католической. Потомъ изслѣдуемъ, было ли дѣйствительно въ намѣреніи Іисуса Христа дать церкви видъ единоначальнаго правленія и поручить сіе единоначаліе ап. Петру? Наконецъ, какъ въ семъ отношеніи смотрѣлъ на себя самъ ап. Петръ и какъ смотрѣли на него его соапостолы?

Церковь католическая утверждаетъ, что ап. Петру дано было Самимъ Іисусомъ Христомъ первенство власти надъ прочими апостолами, слѣдовательно верховная власть надъ всею церковію (ибо власть апостоловъ была высшая въ церкви и имѣть первенство надъ апостолами значитъ имѣть верховную власть надъ всею церковію) и свое мнѣніе утверждаетъ:

1) на слѣдующихъ словахъ Іисуса Христа, ап. Петру сказанныхъ: *и азъ же тебѣ глаголю, ты еси*

Петръ и на семъ камени созижду церковь мою (Мѳ. 16, 18). Повидимому здѣсь за вѣрность Петрова исповѣданія обѣщается ему быть основаніемъ всей церкви христіанской, или, что тоже, главою. Но разсматривая различные образы изъясненія оныхъ словъ Спасителя у древнихъ и новыхъ изъяснителей св. писанія, изъ коихъ одни—слова: *на семъ камени* относятъ къ Іисусу Христу, что напряженно, хотя само въ себѣ не содержитъ противорѣчія; другіе ко всѣмъ апостоламъ, что не ясно; иные къ одному ап. Петру, что не вѣрно, поелику основаніемъ главнымъ паче лежащаго никто болѣе быть не можетъ, а вторичнымъ, о которомъ говоритъ ап. Павелъ: *назданы бывше на основаніи апостолъ и пророкъ*—суть всѣ апостолы; и такъ повторяю—сличая всѣ сіи мнѣнія между собою, не находимъ ближе къ истинному того, которымъ въ семъ камнѣ указывается оное исповѣданіе вѣры Петровой: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго.* Ты Петръ, говоритъ ему въ отвѣтъ, тебѣ имя каменный: но отчего и за что сіе наименованіе? Очевидно, не за сіе исповѣданіе, которое, какъ Самъ Спаситель замѣтилъ, открылъ ему Отецъ Небесный, но отъ того камня, который тебѣ первому дано было положить въ основаніе церкви; отъ того исповѣданія, которое необходимо для всякаго приходящаго въ церковь, какъ основаніе его вѣры. *И врата адовы не одолѣютъ ей*; духъ тьмы со всѣми силами ада будетъ стараться поколебать ее въ самомъ семъ основаніи: онъ найдетъ себѣ на землѣ орудія, чрезъ которыхъ, отнявъ у меня жизнь, возмнитъ доказать міру, что я не Христосъ Сынъ Бога живаго: но врата адова не одолѣютъ—Сыну Божію не мощно держиму быти отъ смерти. Я возстану и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго, тебѣ дамъ первому ввести въ церковь мою іудеевъ и язычниковъ:

и еже сице свяжеши на земли, связано будетъ на небеси и еже разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ. Силою власти апостольской ты съ прочими братіями по внушенію Духа будешь возвѣщать новый законъ благодати, и отмѣнишь ветхій законъ Моисеевъ.

2) на слѣдующихъ словахъ Іисуса Христа ап. Петру: *азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся утверди братію твою* (Лук. 22, 31) и

3) (Іоан. 21, 15. 16. 17) *паси агнцы моя* и *паси овцы моя*. Но что отсюда слѣдуетъ къ утвержденію власти ап. Петра надъ апостолами? Іисусъ Христосъ повелѣваетъ ему утвердить нѣкогда братію: но замѣчаетъ, что самъ прежде другихъ падетъ и долженъ думать объ обращеніи: *обращся*. Ты падешь: ты отречешься отъ меня, но я возставлю тебя съ тѣмъ, чтобы ты утвердилъ, исправилъ, поставилъ тверже и прочіе столпы моей церкви, твоихъ братьевъ, имѣющихъ также поколебаться въ своей вѣрѣ. Утверди, но не утверждай надъ ними своего владычества. Пасти же овецъ поручено не одному Петру, но и всѣмъ апостоламъ. Въ указываемомъ мѣстѣ для того послѣ троекратнаго исповѣданія любви ввѣряется ему служеніе стаду Христову, что онъ троекратнымъ своимъ отреченіемъ отъ Христа сдѣлалъ себя въ глазахъ прочихъ недостойнымъ онаго.

Итакъ предлагаемыя основанія верховной власти Петра надъ всею церковію не имѣютъ сами твердости. Обратимъ вниманіе на то, согласно ли еще такое единовластіе въ церкви съ волею Іисуса Христа? У учениковъ произошелъ споръ о томъ, кто изъ нихъ долженъ почитаться бо̀льшимъ? вопросъ—къ нашему дѣлу. Посмотримъ только, какъ рѣшилъ его Небесный Учитель; и изъ его отвѣта выведемъ рѣшеніе

своего вопроса. Онъ же рече имъ: *царіе языкъ господствуютъ ими и обладающіе ими благодѣтели нарицаются. Вы же не тако: но болій въ васъ да будетъ яко мній: и старѣй яко служай* (Лук. 22, 25. 26). Что отсюда видно? видно, что Іисусъ Христосъ ни одному большему и начальствующему въ своей церкви не хотѣлъ дать верховной, независимой, самодержавной царской власти. Далѣе еще присовокупляемъ: и *Азъ завѣщаваю вамъ якоже завѣща мнѣ Отецъ мой царство;* но и здѣсь завѣщавается царство не одному, но всѣмъ; никто не сдѣланъ верховнымъ распорядителемъ онаго, всѣмъ равные престолы: *и сядете на престолѣхъ.* Правда, Іисусъ Христосъ отличалъ Петра предъ прочими любовію и довѣренностію напр. на Ѳаворѣ, въ дому Іаира, на горѣ масличной, въ саду Геѳсиманскомъ: но никогда одного, а всюду вмѣстѣ съ Іаковомъ и Іоанномъ, иногда съ Андреемъ, притомъ еще Іоаннъ именуется по преимуществу возлюбленнымъ ученикомъ Господа: *его же любляше Іисусъ.* Но какъ нельзя согласиться, чтобы Іисусъ Христосъ отличною своею довѣренностію къ симъ ученикамъ хотѣлъ всѣмъ дать первенство власти, ибо это невозможно, то слѣдуетъ, что ни симъ, ни одному Петру, ни кому либо другому Іисусъ Христосъ не хотѣлъ поручить и управленіе всею церковію.

Покажемъ наконецъ, какъ смотрѣлъ на сіе единовластіе въ церкви и какъ думалъ о себѣ въ семъ отношеніи самъ ап. Петръ, и какъ думали о томъ другіе апостолы?

Получившій себѣ имя отъ камня церкви въ своемъ посланіи указываетъ единый живой камень отъ человѣкъ уничиженный, отъ Бога же избранный, къ которому всѣ вѣрующіе, подобно какъ и онъ Петръ, должны приступать, и сами, какъ живые камни, ус-

троять изъ себя домъ духовный (1 Петр. 2, 4. 5). Очевидно здѣсь между Іисусомъ Христомъ—основаніемъ дома Божія и вѣрующими зиждимыми камнями церкви не полагается никакого еще посредствующаго камня—Петрова или чьего либо т. е. все зданіе держится на одномъ основаніи; и какъ оно есть храмъ духовный, то въ его строеніе не должно входить ничто отъ міра и не надобно искать для его крѣпости какихъ либо связей человѣческихъ напр. единоверховнаго владычества.

Тотъ же ап. Петръ, пиша къ пресвитерамъ, называетъ себя сопресвитеромъ ихъ; учитъ пасти стадо *не яко обладающе* ему, указываетъ единаго Пастыреначальника Іисуса (2 Петр. 5, 1. 3. 4). Такъ писать несвойственно бы было верховному правителю церкви.

Не такъ какъ на верховнаго правителя церкви смотрѣли на него и прочіе апостолы, когда напр., ап. Павелъ писалъ:

a) *наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ* (Еф. 2, 20), и не отличилъ здѣсь никого изъ апостоловъ, какъ преимущественное основаніе.

b) *Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. 4, 11.), и не сказалъ, чтобы къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія для созиданія тѣла Христова поставилъ тотъ же Іисусъ Христосъ изъ апостоловъ видимою главою церкви Петра.

Когда c.) усвояетъ себѣ равную область въ церкви съ областью Петра: *увѣрено ми бысть благовѣстіе необрѣзанію, якоже Петру обрѣзанію* (Гал. 2, 7).

Когда d.) поставляетъ между столпами церкви не

одного Петра, но первѣе Іакова и притомъ еще Іоанна (Гал. 2, 9).

Когда e.) говоритъ, что сіи *мниміи столпи* ему дали свои десницы, чтобы ему идти во языки, а имъ въ обрѣзаніе (Гал. 2, 9), чего не должно бы было быть, когда бы Петръ одинъ имѣлъ верховное право распоряжаться всѣми служеніями и служителями церкви.

Когда f). говоритъ христіанамъ: *аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть; вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 22. 23.), что и онъ, и Петръ, и всѣ апостолы по своему званію равные служители церкви, церковь же Христова, Христосъ же Божій.

Когда g.) въ лице противостоитъ Петру въ Антіохіи (Гал. 2, 11).

Когда h.) собраніе апостоловъ отправляетъ Петра и Іоанна въ Самарію для преподанія Духа Святаго. *Слышавше же иже въ Іерусалимѣ апостоли, яко пріятъ Самарія слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Іоанна.* Можетъ ли быть посылаемъ начальникъ своими подчиненными?

Когда, наконецъ, i.) въ трудныхъ дѣлахъ прибѣгали къ рѣшенію собора, а не мнимаго верховнаго всей церкви предстоятеля.

Итакъ не будемъ отрицать, что во многихъ случаяхъ Петръ имѣлъ предъ апостолами первенство порядка, но никогда—первенство власти.

Далѣе, къ чрезвычайнымъ лицамъ іерархіи временъ апостольскихъ принадлежали *пророки*. Въ исчисленіи различныхъ степеней служенія церкви, какое дѣлаетъ ап. Павелъ въ посланіи къ Ефес. 4, 11 и 1 Кор. 13, 28, они стоятъ непосредственно послѣ апостоловъ и выше такъ называемыхъ *учителей*. Слу-

женіе ихъ церкви состояло или въ предвозвѣщеніи цѣлому обществу христіанъ, въ частности кому либо изъ членовъ церкви будущей судьбы, что собственно значитъ пророчествовать, или въ изъясненіи пророчествъ и прообразованій древнихъ примѣнительно къ ученію Іисуса Христа и апостоловъ: ибо должно знать, говоритъ ап. Петръ, что никакого пророчества въ писаніи нельзя разрѣшить самому собою (2 Петр. 1, 20). Перваго рода—былъ напр. Агавъ, предвѣщавшій въ Антіохіи всей землѣ голодъ (Дѣн. 11, 27. 28), а въ Кесаріи Павлу узы (21, 11.); послѣдняго—напр. Іуда и Сила, подтверждавшіе въ Антіохіи своимъ ученіемъ опредѣленіе апостольскаго собора (15, 32). Но подтверждать оное было нельзя предсказаніями, а развѣ изъясненіемъ относящихся къ сему предмету древнихъ пророчествъ. Въ разсужденіи послѣдняго разряда пророчествующихъ Павелъ даетъ особыя правила въ 1-мъ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ (14) и именно: пророки пусть говорятъ двое или трое (въ одно собраніе), а прочіе пусть разсуждаютъ, т. е. о томъ, что сіи говорятъ. Если же другому изъ сидящихъ будетъ откровеніе: то первый молчи. Ибо всѣ одинъ за другимъ можете пророчествовать... (29. 30. 31). И духи пророковъ подчинены пророкамъ (32). Бывающія отъ Бога внушенія не такъ насильственны, чтобы нельзя было удержаться произносить оныя другимъ (какъ бываетъ при вдохновеніяхъ духа тьмы); а удержаться надобно, когда самъ Богъ яснѣйшимъ откровеніемъ повелѣваетъ говорить другому; наконецъ: братія мои, съ ревностію желайте пророчествовать (39).

Евангелисты — писатели и благовѣстники (Еф. 4, 11).

Къ степенямъ іерархіи постоянно принадлежали:

1. *Епископы*. Неопредѣленность свидѣтельствъ св.

писанія касательно происхожденія сего званія отъ апостоловъ [1]) разрѣшается множествомъ ясныхъ свидѣтельствъ послѣдующихъ писателей, въ достовѣрности которыхъ не можемъ сомнѣваться. Такъ пишетъ Тертулліанъ: ordo episcoporum, ad originem recensus, in Iohannem stabit avctorem (adver. Marcion. L. 4. c. 5). Такъ пишетъ Климентъ Александрійскій объ Іоаннѣ Богословѣ: quum ex insula Patmo Ephesum rediisset ad finitimas quoque provincias se contulerit, ut episcopos constitueret... (In orat. quis dives salvetur). Иринеій показываетъ, какіе гдѣ поставлены по городамъ епископы отъ апостоловъ; говоритъ о своемъ учителѣ св. Поликарпѣ, епископѣ Смирнскомъ, что онъ поставленъ въ епископа отъ Іоанна Богослова. Сего послѣдняго рода свидѣтельство находимъ у Евсевія, Епифанія и Іеронима. Отличительныя права епископа предъ пресвитеромъ были слѣдующія: 1.) сей всѣ дѣйствія по церкви долженъ былъ совершать не иначе какъ съ вѣдома своего епископа: того напр. требуетъ Игнатій въ своемъ посланіи къ Смирнянамъ, запрещая безъ онаго совершать и крещеніе и вечерю (ἀγάπη). 2.) Нѣкоторыя священнодѣйствія исключительно принадлежали епископу, какъ поставленіе пресвитеровъ. 3.) Епископъ имѣлъ право вызывать къ суду неисправныхъ пресвитеровъ, но не наоборотъ. Что въ нѣкоторыхъ церквахъ былъ не одинъ епископъ, это очевидно изъ по-

---

[1]) Сію неопредѣленность находимъ не только тамъ, гдѣ имя епископовъ безъ различія употребляется съ именемъ пресвитеровъ, какъ Дѣян. 20, 17. 28, но и тамъ, гдѣ повидимому должно разумѣть слова писанія объ однихъ епископахъ: а) въ посланіяхъ ап Павла къ Тимоѳею. Хотя здѣсь предписываются ему такія правила, которыя, казалось бы, не могли относиться къ простому пресвитеру, но на что не имѣлъ права простой пресвитеръ, то не имѣлъ ли права совершать сотрудникъ апостольскій, каковъ былъ Тимоѳей? в) въ посланіи къ Титу. Сн. 1, 5 съ 6 и 7. Изъ апокалипсиса ничего о происхожденіи епископства отъ апостоловъ заключить нельзя.

сланія ап. Павла къ Филипписеямъ 1, 1. *Павелъ... всѣмъ святымъ... въ Филиппѣхъ съ епископы и діаконы.* Нѣкоторые догадываются посему, что вообще въ каждомъ городѣ, гдѣ христіане были не изъ однихъ іудеевъ и не изъ однихъ язычниковъ, было по два епископа, у тѣхъ и другихъ по одному своему, и сію мысль свою подтверждаютъ тѣмъ, что находятъ въ нѣкоторыхъ церквахъ именно по два епископа при апостолахъ: въ Римѣ Лина и Анаклета; въ Антіохіи Еводія и Игнатія. Впрочемъ, могло статься, что сіи стоящіе на второмъ мѣстѣ епископы Анаклетъ и Игнатій поставлены апостолами и по случаю смерти первыхъ.

2. *Пресвитерами-старцами* именовались у іудеевъ и судіи и начальники синагогъ (patres synagogarum). Должность пресвитеровъ христіанскихъ учить и священнодѣйствовать; права—быть совѣтниками епископовъ какъ напр. на соборѣ іерусалимскомъ Дѣян. 15, 6, и возлагать свои руки при посвященіи вмѣстѣ съ посвящающими (1 Тим. 4, 14. 2 Тим. 1, 6).

3. *Діаконы.* Причина и мѣсто первоначальнаго учрежденія сей степени священства; должности: попеченіе о трапезѣ, служеніе при таинствахъ и проповѣданіе.

Діакониссы. Ихъ первоначальное состояніе—вдовицы; должность,—не степень священства [1]).

Давщи церкви пастырей, которые должны были представлять въ себѣ вѣрнымъ образъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. 4, 12),

---

[1]) Для подробнѣйшихъ свѣдѣній о степеняхъ церковныхъ сего и послѣдующихъ вѣковъ можно съ пользою читать у Свицера подъ частными ихъ наименованіями и въ историческихъ разсужденіяхъ: 1) О чинахъ греко-россійской церкви; 2) О началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій; 3) О древнемъ богослужебномъ пѣніи; 4) О сходствѣ алтарныхъ украшеній нашей церкви съ древними. Москва 1817.

апостолы однако же и сами и своимъ преемникамъ показали примѣръ по частному усмотрѣнію или по общему совѣщанію установлять новыя правила, относящіяся 1., до сохраненія чистоты вѣры и нравовъ и неповрежденности ученія какъ въ цѣломъ обществѣ церкви, такъ и въ каждомъ изъ принадлежащихъ къ оному и 2., до установленія сколько можно болѣе единообразнаго и постояннаго порядка во внѣшнемъ устроеніи оной. Первое касалось внутренняго, второе— внѣшняго благосостоянія церкви. Отъ перваго зависѣла и поддерживалась здравость всего тѣла церкви; послѣднимъ сообщалось приличное оному тѣлу одѣяніе и благолѣпіе. Первое какъ важнѣйшее заключено ими въ собственныхъ ихъ писаніяхъ, послѣднее по большей части сохранилось для насъ въ видѣ преданія, болѣе или менѣе близкаго къ апостоламъ и болѣе или менѣе чистаго, въ писаніяхъ послѣдующихъ отцевъ церкви и въ особенности въ такъ называемыхъ правилахъ апостольскихъ. Пастырямъ церкви послѣдующихъ временъ апостолы для тѣхъ же нуждъ въ особенныхъ случаяхъ показали примѣръ прибѣгать къ общему совѣщанію въ своемъ соборѣ іерусалимскомъ. Скажемъ о всѣхъ сихъ предметахъ подробнѣе.

Ограждая чистоту вѣры и нравовъ церкви, апостолы естественно должны были имѣть въ виду два рода людей, сохраняющихъ и не сохраняющихъ оную, и имѣть попеченіе о здравыхъ и немощныхъ или уже и отпадшихъ членахъ церкви. По сему разсужденію будемъ разсматривать и правила ихъ относительно сохраненія оной чистоты.

Для первыхъ верхомъ своихъ требованій апостолы поставляли, чтобы ученію, которое приняли, были послушны отъ сердца, и правдѣ, къ которой призваны, совершенно себя поработили: благодареніе Богу, что вы, бывъ прежде рабами грѣху, сердечно стали по-

слушны образу того ученія, которое приняли; и свободясь отъ грѣха стали рабами правдѣ (Рим. 6, 17. 18); посему внушали вѣрующимъ, чтобы они всегда держались образа здравыхъ словесъ съ вѣрою и любовію во Христѣ Іисусѣ и хранили залогъ Духа Святаго, живущаго въ нихъ (2 Тим. 1, 13. 14.), то помазаніе отъ Святаго, которое учитъ всему, что̀ для спасенія нужно (1 Іоан. 1, 27.), все испытывали и хорошее удерживали (1 Сол. 5, 20.), не всякому духу вѣрили, но испытывали духовъ, отъ Бога ли они (1 Іоан. 4, 1.). Такихъ людей, которые учатъ иному и не слѣдуютъ здравымъ словамъ Господа Іисуса Христа и ученію, которое по благочестію,—которые, ничего не зная, заражены страстію къ состязаніямъ и словопреніямъ, отъ коихъ рождаются зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія,—удалялись (1 Тим. 6, 3. 4. 5.). Еретика по первомъ и второмъ вразумленіи отвращались (Тит. 3, 10). Какъ новорожденные младенцы любили одно чистое словесное млеко, дабы отъ него возрасти во спасеніе (1 Петр. 2, 2.). И въ тоже время старались всѣ достигать въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ зрѣлость мужа, въ мѣру полнаго возраста Христова, дабы не быть такими младенцами, которыхъ можетъ колебать всякій вѣтръ ученія по лукавству человѣковъ, по хитрому искуству обольщенія (Еф. 4, 13. 14.), не сообразовались съ вѣкомъ, но преобразовались обновленіемъ ума, дабы узнавать, что въ отношеніи къ волѣ Божіей хорошо, благоугодно и совершенно; не мудрствовали паче еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовали въ цѣломудріи *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (Рим. 12, 2. 3.), служили другъ другу тѣмъ даромъ, какой кто получилъ, какъ вѣрные домостроители многоразличной благодати Божіей (1 Петр. 4, 10). Если кому дано пророчество, пророчество-

валъ бы соотвѣтственно вѣрѣ; если служеніе, пребывалъ бы въ служеніи; если кто учитель—въ ученіи; если увѣщатель—въ увѣщаніи; если раздаетъ, раздавалъ бы въ простотѣ; если начальникъ, начальствовалъ бы рачительно; если дѣлаетъ дѣла милосердія, дѣлалъ бы съ радостію; любовь была бы непритворна; отвращались бы зла; прилѣплялись къ добру, были братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію; отдавали одинъ другому предпочтеніе; были тщательны, неослабны, духомъ пламенны, въ бѣдствіи терпѣливы, въ молитвѣ постоянны, помогали въ нуждахъ святымъ; упражнялись въ страннопріимствѣ; благословляли гонителей; радовались съ радующимися, плакали съ плачущими; были единомысленны между собою; если возможно и сколько зависитъ отъ самихъ, со всѣми людьми жили въ мірѣ (Рим. 12, 6—18.); властямъ предержащимъ повиновались, и повиновались не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти; отдавали всякому что должно: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь (Рим. 13, 1. 7.); впрочемъ не дѣлались бы рабами человѣковъ (1 Кор. 7, 23.); въ случаѣ нужды судились лучше у своихъ, нежели у невѣрныхъ (1 Кор. 6, 1—6.), повиновались паче Богу, нежели человѣкамъ (Дѣян. 5, 29.). Кто страждетъ какъ христіанинъ, *да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей* (1 Пет. 4, 16.). Каждый пусть остается въ томъ званіи, въ какомъ призванъ; рабомъ ли кто призванъ, не безпокойся; но если можетъ сдѣлаться и свободнымъ, воспользуйся (1 Кор. 7, 20. 21.); рабы должны быть послушны господамъ своимъ по плоти съ уваженіемъ и страхомъ въ простотѣ сердца, какъ Христу, не при глазахъ только служа, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божію отъ души (Еф. 6, 5. 6.). Господа же обя-

заны доставлять рабамъ должное и справедливое, зная, что и сами имѣютъ Господа на небесахъ (Кол. 4, 1.). Холостымъ и вдовымъ хорошо оставаться въ своемъ состояніи, но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ: кто же твердо положилъ въ сердцѣ своемъ оставить дѣвицу свою незамужнею, тотъ хорошо дѣлаетъ (1 Кор. 7, 8. 9. 37.). Если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, но она хочетъ съ нимъ жить, то онъ не долженъ оставлять ее (12.). Молодыя вдовицы пусть вступаютъ въ браки, рождаютъ дѣтей, управляютъ домомъ и не подаютъ противнику никакого случая къ злорѣчію (1 Тим. 5, 14.). Мужъ пусть отдаетъ женѣ должное подобно и жена мужу (1 Кор. 7, 3.); впрочемъ пусть помнятъ, что имѣющіе женъ должны быть какъ неимѣющіе (29.). Отцы недолжны дѣтей своихъ огорчать, но воспитывать ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (Еф. 6, 4.). Дѣти должны повиноваться родителямъ для Господа. Юноши—быть благонравны (Тит. 2, 6). Старцы—трезвенны, степенны, скромны, здравы въ вѣрѣ, въ любви, терпѣніи; старицы также одѣвались бы прилично святымъ, не были клеветницы, не порабощались бы пьянству, учили добру (2. 3.). Пастырямъ церкви предписывали проповѣдывать слово постоянно, во время и не во время, обличать, угрожать, увѣщавать со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 Тим. 4, 2), заниматься чтеніемъ слова Божія (1 Тим. 4, 12.), глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній уклоняться, не ссориться, но быть привѣтливыми ко всѣмъ, учительными, незлобивыми, съ кротостію наставлять противниковъ: не дастъ ли имъ Богъ обращенія къ познанію истины (2 Тим. 2, 23—25). Паствѣ завѣщали повиноваться своимъ наставникамъ (Евр. 13, 7.), воспоминать о нихъ (7), уважать трудящихся и начальствующихъ въ Господѣ и почитать ихъ преимущест-

венно съ любовію за дѣла ихъ (1 Сол. 5, 12. 13.), наставляемымъ дѣлиться всѣмъ добромъ съ наставникомъ (Гал. 6, 6.). Вообще всѣхъ учили не оставаться никому ничѣмъ должнымъ кромѣ любви, немощи немощныхъ носить, и не себѣ угождать; словомъ, что ни дѣлаютъ, словомъ или дѣломъ, все дѣлать во имя Господа Іисуса Христа, благодаря Бога и Отца чрезъ Него (Кол. 3, 17.).

Въ отношеніи къ заблуждающимъ умоляли всѣхъ и каждаго безчинныхъ вразумлять, малодушныхъ утѣшать, слабыхъ поддерживать и долготерпѣть ко всѣмъ (1 Сол. 5, 14). Кто несмотря на увѣщанія и убѣжденія церкви слову Божію не повинуется, таковаго имѣть въ замѣчаніи и не сообщаться съ тѣмъ, дабы устыдить его, впрочемъ не почитать его за врага, а исправлять какъ брата (2 Сол. 3, 12. 14. 15.). Кто, называясь братомъ, есть блудникъ, или сребролюбецъ, или идолослужитель, или злорѣчивъ, или піяница, или хищникъ: съ таковыми даже и не ѣсть вмѣстѣ (1 Кор. 5, 11), но извергать развращенныхъ изъ среды себя (13); зараженныхъ грѣхами тяжкими, не только оскверняющими имя христіанина, но рѣдкими и между язычниками,—отлучать отъ церкви съ общественнымъ плачемъ (1 Кор. 5, 1. 2.); смущающихъ церковь и превращающихъ Евангеліе Христово предавать анаѳемѣ (Гал. 1, 7—9.); равно кто не любитъ Господа Іисуса Христа—анаѳема, маранаѳа (1 Кор. 16, 22.). Апостолы кромѣ сего поражали иногда противниковъ Евангелія чудесными казнями тѣлесными (Дѣян. 13, 11.) или предавали сатанѣ (1 Тим. 1, 29.) въ изможденіе плоти, да духъ спасется (1 Кор. 5, 5.); но ни права, ни силы не оставили совершать тоже и церкви.—

Всѣ сіи правила, коими ограждалась чистота ученія и нравовъ церкви, открыто содержатся въ св. пи-

саніи. Правила, касающіяся единообразнаго устроенія порядка церковнаго по большей части сохранились въ одномъ преданіи. Понятіе о преданіяхъ нѣтъ нужды намъ ограничивать. Преданіе или то, что было оставляемо преданію, дополняло правила апостоловъ писанныя. Апостолы не занимались только тѣмъ, чтобы писать книги, говоритъ Евсевій (L. III. c. XXIV; σπουδῆς τῆς περὶ τὸ λογογραφεῖν μαχρὰν ποιούμενοι φροντίδα.). Посему многое, чему они учили и что различнымъ церквамъ заповѣдали во время личнаго своего у нихъ пребыванія, или совсѣмъ должно было затеряться или сохраниться только въ преданіи. Ириней въ свое время дѣйствительно (l. II, 2.) ссылался на преданіе какъ на остатки ученія апостоловъ, хранимыя въ церквахъ чрезъ преемство пресвитеровъ. Евсевій пишетъ о Папіѣ, ученикѣ Іоанна Богослова, что онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія, что говорилъ Андрей, Петръ и другіе ученики Господа, не надѣясь получить столько пользы отъ чтенія книгъ, сколько отъ устнаго наставленія остававшихся въ жизни ихъ слушателей (οὐ γὰρ τὰ ἐκ τῶν βιβλίων τοσοῦτόν με ὠφελεῖν ὑπελάμβανον, ὅσον τὰ παρὰ ζώσης φωνῆς καὶ μένσης Eccles. Hist. lib. III, c. 39).—Въ семъ преданіи заключались конечно болѣе, нежели одни постановленія, касающіяся церкви: Ириней вызываетъ на судъ сего преданія лжеученія еретиковъ отступившихъ отъ церкви въ самыхъ главныхъ догматахъ вѣры. Извѣстно также и то, что самое символическое ученіе отъ временъ апостольскихъ, сохранялось только чрезъ преданіе. Впрочемъ, что̀ входило сюда, частію и особыя распоряженія, и установленія апостоловъ касательно порядка и благочинія церкви, можно видѣть напр. изъ словъ Тертулліана въ разсужденіи одного церковнаго учрежденія: si legem postulas scripturarum, nullam invenies: traditio tibi praetendetur auctrix, consuetudo confirma-

trix, et fides observatrix (Lib. de coron. milit. c. 4. August. Epis. 118 et 119 См. 1 Тим. 3, 14. 15. 2 Сол. 2, 15.). Таковаго рода установленія преемственно сохранялись въ непрестанномъ употребленіи церкви, и были по временамъ случайно или нарочито заносимы и въ книги древними отцами и учителями церкви.

Первый древнѣйшій памятникъ таковаго собранія преданій касательно внѣшняго устроенія церкви есть книга *правилъ апостольскихъ*. Что наименованія оныхъ правилъ апостольскими не должно принимать въ томъ смыслѣ, будто они точно въ томъ видѣ и количествѣ принадлежатъ апостоламъ, въ какихъ имѣемъ оныя нынѣ: въ томъ нельзя сомнѣваться потому, что находимъ въ числѣ оныхъ такія, которыя апостоламъ и даже ихъ временамъ принадлежать не могли; именно: *правиломъ VII* воспрещается праздновать пасху съ Іудеями прежде весенняго равноденствія; но о времени празднованія пасхи еще только споръ былъ въ концѣ II-го вѣка; и если бы самими апостолами было сдѣлано касательно сего установленіе, то Виктору и церквамъ азіатскимъ было бы удобно рѣшить оный ссылкою на правило апостольское. *Правило XXII* воспрещаетъ скопцу, скопившему самого себя, быть клирикомъ: Димитрій еп. Александрійскій въ семъ обвинялъ и за сіе требовалъ низложенія Оригена: но если бы было въ то время извѣстно оное постановленіе апостольское, то безъ сомнѣнія сіе дѣйствіе Оригена не было бы защищаемо Александромъ, епископомъ Іерусалимскимъ и Ѳеоктистомъ, епископомъ Кесарійскимъ, которые, когда онъ былъ изгнанъ по обвиненію Димитрія изъ Александріи, дали ему у себя не только пріютъ, но ему одному поручили у себя проповѣдывать слово (Евсев. Церков. Истор. Кн. VI, гл. 8 и 27.). Притомъ такое постановленіе не

могло быть во времена апостоловъ и потому, что, безъ сомнѣнія, должно быть введено по случаю усиленія таковаго безпорядка въ церкви; но во времена апостоловъ не видно и начала онаго. *Правило XXVII* дозволяетъ бракъ изъ поступившихъ въ клиръ въ безбрачномъ состояніи только чтецамъ и пѣвцамъ, но и степеней сихъ во времена апостоловъ не находимъ. *Правила XXXIV и XXXV* говорятъ объ отношеніяхъ епископовъ къ своему первому (τὸν ἐν αὐτοῖς πρῶτον) какъ къ главѣ (т. е. митрополиту) и о правахъ епископа только надъ своею парикіею: но ни сихъ первыхъ, ни раздѣленія парикій во времена апостоловъ не встрѣчаемъ. *Правило LII*, которое подвергаетъ извержению епископа и пресвитера, непринимающихъ обращающихся къ церкви съ покаяніемъ, направлено противъ еретиковъ Монтанистовъ и Новаціанъ, которые существовали во II и III вѣкѣ. *Правило LXVI* подвергаетъ извержению клирика и отлученію мірянина, постящихся въ субботу (кромѣ одной субботы πλὴν τοῦ ἑνὸς μόνου σαββάτου т. е. великой): но сего обычая во времена апостоловъ не находимъ; его вводилъ - было еретикъ Маркіонъ, но за то церковію осужденъ, и кажется противъ него прямо стоитъ это правило. *Правило LXIX* повелѣваетъ соблюдать постъ четыредесятницы и посты въ среду и пятокъ: но и первый еще былъ предметомъ сомнѣній во времена Иринея; а о послѣднихъ никакихъ свидѣтельствъ древнихъ не находимъ. Далѣе говорится въ сихъ правилахъ о елеѣ, сосудахъ златыхъ и серебряныхъ, завѣсахъ; исчисляются св. книги съ ветхими и Новаго Завѣта, что не можетъ принадлежать апостоламъ. Въ правилахъ XLII, XLVI и XLVII отвергается крещеніе еретиковъ: но о семъ во времена апостоловъ еще и не разсуждали. Итакъ очевидно, что сіи правила не суть собственно апостольскія, впрочемъ древнія и не

позже какъ въ концѣ третьяго вѣка собранныя. Это доказывается тѣмъ, что у писателей четвертаго и пятаго вѣка они уже приводятся подъ общимъ именемъ: canones или canones antiqui и canones ecclesiastici. (Такъ Аѳанасій Александрійскій пишетъ: οὐ γὰρ νῦν κανόνες καὶ τύποι ταῖς ἐκκλησίαις ἐδοθησαν, ἀλλ' ἐκ πατέρων ἡμῶν καλῶς καὶ βεβαίως παρεδοθησαν et caet. ad ubique Orthodox. T. 1. p. 943. Conf. pag. 945. ubi ἐκκλησιαστικοὶ κάνονες; тоже у Василія Великаго и на Никейскомъ соборѣ). Мнѣніе сіе подтверждается тѣмъ, что обычаямъ и нравамъ сихъ вѣковъ ничего противнаго въ нихъ уже не находится. Касательно же настоящаго ихъ вида должно замѣтить, что 1) эти правила первоначально составлены вѣроятно изъ опредѣленій соборовъ, бывшихъ во II и III вѣкахъ на основаніи преданій апостольскихъ, ибо многія изъ оныхъ прямо направлены противъ извѣстныхъ во II и III вѣкахъ заблужденій и ересей; а соборы въ сіи времена были часто, и, какъ извѣстно изъ свидѣтельства Тертулліана, соборы занимались между прочимъ и общими разсужденіями о всѣхъ древнѣйшихъ постановленіяхъ (agentur praecepta per Graecias illas certis in locis concilio ex universis ecclesiis, per quae et altiora quaeque in commune tractantur, et ipsa repraesentatio totius nominis christiani magna veneratione celebratur); и соборъ Никейскій—1-й вселенскій—ничего новаго не вводилъ, но постановилъ держать древніе обычаи (τὰ ἀρχαῖα ἔθη κρατείθω Can. VI). 2) Притомъ должно думать, что сіи правила составлены были не всѣ вдругъ: отъ чего у нѣкоторыхъ считалось ихъ менѣе; напр. Діонисію Малому они извѣстны были только въ числѣ 50; въ нынѣшнемъ сборникѣ ихъ 85; въ нашей Кормчей къ симъ приложены еще 17 правилъ ап. Павла и 17—Петра и Павла, и два общія всѣхъ апостоловъ. Общепринят-

тое число ихъ есть среднее 85. 3) Собраны и отчасти повреждены сіи постановленія писателемъ заповѣдей апостольскихъ (Constitutiones apost.), который, въ послѣднемъ правилѣ предложивъ исчисленіе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ, какъ досточтимыхъ и святыхъ (σεβάσμια καὶ ἅγια), съ ними наравнѣ поставляетъ два посланія Климента; приведемъ собственныя его слова: „заповѣди (διατάξαι) вамъ епископамъ чрезъ меня (δι' ἐμοῦ) Климента въ осьми книгахъ данныя, которыя не должно однако же всѣмъ обнародывать по причинѣ содержащихся въ нихъ таинъ и дѣянія наши апостольскія". Поврежденіе этихъ правилъ состоитъ въ томъ, что собиратель издавалъ ихъ отъ имени апостоловъ, а не какъ опредѣленія церковныя, составленныя на основаніи преданій апостольскихъ; почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и писалъ отъ лица апостоловъ: такъ напр. въ правилѣ XXIX, гдѣ поставляющіе на степени священства за сребро подвергаются изверженію, прибавляется: „какъ я Петръ сдѣлалъ то съ Симономъ", между тѣмъ какъ въ вышепоказанномъ сборникѣ Діонисія Малаго сего упоминанія нѣтъ. Въ правилѣ V говорится: „какъ Господь намъ сказалъ"; но въ манускриптахъ греческихъ и въ изданіи Зонары и Вальсамона стоитъ просто: „какъ Господь сказалъ".

Итакъ, обращаясь къ главному нашему предмету,— скажемъ опять, что еще самими апостолами даны были нѣкоторыя правила до устроенія внѣшняго порядка церкви относящіяся.

Но поелику ни внутреннее, ни внѣшнее состояніе церкви не могло быть всегда одинаковымъ; поелику и божественное ученіе, по мѣрѣ удаленія отъ свѣтоносныхъ временъ апостольскихъ, болѣе и болѣе требовало раскрытія, и уклоненіе отъ первоначальной истины нравовъ — сильнѣйшихъ мѣръ и пре-

градъ,—и устройство внѣшняго порядка церкви съ теченіемъ времени и при усиленіи оныхъ недостатковъ—большей опредѣленности и полноты; поелику къ этому апостолы предвидѣли, что по отшествіи ихъ войдутъ въ церковь многіе волки, не щадящіе стада, и изъ среды самыхъ чадъ ея явятся люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь за собою учениковъ: то сіи же самые апостолы, которые такъ дѣятельно старались преградить всякій путь злу въ св. церковь Христову,—доколѣ сами пребывали на землѣ, своимъ примѣромъ показали вѣрнѣйшій способъ помогать всѣмъ онымъ нуждамъ церкви и по отшествіи ихъ—въ общихъ совѣщаніяхъ и опредѣляемыхъ въ слѣдствіе оныхъ постановленіяхъ соборовъ. Несмотря на то, что каждый изъ сихъ богодухновенныхъ мужей самъ въ себѣ могъ найти божественное рѣшеніе въ предстоявшихъ недоумѣніяхъ,—апостолы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ прибѣгали къ общему разсужденію. Въ общемъ собраніи церкви были избраны и поставлены семь діаконовъ; въ общемъ собраніи положено было Павлу совершить надъ собою обрядъ очищенія, въ общихъ собраніяхъ повелѣвали обличать согрѣшающихъ (I Тим. 5, 20,). Но полнѣйшій образъ производства оныхъ соборовъ показанъ въ томъ соборѣ іерусалимскомъ, на которомъ разсуждаемо было о законѣ Моисеевомъ обрядовомъ. Въ настоящемъ мѣстѣ намъ не болѣе нужно сказать какъ только о семъ образѣ и порядкѣ производства: ибо что касается самаго спора на ономъ предложеннаго и потомъ разрѣшеннаго, то это собственно относится къ исторіи ученія ц. апостольской. Виною собора былъ такой предметъ, отъ котораго по мнѣнію лицъ спорящихъ зависитъ спасеніе—вы не можете спастись, если не обрѣжитесь по обряду Моисееву (15, 1.), учили іудеи братію

антіохійскую. На соборѣ присутствовали апостолы и пресвитеры и представители спорнаго мнѣнія съ той и другой стороны. По долгомъ разсужденіи, въ которомъ конечно участвовали и пресвитеры, высшіе члены собора предлагали свои голоса; и когда они найдены между собою согласными и всѣмъ собраніемъ признаны, то составлено было изъ нихъ опредѣленіе и отослано съ особыми повѣренными лицами къ церкви требовавшей разрѣшенія своего спора, какъ опредѣленіе самаго Духа Божія.

Наконецъ мы не имѣли бы еще полнаго и правильнаго понятія о цѣломъ составѣ внѣшняго образованія церкви апостольской, если бы представляли себѣ оную только въ видѣ множества раздробленныхъ частей, между собою не сложенныхъ и одна отъ другой независимо существующихъ, если бы видя стройное образованіе всѣхъ частей сего тѣла порознь, не видѣли еще общаго ихъ союза. Мы не говоримъ уже здѣсь объ ихъ союзѣ внутреннемъ, въ единствѣ упованія вѣры, крещенія, Бога и Отца всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ (Еф. 4, 4. 5. 6.). Мы говоримъ о единеніи церквей внѣшнемъ, коего впрочемъ основаніе также лежало въ неразрывности внутренняго. Всегда соблюдаемое любовію въ сердцѣ оно обильными плодами разверзалось въ дѣлахъ, какъ скоро требовали того нужды хотя бы и отдаленныхъ и невѣдомыхъ братій. Въ Самаріи просвѣщены вѣровавшіе крещеніемъ, но не получили еще Святаго Духа: церковь іерусалимская спѣшитъ сообщить имъ участіе въ высокихъ дарованіяхъ, пославъ къ нимъ Петра и Іоанна. Церковь антіохійская избыточествовала въ учителяхъ и не умедлила отпустить ихъ отъ себя, какъ скоро воззвалъ ихъ Духъ Божій на проповѣданіе у другихъ народовъ. По всей землѣ будетъ великій го-

лодъ, сказалъ Агавъ,—и христіане антіохійскіе, каждый по достатку своему, положили послать пособіе братіямъ живущимъ въ Іудеѣ и исполнили. Церковь антіохійская страждетъ отъ раздоровъ, посѣваемыхъ лжебратіею: церковь іерусалимская полагаетъ конецъ преніямъ соборнымъ разсужденіемъ. Подобныя въ свое время несогласія церкви коринѳской примиряетъ римская. По такимъ нуждамъ имѣли между собою частыя сношенія и другія церкви сосѣдственныя и соплеменныя напр. колосская и лаодикійская (Кол. 4, 16.) или отдаленныя церкви малоазійскія, въ различныхъ странахъ основанныя, упоминаемыя въ началѣ посланія Петрова (I, 1,). Далѣе, по дѣйствію сего же единенія всѣ вѣрующіе съ преимущественнымъ уваженіемъ относились къ церквамъ, или самими апостолами основаннымъ и ихъ пребываніемъ отличеннымъ, какъ напр. церкви антіохійской, ефесской, александрійской, римской, или богатствомъ дарованій духовныхъ знаменитымъ, въ особенности до паденія Іерусалима—матери всѣхъ церквей церкви іерусалимской, Самимъ Іисусомъ Христомъ первоначально собранной и Его здѣсь обращеніемъ, проповѣдію, страданіями, смертію и вознесеніемъ предъ прочими прославленной. Наконецъ сіе единеніе частныхъ церквей еще яснѣе выражалось въ безпрекословномъ повиновеніи всѣхъ однимъ общимъ своимъ наставникамъ — апостоламъ. Впрочемъ, это не было слѣдствіемъ какого либо насилія или принужденія, но дѣйствіемъ кроткаго духа и несомнѣнной увѣренности въ божественное назначеніе ихъ служенія. Къ чему было принуждать, когда тотъ самъ себя наказывалъ, дѣлалъ несчастнымъ и достойнымъ сожалѣнія и слезъ, кто отъ сего единенія уклонялся или въ наказаніе за грѣхи свои былъ отлучаемъ. Кто оставлялъ союзъ вѣрующихъ,

тотъ самъ симъ свидѣтельствовалъ, что онъ не былъ отъ нихъ и въ семъ уже имѣлъ ясный признакъ вѣчнаго своего отверженія. Итакъ вотъ въ чемъ состояло единеніе церквей апостольскихъ; единеніе мира и любви—вотъ то общеніе святыхъ, котораго только имя намъ осталось въ именуемомъ символѣ апостольскомъ, котораго каждодневно наша православная апостольская церковь отъ временъ древнихъ доселѣ проситъ въ соединеніи вѣры, и которымъ развѣ только на небесахъ можетъ насладиться.

Нравы церкви апостольской.

Прежде нежели приступимъ къ изображенію нравовъ церкви апостольской, считаю нужнымъ изложить свои мысли касательно необходимости предмета и важности сего обозрѣнія въ общемъ преподаваніи церковной исторіи.

По избранному и предположенному нами порядку прохожденія церковной исторіи, въ изложеніи событій каждаго вѣка, періода, или скажемъ общѣе, отдѣленія, первое мѣсто должно занимать обозрѣніе распространенія христіанства, равно препятствій и пособій къ оному, или начертаніе видимой судьбы церкви христіанской; второе — изображеніе ученія церкви, разсматриваемаго какъ въ самомъ себѣ—положительно, такъ и въ противоположеніи возникающимъ ересямъ, или изображеніе внутренняго устроенія церкви; третье—разсмотрѣніе богослуженія, обрядовъ и іерархическаго постановленія, или внѣшняго устроенія церкви. Если на этомъ и остановиться, то наше изложеніе исторіи, а отсюда и понятіе о состояніи церкви въ извѣстномъ отдѣленіи времени, не будетъ имѣть надлежащей полноты. Недовольно знать только то, гдѣ, кѣмъ, съ какими трудами и при ка-

кихъ пособіяхъ ученіе Іисуса Христа распространялось; какъ и въ какомъ видѣ оно было излагаемо; какія учрежденія были вводимы для его подкрѣпленія, содѣйствія; здѣсь я не нахожу еще покоя моему уму и сердцу, которые смотря на совокупную дѣятельность силъ божественныхъ и человѣческихъ въ ономъ непрестанно-продолжающемся дѣлѣ наставленія, образованія, или лучше—воспитанія рода человѣческаго къ жизни небесной, не могли не возбудить меня къ глубокому вниманію и ожиданію достойнаго оной дѣятельности разрѣшенія. Мнѣ нужно знать, что было слѣдствіемъ всѣхъ оныхъ трудовъ, пособій, учрежденій? Какое дѣйствіе имѣло оное божественное ученіе на сердце человѣческое? Какой отвѣтъ образовался на божественное званіе, изъ дѣйствія надъ нимъ Духа Божія, изъ воздѣйствія его собственныхъ силъ, изъ вліянія возраста цѣлаго человѣчества, духа вѣка, качества наставниковъ и проч.? Я знаю, что каждое сѣмя приноситъ плодъ по роду своему, хотя не каждая земля равно способна питать оное; предъ моими глазами ввѣряли сѣмя землѣ; собственными моими чувствами я испытывалъ качества и доброту его; видѣлъ потомъ, какъ земледѣлецъ старался утвердить безопасность своего поля укрѣпленіемъ ограды и стражею: не захочется ли мнѣ послѣ того знать, чѣмъ это поле наградило земледѣлателя за его потъ и труды? Такъ точно, когда исторія показываетъ намъ въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ сѣяніе божественнаго слова: мы непремѣнно желаемъ видѣть и плоды онаго. Правда, изъ нашего обозрѣнія исторіи церкви съ показанныхъ трехъ сторонъ уже можно видѣть первые начатки дѣйствія онаго живоноснаго сѣмени, напр. увѣрованіе и обращеніе ко Христу какихъ либо народовъ: но это не есть еще плодъ, а только при-

готовленіе къ плодоношенію, залогъ и предобрученіе истинныхъ плодовъ божественнаго ученія. Ученіе христіанское имѣетъ своимъ предметомъ и цѣлію не просвѣщеніе только ума правильнѣйшими понятіями о Божествѣ, но наипаче исправленіе сердца и воли; оно есть ученіе *еже по благовѣрію* (I Тим. 6, 3.), истина *яже по благочестію* (Тит. 1, 1.), таинство вѣры въ чистой совѣсти раскрывающееся (1 Тим. 3, 9). Оно должно зачать и породить новую жизнь въ человѣкѣ, перемѣнить его образъ мыслей о себѣ, о своей жизни, о своихъ отношеніяхъ на землѣ, вложить въ него новыя святыя чувства, стремящіяся къ небу; настроить его волю, пріучить человѣка посильными опытами къ тому высокому служенію, которое ему предназначено раздѣлять съ высшими силами въ вѣчности. Вотъ гдѣ совершается плодъ дѣйствованія божественнаго ученія! Вотъ что нужно еще знать для того, чтобы имѣть полное понятіе о состояніи церкви: какими плодами и въ какомъ обиліи она украшалась! — Какими доблестями и добродѣтелями и въ какой славѣ въ извѣстное время она процвѣтала? Вотъ что вопервыхъ мы назначаемъ для изслѣдованія въ этомъ отдѣленіи о нравахъ, впрочемъ не совсѣмъ точно соотвѣтствующемъ своимъ наименованіемъ предмету.

Но сему противополагать будутъ: что этѣ доблести и слава духовныхъ подвиговъ вполнѣ свѣдомы единому Богу, а для ока человѣческаго по большей части совсѣмъ бываютъ сокрыты; или—что изображеніе оныхъ, хотя бы то и въ различныхъ временахъ, будетъ всегда единообразно: поелику Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойжде и во вѣки; слово Его неизмѣнно и пребываетъ въ вѣкъ тоже; Духъ Его всегда тойжде, дѣйствуетъ вся во всѣхъ.

Такъ. Мы не можемъ видѣть всего богатства сла-

вы церкви внутренней; и сокровенность столько оной любезная, и отдаленность временъ, и недостаточность памятниковъ, и немощь и нечистота собственно духовнаго зрѣнія,—все препятствуетъ видѣть въ раздѣльности всѣ черты ея божественнаго лика; полное откровеніе онаго предоставлено дню Господню, послѣднему дню міра и *не у явися чтѡ будемъ*. (1 Іоан. 3, 2.). Признаемся еще болѣе, что не все бы могли и изобразить, если бы даже все могли видѣть; величіе дѣлъ духовныхъ часто зависитъ отъ сложности такихъ обстоятельствъ, коихъ множество и разнообразіе никакъ не могли бы вмѣстить въ тѣсныя рамы историческаго начертанія; и доблести духовныя, отъ сердца пламенѣющаго любовію къ Богу раждающіяся, иногда понятныя и нашему холодному сердцу, отзывающемуся на оныя сладостнымъ трепетаніемъ, вскорѣ охлаждаются, когда переходятъ въ мертвое слово: но что же,—уже ли посему мы должны лишить себя и того послѣдняго сіянія, которымъ изъ сумерекъ вѣковъ ударяетъ на наше потемненное око путеводствующій свѣтъ церкви, уже достигшей пристанища небеснаго? Будемъ по крайней мѣрѣ пользоваться тѣмъ, чѣмъ можемъ. Отъ насъ будутъ ускользать только черты особенностей извѣстныхъ временъ церкви: но не можетъ не быть явнымъ, когда болѣе, когда менѣе изливается свѣта изъ лучей ея, и какія добродѣтели были ей болѣе общими въ то или другое время. Можетъ скрыться для насъ имя подвижника или нѣкоторые его подвиги, но они еще при жизни его отразились на вѣкъ его, если не видимымъ и ощутительнымъ образомъ, то вѣрно невидимо: сумма даровъ, если позволено такъ выразиться, получаемыхъ достойными отъ Духа Божія, никогда не задерживается въ нихъ однихъ; она ихъ тяготила бы какъ млекососцы матери, которой не

кого питать; эти дары необходимо разливаются на все современное ему, если еще не далѣе; пусть напр. имѣлъ кто нибудь сей самый сокровенный даръ—предстательствовать въ своихъ молитвахъ въ уединеніи о сохраненіи чистоты вѣры, его дѣло осталось неотличеннымъ, неизвѣстнымъ: но церковь отъ того ничего не терпитъ; исторія свѣтъ его видитъ въ усиленіи свѣта его времени.— Что нужды въ имени, когда вездѣ единъ и тотъ же Духъ дѣйствуетъ.

Что же касается того мнѣнія, будто эта картина нравовъ или высокихъ доблестей христіанства всегда должна быть одна и та же, то въ несправедливости онаго можетъ всякій убѣдиться и изъ слѣдующаго разсужденія. Какъ въ частныхъ членахъ церкви одушевляемыхъ присутствіемъ Духа Божія дѣйствуетъ одна и та же всеосвящающая благодать; но различіе склонностей и расположеній духа въ нихъ остается, и смотря потому одинъ отличается такими, другой другими добродѣтелями, сей милосердіемъ, тотъ подвижничествомъ: такъ и въ цѣломъ продолженіи церкви отъ ея начала ничего не препятствуетъ усматривать по мѣстамъ и по временамъ различныя и особенныя достоинства отъ естественной рода человѣческаго неспособности къ полному вдругъ во всѣхъ частяхъ раскрытію и предназначенію только къ повременному и постепенному и разнообразному въ цѣломъ развитію.

Но одного указанія доблестей, украшающихъ церковь въ извѣстномъ продолженіи времени, въ исторіи нравовъ ея недостаточно. Въ настоящемъ состояніи своемъ не можетъ быть она и вся только чиста, такъ чтобы не имѣла никакихъ пятенъ; всегда будетъ въ ея предѣлахъ и добрая земля, и каменистая и терніемъ поросшая. Сего мало,—исторія во многихъ случаяхъ не можетъ даже сокрыть ощути-

тельнаго огустѣнія мрака надъ областію свѣта. Итакъ при изображеніи нравовъ каждаго вѣка или періода, необходимо должно обращать вниманіе и на дѣла тьмы, какъ начало и продолженіе дѣла, коему надлежитъ разрѣшиться въ послѣднихъ своихъ слѣдствіяхъ вмѣстѣ съ судьбою вселенной. И вотъ необходимость, важность, предметъ, назначеніе, главное раздѣленіе сего отдѣленія о нравахъ.

Вслѣдъ за сими замѣчаніями приступаемъ къ изображенію нравовъ вѣка апостольскаго, которое и предложимъ: 1) въ общемъ сужденіи объ оныхъ; 2) въ частномъ раскрытіи нѣкоторыхъ преимущественныхъ добродѣтелей сего вѣка; 3) въ указаніи нѣкоторыхъ особыхъ учрежденій, упражненій и дѣйствій благочестія сихъ временъ; 4) въ начертаніи жизнеописаній нѣкоторыхъ, особенно сильныхъ внутренними совершенствами, мужей, и наконецъ 5) въ означеніи и недостатковъ и слабостей нѣкоторыхъ членовъ церкви сихъ временъ.

Вѣкъ апостольскій былъ вѣкомъ славы церкви внутренней, для послѣдующихъ временъ недостижимой. Всѣ частныя общества, въ различныхъ отдаленныхъ странахъ къ ней принадлежавшія, были еще не многочислены, не всегда замѣтны для современниковъ, отнюдь не имѣли никакой славы внѣшней: но всегда, стоя выше всѣхъ доблестей ихъ, были живыми, здравыми, сильными, достойными членами великаго тѣла Христова. Если можно уподобить сіе тѣло тому тѣлу, видѣнному Навуходоносоромъ,—впрочемъ не разумѣя здѣсь Іисуса Христа въ видѣ камня оное разрушающаго, но въ златой главѣ самаго тѣла,—то для означенія достоинства въ цѣломъ тѣлѣ церкви, церкви апостольской, ничто не можетъ служить ближе, какъ сребро рукъ, персей и мышцъ онаго видѣнія, коему только соотвѣтствующую такъ сказать заднюю страну

можетъ представлять церковь двухъ или трехъ вѣковъ послѣдующихъ. Напрасно хотятъ подчинить возрастаніе церкви общему ходу человѣчества: оно спѣетъ къ своему видимому совершенству, а сія умаляется и сокращается, такъ что на концѣ времени лжеименный разумъ, непрестанно новыми успѣхами и открытіями въ мнимой области истины обогащающійся, сядетъ въ храмѣ Божіемъ, какъ Богъ, и за Бога будетъ выдавать себя (2 Сол. 2, 4), а въ церкви Сынъ человѣческій, пришедъ на землю, едва ли обрящетъ и вѣру, любы же за умноженіе беззаконія совсѣмъ изсякнетъ. Итакъ о дѣлѣ Божіемъ не будемъ судить, какъ о дѣлѣ человѣческомъ: церковь, кажется, идетъ не возрастая, но уменьшаясь: мы можетъ быть послѣдніе хранители послѣднихъ частей сего тѣла; вся слава, все достоинство сихъ частей въ близости къ главѣ. И здѣсь-то первое, не только въ порядкѣ времени, но и во внутреннемъ совершенствѣ, мѣсто занимаетъ церковь апостольская. Внутреннее состояніе церкви тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ болѣе въ ней дѣйствуетъ Духъ Божій: а здѣсь-то, если можно такъ сказать, Онъ и представляется въ самомъ напряженномъ дѣйствованіи, и Самъ свидѣтельствуетъ о плодахъ своего дѣйствованія не только въ нѣкоторыхъ избранныхъ лицахъ, но и въ цѣлыхъ обществахъ или церквахъ. Соберемъ сіи свидѣтельства какъ неопровержимое доказательство высокой славы внутренней церкви апостольской. Нужно ли болѣе похвалы для церкви *Іерусалимской*, когда слово писанія говоритъ о ея христіанахъ, что они постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ и въ общеніи и въ преломленіи хлѣба, и въ молитвахъ, и далѣе: *по вся дни терпяще единодушно въ церкви и ломяще по домомъ хлѣбъ, пріимаху пищу въ радости и простотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всѣхъ людей* (Дѣян. 2, 42. 47); *народу*

же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина (4, 32). *Антіохія*—мать церквей собранныхъ отъ язычниковъ, въ которой столь дѣятельно трудились Павелъ и Варнава, которая славна была своими учителями, которую столько любилъ ап. Павелъ, что при началѣ и при концѣ своихъ апостольскихъ путешествій всегда считалъ какъ бы обязанностію навѣстить ее,—развѣ малымъ изобразила свою ревность ко принятому отъ апостоловъ ученію, когда несмотря на возникающія за оное всюду гоненія, первая приняла и передала вѣрующимъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ имя христіанина. Сколько процвѣтала внутреннею славою церковь христіанъ *Римскихъ*, можно видѣть изъ того, что вѣра ихъ, по слову апостола, возвѣщалась во всемъ мірѣ, что сей же апостолъ свидѣтельствуется самимъ Богомъ, Которому служитъ въ духѣ благовѣствованіемъ Сына Его, что онъ непрестанно воспоминаетъ о нихъ и всегда молится въ молитвахъ своихъ, чтобы воля Божія наконецъ устроила ему путь къ нимъ: для чего же? чтобы, говоритъ, соутѣшиться мнѣ съ вами вѣрою общею, вашею же и моею (1, 8. 9. 10. 12.). Кто говоритъ такъ? Апостолъ Павелъ.—Далѣе тотъ же апостолъ благодаритъ о нихъ Бога, что, бывъ прежде рабами грѣху, отъ сердца повинулись образу того ученія, которое приняли и, освободясь отъ грѣха, стали рабами правдѣ (6, 17. 18.), что Духъ Божій живетъ въ нихъ (8, 9.), что они исполнены благости, исполнены всякаго познанія и могутъ наставлять и другихъ (15, 14).—Церковь *Коринѳская*, несмотря на свои раздѣленія, на слабость и пороки нѣкоторыхъ членовъ, все еще показывала, что свидѣтельство Христово утвердилось въ ней, и что ни въ единомъ дарованіи она не недостаточествуетъ предъ прочими (1 Кор. 1, 4—7.). Но и самыя оныя слабости не затмѣвали ея досто-

инства: я вижу, писалъ къ Коринѳянамъ ап. Павелъ, что письмо то, въ которомъ я обличалъ васъ, опечалило васъ; но и радуюсь: ибо самая сія печаль ваша ради Бога, смотрите, какое произвела въ васъ усердіе, какія извиненія, какое негодованіе на виновнаго, какой страхъ, какое желаніе, какую ревность, какую строгость: по всему — вы показали себя чистыми въ семъ дѣлѣ (2 Кор. 7, 8—11.). *Галаты*, свидѣтельствуетъ тотъ же апостолъ, начали духомъ (Гал. 3, 2.), не презрѣли искушенія Павлова въ плоти и не возгнушались онымъ, но приняли его какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса. О, какъ вы были блаженны тогда, присовокупляетъ еще къ сему апостолъ: ибо свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мнѣ (4, 13—15.). Вы шли хорошо: кто остановилъ васъ, чтобы вы не покорялись истинѣ? (Галатовъ возмущали лжеапостолы). Но я увѣренъ о васъ въ Господѣ, что вы не будете иначе мыслить, а смущающіе васъ подвергнутся суду, кто бы они ни были (5, 10.). Христіане *Ефесскіе* были запечатлѣны обѣтованнымъ Святымъ Духомъ (Ефес. I, 13.), стали уже не чуждые пришельцы, но сожители святыхъ и свои Богу (2, 13.); а съ какою нѣжностію пастыри церкви Ефесской прощались съ ап. Павломъ въ послѣдній разъ его пребыванія въ Ефесѣ! Они проливали обильныя слезы, пишетъ Лука (Дѣян. 20, 37—38.) и повергались на выю Павлову, цѣловали его, скорбя наипаче о томъ словѣ, которое онъ сказалъ, что они уже не увидятъ лица его, и провожали его до корабля. Держащій седмь звѣздъ въ десницѣ своей зналъ дѣла и трудъ и терпѣніе Ангела Ефесской церкви, и что онъ не можетъ сносить развратныхъ (Апок. 2, 1. 2.). Но никто такъ, кажется, не веселилъ сердца Павлова, какъ церковь *Филиппійская*, которая первая и была

основана послѣ призыванія нѣкоего македонянина въ видѣніи; всегда во всякой молитвѣ моей говоритъ онъ, за всѣхъ васъ приношу съ радостію молитву мою— за участіе ваше въ Евангеліи отъ перваго дня даже до нынѣ.... я имѣю васъ въ сердцѣ и во узахъ моихъ при защищеніи и утвержденіи благовѣствованія,— васъ всѣхъ моими соучастниками въ благодати; далѣе— сообщаетъ имъ объ успѣхахъ своего благовѣствованія; желаніе имѣя уже разрѣшитися и быти со Христомъ, онъ затрудняется нуждою своего пребыванія во плоти для нихъ и увѣряетъ, что останется и пребудетъ съ ними для успѣха ихъ и радости въ вѣрѣ (Филип. 1, 4. 5. 7. 12—15. 23—25). Наконецъ, говоритъ имъ: тѣмъ-же братіе моя возлюбленная и вожделѣнная, радость и вѣнче мой, тако стойте о Господѣ, возлюбленніи (4, 1). Въ *Колоссянахъ* слово истины благовѣствованія съ того дня, какъ они услышали и познали благодать Божію въ истинѣ, возрастало и приносило плодъ вѣры во Христѣ Іисусѣ и любви ко всѣмъ святымъ, какъ и во всемъ мірѣ (Колос. 1, 4—5. 6.); Апостолъ приписываетъ имъ такое достоинство, въ которомъ одномъ выражается верхъ совершенства христіанскаго: вы умерли, говоритъ онъ, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ (3, 3). *Θεσσαλονικέϊцы* были подражателями апостоламъ и Господу, среди многихъ бѣдствій принявъ съ радостію Духа Святаго, стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи (1 Солун. 1, 7. 8.). Апостолъ говоритъ, что онъ многимъ желаніемъ старался видѣть лице ихъ: ибо кто наша надежда, продолжаетъ онъ, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы ли предъ Господомъ нашимъ І. Христомъ въ пришествіе Его? Ибо вы слава наша и радость (2, 17. 19. 20. См. 2 Посл. 1, 3. 4.). Мы могли бы еще указать на дѣла, скорбь и нищету,

впрочемъ богатящую, церкви Смирнской, на твердость вѣры церкви Пергамской, жившей тамъ, гдѣ престолъ сатаны, неотвергшейся оной и тогда, когда убитъ былъ вѣрный свидѣтель Божій, Антипасъ, на дѣла, любовь, служеніе, вѣру, терпѣніе и на послѣдняя больше первыхъ церкви Ѳіатирской, на нѣсколько именъ въ Сардіи, *иже не осквернища ризъ своихъ и ходити имутъ въ бѣлыхъ, яко достойни суть* (Апок. 2, 9. 13. 19. 3, 4.). Но не довольно ли уже и сихъ свидѣтельствъ, чтобы на основаніи оныхъ отъ толико высокаго совершенства столь многихъ частныхъ церквей имѣть право заключать о высокомъ внутреннемъ совершенствѣ всей церкви во времена апостольскія?

Гораздо труднѣе намъ будетъ показать послѣ сего, какія были преимущественныя добродѣтели сего свѣтоноснаго вѣка церкви: всѣ кажутся въ немъ славны, всѣ возвышенны, всѣ божественны. Но конечно, не будетъ ни для кого страннымъ, если первою высочайшею добродѣтелію церкви апостольской назовемъ любовь къ Іисусу Христу. Эта добродѣтель—море всѣхъ добродѣтелей. Погружайтесь въ него, сколько хотите, вы не коснетесь его дна; не постигните его глубины, не измѣрите всѣхъ водъ его. Это ключъ неистощимый всякаго духовнаго совершенства, поелику въ струяхъ его отражается образъ Бога всесовершеннаго; каждый приступай къ нему, и въ каждомъ струи его будутъ имѣть свое дѣйствіе: въ одномъ изъ вкусившихъ отъ сего живоноснаго источника вы увидите—кротость, кроткаго и смиреннаго сердцемъ; въ другомъ—ревность къ славѣ Божіей, того, о комъ написано: ревность дому твоего снѣдаетъ мя; въ томъ глубочайшее самоотверженіе—не пришедшаго, да сотворитъ волю свою, но волю Пославшаго его; въ томъ—любовь къ братіи поло-

живша́го за на́съ душу Свою: однимъ словомъ *аще́ кая добродѣтель или аще кая похвала*—все отсюда, изъ любви къ Іисусу Христу истекаетъ; сія любовь въ каждомъ христіанинѣ и въ духѣ каждаго вѣка изображается въ томъ или другомъ видѣ: но вмѣстить ее во всей ея безконечности и неистощимости—было предоставлено широтѣ сердца апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ. Что ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Какъ написано, за тебя мы умерщвляемся всякій день; съ нами поступаютъ какъ съ овцами обреченными на закланіе. Но все сіе преодолѣваемъ силою возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начальства, ни власти, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ (Римл. 8, 35—39). Вотъ любовь во всей ея безконечности и неистощимости! Никогда никто такъ ее не чувствовалъ; и въ такой полнотѣ она разорвала бы всякое тѣсное сердце. Будутъ ли требовать отъ насъ яснѣйшихъ доказательствъ на то, что въ такомъ обиліи наполняло всѣхъ апостоловъ сіе священное чувство? Мы укажемъ на божественные подвиги апостоловъ въ цѣломъ мірѣ, на опасности, которымъ они подвергались въ своихъ путешествіяхъ отъ единоплеменниковъ, отъ другихъ народовъ, въ городѣ, въ пустынѣ, въ морѣ, между лжебратіями; на ихъ трудъ и изнуреніе, бдѣніе, гладъ, жажду, часто—наготу, темницы, раны, палицы, камни, кресты, мечи и припомнимъ только слова одного изъ претерпѣвшихъ почти всѣ сіи мученія: любовь Христова увлекаетъ насъ разсуждать такъ: что если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли, всѣ должны умереть. Болѣе не нуж-

но отвѣчать: о другихъ апостолахъ нѣтъ нужды говорить, потому что всѣ они были движимы однимъ духомъ.

Но чтобы намъ не приписать всѣмъ членамъ церкви хотя бы и апостольской одинаковой высоты и совершенства, мы укажемъ и другія отличительныя сего вѣка добродѣтели, которыя впрочемъ нечто иное суть какъ частныя видоизмѣненія или раздѣльныя отрасли общаго всѣхъ добродѣтелей христіанскихъ корня, любви къ Іисусу Христу. Это суть: ревность о имени Божіемъ, отреченіе отъ себя и отъ всего земнаго, любовь и благопопеченіе о своихъ братіяхъ. Какъ вытекаютъ онѣ изъ своего перваго источника, очевидно. Замѣтимъ кромѣ этого еще то, что всѣ онѣ носятъ на себѣ характеръ своего вѣка, который имѣлъ особое назначеніе сколько можно болѣе содѣйствовать распространенію христіанства и оставить образецъ жизни для послѣдующихъ родовъ; и что дѣйствительно въ сихъ трехъ направленіяхъ отразился образъ совершеннѣйшей жизни христіанина въ трехъ главнѣйшихъ его отношеніяхъ: къ Богу, самому себѣ и ближнему. Таковымъ надлежало быть добродѣтелямъ вѣка образцоваго: таковы онѣ и были. Ревность о имени Божіемъ явилась во множествѣ проповѣдниковъ христіанскихъ: въ началѣ, когда церковь всего болѣе имѣла нужду въ людяхъ способныхъ къ дальнѣйшему его распространенію и утвержденію, Духъ Божій при первомъ освященіи крещенія изливался на крещаемыхъ въ различныхъ дарахъ, относящихся къ сему служенію, какъ-то въ способности къ пророчеству и различенію духовъ, въ сообщеніи вѣдѣнія различныхъ языковъ и истолкованія оныхъ, или слова премудрости и слова знанія. Снабдѣнные сими дарами, поступая подъ непосредственный надзоръ верховныхъ строителей церкви—

апостоловъ, съ неутомимою дѣятельностью подвизались на поприщѣ ввѣреннаго имъ служенія. Сколько изъ сихъ проповѣдниковъ отмѣчено въ однихъ посланіяхъ ап. Павла, хотя вездѣ говоритъ о нихъ только мимоходомъ; напр. *Лука* по всѣмъ церквамъ похваляемый за Евангеліе (2 Кор. 8, 18.); *Тимоѳей*, трудящійся въ дѣлѣ Господнемъ, какъ самъ апостолъ и служащій ему какъ сынъ отцу (I Кор. 16, 10. Фил. 2, 19—22); *Тихикъ*, вѣрный въ Господѣ служитель (Еф. 6, 21); *Епафрасъ*, вѣрный служитель Христовъ (Кол. 1, 7.); *Аристархъ*, *Маркъ*, и *Іустъ*—сотрудники для царствія Божія и отрада Павлова (4, 10. 11.); *Аполлосъ* (I Кор. 16, 12.), который, еще бывъ наставленъ только въ начаткахъ ученія Господня и зная одно крещеніе Іоанново, съ жаромъ училъ о Господѣ въ Ефесѣ (Дѣян. 18, 25,). Сколько найдемъ ихъ въ краткой исторіи дѣяній апостольскихъ! Но всего вѣрнѣе за ревность проповѣдниковъ ручается сіе увѣреніе ап. Павла, что еще прежде разрушенія Іерусалима по предвѣщанію Господа уже по всей землѣ разнесся голосъ ихъ и до предѣловъ вселенныя слова ихъ (Рим. 10, 18.). Сравните съ симъ успѣхи распространенія христіанства вѣковъ послѣдующихъ: какъ они и медленны и не обширны предъ сими!

Далѣе отреченіе отъ себя и совершенное хладнокровіе ко всему земному: это были, такъ сказать, домашнія добродѣтели первыхъ христіанъ. Они не искали въ обществѣ церкви надъ братіею никакихъ преимуществъ: охотно подчинялись всѣмъ его распоряженіямъ и приносили все на жертву Евангелія. Такъ, преслѣдующіе проповѣдниковъ Евангелія Іудеи ѳессалоникскіе заставили вѣрныхъ удалить и препроводить Павла изъ Веріи въ Аѳины; а Тимоѳей и Сила остались здѣсь среди всѣхъ опасностей (Дѣян.

17, 14. 15.). Въ Ефесѣ ученики Павловы спасаютъ его отъ буйства разъяренной толпы, не страшась самимъ быть ею растерзанными (Дѣян. 19, 30.). Павлу предсказано уже было въ Кесаріи, что въ Іерусалимѣ его свяжутъ: вѣрующіе не могли отклонить его сюда путешествіе, и сами пошли съ нимъ раздѣлить его участь (Дѣян. 21, 14 15.). Апостолъ Павелъ припоминаетъ Евреямъ прежніе дни, въ которые они, бывъ еще только просвѣщены вѣрою, совершили великій подвигъ страданій, то сами, будучи предъ всѣми подвергаемы поношеніямъ и оскорбленіямъ, то принимая участіе въ тѣхъ, которые находились въ такомъ же состояніи: ибо вы, продолжаетъ онъ, участвовали въ моихъ узахъ и расхищеніе имѣнія вашего переносили съ радостію, зная, что имѣете для себя лучшее и вѣчное имущество на небесахъ (Евр. 11, 32—34.). Прискилла и Аквила, говоритъ тотъ же апостолъ, полагали за жизнь мою выю свою (Рим. 16, 4.). Домъ Онисифоровъ не стыдился узъ его (2 Тим. 1, 16.). Церкви Македонскія не только то, чего надѣялись апостолы, но самихъ себя отдали во первыхъ Господу, потомъ и имъ по волѣ Божіей (2 Кор. 8, 5.). Галаты желали бы и очи свои отдать Павлу, если бы только было то возможно.—Такъ въ первенствующихъ христіанахъ отреченіе себя внутреннее, всегда готово было на всѣ жертвы внѣшнія. Мы увидимъ то и въ вѣкахъ послѣдующихъ: но тамъ это будетъ добродѣтелію публичною, здѣсь домашнею.

Наконецъ, любовь и благопопеченіе о братіяхъ. Въ семъ вѣкѣ, который начинается рожденіемъ Сына вѣчной любви и оканчивается смертію возлюбленнаго ученика воплощенной любви, никакихъ не было другихъ отношеній вѣрующихъ другъ къ другу, кромѣ отношеній любви. Они и не называли се-

бя иначе какъ братьями и сестрами и не думали ничѣмъ владѣть одни. Напрасно почитаютъ сіе хитрымъ искусствомъ привлечь къ себѣ большее число послѣдователей. Кто бы захотѣлъ вступать въ сіе святое общество съ видомъ корысти, а не отъ искренняго расположенія, тотъ устрашился бы участи Ананіи и Сапфиры!

Отъ вліянія сихъ добродѣтелей вѣка на собственную каждаго дѣятельность и по соображенію съ главнымъ онаго назначеніемъ происходили особыя учрежденія, упражненія и дѣйствія благочестія. Это суть: a) вечери любви, b) милостыни святымъ, c) общеніе имѣній, d) любзаніе мира, e) аскеты.

a) *Вечери любви*: какъ, когда, въ какомъ духѣ, по какимъ побужденіямъ оныя совершались, уже извѣстно.

b.) *Милостыни святымъ*. Такъ назывались всѣ подаянія, собираемыя для содержанія братіи изъ бѣдныхъ и неимущихъ преимущественно въ Іудеѣ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ то извѣстно о Галатійской и Коринѳской, Павелъ установилъ производить оныя въ день воскресный, оставляя каждаго усердію количество даянія (1 Кор. 16, 1.), впрочемъ, всегда стараясь расположить сіе усердіе къ бо̀льшимъ пожертвованіямъ; для сего ревность однихъ онъ поощрялъ и большею ревностію другихъ (2. Кор. 9, 1—4.) и обѣщаніемъ благословенія жатвы — о благословеніи сѣющему и избыточествомъ благодареній Богу, и молитвъ пріемлющихъ за подающихъ (12—14.). Присовокупляя и то, что деньги, какъ и манна, не долежатъ до утра вѣчности и что надобно съ ними поступать также, какъ узаконилъ въ свое время поступить съ сею Моисей, чтобы и тотъ, кто собралъ много, имѣлъ не болѣе, и кто мало, не менѣе (2 Кор. 15. Исх. 16, 18.). Особенною щедростію от-

личались церкви Македонскія (2 Кор. 8, 2. 3.), и между ними Филиппійская (Фил. 4, 15—18.). Для собранія сихъ приношеній и препровожденія нуждающимся были употребляемы люди испытанной вѣрности и усердія (2 Кор. 8, 22. 23.).

c) *Общеніе имѣній.* Такъ оно изображается въ книгѣ Дѣяній (2, 44. 45.): *вси же вѣровавшіе бяху вкупѣ, и имяху вся обща: и стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше.* Это сказано о самыхъ первыхъ христіанахъ. Далѣе—тоже подтверждается и о церкви, уже довольно умножившейся, впрочемъ еще въ предѣлахъ Іерусалима заключенной: у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее.... Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ: и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду (4, 32—35.). На основаніи сихъ словъ писанія отъ древнихъ временъ господствуетъ мнѣніе, что духъ братолюбія побудилъ первыхъ христіанъ совсѣмъ отказаться отъ всякой собственности и ввести между собою полное общеніе стяжаній. Впрочемъ, если и согласиться на сіе, то нельзя не назвать учрежденіе таковаго общенія такимъ уклоненіемъ отъ естественнаго порядка, какому надлежало быть допущену развѣ только по требованію порядка сверхъестественнаго. Точно, кажется, первое явленіе божественной жизни въ человѣчествѣ столько было сильно, что не могло не проторгнуться сквозь всѣ связи порядка естества. Для послѣдующихъ временъ церкви могли остаться въ немъ образцомъ только духъ и расположеніе, съ какими смотрѣли первые христіане на всякую земную

собственность: въ самомъ же дѣлѣ христіанство никогда не требовало разрушенія обыкновеннаго общественнаго устроенія человѣчества, но напротивъ еще освящаетъ оное своимъ духомъ и указываетъ только новые случаи и побужденія къ упражненію въ сообразныхъ добродѣтеляхъ—въ настоящемъ неравенствѣ достояній всѣхъ существующихъ обществъ. Между тѣмъ хотя мы и представляемъ такой образъ общенія собственнымъ только первенствующей церкви, однако и при семъ не избѣгаемъ всѣхъ трудностей; ибо видимъ, что первенствующіе христіане составляли не какое либо отдѣльное общество,—въ гражданскомъ смыслѣ сихъ словъ; но оставались въ прежнихъ гражданскихъ отношеніяхъ; никогда никто не укорялъ ихъ въ нарушеніи общественнаго порядка и постановленій. И какъ бы представить себѣ обратный переходъ ихъ отъ онаго совершеннаго общенія къ обыкновенному устроенію гражданскому? Притомъ находимъ и въ исторіи Дѣяній апостольскихъ нѣчто такое, что, какъ кажется, такому общенію противорѣчитъ. Петръ говоритъ Ананіи ясно: непроданное не тебѣ ли принадлежало, а продажею пріобрѣтенное не въ твоей ли власти находилось? (5, 4.). Въ 6-й главѣ Дѣяній говорится о раздаяніи милостыни вдовицамъ, а не объ общественной кассѣ для содержанія цѣлаго общества. Въ гл. 12, 12. находимъ въ Іерусалимѣ домъ, которымъ владѣла Марія, мать Марка, какъ собственнымъ, который значитъ не былъ проданъ въ пользу общей кассы. Изъ этихъ указаній видно, что въ первой церкви не были совершенно отвергнуты права собственности. Посему слова писанія: *и не единъ же чтд отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща*, какъ кажется довольно понимать только о такомъ расположеніи братской любви первыхъ вѣрующихъ, по которому каждый свою

собственность не болѣе почиталъ принадлежащею себѣ, какъ и своему нуждающемуся брату и готовъ былъ съ нимъ раздѣлить оную. Сообразно сему должно разсуждать и о продаваніи помѣстьевъ и домовъ. Была учреждена общая касса, изъ которой удовлетворяли потребностямъ большей части бѣдныхъ сочленовъ общества и изъ которой, можетъ быть, дѣлались всѣ расходы для устроенія вечери любви; и для восполненія оной богатые продавали свои помѣстья. Это было нѣчто подобное тому, что было въ обществѣ Іисуса Христа при Немъ Самомъ, и что учредилъ позднѣе ап. Павелъ въ церквахъ обращенныхъ изъ язычниковъ. Какъ бы то ни было, въ томъ и другомъ разумѣ общеніе имѣній всегда пребудетъ свидѣтельствомъ безпримѣрнаго 1., самоотверженія, 2., упованія на Бога, 3., мудрости духовной, скрывающей себѣ сокровища на небесахъ и 4., любви къ ближнему христіанъ первенствующей церкви. Впрочемъ, были люди, которые въ семъ учрежденіи находили пищу въ лѣности и праздности: но сіи конечно забыли апостольское правило, что только трудившійся имѣетъ право вкушать пищу.

d) *Святое лобзаніе* мира — печать непорочности, живой выразительный знакъ братской любви, святаго единенія, взаимнаго мира, радости сердца, равенство духомъ и мира съ Богомъ; имъ встрѣчали и провожали вѣрующіе другъ другъ; имъ предваряли и заключали пріобщеніе таинственной вечери (Тертуліанъ).

c) *Аскеты.* Наименованіе это языческое, но оно усвоялось издревле высокимъ подвижникамъ христіанскимъ, которые съ ревностію упражнялись въ самоотверженіи. Подобно нѣкоторымъ изъ древнихъ пророковъ и сіи, стремясь къ высшему совершенству духовному, отлучая себя отъ супружества, оставля-

ли свой домъ и имущество, изнуряли плоть свою постомъ, трудами и бдѣніемъ, питаясь непрестанною молитвою. Несправедливо противники всѣхъ благочестивыхъ учрежденій на западѣ пытаются доказать, что во времена апостоловъ такого рода подвиги были неизвѣстны и даже ученію ихъ противны. Несправедливо относятъ сюда слова Павла о внемлющихъ ученію бѣсовскому и *возбраняющихъ женитися и удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе* (1 Тим. 4, 1—3.), и о самовольномъ смиренномудріи (Кол. 2, 18.); въ томъ и другомъ случаѣ порицаются не святыя упражненія христіанъ, но нелѣпыя ученія язычниковъ, вводящихъ свои заблужденія въ церковь; апостолы сами подавали въ оныхъ высокій образецъ церкви: Павелъ говорилъ безбрачнымъ и вдовицамъ: *добро имъ есть, аще пребудутъ яко же и азъ* (1 Кор. 3, 8.), умерщвлялъ тѣло свое и порабощалъ, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ* будетъ (9, 27.), *множицею* пребывалъ *въ бдѣніяхъ, многащи въ пощеніяхъ* (2 Кор. 11, 27), чтобы не соблазнить брата своего отрекся и мясо *ясти во вѣкъ* (1 Кор. 8, 13). Высокій хранитель Дѣвы Богоматери по смерти ея Божественнаго Сына самъ былъ дѣвственникъ (см. предисловіе къ Еванг. отъ Іоанна въ славян. библіи). Іаковъ—сродникъ Господень, отъ чрева матери освященный Богу, отъ вина и сикера не вкушалъ; мясами животныхъ не питался; ножницы власъ главы его не касались; тѣла своего елеемъ не намащалъ и въ баняхъ не мылъ; колѣна его отъ частаго припаданія къ Богу въ своихъ молитвахъ и по прошенію другихъ покрыты были какъ у верблюда наростами, такъ описываетъ его Евсевій (II кн. 23 гл.), собирая о немъ свѣдѣнія изъ Іосифа Флавія и Егезиппа. Іеронимъ къ сему присовокупляетъ, что

онъ соблюдалъ и дѣвство. Пусть начинъ всѣхъ сихъ подвиговъ былъ положенъ еще въ Іудействѣ по закону Назорейства, но продолженіе оныхъ до самаго конца жизни его дѣлаетъ уже подвижникомъ христіанскимъ. Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ: кто можетъ пребывать въ чистотѣ (т. е. безбраченъ), тотъ въ славу плоти Господней пусть пребываетъ—только безъ тщеславія. Если же будетъ хвалиться тѣмъ, то онъ пропалъ; и если будетъ считать себя больше Епископа, то погибъ... (Не видно ли изъ сихъ послѣднихъ словъ, что дѣвственники имѣли право на особенное уваженіе церкви предъ прочими: иначе бы къ чему приравнивать ихъ къ епископамъ?). Есть многіе и многія, лѣтъ 60 и 70, которые изъ дѣтства сдѣлавшись учениками Христовыми живутъ въ дѣвствѣ; а я хотѣлъ бы показать таковыхъ всему роду человѣческому—говоритъ Іустинъ въ 139 г. отъ Р. Х. въ своей апологіи (1. § 18). Образъ жизни этихъ аскетовъ нѣкоторые смѣшивали съ учрежденіемъ монашества: но сколько они между собою ни сходствуютъ, однако же довольно и различаются и 1) тѣмъ, что монахи между первыми своими правилами поставляли совершенное удаленіе отъ міра и по внѣшности; почему и жили или одни въ особыхъ келліяхъ или, если въ обществѣ, то въ удаленіи отъ городовъ—въ горахъ и пустыняхъ: между тѣмъ какъ аскеты жили въ городахъ также какъ и прочіе и ничѣмъ отъ другихъ не отличались, кромѣ только ревностнѣйшаго стремленія къ достиженію высшихъ добродѣтелей христіанства; 2) тѣмъ, что монахи, по первоначальному установленію, должны были быть міряне, поелику съ ихъ уединеніемъ не могли быть совмѣщаемы обязанности священства, привязаннаго своимъ званіемъ къ міру: жизнь аскетическая такого

неудобства въ себѣ не заключала, потому была путемъ къ совершенству для всѣхъ званій и состояній въ церкви; 3) монахи держались въ своихъ упражненіяхъ извѣстныхъ правилъ или устава своего основателя: у аскетовъ всѣ правила дѣятельности опредѣляли собственная ревность и разсужденіе.—Евсевій впрочемъ находитъ еще во времена апостоловъ цѣлое общество уединившихся и общимъ правиламъ слѣдовавшихъ аскетовъ въ Египтѣ, въ Александріи. Сказавъ о евангелистѣ Маркѣ, что онъ проповѣдывалъ въ Египтѣ и въ самой Александріи основалъ церковь онъ присовокупляетъ: „толикое множество увѣровавшихъ тогда мужей и женъ съ самаго начала пребывало въ строгомъ любомудрственномъ подвижничествѣ, такъ что и Филонъ нашелъ достойными описать ихъ упражненія, собранія, пиршества и весь образъ жизни въ своей книгѣ: περὶ βίου θεωρητικοῦ ἢ ἱκετῶν ἀρετῶν)... Онъ называетъ оныхъ подвижниковъ терапевтами, а женъ—терапевтрами; наименованіе сіе производилъ или отъ того, что они какъ врачи, очищая души приходящихъ къ нимъ отъ страстей злыхъ, ихъ нѣкоторымъ образомъ цѣлили и врачевали (θεραπεύειν) или отъ чистаго и искренняго ихъ служенія (θεραπεία) Божеству. Самъ ли Филонъ отъ себя далъ имъ такое наименованіе, соображая оное съ ихъ образомъ жизни, или въ самомъ дѣлѣ такъ называли ихъ еще прежде ихъ начальники (οἱ πρῶτοι), когда имя христіанъ еще не вездѣ было извѣстно, — объ этомъ нѣтъ нужды спорить. Далѣе Евсевій по порядку извлекаетъ содержаніе этой книги и показываетъ между всѣми упражненіями сихъ подвижниковъ ближайшее сходство съ древними и своего времени обычаями церкви. Ихъ отреченіе имѣній и общежительство внѣ города на уединенныхъ лугахъ или въ садахъ — онъ приписываетъ ревности вѣры

того времени и находитъ подобное въ первоначальномъ обществѣ церкви Іерусалимской. Сего рода подвижники были разсѣяны въ различныхъ странахъ вселенной, хотя главное мѣстопребываніе ихъ было въ Египтѣ: что повидимому также приличествуетъ христіанству.—Въ каждомъ домѣ у нихъ была особая священная компанія Μοναστήριον, гдѣ въ уединеніи совершали они тайны святаго житія, ничего не внося сюда—ни пищи, ни питія, ни всего нужнаго для тѣла, но только законъ, пророковъ, духовныя пѣсни (ὕμνους) и прочее подобное, чѣмъ умножается и совершенствуется вѣдѣніе и благочестіе. Все время дня отъ утра до вечера посвящали упражненію (ἄσκησις), чтенію св. книгъ и (любомудрому) иносказательному изъясненію древняго любомудрія, изыскивая во всѣхъ словахъ оныхъ смыслъ сокровенный. Евсевій при этомъ замѣчаетъ, что такъ говорить можетъ развѣ тотъ, кто слышалъ изъясненія нашего св. писанія; что древнія оныя сочиненія суть ничто иное, какъ евангелія и писанія апостоловъ; что подъ иносказательнымъ изъясненіемъ должно разумѣть истолкованіе древнихъ пророковъ, каковаго опыты находимъ въ посланіи къ евреямъ и въ другихъ посланіяхъ Павловыхъ. Но не только они занимались созерцаніемъ, но и слагали пѣсни (ᾄσματα) и гимны (ὕμνους) во славу Бога. Положивъ въ своемъ сердцѣ основаніе воздержанія (ἐγκράτεια), на немъ назидали и прочія добродѣтели: пищи и питія прежде захожденія солнца не принимали, почитая одно свое упражненіе въ любомудріи достойнымъ занятіемъ дня—времени свѣта, а нуждамъ тѣлеснымъ предоставляя только ночь—время мрака. Нѣкоторые изъ нихъ черезъ три дня постились; другіе едва въ шестой день нужной пищи пріобщались.—Евсевій замѣчаетъ: это ясно и безъ всякаго сомнѣнія говоритъ Филонъ о

первыхъ мужахъ нашей вѣры,—и далѣе пишетъ: около празднества страстей Господнихъ всѣ они въ особенности проводили время въ постахъ, бдѣніи и чтеніи св. книгъ: и все сіе въ такомъ же видѣ, какъ соблюдается у насъ, описываетъ и Филонъ; онъ упоминаетъ о бдѣніяхъ великаго праздника, о благочестивыхъ упражненіяхъ съ ними соединенныхъ, о пѣсняхъ у насъ обычныхъ и о томъ, какъ въ слѣдъ за однимъ мѣрно, скромно начинающимъ псаломъ, прочіе сперва внимавшіе только ему съ молчаніемъ, начинаютъ также пѣть и окончанія пѣсней поютъ вмѣстѣ; какъ въ оные показанные дни отъ вина вовсе воздерживаются и мяса совсѣмъ не вкушаютъ, а только одну воду употребляютъ въ питіе и ничего къ хлѣбу кромѣ соли. За симъ описываетъ степени предстоятелей т. е. исправляющихъ у насъ церковныя службы,—потомъ діаконовъ и наконецъ епископства, какъ надъ всѣми высочайшаго предстоятельства;—все сіе, заключаетъ Евсевій, не позволяетъ сомнѣваться, чтобы Филонъ имѣлъ при семъ въ виду что либо другое кромѣ первыхъ проповѣдниковъ апостольскаго ученія и преданныхъ ими правилъ (Евс. Цер. Ис. кн. II, глав. XVI, XVII.). Съ Евсевіемъ согласно утверждаютъ Іеронимъ и Епифаній. Первый конечно заимствовалъ это мнѣніе изъ указаннаго мѣста Евсевія (поелику вообще исторію церковныхъ писателей, въ которой объ этомъ сочиненіи Филона говорится, онъ почерпалъ изъ исторіи Евсевіевой) впрочемъ, вѣроятно, не безъ критики. Епифаній же самъ безъ указанія Евсевіева приведенъ былъ къ той же мысли объ этихъ Александрійскихъ или, лучше, Мареотскихъ (отъ озера Мареота, близъ ихъ находящагося) аскетахъ: что видно изъ особаго наименованія, которое имъ усвояетъ, именно іессеевъ, предполагая въ Филоновомъ наименованіи θерапевтовъ только пере-

водъ сего и производя имя Іессеевъ отъ имени Іисусъ, подобно тому, какъ другіе вѣрующіе назывались отъ имени Христа.

Противъ сихъ свидѣтельствъ представляютъ: 1), что Филонъ даетъ своему обществу терапевтовъ названіе древнихъ основателей (παλαιοὶ ἀρχηγέται) и симъ основателямъ приписываетъ многія памятники аллегорическаго ученія (τῆς ἐν τοῖς ἀλληγορουμένοις ἰδέας); 2) что эти терапевты по его же свидѣтельству производили при богослуженіи различныя движенія рукъ и пляски (ἐπιχειρονομεῖν καὶ ἐπορχεῖσθαι); 3) что было наблюдаемо такое различіе въ пищѣ, которое, какъ кажется, вошло въ церковь гораздо позднѣе. Но и на сіи возраженія отчасти можно отвѣчать: 1) подъ именемъ древнихъ основателей общества терапевтовъ и самъ Евсевій разумѣлъ и другимъ указалъ разумѣть апостоловъ, когда въ началѣ своего разсужденія о семъ предметѣ замѣтилъ, что Филонъ писалъ эту свою книгу долго спустя (εἰς ὕστερον καὶ μετὰ χρόνου) послѣ того, какъ былъ въ Римѣ и познакомился съ ап. Петромъ; слѣд. довольно должно пройти времени отъ перваго учрежденія сего общества св. Маркомъ до того, когда писалъ эту книгу Филонъ; и потому при недостаточности точныхъ свѣдѣній о началѣ онаго, смотря на строгій сего общества порядокъ, какой въ обыкновенныхъ учрежденіяхъ человѣческихъ вводится нескоро, не вдругъ, но многими годами, можно было ему назвать и основателей общества древними и счесть книги, которыми они пользовались, также древними (если не разумѣть здѣсь нѣкоторыя изъясненія св. Писанія въ аллегорическомъ духѣ, существовавшія у іудеевъ еще до апостоловъ); 2) изъ различныхъ тѣлодвиженій, употребляемыхъ терапевтами при богослуженіи можно заключать только то, что они еще не совсѣмъ оста-

вили свои прежнія іудейскія обряды и узаконенія старцевъ; 3) касательно древности различенія пищи въ постахъ мы имѣетъ другія древнія свидѣтельства: такъ между постановленіями апостольскими есть правило (кн. V, гл. 18) слѣдующаго содержанія: поститесь (шесть дней предъ пасхою) и не употребляйте въ пищу ничего кромѣ хлѣба, соли и растеній, а въ питіе кромѣ воды. (Νηστεύετε μόνῳ χρώμενοι ἄρτῳ καὶ ἁλὶ λαχάνοις, καὶ ποτῷ ὕδατι). Что это постановленіе довольно древнее, видно изъ того, что у самого Епифанія именуется διάταξις τῶν ἀποστόλων (LXXV. n. 5). Тертулліанъ о постахъ христіанъ своего времени пишетъ, что они состояли simplici pabulo pu-roque aquae potu (De patient. Cap. XIII). Pane et aqua victi abant (De Jeiun. c. 13). Вотъ то сухоядѣніе, столько похваляемое у древнѣйшихъ писателей церкви! Писатель, подъ именемъ Ермы, вводитъ своего пастыря говорящимъ: illo die, quo ieiunabis, nihil ommino gustabis praeter panem et aquam (Herm. past. lib. III. 1. 5.).

Почитаютъ наконецъ сихъ аскетовъ терапевтовъ другою половиною Ессеевъ, умозрительною: но это мнѣніе основывается на невыразумѣніи словъ Филона. Начиная книгу о терапевтахъ, онъ говоритъ такъ: Εσσαίων περὶ διαλεχθείς, οἳ τον πρακτικὸν ἐζήλωσαν καὶ διεπόνησαν βίον ἐν ἅπασιν, ἢ τὸ γοῦν εὐφορητότερον εἰπεῖν τοῖς πλειστοῖς μέρεσι, διενεγκόντες· αὐτίκα καὶ περὶ τῶν θεωρίαν ἀσπασαμένων ἀκολουθία τῆς πραγματείας ἑπόμενος, τὰ προσηκοντα λέξω. Postquam de Essaeis disseruimus, qui vitam activam exercent omnibus, aut quod minus invidiosum dictu est plerique felicius: ordo postúlat, ut deinceps de iis qui contemplationi dediti sunt, dicamus ea quae dicenda sunt.—Но о Ессеяхъ ли онъ хочетъ говорить именно такъ, какъ и выше, отсюда не видно. Въ продолженіе сочиненія однажды наз-

ванные терапевтами нигдѣ Ессеями не называются, тогда какъ сему наименованію какъ общему тѣмъ и другимъ дѣятельными и умозрительными здѣсь было бы не неприлично встрѣчаться.

Къ предположенному нами порядку теперь слѣдуетъ приложить замѣчанія о жизни людей наипаче славныхъ по своему внутреннему совершенству: подъ этимъ разумѣемъ вопервыхъ апостоловъ, а потомъ мужей апостольскихъ. Но исторія первыхъ, сколько о комъ есть оной памятниковъ въ неподлежащей касательно своей достовѣрности никакому сомнѣнію книгѣ Дѣяній апостольскихъ, уже изложена нами по частямъ—при обозрѣніи съ различныхъ сторонъ исторіи церкви, коей они были первыми видимыми движителями: и именно всѣхъ болѣе—исторія ап. Павла, за симъ—Петра, отчасти Іоанна и двухъ Іакововъ. Намъ хотѣлось бы видѣть слѣды и прочихъ событій жизни сихъ апостоловъ, ибо имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія весьма кратки; хотѣлось бы знать хотя что нибудь положительное и о другихъ: но достовѣрныхъ на сіе памятниковъ весьма мало.

Полнѣйшія предъ прочими свѣдѣнія могла бы представить historia certaminis apostolici Авидія Вавилонскаго, который выдаетъ себя за современника апостоловъ и ученика Іисуса Христа, но сей ученикъ Іисуса Христа въ своемъ сочиненіи часто ссылается на Егезиппа, который жилъ во II вѣкѣ и Юлія Африканскаго, который жилъ въ III вѣкѣ. О немъ ни у Евсевія, ни у Іеронима въ каталогѣ церковныхъ писателей не упоминается. Въ сочиненіи его столько басней касательно Іисуса Христа и апостоловъ, что никакъ нельзя приписать оное ученику Христа. Такъ напр. упоминается о 75 храмахъ въ одной провинціи во времена Апостоловъ (?!). Такого же рода суть: жизнь св. Іоанна, сочиненіе приписываемое Прохору;

двѣ книги о страданіяхъ св. Петра и Павла подъ именемъ Лина. Въ первомъ напр. разсказывается, что ап. Іоаннъ, когда выпалъ ему жребій апостольства въ Азіи, палъ въ ноги прочимъ апостоламъ, чтобы его туда не посылали; что когда онъ вышелъ невредимъ изъ кипящаго масла, то вѣрующіе поставили церковь во имя его. Во второмъ — говорится, что Петръ умерщвленъ былъ противъ воли Нерона; что часть правительства римскаго состояла изъ христіанъ, и указывается на переписку Павла съ Сенекою. Сомнительнымъ почитается у критиковъ и актъ страданія св. Андрея, писанный пресвитерами Ахаіи: сочиненіе здраво само въ себѣ и важно по своему содержанію, только его стали указывать съ конца VIII вѣка (См. Historia ecclesiastica Natalis Alexandri T. III, p. 46. 6.). Для нашей церкви этотъ памятникъ особенно замѣчателенъ по содержащемуся въ немъ ученію о Духѣ Святомъ, сообразному съ ученіемъ церкви Греческой: a Patre procedere, et in Filio permanere.

Кромѣ этого есть частныя отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ событіяхъ жизни апостоловъ изъ древнихъ у Иринея, Климента Алекс., Евсевія, Іеронима, Амвросія, Августина. Позднѣйшіе писатели исторіи церкви представляютъ сихъ подробностей и болѣе, но не представляютъ подтвержденій на свои сказанія. Таковъ Никифоръ, XIV вѣка историкъ.

Очистивъ такимъ образомъ неточности частныхъ жизнеописаній апостоловъ, соберемъ, сколько можемъ, разсѣянныя черты оныхъ въ неподлежащихъ сомнѣнію писаніяхъ. Егезиппъ (de Ex. Iudaico L. III, c. 2) и Амвросій (orat. in Auxent.) пишутъ, что Петръ возбудилъ противъ себя Нерона побѣдою надъ Симономъ волхвомъ въ воскрешеніи мертваго и въ разрушеніи покушенія Симона взлетѣть вверхъ; что во время

опасности, по убѣжденію вѣрныхъ, выходя изъ Рима, увидѣлъ идущаго въ Римъ Господа, который и сказалъ ему, что идетъ на второе распятіе; понявъ смыслъ сихъ словъ онъ и возвратился. Апостолъ Петръ распятъ былъ въ извращенномъ положеніи потому, что недостойнымъ себя почиталъ умереть точно смертію Господа.

Актъ страданія св. Андрея содержитъ въ себѣ преніе его съ Егеемъ, своимъ мучителемъ, о смерти, пребываніи въ жизни и снѣденіи на таинственной трапезѣ Іисуса Христа, его мученіи, и прикрѣпленіе вервіемъ ко кресту, двухдневное поученіе со креста, обращеніе мучителя и желаніе снять со креста апостола, но обрѣтеніе святаго уже мертвымъ. (Подробнѣе можно читать въ Четьихъ Минеяхъ подъ 30 числомъ ноября).

Въ дополненіе историческихъ свѣдѣній, какія имѣемъ изъ Дѣяній апостольскихъ объ Іоаннѣ Богословѣ, достойны войти во 1) сказаніе Иринея, который говоритъ, что когда апостолъ встрѣтился въ одной банѣ съ Керинѳомъ еретикомъ, то не только самъ бѣжалъ, но и другимъ совѣтывалъ, чтобы не погибнуть со врагомъ Божіимъ (L. III, 3; 2). Сказаніе Евсевія, который изъ Климента Алекс. приводитъ слѣдующую исторію: послѣ смерти Тиранна, оставивъ Патмосъ, возвратился Іоаннъ въ Ефесъ; на пути онъ былъ въ одномъ городѣ, недалеко отъ Ефеса отстоящемъ, гдѣ, занимаясь утвержденіемъ братій, поручилъ тамошнему епископу юношу, крѣпкаго тѣломъ, прекраснаго лицемъ, пламеннаго духомъ, сказавъ: „я ввѣряю его всему твоему попеченію предъ Христомъ и церковію“. Старецъ взялъ юношу, воспиталъ въ христіанствѣ и просвѣтилъ крещеніемъ. Но прежніе его товарищи опять его развратили; онъ сталъ начальникомъ шайки разбойниковъ. Случилось Іоанну опять быть въ этомъ городѣ: исправивъ свои

дѣла, онъ приступилъ къ епископу и сказалъ: отдай же мнѣ сокровище, которое я тебѣ предъ Христомъ и церковію поручилъ. Епископъ сперва изумился, думая, что апостолъ требуетъ съ него денегъ, которыхъ ему не ввѣрялъ. Но когда Іоаннъ сказалъ: я требую юноши и души брата,—то старецъ, склонивъ взоръ, возрыдалъ и сквозь слезы сказалъ: онъ умеръ. Какъ? спросилъ его Іоаннъ, какою смертію? Онъ умеръ Богу, отвѣчалъ епископъ: ибо сталъ разбойникомъ и теперь съ своею шайкою занимаетъ близъ лежащую гору. Апостолъ, разорвавъ на себѣ одежду и съ великимъ плачемъ ударяя себя въ голову, говорилъ: добраго же я стража нашелъ о душѣ брата!... Потомъ сказалъ: дайте мнѣ лошадь и проводника, и немедленно отправился къ показанному мѣсту. Здѣсь караульные шайки его схватываютъ: но онъ ни бѣжалъ, ни противился, но только кричалъ: я за тѣмъ и пришелъ; ведите меня къ вашему начальнику, который между тѣмъ стоялъ въ вооруженіи и ждалъ къ себѣ плѣнника; но едва узналъ въ немъ Іоанна, отъ стыда бросился бѣжать. Старецъ преслѣдуетъ бѣгущаго, забывъ свои лѣта и крича: сынъ мой, что ты бѣжишь отъ отца, бѣднаго старика? Сжалься надо мною, сынъ любезный; не бойся; еще есть надежда спасенія; я за тебя дамъ отвѣтъ Христу; понесу и самую смерть, если будетъ то нужно, какъ и Христосъ за насъ. Душу мою отдамъ за тебя; повѣрь мнѣ: Христосъ меня послалъ къ тебѣ! Услышавъ это, онъ сперва остановился, но потупивъ взоры; потомъ бросилъ оружіе, вдругъ возтрепеталъ и горько заплакалъ. Апостолъ привелъ его въ церковь, долго за него молился и постился, долго наставлялъ его различными поученіями и не оставилъ дотолѣ, пока совсѣмъ возвратилъ церкви. 3) Сказаніе Іеронима, что онъ въ старости, когда входилъ въ

собраніе вѣрующихъ, всегда говорилъ: чадца, любите другъ друга, и когда братія, наскучивъ сими повтореніями, спрашивали его: для чего онъ все одно и тоже говоритъ? Онъ отвѣчалъ: для того, что это заповѣдь Господня; и если бы она была только одна, то этой было бы намъ достаточно. (Lib. III, in Gal. Cap. 6).

Этимъ должно и заключить указаніе историческихъ подробностей касательно жизни апостоловъ, потому что болѣе этого ничего не находимъ у древнихъ писателей, кромѣ однихъ случайныхъ замѣчаній о мѣстѣ проповѣди или образѣ кончины апостоловъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить и объ исторіи ближайшихъ сотрудниковъ апостоловъ—Луки, Марка, Варнавы, Тимоѳея. Писаніе свидѣтельствуетъ о ихъ ревности; преданіе присовокупляетъ нѣкоторыя замѣчанія о ихъ кончинѣ, и только.

Промыслъ, кажется, для того сокрылъ всю славу жизни и дѣяній апостоловъ, чтобы дѣло распространенія христіанства тѣмъ казалось божественнѣе.

Изъ мужей апостольскихъ процвѣтали славою совершенства христіанскаго св. Климентъ, еп. Римскій, св. Игнатій, еп. Антіохійскій, св. Поликарпъ, еп. Смирнскій, Симонъ, еп. Іерусалимскій. Сихъ не столько извѣстна жизнь, сколько кончина, а кончина развѣ только перваго можетъ быть отнесена къ первому вѣку христіанства. При началѣ гоненія Траянова онъ изгнанъ изъ Рима и сосланъ въ заточеніе въ Херсонъ, гдѣ и скончался, имѣвъ еще отъ ап. Павла сладостное увѣреніе, что имя его написано въ книгѣ животной (Фил. 4, 3.).

Наконецъ слѣдуетъ сказать и о недостаткахъ, и порокахъ, извѣстныхъ въ церкви во времена апостоловъ.—Что церковь и во времена апостоловъ не совсѣмъ была чиста отъ скверны міра, довольно при-

вести одно мѣсто изъ 2 посланія къ церкви Коринѳской (12, 20. 21.): Я опасаюсь, чтобы мнѣ по пришествіи моемъ не найти васъ такими, какими не желаю; также чтобъ и вамъ не увидѣть меня инаковымъ, нежели какимъ хотите; чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоры, клеветы, ябедъ, гордости, безпорядковъ. Чтобы опять, когда приду, не опечалилъ у васъ меня Богъ мой и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые предъ симъ согрѣшили и не покаялись въ нечистотѣ, блудодѣяніи и непотребствѣ, какое дѣлали.—Непрестанно обращаясь среди нечестивыхъ и развращенныхъ язычниковъ, христіане и особенно еще не утвердившіеся въ правилахъ своей вѣры, удобно могли заражаться ихъ пороками, въ которыхъ прежде сами ходили и къ которымъ привыкли. (Для предостереженія отъ сихъ опасностей для нравовъ, какъ кажется и написалъ свое посланіе ап. Іаковъ, повелѣвая блюстись гордости (Іак. 1, 9—11) и похотей (12—16.)—Замѣчаютъ вообще, что, особенно около времени смерти Нерона, чистота нравовъ церкви начала упадать отъ умноженія лжебратіи, и церковь ослабѣвать въ прежней своей ревности; въ такомъ состояніи находятъ ее чрезъ все время правленія Веспасіана, Тита и Домиціана; но при Нервѣ, Траянѣ, Адріанѣ и Антонинахъ она снова является въ прежней славѣ чистоты и ревности. Подтвержденіе находимъ въ словахъ Лактанція Lib. d. mortibus persecutorum: rescissis igitur Actis Tyranni (Domitiani) non modo in statum pristinum Ecclesia restituta est, sed etiam multo clarius et floridius enituit; secutisque temporibus, quibus multi ac boni Principes Romani imperii clavum regimenque tenuerunt, nullos inimicorum impetus passu, manus suas in orientem occidentemque porrexit, ut jam nullus esset terrarum ungulus

tam remotuo, quo non religio Dei penetrasset, nulla denique natio tam feris moribus vivens ut non susceptо Dei cultu ad institiae opera nutesceret. О состояніи церкви между смертію Нерона и Домиціана Лактанцій ничего не говоритъ, но прямо послѣ изображенія гоненія перваго переходитъ къ послѣднему, не сказавъ о жестокостяхъ сего государя, описываетъ живыми красками цвѣтущее состояніе церкви при послѣдующихъ государяхъ: clarius ac floridius enituit,—значитъ предъ этимъ была не столь славна и чиста. Евсевій, предположивъ въ своей исторіи показать преемниковъ апостольскихъ, приводитъ весьма немногихъ и замѣчаетъ: сколько изъ сихъ преемниковъ и кто именно, какъ истинные подражатели апостоловъ, признаны были отъ нихъ достойными пасти основанныя ими церкви, не легко сказать, исключая развѣ тѣхъ, о которыхъ прямо упоминается въ посланіяхъ Павла. Всѣ сказанія его, относящіяся къ сему времени собираются не изъ подлинныхъ сихъ временъ произведеній, но изъ писателей втораго и третьяго вѣка и притомъ часто съ присовокупленіемъ λόγος κατέχει; παλαιὸς κατέχει λόγος. На это, какъ кажется, время падаетъ упрекъ ангелу церкви Ефесской, подъ которою какъ первою изъ седми таинственныхъ церквей разумѣютъ первый періодъ существованія цѣлой церкви: *яко любовь твою первую оставилъ еси. Помяни убо, откуду спалъ еси, и покайся, и первая дѣла сотвори* (Апок. 2, 4. 5.). Сюда, какъ кажется, относятся ближайшимъ образомъ пророчественныя указанія Іисуса Христа въ наставительной бесѣдѣ къ апостоламъ о ихъ служеніи (Мѳ. 10, 21. 22.) и въ послѣднемъ грозномъ пророчествѣ о Іерусалимѣ (24, 10. 11—14), и ап. Павла (Дѣян. 20, 29. 30). (1 Тим. 4, 1. 2. 3.), ап. Петра во 2 посланіи и Іуды. Изъ всѣхъ этихъ указаній видно, что

церкви угрожали близкіе враги не только вѣры, но и нравовъ. Ибо какъ всякое ученіе, уклоняющееся отъ правоты ученія христіанскаго, вносило свои заблужденія и касательно дѣятельности христіанъ, такъ были и въ особенности такіе учители нечестія, которые прямо дѣйствовали къ развращенію нравовъ.— На основаніи свободы христіанской они а) слѣдовали плоти и ея сквернымъ похотямъ и б) презирали начальства, будучи дерзко своемысленны и не страшились злословить высшихъ (2, 10.).

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

ОТДѢЛУ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Евангельская исторія.

стр.

Положеніе іудейскаго царства предъ рожденіемъ Христа Спасителя 1
Ожиданія Мессіи 2
Семейственное, политическое и нравственное состояніе потомковъ Давида 4
Явленіе архангела Гавріила св. Захаріи 11
Благовѣщеніе Пресв. Дѣвѣ Маріи 14
Свиданіе Пресв. Дѣвы съ св. Елисаветою 20
Возвращеніе Пр. Дѣвы изъ дома Захаріи 23
Рожденіе св. Іоанна Предтечи 26
Народная перепись во времена Августа 28
Рожденіе Іисуса Христа 37
Поклоненіе пастырей 40
Обрѣзаніе Господне 42
Срѣтеніе Господа 44
Поклоненіе волхвовъ 50
Бѣгство въ Египетъ и избіеніе виѳлеемскихъ младенцевъ . 57
Возвращеніе І. Христа изъ Египта и жизнь въ Назаретѣ . 61
Разсмотрѣніе вопроса о времени рожденія І. Христа . . 64
Іоаннъ Предтеча, его образъ жизни и нравственный характеръ 70
Перемѣны происшедшія въ положеніи іудейской страны въ продолженіи 30 лѣтъ частной жизни І. Христа . . 71
Проповѣдь и дѣятельность Іоанна Предтечи 75
Крещеніе І. Христа 84
Искушеніе Его отъ діавола 89
Призваніе Андрея, Іоанна и другихъ къ апостольскому служенію 100

Стр.
Первая Пасха во время общественнаго служенія Іисуса Христа. Значеніе Іерусалима 102
Путешествіе І. Христа во Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. 103
Изгнаніе изъ храма торжниковъ; ученіе и дѣла І. Христа въ Іерусалимѣ 104
Бесѣда съ Никодимомъ 109
Дѣятельность Спасителя въ Іудеѣ 114
Заключеніе Іоанна Предтечи въ темницу 116
Удаленіе І. Христа въ Галилею 118
Бесѣда Его съ Самарянкою ..... —
Нѣсколько замѣчаній о тогдашнемъ состояніи Галилеи . 123
Проповѣдь и дѣятельность Спасителя въ Галилеѣ: исцѣленіе сына царедворцева, проповѣдь въ Назаретѣ, при морѣ Галилейскомъ, чудесный ловъ рыбы. 126
Проповѣдь и дѣятельность Спасителя въ Капернаумѣ.. 134
Исцѣленіе разслабленнаго и бесѣда съ фарисеями по этому поводу 140
Призваніе Матеея къ апостольскому служенію и бесѣды съ фарисеями 142
Путешествіе І. Христа въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. 145
Исцѣленіе разслабленнаго при Овчей купели; бесѣда І. Христа съ фарисеями 146
Избраніе двѣнадцати апостоловъ 155
Нагорная проповѣдь 157
Исцѣленіе слуги римскаго сотника 161
Воскрешеніе сына вдовы наинской 162
Вопросъ учениковъ Іоанна Предтечи 163
Іисусъ Христосъ въ домѣ Симона фарисея 169
Исцѣленіе бѣсноватаго, слѣпаго и нѣмаго и обличеніе хулы фарисеевъ на Духа Святаго 172
Ученіе І. Христа въ притчахъ 179
Путешествіе Его въ предѣлы Гадаринскіе 184
Исцѣленіе бѣсноватыхъ 186
Исцѣленіе кровоточивой и воскрешеніе дочери Іаира . 189
Отправленіе апостоловъ на проповѣдь 191
Насыщеніе пяти тысячъ народа пятью хлѣбами 193
Хожденіе І. Христа по волнамъ моря ..... —
Бесѣда Его объ истинномъ хлѣбѣ жизни 194
Бесѣда Его съ фарисеями о преданіяхъ старцевъ 201
Исцѣленіе дочери хананеянки 205
Исцѣленіе глухаго косноязычнаго 206

Стр.
Насыщеніе четырехъ тысячъ народа семью хлѣбами... 207
Обзоръ проповѣди и дѣятельности Спасителя въ Галилеѣ. 208
Исповѣданіе апостоловъ о І. Христѣ 210
І. Христосъ открываетъ своимъ ученикамъ о своихъ страданіяхъ и смерти 212
Преображеніе Господне 215
Исцѣленіе бѣсноватаго 218
Бесѣда Спасителя съ учениками по поводу ихъ спора о первенствѣ..... 220
Ученіе Его о необходимости хранить себя отъ соблазновъ. 223
Послѣднее путешествіе Господа въ Іерусалимъ изъ Галилеи 226
Отправленіе 70 учениковъ на проповѣдь 227
Бесѣда Спасителя съ законникомъ..... 228
Обличительныя рѣчи Спасителя противъ фарисеевъ.... 229
Бесѣды Его съ учениками и народомъ..... 231
Исцѣленіе десяти прокаженныхъ..... 240
Ученіе Спасителя о своемъ пришествіи на судъ ..... —
Ученіе Спасителя о разводѣ 241
Бесѣда Его съ богатымъ юношею..... 242
Посѣщеніе Спасителемъ храма Іерусалимскаго во время праздника кущей..... 244
Исцѣленіе слѣпорожденнаго 257
Бесѣда І. Христа объ истинномъ пастырѣ..... 261
Бесѣда Его съ іудеями во храмѣ въ праздникъ обновленія храма..... 264
Воскрешеніе Лазаря 267
Послѣдствія сего чуда 272
Бесѣда І. Христа съ учениками предъ послѣднимъ вступленіемъ во Іерусалимъ 276
Исцѣленіе слѣпаго Вартимея 279
Обращеніе Закхея..... —
Событія въ Виѳаніи предъ входомъ Господнимъ во Іерусалимъ 281
Входъ Господень во Іерусалимъ..... 283
Проклятіе смоковницы 286
Притчи Господа, сказанныя въ обличеніе фарисеевъ и народа 289
Отвѣты на вопросы фарисеевъ и саддукеевъ..... 292
Обличительная рѣчь Господа противъ фарисеевъ и священниковъ храма 296

Стр.
Бесѣда Его съ учениками о разрушеніи Іерусалима и пришествіи Своемъ на судъ ... 297
Желаніе Еллиновъ видѣть І. Христа и молитва Его къ Богу Отцу ... 300
Разсмотрѣніе вопроса о побужденіи Іуды предать своего Учителя Іудеямъ ... 302
Преданіе Господа Іудою ... 306
Тайная вечеря ... 307
Установленіе таинства Евхаристіи ... 311
Прощальная бесѣда Господа съ учениками ... 312
Іисусъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ ... 325
Іисусъ предъ Анною, потомъ предъ Каіаѳою и Синедріономъ ... 327
Іисусъ предъ Пилатомъ ... 329
Іисусъ у Ирода ... 332
Іисусъ опять у Пилата ... —
Осужденіе Іисуса на распятіе ... 334
Іисусъ на крестѣ ... 336
Смерть Спасителя ... 337
Первый вечеръ послѣ погребенія Іисуса Христа ... 338
Сошествіе Господа во адъ ... 344
Воскресеніе Іисуса Христа ... 349
Явленіе Воскресшаго Маріи Магдалинѣ ... 355
— ап. Петру и двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ ... 357
Явленіе Его всѣмъ ученикамъ вмѣстѣ ... 359
— Іакову и Ѳомѣ ... 360
— на озерѣ Геннисаретскомъ ... 361
— полному собранію апостоловъ въ Галилеѣ ... 364
Вознесеніе Господа на небо ... 366

Исторія церкви Апостольской.

Апостолы отъ вознесенія Господа на небо до сошествія на нихъ Духа Св. ... 369
Сошествіе Св. Духа ... 371
Проповѣдь Апостола Петра ... 372
— и чудеса апостоловъ ... 373
Исцѣленіе хромаго ... —
Гоненіе на апостоловъ ... 375
Умерщвленіе св. Стефана ... 376

Стр.
Распространеніе христіанства въ Самаріи, Іудеѣ, Галилеѣ и другихъ мѣстахъ ... 377
Разсмотрѣніе вопроса о дарѣ языковъ ... 378
Призваніе Павла въ апостола язычниковъ ... 384
Антіохійская церковь ... 400
Распространеніе христіанства изъ Антіохіи ... 405
Споръ между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ ... 410
Второе путешествіе апослола Павла ... 420
Отправленіе апостола Павла въ Антіохію и новое путешествіе для проповѣди между народами языческими . 449
Послѣднее путешествіе апостола Павла въ Іерусалимъ; ближайшія послѣдствія этого путешествія; заключеніе Павла въ Палестинѣ ... 499
Первое заключеніе Павла въ Римѣ и заботы его о церквахъ, имъ основанныхъ ... 510
Дѣйствія Павла послѣ освобожденія изъ перваго римскаго заключенія до мученической кончины ... 519
Дѣятельность прочихъ апостоловъ ... 531
Апостолъ Іаковъ, братъ Господень ... 532
Апостолъ Іуда ... 537
Апостолъ Петръ ... 538
Апостолъ Іоаннъ Богословъ ... 542

Состояніе ученія въ церкви апостольской.

Состояніе ученія въ церкви апостольской вообще ... 550
Памятники ученія въ церкви апостольской ... 553
Изложеніе апостольскаго ученія ... 586
Обзоръ преподаванія онаго въ церкви апостольской ... 589
а) образъ преподаванія онаго невѣрующимъ Іудеямъ и язычникамъ ... —
б) образъ преподаванія онаго вѣрующимъ сынамъ церкви ... 597
в) искорененіе апостолами возникавшихъ въ церкви вредныхъ и ложныхъ ученій ... 600
Внѣшнее устроеніе церкви во времена апостоловъ ... 612
Внѣшнее устроеніе церкви апостольской въ отношеніи іерархическомъ ... 623
Нравы церкви апостольской ... 655

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя въ евангельской и апостольской исторіи.

Стр.	Строка.	напечатано:	слѣдуетъ читать:
11	11 сверху	въ двойнѣ	вдвойнѣ
16	14 „	затѣтѣ.	завѣтѣ.
36	9 снизу	съ такомъ	въ такомъ
—	10 „	Аптипатру	Антипатру
48	8 сверху	паконецъ	наконецъ
51	12 снизу	а ровно	а равно
62	15 „	трицатомъ	тридцатомъ
103	17 „	іерусалискій	іерусалимскій
148	3 сверху	дуемаете	думаете
176	4 „	фарисееевъ	фарисеевъ
207	19 „	совершеннымъ	совершенныхъ
225	11 снизу	причти	притчи
236	12 „	причтѣ	притчѣ
326	8 сверху	внутренномъ	внутреннемъ
367	5 „	Елисеемъ	Елиссеемъ
—	14 „	Елисея	Елиссея
535	10 снизу	еевіопскія	евіонитскія
536	10—11 сверху	а котораго	и котораго
566	8 снизу	Варихіина	Варахіина
629	13 сверху	Отъ сего то	Отъ сего-то
632	5 снизу	Петровыми	Петровыми,
635	1 сверху	*еже сице*	*еже аще*
677	7 „	компанія	комната
680	3 „	имѣетъ	имѣемъ

